

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

VII

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

шр. 59

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Т о м VII

*3110/53. Каб. учт. славян
шр. 70*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1953

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

СТАТЬИ

С. И. Прасолов

ЧЕХОСЛОВАКИЯ В ПЕРИОД УГРОЗЫ ФАШИЗМА И ГИТЛЕРОВСКОЙ АГРЕССИИ

(1933 — 1937 гг.)

Внутренние и внешние события начала 1933 г. открыли новый период в истории народов Чехословакии. В это время наступил перелом в экономической жизни страны в связи с окончанием экономического кризиса и началом депрессии особого рода.

Почти одновременно резко ухудшилось международное положение Чехословацкой республики. В Германии при широкой поддержке американских и английских империалистов к власти пришли гитлеровцы, шовинистическая программа которых предусматривала ликвидацию самостоятельного чехословацкого государства, порабощение и истребление его славянских народов. Наконец, наметился поворот во внутриполитической жизни страны, связанный с переходом эксплуататорских классов Чехословакии к террористическим методам сохранения своего господства в стране.

В советской историографии в той или иной связи затрагивались отдельные вопросы истории Чехословакии этого периода, но специальных работ не имеется. Историки народно-демократической Чехословакии только начинают разработку истории чешского и словацкого народов на основе марксистско-ленинской методологии. Между тем изучение истории Чехословакии 1933—1937 гг. имеет большое научное и политическое значение; наряду с освещением жизни чешского и словацкого народов в эти годы оно позволяет выяснить и некоторые обстоятельства преступной политики империалистических сил США, Англии, Франции, Германии, приведшие к Мюнхену и второй мировой войне, показать последовательную мирную политику Советского Союза, направленную на поддержание и укрепление мира и безопасности, обеспечение независимости и суверенности больших и малых народов.

В настоящей статье автор, опираясь на марксистско-ленинскую методологию, поставил задачей дать краткий очерк истории чешского и словацкого народов в период возраставшей угрозы фашизма и гитлеровской агрессии, внутреннего и внешнеполитического положения Чехословакии в 1933—1937 гг.

Богатейший материал по истории Чехословакии в 1933—1937 гг. дают законодательные акты чехословацкого государства, статистические ежегод-

ники, советская и чехословацкая периодическая пресса, которые и явились основными источниками данного исследования. Для освещения внешнеполитического положения Чехословакии и отношений Чехословакии с Советским Союзом использованы документы советской внешней политики, документы из архива министерства иностранных дел Германии, изданные Министерством иностранных дел СССР, советская публикация материалов Нюрнбергского процесса.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕХОСЛОВАКИИ В 1933—1937 гг.

Мировой экономической кризис перепроизводства 1929—1933 гг. был порожден неразрешимыми противоречиями, в которых запутался капитализм. «Основа экономических кризисов перепроизводства, их причина,— указывает И. В. Сталин,— лежит в самой системе капиталистического хозяйства. Основа кризиса лежит в противоречии между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения результатов производства. Выражением этого основного противоречия капитализма является противоречие между колоссальным ростом производственных возможностей капитализма, рассчитанным на получение максимума капиталистической прибыли, и относительным сокращением платёжеспособного спроса со стороны миллионных масс трудящихся, жизненный уровень которых капиталисты всё время стараются держать в пределах крайнего минимума»¹.

Разрыв между уровнем производства и уровнем платежеспособного спроса со стороны ограбленных капиталом рабочих и крестьян, представляющих в конечном счете основных потребителей товаров, неизбежно вызывает периодически повторяющиеся в условиях капитализма экономические кризисы. Кризис перепроизводства есть проявление этого противоречия в бурных и разрушительных формах.

В условиях монополистического капитализма, особенно в период общего кризиса мировой капиталистической системы, конфликт между производительными силами и производственными отношениями и производное от этого противоречие между уровнем производства и уровнем платежеспособного спроса резко обостряются, и экономические кризисы перепроизводства приобретают небывалые размеры, вызывают колоссальные опустошения.

И. В. Сталин в своем труде «Экономические проблемы социализма в СССР» показал, что обострение вопиющих противоречий и глубочайшее загнивание капиталистического строя на его империалистической стадии есть результат действия основного экономического закона современного, монополистического капитализма, который определяет все важнейшие явления в области развития капиталистического производства, весь процесс его противоречивого развития, его сущность.

Главными чертами и требованиями основного экономического закона современного капитализма, учит И. В. Сталин, является «обеспечение максимальной капиталистической прибыли путём эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения данной страны, путём закабаления и систематического ограбления народов других стран, особенно отсталых

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 12, стр. 243—244.

стран, наконец, путём войн и милитаризации народного хозяйства, используемых для обеспечения наивысших прибылей»¹.

Кризис нанес сокрушительный удар по станному хребту чехословацкой экономики — промышленному производству. Из 17 доменных печей, имевшихся в стране в 1933 г., действовало только пять. На каждой четвертой шахте работы ограничивались главным образом откачкой воды, грозившей затопить пустовавшие годами штольни и штреки. С минимальной загрузкой работало большинство фабрик и заводов, а шестая часть их вовсе бездействовала. «На 1802 предприятиях ухают совы», — образно охарактеризовал катастрофическое положение промышленности А. Запотоцкий в одном из своих выступлений в буржуазном парламенте².

Сотни тысяч пролетариев, единственным источником существования которых была продажа собственной рабочей силы, были выброшены предпринимателями за ворота предприятий. Безработные, полубезработные и члены их семей, обреченные на нищету и голод, составляли в годы мирового экономического кризиса треть населения страны. К ним нужно прибавить сотни тысяч мелких крестьян, ремесленников и мелких торговцев, разорившихся за время кризиса.

За счет ограбления трудящихся и средних слоев города и деревни, за счет усиления эксплуатации рабочих путем интенсификации их труда капиталистам удалось несколько облегчить положение промышленности и добиться временного смягчения экономического кризиса. Достигнув в марте 1933 г. точки наибольшего упадка, чехословацкая промышленность начала с большими срывами и колебаниями увеличивать выпуск продукции. Впервые за последние четыре года объем промышленного производства стал возрастать. Это означало, что в Чехословакии годом позже, чем во всем капиталистическом мире, экономический кризис закончился и начался период депрессии, за которой обычно следовала фаза оживления и подъема, когда промышленность поднималась на более высокую, по сравнению с докризисным периодом, ступень.

Однако, ввиду хронической недогрузки предприятий, хронической массовой безработицы, переплетения промышленного кризиса с сельскохозяйственным и других неблагоприятных условий, порожденных общим кризисом капитализма, депрессия в Чехословакии на этот раз не сменилась подъемом.

Еще в начале 1934 г., характеризуя состояние экономики капиталистических государств, И. В. Сталин указывал: «Очевидно, что мы имеем дело с переходом от точки наибольшего упадка промышленности, от точки наибольшей глубины промышленного кризиса — к депрессии, но к депрессии не обычной, а к депрессии особого рода, которая не ведёт к новому подъёму и расцвету промышленности, но и не возвращает её к точке наибольшего упадка»³.

Научное предвидение И. В. Сталина полностью оправдалось. Некоторое оживление промышленности в капиталистическом мире после депрессии особого рода так и не переросло в «процветание». Еще хуже в этом отношении обстояли дела в Чехословакии, о чем свидетельствуют данные таблицы 1.

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 38.

² «Rudé právo», 25/XI. 1934.

³ И. В. Сталин. Соч., т. 13, стр. 290—291.

Таблица 1

Объем промышленной продукции*
(1929 г. = 100)

Страны	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.
Капиталистический мир в целом . . .	71,9	77,7	86,0	96,4	103,7
Чехословакия	60,2	66,5	69,9	80,2	96,3

* «Мировое хозяйство. Ежегодник 1938—1939 гг.» М., 1939, стр. 362.

Чехословацкая промышленность с большим трудом увеличивала объем производства, отставая от уровня, общего для всего капиталистического мира. Это отставание вплоть до 1937 г. увеличивалось с каждым годом (разрыв между уровнем промышленного производства во всем капиталистическом мире и в Чехословакии составлял 11,2% в 1934 г., 16% — в 1935 г. и 16,2% — в 1936 г.).

Экономическое положение капиталистических стран, в том числе Чехословакии, осложнилось еще и тем, что аграрный кризис, который обострил и затянул кризис промышленный, не прекратился и в годы депрессии особого рода, своим действием усугубляя трудности и препятствуя оживлению хозяйственной активности. За годы экономического кризиса в Чехословакии произошло резкое падение посевных площадей под важнейшими зерновыми и техническими культурами, сократились их сборы, упало поголовье скота. По ряду культур (рожь, овес, ячмень и др.) наибольшее падение посевных площадей и валового сбора приходится не на годы экономического кризиса, а именно на годы депрессии особого рода. Из зерновых культур известное исключение составляла пшеница. Некоторый рост ее производства в отдельные годы¹ объясняется спекулятивными махинациями аграрных монополистов, осуществленными в целях получения максимальной капиталистической прибыли с помощью государственного аппарата, путем сокращения импорта и искусственного повышения продажных цен на внутреннем рынке. Аналогичная картина наблюдалась и в области животноводства, где поголовье крупного рогатого скота неуклонно сокращалось до 1937 г., поголовье свиней, поднявшееся было в 1934 г. на 35% по сравнению с 1925 г., в последующие два года уменьшилось больше чем на 20% и т. п. В общем поголовье крупного и мелкого скота (за исключением свиней) было к концу 1937 г. значительно ниже докризисного уровня².

Депрессия особого рода, как и экономический кризис, протекала в Чехословакии значительно тяжелее, чем в большинстве капиталистических стран. Причина заключалась в том, что, помимо внутренних противоречий капитализма, действие которых распространяется на все капиталистические страны, Чехословацкой буржуазной республике были присущи свои собственные непреодолимые трудности. Несоответствие между производственными возможностями капиталистической промышленности и ограниченным, все более сужавшимся внутренним рынком обрекало капиталистическую

¹ Данные о валовом сборе пшеницы (в тыс. центнеров) в Чехословакии таковы: 1929 г.—14 398; 1931 г.—11,222; 1933 г.—19 839; 1934 г.—13 612; 1935 г.—16 900; 1936 г.—15 127; 1937 г.—13 935 (Конъюнктурный бюллетень журнала «Мировое хозяйство и мировая политика», 1938, № 6, стр. 11).

² «Statistiký zpravodaj», роџн. I, стр. 132.

Чехословакию на зависимость от внешних рынков, от капиталистического мирового рынка. Проблема рынков сбыта — наиболее уязвимое место чехословацкого капитализма. Обострение этой проблемы в период общего кризиса капитализма, особенно в результате мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., чрезвычайно чувствительно воспринималось чехословацкой промышленностью, в значительной степени работавшей на экспорт. В период депрессии особого рода внешнеторговые обороты восстанавливались еще более медленно, чем поднималось промышленное производство. В 1937 г., когда промышленность Чехословакии достигла 96,3% уровня 1929 г., объем экспорта составлял едва треть размера экспорта 1929 г.

Во второй половине 1936 г. наступило некоторое оживление и наметился несколько более быстрый подъем промышленного производства. Немалую роль сыграла при этом усиленная работа военной промышленности, получавшей большие заказы как чехословацкого правительства, так и иностранных государств. Будучи одним из крупнейших экспортеров вооружения (третье место в мире), капиталистическая Чехословакия непрерывно увеличивала производство оружия и боеприпасов.

Усиленный рост военного производства не мог устранить крайнее обострение экономических кризисов, характерное для мировой капиталистической системы в период ее общего кризиса. Внутренние экономические силы капитализма, действующие стихийно, вопреки потугам буржуазных политиков, взяли свое: на капиталистические страны, еще не успевшие оправиться от недавнего экономического кризиса, со второй половины 1937 г. надвинулся новый экономический кризис, который обещал быть еще более тяжелым, еще более опустошительным. Вновь с полной силой сказалась пагубная зависимость экономики Чехословакии от капиталистических рынков, от мирового капиталистического хозяйства. Начавшийся в США и распространившийся на остальные капиталистические страны новый кризис перепроизводства давал о себе знать все сильнее и в Чехословакии. Вторая половина 1937 г. отмечена уменьшением валового объема продукции в металлургической, металлообрабатывающей, химической, текстильной, пищевой и других отраслях чехословацкой промышленности¹.

Промышленное производство Чехословакии после 1933 г. достигло наивысшего уровня в 1937 г. Однако и этот «наивысший» уровень составлял лишь 96,3% уровня 1929 г. Дальше чехословацкая экономика не продвинулась. В течение восьми лет промышленность страны топталась на месте, не только не превзойдя уровня докризисного 1929 г., но и не сумев достигнуть его. Впрочем, застой является характернейшей чертой народного хозяйства Чехословацкой буржуазной республики на протяжении всего ее существования. За четверть столетия (с 1913 по 1938 г.) чехословацкая промышленность увеличила выпуск продукции меньше чем на 20%. Ежегодный прирост продукции, не составлявший и одного процента, — яркое свидетельство загнивания капиталистической системы хозяйства на ее империалистической стадии.

Это загнивание, характерное для всего капиталистического мира, в том числе и для довоенной Чехословакии, особенно отчетливо выступает на фоне огромных успехов социалистического хозяйства в Советском Союзе, где еще в годы первой сталинской пятилетки был построен фундамент социалистического общества, а в результате успешного выполнения второй

¹ «Statistická ročenka Republiky Československe». Praha, 1938, str. 61.

пятилетки (1933—1937 гг.) осуществлен в основном социализм — первая фаза коммунизма. Полная победа социалистической системы во всех сферах народного хозяйства означала, что эксплуатация человека человеком уничтожена, ликвидирована, а социалистическая собственность на орудия и средства производства утверждена, как незыблемая основа советского общества. Общественная, социалистическая собственность на средства производства, утвердившаяся в промышленности, сельском хозяйстве и во всех остальных отраслях экономики, обеспечила безраздельное господство социалистических производственных отношений. Иначе и быть не могло, так как основой производственных отношений является собственность на средства производства, и характер собственности на средства производства определяет характер производственных отношений. Подобно тому как в октябре 1917 г. старые, капиталистические отношения в промышленности были заменены новыми, социалистическими производственными отношениями, в 30-х годах старые, капиталистические производственные отношения в деревне были заменены новыми, коллективистскими производственными отношениями. И. В. Сталин учит, что «новые производственные отношения являются той главной и решающей силой, которая собственно и определяет дальнейшее, притом мощное развитие производительных сил и без которых производительные силы обречены на прозябание, как это имеет место в настоящее время в капиталистических странах»¹.

В отличие от капиталистических стран, в Советском Союзе общественный характер производства подкрепляется общественной собственностью на средства производства, что отвечает требованиям экономического закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Вот почему социалистическая экономика избавлена от экономических кризисов, разрушающих производительные силы и наносящих колоссальный материальный ущерб, и развивается по пути непрерывного подъема в интересах наиболее полного удовлетворения материальных и культурных потребностей общества. В то время как промышленность капиталистических стран топталась на месте, двигаясь от экономического кризиса к депрессии особого рода и от депрессии к новому экономическому кризису, промышленность СССР достигла в своем нарастающем подъеме к концу 1937 г. 428 процентов от уровня 1929 г. и более чем в восемь раз превысила довоенный уровень. На неуклонном подъеме находилось и советское сельское хозяйство, производительные силы которого после осуществления коллективизации, приведшей к торжеству социалистических производственных отношений в деревне, также получили полный простор для своего развития. Иную картину представляло сельское хозяйство в капиталистических странах, бившееся в тисках затяжного аграрного кризиса и переживавшее упадок.

Построение социалистического общества в СССР, означавшее ликвидацию эксплуататорских классов и уничтожение эксплуатации человека человеком, имело огромное, поистине всемирно-историческое значение. Еще в 1926 г. И. В. Сталин указывал: «...не подлежит сомнению, что успехи социалистического строительства в нашей стране, а тем более победа социализма и уничтожение классов,— это такие всемирно-исторического значения факты, которые не могут не вызвать могучего порыва пролетариев

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 61.

капиталистических стран к социализму, которые не могут не вызвать революционных взрывов в других странах»¹.

Победа социализма в СССР, одержанная при поддержке международного пролетариата, явилась в свою очередь величайшей поддержкой пролетариата всех стран в их борьбе против капитализма. Она помогла рабочему классу капиталистических стран освободиться от идеологических пут, которыми буржуазия и ее право-социалистические прислужники сковывали широчайшие народные массы.

Агентура крупного капитала усиленно насаждала и всячески поддерживала в среде пролетариата неверие в свои силы, распространяя «теорию» о том, что рабочий класс не может обойтись без буржуазии. Эта «теория», изобретенная и пущенная в обращение для оправдания социал-демократической политики коалиции с империалистической буржуазией, со временем приобрела характер укоренившегося в сознании довольно широких масс предрассудка, который представлял одну из самых серьезных преград на пути к революционизированию пролетариата капиталистических стран. «Этот предрассудок есть основная болезнь рабочего класса на Западе, прививаемая ему социал-демократами», — подчеркивал И. В. Сталин в 1925 г.² Великая Октябрьская социалистическая революция нанесла смертельный удар веками распространяемым измышлением насчет того, что эксплуатируемые не могут жить без эксплуататоров, что эксплуатация не может быть уничтожена. Победа социализма в СССР камнем на камне не оставила от этой лживой «теории», воспринятой социал-демократией от рабовладельцев древнего Рима.

На примере Советского Союза пролетариат капиталистических стран убедился, что рабочий класс может не только разрушать старое, но и строить новое, строить без буржуазии и против буржуазии, что рабочий класс способен построить социалистическое общество, несмотря на капиталистическое окружение.

Успехи социалистического строительства в СССР еще выше подняли во всем мире авторитет Коммунистической партии Советского Союза как «Ударной бригады» мирового революционного рабочего движения, в гигантской мере усилили притягательную силу коммунистической идеологии, мобилизовали революционные силы рабочего класса всех стран против капитализма.

Говоря о международном значении первой пятилетки, И. В. Сталин подчеркивал: «Итоги пятилетки показали, что капиталистическая система хозяйства несостоятельна и непрочна, что она уже отживает свой век и должна уступить своё место другой, высшей, советской, социалистической системе хозяйства, что единственная система хозяйства, которая не боится кризисов и способна преодолеть трудности, неразрешимые для капитализма, — это советская система хозяйства»³.

Итоги второй пятилетки еще сильнее продемонстрировали неоспоримое превосходство социалистического экономического строя, в еще большей степени обнаружили гнидость и несостоятельность капиталистических производственных отношений, прошедших в своем развитии путь от роли главного двигателя к роли тормоза производительных сил, ставших оковами производительных сил, реакционнейшей задержкой поступательного движения общества вперед.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 9, стр. 130.

² И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 286.

³ И. В. Сталин. Соч., т. 13, стр. 214.

Марксизм-ленинизм учит, что каждой общественно-экономической формации присущ определенный тип производственных отношений, сохраняющийся на протяжении всего существования данной формации. Вместе с тем в рамках данной общественной формации производственные отношения, совокупность которых составляет экономический базис общества, не остаются застывшими, а развиваются, претерпевая некоторые изменения.

Структурные изменения, происходящие в экономическом строе, ведут к тому, что одна и та же общественная формация имеет разные стадии или фазы своего развития. Так, известны две стадии капитализма — домонополистическая и монополистическая, империалистическая. В соответствии с этим меняются и законы капиталистического развития на разных стадиях развития капитализма.

Закон прибавочной стоимости, закон рождения и возрастания капиталистической прибыли в условиях империализма развивается в закон обеспечения максимальной капиталистической прибыли, являющийся, как учит И. В. Сталин, основным экономическим законом современного монополистического капитализма. Предопределяя главные стороны и процессы капиталистического производства, основной экономический закон современного капитализма определяет действие закона стоимости, закона конкуренции и анархии производства, закона неравномерного развития капитализма в различных странах — всех законов капиталистической формации, которые при империализме принимают другой вид и приводят к другим результатам.

Открытие И. В. Сталиным основного экономического закона современного капитализма имеет огромное значение для исторической науки. «Этот закон, — указывает товарищ Маленков, — раскрывает и объясняет вопиющие противоречия капитализма, раскрывает причины и корни агрессивной грабительской политики капиталистических государств. Действие этого закона ведёт к углублению общего кризиса капитализма, к неизбежному нарастанию и взрыву всех противоречий капиталистического общества»¹.

Действие основного экономического закона современного капитализма обостряет основное противоречие капиталистического строя — противоречие между общественным характером производства и частнособственнической формой присвоения. В годы кризиса и депрессии особого рода в Чехословакии, как и во всем капиталистическом мире, усилился общественный характер производства, между тем как собственность на средства производства продолжала оставаться частнокапиталистической и, более того, сосредоточиваться в руках малочисленной касты промышленных и аграрных монополистов, круг которых становился все уже по мере роста монополистических объединений всякого рода. В Чехословакии в полной мере проявилось действие вскрытой В. И. Лениным закономерности развития капиталистической экономики в эпоху империализма: «...Кризисы — всякого рода, экономические чаще всего, но не одни только экономические — в свою очередь в громадных размерах усиливают тенденцию к концентрации и к монополии»². Еще до экономического кризиса в Чехословакии горстка крупнейших компаний главенствовала над всеми акционерными обществами, занимавшими господствующее положение в промышленности и торговле. В 1927 г. 80 крупнейших монополистических объединений концентрировали в своих руках преобладающую массу капитала, приходивше-

¹ Г. Маленков. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). Госполитиздат, 1952, стр. 104.

² В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 197.

гося на долю более тысячи акционерных обществ страны. За 10 последующих лет численность акционерных обществ возросла ничтожно мало (меньше чем на полпроцента), но принадлежащий им капитал возрос на одну треть: с 7216 млн. крон в 1927 г. до 9568 млн. крон в 1937 г. И что весьма характерно для концентрации производства и централизации капитала, — круг мощных монополий, являвшихся подлинными господами положения в промышленности и торговле, еще более сократился. 25 крупных концернов, не составлявших и 2% акционерных компаний, захватили свыше 82% всего капитала монополистических объединений Чехословакии. При этом четыре крупнейших объединения, каждое из которых владело более 1 млрд. крон, контролировали 47% капиталов всех капиталистических концернов.

Кризис, обострив проблему сбыта, дал гигантский толчок развитию такой формы монополистических объединений, как картели. Их рост в годы депрессии особого рода происходит с небывалой быстротой: в 1933 г. в Чехословакии было около 130 картелей, а на 31 декабря 1937 г. было зарегистрировано 1103 картеля¹.

Различные группировки финансового капитала делят между собой внутренний рынок, стремясь захватить его в свое монопольное обладание с целью установления высоких цен и получения максимальной прибыли. Картели проникают в одну за другой отрасли хозяйства. К концу 1937 г. наибольшее число картелей существовало в металлической промышленности (около 41% всех действующих картельных соглашений), химической (свыше 17% соглашений), в промышленности строительных материалов (свыше 11%), электротехнической (9,5%), а также в пищевой (9%) и текстильной (8% всех соглашений)². «В Чехословакии, — говорил К. Готвальд в декабре 1936 г., — почти все картелировано... Почти все товары проходят через руки картелей, их цены определяются картелями»³. Так, например, цены почти 80% продовольственных товаров устанавливались картелями.

Огромный размах монополизации производства и внутреннего рынка во многом определялся деятельностью банков, их новой ролью в период империализма, когда они в Чехословакии, как и «во всех капиталистических странах, при всех разновидностях банковского законодательства, — во много раз усиливают и ускоряют процесс концентрации капитала и образования монополий»⁴.

Это происходило прежде всего потому, что сами капиталистические банки стали всемогущими монополистами. И в банковом деле ожесточалась взаимоуничтожающая конкурентная борьба монополий, неуклонно шел процесс концентрации и централизации капитала, в ходе которого сильные финансовые хищники пожирали своих более слабых конкурентов⁵. 55% собственных капиталов (основной, резервный и иные фонды) и свыше

¹ В действительности картелей было меньше. С сентября 1933 г. по декабрь 1937 г. из картельного реестра Государственного статистического управления Чехословацкой республики было исключено по различным причинам (объединение нескольких картельных соглашений в одно, распад существующих картелей и т. п.) 281 соглашение. Таким образом, к началу 1937 г. в Чехословакии фактически имелось 822 действующих картеля («Statistický zpravodaj», ročn. I, str. 49).

² «Statistický zpravodaj», ročn. I, str. 50.

³ Klement Gottwald. Deset let. Praha, 1949. str. 71—72.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 204.

⁵ Перед экономическим кризисом, в 1929 г., в стране имелось свыше 140 банков и кредитных учреждений, к концу 1937 г. их число сократилось до 101 («Zprávy státního úřadu statistického Republiky Československé», ročn. XIX, č. 328—329).

75% привлеченных чужих капиталов всех банков и кредитных учреждений приходилось на долю 23 акционерных банков. Среди последних в свою очередь господствовали девять крупнейших банков: Живностенский, Богемский учетный, Унион, Англо-пражский, Торгово-промышленный (б. Лендер-банк), Чешский промышленный, Аграрный, Моравский и Легиобанк. Эта девятка могущественных банковских монополий, концентрировавшая 85% капиталов всех акционерных банков, занимала командное положение в экономике и в конечном счете направляла политику чехословацкого государства.

Живностенский банк, например, подчинил своему влиянию около 70 акционерных компаний в различных отраслях промышленности: в горном деле и металлургии, в металлообрабатывающей и химической промышленности, сахарной и других отраслях пищевой промышленности, в текстильной, керамической промышленности, в строительном деле и т. д. Влияние Живностенского банка усиливалось через пресловутую «систему участия» в других акционерных банках. Владея 51% акций Богемского учетного банка (БЭБКА), Живнобанк контролировал весь концерн, сложившийся вокруг этого крупнейшего в Чехословакии немецкого банка и насчитывавший более 50 крупных промышленных предприятий, каждое из которых состояло из нескольких фабрик и заводов. Использование системы «участий», захват контрольных пакетов акций при помощи примыкающих и зависимых банков и промышленных монополий гигантски раздвинули сферу влияния Живнобанка: при 400 млн. крон собственного капитала он поставил под свой контроль промышленные предприятия и кредитные учреждения с капиталом 10 млрд. крон. Аналогичными путями действовали главные конкуренты Живностенского банка — Англо-пражский банк и Аграрный банк, а также остальные чехословацкие банки. В итоге акционерные банки Чехословакии подчинили себе 80% всех промышленных акционерных компаний, которые в свою очередь контролировали не менее трех четвертей промышленных предприятий. Не только чехословацкая промышленность, но и торговля, транспорт и сельское хозяйство страны — все решающие отрасли чехословацкой экономики были оплетены цепкими щупальцами финансовой олигархии.

Усиление ряда крупнейших банков обостряло конкуренцию и борьбу между различными группировками финансового капитала в Чехословакии и в то же время усиливало тенденции к дальнейшей централизации. Указывая на одну из существенных закономерностей империализма, В. И. Ленин писал: «Между немногими банками, которые в силу процесса концентрации остаются во главе всего капиталистического хозяйства, естественно все больше намечается и усиливается стремление к монополистическому соглашению, к тресту банков»¹.

В период общего кризиса капитализма, в обстановке углублявшегося загнивания всей капиталистической системы и резко обозначившегося поворота финансовой олигархии от буржуазной демократии к фашистской диктатуре стремление к объединению банковских монополий особенно усилилось. В Чехословакии оно проявило себя с наибольшей силой именно в годы депрессии особого рода, когда происходило сближение между двумя главными группировками финансового капитала, объединившимися вокруг своих центров — Живностенского и Аграрного банков. В 1934 г. было заключено картельное соглашение между Чешско-Моравским комбинатом

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 207.

Кольбен-Данек, входившим в концерн Живностенского банка, и концерном Шкода, в котором главенство принадлежало французскому банкиру Шнейдеру и чешским аграриям. В дальнейшем при опоре на этот картель было заключено картельное соглашение, объединившее предприятия, производящие средства мототранспорта во всем чехословацком государстве. В результате сговора между Живностенским и Англо-пражским банками был создан химический концерн, который объединил почти все главнейшие предприятия химической промышленности Чехословакии («Акционерную компанию химических препаратов» в Колине, «Товарищество металлургических и химических продуктов» в Усти на Лабее, акционерное общество «Синтезия», «Чехословацкое общество азотистых продуктов», акционерное общество в Моравской Остраве, Бантлиновские химические заводы, акционерное общество в Перичине и другие предприятия).

Рост мощи монополий, прежде всего их экономической мощи, все более тесное переплетение в различного рода совместных монополистических объединениях, нараставшая борьба между ними за рынки в связи с непреодолимыми трудностями сбыта готовой продукции — все это не могло не сказаться на всех сторонах общественно-политической жизни страны. Происшедшие за годы кризиса и депрессии особого рода изменения в экономическом строе оказали сильное воздействие на существующую надстройку, прежде всего на государственно-правовую надстройку, непосредственно примыкающую к базису. В Чехословакии в эти годы усиливается характерное для общего кризиса капитализма подчинение государственного аппарата монополиям.

Состав и действия государственного аппарата в еще большей степени, чем прежде, стали предопределяться финансовыми объединениями — в первую очередь узким кругом заправил Аграрного, Англо-пражского и Живностенского банков. Этот контроль тщательно скрывался от народа, но он все более усиливался, осуществляясь различными путями и средствами. Среди 450 депутатов и сенаторов Национального собрания имелось не менее 110 членов правлений банков, которые диктовали парламенту и правительству волю крупного монополистического капитала. В самом правительстве решающие посты, в том числе пост премьера, неизменно принадлежали доверенным людям финансовых клик и крупных помещиков. Мало того, действия официального правительства — Совета министров — контролировались пресловутой «восьмеркой», председателем которой был вплоть до своей смерти Богумир Брадач, один из заправил аграрной партии, крупный помещик, член административных советов многих монополистических объединений Чехословакии, связанных тесными узами с Аграрным, Живностенским и другими банками.

Шаги к монополистическому соглашению двух группировок финансового капитала — живностенской и аграрной — отнюдь не означали ликвидации или преодоления противоречий между двумя основными блоками империалистической буржуазии страны. Напротив, каждый шаг к монополистическому соглашению был сопряжен со все более обострявшейся борьбой между финансовыми кликами за господство в экономике и политической жизни Чехословакии. Намечаемое соглашение представляло собой попытку преодоления трудностей, порожденных экономическим кризисом и депрессией особого рода, на путях дальнейшей монополизации производства и рынка, за счет усиления ограбления в первую очередь пролетариата и трудового крестьянства, а также разорения мелкой и средней буржуазии города и деревни.

Планы империалистической буржуазии начали осуществляться с помощью государственного аппарата, при самом деятельном и активном участии правившей аграрной партии.

Хищнические устремления крупного монополистического капитала получили выражение в пресловутом «плане регулирования производства», с которым давно уже носился премьер-министр Малипетр. Этим «планом», разработанным по указке капиталистических монополий, намечалось проведение усиленной синдикализации, организации картелей «под контролем государства», создание хлебной и мясной монополий и т. п. мер «государственного регулирования». Эти меры демагогически изображались в качестве патентованного средства преодоления анархии капиталистического производства и предупреждения экономических кризисов.

Но планомерный контроль и планирование несовместимы с капиталистической системой хозяйства, в основе которой лежит частная собственность на средства производства. В условиях буржуазного строя «контроль» государства над капиталистическим хозяйством есть государственно-монополистический капитализм, т. е. полное подчинение всех звеньев государственного аппарата финансовой олигархии, использование этого аппарата для обеспечения максимальных капиталистических прибылей, для усиления монополистического гнета и реакции, для безграничной эксплуатации пролетариата и неимоверного ограбления всего народа.

«План регулирования производства» получил свое претворение в принудительной синдикализации ряда отраслей чехословацкой промышленности. За принудительную синдикализацию выступали аграрии Годжа и Задина, им вторили Бенеш, чешские национальные социалисты и социал-демократы.

Первое правительственное распоряжение о синдикализации промышленности было опубликовано 9 января 1936 г. Оно касалось стекольной промышленности. Из правительственного распоряжения явствовало, что государство окажет всемерное содействие тем промышленникам, которые вынесут решение о создании стекольного синдиката. Для создания синдиката достаточно было согласия владельцев предприятий, производящих 70% продукции в данной отрасли стекольной промышленности¹.

При этом условии все промышленники обязаны были объединиться в синдикат. Если заводчики продолжали упорствовать, то правительство назначало специального комиссара, который проводил объединение в принудительном порядке.

Вопрос о создании синдиката решался даже не большинством владельцев стекольных заводов, а простым диктатом денежного мешка, так как в результате далеко зашедшего процесса концентрации преобладающая часть продукции стекла (предусмотренные в правительственном распоряжении 70%) производилась небольшим количеством крупных заводов, которые не составляли и 5% всех предприятий стекольной промышленности Чехословакии.

Мелкие и средние предприниматели попросту отдавались на съедение крупного капитала, который, пользуясь поддержкой государства, получал возможность загнать в картель всех промышленников той или иной отрасли стекольной промышленности. Именно так и произошло, когда после издания правительственного распоряжения о принудительной синдикализации стекольной промышленности стал создаваться картель производителей дутого стекла.

¹ «Sbirka zákonů a nařízení», роčн. 1936, častka 57, č. 2.

Правительственное распоряжение о принудительной синдикализации стекольного производства, за которым последовало аналогичное распоряжение в отношении текстильной промышленности¹, знаменовало резкое усиление контроля финансовой олигархии над правительством, контроля, всегда существовавшего в буржуазной республике и ставшего ныне — в связи с решительным поворотом крупного монополистического капитала к открытой фашистской диктатуре — проявляться с невиданными в Чехословакии наглостью и цинизмом. Нужно было обладать изощренной продажностью социал-демократической печати, чтобы принудительную синдикализацию, осуществляемую капиталистическим государством по диктату финансовой олигархии из Живнотенского и Аграрного банков, оценить как «сильный приступ к осуществлению давнишнего требования социалистического движения»².

В действительности принудительная синдикализация чехословацкой промышленности резко усилила государственно-монополистические тенденции, проявившиеся в Чехословакии задолго до этого в самых различных формах. Средствами из своей казны государство поддерживало монополии, оказавшиеся на краю банкротства. Так, в годы кризиса с помощью государственных субсидий, достигавших многих сотен миллионов крон³, были спасены от краха Англо-чехословацкий и Пражский кредитный банки. Вместе с тем государственный аппарат был использован финансовыми магнатами в целях дальнейшей концентрации в банковом деле путем слияния упомянутых банков в один Англо-чехословацкий и Пражский кредитный банк.

Тем же целям служили принятый в 1933 г. закон о картелях и многочисленные правительственные распоряжения (о принудительной синдикализации в том числе), изданные в годы депрессии особого рода. Характерно, что первые мероприятия по синдикализации были проведены правительством в стекольной и текстильной промышленности, т. е. именно в тех отраслях, которые, больше всего пострадав от кризиса, не сумели сколько-нибудь существенно оправиться от его ударов во весь последующий период и в которых прибыли монополистов были сравнительно более низкими, чем в других отраслях производства.

Наряду с принудительной синдикализацией производства шла монополизация внутренней и внешней торговли. Было создано «Чехословацкое зерновое общество», мясной синдикат и другие монопольные объединения. Ярким примером того, как крупный капитал использовал административно-политический аппарат в своих узко корыстных целях, служит хлебная монополия — акционерное общество, 60% капитала которого принадлежало аграрным и социал-демократическим кооперативам⁴.

«Чехословацкое зерновое общество», как официально именовалась эта грабительская монополия, было создано на основании правительственного распоряжения, изданного 13 июля 1934 г. Хлебная монополия не представляла собой ничего принципиально нового по сравнению с сахарным синдикатом; регулировавшим производство и сбыт свекловицы и сахара в

¹ «Sbirka zákonů a nařízení», ročn. 1936, částka 57, č. 2.

² «Právo lidu», 12/1 1936.

³ До конца 1932 г. из государственной казны было выдано одним только банкам на предмет «оздоровления» 6 млрд. крон.

⁴ Пост председателя «Зернового общества» занимал аграрий Файерабанд, его заместителем был назначен правый социал-демократ Люстиг.

интересах обогащения помещиков и капиталистов, картофельным картелем, ставшим источником бешеных прибылей спиртозаводчиков, картелем по продаже молока и т. д. Хлебная монополия выделялась лишь тем, что она избрала необычайно широкое поле для своей грабительской деятельности. Она посягнула на необходимейшие продукты, потреблявшиеся самыми широкими слоями народа. Хлебная монополия была знаменательна еще и тем, что с ее созданием картели захватили контроль почти над всеми предметами питания в Чехословакии.

«Чехословацкому зерновому обществу» правительство предоставило исключительное право покупки и продажи хлебных злаков, кормового зерна и иных фуражных кормов, помола и торговли мукой и мукомольными продуктами на всей территории страны, а также монополию внешней торговли всеми этими продуктами. Производителей зерна обязали продавать свою продукцию только хлебной монополии. «Земледельцы,— устанавливало правительственное распоряжение,— могут продавать зерно только Обществу (хлебной монополии.— С. П.)... Какое-либо иное отчуждение зерна, включая его переработку с целью прямой или косвенной продажи продуктов, из него изготовленных; земледельцам запрещено»¹.

Покупные цены были установлены хлебной монополией значительно более низкие, чем продажные. Так, например, центнер пшеницы, за который хлебная монополия платила 160 крон в Чехии и 140 крон в Закарпатской Украине, продавался уже осенью за 172 кроны. Начиная с сентября цены на продаваемое зерно повышались каждый месяц, и к июню 1935 г. поднялись до 190 крон за центнер пшеницы.

Срок действия хлебной монополии первоначально был установлен на один год, затем дважды был продлен (в 1935 г.— на год, в 1936 г.— на пять лет). При этом каждый раз условия пересматривались неизменно к выгоде акционеров, которые добивались расширения круга монополизированных культур, снижения закупочных и увеличения продажных цен и т. п.

Доходы монополии были громадны. Правительство, как это было оговорено в специальном параграфе распоряжения, гарантировало «Чехословацкому зерновому обществу» высокую прибыль при любых обстоятельствах. Если последняя не достигала желаемых размеров, то недостающее возмещалось из государственной казны. Хлебная монополия ежегодно поглощала сотни миллионов крон государственных субсидий. Вместе с государственными субсидиями чистая прибыль хлебной монополии составляла свыше полумиллиарда крон ежегодно². Львиная доля этой прибыли доставалась 190 000 помещиков и кулаков, которые производили 70% всего товарного зерна.

Подчинив себе буржуазное государство, монополии использовали его административно-политический и дипломатический аппарат как инструмент извлечения максимальной капиталистической прибыли. В интересах чехословацких монополий государство установило высокие ввозные пошлины, выплачивало вывозные премии, содействуя экспорту товаров по демпинговым ценам, дважды (в 1934 и 1936 гг.) провело девальвацию кроны³, списывало капиталистам исчисляемую многими миллиардами задолженность по

¹ «Sbirka zákonů a nařízení», гошп. 1934, částka 55, č. 137.

² «Аграрный вопрос и крестьянское движение», М., 1935, т. I, стр. 146.

³ Во время первой девальвации кроны чехословацкие банки «заработали» 80 млн. крон лишь на мошеннических махинациях с золотом и ценными бумагами.

налогам¹, передавало им огромные правительственные заказы, субсидировало строительство новых предприятий, особенно военной промышленности, и т. д. Государственные инвестиции капиталистическим предприятиям росли из года в год. Они составляли в 1934 г. около 1,5 млрд. крон, в 1935 г. — около 2,5 млрд. крон, в 1936 г. — 3,8 млрд. крон, а в 1937 г. уже значительно превысили 5 млрд. крон².

Государство выплачивало капиталистам эти огромные суммы в первую очередь за счет трудящихся. Налоги с рабочих и крестьян, прежде всего косвенные налоги, составлявшие свыше четырех пятых всех налоговых поступлений, были главной статьёй доходов государства. Возмещая расходы на финансирование монополистических клик, буржуазное государство непрерывно увеличивало налоговое бремя, ложившееся основной тяжестью на трудовые слои населения, и одновременно сокращало бюджетные ассигнования на здравоохранение, просвещение, пособия по безработице.

Государственно-монополистическое ограбление рабочего класса и трудового крестьянства Чехословакии в гигантской степени обострило противоречия, раздирающие капиталистический строй. Государственно-монополистические мероприятия способствовали сосредоточению средств производства в руках все более узкой касты финансовых магнатов. Это приводило к резкому обострению противоречий между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. Усилив противоречие между производственными возможностями и платежеспособным спросом со стороны разоренных и ограбленных трудящихся масс, «государственное регулирование» увеличило анархию капиталистического производства, создало предпосылки для еще более глубокого и разрушительного кризиса перепроизводства. Все вместе взятое вызвало новое ожесточение в конкурентной борьбе как между монополистическими кликами, каждая из которых стремилась урвать возможно больший кусок от государственного пирога, так и между монополиями, с одной стороны, и не монополизированными, «свободными» предпринимателями, — с другой. Государственный капитализм, создав категоричные условия для трудящихся, породил дальнейшее обострение классовой борьбы эксплуатируемых против эксплуататоров.

Подчинение государственного аппарата монополистическому контролю представляло собой серьезнейшую опасность независимости Чехословацкой республики.

Чехословацкие капиталистические монополии многообразными узами были тесно связаны с финансовым капиталом Германии, Англии, Франции, США и других империалистических государств. Поэтому усиление контроля внутренней финансовой олигархии над правительством означало усиление влияния иностранного капитала во всех областях жизни страны и, как неизбежное последствие этого, резкое увеличение зависимости Чехословацкой буржуазной республики от крупных империалистических государств.

Прежде всего необходимо отметить постоянную финансовую зависимость, выразившуюся в крупной и все более возрастающей, особенно в результате экономического кризиса, внешней задолженности чехословацкого государства, возросшей за 20 лет существования буржуазной республики до 9,5 млрд. крон, что равнялось почти трем четвертям сильно увеличенного

¹ За период с 1920 по 1929 г. государство списало с капиталистов Чехословакии свыше 7 млрд. крон задолженности. Несколько миллиардов крон было списано в годы экономического кризиса. Но в 1936 г. налоговые недоимки капиталистов вновь поднялись до 7 млрд. крон, которые так и не были выплачены.

² «Мировое хозяйство и мировая политика», 1937, № 4, стр. 141.

в 1938 г. государственного бюджета¹. Первое место среди империалистических кредиторов занимали США, на долю которых приходилась половина всей внешней задолженности Чехословакии. Далее шли Франция (25%), Англия (15,2%) и другие капиталистические государства². Займы, предоставленные Чехословакии, были в руках капиталистических держав, в первую очередь США, не только средством извлечения бешеных прибылей (ростовщические проценты), но и орудием финансового порабощения Чехословацкой республики, орудием давления на ее правительство, на проводимую им внутреннюю и внешнюю политику.

На протяжении всего существования Чехословацкой республики неуклонно развевывалось проникновение в экономику страны французского, английского, немецкого, американского и прочего иностранного капитала, скупавшего местные предприятия и источники сырья, приобретающего различными путями акции местных компаний, основывавшего собственные отделения и филиалы, подчинявшего своему контролю важнейшие отрасли промышленности и кредита и в конечном счете оказывавшего сильное воздействие на все народное хозяйство.

Прямые капиталовложения иностранных монополий в чехословацкую промышленность, составившие в предвоенные годы около 11 млрд. крон, были размещены прежде всего в горнодобывающей, химической, металлургической, электротехнической, стекольной, текстильной и пищевой отраслях. Крупнейшие в Чехословакии машиностроительные и военные заводы фирмы Шкода находились под контролем французского концерна Шнейдер-Крезо. Самый крупный металлургический комбинат (в Витковицах) принадлежал английскому финансовому магнату Ротшильду. Иностранные инвестиции составляли 16% всех капиталовложений в чехословацкую металлургию и машиностроение. Еще выше была их доля в горнодобывающей промышленности (30%)³. Однако наиболее сильным влиянием иностранный капитал пользовался в химической и электротехнической промышленности. Так, например, в химической промышленности он составлял 34% всех капиталовложений⁴.

В среднем доля иностранного капитала не превышала 20% всех капиталовложений. Практически иноземный контроль, охватывающий решающие отрасли чехословацкой промышленности, был более сильным, чем это можно судить на основании данных о капиталовложениях.

Решающее значение имел при этом ряд обстоятельств.

Во-первых, финансовая мощь иностранных монополистических компаний, внедрившихся в чехословацкую экономику, была неизмеримо более высокой, чем местных компаний. Согласно официальной статистике, в 1936 г. в Чехословакии насчитывалось всего 78 филиалов иностранных акционерных обществ, но их капитал в 2,5 раза превышал капитал 1337 чехословацких обществ⁵.

Во-вторых, иностранные монополии, прежде всего французские, английские, американские и германские, вкладывали свои капиталы главным образом в чехословацкие акционерные общества, державшие в своих руках

¹ «Европейские страны народной демократии на пути к социализму», М., 1951, стр. 145.

² «Мировое хозяйство и мировая политика», 1938, № 11, стр. 107.

³ «Европейские страны народной демократии на пути к социализму», М., 1951, стр. 64.

⁴ «Rudé právo», 9/1 1952.

⁵ «Statistická ročenka», Praha, 1938, str. 107.

всю экономику страны. Это гигантски расширяло сферу контроля иностранного монополистического капитала над народным хозяйством Чехословакии.

В-третьих, чехословацкие капиталисты входили в многочисленные международные монополистические союзы (азотный картель, концерн мыла и маргарина, стальной трест, а также картели электротехнические, химические и иные). Во всех этих международных объединениях главенствовали американские, английские, французские и германские монополии.

Чехословацкие компании, владевшие химическими заводами, входили в состав международного химического треста, в котором решающее слово принадлежало Дюпон де Немуру и «Вакуум Ойл компани» (США), «И. Г. Фарбениндустри» (Германия), «Сосьете де Динамит» (Франция), «Импернал Кемикал Индастрис» (Англия).

Используя свои позиции в чехословацкой экономике и подчиненное положение чехословацких монополий в международных трестах, иностранный капитал препятствовал развитию в стране жизненно важных отраслей народного хозяйства.

Чехословакия с ее высокоразвитой обрабатывающей промышленностью всегда нуждалась в большом количестве сырья, преобладающая доля которого ввозилась из-за границы. Иностранный капитал стремился усилить зависимость чехословацкой экономики от мирового капиталистического рынка по линии сырья и препятствовал развитию собственной сырьевой базы в Чехословакии, создавая помехи в разработке уже открытых месторождений полезных ископаемых и в проведении геолого-разведывательных поисков новых, еще не открытых залежей.

В. И. Ленин, указывая на одну из характерных особенностей империализма, писал, что международные союзы капиталистов стремятся вырвать у противника всякую возможность конкуренции, скупают нефтяные источники и месторождения других полезных ископаемых.

«Не только открытые уже источники сырья, — указывал В. И. Ленин, — имеют значение для финансового капитала, но и возможные источники, ибо техника с невероятной быстротой развивается в наши дни, и земли, непригодные сегодня, могут быть сделаны завтра пригодными, если будут найдены новые приемы (а для этого крупный банк может снарядить особую экспедицию инженеров, агрономов и пр.), если будут произведены большие затраты капитала. То же относится к разведкам относительно минеральных богатств, к новым способам обработки и утилизации тех или иных сырых материалов и пр. и т. п.»¹

Наглядным примером этого может служить капиталистическая Чехословакия. В стране имелись месторождения полезных ископаемых, давно известные и с древнейших времен подвергавшиеся разработке, например железной руды. Несовершенная техника и технология времен средневековья и раннего капитализма позволяли использовать в производственных целях только наиболее богатые содержанием железа рудники. Однако известные залежи богатых железом руд были в конце концов исчерпаны, а геологические разведки новых месторождений не велись. Разведанные залежи, содержавшие меньший процент железа в руде, были заброшены и оставались неиспользуемыми, несмотря на то, что новая техника и новая технология уже сделали возможной промышленную эксплуатацию ранее непригодных руд. Для этого нужно было только развернуть строительство необходимых обогати-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 248—249.

тельных фабрик, однако чешские и словацкие капиталисты, заботившиеся лишь о получении максимальной прибыли, предпочитали закупать железную руду за границей. Иностранные монополии, контролировавшие чехословацкую металлургию, меньше всех были заинтересованы в разработке месторождений в Чехословакии, поскольку имели собственные железные рудники в других странах. Чехословакию они рассматривали как рынок сбыта своей продукции и поэтому решительно настаивали на том, чтобы чехословацкие домы работали на привозном сырье.

Но иностранные монополии не ограничивали своей подрывной деятельности лишь областью добычи железной руды и черной металлургии.

Французская компания «Сосьете миньер ди синабр» захватила в свои руки ртутные рудники, «Антимони Сметлинг К^о» — месторождения сурьмы, швейцарские фирмы — месторождения и выплавку меди, американская фирма «Вакуум Ойл компани», подконтрольная концерну «Стандард Ойл», — нефтеносные земли в Словакии и Моравии и т. д. Это было сделано для того, чтобы разрушить медные, цинковые и иные рудники. Наиболее варварские приемы были пущены в ход американскими монополистами, забетонировавшими буровые скважины в открытом нефтеносном районе, чтобы обеспечить наибольший сбыт нефти и нефтепродуктов, производимых американской компанией в других странах, прежде всего в Румынии. Установив свою монополию на сбыт нефтепродуктов в Чехословакии, американские нефтепромышленники начали бесцеремонно попирали законы. На чистый бензин и другие очищенные нефтепродукты в Чехословакии существовали высокие таможенные пошлины, в то время как на неочищенные нефтефабрикаты пошлина была значительно более низкая. Чтобы не платить положенных пошлин на ввозимые в Чехословакию нефтепродукты, их смешивали уже во время транспортировки по Дунаю с теми отходами переработки нефти, которые без особого труда и затрат можно было отделить при перегонке в самой Чехословакии.

Подчинив своему контролю горнодобывающую промышленность, иностранные монополисты привели в негодность нефтепромыслы, рудники, снизили на них добычу с целью поставить чехословацкую экономику в еще более тесную зависимость от крупных империалистических держав¹.

Иностранный монополистический капитал стремился всеми силами сохранить и усилить технико-экономическую зависимость Чехословакии от мирового капиталистического хозяйства. В результате такой политики английских, германских, французских и американских монополий чехословацкое машиностроение было лишено возможности производить станки для текстильной промышленности — одной из наиболее развитых отраслей промышленного производства страны. Такие же пагубные последствия имело участие электротехнической промышленности Чехословакии в международной монополии — «Интернейшнл Стандард Электрик компани». Как во многих иных международных объединениях монополистов, большим влиянием в этой компании пользовался наряду с американским германский крупный финансовый капитал.

В Чехословацкой республике имелись заводы слабопотоковой электротехнической аппаратуры, но и они, по условиям картельных соглашений, не имели права производить некоторые мелкие и вместе с тем совершенно необходимые детали, которые должны ввозиться из-за рубежа.

¹ Так, например, добыча нефти в Чехословакии за 1934—1937 гг. была снижена американскими монополиями почти на одну треть («Zprávy státního úřadu statistického...», ročn. XIX, č. 126—130).

Так было и в остальных отраслях промышленности страны. «Промышленность довоенной Чехословакии, — отметил Готвальд в докладе общенациональной конференции КПЧ, состоявшейся в декабре 1952 г., — не производила полностью, комплексно почти ни одной машины. Международные монополии старательно заботились о том, чтобы определенную деталь машины — и обычно это была самая важная и самая уязвимая деталь, нужно было импортировать»¹.

Иностраный капитал тормозил технический прогресс чехословацкой промышленности. Об этом ярко свидетельствует, в частности, договор, подписанный в 1937 г. чехословацким электротехническим концерном с американской фирмой «Вестингауз Электрик энд Мэнюфекчуринг К^о». Этот договор обязал чешскую фирму не изготовлять, не применять и не продавать материала или частей, изготовленных по образцам или чертежам других промышленников, кроме Вестингауза, и «не искать консультации и не пытаться получить производственную или другую техническую информацию от других электропромышленников», кроме как с согласия Вестингауза².

Международные соглашения монополистов были тщательно засекречены и становились достоянием гласности лишь тогда, когда скандальные и антигосударственные их последствия скрывать было уже решительно невозможно. «В огромном большинстве картельных соглашений, — вынужден засвидетельствовать помощник генерального прокурора США Уенделл Бердж, — мировая территория была разделена на монопольные сферы влияния... Соединенные Штаты были предоставлены в качестве монопольной территории американским фирмам — участникам картеля. Весь остальной мир был отдан Германии»³. Примечательно при этом, что почти все европейские страны, в том числе и Чехословакия, ставшие впоследствии жертвами гитлеровской агрессии, уже давно, нередко еще в 20-х годах, рассматривались американскими финансовыми магнатами как «исключительная» или «монопольная территория» германских трестов и концернов. В качестве примеров можно привести договоры, заключенные между американской компанией «Дженерал Электрик К^о» и немецкой фирмой «Всеобщее электрическое общество» (АЕГ), между американским электроконцерном «Вестингауз» и германской группой «Сименс-Шуккерт», между американскими, английскими, германскими и бельгийскими химическими фирмами (о щелочах), между американской компанией «Нейшнл лэд», норвежской фирмой Иебсен и германским концерном «И. Г. Фарбениндустри» (о титане), между американскими фирмами (филиалами американской телефонной, телеграфной и радиокорпорации), тремя германскими электротехническими фирмами и одной голландской (о киносьемочной и кинодемонстрационной аппаратуре) и т. п. О характере отношений между участниками картелей с достаточной ясностью свидетельствует сама терминология последнего соглашения. По этому соглашению американские электротехнические фирмы назначили немецкие фирмы единственными агентами по изготовлению, пользованию, продаже и прокату оборудования и по выдаче лицензий на киносьемочные аппараты в Германии, Австрии, Венгрии, Швейцарии, Чехословакии, скандинавских странах, Югославии, Румынии, Болгарии, Голландии и Голландской Ост-Индии. В свою очередь немецкие фирмы назна-

¹ «Rudé právo», 17/XII 1952.

² Корвин Д. Эдвардс. Международные картели в экономике и политике. М., 1947, стр. 100.

³ У. Бердж. Международные картели. М., 1947, стр. 230.

чили американские фирмы единственными агентами «на соответствующих» монопольных территориях, под которыми подразумевались страны Америки и Восточной Азии.

Подобного рода раздел мира был произведен американскими и германскими монополиями по линии решающих отраслей промышленности.

Так, между американской компанией «Стандард Ойл» и германским концерном «И. Г. Фарбениндустри» существовала договоренность, суть которой изложена одним из заправил американской компании: «И. Г. не будет касаться нефтепромышленности, а мы не будем касаться химической промышленности постольку, поскольку она не имеет отношения к нефти»¹. Факты свидетельствуют, что на территории Чехословакии условия тайного сговора американско-германских империалистов соблюдались не менее строго, чем на любой иной «исключительной территории».

Ввиду этого американские фирмы, как правило, не создавали на территории Чехословакии своих открытых филиалов. Прямые американские капиталовложения известны в электротехнической промышленности Чехословакии и особенно в нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей. Крупный монополистический капитал США внедрялся в чехословацкую экономику через посредство чехословацких же акционерных обществ и монополий других империалистических государств. В качестве характерного примера можно привести чехословацкое акционерное общество «Бывшие Шкодовские заводы». Общеизвестно, что до 50% акций этой компании принадлежало французскому концерну Шнейдер-Крезо, в свою очередь тесно связанному с американской финансовой группой Моргана². В конечном счете большой пакет акций Шкодовских заводов принадлежал монополиям США.

Особенно тесные связи существовали между американским и германским монополистическим капиталом³. Прямые капиталовложения в экономику Германии, американские монополии сочетали с бесчисленными картельными соглашениями с германскими монополистами. В конце концов создавалось такое положение, что нельзя было определить, где кончаются германские фирмы и начинаются американские. Американские монополии, вкладывая свои капиталы в германские компании, подчиняли экономику Чехословакии, грабили страну посредством германских монополий.

Крупный монополистический капитал США действовал зачастую под чужим флагом, скрываясь за спиной самых различных иностранных компаний. Вот почему на первый взгляд может показаться, что американские капиталовложения в чехословацкую промышленность были не так велики.

¹ Р. Сэсюли, И. Г. Фарбениндустри, М., 1948, стр. 166.

² K. Bartošek, K. Pichlik, Hanebná role amerických okupantů v západních Cechách v roce 1945. Praha, 1951, str. 11.

³ Американские, британские и иные капиталистические монополии вложили в германскую экономику многомиллиардные кредиты, которые привели «к гигантскому усилению экономического и, в частности, военного потенциала Германии. В этом деле ведущее значение принадлежало американским капиталовложениям, составлявшим не менее 70% суммы всех долгосрочных займов» [Фальсификаторы истории (Историческая справка), Госполитиздат, 1948, стр. 13]. Вклады 60 американских монополий были столь велики, что германские компании зачастую полностью или в значительной части принадлежали заокеанским бизнесменам (там же, стр. 9). Американская компания «Дженерал Моторс» владела всем капиталом германских заводов Опеля — Руссельхейма; «Дженерал Электрик» принадлежало от 16 до 30% акционерного капитала германских электротехнических концернов АЕГ и Осрам; американская компания «Интернейшнл энд Телеграф корпорейшн» захватила целиком или большую часть таких берлинских фирм, как «Микс унд Генест», «Лоренц» и «Телефункен» и т. д. («Die Entwicklung Deutschlands und der deutschen Arbeiterbewegung bis zum Sturz des Faschismus», Dietz, Verlag, Berlin, 1952, S. 402—403).

Признав Чехословакию «исключительной территорией» германского капитала, американские монополисты не имели права продавать Чехословакии товары, передавать патенты или сообщать какую-либо техническую информацию, оговоренные в картельных соглашениях. Более того, они должны были совместно с германским крупным монополистическим капиталом бороться против попыток конкурирующих компаний устанавливать с Чехословакией торговые, технические и другие экономические отношения. Именно о таком характере обязательств, вытекающих из понятия «исключительная» или «монопольная территория», свидетельствует письмо одной из американских компаний, адресованное одному из своих клиентов: «Вы говорите о возможности получения лицензий от «Дженерал Электрик» на экспорт лампочек в некоторые страны. Не знаю, объяснял ли я вам раньше положение вещей. Дело в том, что крупнейшие электрические фирмы в мире, как «Дженерал Электрик», «Сименс» в Германии, «Филлипс» в Голландии и др., объединены в картель и связаны соглашением о разделе рынка.

Отсюда ясно, что если «Дженерал Электрик» нарушит это соглашение и разрешит нам экспорт за границу в какую-либо страну, предоставленную картелем европейской фирме, то фирма эта будет вправе вторгнуться в американский рынок и конкурировать с нами. Все это вряд ли пойдет нам на пользу»¹. В данном случае дело коснулось лампочек. Но те же законы действовали во всех случаях, независимо от того, шла ли речь о взрывчатых веществах, об оптических приборах, о вооружении или о станках для промышленности. Выше уже приводился текст договора между чехословацкой фирмой и американской компанией Вестингауза. Само собой разумеется, что американская монополия, захватив контроль над чешской фирмой, ограничивала ее работу и выпуск продукции в соответствии с картельным соглашением, заключенным ею с германской группой Сименса.

Выступая в качестве пособников германского империализма, американские монополии всячески способствовали хозяйственному и техническому ослаблению европейских стран, в том числе и Чехословакии, оказавшихся в планах гитлеровских агрессоров объектом захвата и порабощения. Нет нужды особо оговаривать, что ту же политику блокады и подрыва экономики проводили английские и французские монополии, также выступавшие организаторами и вдохновителями пагубного и опасного мюнхенского курса.

Проводя такую политику, США заботились, естественно, не о Германии, а о собственных империалистических интересах, рассчитывая вывести из строя своих наиболее опасных конкурентов, в том числе Германию, и добиться мирового господства. «Конечно, США и Англия, помогая Германии подняться экономически,— указывает И. В. Сталин,— имели при этом в виду направить поднимающуюся Германию против Советского Союза, использовать её против страны социализма. Однако Германия направила свои силы в первую очередь против англо-франко-американского блока»².

Происки иностранного капитала не могли бы причинить столь громадного ущерба Чехословакии, если бы этому не содействовали своекорыстные узко классовые устремления самой чехословацкой буржуазии; определяемые стихийными законами капиталистического производства. «Непосредственной

¹ У. Бердж. Указ. соч., стр. 250.

² И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 35.

целью капиталистического производства является производство не товаров, а прибавочной стоимости, или прибыли в ее развитой форме; не продукта, а прибавочного продукта... Цель капиталистического производства,— писал Маркс,— всегда состоит в создании максимума прибавочной стоимости или максимума прибавочного продукта с минимумом авансированного капитала...»¹

Как и во всех капиталистических странах, в землях, вошедших затем в состав буржуазной Чехословакии, процесс индустриализации начался с легкой промышленности ввиду того, что в ней требуется меньше вложений, капитал оборачивается быстрее, а получение прибыли является более легким делом, чем в тяжелой промышленности. Вот почему в такой индустриальной стране, как Чехословакия, создано преобладание легкой промышленности над тяжелой. При этом получили большое развитие отрасли легкой промышленности, работавшие на импортном сырье, что не могло не усилить зависимость страны от заграницы, от мирового капиталистического рынка.

Что касается тяжелой промышленности Чехословакии, то она, как обычно в капиталистических странах, стала развиваться во вторую очередь. Указывая на одну из характернейших черт капиталистического метода индустриализации, И. В. Сталин говорил: «Только по истечении длительного срока, в течение которого лёгкая промышленность накапливает прибыли и сосредоточивает их в банках, только после этого наступает очередь тяжёлой промышленности и начинается постепенная перекачка накоплений в тяжёлую индустрию для того, чтобы создать условия для её развёртывания. Но это — процесс длительный, требующий большого срока в несколько десятилетий, в течение которого приходится ждать развития лёгкой промышленности и прозябать без тяжёлой промышленности»².

Буржуазная Чехословацкая республика и через 20 лет после своего возникновения оставалась без производства средств производства для ряда важнейших отраслей своей промышленности и без собственной сырьевой базы, что, естественно, не могло не способствовать зависимости страны от прихотей мирового капиталистического рынка.

Подвергаясь эксплуатации иностранного капитала, буржуазная Чехословакия сама была империалистическим государством. Крупный монополистический капитал Чехословакии стремился обеспечить себе максимальные прибыли путем разорения и ограбления народов других стран, особенно отсталых стран. Чехословацкие монополии вывозили капитал за границу; внедрялись в экономику других государств, основав здесь свои собственные предприятия или вложив средства в существующие фирмы. В середине 30-х годов филиалы чехословацких фирм имелись в 20 с лишком стран мира, прежде всего в Польше, Германии, Австрии, Венгрии, Югославии, Румынии, Латвии, а также в Азии (Индия, Иран и др.), Африке и Америке³. Главную роль в экономической экспансии играли Живностенский, Англо-пражский, Моравский банки и такие фирмы, как Шкодовские заводы, Батя, Рингоффер-Татра, Витковицкие металлургические предприятия, ЧКД, Горнометаллургическое общество, Пражское металлургическое общество, Польдина Гуть, брненская Эбройовка. Чехословацкий капитал вкладывался за границей преимущественно в промышленность (свыше 90% вывезенного капитала), главным образом в металлургическую и машино-

¹ К. Маркс. Теория прибавочной стоимости, т. II, ч. 2. Партиздат, 1936, стр. 218.

² И. В. Сталин. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г., стр. 17.

³ «Statistický zpravodaj», рош. 1, с. 9.

строительную (около 35% капитала), текстильную (около 20 капитала) и химическую (около 15% капитала)¹.

Осуществляя империалистическую экспансию, финансовый капитал Чехословакии сталкивался повсеместно с германским, английским, французским, американским и иным иностранным капиталом и вступал с ним в взаимоуничтожающую конкурентную борьбу, обострявшую внутриимпериалистические противоречия.

Развитие производства в Чехословацкой буржуазной республике, как и в любой капиталистической стране, было подчинено закону обеспечения максимальной капиталистической прибыли. Как и во всем капиталистическом мире, производство здесь служило целям наживы и обогащения кучки эксплуататоров.

Монополизировав производство и торговлю, картели и синдикаты резко повышали цены на промышленные и продовольственные товары. Так, картель мыловаренных заводов повысил цены на свою продукцию на 10—15%, картель оптовых торговцев стеклом — на 80%. Создание жирового синдиката немедленно привело к вздорожанию жиров на 40%. Хлебная монополия повысила цены на хлеб на 40% и на муку — на 20%. Введение молочной монополии вызвало увеличение цены литра молока в Праге с 1,3 до 1,8 кроны и т. д.

Курс акций промышленных и транспортных монополий с 1932 по 1937 г. поднялся в 2,15 раза². Начиная с 1934 г. прибыли финансовых воротил, промышленных тузов, крупных торговцев и помещиков быстро шли в гору, намного превысив к 1937 г. предкризисные цифры. Капиталистические монополии Чехословакии из года в год увеличивали свои состояния. «98 процентов населения являются посторонними зрителями этой конъюнктуры», — со знанием дела замечала 18 апреля 1937 г. издававшаяся в Праге газета «Прагер борзен курир», орган финансового капитала.

Баснословные прибыли монополий и картелей распределялись среди узкой касты магнатов финансового капитала, каждый из которых присваивал колоссальные богатства, создаваемые трудом рабочих и крестьян. Не всякому квалифицированному чехословацкому рабочему удавалось заработать в течение двух лет сумму, равную прибыли, которая в каждый час сдуток автоматическим начислялась на счет Я. Прейсса, президента Центрального союза чехословацких промышленников. Сотня крупных капиталистов Чехословацкой республики присваивала себе прибыль, превышавшую заработок полумиллиона людей труда.

По мере того как росло богатство кучки эксплуататоров, неуклонно углублялись относительное и абсолютное обнищание пролетариата, разорение трудового крестьянства, всех трудящихся слоев населения.

Весь чехословацкий пролетариат, за исключением небольшой прослойки рабочей аристократии, подкармливаемой буржуазией за счет максимальных прибылей, все служащие страны, кроме высшей бюрократии, все трудовое крестьянство не получали никакой пользы от роста производительности труда, увеличения массы производимых материальных благ, от повышения национального дохода.

Материальное положение рабочего класса, резко ухудшившееся в 1930—1933 гг., после окончания кризиса уже не поднялось к докризисному уровню.

¹ «Statistický zpravodaj», рош. I, ч. 6.

² Среднемесячный индекс акций промышленных и транспортных компаний Чехословакии (1929 г. = 100), составлявший 51,7 пункта в 1932 г., поднялся до 111,2 пункта в 1937 г. См. Конъюнктурный бюллетень журнала «Мировое хозяйство и мировая политика», 1938, № 4, стр. 25.

При оценке материального положения рабочего класса нельзя иметь в виду лишь рабочих, занятых в производстве. И. В. Сталин подчеркивает: «Если существует резервная армия безработных, членам которой нечем жить, кроме как продажей своей рабочей силы, то безработные не могут не входить в состав рабочего класса, но если они входят в состав рабочего класса, их нищенское положение не может не влиять на материальное положение рабочих, занятых в производстве. Я думаю поэтому, что при характеристике материального положения рабочего класса в капиталистических странах следовало бы принять в расчёт также положение резервной армии безработных рабочих»¹.

Необходимо отметить прежде всего тот факт, что на протяжении 1933—1937 гг., несмотря на рост промышленного производства, сохранилась огромная постоянная армия безработных, типичная для периода общего кризиса мировой капиталистической системы. Подъём чехословацкой промышленности после кризиса 1930—1933 гг. не привел к ликвидации или хотя бы к существенному сокращению безработицы.

Более того, нередко подъём производства сопровождался даже увеличением числа безработных. Так, в 1935 г. в Чехословакии наблюдалось увеличение армии безработных до 686 300 человек против 677 000 в 1934 г.² Далее, в ряде отраслей промышленности (горнодобывающей, пищевой, полиграфической, резиновой и целлюлозной), на лесных разработках, в сельском хозяйстве и садоводстве, а также среди поденщиков, домашней прислуги и проч. количество безработных не сокращалось, а непрерывно возрастало на протяжении 1934—1936 гг. и достигло наибольшего числа не в годы кризиса, а именно в годы депрессии особого рода³.

Наконец, на национальных окраинах чехословацкого капиталистического государства общая численность армии безработных беспрестанно возрастала в течение всего этого периода. В 1937 г. в Закарпатской Украине безработных было в 15 раз больше, чем в 1929 г. и на 16% больше, чем в 1933 г. В Словакии количество безработных возросло в феврале 1937 г. до 144 000 (вместе с сельскохозяйственными, лесными и другими рабочими и служащими), т. е. было в 45 раз больше, чем в феврале 1929 г., и на 30% больше, чем в феврале 1933 г.⁴ Самая большая безработица наблюдалась в северочешских районах, особенно в Судетах, где она охватывала 15—20% населения⁵.

В целом по республике общее количество безработных на протяжении трех лет депрессии (1934—1936 гг.) вдвое превышало число безработных в первые три года кризиса (1930—1932 гг.)⁶.

В 1937 г., когда индекс промышленной продукции был на 3,7% ниже наивысшего предкризисного уровня, безработных в стране насчитывалось в 10 раз больше, чем в 1929 г., так как интенсификация труда чехословацких пролетариев, проведенная во время кризиса и депрессии, выбросила за ворота предприятий сотни тысяч рабочих. Помимо того, необходимо принять во внимание рост населения страны.

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 44.

² «Statistická ročenka», Praha, 1938, str. 216.

³ Там же, стр. 218.

⁴ Там же, стр. 217.

⁵ «Мировое хозяйство и мировая политика», 1937, № 4, стр. 148.

⁶ «Statistická ročenka» Praha, 1938, str. 216.

Следует учесть, что данные о безработице фальсифицировались органами буржуазного государства, стремившимися всяческими способами скрыть подлинные размеры бедствий и лишений, которым подвергался рабочий класс. Так, не принимались во внимание те безработные, в семьях которых хотя бы один человек имел работу; исключался из списков каждый, владеющий мельчайшим клочком земли; попросту не учитывались целые районы (особенно в Словакии и Закарпатской Украине), не принимались в расчет безработные, зарегистрировавшиеся на частных биржах, и т. д.

Насколько официальные данные искажали действительные размеры безработицы, видно из следующего примера: в первые месяцы 1935 г. в Чехословакии было около 1 млн. безработных¹, а в сообщениях Национального банка и правительственных отчетах цифра безработных была преуменьшена до 800—830 тыс. человек². В годы кризиса и депрессии в Чехословакии выросло целое поколение пролетариата. Как сообщала газета «Руде право», уже в начале 1936 г. в стране имелось свыше 100 000 молодых рабочих, которые никогда в своей жизни еще не работали.

В конце 1937 г. армия безработных, насчитывавшая сотни тысяч человек, стала быстро увеличиваться в связи с начавшимся в капиталистическом мире новым экономическим кризисом. В ноябре число безработных в Чехословакии, по сравнению с предшествующим месяцем, возросло на 40%, а в декабре — еще на 35%³. Одновременно все больше предприятий переходило к работе с сокращенным числом смен. И без того сотни тысяч рабочих были заняты на производстве неполную неделю, теперь к ним ежедневно прибавлялись новые и новые тысячи рабочих.

Положение безработных в годы депрессии стало значительно хуже, чем в годы кризиса. Правительство, ссылаясь на ожидаемое увеличение занятости, год от года по требованию финансовых магнатов уменьшало пособия по гентской системе и всякую иную помощь безработным. Ежедневная сумма всех видов этих государственных подачек, получаемых безработными, уменьшилась в среднем за период с 1932 по 1935 г. почти на треть⁴.

Пособие по гентской системе получала лишь небольшая часть безработных. Безработные, как заявляло в 1935 г. в своем обращении руководство красных профсоюзов, «живут в величайшей нищете и нужде, без каких-либо надежд на какую-нибудь поддержку, обреченные на жебрачки⁵ и подавания в виде бесплатной похлебки в муниципальных столовых, на ад унижения и придинок, отрабатывая свое нищенское пособие на общественных работах и в трудовых лагерях; они занимаются торговлей из-под полы на улицах, подвергаясь травле со всех сторон, занимаются дикой разработкой заброшенных шахт, бродят от двери к двери, вымаливая милостыню»⁶.

Наличие огромной армии безработных предприниматели использовали для давления на рабочих, занятых на производстве, прежде всего для интен-

¹ Klement Gottwald. Spisy. Sv. VI, str. 118.

² Die Mitteilungen der Cechoslovakischen Nationalbank für das Jahr 1936, S. 984, «Statistická ročenka», Praha, 1938, str. 216.

³ «Мировое хозяйство и мировая политика», 1938, № 3, стр. 175.

⁴ A. Zápotocký. Voj o jednotu odborů. Praha, 1949, str. 248.

⁵ «Жебрачка» — нищенское пособие по безработице, составлявшее 10 крон в неделю на одного человека, что было в 2,5 раза меньше, чем расходы на содержание полицейской собаки.

⁶ A. Zápotocký. Указ. соч., стр. 167.

сификации труда и снижения зарплаты. Рост производительности труда при одновременном снижении заработной платы, рост производительности труда, сопровождаемый обнищанием рабочих, падением даже их номинального заработка, — явление, характерное для бесчеловечной капиталистической системы вообще, для периода общего кризиса капитализма в особенности и в частности для Чехословацкой буржуазной республики.

Весьма выразительно свидетельствует об этом хотя бы положение в угольной промышленности. Так, в Северочешском бассейне за 1935 г. добыча угля возросла на 87 000 т, число же шахтеров, занятых на производстве, сократилось почти на 500 человек, а общая сумма заработной платы, получаемая шахтерами бассейна, уменьшилась более чем на 1 млн. крон. Сокращение заработной платы и повышение добычи угля дало шахтовладельцам увеличение прибылей в 1935 г. на 5 706 565 крон. Положение в горнодобывающей промышленности в целом характеризуется до известной степени данными таблицы 2.

Таблица 2

Количество рабочих, занятых на производстве

Годы	Число рабочих	Число отработанных смен, тыс.
1929	112 745*	31 798*
1933	85 862**	17 902**
1936	80 308**	18 903**

* «Statistická ročenka», Praha, 1934, str. 214.

** Там же, 1938, стр. 230.

За эти годы количество угля, добываемого шахтером в смену, увеличилось с 13,9 центнера в 1929 г. до 15,6 центнера в 1933 г. и 17,2 центнера в 1936 г., т. е. на 25%.

Тем временем заработок шахтера, занятого в горном деле, непрерывно сокращался. Так, за одну проработанную смену он уменьшился с 40,65 кроны в 1929 г. до 39,34 кроны в 1936 г.¹ Следует учесть, что приведенные цифры показывают не действительный заработок, а тот, который шахтер мог бы получать, если бы он имел возможность работать. Десятки тысяч шахтеров этой возможности не имели, об этом говорят цифры сокращения числа рабочих, занятых на шахтах, с 112 745 в 1929 г. до 85 862 в 1933 г. и до 80 308 в 1936 г., т. е. на 22 437 человек, или почти на 30%.

Эта армия шахтеров, выброшенная с производства, не получала никакого заработка. Далее нужно принять во внимание рост числа не только полностью, но и частично безработных. Увеличение частичной безработицы отразилось в количестве смен, отработанных одним шахтером в течение недели. Так, в 1929 г. это составляло 5,4 смены; в 1933 г. — 4,0 смены и

¹ «Statistická ročenka», Praha, 1938, str. 230.

в 1936 г. — 4,5 смены. Потому-то в горнодобывающей промышленности Чехословакии средний годовой заработок сократился с 12 210 крон в 1929 г. до 9247 крон в 1933 г. В 1936 г. он составлял 10 111 крон¹, т. е. несколько увеличился по сравнению с 1933 г., однако это отнюдь не является следствием роста заработной платы, а результатом того, что с ростом количества полностью безработных частичная безработица, по сравнению с наиболее тяжелым кризисным годом, несколько уменьшилась, и определенная часть шахтеров Чехословакии, подвергаясь все большей эксплуатации, стала работать в неделю на один-два дня больше прежнего.

На основании вышеприведенных официальных данных можно представить следующую картину ограбления шахтеров чехословацкими монополиями: Во-первых, 22 437 рабочих, лишившихся работы, потеряли в одном 1936 г. сотни миллионов крон, которые они получали в виде заработной платы в 1929 г. Во-вторых, 80 308 шахтеров, занятых в производстве, заработали в 1936 г. значительно меньше чем в 1929 г. В целом сокращение фонда заработной платы лишь одного из отрядов чехословацкого пролетариата — горнорабочих — составило по меньшей мере 565 млн. крон в год.

Тенденция роста производительности труда при сокращении заработной платы проявилась с еще большей силой к осени 1937 г., когда добыча угля достигла предкризисных размеров, а количество горняков, занятых на шахтах, осталось неизменным по сравнению с 1936 г.

Аналогичные процессы происходили и в остальных отраслях чехословацкой промышленности. «Мало стран в Европе, — говорил К. Готвальд с трибуны парламента в декабре 1936 г., — где производительность так высока, как в Чехословакии, но в то же время мало стран в Европе, где жизненный уровень столь низок, как у нас»².

Таблица 3

Средняя ежедневная заработная плата рабочего*

	1929 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.
Номинальная заработная плата (в кронах)	19,11	16,72	16,30	15,93	16,18	16,99**
% к 1929 г.	100,0	87,6	85,3	83,4	84,7	89,21**

* «Statistická ročenka», Praha, 1938, str. 227.

** Данные взяты за девять месяцев 1937 г.

Данные касс страхования по болезни (табл. 3) не показывают подлинного сокращения номинальных заработков рабочих, именно поэтому эти данные без оговорок признавались официальной статистикой. Действительное снижение номинальной заработной платы у промышленных рабочих Чехословакии было значительно большим, о чем свидетельствуют данные (табл. 4), опубликованные в рабочей печати:

¹ «Statistická ročenka», Praha, 1934, str. 214; 1938, str. 230.² Klement Gottwald, Deset let, str. 71.

Таблица 4.

Недельный заработок рабочих различных профессий (в кронах)*

	Горняк	Стеклодел	Строитель	Металлист	Текстильщик
Номинальная заработная плата до кризиса	230	350	160—250	220	160
Номинальная заработная плата в 1936 г.	110	160	100—170	150	100
% к докризисному уровню	44	46	62—68	68	62

* «Rudé právo», 6/IX 1936.

За равный труд работницы в Чехословакии всегда получали меньше рабочих-мужчин. За годы кризиса и депрессии особого рода эти «ножницы» увеличились с 37 до 40%.

На национальных окраинах буржуазной республики заработная плата была еще ниже (в Словакии, например, на 20—25% меньше, чем в Чехии и Моравии)¹. Выразительным свидетельством возрастающего обнищания чехословацкого пролетариата явилось увеличение удельного веса низкооплачиваемых категорий. Среди лиц наемного труда менее 18 крон в день (около 100 крон в неделю) получали в 1929 г. 51%, в 1933 г.—62%, а в 1936 г.—уже свыше 64% рабочих. В то же время число рабочих и служащих, получавших свыше 25 крон в день (т. е. свыше 150 крон в неделю), сократилось с 29% до 19%².

Обнищание рабочих и служащих усугублялось снижением реальной заработной платы в результате двойной девальвации кроны (в 1934 и 1936 гг.) и быстрого роста цен³, обусловленного в первую очередь интенсивной картелизацией внутреннего рынка.

Даже буржуазная статистика и министры буржуазного правительства вынуждены были признавать факт обнищания пролетариата. Министр социального обеспечения Ф. Нечас в своей речи 21 ноября 1936 г. заявил: «При существующих в настоящее время ценах рабочей семье из пяти человек для покупки необходимого продовольствия потребовалось бы 150 крон в неделю, помимо затрат на обувь, одежду, белье, квартиру и т. д. О культурных потребностях говорить уже не приходится. В то время, как только для необходимого продовольствия требуется еженедельно около 150 крон, средний заработок рабочего составляет от 120 до 130 крон в неделю»⁴.

Работники физического и умственного труда Чехословакии в своей подавляющей массе стали жить еще хуже, чем жили до кризиса. Официальный прожиточный минимум в 1929 г. равнялся в Чехословакии 100 кронам в неделю. Меньше этого зарабатывала тогда в стране половина работников наемного труда. К 1937 г. прожиточный минимум, по свидетельству бур-

¹ «Rudé právo», 5/XII 1936.² «Statistická ročenka», Praha, 1938, str. 226.³ Оптовые цены с 1934 по 1937 г. поднялись на 19%. Еще больше вздорожали товары в розничной торговле. По сравнению с 1934 г. в августе 1936 г. цены поднялись: на говядину—с 8,55—11,9 до 15—18 крон, на телятину—с 9,3 до 14—26 крон, на сало—с 11,15 до 16 крон, на колбасы—с 16,05 до 20 крон, на хлеб—с 1,5—2 до 2,35—2,5 кроны за кг и т. п.⁴ J. Ulrich, Základy marxistické ekonomie. Praha, 1949, str. 199.

жуазного министра, поднялся до 150 крон в неделю, а более 150 крон в неделю не получали и 20% рабочих и служащих. Это означало, что уже не половина, как в 1929 г., а по крайней мере четыре пятых всех работников наемного труда Чехословакии в 1936 г. не имели возможности удовлетворить свои потребности даже в пределах крайнего минимума¹.

Еще хуже было положение рабочих на национальных окраинах, подвергавшихся двойному гнету. Некоторое представление об этом дают данные о заработной плате в различных районах страны, появившиеся в социал-демократической печати, и как обычно в подобного рода изданиях, приукрашивающие подлинное состояние дел. Однако и эти фальсифицированные данные ясно говорят о том, что в Словакии и Закарпатской Украине значительно более широкие слои пролетариата получали заработную плату ниже официального прожиточного минимума. Так, не более 150 крон в неделю получали в Словакии примерно 90% всех рабочих, а в Закарпатской Украине — даже 96%².

Данные, представленные официальной статистикой и содержащиеся в выступлениях чиновников капиталистического государства, представляют невольное свидетельство (весьма далекое, разумеется, от подлинной картины) абсолютного обнищания рабочих и служащих Чехословакии за восемь лет кризиса и депрессии особого рода. Факты неопровержимо доказывают, что преобладающее большинство пролетариев Чехословакии, даже тех, кто имел работу в течение круглого года, было обречено на полуголодное существование.

За счет снижения номинальной заработной платы, роста дороговизны, огромной хронической безработицы, пролетариат и трудовая интеллигенция страны за 1930—1937 гг. потеряли более 70 млрд. крон. Некоторое представление о чудовищных размерах ограбления трудящихся города банками и монополиями дает сопоставление этой потери с национальным доходом Чехословакии, который в 1937 г. составлял 66,7 млрд. крон³.

Столь же неприглядным в капиталистической Чехословакии было положение основной массы крестьянства.

В результате высокой степени развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве в чехословацкой деревне ускоренными темпами шел процесс классового расслоения. По мере увеличения и обогащения кулацких и помещичьих хозяйств, сосредоточивавших в своих руках все более преобладающую массу средств и орудий производства, углублялся процесс обнищания и пролетаризации трудового крестьянства, сопровождавшийся разорением, размыванием середняцких хозяйств и ростом числа бедняцких и батрацких хозяйств.

Характерное для капитализма отделение мелкого производителя от средств производства зашло в Чехословакии столь далеко, что почти половина взрослого населения деревни превратилась в постоянных или времен-

¹ В основу вышеприведенных расчетов положены данные, почерпнутые из отчетов касс больничного страхования. Эти данные не отражают подлинного положения и создают ложное впечатление о более высоком, чем в действительности, заработке рабочих. Учитывая это, можно с уверенностью сказать, что заработную плату ниже прожиточного уровня получали более широкие слои рабочих, чем это можно себе представить по данным больничного страхования. Показателен следующий факт: когда официальный прожиточный минимум равнялся 500 кронам в месяц, заработную плату ниже этого минимума получали 56% служащих и 80% рабочих.

² «Pravo lidu», 9/III 1938.

³ «Statistický zpravodaj», рош. I, str. 373.

ных сельскохозяйственных рабочих¹. В стране насчитывалось 629 857 хозяйств, которые, пользуясь ленинской терминологией, следует назвать в массе своей пролетарскими, т. е. такими хозяйствами, в которых большинство хозяев считает своим главным занятием самостоятельное ведение земледелия, — в которых большинство является наемными рабочими и т. п. Это — хозяйства «домкаржей», с земельным участком до 2 га. Согласно переписи 1930 г., они составляли свыше 44% всех крестьянских хозяйств страны, владея между тем всего лишь 4,5% всей земли (612 399 га). Группа бедняцких хозяйств (от 2 до 5 га) составляла 27% всех хозяйств и владела менее 11% всей земли. Средняцким хозяйствам (от 5 до 10 га), составлявшим примерно 15% сельскохозяйственных предприятий, принадлежало 13,6% всей земли в стране. Кулачество и помещики, представляя собой численно небольшую прослойку чехословацкой деревни, владели почти 71% всей сельскохозяйственной площади. В целом по республике 16 135 помещиков имели почти столько же земли, сколько 1 168 214 батрацких и бедняцких хозяйств размером до 5 га каждое. Что касается Словакии, то там помещикам принадлежало 53,3% земли, а мелким крестьянским хозяйствам, размером до 5 га, — всего 12,5% земли. В Закарпатской Украине помещикам и кулакам принадлежало 80% земли, тогда как 110 000 крестьянских хозяйств располагали участками менее 3 га каждое, причем 25 000 хозяйств не имели земли вовсе.

Наряду с концентрацией преобладающей части и притом лучшей земли, кулаки и помещики сосредоточили в своих руках огромное количество машин для обработки земли, имевшихся в стране и употреблявшихся в сельском хозяйстве. Так, из 3682 тракторов, работавших в 1930 г. на полях Чехословакии, 3482 (95%) принадлежало кулацким и помещичьим хозяйствам. Механизация полевых работ возрастала в зависимости от увеличения хозяйств (табл. 5).

Таблица 5

Механизация полевых работ*
(по данным переписи 1930 г.)

Размер хозяйств	Число хозяйств	Количество лошадиных сил
до 10 га	1 458 832	2 070
11—50 „	179 589	31 920
свыше 50 „	10 203	86 020

*«Tvorba», роён. XI, str. 297.

Капиталистическая Чехословакия была яркой иллюстрацией к выводу, сделанному В. И. Лениным в отношении всех капиталистических стран: «Если данные об употреблении немногих усовершенствованных орудий и сельскохозяйственных машин показывают нам, что их употребление растет с размерами хозяйств, то это значит, что мелкое производство в земледелии плохо обеспечено всеми необходимыми орудиями. Это значит, что в мелком производстве соединяется расхищение труда на содержание необъятной массы плохих и устарелых, годных лишь для крохотного хозяйства, орудий и тяжелая нужда, заставляющая надрываться крестьянина, чтобы

¹ А. И. Недорезов. Земельная реформа в народно-демократической Чехословакии (1945—1948 гг.). «Вопросы истории», 1950, № 11, стр. 46.

кое-как продержаться с этими устарелыми, варварскими, орудиями на своем клочке земли»¹.

Низкая производительность труда, отсутствие средств на покупку необходимых минеральных удобрений и проведение мелиоративных работ в конечном счете приводили к низкому доходу в мелкокрестьянском хозяйстве (табл. 6).

Таблица 6

Доход с 1 га земли, засеянной рожью*

	Размер хозяйства, га		
	от 2 до 5	от 20 до 50	свыше 50
Чистый доход с 1 га (в кронах)	366	1083	1121

* «Odboj pracujiciho venkova», 6/XI 1937.

Сравнительно более высокие доходы кулацкого и помещичьего хозяйства объяснялись не только и не столько большими вложениями капитала (лучшие орудия и средства обработки, удобрения, мелиорация и пр.), сколько эксплуатацией наемного труда. Все виды капиталистического дохода вместе с доходами от сдачи земли в аренду возрастали с размерами хозяйств. Соответственно с этим увеличивалась и обеспеченность владельцев хозяйств и их семейств (табл. 7).

Таблица 7

Доход и потребление сельскохозяйственных предприятий
(в кронах)*

Размер хозяйства	Доход от работы членов семьи	Капиталистический доход	Всего	Потребности владельца и семьи	Избыток дохода над потребностями
До 5 га	6 957	— 497	6 460	7 379	— 919
5—10 „	8 835	3 415	12 250	10 425	1 825
10—20 „	11 145	9 795	20 940	16 695	4 245
20—50 „	11 940	17 490	29 430	21 990	7 440
Свыше 50 „	12 940	37 563	50 503	36 423	14 080

* В основу таблицы положены данные официальной статистики, касающиеся зерновых и картофельных хозяйств за 1936—1938 гг. (J. Pelikan. Třidni rozklad vesnice. Praha, 1950, str. 41.)

Обращает внимание прежде всего тот факт, что в кулацких и помещичьих хозяйствах основным источником дохода является капиталистическая прибыль. Несмотря на явно завышенные официальной статистикой размеры «трудовых» доходов (особенно в крупных помещичьих хозяйствах), капиталистическая прибыль составляет главную статью доходов (от половины в группе хозяйств размером от 10—20 га до четырех пятых — в группе хозяйств размером свыше 50 га).

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 409.

Хозяйства, эксплуатирующие чужой труд и получающие капиталистическую прибыль, имеются и в группе с земельными участками в 5—10 га. Однако в этой группе явно преобладают хозяйства, существующие преимущественно за счет собственного труда, но, как всегда в условиях капиталистического строя, едва сводящие концы с концами. Наконец, хозяйства первой группы — бедняцкие хозяйства не эксплуатируют наемный труд, а, напротив, сами продают свои рабочие руки и подвергаются эксплуатации. Их собственное хозяйство служит источником не доходов, а убытков, которые восполняются путем подработок на стороне. Впрочем, продажей рабочей силы принуждено было в той или иной степени заниматься все трудовое крестьянство, в том числе и середняки¹.

Итак, крупное хозяйство проявляет свои преимущества над мелким не только в промышленности, как мы это уже видели, но и в сельском хозяйстве. Однако укрупнение хозяйства путем развития капиталистических предприятий как в промышленности, так и в сельском хозяйстве ведет к обнищанию и разорению мелкотоварных производителей, к вытеснению их в ряды пролетариев. Как в промышленности, так и в сельском хозяйстве развитие капиталистического производства определяется основным экономическим законом современного капитализма.

Именно земледелие, особенно зерновое хозяйство, обеспечивало в Чехословакии наибольшие прибыли в области сельского хозяйства. Даже подсчеты, проведенные чехословацкими буржуазными экономистами, свидетельствуют о том, что в то время как растениеводство обеспечивает устойчивые прибыли, животноводство в условиях капиталистического строя приносило убытки: за период с 1925 по 1938 г. ежегодный хозяйственный баланс (в перерасчете на 1 га сельскохозяйственной площади) составлял в растениеводстве 9635,43 кроны чистой прибыли, а в животноводстве — 351,17 кроны убытка.

Эти данные, однако, не дают сколько-нибудь верного представления о действительном положении помещичьих имений и хозяйств трудового крестьянства. Нужно прежде всего учитывать, что, как это было отмечено, доходы с 1 га земли, засеянной одной и той же зерновой культурой, различны и весьма существенно различны у помещика и у бедняка с середняком. Далее, возможности ведения зернового хозяйства для трудового крестьянства были минимальные ввиду незначительности размеров земли, имевшейся в его распоряжении. Другие возможности имелись у помещиков и кулаков, захвативших основные массивы пахотной и притом лучшей земли. Продукция растениеводства, прежде всего зерновая продукция, дававшая наивысшую прибыль, служила основным источником доходов в хозяйствах помещиков. В силу ограниченных размеров земли трудовому крестьянству не оставалось ничего другого, как сосредоточивать усилия своего мелкотоварного производства в области убыточного животноводства, которое и составляло 70% всех «доходов» бедняцкого и середняцкого хозяйства².

Для утешения многомиллионных масс разоряемого крестьянства прислужниками капитала была вымышлена и пущена в ход лживая «теория» о том, что якобы мелкокрестьянское хозяйство проявляет устойчивость в

¹ Среди сельскохозяйственных предприятий размером до 10 га в 175 699 хозяйствах земледелие было главным занятием, а продажа рабочей силы — второстепенным, тогда как в 582 454 хозяйствах, наоборот, земледелие стало второстепенным занятием, а продажа рабочей силы — главным. (J. Ulrich. Указ. соч., стр. 146).

² A. Nedvěd. Třicet let republiky a zemědělská politika. Praha, 1949, str. 11.

борьбе с крупным хозяйством в земледелии. Нетрудно понять, что такая «устойчивость» хуже всякой неустойчивости.

Действительно, мелкие крестьяне Чехословакии, как и других капиталистических стран, чтобы не быть окончательно разоренными, надрывали свои силы в чрезмерно тяжелом и длительном труде; сурово ограничивали себя и свою семью в питании, отказывались от элементарных культурных потребностей и т. д. Поэтому-то потребности бедняцких семейств, как это видно из приведенной таблицы, оказались в 5 раз, а у середняцких семейств — в 3,6 раза меньше, чем у помещичьих семейств.

И. В. Сталин говорил о мелком крестьянине Западной Европы: «Он копил деньги годами для того, чтобы купить клочок земли, он его купил и, понятно, он не хочет с ним расстаться, предпочитая переносить все и всякие лишения, предпочитая впасть в дикость, в нищету, лишь бы отстоять свой клочок земли — основу его индивидуального хозяйства»¹.

Таким был и мелкий крестьянин Чехословакии. Здесь, как и во всем капиталистическом мире, развитие сельского хозяйства шло по линии обнищания крестьян и поглощения их хозяйств капиталистическими предприятиями. За годы мирового экономического кризиса в Чехословакии были разорены и проданы с торгов сотни тысяч крестьянских хозяйств, другие сотни тысяч крестьян распродали свои земли, в том числе и те наделы, которые, как жалкие крохи, попали в руки мелкого крестьянства в результате пресловутой аграрной реформы 1919 г. Правда, обнищание крестьянства, может быть, не выступало так явственно, как обнищание пролетариата: Широкое крестьянское движение, поднявшееся под прямым воздействием примера революционной борьбы рабочего класса, принудило правительство издать специальное распоряжение о временной приостановке распродажи разорившихся крестьянских хозяйств². Но разорение и классовое расслоение деревни, пролетаризация чехословацкого крестьянства неуклонно продолжались. Положение крестьянства ухудшалось еще и тем обстоятельством, что в то время, как промышленный кризис прекратился в 1933 г., кризис сельскохозяйственный продолжал свою разрушительную работу.

Если в 1933 г. задолженность проданных с молотка 161 000 крестьянских хозяйств равнялась 224 млн. крон, то в 1934 г. банками и ростовщиками были поданы иски на распродажу с аукциона новых десятков и сотен тысяч крестьянских хозяйств, общая задолженность которых поднялась до 10 млрд. крон. К концу 1935 г. уже 600 000 хозяйств бедноты и средних крестьян Чехословакии подлежали продаже за долги. Едва ли четвертая часть всех крестьянских хозяйств не находилась в долговой кабале. Ежегодно трудовое крестьянство Чехословакии выплачивало до 2 млрд. крон только в виде процентов за долги.

Главная тяжесть огромного долга, достигавшего нескольких десятков миллиардов крон, была взвалена на хозяйства размером до 20 га. На их долю приходилось 74% этого непосильного бремени. Что же касается земли, обрабатываемой домкаржами, бедняками и середняками, то здесь на каждый гектар приходилось в среднем до 5500 крон долгов, что почти равнялось цене одного гектара земли в Чехословакии. Иными словами, мельчайшие и мелкие земледельцы лишь формально были собственниками «своего» клочка земли, который фактически давно не принадлежал им.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 12, стр. 151.

² «Sbirka zákonů a nařízení», рош. 1934, částka 51, č. 155.

По сути дела, трудящийся крестьянин в Чехословакии превратился в невольника финансового капитала, подвергаясь не менее зверской эксплуатации, чем промышленный рабочий.

Значительно ухудшила положение трудового крестьянства хлебная монополия. Небольшие товарные «излишки», которые создавались за счет уменьшения и без того крайне скудного питания крестьянских семей, бедноте и середнякам приходилось продавать осенью, когда цены были наиболее низкие. Цены, установленные хлебной монополией, были ниже тех цен, которые существовали бы на вольном рынке. Преобладающему большинству хозяйств трудового крестьянства своего хлеба до нового урожая не хватало. Между тем продажные цены на зерно, хлеб, муку после введения монополии резко возросли. В два раза подскочили и цены на корм, что опять-таки жестоко ударило по крестьянским хозяйствам, в бюджете которых весомую долю составляли продукты животноводства. Из-за недостатка кормов в деревнях начали резать скот. Его поголовье уменьшилось. В течение одного года действия хлебной монополии число коров в Чехословакии сократилось на 100 000 голов, число свиней — на 800 000¹. Сокращение это происходило исключительно за счет мелкокрестьянских хозяйств. Кулацкие и помещичьи хозяйства имели достаточно корма для своего скота. Помещики получали, кроме того, почти даром наилучшие корма для скота — барду, мелассу, жмых и прочие отходы со своих сахароваренных, винокуренных, пивных, маслосточных и других предприятий. Помещичье хозяйство вытесняло мелкого крестьянина и из скотоводства — таков результат хлебной монополии.

Хлебная монополия поддерживала цены на зерно на таком высоком уровне, что, например, цена одного центнера пшеницы в Чехословакии превышала в полтора-два раза цены на мировом рынке.

Результатом хлебной монополии был, наконец, рост арендной платы за землю. Высокие цены, установленные на пшеницу, побудили помещиков и кулаков к расширению посевов этой культуры в ущерб всем остальным, особенно кормовым. Зерновая продукция сельского хозяйства Чехословакии стала возрастать за счет животноводческой. Если в годы первой мировой войны посевные площади под зерновыми составляли 47%¹ всей пахотной земли, то в 1937 г. они увеличились уже до 56%². Кулацкие и помещичьи хозяйства, расширяя собственные запашки под зерновыми, главным образом под пшеницей, увеличили арендную плату на 30—40%³. Это опять-таки ударило по сотням тысяч крестьянских хозяйств, так как большинство их приарендовывало землю.

Хлебная монополия ухудшила материальное положение трудящихся в городе. Установление высоких монопольных цен на зерно (продажных) привело к вздорожанию хлеба и муки. За год цена муки и хлеба повысилась на 30—40%, что означало обесценение реальной заработной платы на 10—15%.

Ограбленные банками, монополиями, аграрными кооперативами, притесняемые государством и гонимые сворой судебных исполнителей, сотни тысяч чехословацких крестьян все плоды своего тяжелого труда отдавали угнетателям, работая на них с утра до ночи и не получая дохода, равного даже самой низкой заработной плате. Сплошь и рядом налоги государству, пла-

¹ «Program záchrany zemědělského lidu», str. 11.

² Antonín Zápotocký. Naši základní ukol — první Gottwaldová pětiletka, Praha, 1949, str. 6.

³ «Аграрный вопрос и крестьянское движение», М., 1935, т. 1, стр. 150.

тежи за землю, полученную по аграрной реформе, проценты ростовщикам и банкам поглощали весь или почти весь годовой доход бедняцкого хозяйства. Положение трудящихся масс деревни продолжало ухудшаться.

Одним из важных факторов дальнейшего обнищания крестьянства в буржуазной Чехословакии было стремление капиталистических промышленных монополий удержать на высоком уровне цены на свои товары и снизить цены на сырье и изделия, принадлежавшие неорганизованным производителям. Расхождение между ценами на промышленные товары и сельскохозяйственную продукцию, служившее источником максимальной капиталистической прибыли, особенно увеличилось за время экономического кризиса перепроизводства и депрессии особого рода. В силу этого резко возросла по сравнению с периодом, предшествовавшим кризису, разница между доходами крестьянских хозяйств от продажи сельскохозяйственных продуктов и расходами на покупку средств производства и промышленных изделий широкого потребления. Что это практически означало для крестьянина, наглядно показывают следующие конкретные примеры. Крестьянин-свекловод за 1 ц сахарной свеклы в 1925 г. мог приобрести 5,5 кг сахара, а в 1934 г. — всего 1,5 кг сахара. Чехословацкий хлебопашец, продав 1 ц зерна, мог купить в 1925 г. 116 кг угля, а в 1933 г. — только 46 кг¹. Для полукOLONиального режима эксплуатации, установленного чешским финансовым капиталом в Словакии и Закарпатской Украине, было типично, что здесь цены на сельскохозяйственные продукты были ниже, а на промышленные товары значительно выше, чем в Чехии и Моравии.

Говоря о противоположности между городом и деревней, И. В. Сталин указал, что экономической основой этой противоположности является эксплуатация деревни городом, экспроприация крестьянства и разорение большинства деревенского населения всем ходом развития промышленности, торговли, кредитной системы при капитализме. Поэтому противоположность между городом и деревней при капитализме нужно рассматривать как противоположность интересов. На этой почве возникло враждебное отношение деревни к городу и вообще к городским людям.

Чехословацкая буржуазия эту враждебность, порождаемую противоположностью между капиталистическим городом и деревней, стремилась использовать для разжигания вражды между промышленными пролетариями и трудящимися крестьянами. Однако противоположности между капиталистическим городом и мелкокрестьянской деревней противостояло единство коренных интересов рабочего класса и трудового крестьянства. В основе этого лежал тот факт, что капитал эксплуатирует не только пролетариев, но и миллионы полупролетарских слоев деревни, задавленных капитализмом и могущих быть союзниками пролетариата в борьбе за освобождение общества от капиталистического гнета.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В СТРАНЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕХОСЛОВАКИИ В 1933—1934 гг. БОРЬБА РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЛЕТАРИАТА ПРОТИВ УГРОЗЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ФАШИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Экономический кризис перепроизводства, явившись выражением несоответствия между развитыми капитализмом производительными силами и капиталистическими производственными отношениями, в свою очередь

¹ «Аграрный вопрос и крестьянское движение», М., 1935, т. 1, стр. 140.

обострил это несоответствие, усилил разложение мировой экономической системы капитализма, привел к увеличению хронической недогрузки предприятий, хронической массовой безработицы, к отсутствию сколько-нибудь серьезного обновления основного капитала, обычно наступавшего после окончания кризиса и предвещавшего наступление подъема, и т. п. Действие внутренних сил капиталистического производства, подчиненного извлечению максимальной прибыли и в силу этого оторванного от потребления, оказалось ослабленным, и капиталистические страны, так и не успевшие за годы депрессии особого рода оправиться от ударов недавнего кризиса; в 1937 г. очутились перед лицом нового экономического кризиса.

Прозябанию производительных сил в странах капитала противостоял непрерывный подъем производительных сил в Советском Союзе, получивших здесь полный простор для своего развития благодаря победе социалистических производственных отношений во всех отраслях народного хозяйства. Существование Советского Союза и особенно успехи социалистического строительства в Советском Союзе — величайший фактор, расшатывающий и разлагающий мировой капитализм.

Все более усиливающееся разложение мировой экономической системы капитализма, с одной стороны, и растущая экономическая мощь отпавших от капитализма стран, с другой — такова основа общего кризиса мировой капиталистической системы.

Но общий кризис капитализма захватывает не только капиталистическую экономику. Он является общим, т. е. всесторонним, кризисом мирового капитализма и охватывает как экономику, так и политику. Загнивание экономического базиса капиталистического общества неизбежно вызывает серьезные изменения в области его империалистической надстройки.

«Надстройка, — подчеркивает *И. В. Сталин, — порождается базисом, но это вовсе не значит, что она только отражает базис, что она пассивна, нейтральна, безразлично относится к судьбе своего базиса, к судьбе классов, к характеру строя»¹. Надстройка является величайшей активной силой. Империалистическая надстройка активно защищает свой базис, активно обслуживает определенный, а именно — экономически господствующий класс, в ущерб другим классам. Империалистическая надстройка активно борется за сохранение старого, отжившего свой век капиталистического базиса. В эру загнивания и крушения капитализма, в эру победоносных пролетарских революций империалистическая надстройка не может не быть в высшей степени реакционной силой.

«Политической надстройкой над новой экономикой, над монополистическим капитализмом (империализм есть монополистический капитализм), — указывал В. И. Ленин, — является поворот от демократии к политической реакции. Свободной конкуренции соответствует демократия. Монополии соответствует политическая реакция»². Реакционность империалистической надстройки особенно усиливается в период общего кризиса мирового капитализма. Она становится все более реакционной по мере того, как капиталистическая система разлагается, клонясь к неотвратимому упадку и неизбежной окончательной гибели.

Мировой экономической кризис 1929—1933 гг., порожденное им небывалое обострение политического положения в капиталистических странах как внутри этих стран, так и между ними, обусловили дальнейшее углуб-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 7.

² В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 31.

ление общего кризиса капитализма, в частности решительное усиление реакционного характера империалистической надстройки.

Это сказалось в первую очередь на государственно-правовой надстройке в силу того, что она непосредственно примыкает к базису и прежде всего отражает происходящие в нем изменения. Как уже отмечалось, в годы экономического кризиса и депрессии особого рода в Чехословакии продолжал интенсивно развиваться процесс подчинения государственного аппарата монополистическим объединениям. Господствующие классы Чехословакии, оказавшись лицом к лицу с нарастающим возмущением доведенных до нужды и отчаяния трудящихся, стали хвататься за самые рискованные средства борьбы, как последние средства обреченных.

Крупный монополистический капитал Чехословакии стремился свести на нет последние остатки парламентаризма и буржуазной демократии, опасаясь, что они могут быть использованы пролетариатом в его борьбе против угнетателей. За годы экономического кризиса присущие финансовой олигархии стремления к фашизму значительно усилились и получили свое выражение в бесчисленных репрессиях, которые были направлены к тому, чтобы загнать в подполье компартию и обуздать путем террора рабочий класс Чехословакии.

Стремление господствующих классов капиталистических стран к фашистской диктатуре есть признак слабости буржуазии, неспособности ее в обстановке обострения классовой борьбы властвовать старыми методами парламентаризма и буржуазной демократии. Установление фашизма есть попытка буржуазии предотвратить крушение своего господства путем перехода во внутренней политике к террористическим методам управления.

Кризис парламентаризма и буржуазной демократии — явление, характерное для капитализма в период его общего кризиса, когда буржуазия стала еще более реакционной, потеряла связи с народом и тем ослабила себя. В речи на XIX съезде партии И. В. Сталин говорил:

«Раньше буржуазия позволяла себе либеральничать, отстаивала буржуазно-демократические свободы и тем создавала себе популярность в народе. Теперь от либерализма не осталось и следа. Нет больше так называемой «свободы личности», — права личности признаются теперь только за теми, у которых есть капитал, а все прочие граждане считаются сырым человеческим материалом, пригодным лишь для эксплуатации. Растоптан принцип равноправия людей и наций, он заменён принципом полноправия эксплуататорского меньшинства и бесправия эксплуатируемого большинства граждан. Знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт»¹.

Реакционность буржуазии как класса имеет глубочайшие материальные основания и определяется самим положением буржуазии в системе современных общественно-экономических отношений. Буржуазия была передовой силой на заре буржуазной революции, когда она была кровно заинтересована в осуществлении закона об обязательном соответствии производственных отношений характеру производительных сил. С тех пор капиталистические производственные отношения пришли в непримиримое противоречие с характером производительных сил, из главного двигателя производительных сил превратились в тормоз их развития. В силу этого буржуазия, которая является носителем капиталистических производственных отношений, не может не быть реакционной, контрреволюционной

¹ И. В. Сталин. Речь на XIX съезде партии. Госполитиздат, 1952, стр. 11—12.

силой. Реакционность буржуазии обуславливается, таким образом, ее кровной классовой заинтересованностью в увековечении изживших себя капиталистических производственных отношений, сохранение которых служит основным предварительным условием получения максимальной и вообще любой капиталистической прибыли.

Вполне закономерно, что буржуазная надстройка, поставленная на службу реакционнейшей цели, сама становилась все более реакционной. Это в полной мере относится и к государственно-правовым учреждениям и взглядам, наблюдавшимся в Чехословакии в изучаемый период, характеризующий нараставшей угрозой фашизма внутри страны.

Но 1933—1937 г. характеризуются также и растущей угрозой целостности и независимости Чехословацкой республики со стороны гитлеровской Германии, агрессивные устремления которой, в частности против Чехословакии, получили прямую и косвенную поддержку со стороны Англии с Францией и стоявших за их спиной США. Чехословацкая буржуазия предала дело национальной независимости, так же как она предала дело демократии. В годы, предшествующие роковой для народов Чехословакии и постыдной сделке англо-франко-американских империалистов с Гитлером и Муссолини в Мюнхене, чехословацкая буржуазия проявила свою полнейшую неспособность отстаивать насущные национальные интересы и позорно обанкротилась, превратившись в послушное орудие империалистических провокаторов войны — германских милитардеров и их пособников из стана англо-франко-американских воротил финансового капитала.

История Чехословакии в 1933—1937 и последующие годы еще раз подтвердила, что буржуазия свои прибыли ставит выше интересов отечества и его независимости.

В. И. Ленин неоднократно указывал, что когда дело касается до классовых прибылей, буржуазия продает родину и вступает в торгашеские сделки против своего народа с какими угодно чужеземцами, и подчеркивал, что «таков закон классовых интересов, классовой политики буржуазии во все времена и во всех странах»¹. С тем большей силой этот объективный закон классовой борьбы действует в период общего кризиса капитализма, когда вдохновляемые великим примером Советского Союза и руководимые марксистско-ленинскими коммунистическими партиями рабочий класс капиталистических стран и трудящиеся колониально-зависимых стран сплачиваются в единый революционный фронт пролетариев и угнетенных народов и выступают в качестве самостоятельной политической силы, ведущей решительную борьбу за свержение империализма.

Предательство буржуазией национальных интересов выявилося, как никогда прежде, в канун второй мировой войны, в ходе ее и в послевоенное время. Теоретически обобщив гигантский опыт классовой борьбы в условиях обостряющегося и углубляющегося общего кризиса мирового капитализма, И. В. Сталин указал в своей речи на XIX съезде партии:

«Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их «превыше всего». Теперь не осталось и следа от «национального принципа». Теперь буржуазия продает права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт»².

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 9.

² И. В. Сталин. Речь на XIX съезде партии, стр. 12.

Природа капиталистического государства, учит ленинизм, такова, что из двух основных его функций главной является внутренняя функция — держать в узде эксплуатируемое большинство. Внешняя функция всякого эксплуататорского государства, в том числе и капиталистического, направленная на расширение территории господствующего класса за счет территории других государств или на защиту территории своего государства от нападений других государств, является не главной, а подчиненной задаче сохранения господства эксплуататорского меньшинства.

История Чехословакии подтвердила это коренное положение марксизма-ленинизма, ярко показав, что господствующие классы капиталистической страны отказываются от защиты своего государства, если организация обороны и активное участие народных масс в защите национальной независимости создает угрозу сохранению господства буржуазии и помещиков, основам их экономической и политической власти, дающей возможность наживаться на эксплуатации рабочих и крестьян.

В буржуазной республике имелось большое количество общественно-политических организаций господствующих классов. При всем их многообразии и численности им была присуща одна общая черта: все они стояли на почве капитализма, активно защищали и охраняли капиталистический строй, его экономический базис и прежде всего его основу — частную собственность на средства производства.

Имея эту общую кровную заинтересованность, различные группы и группировки господствующих классов Чехословакии преследовали свои специфические интересы. Кроме того, помещики и капиталисты различных наций создали особые чешские, словацкие, немецкие и иные партии и союзы, которые стремились отстоять особые интересы тех или иных эксплуататорских группировок той или иной национальности страны.

Чешские финансовые, промышленные и аграрные монополисты были политически организованы, помимо различных предпринимательских объединений, в аграрной и примыкавшей к ней живнostenской партиях, Национальной лиге и Национальном фронте, Национальной фашистской общине и других фашистских группировках.

«Республиканская партия земледельческого и мелкокрестьянского люда», как официально именовалась аграрная партия, служила основным политическим орудием чешского финансового капитала в деле эксплуатации деревни, экспроприации крестьянства и разорения большинства деревенского населения. Имея серьезные позиции в различных отраслях тяжелой и легкой промышленности, аграрии теснее всего были связаны с сельским хозяйством, со скупкой, продажей и переработкой продукции земледелия и животноводства, производством машин, орудий обработки земли, удобрений и т. д. Аграриям принадлежала также преобладающая часть земельных угодий страны, сильно разветвленная сеть кредитных учреждений и сбытовой кооперации (так наз. Центрокооператива) в чехословацкой деревне.

Аграрная партия выражала и отстаивала классовые интересы крупных обуржуазившихся помещиков, финансовых магнатов и промышленников-монополистов. В их руках находилось все руководство партии. В составе ее центрального органа — исполнительного комитета, насчитывавшего к началу 1938 г. 150 членов, имелось 123 помещика и предпринимателя, 22 крупных кулака и всего пять представителей массовой крестьянской организации «Домовина» (как правило, эти представители были тоже помещиками, кулаками и заводчиками).

Хотя аграрная партия имела около 350 окружных организаций, численность ее не была велика. Проводниками влияния аграриев в крестьянских массах служили разнообразные союзы и товарищества: «Чехословацкая домовина» — важнейшая массовая организация партии, насчитывавшая 100 000 членов — батраков, бедняков и мелких крестьян; «Республиканская молодежь» (свыше 100 000 членов), свыше 60 разнообразных организаций, в том числе объединения мелких производителей¹, объединения мельников, ремесленников, ветеринаров, союзы мелиорации, электротехники, вооруженные кулацкие отряды «Сельская кавалерия» и т. д. Кроме того, почти в каждой деревне имелся аграрный кооператив. Общее количество их достигало 12 000. Всеми этими массовыми организациями объединялось около 1 млн. членов. Желтые профсоюзы («Отборова еднота»), объединяющие преимущественно так называемых коворольников (многочисленных рабочих, не порвавших связи с сельским хозяйством), аграрии использовали как средство проникновения в среду пролетариата.

Аграрная партия являлась яркой иллюстрацией того, как в условиях империализма происходит гигантский рост подкупа буржуазных политических партий финансовой олигархией. Весь аппарат аграрной партии, ее представители в правительстве и парламенте находились на содержании монополистических объединений. Необходимо подчеркнуть, что этот подкуп не носил, как прежде, спорадического характера, а был планомерным и организованным. Он уже сложился в определенную систему финансирования аграрной партии за счет черных фондов чехословацких монополий. Так, например, Союз промышленников-спиртозаводчиков с каждого гектолитра выработанного спирта отчислял руководству партии определенный процент прибыли (табл. 8).

Таблица 8

Отчисления в фонд аграрной партии с каждого гектолитра спирта, выработанного Союзом промышленников-спиртозаводчиков*
(в кронах)

Годы	Производство спирта, гл	С 1 гл аграрная партия получала	Общая сумма отчислений в фонд аграрной партии
1932—1933	270 000	10	2 700 000
1933—1934	280 000	7	1 960 000
1934—1935	275 000	5	1 375 000
1935—1936	239 000	5	1 195 000
1936—1937	276 000	8	2 208 000
1937—1938	317 000	8	2 536 000

* V. Indra. Rudolf Beran. Dokumenty zrady.
Praha, 1946; str. 13.

Десятки миллионов крон аграрная партия получала также и от других организаций спиртозаводчиков (например, от Товарищества земледельцев-

¹ Центральное объединение свекловодов с 80 000 членов, Центральное объединение хмелеводов и подобные им объединения возделывателей картофеля и овощей, организации льноводов, виноградарей, садоводов.

винокуров и объединения очистительных заводов). Регулярные взносы в кассу аграрной партии поступали от сахарного картеля (8—4 млн. крон ежегодно), от монополистических объединений в области солодовой, мукомольной, льноткацкой и других отраслей сельскохозяйственной промышленности, в области импорта зерна, скота и иных продовольственных товаров. Такие же отчисления делались Аграрным, Моравским, Англо-пражским банками и многими монополиями, орудовавшими в тяжелой промышленности, в частности концерном Шкода. Заправила аграрной партии, по указаниям монополистического капитала направлявшие политику партии, были тесно связаны не только с чехословацкими монополистами, но и с иностранными (германскими, французскими, американскими, английскими). Так, один из лидеров аграрной партии Л. Файерабенд, состоявший членом распорядительных советов более десятка банков, промышленных и торговых монополий, был членом правления действовавшего в Чехословакии филиала американской фирмы «Вакуум Ойл компани». Тесно были связаны с французским и американским капиталом такие лидеры аграриев, как Беран, Левенштейн, Враны, которые создали «консорциум по регулированию акций Шкодовских заводов», наживая на биржевых спекуляциях десятки миллионов крон.

Полный контроль крупных помещиков и финансовой олигархии над аграрной партией означал вместе с тем контроль над правительством. На протяжении 1922—1938 гг. аграрии неизменно возглавляли все правительственные кабинеты. В их руках были сосредоточены важнейшие посты в правительстве. Аграрии возглавляли министерства национальной обороны, внутренних дел, земледелия и ряд других министерств.

Аграрная партия вместе с примыкавшими к ней «Немецким союзом земледельцев» (немецкие аграрии) и живностенской партией занимала ведущие позиции в государственном аппарате. Поэтому именно на ней и «Национальном объединении» лежит главная ответственность за политику капитуляции перед империалистами Англии, Франции, США, Германии и Италии, приведшую в 1938—1939 гг. к расчленению и ликвидации чехословацкого государства. «Политические представители финансового промышленного и аграрного капитала во главе с аграрной партией,— подчеркивал К. Готвальд,— были движущей силой капитуляции»¹.

Фашистская партия «Национальное объединение», образовавшаяся путем слияния различных группировок чешского фашизма, как и Национальная фашистская община во главе с генералом Гайдой, были партиями наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала. «Национальное объединение» выступило как прямое орудие группировки чешского финансового капитала, сложившейся вокруг Живностенского банка. В парламенте и правительстве партии Национальное объединение и Национальная фашистская община не имели серьезных позиций, не пользовались они и политическим влиянием в стране. Чем же объясняется это, на первый взгляд, парадоксальное явление? Почему в капиталистической Чехословакии, в государстве индустриальном и империалистическом, наиболее мощная группировка чешского финансового капитала не имела влиятельных и массовых политических партий, или хотя бы партии, которая по своей силе могла сравниться, скажем, с клерикальной чешской народной партией?

¹ Klement Gottwald, Deset let, str. 301.

Причину можно было бы видеть в том, что аграрная партия отстаивала интересы всей крупной буржуазии, всего финансового и промышленного капитала, в том числе и группировки Живностенского банка. Конечно, аграрии защищали общеклассовые интересы всей буржуазии, охраняли и поддерживали основы ее экономического и политического господства.

Но аграрная партия вместе с тем стремилась, прежде всего и более всего, отстоять привилегии определенных групп аграриев — монополистов. В их интересах проводилась политика аграрного протекционизма и аграрной автаркии, обеспечившая бешеные прибыли кругам, связанным с сельским хозяйством. Помимо того, что такая политика усиливала конкурентов банкиров и промышленников, опиравшихся на Живностенский банк, она создавала дополнительные трудности для экспорта промышленной продукции. Сельскохозяйственные страны Европы (Венгрия, Польша, Румыния и др.) и не только Европы, натолкнувшись на созданный чешскими аграриями оградительный таможенный барьер и не имея возможности по-прежнему ввозить в Чехословакию продукцию своего земледелия и животноводства, ввели ограничения на импорт чехословацких промышленных товаров.

Политика аграриев, обогащавшая одну касту финансового капитала, обостряла проблему рынков сбыта, являвшуюся особо уязвимым местом чехословацкой промышленности и всей экономики страны. Естественно, что это вызывало резкое недовольство и сопротивление тех групп чехословацкой буржуазии, которые были кровно заинтересованы в проведении политики, способствующей завоеванию новых рынков сбыта. Одно это противоречие, не говоря уже о резких столкновениях по множеству других вопросов, побуждало промышленный капитал и связанные с ним банки стремиться к созданию своей собственной сильной партии.

Однако такая партия так и не возникла в домюнхенской республике. Почему? Понять это явление помогает гениальное ленинское указание. Проанализировав в 1913 г. новейшие данные о партиях в Германии, В. И. Ленин пришел к следующим выводам:

Во-первых, «чисто буржуазные партии в современной буржуазной Германии имеют за собой *меньшинство населения*».

Во-вторых, «в буржуазной Германии... господствуют помещичьи и клерикальные, а не чисто буржуазные политические партии...»

Главное объяснение этому явлению, писал В. И. Ленин, указал уже Маркс: «германская буржуазия, напуганная самостоятельностью пролетариата, увидевшая, что демократическими учреждениями пользуются рабочие *для себя* и против капиталистов, отвернулась от демократии, позорно предала свободу, которую раньше защищала, и повернула к лакейству перед помещиками и клерикалами»¹.

Этими же причинами объясняется то обстоятельство, что и в буржуазной Чехословакии господствовали не чисто буржуазные политические партии.

Будучи партией помещиков и крупного капитала, аграрии тем не менее сумели распространить свое влияние среди мелких производителей, особенно среди крестьянства. В чем же была причина успеха аграриев, почему партия, явно враждебная мелким ремесленникам и мелким крестьянам, смогла завоевать голоса именно этих мелких производителей? Было бы неправильным думать, что это произошло лишь в результате демагогии аграриев, хотя такая демагогия, причем самая разнузданная и беззастен-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 240—241.

чивая, конечно, имела место. Аграрная партия не смогла бы создать массовую базу без наличия определенных объективных условий, при отсутствии которых самая изощренная демагогия не имела бы успеха.

Предпосылки, позволившие аграрной партии широко развернуть демагогию и добиться результатов, покоились в самом экономическом положении мелких производителей, в самом характере товарного производства при господстве капитализма. «Вся обстановка товарного хозяйства, — писал В. И. Ленин, имея в виду товарное хозяйство при капиталистических условиях, — ведет к тому, что мелкие крестьяне не могут существовать, не борясь за укрепление и расширение своего предприятия, а эта борьба означает борьбу за увеличение пользования чужой рабочей силой и за удешевление такого пользования. Вот почему вся масса мелких крестьян в каждой капиталистической стране, из которых ничтожное меньшинство «выходит в люди», т. е. становится настоящими капиталистами, проникается капиталистической психологией и идет в политике за аграриями. Буржуазные экономисты (а за ними и ревизионисты) поддерживают эту психологию; марксисты разъясняют мелким крестьянам, что им нет иного спасения, кроме присоединения к наемным рабочим»¹.

Не щадя сил и средств для развертывания демагогической агитации и пропаганды под лозунгом «Деревня — единая семья!», аграрная партия стремилась замазать классовые противоречия в чехословацкой деревне и разжечь вражду между рабочим классом и трудовым крестьянством — естественными союзниками в борьбе за свое освобождение от капиталистической эксплуатации и помещичье-кулацкой кабалы.

Союз рабочего класса и крестьянства, осуществленный под пролетарским руководством, — величайшая сила исторического развития, способная разбить эксплуататорские классы капиталистического общества и обеспечить полный простор для осуществления экономического закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

Экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил давно пробивает себе дорогу в капиталистических странах, встречая сильнейшее сопротивление со стороны отживающих сил общества.

«Нужна, следовательно, — пишет И. В. Сталин, — сила, общественная сила, способная преодолеть это сопротивление. Такая сила нашлась в нашей стране в виде союза рабочего класса и крестьянства, представляющих подавляющее большинство общества. Такой силы не нашлось еще в других, капиталистических странах»².

Чтобы создать союз с крестьянством и развить его в могучую общественную силу, революционному пролетариату Чехословакии нужно было вырвать крестьянские массы из-под влияния аграриев.

При решении этой исторической задачи, определявшей судьбы народов Чехословакии, революционный пролетариат встретил яростное противодействие не только аграриев, но и право-социалистической агентуры империализма, которая раскалывала ряды рабочего класса своей подрывной работой, расчищала дорогу фашизму и всеми мерами препятствовала революционной борьбе масс за мир, демократические свободы и национальную независимость.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 403.

² И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 8.

В Чехословакии имелось три так называемые социалистические партии: чехословацкая социал-демократическая партия, немецкая социал-демократическая партия и чешская национально-социалистическая партия. Обе социал-демократические партии Чехословакии входили во II Интернационал. Даже в этом сборище предателей рабочего класса представители верхушки чехословацкой социал-демократии неизменно занимали наиболее правые позиции.

Вожаки социал-демократических и национально-социалистической партий Чехословакии давно уже завершили свое перерождение в прямую агентуру империализма в рабочем движении. Депутат парламента Антонин Гампл был председателем социал-демократической партии и вице-президентом акционерного общества «Центральные электрические предприятия», секретарем реформистского профсоюза металлистов и председателем правления Центрального страхового банка в Праге. С рабочим классом этот политикан не имел ничего общего. Завсегдатай приемов у финансовых воротил, свой человек в их узком кругу, неизменный личный друг Прейсса со студенческой скамьи — таков был подлинный Антонин Гампл. Подстать их вожаку были и остальные правые и «левые» лидеры социал-демократии. Франтишек Соукуп, представлявший чешских социал-демократов в Исполкоме II Интернационала, владел недвижимой собственностью стоимостью во много миллионов крон (пять земельных строительных участков в Стрешовицах и один в Дейвицах, имение в Кобылисах, жилые дома в Праге и ее предместье, большие лесные угодья и т. д.). Наряду с этим правый лидер чехословацкой и международной социал-демократии Соукуп совмещал председательство в сенате с управлением акционерным страховым обществом «Чехославия» в Праге. Для характеристики лидеров «левого» крыла чехословацкой социал-демократии укажем на Людека Пика и Яна Прокеша, Первый (в прошлом парикмахерский подмастерье, в 30-х годах — благонамеренный староста города Пльзень) был управляющим административного совета тамошней городской сберегательной кассы (по сути дела — одного из ответвлений крупного банка) и управляющим административного совета пльзенских заводов Шкода; второй — управляющим Моравского ипотечного и земского банка в Брно, президентом городской сберкассы в Моравской Остраве, председателем моравско-остравского электрического акционерного общества.

И. В. Сталин указывал, что «социал-демократия становится партией оппозиционной или правительственной, буржуазной, когда приходит к власти так называемая демократическая буржуазия»¹. В буржуазной Чехословацкой республике социал-демократия и чешские национальные социалисты пошли на службу к капиталистическому государству, раболепствуя перед денежными тузами в буржуазном парламенте, занимая министерские посты в буржуазных правительствах, принимая активное участие в полицейско-террористических расправах над рабочим классом и трудящимися страны.

Руководитель коммунистической партии Чехословакии К. Готвальд подчеркивал в конце 1934 г.: «С 1930 года у власти непрерывно стоят эти три «социалистические» партии. Семь из 15 министров теперешнего кабинета являются членами этих партий»². Чехословацкие правые социалисты играли особенно гнусную роль в ликвидации демократических свобод, на-

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 10, стр. 208.

² Klement Gottwald, Spisy, Sv. VI, str. 30.

ступлении на жизненный уровень трудящихся, в подготовке позорной капитуляции и уничтожении национальной независимости.

Чехословацкая буржуазия предпочла, чтобы эти наиболее подлые дела осуществлялись руками своей агентуры в рабочем движении.

Именно поэтому бессменным руководителем внешней политики буржуазной республики был национальный социалист, старый агент чешского и западного империализма Э. Бенеш. Именно поэтому руководство министерствами юстиции и социального обеспечения с 1930 г. непрерывно находилось под началом социал-демократов.

Лидеры социал-демократии явились вместе с аграриями организаторами преступной спекуляции важнейшими продовольственными товарами. Достаточно красноречивым свидетельством тому служит факт участия представителей социал-демократии в создании и руководстве таких грабительских монополий, как «Чехословацкое зерновое общество» и «Синдикат торговли продуктами животноводства». При этом социал-демократические кооперативы участвовали в этих капиталистических монополиях в качестве главных, после аграриев, пайщиков-акционеров, наживая на голоде народа бабенные барыши.

Социал-демократические и национально-социалистическая партии, как и все буржуазные партии правительственной коалиции, находились на содержании финансовой олигархии, получая регулярные субсидии, в частности от сахарного картеля, углепромышленников и т. д. Реакционная верхушка этих партий по указанию монополий проводила политику снижения заработной платы и усиления эксплуатации пролетариата.

Окончательно порвав с марксизмом, руководство социал-демократии и национальных социалистов прямо и открыто защищало капитализм против революционного движения рабочего класса. Правые социалисты превратили руководимые ими партии в буржуазные правительственные партии, составлявшие органическую часть империалистической надстройки. «Невозможно покончить с капитализмом, не покончив с социал-демократизмом в рабочем движении»¹.

В обстановке кризиса буржуазной демократии и парламентаризма правые социал-демократы и национальные социалисты выступили в Чехословакии в ролях прямых пособников реакции и фашизма, расчищая им дорогу: «Фашизм, — отмечает И. В. Сталин, — есть боевая организация буржуазии, опирающаяся на активную поддержку социал-демократии. Социал-демократия есть объективно умеренное крыло фашизма... Эти организации не отрицают, а дополняют друг друга. Это не антиподы, а близнецы. Фашизм есть неоформленный политический блок этих двух основных организаций, возникший в обстановке послевоенного кризиса империализма и рассчитанный на борьбу с пролетарской революцией. Буржуазия не может удержаться у власти без наличия такого блока»².

В Чехословакии роль правых социал-демократов и национальных социалистов в подготовке фашистской диктатуры была еще большей, чем в других странах. «Чехословакия, — указывал в своем решении Центральный комитет коммунистической партии Чехословакии, — является государством национальным, разьедаемым национальными противоречиями. Это делает невозможным создание единой фашистской партии по образцу Гитлера или Муссолини, — партии, которая бы имела громадное влияние

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 10, стр. 250.

² И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 282.

и основу среди всех наций Чехословакии»¹. В этих условиях социал-фашизм стал главной опорой подготовки фашистской диктатуры. Исходя из сталинской оценки социал-демократии, коммунистическая партия Чехословакии неустанно разоблачала решающую роль так называемых социалистических партий в фашизации страны. КПЧ требовала от своих членов, чтобы они вели решительную борьбу против «всех оппортунистических и полутроцкистских воззрений на социал-демократию (что она в основном является рабочей партией, что тезис о социал-фашизме неправилен, что между социал-фашизмом и фашизмом имеются принципиальные противоречия и т. п.)»².

Осуществляя подрывную работу в рабочем движении, направленную в конечном счете на установление фашистской диктатуры и ликвидацию национального суверенитета, правые социалисты всех мастей и национальностей развертывали искусную демагогию, выдавая себя за защитников демократических прав и национальной независимости. Особенно спекулировали они на «идее самостоятельного государства». Как указывал в 1934 г. К. Готвальд, в Чехословакии «значительные слои чешского пролетариата опасаются за государственную самостоятельность своей нации, тогда как рабочий класс нечешских национальностей — немцы, словаки и венгры — находится между двух огней: между национальным гнетом чешского империализма и страхом перед Гитлером и Хорти. Социал-демократия ловко использует это обстоятельство. Она лжет чешским рабочим, будто коммунистическая политика поведет к уничтожению государственной самостоятельности чешского народа и к возврату «трехсотлетнего ига». Немецким, словацким и венгерским рабочим твердит, будто борьба коммунистов против «демократической Чехословакии» помогает Гитлеру и Хорти»³. Препятствуя созданию единого фронта пролетариев всех наций Чехословацкой республики, правые социалисты облегчали происки буржуазных националистов, фашистской агентуры гитлеровской Германии.

Приход Гитлера к власти в Германии в январе 1933 г. активизировала все фашистские организации и партии в Чехословакии.

Особенно опасный характер приобрело фашистское движение в Судетах, руководители которого открыто бравировали своими связями с германскими фашистами. Здесь среди немецкого населения действовала немецкая национал-социалистическая партия, которая была сколком с гитлеровской партии в Германии и во всем ей подражала. Она открыто поддерживала фашистскую программу Гитлера и требовала отторжения северочешских районов от Чехословакии. Судетские нацисты под видом спортивных организаций «Фольксспорт» создали вооруженные штурмовые отряды. Правда, эти отряды в 1932 г. были правительством запрещены, но сама партия продолжала существовать и, более того, усилила свою враждебную деятельность. К осени 1933 г. судетские фашисты настолько обнаглели, что чехословацкое правительство 4 октября издало распоряжение о приостановке деятельности немецкой национал-социалистической партии. Впрочем, распоряжение о роспуске этой партии было отдано лишь месяц спустя, 11 ноября, после того, как ее руководство заявило о самороспуске, убедившись в преждевременности выставления лозунга об отторжении Судет и подчеркивания связей с гитлеровцами.

Некоторые члены национал-социалистической партии в Чехословакии

¹ Klement Gottwald, Spisy. Sv. V, str. 39.

² Там же, стр. 41.

³ Там же. Sv. VI, str. 40—41.

были арестованы, однако ее заправилам была предоставлена возможность свободно перебежать в гитлеровскую Германию.

Вместо этой партии был создан так называемый «Судето-немецкий отечественный фронт». «Новая» партия была еще в большей степени прямой гитлеровской агентурой, чем прежняя, но в отличие от нее всячески скрывала свои связи с Берлином. Поставленный во главе «Судето-немецкого фронта» по приказу гитлеровцев Конрад Генлейн каждый свой шаг сообразовал с инструкциями Берлина. Генлейн долгие годы пытался отрицать организационную, идеологическую, финансовую или какую-либо иную связь с гитлеровцами. Правые чешские аграрии, стремившиеся установить контакт с немецкими фашистами, весьма одобрительно отзывались о личности Генлейна. «Генлейн — это приличный, чистый, молодой мужчина, который сумел появиться во-время», — писал в октябре 1934 г. центральный орган аграрной партии «Венков»¹, откликаясь на первое публичное выступление новоявленного «фюрера» судето-немецких фашистов.

Материалы судебного процесса по делу чешских журналистов-предателей, состоявшегося в 1946 г. в народно-демократической Чехословакии, показали, что уже в 1934 г. лидер аграрной партии Беран и руководитель аграрной прессы Враны установили тесный контакт с Генлейном.

Оживилась деятельность фашистских групп и на остальных национальных окраинах Чехословакии. Словацкие, венгерские и украинские фашисты стремились организовать под лозунгом буржуазного национализма мелкую буржуазию и трудящихся, возмущенных бедствиями кризиса и проводимой чешским финансовым капиталом политикой национального угнетения.

В Словакии руководимая католическим священником Глинкой словацкая народная партия (людовцы) все более нагло проповедовала буржуазно-националистические требования сепаратистского характера, прикрываемые лозунгом «автономии Словакии». Глинковцы действовали не только в деревне и среди средних городских слоев, но пытались распространить свое влияние на фабрики и заводы.

Реакционные происки генлейновцев и глинковцев получали всяческую поддержку со стороны Ватикана и католического клира. Католическое и униатское духовенство Словакии и Закарпатской Украины стояло во главе фашистских организаций и широко использовалось для упрочения позиций фашистских партий и распространения фашистской идеологии среди верующих, особенно среди словацких и украинских крестьян.

Единственной политической партией в Чехословакии, которая с самого начала неотступно и решительно вела борьбу против угрозы фашизации страны, была коммунистическая партия. В феврале и марте 1933 г. компартия провела по всей республике многочисленные и многолюдные антифашистские митинги и демонстрации. 14 марта Центральный комитет компартии обратился с открытым письмом к руководству социал-демократических и национально-социалистической партий с призывом организовать на базе единого фронта борьбу против голода, фашизма и войны. ЦК КПЧ предложил на фабриках и заводах, в городах, во всех населенных пунктах избрать общие боевые комитеты рабочего класса для борьбы за конкретные требования трудящихся. Далее ЦК КПЧ предложил созвать всеобщий пролетарский конгресс. Компартия потребовала от социал-демократии и национальных социалистов неотложных действий, запросив, где и когда представители партий соберутся для обсуждения всех этих предложений².

¹ Цит. по журн. «Мировое хозяйство и мировая политика», 1938, № 7—8, стр. 104.

² «Rudé právo», 16/III 1933.

Обращение коммунистической партии широко распространилось по фабрикам и заводам. Оно горячо обсуждалось и одобрялось рабочими массами. Пролетариат Чехословацкой республики с нетерпением ждал ответа на поставленные компартией вопросы, требуя от лидеров социал-демократических и национально-социалистической партий ясного ответа на вопрос о том, что они собираются предпринять, с кем идти: «Дальше ли с буржуазией против рабочих, или же с рабочими в пролетарском едином фронте против буржуазии?» Под лозунгами КПЧ, под лозунгами единого фронта против фашизма, голода и войны по всей стране прошли демонстрации, в которых участвовали тысячи и десятки тысяч пролетариев¹.

Мощные выступления трудящихся, продемонстрировавших свою волю к борьбе единым фронтом против капитала, реакции и фашизма, встревожили чехословацкую буржуазию. Газета «Венков», от имени правящих кругов, пригрозила социал-демократам и национальным социалистам, что их представители будут изгнаны из правительства, если посмеют принять предложения компартии. «Мы заявляем, — писала газета, — что всякое сотрудничество правительственной партии с коммунистами автоматически влечет за собой исключение из правительственного большинства»².

Но страхи капиталистов, что лидеры социал-демократии предпримут действия, направленные к установлению пролетарского единства, были лишены какой-либо почвы. Социал-предатели давно перестали считаться с чаяниями и интересами пролетариата. Их кредо в лапидарной форме выразил социал-демократический министр Бехине: «Мы скорее дадим отрубить себе руки, чем покинем министерские посты».

Реакционная верхушка так называемых социалистических партий грубо отвергла предложения компартии, несмотря на то, что рабочие социал-демократы и национальные социалисты решительно выступили за создание единого пролетарского фронта. «Вожаки отвергают — рабочие принимают», — подвел К. Готвальд итог в одной из своих статей, опубликованной 28 марта 1933 г. в газете «Руде право»³.

Подтверждением этого явились мощные первомайские демонстрации трудящихся более чем в 400 населенных пунктах страны, которые прошли под знаменем единого фронта, под лозунгами компартии: «Против голода, фашизма и войны! За хлеб, работу, землю и свободу!»⁴

Борьба компартии за единый фронт в дальнейшем осложнилась рядом серьезных трудностей общеполитического и внутрипартийного характера: разнузданной травлей и преследованиями компартии и всего революционного движения, усилившимися после принятия закона о чрезвычайных полномочиях правительства, с одной стороны; подрывной работой агенты буржуазии, пробравшейся в коммунистическую партию, — с другой.

В июне 1933 г. Национальное собрание приняло, разработанный по инициативе президента республики Т. Масарика и внесенный аграриями, закон о чрезвычайных полномочиях. Вместе с представителями буржуазии и помещиков за его принятие голосовали социал-демократические и национально-социалистические депутаты и сенаторы. Закон предоставлял правительству небывало широкие полномочия. Оно получило право без парламента «принимать меры для соответствующего урегулирования цен и производственных и сбытовых отношений в промышленности, ремесле и сельском хозяйстве, так же как и для обеспечения равновесия в государ-

¹ «Rudé právo», 21/III 1933.

² Цит. по журн. «Коммунистический Интернационал», 1933, № 12, стр. 36.

³ Klement Gottwald, Spisy, Sv. IV, str. 182.

⁴ «Rudé právo», 3/V 1933.

ственном хозяйстве, государственных либо государством управляемых предприятиях, учреждениях, фондах и организациях, равным образом и в учреждениях, фондах, либо организациях, которые от законной власти получают пособия, ассигнования или субсидии». Принятые правительством постановления, после подписания их президентом, получали силу законов и вступали в действие немедленно. В законе о чрезвычайных полномочиях предусматривались суровые меры в отношении нарушителей правительственных декретов¹.

Предоставление правительству чрезвычайных полномочий развязывало руки господствующим классам для дальнейшего наступления на жизненный уровень трудящихся, на их демократические права и революционные организации. Реакционные силы, которые направляли правительство Малипетра, не замедлили использовать узурпированные права. Диктатура трестов и картелей в Чехословакии стала гнетущей как никогда. «В Чехословакии до сих пор нет фашистской диктатуры. Но всеми этими мероприятиями чешская буржуазия делает решительный шаг по пути к фашистской диктатуре в Чехословакии», — так оценило закон о чрезвычайных полномочиях Политбюро Центрального комитета коммунистической партии Чехословакии².

По диктату крупного монополистического капитала, при поддержке правящего руководства социал-демократии и чешской национально-социалистической партии, была проведена серия реакционных мероприятий, означавших в совокупности бесспорную фашизацию политической жизни страны.

В парламенте была усилена цензура и введены новые процедурные правила, согласно которым депутаты и сенаторы, трижды призванные к порядку, исключались из Национального собрания на 20 заседаний³.

В 1933 г. Национальное собрание приняло реакционный закон о печати, предоставивший право карательным органам буржуазного государства запрещать издание газет и журналов на срок от одного месяца до полугода⁴. Новый закон о печати и бесчисленные распоряжения правительства, дополнявшие и усиливавшие этот закон, облегчили полицейские преследования коммунистической и всей остальной печати революционных пролетарских организаций Чехословакии. Повсеместно была запрещена продажа коммунистических изданий на вокзалах и всячески притеснялась ее розничная продажа. Правительство молчаливо одобряло и втайне поощряло дикие бесчинства местных властей в отношении газет и журналов, издаваемых компартией. На Закарпатской Украине и в Словакии, например, жандармы не только препятствовали, но и прямо запрещали распространение даже и разрешенной министерством внутренних дел коммунистической печати. Распоряжением министерства внутренних дел был воспрещен ввоз в страну 60 органов зарубежных компартий и революционных организаций. Новый закон о печати местные власти использовали для диких бесчинств в отношении газет и журналов, издаваемых компартией.

6 октября 1933 г. правительство опубликовало декрет «об установлении периода, требующего усиленной охраны государства». Закон вступал в действие немедленно. Окончание же «периода усиленной охраны государства» никак не определялось; на этот счет имелась лишь весьма туманная фраза, что «конец его (периода усиленной охраны государства. —

¹ «Sbirka zákonů a nařizení», ročn. 1933, částka 35, č. 95.

² Klement Gottwald, Spisy, Sv. IV, str. 256.

³ «Sbirka zákonů a nařizení», ročn. 1933, částka 33, č. 88.

⁴ Там же, částka 49, č. 150.

С. П.) правительство определит постановлением»¹. В стране был установлен режим, по сути мало чем отличающийся от осадного положения.

В октябре властями были изданы распоряжения о приостановке издания центрального органа компартии, газеты «Руде право» (на три месяца) и еженедельного «Творба» (на шесть месяцев). Вслед за этим было запрещено издание почти всей коммунистической прессы (около 40 газет и журналов).

Разгон комитетов безработных, организаций красных профсоюзов, демонстраций, митингов и собраний стал повседневным явлением в Чехословакии. Был распущен ряд массовых пролетарских организаций, загнан в подполье чехословацкий комсомол. Власти всячески стесняли и ограничивали свободу собраний. Для проведения собраний коммунистической организации необходимо было получить за три дня разрешение у полиции. Если же собрание и разрешалось, что было далеко не всегда, то на нем непременно присутствовал полицейский комиссар, который обычно вызывал наряд полицейских и прерывал заседание вскоре после его начала. Речь докладчика стенографировалась и передавалась государственному прокурору. Обычная реакция прокуратуры выражалась в аресте докладчика и осуждении его на несколько месяцев тюремного заключения. «Уже на сегодняшний день партия на $\frac{4}{5}$ находится на нелегальном положении. Уже теперь начата широкая кампания преследования коммунистической печати, и за последние 3—4 недели арестовано несколько сот коммунистов», — так характеризовал положение К. Готвальд в своей речи на XIII пленуме ИККИ в начале декабря 1933 г.²

Несмотря на дикое неистовство карательных органов капиталистического государства, чехословацкие коммунисты не прекращали героической борьбы. В суровых и трудных условиях, зачастую в подполье, компартия оставалась на своем посту, не свернув своего знамени. Авторитет компартии, как революционного авангарда пролетариата, рос и укреплялся, неуклонно шло идеологическое и организационное укрепление ее рядов. Партия разоблачила и изолировала главного носителя правооппортунистического уклона, агента классового врага, троцкиста Гутмана, выступившего с проповедью капитуляции перед фашизмом и ратовавшего за затушевывание принципиальных противоречий с социал-демократической партией. Линия Гутмана была направлена на превращение коммунистической партии в реформистскую партию II Интернационала, плетущуюся в хвосте социал-фашистских приспешников фашиствующей буржуазии. Решение Политбюро ЦК КПЧ об исключении Гутмана было одобрено всеми коммунистическими ячейками и единодушно подтверждено конференцией партии в январе 1934 г.

Конференция КПЧ подвергла суровой критике все оппортунистические взгляды и выдвинула программу, которую после победы социалистической революции должна осуществить советская власть в Чехословацкой республике. Популяризируя в массах «Программу советской власти», коммунистическая партия показывала трудящимся, как нужно бороться против фашизма, за освобождение от капиталистического рабства и национального угнетения.

На происходивших 24 мая 1934 г. выборах президента республики компартия выставила в противовес буржуазному кандидату Т. Масарику кандидатуру К. Готвальда. Используя легальные возможности, созданные

¹ «Sbirka zákonů a nařízení», ročn. 1933, částka 65, č. 188.

² «XIII пленум ИККИ». Стенографический отчет, М., 1934, стр. 155.

предвыборной обстановкой, КПЧ провела широкую кампанию за сплочение трудящихся масс на борьбу за удовлетворение насущных нужд народов Чехословакии.

Сразу же после переизбрания Масарика президентом республики руководством компартии было предъявлено провокационное обвинение. Полиция придралась к листовке «Ленин или Масарик», изданной к президентским выборам, и без всяких законных оснований предприняла дикое гонение на коммунистическую партию. 1 июня полиция произвела обыски в том здании, где помещались Центральный секретариат КПЧ, редакция газеты «Руде право» и другие учреждения партии. Затем последовали обыски в помещениях рабочего кооператива «Вчела», в центральном руководстве красных профсоюзов, в редакциях рабочих газет.

Полицейские ищейки ворвались в помещения парламентских фракций компартии и перерыли там все сверху донизу. Полицейский обыск в парламенте — это еще не знала выдавшая виды Чехословацкая буржуазная республика. В отношении открытой агентуры Гитлера власти держались куда более предупредительно: в делах фашистской национал-социалистической партии, находившихся в здании чехословацкого парламента, они начали рыться в 1933 г. лишь после официального запрещения партии.

Буржуазия явно стремилась сокрушить коммунистическую партию, разгромить революционное движение. В июне Пражский краевой суд обвинил Готвальда и других коммунистических депутатов в государственной измене, основывая свое обвинение на их парламентских речах и на упомянутой выше предвыборной листовке. По первому требованию органов прокуратуры парламент лишил К. Готвальда и ряд других коммунистических депутатов парламентской неприкосновенности. Всем им пришлось уйти в подполье.

Травля коммунистов понадобилась реакции для того, чтобы под ее прикрытием развернуть наступление против социальных завоеваний трудящихся, против демократических свобод. 13 июня 1934 г. от имени правительства большинства Юрай Славик внес предложение продлить на год действие принятого в 1933 г. закона о чрезвычайных полномочиях. На следующий день голосами буржуазно-помещичьих и социал-фашистских депутатов и сенаторов это предложение было принято. Правительство получило еще более широкие полномочия действовать произвольно, независимо от парламента.

Вскоре широкие массы убедились, что поход против компартии означает удар по кровным интересам пролетариата. На основании закона о чрезвычайных полномочиях еще ранее было издано правительственное распоряжение, установившее новый порядок выдачи пособий по безработице. Размер пособий был урезан, тысячи безработных лишились его вовсе¹. Новым правительственным распоряжением было ухудшено страхование по болезни, инвалидности и старости². Действие нового правительственного распоряжения распространилось более чем на 2 млн. застрахованных рабочих, которые теряли около 160 млн. крон ежегодно³. В тот же день было принято правительственное распоряжение о нерасторжимости коллективных договоров в части, касающейся вопросов заработной платы⁴. Это была прямая помощь фабрикантам и заводчикам, ограждающая их

¹ «Sbirka zákonů a nařízení», ročn. 1934, částka 17, č. 39.

² Там же, částka 50, č. 112.

³ «Rudé právo», 21/VI 1934.

⁴ «Sbirka zákonů a nařízení», ročn. 1934, částka 51, č. 118.

от напора рабочих, которые требовали увеличения заработной платы ввиду растущей дороговизны.

В том же направлении действовало изданное 13 июля, на основании того же чрезвычайного закона, правительственное распоряжение о заводских комитетах, которое предоставляло предпринимателю широкие права увольнять членов завкомов, одновременно строго вменив в обязанность последним всеми мерами «содействовать удержанию дисциплины»¹ (т. е. вместе с администрацией бороться против забастовок). Это распоряжение, означавшее вмешательство капиталистического государства во внутренние дела рабочих организаций, было явным подражанием фашистскому законодательству о профсоюзах. Другим постановлением чехословацкое правительство распорядилось о продлении на год полномочия всех заводских комитетов², отменив их очередные выборы и ограничив по своему произволу права рабочих на свободное избрание своих представителей.

Антирабочий характер правительственного распоряжения, проведенного при активном участии реакционной верхушки социал-демократов и чешских национальных социалистов, был столь очевидным, а возмущение пролетариата так велико, что социал-демократы не осмелились даже выступить в его защиту. Лишь центральный орган партии Бенеша — газета чешских национальных социалистов «Чешское слово» отважилась высказаться в его поддержку. Пытаясь ввести в заблуждение рабочие массы, «Чешское слово» 22 августа опубликовало статью, в которой старалось представить дело так, будто постановление направлено только против коммунистов. Однако своей цели — обмануть пролетариат — бенешовцы не достигли. Они лишь невольно выболтали скрывавшиеся пока правительством планы новых репрессий против компартии и всего революционного движения. Эти планы стали известны через несколько месяцев. О них поведал чехословацкий премьер-министр Малипетр в своем выступлении в палате депутатов 6 ноября 1934 г. Он заявил: «Правительство предложит законодательным органам проекты законов и мероприятий, при помощи которых должно быть предупреждено использование демократических прав в целях разложения государственной жизни, ее республиканской государственной формы и раскола политических сил. Мы хотим создать прочнейшую политико-юридическую основу законом о регистрации политических партий и избирательных групп»³. Хотя вслед за этим и было с подозрительной поспешностью заявлено, что «при регистрации демократический строй партий будет обеспечен», в истинном характере мероприятий, связанных с осуществлением закона о регистрации, не осталось сомнений. В своей речи Малипетр бросил многозначительную фразу: «Коль скоро для этого пойдутся изменения избирательного права и законов, эти изменения должны быть проведены»⁴. Из слов премьера явствовало, что новый законопроект намечает такого рода мероприятия, которые неизбежно поведут к пересмотру буржуазно-демократической избирательной системы и законодательства в реакционном, фашистском духе. Закон о регистрации партий, предусматривавший новые ограничения и без того урезанных до крайности гражданских свобод, означал дальнейший шаг от буржуазной демократии в сторону фашизации государственного аппарата и политической жизни страны. Целью его было создать «законное основание» для того, чтобы окончательно загнать компартию в подполье, выбросить ее депутатов из

¹ «Sbirka zákonů a nařízení», ročn. 1934, částka, 64, č. 188.

² Там же, částka, 64, č. 181.

³ Цит. по «Rudé právo», 8/XI 1934.

⁴ Там же.

парламента и муниципалитетов, лишить ее возможности выдвигать своих кандидатов на новых парламентских выборах, срок которых приближался.

Фашизация страны, разнузданная травля и полицейские преследования коммунистов создали сложные условия для деятельности компартии. Но партия продолжала возглавлять борьбу трудящихся, перейдя в своей работе к сочетанию легальных методов с нелегальными.

В июне 1934 г. состоялся IX пленум ЦК КПЧ. В своих решениях Центральный комитет обратил внимание партии на растущую опасность фашизации, проводимую по требованию крупного монополистического капитала блоком буржуазных партий, опирающихся на реакционных лидеров социал-демократов и национальных социалистов. Центральный комитет решительно выступил против капитулянтских настроений о невозможности и обреченности антифашистской борьбы, распространяемых социал-предателями и троцкистами с целью дезориентации рабочего класса, подрыва его революционной энергии, его воли к сопротивлению фашизму. «Открытая фашистская диктатура не является неотвратимой»¹, — подчеркивал пленум в своих решениях.

Центральный комитет потребовал, чтобы партийные организации усилили свою работу по созданию, расширению и активизации фронта против фашизма и империалистической войны. На передний план политической борьбы компартией выдвигалась задача объединения разрозненных экономических и политических выступлений в единый могучий антифашистский поток массовой борьбы под руководством пролетариата².

Серьезное препятствие для достижения этой цели представляла национальная рознь, которую разжигали немецкие, словацкие и чешские фашисты. Поэтому пленум Центрального комитета КПЧ особо остановился на национальном вопросе и указал на опасность проникновения буржуазно-националистической идеологии в рабочее движение. «Решения партии по национальному вопросу, — говорилось в принятой пленумом резолюции, — не выполняются в должной мере: в чешских областях отмечаются кое-где уступки чешской националистической идеологии, в немецких областях партия страдает невниманием к национальным проблемам вообще, в Словакии и Закарпаты в последнее время дошло до проявления некоторых отступлений перед идеологией национальной буржуазии»³.

В Словакии буржуазные интеллигенты типа Клементиса, Новомеского и Гусака, пробравшиеся в ряды компартии и сгруппировавшиеся вокруг журнала «Дав», открыто выступили с поддержкой буржуазно-националистического лозунга автономии, являвшегося боевым лозунгом фашистского движения, глинковской народной партии. Пленум ЦК призывал партию к решительной борьбе против буржуазной идеологии в национальном вопросе, против буржуазных националистов в рядах партии и в рабочем движении.

В основу национальной программы коммунистической партии Чехословакии был положен ленинско-сталинский принцип, признающий за каждым народом право на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Открытая и последовательная борьба компартии против империалистической политики угнетения нечешских народов вызывала бешеную злобу со стороны буржуазии и помещиков, независимо от их национальности. В единой шеренге с ними выступали

¹ «Rudé právo», 7/VII 1934.

² Там же, 8/VII 1934.

³ Там же, 7/VII 1934.

правые социал-демократы, чешские национальные социалисты — социал-фашисты всех наций. Распространяя наиболее гнусные измышления о компартии, они в то же время во всеуслышание заявляли об объединении и гражданском мире со «своей» национальной буржуазией, безоговорочно отвергая право наций на самоопределение, что по существу означало переход с позиций пролетарского интернационализма на позиции буржуазного национализма. Это была измена революционному пролетариату, прямая помощь фашизму.

Что же касается воплей социал-фашистских клеветников о том, будто компартия своим признанием права наций на самоопределение поддерживает национальное движение, направленное на расчленение чехословацкого государства, то эти измышления были лживы от начала до конца. Они понадобились чешским национальным социалистам Бенеша и Клофа-ча, а в равной мере чешским и немецким социал-демократам, для прикрытия империалистического, фашистского существа своих установок по национальному вопросу.

Компартия Чехословакии исходила из коренного положения марксистско-ленинской теории о том, что вопрос об отделении разрешается в каждом отдельном случае самостоятельно, в зависимости от обстановки, что именно поэтому вопрос о признании права на отделение не следует отождествлять с вопросом о целесообразности отделения при тех или иных условиях. Разоблачая политику национального гнета, проводимую чешским финансовым капиталом, компартия вместе с тем разоблачала реакционный характер национального движения, организуемого Генлейном, Глинкой, венгерскими, украинскими и польскими фашистами, вскрывая связь его организаторов с гитлеровской Германией и ее сподручными в Варшаве и Будапеште.

Компартия настойчиво разъясняла массам свою политику по национальному вопросу, используя для этого и парламентскую трибуну. В одной из своих речей в буржуазном парламенте А. Запотоцкий следующим образом изложил позицию чешских коммунистов по вопросу о праве наций на самоопределение вплоть до отделения: «Мы заявляем, что настаиваем на этом лозунге и на том принципе, что каждый народ имеет право определять свою судьбу; мы это право отстаиваем для чешского народа, для своего народа, и поэтому признаем это право за представителями любого иного народа. Если нам говорят, что выдвиганием этого лозунга мы хотим гнать немцев, живущих в Чехословакии, к Гитлеру, поляков — к Пилсудскому и венгров — к Хорти, то мы совершенно открыто заявляем, что мы против каждого подобного аншлюса и открыто говорим немецкому народу и немецким рабочим: ни в коем случае самоопределение немецкого народа не должно означать объединение с Гитлером, переход к гитлеровской Германии. Совершенно открыто мы заявляем полякам: ни в коем случае самоопределение поляков не должно сегодня означать объединение с Пилсудским, и венграм говорим: самоопределение венгров не должно означать объединение с Хорти»¹.

Коммунистическая партия требовала немедленного принятия мер для коренного улучшения положения нечешских народов, решительного и последовательного проведения демократической политики равноправия всех наций, населяющих Чехословацкую республику. В своей парламентской речи А. Запотоцкий обвинил правящие классы Чехословакии в государ-

¹ «Rude právo», 8/XI 1934.

ственным преступлении. «...Государственным изменником, — подчеркнул Запотоцкий, — является тот, кто раздувает национальную рознь, кто держит в национальном и экономическом угнетении немецкие, венгерские, словацкие, польские и украинские трудящиеся слои, кто покровительствует капитализму, кто таким образом создает питательную почву гитлеровской агентуре, и все это делает ныне правительственная коалиция»¹.

Такая политика буржуазии была особенно опасной ввиду существенного изменения в международном положении Чехословакии.

Обострение противоречий между империалистическими странами, явившееся результатом мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., создало почву для военных столкновений, поставило на очередь войну как средство нового передела мира и сфер влияния в пользу более сильных государств. В качестве ударных главных сил воинствующего империализма выступили милитаристская Япония и фашистская Германия. Зверинный шовинизм и подготовка войны составляли основные элементы внешней политики фашистских агрессоров.

В планах гитлеровцев особое место отводилось войне против славянства, порабощению славянских народов. Фашистские правители, указывая И. В. Сталин в январе 1934 г., «думают, что войну должна организовать «высшая раса», скажем, германская «раса», против «низшей расы», прежде всего — против славян, что только такая война может дать выход из положения, так как «высшая раса» призвана оплодотворять «низшую» и властвовать над ней»². Эта странная теория также далека от науки, как небо от земли, подчеркнул И. В. Сталин и еще тогда предсказал ее позорный крах.

Над славянскими народами нависла грозная опасность фашистского порабощения, утраты национальной независимости и физического истребления. Эта опасность становилась все более острой и в отношении народов Чехословакии.

Потерявший человеческий облик главарь немецких фашистов Гитлер, излагая хищническую и разбойническую программу германского империализма, говорил: «Если мы хотим создать нашу великую германскую империю, мы должны прежде всего вытеснить и истребить славянские народы — русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белорусов. Нет никаких причин не сделать этого. Бассейн Богемии и Моравии, территории, простирающиеся непосредственно к востоку от Германии, будут колонизированы немцами...»

Свои человеконенавистнические планы гитлеровцы маскировали миролюбивыми заявлениями, но они никогда не скрывали их от тех, кому они доверяли — прежде всего от империалистических кругов США и Ватикана.

Американский дипломат Д. С. Мессершмидт в своих письменных показаниях Нюрнбергскому процессу рассказал: «В 1933 г., когда я находился на службе в Германии, немцы и среди них нацисты, контакт с которыми я поддерживал как в высших, так и во второстепенных кругах, открыто признавали намерения Германии установить господство над всей юго-восточной Европой от Чехословакии до Турции. Как открыто заявляли эти лица, в отношении Австрии и Чехословакии целью была территориальная экспансия»³.

¹ «Rudé právo», 8/II 1934.

² И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 295—296.

³ «Нюрнбергский процесс», М., 1952, т. I, стр. 304.

О далеко идущих агрессивных замыслах гитлеровцев был прекрасно осведомлен и Ватикан. В декабре 1933 г. злобный ненавистник чехословацкого народа папский нунций Мармаджи в беседе с представителем министерства иностранных дел Польши сообщил, что Риббентроп предложил Ватикану гитлеровский план оккупации Рейнской области, присоединения Австрии и оккупации Чехословакии. Аншлюсс Австрии, сказал Мармаджи, будет означать конец Чехословакии. Римский папа Пий XI одобрил все эти планы гитлеровцев.

Угроза гитлеровской агрессии поставила чехословацкое государство перед необходимостью предпринять действия, направленные к тому, чтобы обрести и сплотить возможных партнеров в деле противодействия германской агрессии. Продолжая прежнюю антисоветскую внешнеполитическую линию, оно попыталось искать опору прежде всего в среде своих империалистических союзников — Франции и участников Малой Антанты.

16 марта 1933 г. министры иностранных дел Чехословакии, Румынии и Югославии подписали так называемый Организационный пакт, предусматривавший ряд мер, предназначенных для укрепления связей между Чехословакией, Румынией и Югославией. Был учрежден постоянный совет Малой Антанты, «как орган, руководящий совместной политикой группы этих трех государств». Организационный пакт предусматривал, что «в случае возникновения необходимости постоянный совет может решить, что представлять либо защищать позицию государств Малой Антанты по определенному вопросу будет один делегат либо делегация одного государства»¹. Организационным пактом была предпринята попытка смягчить экономические противоречия между Чехословакией, Румынией и Югославией, которые обострились в результате экономического кризиса и использовались германским милитаризмом для развала Малой Антанты. В этих целях был учрежден Экономический совет, который, впрочем, ни в какой мере не оправдал возлагавшихся на него надежд. Специальной статьей пакта «на неограниченный срок» были продлены все соглашения между Чехословакией, Румынией и Югославией, на которых основывалась Малая Антанта.

Значение Организационного пакта Малой Антанты в значительной степени было сведено на нет маневром английской и французской дипломатии, вступившей в марте 1933 г. в переговоры с представителями Германии и Италии о заключении «Пакта согласия и сотрудничества» четырех держав. Подписанный несколько месяцев спустя «пакт четырех» поощрял фашистских агрессоров к быстрейшему вооружению. «Этот пакт означал сговор английского и французского Правительств с германским и итальянским фашизмом, уже тогда не скрывавшим своих агрессивных намерений»². Показательно, что под этим документом, означавшим «отказ от политики укрепления единого фронта миролюбивых держав против агрессивных государств»³, поставили свои подписи представители тех самых правительств, которые через пять лет подписали позорное Мюнхенское соглашение.

Политика сговора с фашистскими агрессорами проводилась Англией, Францией и США в течение всего периода, предшествовавшего второй мировой войне. Эта преступная политика была порождена небывалым обострением империалистических противоречий, вызванным мировым эконо-

¹ «Sbirka zákonů a nařizení», роčн. 1933, částka 40, č. 106.

² Фальсификаторы истории (Историческая справка), стр. 14.

³ Там же.

мическим кризисом. И. В. Сталин указывал в 1930 г., что «каждый раз, когда капиталистические противоречия начинают обостряться, буржуазия обращает свои взоры в сторону СССР: нельзя ли разрешить то или иное противоречие капитализма, или все противоречия, вместе взятые, за счёт СССР...»¹ Англо-франко-американский блок, столкнувшись со стремлением гитлеровской Германии и милитаристской Японии к мировому господству, затеял преступную игру, направленную на то, чтобы натравить Германию и Японию на СССР, а самим остаться в стороне. Таким путем англо-франко-американские империалисты, сами рассчитывавшие добиться мирового господства, надеялись нанести удар Советскому Союзу и одновременно вывести из строя наиболее опасных своих конкурентов — Германию и Японию. Большая и опасная политическая игра, начатая англо-франко-американскими империалистами и их сторонниками, закончилась для них провалом. «...Германия направила свои силы в первую очередь против англо-франко-американского блока. И когда гитлеровская Германия объявила войну Советскому Союзу, то англо-франко-американский блок не только не присоединился к гитлеровской Германии, а, наоборот, был вынужден вступить в коалицию с СССР против гитлеровской Германии». Это произошло потому, что «борьба капиталистических стран за рынки и желание утопить своих конкурентов оказались практически сильнее, чем противоречия между лагерем капитализма и лагерем социализма»².

Советское государство решительно и последовательно боролось против империалистической политики разжигания войны и стовора с фашистскими агрессорами за счет малых народов, проводимой правительствами Англии и Франции и поощряемой империалистическими кругами США. Советская дипломатия, отстаивающая дело мира во всем мире и неизменно выступавшая инициатором и поборником коллективной безопасности, в начале 1933 г. обратилась ко всем государствам с предложением подписать пакт о ненападении и конвенцию об определении агрессора.

«Новая дипломатическая акция советского правительства имела целью создание противовеса пакту четырех держав»³.

Настойчивые усилия Советского Союза по укреплению всеобщей безопасности отвечали коренным интересам всех народов, особенно народов Чехословакии. Запретили Чехословацкой буржуазной республике не могли больше игнорировать возросшего международного авторитета великой социалистической державы и под давлением народных масс начали делать некоторые шаги к сближению с Советским Союзом. В июле 1933 г. правящие круги Чехословакии, после долгих лет оголтелой антисоветской политики, вынуждены были пойти на подписание с СССР конвенции об определении нападающей стороны. Эта конвенция, подписанная СССР со всеми его европейскими соседями, а также рядом других стран, в том числе Чехословакией и Югославией, имела большое международное значение. Точное определение понятия «нападение», содержащееся в конвенции, имело целью предупредить всякий предлог к его оправданию.

Это был выдающийся успех советской внешней политики мира и всеобщей безопасности в ее непримиримой борьбе против фашистских поджигателей войны и их империалистических пособников из стана англо-американо-французских империалистов.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 12, стр. 255.

² И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 35.

³ История дипломатии, т. III, стр. 475.

Фашистская Германия, усиливая свои происки в Чехословакии и других странах, стремилась поставить жертвы подготовляемой агрессии в положение международной изоляции и, в частности, оторвать их от Франции. С этой целью гитлеровская дипломатия обратилась к правительствам Польши и Чехословакии с предложением о двусторонних сепаратных переговорах.

Польское фашистское правительство быстро поддалось на посулы гитлеровской Германии, соблазнившись территориальными захватами за счет Советской Украины и других районов СССР, и 26 января 1934 г. в Берлине было подписано немецко-польское соглашение «о мирном разрешении споров».

Англо-французская дипломатия не чинила препятствий. Более того, потворствуя агрессору, «Англия и Франция помогли Гитлеру использовать враждебную позицию союзной с ними панской Польши в отношении СССР, в результате чего был заключён германо-польский пакт о ненападении, явившийся одним из серьёзных этапов в подготовке немецкой агрессии... Несомненно, что немецко-польский пакт был первой серьёзной брешью в здании коллективной безопасности»¹.

Сам пакт, разумеется, нисколько не гарантировал безопасности Польши. Срок действия немецко-польского соглашения был определен в десять лет, но уже несколько месяцев спустя после его подписания, летом 1934 г., Гитлер в кругу своих приближенных говорил о нем, как о клочке бумаги. «Я ни одного мгновения серьезно не думаю о соглашении с Польшей, — цинично заявлял Гитлер. — Польша нужна лишь до тех пор, пока мне могут угрожать на Западе»².

Гитлеровцы использовали клику пилсудчиков как орудие нажима на Чехословакию. Весьма скоро, в связи с переговорами о Восточном пакте, польский министр иностранных дел Бек дал понять, что польская дипломатия не предпримет действий, идущих вразрез с линией Берлина. При этом он отказался гарантировать границы Чехословакии, подтвердив, что все зависит от того, какую позицию займет Венгрия, а последняя не делала тайны из своего стремления к ревизии Трианонского договора, особенно в отношении государственных границ и, в частности, захвата Словакии и Закарпатской Украины.

Немецко-польским пактом было положено начало блоку фашистских государств, стремящихся к разделу чехословацкой территории³. В то же время становилось очевидным, что ни Англия, ни Франция не намерены оказать сопротивления фашистским агрессорам.

Взоры всех обращались к Советскому Союзу, непреклонному борцу за коллективную безопасность, принципиальному и последовательному защитнику прав и свободы малых народов и государств. В результате досрочного завершения первого сталинского пятилетнего плана Советский Союз превратился в мощную индустриальную державу. Неизмеримо повысился его авторитет на международной арене, его значение как фактора мира. Этих обстоятельств не могла больше игнорировать даже Малая Антанта, руководящие деятели которой закалились в антисоветской враждебности. Немалое влияние на решение Малой Антанты о нормализации отношений с СССР оказал новый внешнеполитический курс на сближение с Советским Союзом, который начало проводить правительство Франции с 1932 г.

¹ Фальсификаторы истории (Историческая справка), стр. 14.

² История дипломатии, т. III, стр. 488.

³ См. «Нюрнбергский процесс», т. I, стр. 306.

22—23 января 1934 г. в Загребе состоялась конференция министров иностранных дел стран Малой Антанты, которая приняла решение о своевременности возобновления странами — членами Малой Антанты — нормальных дипломатических отношений с Союзом Советских Социалистических Республик, «как только будут налицо необходимые дипломатические и политические условия»¹.

Потребовалось немного времени, чтобы Малая Антанта признала, что эти «необходимые условия» уже имеются в наличии. Во время конференции по разоружению в Женеве, которую советская делегация предложила превратить в постоянную конференцию мира, министры иностранных дел Чехословакии, Румынии и Югославии в июне 1934 г. собрались на совещание. Созванный таким образом постоянный совет Малой Антанты признал, что «политические и дипломатические условия позволяют ныне каждому из государств — членом Малой Антанты — поступить в подходящий момент в согласии с загребской резолюцией»².

За этим 9 июня 1934 г. последовало формальное установление отношений между Чехословацкой республикой и СССР, отвечавшее давнишним чаяниям народов обоих государств, «интересам дела, интересам мира в Европе в особенности»³.

Однако и после этого чехословацкое правительство не спешило изменить свою политику враждебности к стране социализма. Коммунистическая партия Чехословакии сразу же предостерегла пролетариат от каких-либо обольщений на этот счет. На следующий день после установления дипломатических отношений, 10 июня 1934 г., центральный орган компартии — газета «Руде право» опубликовала статью, в которой говорилось, что «Пролетариат Чехословакии не будет строить никаких ложных иллюзий о существе отношений Чехословакии к Советскому Союзу, а, напротив, после признания Советского Союза Чехословакией будет еще более пламенно преследовать цель защиты Советского Союза, поддержки его миролюбивых усилий, будет с тем большей решительностью разоблачать также демагогию, с помощью которой социал-фашистские партии хотят нажить себе капитал на признании Советского Союза, и равным образом будет с величайшей энергией бороться против происков черносотенных врагов Советского Союза, для которых признание Советского Союза де-юре послужит толчком к усилению их преступной деятельности»⁴. Коммунистическая партия расценивала факт установления дипломатических отношений с Советским Союзом как результат силы и мощи социалистической державы, как победу ее последовательной борьбы за мир и дружбу между народами. Так восприняли это пролетариат и широкие массы населения страны.

«Авторитет Советского Союза между широкими массами трудящегося населения Чехословакии, — писал Клемент Готвальд, — неизмеримо велик. Симпатии к Советскому Союзу распространяются далеко за рамки рабочего класса. Оказавшись под угрозой Гитлера и находясь в обостренных отношениях со всеми своими соседями, чешская буржуазия была вынуждена обратить свои взоры к Советскому Союзу. Она была вынуждена признать, что Советский Союз является не только главным фактором

¹ «Правда», 10/VI 1934.

² Там же.

³ В. М. Молотов. Отчетный доклад о работе правительства VII съезду Советов СССР. Партиздат, 1935, стр. 16.

⁴ «Rudé právo», 10/VI 1934.

мира, но также опорой самостоятельного государственного существования малых наций. Короче, в страхе перед Гитлером Чехословакия забралась под спасительные мирные крылья Советского Союза, против которого чешская буржуазия свыше 15 лет враждебно выступала и признать де-юре который до последней возможности отказывалась. Этот триумф мирной политики Советского Союза еще выше поднял симпатии масс к Советам...»¹

Тщетно пытаясь скрыть от народа факт банкротства традиционной антисоветской политики, чехословацкая буржуазия усилила нападки на СССР. Э. Бенешем и социал-фашистами была пущена в оборот клеветническая легенда об изменении внешней политики Советского Союза, о его «переориентации», что-де и позволило Чехословацкой республике решиться на установление дипломатических отношений с СССР. Подобные утверждения буржуазных политиков и правых социалистов, выдуманные для того, чтобы прикрасить несостоятельность и провал прежнего, антисоветского внешнеполитического курса, имели хождение в ту пору не только в Чехословакии.

Сокрушающую критику измышлений о мнимой переориентации Советского Союза дал И. В. Сталин еще в январе 1934 г. в отчетном докладе XVII съезду ВКП(б): «У нас,— говорил И. В. Сталин,— не было ориентации на Германию, так же как у нас нет ориентации на Польшу и Францию. Мы ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР. И если интересы СССР требуют сближения с теми или иными странами, не заинтересованными в нарушении мира, мы идём на это дело без колебаний»². Что касается внешней политики СССР, то она ясна и неизменна. «Она есть политика сохранения мира и усиления торговых отношений со всеми странами... Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира»³,— подчеркнул в своем докладе И. В. Сталин.

При установлении дипломатических отношений правительства СССР и Чехословакии взяли взаимное обязательство не создавать, не поддерживать и не разрешать пребывание на своей территории организаций, имеющих целью вооруженную борьбу с другой стороной, либо проповедующих или подготавливающих террористические акты против ее официальных представителей, равно как и организаций, приписывающих себе роль правительства другой стороны или части ее территории. Советское правительство, как всегда, честно и добросовестно выполняло принятые на себя обязательства. Этого нельзя сказать про чехословацкое правительство. Вопреки торжественному заверению Бенеша, на территории Чехословакии продолжали существовать белогвардейские воинские формирования и попрежнему находили приют белогвардейские преступные организации, открыто, на глазах и под покровительством официальных властей подготавливавшие диверсии на советской территории и убийства руководителей Коммунистической партии и Правительства Советского Союза.

Печать буржуазных партий, грязные фашистские листки без помех и препятствий вели гнусную антисоветскую клеветническую кампанию, но проявление симпатий к Советскому Союзу беспощадно подавлялось карательными органами чехословацкого государства. Несмотря на наличие нормальных дипломатических отношений с Советским Союзом, много месяцев после их установления, судебные органы не только в провинции, но и

¹ Klement Gottwald, Spisy, Sv. VI, str. 45—46.

² И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 302—303.

³ Там же, стр. 305.

в самой Праге осуждали на тюремное заключение людей, осмелившихся публично провозгласить здравую Стране Советов. В конце концов чехословацким властям под давлением демократической общественности пришлось разрешить легальную деятельность Союза друзей СССР, и трудно этого было не сделать, если сами судебные органы капиталистического государства в 1934 г. вынуждены были признать незаконным полицейское распоряжение о запрещении Союза, изданное два года назад. Но деятельность Союза друзей СССР всячески ограничивалась; людей, рассказывающих правду о Советском Союзе, предавали суду, и если пьеса М. Горького «Егор Булычев и другие» была разрешена для столичных театров, то постановка ее запрещалась в Кошице и т. д.

Выражая мысли и чаяния широчайших народных масс страны, коммунистическая партия Чехословакии неустанно вела борьбу за установление дружеских отношений с великой социалистической державой, коренные интересы которой всегда сливались с коренными интересами всех народов.

«Вся внешняя политика Советского Союза, — заявлял ЦК КПЧ, — направлена на отдаление войны, на продление «мирной передышки». Это отвечает интересам социалистического строительства в СССР, интересам международного пролетариата, интересам мировой революции... Интересы СССР не могут быть, не являются и никогда не будут противоречить интересам международного пролетариата, ибо Советский Союз — оплот мировой пролетарской революции. Более того, роль СССР как опоры всех угнетенных народов и защитника государственного существования малых государств никогда не была столь очевидной, как в настоящее время, когда мы стоим непосредственно перед новым туром войн»¹.

Под знаменем пролетарского интернационализма компартия Чехословакии сплачивает пролетариат и трудовое крестьянство в единый фронт борьбы против капитала, фашизма и империалистической войны. Летом 1934 г. наметился перелом в борьбе против фашизации и наступления капитала. После некоторого спада движения за единый фронт, наступившего в 1933—1934 гг. под воздействием разнузданных преследований со стороны правительства и подрывной деятельности правооппортунистической и троцкистской агентуры классового врага в рядах КПЧ, вновь усиливаются выступления пролетариата против фашизации страны, за демократизацию и улучшение экономического положения трудящихся.

30 июня 1934 г. по инициативе 27 заводских комитетов Большой Праги была созвана конференция пражского пролетариата, на которой присутствовало 165 представителей от 47 заводов столицы.

В работе конференции приняли участие коммунисты, социал-демократы, национальные социалисты и беспартийные. На конференции был избран Единый комитет пражских заводов, призванный руководить борьбой пролетариата столицы за демократические права, против фашизации. «Наши собрания запрещаются, наше право на существование повергнуто в прах. Дерзость хозяев растет, и Гитлер находит в Чехословакии многочисленных последователей», — заявила конференция в своем обращении к рабочим столицы.

Конференция поручила Единственному комитету пражских заводов направить делегации ко всем профсоюзным объединениям и потребовать от них организации в самое ближайшее время единого выступления пролетариата Праги в защиту своих требований и демократических свобод². На обраще-

¹ Klement Gottwald. Spisy. Sv. V, str. 214—215.

² «Rudé právo», 11/VII 1934.

ние Единого комитета сразу же откликнулись красные профсоюзы. Они обратились к руководству реформистских профсоюзов с предложением немедленно собраться на совместное совещание для установления единства действий во имя осуществления программы пролетариата Праги, намечавшей проведение антифашистской демонстрации.

Эта демонстрация, которая должна была сочетаться со стачкой на предприятиях, была сорвана реакционными вожаками социал-демократических и национально-социалистических профсоюзов¹. Отказ реформистов от борьбы за требования пролетариата вызвал возмущение на фабриках и заводах.

В середине июля Центральный комитет КПЧ обратился к руководству национально-социалистической партии, чешской и немецкой социал-демократии с предложением единства действий против фашизма и войны. В обращении Центрального комитета КПЧ «Ко всем антифашистам и противникам империалистической войны» была дана программа конкретных действий, которые предлагалось осуществить совместными усилиями всех четырех партий².

Руководство обеих социал-демократических партий, а затем и правые лидеры чешских национальных социалистов Бенеша отвергли единство действий против угрозы фашизма и империалистической войны. Представители социал-демократии Чехословакии занимали крайне правые позиции во II Интернационале; будучи заклятыми врагами революционного пролетариата, они приходили в ярость всякий раз, когда II Интернационал, даже в целях обмана социалистических рабочих, показывал хотя бы видимость готовности вести переговоры о единстве действий с коммунистами. Осенью 1934 г. лидеры чехословацкой социал-демократической партии Бехине и Стивин пригрозили, что они выйдут из II Интернационала, если он договорится о едином фронте с коммунистами. В самой Чехословакии правые социал-демократы не стеснялись в выборе средств для того, чтобы предотвратить сближение социал-демократических рабочих с коммунистами, сорвать единую борьбу пролетариата. Однако среди рядовых членов социал-демократических и национально-социалистической партий идея единства пролетариата завоевывала все новых и новых приверженцев.

После того как руководство социал-демократов и национальных социалистов отвергло предложение о едином фронте, ЦК компартии Чехословакии 22 июля, через головы реакционных вожаков, обратился непосредственно к членам и организациям реформистских партий с открытым письмом: «Единый антифашистский фронт несмотря ни на что!» Открытое письмо ЦК КПЧ заканчивалось призывом: «Создавайте в каждом городе из представителей предприятий и рабочих организаций Единый комитет фронта против фашизма и империалистической войны!»³

Призыв компартии был поддержан многими низовыми организациями социал-демократической и национально-социалистической партий. По всей республике, в сотнях и тысячах населенных пунктов проходили бурные собрания рабочих, требовавших принятия предложений компартии. Вопреки сопротивлению руководства социал-демократические и национально-социалистические рабочие устанавливали связь с коммунистическими организациями, создавали Комитеты единства и общими усилиями отстаивали

¹ «Rudé právo», 12/VII 1934.

² Там же, 15/VII 1934.

³ Там же, 22/VII 1934.

свои требования. Через полтора-два месяца не только местные, но и окружные социал-демократические организации страны требовали от партийного руководства установления единого фронта с КПЧ.

Руководство социал-демократической партии жестоко преследовало сторонников единства. Показательны в этом отношении события, развернувшиеся в округе Полицы над Метуей. В начале августа 1934 г. из тринадцати социал-демократических организаций округа Полицы над Метуей восемь высказались за принятие предложений ЦК компартии. Социал-демократическая организация в Петровицах приняла резолюцию, осуждающую поведение руководства социал-демократической партии, которое, вопреки «тяге к единству, преобладающей среди социал-демократических рабочих», высказалось против сотрудничества с компартией. Петровицкие социал-демократы отказались выполнять решение правых лидеров партии. В резолюции, направленной центральному органу своей партии, петровицкие социал-демократы заявили: «В случае, если вы будете настаивать на своем отрицательном отношении к объединению рабочего класса в Чехословакии, мы примем решение осуществить это единство в пределах наших возможностей и будем апеллировать и к нашим товарищеским организациям с тем, чтобы столь страстно требуемое нами антикапиталистическое единство было достигнуто»¹. В обращении к Центральному комитету КПЧ социал-демократическая организация писала: «Мы с радостью приняли сообщение о предложении вашей партии социалистическим партиям создать боевое антикапиталистическое сотрудничество пролетариата... Стремление к единству преобладает в нашем пролетариате, и мы готовы осуществить это единство, невзирая на отказ нашего исполнительного комитета»².

По примеру петровицкой организации, с теми же требованиями к руководству социал-демократической партии обратились социал-демократы Ждяра, Пешкова, Главнева, Буковиц, Сухого Дола, Вены и ряда других общин Полицкого округа³. В течение нескольких дней под этими требованиями было собрано более 700 подписей полицких социал-демократов — за них высказалось преобладающее большинство окружной организации социал-демократической партии.

26 августа, по требованию пражского руководства, срочно была созвана окружная конференция полицкой социал-демократической организации. Устроители конференции намеревались превратить ее в демонстрацию против единого фронта с КПЧ и тем самым попытаться опровергнуть появившиеся в печати сообщения о выступлении целой окружной организации против политики раскола рядов пролетариата. С этой целью социал-демократические вожаки использовали все средства давления на непокорных, в том числе и жандармерию, но так ничего и не добились. Тогда социал-демократический окружком стал исключать активных участников оппозиции в Полицком округе из партии. Но и преследованиями сторонников пролетарского единства он также не достиг цели. Эти исключения, проведенные вопреки воле преобладающего большинства организации, вызвали возмущение всех рабочих. С негодованием полицкие социал-демократические рабочие писали в высшие органы своей партии: «отношения в нашей партии зашли так далеко, что рабочих исключают за их усилия

¹ «Rudé právo», 12/VIII 1934.

² Там же, 15/VIII 1934.

³ Там же, 14/VIII 1934.

объединить пролетариат для борьбы против капиталистического режима, который является основной причиной нашей нищеты и лишений»¹.

Рабочие все настойчивее требовали от реформистских лидеров, чтобы они покончили с политикой соглашательства с буржуазией, аграриями и клерикалами.

Коммунистическая партия правильно выразила мысли и чаяния широчайших рабочих масс, и ее призыв к созданию единого фронта пролетариата был подхвачен во всех краях республики.

Рабочий класс Чехословакии сплачивался вокруг компартии, убеждаясь в том, что она является единственной партией, защищающей коренные интересы пролетариев. Несмотря на полицейские репрессии и разгул реакции, партия не только сохранила свои связи с массами, но приумножила их и укрепила.

Росло влияние коммунистов и в чехословацкой деревне. Задыхающееся от безземелья, ограбленное ростовщиками, банками и кооперативами аграриев, нещадно эксплуатируемое кулачеством, притесняемое сворой судебных исполнителей, — трудовое крестьянство оказалось в 1934 г. в отчаянном положении. Сильные весенние морозы и последовавшая за ними засуха уничтожили посевы на крестьянских полях. Урожай всех сельскохозяйственных культур в 1934 г. был на треть меньше, чем в предшествующем году². Во многих районах крестьяне не собрали даже того зерна, которое было посеяно, и остались без семян для осеннего сева. Зерна не было не только для продажи, его нехватало для питания семьи. Остался без корма скот: выгорели луга и посевы клевера, мало было собрано соломы.

Судебные исполнители, описывающие крестьянское имущество за долги, появились в чехословацкой деревне еще во время жатвы, и прямо на поле конфисковывали собранный урожай, отбирая последнее, что осталось после морозов и засухи. На чехословацкую деревню надвигалась угроза голода. Крестьяне в отчаянии искали выхода из катастрофического положения.

Этот выход указала им коммунистическая партия. В июне представители компартии выступили в парламенте с законопроектом, предусматривавшим принятие неотложных мер по оказанию помощи трудовому крестьянству, пострадавшему от засухи. Компартия требовала в отношении бедняцких и мелкокрестьянских хозяйств проведения следующих мероприятий: списать с них недоимки по налогам и освободить от государственных и общинных налогов в 1934 и 1935 гг.; списать все долги по процентам с кредита; освободить от уплаты арендной платы за 1934 г. те хозяйства, которым угрожает разорение, всем остальным снизить арендную плату наполовину; предоставить бесплатный корм для скота и посевной материал; выдать единовременное пособие в размере 1000 крон на семью; из закупленного государством зерна выделить 40 000 вагонов для раздачи бесплатно домкаржам и мелким крестьянам с тем, чтобы обеспечить питание их семей, и др.³

Для осуществления программы помощи трудовому крестьянству требовались значительные расходы. Коммунистические депутаты указали на те источники, которые могли дать необходимые средства. Для этого нужно было срезать государственные субсидии фабрикантам и заводчикам и конфисковать у кооперативов аграриев запасы зерна, закупленного в 1933 г.

¹ «Rudé právo», 21/X 1934.

² Там же, 14/IX 1934.

³ Там же, 14/VIII 1934.

по интервенционистскому фонду и уничтожаемого в огромных размерах для того, чтобы взвинтить цены на продовольствие.

Центральный комитет коммунистической партии обратился к крестьянам с воззванием: «Как предотвратить катастрофу в деревне». Центральный комитет призывал крестьян решительно выступить в защиту законопроекта о безотлагательной помощи бедняцким и мелкокрестьянским хозяйствам, пострадавшим от засухи. «Созывайте совещания и собрания в каждой деревне, обсуждайте проекты немедленной помощи, которые перед вами выдвигает коммунистическая партия! — призывало воззвание. — Избирайте в каждой деревне единый комитет домкаржей и мелких крестьян для борьбы за проведение проектов о немедленной помощи! Созывайте широкие конференции представителей единых комитетов от нескольких деревень и целых округов! Высылайте депутации, выступайте целыми деревнями и двигайтесь к окружным управам, налоговым управлениям, ссудным кассам, кредитным учреждениям и аграрным кооперативам. Настаивайте на немедленном выполнении своих требований!»¹ Компартия призывала к единому выступлению членов аграрных «Домовин», социал-демократических и национально-социалистических организаций, трудящихся крестьян, к объединению бедноты и рабочих в единый революционный фронт борьбы за правительство рабочих и крестьян.

Обращение Центрального комитета коммунистической партии распространялось по всем краям республики, проникая в самые отдаленные, глухие деревни. В тяжелую годину засухи, недорода, голода чехословацкое крестьянство убедилось, что в стране есть партия, отстаивающая его насущные запросы, что этой единственной партией является революционный авангард пролетариата — коммунистическая партия Чехословакии.

Обсуждение законопроекта в парламенте сорвало маски с буржуазных политических партий. Против помощи трудовому крестьянству за счет промышленных и аграрных монополий наиболее резко и безоговорочно выступали депутаты аграрной партии, демагогически называвшей себя партией «мелкокрестьянского люда».

Аграриев и представителей буржуазных партий полностью поддержали правые социал-демократы и национальные социалисты. Предложения компартии о помощи деревне были отвергнуты под предлогом «отсутствия необходимых средств». Предметный урок, полученный трудящимися крестьянами в эти дни, помог разоблачению аграриев, способствовал росту самосознания крестьянских масс и усилению классовой борьбы в чехословацкой деревне.

Обнажалась непримиримость интересов крестьянина-труженика и помещичье-кулацкой верхушки, яснее выступало буржуазно-помещичье существо политики правящей аграрной партии, вскрывалась лживость демагогического лозунга аграриев: «Деревня — единая семья». Освобождению крестьянства от идеологических пут, сковывавших развитие классовой борьбы в деревне, содействовало создание так называемой «хлебной монополии», главными зачинщиками которой были аграрии.

Проводимый правящими кругами курс на фашизацию страны, явное стремление разгромить рабочее движение, лишить трудовой народ демократических свобод, загнать в подполье революционный авангард пролетариата — коммунистическую партию — способствовали повышению активности всех фашистских группировок в Чехословакии. Несметные барыши, которые хлебная монополия обеспечила помещикам и кулакам, не давали

¹ «Rudé právo», 24/VI 1934.

покою промышленному и финансовому капиталу. Монополистическая олигархия с вожделем думала о кровавой фашистской диктатуре, которая позволила бы усилить эксплуатацию рабочих, подавив организованное сопротивление масс. Финансовые магнаты питали нескрываемые симпатии к террористическому режиму, установленному Гитлером в соседней Германии. Глава чехословацких промышленников Ярослав Прейсс в 1934 г. совершил поездку в гитлеровскую Германию. В Чехословакию Прейсс вернулся поклонником Гитлера. Ему он расточал безмерные похвалы за быстрое и точное выполнение повелений крупного монополистического капитала. «Гитлер — всего навсего только авантюрист, но если бы нам иметь только такого!» — восклицал Прейсс.

Сразу же по возвращении в Чехословакию Прейсс принялся сколачивать реакционные силы, которые, по его расчетам, должны были проложить дорогу фашизму. Финансовые воротилы действовали в Чехословакии грубо и открыто.

Генеральный секретарь Центрального союза чехословацких промышленников Франтишек Годач, правая рука Прейсса, сам вступил в переговоры с руководителем Национальной лиги Стршибрным и договорился об объединении всех чешских фашистских группировок. В октябре 1934 г. Крамарж и Стршибрный оповестили о предстоящем объединении Национальной демократии и Национальной лиги для достижения тех же целей, которые осуществлены Гитлером в Германии. В ноябре Годач произносит в чехословацком парламенте речь, в которой излагается программа объединенной партии чешских фашистов. Речь Годача справедливо была оценена демократической печатью как программа фашистского правительства. Национально-демократическая партия заявляет об уходе ее представителей из чехословацкого правительства и становится на путь подготовки свержения в Чехословакии буржуазно-демократического строя.

Подрывная деятельность чешских фашистов, а равным образом генлейновцев и глинковцев, пользуется полной поддержкой правящей аграрной партии.

Чехословацкая полиция и жандармерия, подчиненные министру внутренних дел аграрию Черному, заботливо охраняют демонстрации и митинги фашистских организаций и беспощадно подавляют антифашистские выступления масс. 22 октября 1934 г. Генлейн под охраной 500 жандармов проводит фашистскую демонстрацию и митинг в Ческе Липе. Одновременно власти отдают распоряжение о строжайшем запрещении антифашистских митингов¹. Через месяц та же история повторяется в столице.

На 20 ноября Национальная лига и Национальная демократия назначили митинг в «Люцерне» — одном из крупнейших залов Праги. На свой митинг фашисты усиленно зазывали слушателей в течение нескольких дней. За два часа до начала митинга площадь перед «Люцерном» была заполнена участниками многотысячной антифашистской демонстрации пражского пролетариата, организованной коммунистами. Приехавший на митинг главарь словацких фашистов Глинка, оторопело взглянув на бушующую гневом площадь, в испуге воскликнул: «Улица заполнена неприятелем!»

Организаторы фашистского сборища вынуждены были отказаться от намерения провести открытый митинг и обратились за помощью к властям. Все подступы к залу «Люцерн» были заняты усиленными отрядами полиции. Ударами дубинок полицейские разгоняли демонстрантов, пытающихся проникнуть в зал. На «митинг» пропускали лишь членов Национальной

¹ «Rudé právo», 23/X 1934.

демократии и Национальной лиги, да и то по предъявлении партийного удостоверения. Бесчисленные полицейские патрули наводнили все внутренние помещения. В самом зале заседаний «в каждом ряду кресел сидело не меньше чем по четыре агента полиции», — писала газета «Руде право», дополняя этим штрихом картину полнейшего переполоха и животного страха перед народными массами, царивших на фашистском собрании.

В то время как кучка фашистских провокаторов под охраной полицейских дубинок совещалась о мерах борьбы против демократии, на Вацлавской площади и на всех улицах, прилегающих к «Люцерну», проходила громадная демонстрация, в которой участвовали тысячи социал-демократов, национальных социалистов, коммунистов, беспартийных. Мощная антифашистская демонстрация, прошедшая под знаменем единого фронта, продолжалась с 6 до 10 часов вечера. Грозный клич многотысячной демонстрации — «Долой фашизм!» — сопровождал поспешно скрывавшихся фашистов.

Антифашистское выступление трудового народа Праги имело огромное значение для мобилизации сил демократии.

Потерпев поражение 20 ноября, чешские фашисты вскоре организовали новое выступление. Через несколько дней Прага стала полем разнузданных бесчинств фашистских погромщиков. Утром 24 ноября чешские националисты спровоцировали хулиганское нападение на немецких студентов. Затем буржуазные молодчики, предводительствуемые людьми Стршибрнго, организовали фашистскую демонстрацию под шовинистическими и антимарксистскими лозунгами. Вечером того же дня, после митинга на Староместской площади, толпа фашистов двинулась на Гибернскую улицу и камнями побила окна в Народном доме, где помещалось руководство социал-демократической партии. Чешские фашисты направились было в Карлин, намереваясь устроить погром в помещении Центрального комитета компартии и редакции ее центрального органа — газеты «Руде право». Но на защиту своей партии бросились рабочие. Узнав, что около полусотни рабочих собралось во дворе коммунистического дома, фашистские погромщики поспешили ретироваться и повернули к немецкому кинотеатру «Ура-ния» и немецкому «Освобожденному театру». Сопровождаемые сворой подкупленных громил фашиствующие сынки фабрикантов, заводчиков и торговцев дефилировали по улицам Праги, выкрикивая шовинистические лозунги, избивая прогрессивных студентов.

Полиция не только предоставляла полный простор разбушевавшимся бандитам, но и предупредительно расчищала им путь. Полицейские дубинки и жандармские сабли без промедления обрушивались на всякого, кто пытался оказать сопротивление фашистам. Рабочие, собравшиеся защитить дом компартии в Карлине, были окружены отрядом полиции, избиты, закованы в кандалы и увезены в тюрьму.

Уверенные в полной безнаказанности, фашистские главарь совершенно распялись. На следующий день, в воскресенье 25 ноября, они вновь вывели на улицы столицы свое хулиганствующее воинство. Рабочие районы Праги пришли в движение. Происходили стычки, неизменно кончавшиеся отступлением фашистских погромщиков. На рабочих окраинах столицы фашисты были разогнаны. Стремясь предотвратить антифашистское контрнаступление, полицейское управление отдало приказ о немедленном запрещении всех собраний и демонстраций. В 10 часов вечера полицейское распоряжение было передано по радио с добавлением свирепых угроз. Полицейские, в течение двух дней бесстрастно взиравшие на фашистские беспорядки, внезапно оживились и набросились на рабочих. За короткий срок в Праге были арестованы несколько десятков рабочих-антифашистов.

26 ноября фашистские элементы вновь пытались продолжать свои выступления. Но они уже не решались выйти на улицы столицы. Крепкий урок, полученный накануне в рабочих предместьях, заставил их тесниться на задворках Пражского университета.

Центральный комитет коммунистической партии в своем воззвании разоблачил организаторов и пособников шовинистической травли нечешских народов. Фашистские бесчинства, говорилось в воззвании, были организованы фашистской и националистической агентурой крупного монополистического капитала — Годачем, Стршибрным, Гайдой. Печальная заслуга в разжигании националистических распрей принадлежала партии Бенеша и Клофача, которая своей шовинистической программой и агитацией подготавливала почву для вспышки национализма. Центральный комитет разъяснил массам цель подобных провокаций: «В чем смысл таких действий националистических провокаторов? Прежде всего в том, чтобы отвлечь внимание масс от нищеты, голода, безработицы в сторону националистической травли, разжигаемой с помощью националистического студенчества. Националистические действия, — предупреждала КПЧ, — однако, преследуют и другие, бесконечно более опасные цели. Чешские национальные фашисты пытаются использовать искусственно вызванную волну национализма в целях создания подходящей обстановки для осуществления своих фашистских устремлений»¹.

Коммунистические депутаты с парламентской трибуны потребовали, чтобы полиция, жандармерия и армия были очищены от фашистских элементов, а фашистские погромщики — Стршибрный, Годач, Гаида, Доминна — все виновники националистических провокаций в Праге были немедленно арестованы².

Коммунистическая партия призвала пролетариат и всех трудящихся, всех деятелей науки и культуры к протесту против действий фашистских насильников и их покровителей среди правящей верхушки страны. По призыву коммунистов поднялась вся пролетарская Прага. Вечером 27 ноября в столице состоялась могучая антифашистская демонстрация. Лишь на центральных площадях города в ней участвовали десятки тысяч рабочих. Зал «Люцерна», в котором компартия проводила антифашистский митинг, был переполнен. На Вацлавскую площадь все время прибывали колонны демонстрантов, прорывающихся через кордоны полицейских, избивающих и арестовывающих участников демонстрации. Многочисленные антифашистские демонстрации, митинги и стачки состоялись по всей республике — в угольном бассейне Остравы и в текстильном районе Фридка, в машиностроительных центрах Брно и Пльзене, в главном городе Словакии — Братиславе и в немецких областях.

Антифашистские выступления пролетариата поддержала передовая интеллигенция Чехословакии. С призывом к борьбе против фашизма обратились чехословацкие писатели. Обращение подписали выдающиеся писатели и деятели культуры страны: Э. Неядлы, С. Нейман, М. Майерова, Я. Мукаржовский, И. Ольбрахт, В. Ванчура, К. Чапек и др. Антифашистский манифест чешских писателей оказал огромное влияние на передовую интеллигенцию. Вскоре к манифесту присоединились все учительские организации, словацкие писатели, многочисленные студенческие общества.

Отразив выступления фашистов в Праге, революционный пролетариат заложил предпосылки широкого фронта борьбы против фашизма.

¹ «Rudé právo», 27/XI 1934.

² Там же, 30/XI 1934.

Дальнейшее усиление движения единого фронта зависело от того, как компартия сможет мобилизовать широкие народные массы на борьбу против фашизма, империалистической войны, наступления капитала. Огромное значение в осуществлении этой задачи имела статья Клементы Готвальда «О положении Чехословакии и тактике единого фронта», опубликованная в декабре 1934 г. X пленум ЦК КПЧ (декабрь 1934 г.), выдвинув вопрос об установлении боевого единства всех рабочих партий, подчеркнул, что такое единство действий возможно только при условии разрыва реформистских партий с политикой соглашательства с буржуазией, при условии стойкой защиты интересов пролетариата. В решениях пленума разъяснялось, что создание единого фронта явится поворотным пунктом во внутриполитическом развитии страны, резко улучшит положение пролетариев, безработных, трудового крестьянства, чешских национальностей. Коммунистическая партия призывала рабочих-социалистов к проведению совместных выступлений с коммунистами на местах, чтобы тем самым принудить реакционное руководство реформистских партий и профсоюзов к единству действий.

X пленум предостерег коммунистов от шаблонной рассылки обращений к низовым организациям реформистских профсоюзов и партий, подчеркнув, что не эти письма сами по себе, а глубокая работа в массах может обеспечить успех дела. Пленум ЦК КПЧ резко выступил против оппортунистических извращений тактики единого фронта¹.

Коммунистическая партия Чехословакии, добиваясь сплочения сил пролетариата в боевую политическую армию, борющуюся против наступления фашизма и капитала, провела ряд успешных массовых выступлений.

Большую кампанию против уничтожения и порчи продовольствия провел руководимый коммунистами рабочий кооператив «Вчела». В 1934 г. кооператив «Вчела», объединявший 76 000 потребителей, обратился в Совет министров Чехословакии с требованием продать ему зерно, хранившееся на складах интервенционного фонда и предназначенное к уничтожению. «Вчела» готова была уплатить по 60 крон за центнер, т. е. ту цену, по которой зерно покупали аграрные склады на корм скоту, и притом обязывалась обеспечить безработных и голодающих дешевым хлебом (по одной кроне за килограмм при существующей цене 2 кроны). 30 000 вагонов зерна, которое аграрии собирались уничтожить или скормить скоту, хватило бы для того, чтобы 700 000 безработных смогли в течение 10 месяцев получать ежедневно по одному хлебу весом в 1,35 кг². Пролетарский кооператив предлагал далее организовать продажу сахара безработным по цене вдвое ниже, чем на чехословацком рынке. Для этого нужно было бы предоставить голодающим рабочим тот сахар, который сахарозаводчики искусственно портили и превращали в корм для свиней. Однако правительство, ратуя за прибыли аграриев, отвергло все требования «Вчелы».

В ноябре 1934 г. по инициативе «Вчелы» началась крупная массовая кампания против дороговизны. Речь шла о самых наболевших нуждах миллионов тружеников и вполне естественно, что движение приняло необычайный размах. В течение двух-трех месяцев под петицией против дороговизны подписался каждый второй взрослый житель Чехословакии. Сотни предприятий, многие муниципалитеты, свыше 5 млн. людей горячо поддерживали выдвинутые коммунистами экономические требования об улучшении

¹ См. «Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом», Партиздат, 1935, стр. 130.

² «Rudé právo», 15/VII 1934.

положения трудового народа за счет аграрных кооперативов и капиталистических картелей.

Компартия и красные профсоюзы энергично выступили против закрытия предприятий, увольнения рабочих, снижения заработной платы. Премьер Малипетр, выступая в ноябре 1934 г. с правительственными заявлениями в парламенте, безоговорочно высказался за закрытие многих предприятий, в первую очередь в горнодобывающей промышленности. Угольные бароны в Остраве, Северной Чехии и других бассейнах Чехословакии давно носились с этими планами. Заявление Малипетра означало, что правительство обязуется проводить планы предпринимателей, как обязательное государственное мероприятие. Массовые увольнения стали вопросом ближайшего будущего. В несколько замаскированной форме поход капиталистов и правительства против рабочих был поддержан социал-фашистами. Еще до выступления Малипетра в парламенте они выдвинули лозунг сокращения рабочего дня (разумеется, с соответствующим снижением заработной платы). Реформистские профсоюзы повели переговоры с Союзом промышленников. Предметом этих переговоров было соглашение о сокращении рабочего дня, направленное на рост скрытой безработицы¹. Преданные реакционными лидерами рабочие обратили свои взоры к коммунистической партии. Коммунисты были вдохновителями и организаторами рабочих в их борьбе против наступления предпринимателей и социал-предателей.

«За 40-часовую рабочую неделю при полном сохранении зарплаты!» «Против закрытия предприятий, против увольнений!» — эти четкие и ясные лозунги, выдвинутые компартией, стали программой многочисленных стачек во всех отраслях чехословацкой промышленности, знаменем широкого движения, с особой силой развернувшегося среди горняков.¹

Движение началось в Кладненском угольном бассейне, на который обрушился первый удар предпринимательских объединений и правительства. Здесь было объявлено об увольнении двух тысяч горняков и о снижении заработной платы всем остающимся на 20%. Ставка делалась на то, что под угрозой увольнения шахтеры не станут протестовать против снижения заработной платы, рискуя потерять работу вовсе. Это был расчет на раскол горняцкой массы. Производственный (красный) союз горняков немедленно обратился с воззванием к пролетариату Чехословакии: «Нападение на горняков есть нападение на весь рабочий класс! Все заводы солидарно на помощь горнякам!» Коммунисты призывали рабочих всей промышленности, в первую очередь шахтеров Северо-чешского и Остравского угольных бассейнов, оказать решительную поддержку горнякам Кладно. «Нападение на горняков — начало нового крупного наступления на весь рабочий класс», — подчеркивал в своем воззвании Производственный союз.

6 января 1935 г. в Кладненском бассейне состоялись собрания шахтеров и их жен, заявивших гневный протест против увольнений и снижения заработной платы. «Долой снижение зарплаты — мы требуем ее повышения на 20 процентов! Долой увольнение горняков — мы требуем сокращения рабочего дня до 6 часов без сокращения зарплаты!» — заявили шахтеры в принятых на собраниях резолюциях. Горняцкие собрания постановили на всех шахтах, во всех общинах избрать стачкомы, 8 января провести во всем бассейне демонстративные стачки протеста, без промедления собрать конференцию единого фронта, на которой избрать стачком для обеспечения единства действий во всем бассейне².

¹ «Rudé právo», 5/I 1934.

² Там же, 8/I 1935.

8 января на шахтах Кладненского бассейна повсеместно состоялись демонстративные стачки, которые принудили предпринимателей к первому отступлению: администрация шахт объявила, что снижение зарплаты откладывается. Однако распоряжение об увольнении осталось в силе; через несколько дней угольные компании разослали по шахтам инструкции об увольнении первой очереди (около 500 шахтеров) к 19 января.

Красный профсоюз горняков обратился к социал-демократическим и национально-социалистическим профсоюзам с предложением о совместных действиях: «Нужно без промедления организовать единую борьбу всех горняков во всех бассейнах и бросить на чашу весов безмерную силу объединенных горняцких масс»¹. В предложении красного профсоюза содержался план подготовки всеобщей стачки горняков, который лег в основу всей дальнейшей борьбы шахтеров в Кладненском и отчасти в Остравском и Северо-чешском угольных бассейнах. Однако саботаж обуржуазившихся руководителей реформистских профсоюзов не позволил осуществить этот план в полной мере (не были проведены общереспубликанская конференция и всеобщая стачка горняков всех бассейнов Чехословакии).

В Кладно предложения красных профсоюзов были горячо поддержаны на митингах, проведенных на крупнейших шахтах бассейна. 21 января состоялась единая конференция Кладненского бассейна, одобрявшая предложения о создании единого фронта в борьбе против натиска капиталистов. В постановлении конференции говорилось: «На каждое увольнение отвечать стачкой. Никакого снижения зарплаты — напротив, ее повышение. Никаких увольнений, а сокращение рабочего дня без сокращения зарплаты. Оздоровление горняцкого страхования за счет предпринимателей и государства. Мы высказываемся за предложения Промышленного союза горняков, за объединение борьбы всех бассейнов, за упрочение и расширение комитетов защиты горняков...»² Решения конференции, обсужденные на митингах, вдохновили горняков на решительную борьбу. Упорная и мужественная борьба кладненских шахтеров длилась несколько месяцев. Признанным вождем движения на всех его этапах выступала компартия вместе с красными профсоюзами. По их инициативе на шахтах была создана широкая сеть стачечных комитетов, по первому призыву которых поднимались многотысячные рабочие массы.

Социал-демократы и национальные социалисты, члены реформистских профсоюзов, не обращая внимания на запреты продажных лидеров, сражались плечом к плечу с коммунистами. На одной из общекладненских конференций был избран Центральный комитет защиты. Он стал организационным центром борьбы, в которой широко использовались разнообразные формы. Митинги и демонстрации сочетались со стачками, охватывающими весь Кладненский бассейн.

В конце концов угольные компании должны были сдаться. Они отказались не только от сокращения зарплаты, но и от увольнения шахтеров.

Успешное применение тактики единого фронта, обеспечившее победу горнякам Кладно, оказало большое влияние на развитие классовых боев в Чехословакии. Против попыток увольнений вслед за этим решительно выступили шахтеры Остравско-Карвинского и Мостовского угольных бассейнов. Широко развиваются стачки и в других отраслях народного хозяйства; среди них выделяются длившиеся несколько недель стачки

¹ «Rudé právo», 13/1 1935.

² Там же, 22/1 1935.

лесорубов и сельскохозяйственных рабочих Словакии и забастовка на строительстве железной дороги Червена Скала — Маргенцау, в которых приняли участие свыше 10 000 человек.

В зимние месяцы, январе и феврале, 1935 г. под руководством коммунистов развертывается массовое движение безработных. В это время численность армии безработных, даже по официальным данным, превысила 800 000 человек (в действительности — больше миллиона). Безработные и их семьи оказались в отчаянном положении ввиду резкого сокращения государственных ассигнований на пособия по безработице. Компартия организовала митинги и голодные походы безработных; во многих местах были проведены конференции безработных. 21 февраля, в день борьбы против безработицы, демонстрации безработных, прошедшие во всех краях республики, были поддержаны фабриками и заводами, прекратившими работу в знак солидарности с демонстрантами.

Руководимый компартией пролетариат указал выход из отчаянного положения всему трудовому народу Чехословакии.

Массовые выступления пролетариата и стачки словацких батраков получили глубокий отклик в среде чехословацкого крестьянства. Затянувшийся сельскохозяйственный кризис, грабеж хлебной монополии, картелей, банков и ростовщиков разоряли крестьян. Голод и болезни свирепствовали в деревне.

«Краем нищеты и произвола» назвал Восточную Словакию даже сенатор социал-демократ А. Новак, посетивший эти районы осенью 1934 года. «Округ Снина, — писал Новак в запросе министру внутренних дел, — населяют почти 16 000 жителей, преобладающую часть которых составляют безработные лесные рабочие и мелкие крестьяне. Работы в лесу и на лесопилках в результате прекращения вывоза древесины полностью остановились, и большинство населения терпит страшную нужду. Главной пищей служит картофель весьма низкого качества... Хлеб, в нашем смысле слова, в ряде общин неизвестен... Большое число семей не имеет поваренной соли... Керосиновое освещение здесь неизведанная и излишняя роскошь... Дети, обязанные ходить в школу, не имеют ни учебников, ни тетрадей... В конце ноября, когда я проезжал через округ, на пригорках лежал снег, а в долинах бегали дети — босые и полунагие. Даже взрослые не имеют порядочной одежды и обуви»¹.

Трудовой народ Словакии, придавленный двойным гнетом — чешского финансового капитала и собственных эксплуататоров, страдал к тому же от произвола жандармерии и местных начальников, которые вели себя здесь с исключительной бесцеремонностью и жестокостью.

Окружной начальник чувствовал себя неограниченным сатрапом и не стеснялся в выборе средств для личного обогащения. Он брал подряды на строительство частных зданий и широко использовал на этих стройках принудительный труд, в лучшем случае оплачиваемый «чеховыми жебраченками» — государственным пособием по безработице.

Такой же произвол царил в соседнем со Сниной округе — в Медзилаборце. Нищета здесь была еще глубже, еще беспросветнее. Округ, жестоко разоренный в годы первой мировой войны, долго и тщетно дождался давно обещанных и полагавшихся ему государственных субсидий. Трудовое крестьянство сильно волновалось. Вдохновляемое примером рабочих оно поднялось на борьбу. В марте 1935 г. произошло восстание крестьян семи деревень в Восточной Словакии.

¹ «Rudé právo», 16/III 1935.

13 марта в Чертижне, в одной из деревень голодающего Медзилаборского округа, появились судебный исполнитель и жандармы. Когда они попытались за долги увести со двора крестьянина Дымуна последнюю корову, сбежался сосед и выгнали из деревни экзекутора и жандармов. Вечером того же дня в Чертижне пришли агитаторы аграрной партии, начавшей подготовку к парламентским выборам. Как и в 1929 г., аграрии вновь обещали всевозможные блага крестьянам после победы на выборах, однако собравшиеся крестьяне возмущенно прервали оратора. Сопrotивлявшихся аграриев вытолкнули вон с собрания.

На следующий день в Чертижне было стянуто до 300 жандармов — целая карательная экспедиция. Переходя из дома в дом, жандармы избивали прикладами и резиновыми дубинками мужчин, женщин, стариков. Арестованных крестьян согнали в дом, обращенный в жандармский застенок, и там избивали до полусмерти. Душераздирающие вопли истязаемых вызвали ярость всего населения деревни. Терпение крестьян истощилось, они бросились на мучителей и освободили заключенных. Осыпаясь градом камней жандармы, залпами сдерживая безоружных людей, бросились за околицу. Крестьяне свалили телефонные столбы и порвали провода, но слишком поздно — жандармы уже успели вызвать подкрепление.

О событиях в Чертижне мгновенно узнала вся округа. Поднялось сразу несколько деревень. Жандармские подкрепления, спешившие к главному очагу восстания, натыкались на крестьянские засады. Не имея иного оружия, кроме камней, крестьяне сражались с упорством, сплоченностью и мужеством людей, доведенных до отчаяния, но вынуждены были отступить под ружейным огнем жандармерии. Слишком неравны были силы. Неорганизованное и стихийное крестьянское восстание не могло рассчитывать на успех. Кровавое подавление крестьянских волнений в Восточной Словакии вызвало возмущение трудовой Чехословакии. Коммунистические депутаты в парламенте потребовали расследования всех обстоятельств событий в Медзилаборском округе, строгого наказания гражданских и жандармских властей, виновных в организации карательной экспедиции, немедленного прекращения конфискации крестьянского имущества за долги и принятия решительных мер по оказанию помощи голодающему населению Словакии и Закарпатской Украины. Буржуазно-помещичье большинство парламента, поддержанное в сенате и палате депутатов также социал-демократами и национальными социалистами, отвергло требования компартии.

Требование компартии было поддержано широким движением масс. В нескольких округах долины Ганы состоялись многочисленные митинги; 31 марта 1935 г. в Кромержицах собралась единая конференция трудового народа Ганы. На конференции было представлено около 2000 делегатов от крестьян, ремесленников и рабочих. Почетным председателем конференции был избран М. И. Калинин. Собравшиеся обратились с манифестом ко всему трудовому народу Чехословакии, в котором призывали трудящихся — рабочих и крестьян — к выступлению единым фронтом, под руководством компартии, против фашизма и капитализма.

По примеру Ганы, конференции единого фронта собираются во многих местах. Участники этих конференций — рабочие и крестьяне, ремесленники и безработные, коммунисты, социал-демократы, национальные социалисты, члены аграрных Домовин и клерикальных крестьянских организаций — разрабатывают совместную программу борьбы.

Областные конференции трудового народа в Чехии, Словакии и Закарпатии, митинг братства немецких и чешских трудящихся в Мосте, антифа-

шистский съезд трудового народа Судетской области в Теплице-Шанове, проведенные в феврале — апреле 1935 г коммунистической партией, явились важным шагом к организации единого фронта рабочих и крестьян, трудящихся всех национальностей Чехословацкой республики.

Коммунистическая партия была единственной и решающей силой, борющейся во главе масс против ограничения демократических свобод. Закон о регистрации политических партий, принятие которого форсировало правительство и буржуазно-помещичье большинство парламента, встретил такое решительное возмущение, что инициаторы закона сочли наиболее благоразумным отказаться от него вовсе. При помощи закона о регистрации политических партий империалистическая реакция намеревалась лишить компартию возможности участвовать в парламентских выборах и тем подготовить избирательную победу фашистских организаций. Проект закона провалился с треском, поскольку реакционным силам с досадой пришлось «принять во внимание»; как осторожно заметила 24 марта 1935 г. бенешевская газета «Лидовы новины», что это «все сложные вопросы юридические и политические», для решения которых «предвыборный период не подходит». Истинная причина столь внезапного «благоразумия» правящих кругов скрывалась в могучем народном движении в защиту коммунистической партии.

Мощные митинги и манифестации против закона о регистрации партий начались в Праге и прошли затем в Либерце, Брно, Моравской Острове, Кладно, Мл. Болеславе и многих других городах страны. Тысячи антифашистских собраний, которые прокатились по всей республике, показали, что коммунистическая партия снискала любовь широких масс трудящихся и может рассчитывать на их беззаветную поддержку.

Показателем роста авторитета компартии служит тот факт, что только за первые три месяца 1935 г., несмотря на дику антикоммунистическую травлю, количество новых членов КПЧ увеличилось на 10 000 человек, а число ее низовых организаций — 1000.

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 1935 ГОДА

Объявление выборов в парламент, которые должны были состояться не позже осени 1935 г., зависело от аграриев, поскольку они занимали господствующие позиции в парламенте и правительстве. Но аграрная партия долго колебалась, выбирая наиболее подходящий для себя срок. Вначале Малипетр заявил, что выборы будут осенью; дальше откладывать было нельзя — полномочия Национального собрания истекали к концу года.

Что же побуждало правящую партию к проволочке? Очень соблазнительно было протащить давно подготовленные реакционные законы и под их покровом, еще до открытия избирательной кампании, удушить демократические силы. Но закон о регистрации партий, с которым реакция связывала столько надежд, был безнадежно погребен уже в марте. Теперь аграриям приходилось спешить: влияние коммунистов в массах быстро росло, их самоотверженные усилия, направленные на сплочение всех труженников города и деревни в могучий антифашистский фронт, увенчивались новыми и новыми успехами. Грозным предостережением для аграрных политиков явились события в Чертижке, которые показали, что крестьяне начинают понимать подлинное антинародное профашистское существо «республиканской партии земледельческого и мелкокрестьянского народа».

В апреле правительство приняло решение о проведении 19 мая парламентских выборов. Через неделю после них должны были состояться выборы в окружные муниципалитеты.

Выборы явились серьезным событием в политической жизни страны. Конечно, как всякие выборы в условиях капитализма, они не могли поколебать власти эксплуататорских классов. Но очередные парламентские выборы в Чехословакии во многом предreshали вопрос о политической форме этой власти, вопрос о том, быть буржуазной демократии или фашистской диктатуре, что было далеко не безразлично для освободительной борьбы пролетариата. Пролетариат был кровно заинтересован в возможно более полной политической свободе, облегчавшей ему борьбу за социализм, в нанесении поражения силам фашизма и реакции.

Основой концентрации всей реакции в Чехословакии была аграрная партия. Какие же цели преследовало в избирательной кампании руководство аграрной партии? Как заявил его представитель на заседании Моравского аграрного общества в Брно, аграрная партия стремилась при помощи выборов упрочить свое руководящее политическое влияние в государстве до такой степени, чтобы вместо существующей коалиционной системы установить авторитарный режим¹. Это был план установления открытой диктатуры крупного монополистического капитала, объединяемого Аграрным и Англо-пражским банками и опирающегося на широкую сеть аграрных кооперативов.

Другая могущественная группа финансового капитала в Чехословакии, которая концентрировалась вокруг Живнostenского банка, накануне выборов завершила объединение всех организаций чешских фашистов, за исключением гайдовской Национальной фашистской общины. В апреле 1935 г. национально-демократическая партия Крамаржа и Годача, Национальная лига Стршибрного и другие мелкие фашистские группы слились в единую фашистскую организацию Национальное объединение («Народни съединени»). За спиной малочисленного и маловлиятельного Национального объединения стояли Живнобанк, Союз промышленников, чехословацкие и международные картели. В распоряжение чешских фашистов были предоставлены миллионные фонды, которые пополнялись щедрыми приношениями от Прейсса, Роша, Петшека, Шенкера — промышленных и финансовых магнатов всех национальностей. Эта группа чешского финансового капитала решила любой ценой завоевать прочные политические позиции в парламенте и правительстве и на деньги не скупилась. Чешские фашисты, пришедшие после сокрушительного поражения в ноябре 1934 г., вновь усилили свою деятельность. Национальное объединение развернуло разнузданную демагогическую кампанию, проводившуюся под шовинистическим лозунгом: «Ничего, кроме нации». Прикрываясь этим лозунгом и выдавая себя за рьяных поборников чешской нации, лидеры Национального объединения вели закулисные переговоры с заклятыми врагами Чехословакии, торговали ее территорией и ее независимостью.

Основой внешнеполитической программы чешских фашистов было требование союза между Чехословакией и гитлеровской Германией, как это и было подчеркнуто в специальной резолюции пражской организации Национального объединения. Деятельность чешских фашистов служит блестящей иллюстрацией того положения, что буржуазный национализм и его крайнее выражение — звериный шовинизм — есть оборотная сторона идеологии космополитизма, который в качестве отравленного оружия принимает на

¹ «Rudé právo», 1/III 1935.

вооружение наиболее агрессивная группировка мировой империалистической реакции.

Яркий свет на связи чешских фашистов с гитлеровцами пролил арест Милоша Майкснера, редактора двух чешских фашистских журналов. Майкснер был тесно связан с Годачем, Крамаржем и Гайдой. По их поручению он предпринял поездку в Берлин и Варшаву. В Берлине Майкснер обратился в гитлеровское министерство пропаганды к Геббельсу с просьбой о финансовой поддержке. В переговорах с гитлеровцами чешские фашисты добивались разрешения и помощи в деле создания на германской территории воинских формирований из чешских фашистов как основной ударной силы фашистского переворота в Чехословакии. В случае успеха фашистского переворота в Чехословакии Геббельсу было обещано, что Судетские районы будут переданы Германии. Аналогичные переговоры Майкснер вел с пилсудчиками¹.

Главной агентурой гитлеровцев в Чехословакии был возглавляемый Генлейном так называемый «Судето-немецкий фронт». Связи Генлейновской партии с германским фашизмом, с гитлеровским государством до поры до времени маскировались, но они непрерывно поддерживались и все более укреплялись. Генлейн получал от гитлеровского государства регулярную финансовую субсидию, которая с 1935 г. поступала через германское посольство в Праге.

Крайняя демагогия, разнузданный шовинизм, самая подлая игра на националистических предрассудках — таковы главные черты предвыборной агитации генлейновцев. Рассыпаясь в громовых проклятиях чешской plutократии, спекулируя на бедственном положении трудящихся и мелкобуржуазных слоев, генлейновцы развернули бешеную кампанию. Они наводнили Судетские районы нелегальными листовками, в которых содержались откровенные призывы к отторжению и насильственному присоединению к гитлеровской Германии областей Чехословакии, населенных немцами. На предвыборные собрания генлейновцы приходили вооруженные до зубов и провоцировали кровавые столкновения, нередко кончавшиеся человеческими жертвами. Среди арестованных генлейновских бандитов зачастую оказывались гитлеровцы, граждане Германской империи, нелегально переходившие государственную границу и доставлявшие оружие, фашистскую литературу и инструкции для «Судето-немецкого фронта». В пограничных районах Чехословакии царил вакханалия политического бандитизма и неусыпная слезка агентов германского гестапо за антифашистами.

Правительство клятвенно заверяло чехословацкую общественность, что «Судето-немецкий фронт» будет распущен как только окажутся прямые доказательства связи генлейновцев с германскими фашистами. Таких доказательств было более чем достаточно, их число возрастало с каждым днем, но министерство внутренних дел, которое всячески потворствовало генлейновцам, неукоснительно отвергало требования о роспуске «Судето-немецкого фронта». Для обмана народа правительство сделало вид, что рассматривает вопрос о недопущении «Судето-немецкого фронта» к участию в выборах, но в конце концов дело ограничилось лишь тем, что генлейновская агентура агрессивной Германии сменила свое прежнее название на «Судето-немецкую партию» и беспрепятственно продолжала свою подрывную деятельность.

Позиция чехословацкого правительства, министерства внутренних дел в том числе, целиком и полностью определялась политикой руководства

¹ «Rudé právo», 23/III 1935.

аграрной партии, а аграрии охраняли Генлейна как своего классового союзника. Один из лидеров правого крыла аграрной партии Стоупал в марте 1935 г. в своих переговорах с Генлейном предложил ему заключить соглашение, которое должно было вступить в действие после выборов. Суть этого соглашения заключалась в том, что аграрии и генлейновцы договорились о совместной линии и сотрудничестве в новой правительственной коалиции, из которой после парламентских выборов должны были быть выставлены социал-демократы и чешские национальные социалисты¹. Руководство аграрной партии распорядилось, чтобы Ландбунд (немецкие аграрии) заключил избирательный блок с генлейновцами. При содействии аграриев и по приказу из Берлина, все немецкие буржуазные партии в Чехословакии действовали во время избирательной кампании в пользу Генлейна.

Реакционные и фашистские элементы располагали агентурой во всех буржуазных партиях; все они, без различия национальности, имели общую цель: во внутренней политике — установление фашистской диктатуры по образцу и подобию гитлеровского режима, во внешней политике — бесповоротный разрыв с СССР, пресмыкательство перед гитлеровской Германией.

В ходе предвыборной борьбы печать и ораторы аграриев и Национального объединения вели ожесточенную перебранку, обнажая в пылу предвыборной перепалки покровы с долго и тщательно хранившихся в тайне скандальных афер — грязных мошенничеств и подлых государственных преступлений, совершенных противниками. Но та и другая стороны, смотревшие на все с холодным цинизмом биржевых воротил и своекорыстных, прожженных политиканов, прекрасно знали подлинную цену пышного фейерверка взаимных обличений и обвинений, рассчитанного на обман доверчивых и неискушенных в политике людей, с целью улавливания голосов ослепленных избирателей. Аграрные магнаты и денежные тузы, финансировавшие и направлявшие все эти словесные битвы, понимали связывавшую их общность интересов, которую чешский фашист Клима выразил следующим образом: «К Национальному объединению должна тесно примкнуть аграрная партия, чтобы при поддержке таким образом объединенных сил мог быть установлен режим, который является идеалом Национального объединения»². Между аграриями и крупным монополистическим капиталом, ведомым Живно-банком, не было разногласий насчет установления фашистской диктатуры, — борьба между ними шла за то, кто к кому должен «примыкать»; кто будет играть первую скрипку.

Возглавляемая Бераном реакция была уверена в успехе. Свои расчеты объединенная реакция «строила на том, что в Судето-немецкой области на выборах победит Генлейн, что в Словакии одержат победу глинковская и тиссовская партии словацких сепаратистов и мадьярских ирредентистов, а что касается чешских областей, то здесь победы удастся достичь в результате совместного натиска аграрной партии, живностенской партии и Национального объединения»³.

За буржуазными партиями, сплотившимися в реакционно-фашистскую коалицию, действительно стояли могущественные силы: реальная власть, прежде всего министерства внутренних дел, полиция, жандармерия и армия; несметные богатства крупного монополистического капитала, удесятеренные широкими международными связями с монополиями Франции, Германии, Англии, США; легион продажных демагогов — опытных бур-

¹ «Rudé právo», 10 и 20/III 1935.

² Цит. по «Rudé právo», 1/III 1935.

³ V. Корецкий, 30 let KSC, Praha, 1951, str. 117.

жуазных журналистов и изворотливых ораторов; изобилие технических средств передвижения и пропаганды (бумага, типографии, сотни газет и журналов, радиовещание).

Осуществлению планов аграрного и финансового капитала немало способствовало то обстоятельство, что в рядах чехословацкого пролетариата — единственной силы общества, способной преградить дорогу фашизму, не было единства. Вина за раскол рабочего класса Чехословакии ложится на реакционное руководство чешской и немецкой социал-демократии и чешской национально-социалистической партии. Своей неизменной политикой соглашательства с буржуазией правосоциалистические лидеры вносили раскол в антифашистский лагерь, разлагали его и тем оказывали прямое содействие реакции. Социал-демократическая и национально-социалистическая печать, задолго до выборов, выступила с предложением о пакте ненападения между партиями «коалиции» во время избирательной кампании. При обсуждении вопроса о поведении социал-демократии на выборах и после них один из ее лидеров, Рудольф Бехине, безоговорочно заявил: «Будем и впредь сотрудничать с буржуазными партиями, отвергаем какое-либо соглашение, какое-либо сотрудничество с коммунистами»¹. Таким духом были проникнуты предвыборные платформы всех реформистских партий Чехословакии. Логика классовой борьбы привела правых социалистов в стан врагов демократии, превратила их фактически в умеренное крыло фашистского движения. Помощь социал-демократов и национальных социалистов фашистам на выборах в ряде мест страны (например, в Остраве), блок с фашистскими организациями и общий список кандидатов, выставленный фашистами и социал-демократами (Полица) и т. п. — явились лишь конкретным воплощением и совершенно закономерным следствием соглашательской политики национальных социалистов, чешских и немецких социал-демократов, которая по своему классовому содержанию и объективным последствиям непримиримо враждебна коренным и повседневным интересам пролетариата, делу демократии и социализма.

На долю коммунистической партии выпала поистине историческая миссия — великая и благородная: сплотить пролетариат, поднять трудовой народ Чехословакии и повести его миллионные массы в бой, чтобы отразить соединенный натиск фашизма, буржуазно-помещичьей реакции и социал-фашизма. Центральный комитет призвал всех членов партии принять участие в предвыборной агитации, посещая трудящихся по месту их жительства и неустанно разъясняя массам цели, которые ставит перед собой коммунистическая партия.

28 апреля коммунистическая партия опубликовала в газете «Руде право» написанное К. Готвальдом предвыборное обращение «Коммунизм — единственное спасение». В этом обращении коммунистическая партия призывала трудовой народ Чехословакии строго оценить деятельность различных политических партий, оценить не по их предвыборным программам, с которыми они выступали на парламентских выборах 1929 г. и вновь выступили в 1935 г., а по их делам за шесть лет, прошедших между двумя избирательными кампаниями.

Подлинный смысл политики партий правительственной коалиции состоял в том, что «все страшные тяготы кризиса были ввзвалены на трудовой народ»². В стране имеется миллион безработных. Жизнь для рабочего стала адом, говорилось в обращении КПЧ. Заработная плата похожа больше

¹ Цит. по «Rudé právo», 1/V 1935.

² Klement Gottwald, Spisy, Sv. VI, str. 119.

на нищенское подаяние. Пособия по безработице были снижены, а сотни тысяч безработных вообще были лишены пособий. Резко ухудшено социальное страхование. «Во всех рабочих семьях царит недостаток и нищета. Так живет ныне рабочий класс. И столь же беспросветно мрачна жизнь мелкого крестьянина и ремесленника. Вся его семья всегда должна с рассвета до сумерок изнурять себя работой ради того, чтобы оплатить налоги, ростовщические проценты банков. Она должна жить в постоянном страхе перед тем, что все ее имущество будет конфисковано за долги»¹.

Ограбление и обнищание трудового народа, осуществленное капиталистами и помещиками, было бы невозможно «без активной помощи социалистов», — подчеркивалось в обращении.

Правительственные социалисты помогали буржуазии урезать и без того курые демократические свободы; они помогли ограничить права парламента и законом о чрезвычайных полномочиях передать решающую власть правительству, ограничить всеобщее избирательное право, пограть многие демократические завоевания рабочего класса, разогнать десятки его организаций, бросить в тюрьмы тысячи его передовых борцов. Пытаясь спасти обанкротившийся капиталистический строй, правые социалисты стремятся осуществить дальнейшие реакционные мероприятия в угоду монополиям и картелям, прежде всего — пресловутую «плановую организацию хозяйства».

Показав, что планирование несовместимо с капиталистическим хозяйством, подчиненным закону прибыли, коммунистическая партия раскрыла подлинный смысл и опасность устремлений финансовой олигархии. То, что сегодня представители буржуазных партий предлагают в качестве единственного спасения народа, ничем не отличается от того, что учили Гитлер и Муссолини. Это означает всего лишь дальнейшее усиление господства финансового капитала, господства картелей и синдикатов. Это означает предоставление капиталистическим картелям и синдикатам еще большей власти, чтобы они могли с помощью государственного аппарата усилить дороговизну повышением цен, обеспечить свои прибыли и грабить карманы трудового народа. Это означает еще большее закабаление рабочего класса и стеснение деятельности его профсоюзных организаций.

«Хозяйственный план» — это дальнейший шаг по пути к пропасти нищеты. И вместе с голодной катастрофой над всем рабочим классом Чехословакии поднимается призрак фашизма².

Указав на грозную опасность фашистской диктатуры, коммунистическая партия разоблачила те партии, которые ее готовили, и те силы, которые руководили этими партиями. В своем обращении компартия разоблачила социальную и национальную демагогию фашистских партий, указав, что чешские фашисты отстаивают прибыли заправил Живностенского и иных чешских финансовых магнатов, что за спиной Генлейна, стремившегося обмануть массы ложью о защите прав немецкой нации, стояли в действительности Шихт, Либиг и другие немецкие капиталисты Чехословакии и направлявшие их германские империалисты.

«Немецкий трудовой народ знает, — заявляла коммунистическая партия, — что коммунисты всех наций борются против национального угнетения и за полную свободу немецкой нации. И немецкие трудящиеся не могут пренебрегать словами нашего предостережения: «Путь немецких фашистов ведет не к свободе немецкой нации; этот путь ведет, прежде всего, к страшной войне, которая превратит всю страну в груды дымящихся развалин;

¹ Klement Gottwald, Spisy. Sv. VI, str. 119.

² Там же, стр. 122.

этот путь ведет в ад Третьей империи, к самым страшным мукам немецкого народа»¹.

Рабым образом и словацкие фашисты, вопиющие о защите национальных интересов словацкого народа, в действительности преследуют, говорилось в обращении, совершенно определенную, своекорыстную цель: «усилить свои политические позиции, чтобы быть в состоянии успешно сговариваться с чешской буржуазией о прибылях, которые выжимаются из мазолей и пота словацких рабочих и крестьян»².

Генлейновцы, глинковцы, а также польские и венгерские фашисты — «все фашистские партии будут стремиться к тому, чтобы предвыборную борьбу превратить в наступление, направленное к достижению их фашистских целей: спасению капитализма за счет нищеты рабочих и крови рабочих»³.

Коммунистическая партия предостерегала трудовой народ от беспечности, предупреждая, что фашистская опасность представлена не одними открыто фашистскими партиями. Касаясь правящей аграрной партии, обращение заявляло: «Аграрная партия более или менее открыто провозглашает свою цель: создать авторитарный режим, создать фашистскую диктатуру, в системе которой она играла бы решающую роль»⁴. Теми же фашистскими устремлениями руководствуется и клерикальная партия. Осуществлению всех антинародных планов содействуют социал-демократы и национальные социалисты, проводящие политику соглашательства с реакционными буржуазными партиями, которые, в свою очередь, рвутся к фашизму. «Во всем буржуазном лагере растут фашистские силы, — подчеркивалось в обращении КПЧ. — Вся буржуазия пытается осуществить крупный фашистский натиск на рабочее движение. Она клеветет против марксизма и социализма. Она подготавливает решающий удар. Именно выборы должны превратиться в мобилизацию фашистских сил в интересах всей буржуазии. Они призваны создать основу фашистского правительства, которое бы довершило дело нынешней коалиции и подавило бы все рабочее движение и социал-демократические и национально-социалистические организации. Трудовому народу грозит ад фашистской диктатуры»⁵.

Коммунистическая партия указала на грозную опасность новой войны, подготавливаемой немецким фашизмом с помощью польского и японского фашизма. КПЧ подчеркнула, что немецкий фашизм в подготовке агрессии опирается на помощь других империалистических держав, в частности Англии.

В обращении компартии говорилось, что ставший в порядок дня новый передел мира между империалистическими хищниками угрожает самостоятельности всех малых народов, в том числе народов Чехословакии: «Чешскому народу грозит утрата национальной самостоятельности, ему грозит новое национальное порабощение. Трудящимся всех остальных наций Чехословакии грозит опасность, что они будут выданы на ужасную расправу немецкого, польского и венгерского фашизма»⁶.

Компартия разоблачила предательскую политику чешской буржуазии и ее проросоциалистических прислужников.

¹ Klement Gottwald. Spisy. Sv. VI, str. 123.

² Там же, стр. 124.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 125.

Чешская буржуазия, говорилось в обращении, создает угрозу самостоятельности чешского народа тем, что:

1. «...угнетает иные нации и гонит трудовой народ угнетенных наций в объятии шовинизма, который используется Гитлером и Пилсудским в их фашистских и империалистических целях».

2. «...угнетает и разорвет чешский трудовой народ и убивает этим живые силы нации, которые единственно и способны спасти чешскую независимость».

3. «...ведет двуличную политику в отношении Советского Союза, этого единственного оплота мира и самостоятельности народов»¹.

Анализ деятельности буржуазии и ее политических партий компартия в своем обращении завершила ясным выводом:

«Буржуазия неспособна дать народу хлеб и человеческие права. Буржуазия неспособна спасти независимость чешской нации и спасти одновременно и остальные нации Чехословакии от грозящего натиска международной фашистской реакции. Буржуазия ведет народ Чехословакии к катастрофе»².

Коммунистическая партия изложила в своем обращении программу спасения народа Чехословакии от голода и нищеты, фашизма, войны и национального порабощения.

Компартия звала пролетариат к решительной классовой борьбе против увольнений и снижения заработной платы, за сокращение рабочего дня без сокращения прежнего заработка, за полные и неурезанные свободы заводских комитетов, за создание единых классовых рабочих профсоюзов, за обеспечение безработных пособиями на все время безработицы за счет государства и капиталистов, за конфискацию всех запасов продовольствия и бесплатный раздел этих запасов между безработными.

Объясняя мелким крестьянам и ремесленникам, что источником их бед и лишений является капиталистический строй, компартия обращалась к непролетарским трудящимся слоям с призывом выступить в союзе с рабочим классом и развернуть совместную борьбу против финансовых магнатов и помещиков. В обращении коммунистической партии был выдвинут сыгравший огромную роль во всей дальнейшей борьбе трудящихся призыв к борьбе «за раздел помещичьей земли между теми, кто ее обрабатывает»³.

Мобилизуя пролетариат и трудовое крестьянство на совместную борьбу за неотложные требования, осуществимые в рамках капиталистического строя, коммунистическая партия вместе с тем подчеркивала, что интересы трудящихся будут обеспечены лишь тогда, когда рабочий класс возьмет власть в свои руки и станет хозяином производительных сил. «Коммунизм — единственное спасение от катастрофы голода. Коммунизм — единственный путь к человеческому счастью»⁴.

КПЧ призывала трудовой народ сомкнуться под знаменем коммунизма в защиту демократических прав и свобод. «Коммунистическая партия, — говорилось в обращении, — зовет всех людей доброй воли к борьбе против фашизма и его тайных сил, которые хотят превратить эту страну в арену насилия и ужаса! Мы требуем роспуска фашистских вооруженных банд, которые угрожают жизни трудящихся; роспуска фашистских партий: Национального объединения, генлейновского фронта и партии Глинки; чистки

¹ Klement Gottwald, Spisy. Sv. VI, str. 125.

² Там же, стр. 126.

³ Там же, стр. 127.

⁴ Там же, стр. 128.

государственного аппарата от фашистских элементов, чистки армии от фашистских генералов.

Все права рабочему классу, который является носителем свободы и прогресса, никаких прав фашистам, могильщикам трудового народа.

Единый фронт всего народа под знаменами коммунизма — вот единственное спасение от ужасов фашизма.

Коммунизм — единственное спасение от фашистской катастрофы.

Коммунизм — единственный путь к подлинной свободе»¹.

Значительное внимание обращение КПЧ уделяло национальному вопросу.

«Только победивший рабочий класс, — говорилось в обращении, — обеспечит самостоятельность чешской нации тем, что устранил национальный гнет и осуществит братский союз свободных наций, который одолеет все нападения врага. Только победивший рабочий класс обеспечит самостоятельность чешского народа тем, что обеспечит счастливую жизнь всем трудящимся. Он превратит эту страну в подлинную социалистическую родину, защищать которую трудовой народ будет с такой же отвагой, с какой когда-то табориты преодолевали натиск всей мировой реакции»².

Разоблачая происки гитлеровцев в Чехословакии, компартия говорила: «Немецкие фашисты стремятся использовать угнетение немецкой нации для того, чтобы усилить националистическую клеветническую пропаганду против чехов и чтобы немецкий народ сделать оружием для осуществления империалистических целей Гитлера и Геринга. Путь немецких фашистов — это путь аншлюса, а аншлюс — это застенки и концентрационные лагеря Третьей империи». Компартия звала немецких трудящихся Чехословакии к борьбе под знаменем международной пролетарской солидарности, заявляя: «Союзником немецкого народа в борьбе против национального угнетения не может быть немецкая буржуазия; таким союзником является лишь чешский трудовой народ, который разделяет с немецким пролетариатом равную нищету и который исполнен такой же ненависти против нынешнего строя. Коммунисты, а не кто иной, борются за подлинную свободу немецкого народа. За свободу, которая не может быть порождена ужасами империалистической войны, но которая родится лишь тогда, когда чешский и немецкий народы в совместной борьбе свергнут иго капитализма и создадут условия, обеспечивающие немецкому народу возможность действительно свободно решать вопрос о своих судьбах»³.

Коммунистическая партия, как всегда, решительно выступала против национального угнетения словацкого народа и в своем предвыборном обращении подчеркивала: «Только национальная свобода может быть основой братского союза чехов и словаков! Только национальная свобода может быть основой свободной и красной Чехословакии!...»⁴

Лучшим доказательством того, что коммунизм является единственным спасением от катастрофы голода, фашизма, войны и национального порабощения, говорили чехословацкие коммунисты, служит Советский Союз.

«Если вы хотите знать наши цели, — заявляла компартия Чехословакии, обращаясь к трудовому народу, — вслушайтесь в победную песнь социалистического строительства в СССР. Ибо Советский Союз является нашим великим примером!..

¹ Klement Gottwald, Spisy, Sv. VI, str. 129—130.

² Там же, стр. 131—132.

³ Там же, стр. 132.

⁴ Там же, стр. 133.

Советский Союз — это доказательство победы социализма над капитализмом! Советский Союз — это прообраз счастливого будущего человечества!»¹

Коммунистическая партия разъясняла массам огромное значение существования Советского Союза, его последовательной, принципиальной борьбы за мир и свободу народов: «Советский Союз стал крепостью мира. Победоносный пролетариат не знает империалистических вождедений, все его интересы направлены к великому делу строительства коллективного счастья. И поэтому Советский Союз есть единственный последовательный защитник мира, который уже неоднократно срывал империалистические грабительские планы и тем спас человечество от неимоверных мучений»².

Компартия разоблачала двуличную политику буржуазии по отношению к СССР: «Правда, и чешская буржуазия чувствует банкротство своей прежней антисоветской политики и видит в Советском Союзе спасение своего государственного существования. Однако при этом она не отрешается от своей классовой враждебности к Стране Советов»³.

Эта двуличная политика создавала угрозу национальному суверенитету Чехословакии, ибо великая социалистическая держава является «единственной защитой мира и независимости малых народов». Поэтому коммунисты клеймили всех тех, кто подобно чешским фашистам и иным представителям финансового капитала «ведут закулисные переговоры с Берлином и Варшавой, клеветают против СССР, стремятся к соглашению с Гитлером, открыто предавая дело независимости чешского народа»⁴.

Коммунистическая партия призывала трудовой народ Чехословакии на предстоящих выборах сомкнуться под коммунистическими знаменами:

«Капитализм и его партии ведут народ к катастрофе голода, фашизма, войны и национального порабощения!

Коммунизм — единственное спасение!

Ибо коммунизм — это Советский Союз! Ибо коммунизм означает власть рабочего класса, братский союз наций, счастливую, социалистическую жизнь всех трудящихся!

Поэтому: все трудящиеся с коммунистами! С коммунистами в единых рядах борцов! С коммунистами вперед!»⁵

Предвыборная борьба коммунистической партии была сопряжена с неимоверными трудностями. Фашистская и буржуазная печать дикой клеветнической кампанией стремилась создать погромную обстановку, позволяющую фашистам и наемным бандам головорезов безнаказанно избивать и убивать коммунистических агитаторов, срывать и разгонять созываемые коммунистами предвыборные митинги. Фашистские погромщики получили поддержку со стороны государственного аппарата. Полицейские репрессии против пролетарского движения приобрели невиданные размеры, особенно на национальных окраинах, где в течение двух-трех недель мая были отданы под суд многие сотни рабочих.

Однако ни фашистский террор, ни разгул полицейских репрессий, ни преследования предпринимателей — ничто не могло сломить коммунистов, самоотверженно выполнявших директиву Центрального комитета. Лишь в один день, 12 мая 1935 г., коммунистами было проведено в республике 3000 собраний избирателей, охвативших около полумиллиона человек.

¹ Klement Gottwald. Spisy. Sv. VI, str. 133—134.

² Там же, стр. 134.

³ Там же, стр. 125—126.

⁴ Там же, стр. 126.

⁵ Там же, стр. 137.

Коммунистическая партия, разъясняя массам грозную опасность фашистской тирании, нависшую над страной, указывала, что единственным выходом из положения является сплочение народных масс вокруг революционного пролетариата в единый антифашистский фронт внутри страны и установление прочного братского союза с великим Советским Союзом. Весь чехословацкий народ горячо поддержал требование о заключении союзнического договора с СССР.

Буржуазия и помещики упорно сопротивлялись подписанию такого договора, всячески откладывая и под всевозможными предлогами затягивая переговоры. Но международное положение становилось все более угрожающим, и правящая клика Чехословакии вынуждена была отказаться от бесконечных проволочек в переговорах с могучей социалистической державой о совместных действиях в целях обеспечения всеобщей безопасности и поддержания мира. Эти переговоры были начаты в связи с проектом Восточного пакта, который обязывал его участников — СССР, Чехословакию, Польшу, прибалтийские государства, а также Германию и его гаранта — Францию оказывать друг другу взаимную помощь в случае войны. Проект многостороннего пакта взаимопомощи, направленного к сохранению мира, был решительно поддержан Советским Союзом. Германия отказалась подписать этот пакт. Вслед за ней заняла отрицательную позицию в этом вопросе Польша. Вследствие отказа этих двух стран Франция и Чехословакия предпочли вместо одного советско-франко-чехословацкого пакта заключить два двусторонних пакта.

Растущая угроза империалистической агрессии со стороны гитлеровской Германии, в марте 1935 г. односторонним актом отказавшейся от военных статей Версальского договора и объявившей о введении всеобщей воинской повинности, вызвала серьезнейшее беспокойство в широких массах чехословацкого народа. Под давлением демократической общественности страны, понимавшей, что без помощи Советского Союза Чехословакии не устоять перед натиском гитлеровской агрессии, чехословацкое правительство последовало примеру Франции, подписавшей 2 мая 1935 г. советско-французский договор о взаимной помощи. Будучи почти идентичным советско-французскому договору, договор о взаимной помощи между Союзом ССР и Чехословацкой республикой, заключенный 16 мая 1935 г. в Праге, имел одно существенное отличие, внесенное по почину чехословацкой стороны. «Как раз чехословацкое правительство при этом настаивало на том, чтобы советско-чехословацкая взаимная помощь была обусловлена помощью Франции, что нашло себе выражение в соответствующем договоре», — подчеркивал советский представитель в Лиге наций М. М. Литвинов на заседании ее шестой политической комиссии¹. По настоянию чехословацкого правительства в протокол подписания была включена оговорка: участники договора «признают, что обязательства взаимной помощи будут действовать между ними, поскольку при наличии условий, предусмотренных в настоящем договоре, помощь Стороне — жертве нападения будет оказана со стороны Франции»². Внеся эту оговорку, чехословацкая дипломатия поставила выполнение условий советско-чехословацкого договора в зависимость от поведения Франции.

Чехословацкая буржуазия уже при заключении советско-чехословацкого договора о взаимной помощи стремилась не к честному выполнению союзнических обязательств и углублению сотрудничества с СССР, чего она не

¹ «Известия», 24/IX 1938.

² «Правда», 18/V 1935.

хотела и чему она попрежнему противилась всеми силами, а заботилась в первую очередь об обеспечении возможности под благовидным предлогом отказаться от советской помощи, когда этого потребуют правящие круги США, Англии и Франции.

Впоследствии Бенеш с предельной откровенностью раскрыл тайные устремления чехословацкой дипломатии, цинично заявив в беседе с английским послом в Праге Ньютоном: «Отношения Чехословакии с Россией всегда были и останутся второстепенным по своему значению и зависящим от позиции Франции и Великобритании фактором. Теперешняя связь Чехословакии с Россией (т. е. советско-чехословацкий договор о взаимной помощи.— С. П.) является совершенно производной от франко-русского договора, и коль скоро Россия перестанет представлять интерес для Западной Европы, она не будет представлять интереса и для Чехословакии. Его страна всегда будет следовать за Западной Европой и будет связана с ней и никогда с Восточной Европой... Таковы постоянные принципы политики президента Масарика и его собственные»,— заявил Бенеш, настойчиво подчеркивая, что эти принципы и впредь останутся его принципами¹.

Совершенно по-иному относилось к советско-чехословацкому договору Правительство СССР, всей своей дипломатической практикой доказавшее на деле неизменную верность заключенным соглашениям. Советский Союз всегда готов был выступить на помощь Чехословакии и безоговорочно выполнить свои обязательства по советско-чехословацкому договору. Более того, Советский Союз не раз заявлял о своей готовности оказать помощь Чехословакии вне зависимости от поведения Франции. Согласно оговорке, внесенной в протокол подписания советско-чехословацкого пакта, «Чехословакии мы помогаем,— говорил в апреле 1938 г. М. И. Калинин,— в том случае, если ей помогает Франция, и наоборот, Чехословакия нам будет помогать в том случае, если нам будет помогать Франция». «Разумеется,— подчеркнул при этом М. И. Калинин,— пакт не запрещает каждой из сторон притти на помощь, не дожидаясь Франции»².

Спустя несколько месяцев, в начале сентября 1938 г., И. В. Сталин в беседе с К. Готвальдом заявил, что «Советский Союз готов оказать военную помощь Чехословакии, даже если этого не сделает Франция, что было условием советской помощи, и даже в том случае, если тогдашняя бековская Польша или боярская Румыния откажутся пропустить советские войска. Конечно, подчеркнул И. В. Сталин, Советский Союз может оказать помощь Чехословакии при одном условии: если сама Чехословакия будет защищаться и попросит о советской помощи»³.

Господствующая клика чехословацкой буржуазии неизменно отвергала все эти предложения. Советские предложения отвергались потому, что они противоречили политике сговора с агрессором, которая направлялась американскими, английскими и французскими монополистическими кругами против СССР.

С самого начала чехословацкая буржуазия, вся ее правящая верхушка, президент Масарик и министр иностранных дел Бенеш проводили политику саботажа советско-чехословацкого договора, представлявшего собой прочнейшую, единственно надежную гарантию целостности и независимости Чехословацкой республики.

¹ «Documents on British Foreign Policy», Third series, v. I, p. 314.

² М. И. Калинин. О международном положении. М., 1938, стр. 15.

³ К. Готвальд. И. В. Сталин и чехословацкий народ.— «Правда», 28/XII, 1949.

Преступно попирая коренные национальные интересы, сознательно и цинично предавая их в угоду узкокастовым корыстным побуждениям эксплуататорских классов, недостойные правители чехословацкого народа послушно следовали пагубному курсу англо-франко-американской дипломатии, получившему название мюнхенской политики. Заправила капиталистической Чехословакии толкала страну к неизбежной — при такой внешнеполитической ориентации — национальной катастрофе, к потере национальной независимости, к порабощению чехословацкого народа гитлеровской Германией.

Руководители чехословацкой дипломатии тщательно скрывали свои подлинные устремления от собственного народа, маскируя их пустопорожними заявлениями о готовности сотрудничать с СССР. Недостатка в таких лицемерных речах не было никогда, особенно накануне парламентских выборов. Бенеш и другие чехословацкие буржуазные политики отдавали себе ясный отчет в том, какой огромной симпатией среди народных масс пользуется идея дружбы с Советским Союзом. После того как Франция заключила договор с СССР о взаимной помощи, чехословацкие правители не стали мешкать с заключением советско-чехословацкого договора, решив, что коль скоро его придется все равно заключать, так уж лучше сделать это до выборов, чтобы нажить политический капитал и использовать факт подписания договора в качестве козыря в предвыборной борьбе.

19 мая состоялись выборы в Национальное собрание.

Итоги выборов, которых напряженно ждали в Чехословакии и за рубежом, были опубликованы с задержкой. Чехословацкой и иностранной, особенно германской, буржуазии не терпелось услышать официальное сообщение об абсолютной победе партий реакционно-фашистского блока, в которой они заранее были уверены. Об избирательном поражении компартии, как о само собой разумеющемся факте, уже давно писала вся буржуазная печать — «солидные», «независимые» органы и продажные бульварные листки. Им вторили социал-демократические газеты. «Выборы безусловно окончатся дурно для коммунистов», — торжествовал аграрий Враны в «Венкове» и с издевкой вопрошал: «в 1929 г. они получили во всей республике 753 444 голоса. Будут ли они иметь в этом году 600 000? Это еще вопрос! Имели 30 мандатов, будут ли они иметь 24?»¹ Социал-демократическая «Право лиду», затрагивая другую сторону того же вопроса, 8 апреля 1935 г. уверенно предсказывала: «О коммунистической партии заранее известно, что она опять понесет большие потери, особенно в Жупе Лоунской, на севере, в Словакии и на Прикарпатской Руси». Даже на другой день после выборов, 20 мая, буржуазная газета «Нейе цюрихер цейтунг» с апломбом расписывала предполагаемую передвижку голосов за счет компартии: «Так как коммунисты переживают кризис и потеряли базу в населении, то социал-демократы и национальные социалисты (партия Бенеша) надеются возместить свою неизбежную потерю в пользу националистического лагеря завоеванием прежних коммунистических голосов».

Однако торжество реакционно-фашистского блока было преждевременным. Действительные результаты оказались прямо противоположными буржуазным пророчествам. Компартия одержала политическую победу на выборах в палату депутатов и в сенат. За коммунистических кандидатов по всей Чехословакии было подано 850 000 голосов², т. е. почти на 100 000

¹ «Venkov», 10/III 1935.

² Аналогичны результаты выборов в сенат, а также происходивших 26 мая выборов в муниципалитеты.

больше, чем на парламентских выборах 1929 г.¹ Значительный прирост голосов дали Закарпатье и Словакия — как раз те районы, в которых буржуазные писаки предсказывали наибольшее поражение коммунистов. По сравнению с 1929 г. за компартию было подано голосов в Закарпатье вдвое больше (79 000 против 40 000), в Словакии — больше почти на 40% (210 700 против 152 000).

Выборы подтвердили, что коммунистическая партия объединила вокруг себя широкие массы пролетариата и усилила влияние среди трудового крестьянства Закарпатской Украины и Словакии.

Сложнее обстояло дело в Чехии и Моравии. Здесь также наблюдался прирост голосов, поданных за компартию в областях с чешским населением (на 67 000 по сравнению с 1929 г.). За коммунистическую партию голосовал пролетариат, особенно таких промышленных центров, как Прага и ее предместья, Кладненский угольный бассейн, восточночешская текстильная область, Оставский промышленный район. Революционный пролетариат решительно шел за компартией, влияние которой в рабочих массах ширилось и крепло.

Но в сельских областях Южной Моравии и Чехии влияние компартии снизилось, о чем ясно говорило количество голосов, поданных здесь за коммунистических кандидатов. Тут явно сказалась слабость работы КПЧ среди чешского крестьянства.

В общем же в преобладающем большинстве областей Чехии и Моравии за исключением районов, населенных немцами, рост влияния компартии был очевиден. Ее победа — несомненный факт первостепенного политического значения. Вдохновляемое коммунистами антифашистское движение и здесь, как в Словакии и Закарпатье, выросло в силу, которая нанесла сокрушительный удар по планам фашиствующей реакции. Национальное объединение, претендовавшее на первое место в парламенте, добилось лишь того, что утратило один мандат в палате депутатов. Исключительно благодаря своей коммунистической партии рабочий класс Чехословакии, вопреки саботажу социал-фашистов, задержал в чешских областях фашистский натиск.

Хуже обстояло дело в областях с преобладанием немецкого населения, где генлейновцы получили 1 250 000 голосов. Судето-немецкая партия подмывала под себя все немецкие буржуазные партии и социал-демократов, которые утратили от двух третей до половины голосов, полученных на предыдущих парламентских выборах. Значительные потери понесла и коммунистическая партия (треть всех голосов), которой не удалось преодолеть влияния антисоветской и шовинистической пропаганды генлейновцев на широкие слои немецкого народа, прежде всего на мелкую буржуазию. Успех Генлейна на выборах был бы невозможен без предательства социал-демократии и прямой помощи со стороны правящих кругов, как открыто заявил об этом сам Генлейн в благодарственной телеграмме министру внутренних дел аграрию Черному.

Победа компартии, поражение фашизма в чешских областях, резкое усиление Генлейна — таковы важнейшие итоги парламентских выборов, сошедших обстановку противоречивых обстоятельств.

С одной стороны, коммунистов, социал-демократию и национальных социалистов поддержало до 38% всех избирателей². Народные массы

¹ «Rudé právo», 21/V 1935.

² См. «Коммунистический Интернационал», 1935, № 16—17, стр. 8.

отдавали свои голоса социал-демократической, национально-социалистической и некоторым другим буржуазным партиям, считая их, в силу своей слабой политической сознательности, партиями демократии и дружбы с Советским Союзом. Решительное выступление широких народных масс заставило аграрную и крупномонополистическую коалицию, объединяющую разноязычную реакцию — от аграриев до Генлейна, отказаться от осуществления своей программы — немедленного установления фашистской диктатуры.

С другой стороны, открыто фашистские партии (немецкие, словацкие, чешские и прочие) усилили свои позиции, получив все вместе почти 23% всех голосов по республике (вместо 11% в 1929 г.)¹. Было ясно, что фашисты попытаются осуществить свою программу в близком или более отдаленном будущем, в зависимости от того, когда они сумеют произвести перегруппировку сил.

В этой сложной внутривнутриполитической обстановке наиболее действенной и реальной мерой против фашистской угрозы могло быть единство действий пролетариата. Сразу же после выборов Центральный комитет коммунистической партии Чехословакии обратился с таким предложением к руководству чехословацкой (чешской) социал-демократической, немецкой социал-демократической и чешской национально-социалистической партий. Однако верные своей политике предательства интересов пролетариата, социал-фашисты и на этот раз отвергли предложение компартии о едином фронте. Позиция правых социалистов облегчила маневры реакции, приступившей к сколачиванию нового фашистского блока.

«ДЕКАБРЬСКИЙ БЛОК» ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕАКЦИИ. ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА. ПОРАЖЕНИЕ СПЛ ФАШИЗМА

Избранное в мае Национальное собрание открыло свои заседания лишь для того, чтобы прекратить их сразу же после продления закона о чрезвычайных полномочиях правительства. Распустив парламент на каникулы, правительство взялось за подготовку новых чрезвычайных распоряжений в ущерб трудящимся массам и в интересах обогащения помещиков и капиталистов (принудительное перемещение рабочей силы, организация трудовых колоний для безработных, принудительная синдикализация, продление хлебной и введение мясной монополии и т. п.). Укрепляя связи с генлейновцами, аграрии принялись исподволь готовить почву для разрыва договора с СССР и сближения с гитлеровской Германией.

В начале ноября главой правительства стал аграрий Милан Годжа, министр земледелия во всех кабинетах Малипетра, настойчивый проводник политики хлебной монополии, автор планов принудительного сокращения посевных площадей в Чехословакии. Сотрудник австрийской армейской разведки в годы первой мировой войны, участник грязных и скандальных афер в буржуазной республике, Годжа был одной из наиболее зловещих фигур правого крыла аграрной партии. Широко известно его преклонение перед итальянским и германским фашизмом, его яростное противодействие роспуску генлейновского «Судето-немецкого фронта», его связи с теми же кругами английских консерваторов, с которыми был связан и Генлейн.

В интервью фашистскому журналисту Зингарели, опубликованном в итальянской газете «Стампа», Годжа поведал о намерениях аграрной партии утвердиться в качестве главной партии республики. Аграрная партия,

¹ «Коммунистический Интернационал», 1935, № 16—17, стр. 8.

заявил Годжа; должна добиться создания «сильного центра в государственной жизни путем заключения соглашений не только с группами, которые ей близки». Он дал понять Зингарели, что речь идет о Генлейне и Глинке¹. Внешнеполитическая ориентация реакционного крыла аграриев на сближение с гитлеровской Германией нашла в Годже наиболее сильного выразителя, яростного противника договора о взаимной помощи между Чехословакией и СССР. Как подчеркивали «Лидовые листы», «решение о назначении Годжи аграрии приняли, в первую очередь, по соображениям внешнеполитическим»². Став премьером, Годжа одновременно занял и пост министра иностранных дел. Вся чехословацкая реакция — крайние правые аграрии, чешские фашисты, Глинка и Генлейн — все фашисты и заведомые предатели чехословацкого народа приветствовали Годжу как своего человека. С приходом Годжи на пост премьера гитлеровская Германия связывала надежды на быструю ликвидацию советско-чехословацкого договора и вовлечение Чехословакии в русло своей агрессивной политики. Появление Годжи на посту премьера знаменовало собой решительную победу фашистского крыла в рядах аграрной партии. Все реакционные элементы восприняли это как сигнал к активизации своей деятельности. «Назначение Годжи председателем Совета министров представляет собою бесспорно начало новой фазы в чехословацкой политике, которая неотвратимо приведет к далеко идущим изменениям», — писала «Лидовка»³, выдавая затаенные надежды фашистско-реакционного лагеря.

Реакция, планы которой потерпели поражение на майских выборах, но недобитая из-за предательства руководства социал-демократии и чешской национально-социалистической партии, вновь подняла голову и в декабре 1935 г. предприняла новую попытку осуществить свои фашистские планы.

14 декабря 1935 г. престарелый президент республики Масарик подал в отставку. О своем намерении уйти с президентского поста он заявил Годже еще в ноябре. Аграрии немедленно начали лихорадочные переговоры с правыми и фашистскими буржуазными партиями, сопровождавшиеся сложными комбинациями и ожесточенной борьбой за главенство. Активно в дело вмешался французский миллиардер Шнейдер, который в эти дни прибыл в Чехословакию, чтобы выразить волю иностранного капитала и вдохновить реакцию к выдвижению собственного кандидата на президентских выборах.

Представителю французской финансовой олигархии, имевшему давнишние связи как с американскими, так и с германскими магнатами, тем легче удалось осуществить возложенную на него международной реакцией миссию, поскольку он опирался на решающие позиции иностранного капитала в чехословацкой экономике, на связи этого капитала с чехословацкими монополиями, которые со своей стороны подчинили себе государственный аппарат Чехословацкой республики. Нельзя забывать при этом, в частности, и того факта, что концерну Шнейдер-Крезо и стоявшему за его спиной английскому и американскому крупному монополистическому капиталу принадлежала половина акций шкодовских предприятий. Заводы Шкода и на этот раз сыграли важную роль в качестве связующего звена между правящей аграрной партией и франко-англо-американскими монополистами. Председателю административного совета шкодовских заводов Левенштейну принадлежало не последнее место в руководстве аграрной партией — осо-

¹ Цит. по «Rudé právo», 7/VII 1935.

² Цит. по «Rudé právo», 3/XI 1935.

³ Цит. по «Rudé právo», 5/XI 1935.

бенно ввиду того, что несметные прибыли руководимых им предприятий служили серьезными источниками финансирования деятельности аграриев. К этому необходимо добавить, что заправила «Республиканской партии мелкого крестьянского люда» были держателями крупных пакетов шкотовских акций.

Не удивительно поэтому, что Шнейдер с помощью агентов англо-франко-американского капитала в аграрной партии сумел заставить ее исполнительный комитет пересмотреть прежнее решение о блоке с социал-демократами и национальными социалистами на президентских выборах и принять новое решение об участии в блоке открыто реакционно-фашистских партий.

Плодом закулисного сговора сил внешней и внутренней реакции явился пресловутый «декабрьский блок», поставивший своей целью захват поста президента.

На гребень реакционной волны был вынесен профессор ботаники Карлового университета Богумил Немец. Один из ближайших личных друзей Прейсса, Б. Немец долгое время был членом национально-демократической партии. После объединения чешских фашистов в Национальное объединение Б. Немец вышел из национально-демократической партии и (явление обыденное в ту пору в Чехословакии) нашел пристанище у аграриев. Своими приятельскими и политическими связями, старательным исполнением функций парламентаря в переговорах между аграриями и лагерем чешского фашизма, проявленной при этом готовностью к беспрекословному исполнению повелений финансового капитала, малоизвестный университетский профессор спускал благосклонность лидеров Национального объединения и аграрной партии.

Конкурирующие группировки аграрной и промышленной олигархии давно подыскивали взаимно удовлетворяющую кандидатуру. «Правые, — писала 15 декабря издававшаяся компартией Чехословакии на немецком языке газета «Роте фане», — не требуют от своего вождя ни мудрости, ни человечности, ни демократии, они требуют от него лишь угодливого понимания желаний финансового капитала». Б. Немец в полной мере отвечал этим запросам, и выбор реакции остановился на нем.

Реакция обладала достаточными силами в парламенте, чтобы протащить своего президента. Орган премьера Годжи «Словенска политика» произвел следующий подсчет сил в палате депутатов: «Социалисты имеют 38 социал-демократов, 28 национальных социалистов и 11 немецких социал-демократов. Кроме того, социалисты могут рассчитывать на поддержку 30 коммунистов. Так называемые правые в республике могут опереться на 45 депутатов — аграриев, 17 депутатов живностенской партии, 17 депутатов от Национального объединения и 6 фашистов. Наряду с этим есть партии католические, народная и людовская, имеющие по 22 мандата, 6 немецких христианских социалистов, 9 мадьяров и 44 генлейновца. В сенате соотношение почти такое же»¹.

Глинковский «Словак» с удовлетворением добавлял: «Решение будет в таком случае зависеть от того, к кому присоединится партия людовцев и генлейновцев»².

Лихорадочные переговоры между буржуазными партиями происходили за спиной народа и втайне от него. Была усилена цензура, чтобы воспрепятствовать публикации материалов, которые могли бы сорвать покровы с закулисных переговоров реакции и разоблачить существо подготавливаемой

¹ Цит. по «Rudé právo», 15/XII 1935.

² Там же.

сделки. Однако проникавшие на страницы газет отрывочные сведения свидетельствовали о многочисленных встречах и проявившихся при этом резких противоречиях между представителями руководства аграрной партии и заправилami чешских, немецких, словацких и иных фашистских партий Чехословакии.

Вся чехословацкая печать была полна глухих сообщений о том, что аграрии в конце концов как будто заручились обещанием глинковцев и генлейновцев о поддержке при выборах президента.

Дополнительный свет на ожесточенную борьбу различных группировок чешских, немецких и словацких монополистов и помещиков, развернувшуюся перед президентскими выборами, бросили судебные процессы над предателями и коллаборационистами, которые состоялись уже в народно-демократической Чехословакии, в частности материалы суда над палачом чешского народа, наместником Гитлера в протекторате Чехии и Моравии К. Г. Франком — одним из руководителей генлейновской партии и активным участником тайных совещаний и закулисных сделок в декабре 1935 г.

Сопоставление сообщений прессы с материалами судебных процессов говорит о том, что основными партиями «декабрьского» заговора реакции были, наряду с Национальным объединением, аграрии, генлейновцы и глинковцы.

Так, К. Франк показал, что в одном из совещаний перед президентскими выборами участвовали чешские аграрии, генлейновцы, словацкие и венгерские фашисты¹. Вслед за этим состоялось ночное совещание между аграриями и генлейновцами, на котором присутствовали пять представителей аграрной партии, в том числе Беран и Стоупал. Судето-немецкая партия была представлена Генлейном, Франком и еще одним генлейновцем. На совещании была достигнута договоренность, согласно которой генлейновцы обязались при выборах президента голосовать вместе с аграриями за Б. Немеца при условии поддержки этой кандидатуры со стороны глинковцев. Генлейновцы получили заверение лично Б. Немеца и руководства аграрной партии, что при успешном для заговорщиков исходе выборов политический курс правительства будет изменен в пользу Судето-немецкой партии и гитлеровской Германии. Аграрии обещали безусловное выполнение всех требований генлейновцев в области внутренней политики, а также «установления с гитлеровской империей лучших и более дружеских отношений, чем до этих пор»².

Соглашение о сотрудничестве между аграриями и генлейновцами вскоре было распространено на венгерских и польских сепаратистов, а также и на глинковцев³.

Создалась угроза, что президентом чехословацкого государства будет избран тот, кого предпочтет гитлеровская агентура. В день отставки Т. Масарика в парламенте выступил А. Запотоцкий. От имени КПЧ он обратился к народу с призывом создать единый фронт в целях избрания демократического кандидата на пост президента. Вечером того же дня состоялись бурные собрания на пражских предприятиях. В последующие дни митинги, демонстрации и стачки прошли во многих городах и краях республики. Трудовой народ Чехословакии выразил свою волю ясно и решительно: не уступать ни пяди демократических свобод, дать решительный отпор проискам реакции.

¹ Протокол допроса К. Франка от 15/VIII 1945 г.— «Rudé právo», 27/III 1946.

² Там же.

³ Обвинительное заключение по делу военного преступника К. Франка.— «Rudé právo», 23/III 1946.

Реакционное руководство социал-демократических и чешской национально-социалистической партий саботировало борьбу пролетариата против фашизма. Правые социалисты и социал-демократы отвергли предложения компартии об установлении единого фронта и совместном выдвижении собственного, действительно демократического кандидата на пост президента.

Чем объясняется упорный отказ реформистских лидеров от единого антифашистского фронта? В Чехословакии, как и вообще «в странах, где представители социал-демократических партий участвуют в правительстве, социал-демократическое руководство оказывает наиболее сильное сопротивление пролетарскому фронту. Это вполне понятно: ведь они хотят показать буржуазии, что именно они лучше и искуснее всех умеют держать в узде недовольные рабочие массы и предохранить их от влияния коммунистов»¹.

Отказавшись от мобилизации масс, правосоциалистическое руководство реформистских партий пустилось в бесконечные парламентские комбинации и закулисные торги с буржуазными партиями. Чешские национальные социалисты и социал-демократы при выборах чехословацкого президента блокировались с католической народной партией и выдвинули своим кандидатом Э. Бенеша.

Социал-фашисты изображали дело так, будто блок соглашателей с клерикальной буржуазией является чуть ли не народным фронтом, а их кандидат — кандидатом антифашистского народного фронта. Конечно, все эти лживые измышления были не чем иным, как обычным для реакционной социал-демократии и правых социалистов обманом трудящихся масс. Старый агент западного империализма и чешского финансового капитала Э. Бенеш не был и по своему классовому положению не мог быть деятелем, способным выразить и осуществить волю народов Чехословакии к борьбе против фашизма и гитлеровской агрессии, за мир, демократию и национальную независимость.

Подчеркивая, что кандидатура Э. Бенеша ни в коем случае не является кандидатурой единого антифашистского фронта, компартия вместе с тем не могла занять позицию безразличного отношения к президентским выборам. «Поэтому было правильным, — указывал в феврале 1936 г. Клемент Готвальд, — что во время президентских выборов партия заявила: «Нам не все равно, кто будет восседать на президентском кресле — Бенеш или Немец»².

Однако выступление народных масс, и прежде всего чехословацкого пролетариата, оказалось недостаточно мощным, чтобы разгромить силы реакции и фашизма, обеспечить решительную победу Народного фронта. Серьезный ущерб делу революционного пролетариата, интересы которого сливаются с интересами всего народа, всей нации, причинила подрывная деятельность скрытых агентов буржуазии в рядах компартии, как это показал судебный процесс по делу антигосударственного заговорщического центра во главе с Рудольфом Сланским. Будучи одним из членов тогдашнего партийного руководства, Р. Сланский стремился ориентировать его на сотрудничество с агентами империализма — реформистскими вожаками и Бенешем, препятствовал мобилизации масс против происков фашизма и тем содействовал как преступным замыслам реакционно-фашистского блока, так и раскольническим маневрам социал-фашистов³. Установка Слан-

¹ Г. Димитров. В борьбе за единый фронт против фашизма и войны. Госполитиздат, 1939, стр. 36.

² «Rudé právo», 13/II 1936.

³ «Rudé právo», 21/XI 1952.

ского и его троцкистских сообщников была рассчитана на ослабление связей между партией и массами, на изоляцию партии и подрыв ее руководящей роли в революционной борьбе рабочего класса.

«Хотя с нашей стороны,— отмечал генеральный секретарь КПЧ К. Готвальд,— были предприняты лишь некоторые нерешительные и несмелые попытки призвать на помощь улицу, призвать на помощь народ, дать народу возможность вторгнуться в закулисные заговоры и сделки, тем не менее буржуазная реакция поняла, что еще не пришла пора для полного осуществления ее планов, и поэтому в последний момент отступила»¹.

Первой забила отбой словацкая буржуазия. После отказа партии Глинки от голосования за кандидатуру Б. Немеца «декабрьский» блок, раздираемый непримиримыми противоречиями, начал разваливаться, как карточный домик. Вслед за словацкими фашистами отпали от блока и генлейновцы². Оставшись один на один с Национальным объединением, аграрная партия — в итоге бурного заседания ее исполнительного комитета в ночь с 17 на 18 декабря — поняла обреченность с таким трудом сколоченного «декабрьского» блока и еще раз изменила свое решение, отказавшись голосовать за Б. Немеца.

18 декабря 1935 г. состоялись выборы президента. Национальное собрание выбрало президентом республики Э. Бенеша. Б. Немец получил ничтожное количество голосов, поданных депутатами Национального объединения. Поражение реакции было обусловлено отнюдь не голосованием в парламенте, а прежде всего выступлением народных масс вне парламента. Однако силы реакции и фашизма не были разгромлены. «Реакционные планы сегодня сорваны, но реакционные силы не разбиты и, может быть, уже завтра они могут угрожать всему трудовому народу»³, — от имени КПЧ заявил в парламенте Б. Шмераль на следующий день после выборов. И действительно, неприкосновенной осталась экономическая база реакции, полностью сохранились ее политические организации, не изменилась политика обуржуазившихся лидеров социал-демократии и национальных социалистов — политика саботажа антифашистского единства трудящихся.

Поражение «декабрьского» блока означало провал фашистских планов, рассчитанных на переход от буржуазной демократии к террористическим методам управления страной. Конечно, планы блока предусматривали не переход государственной власти от одного класса к иному классу, а смену одной государственной формы классового господства буржуазии другой формой ее же господства.

Только изменник рабочего класса может затушевывать то обстоятельство, что буржуазно-демократическая республика и фашистское государство по своему классовому содержанию однотипны, будучи формами диктатуры буржуазии. Более того, буржуазно-демократические формы часто служат, как показала история, ширмой, прикрывающей подготовку финансового капитала к фашистскому перевороту. Показательны в этом отно-

¹ Klement Gottwald, Deset let, str. 27.

² Через десять лет, в 1945 г., отвечая на вопрос: «Почему «Судето-немецкий фронт» воздержался от голосования при выборах президента в 1935 г.», К. Франк показал во время предварительного следствия, что достигнутый с аграриями договор «генлейновцы поставили в зависимость от согласия словаков, и, поскольку последние не выполнили своего слова, дело не дошло до совместного голосования за профессора Немеца, и «Судето-немецкий фронт» воздержался от голосования» («Rudé právo», 27/III 1946).

³ «Rudé právo», 20/XII 1935.

шении отклики крупной буржуазии Чехословакии на избрание Э. Бенеша президентом республики. В первом же номере, вышедшем на следующий день после президентских выборов, 19 декабря 1935 г., газета «Прагер борзен курир», орган тех самых кругов финансового капитала, которые решительно и до последнего конца боролись за кандидатуру Немеца, заявила: «Деловые круги поздравляют нового президента Бенеша»¹. Поняв, что фашистский переворот оказался преждевременным, реакция отступила, чтобы подготовиться и нанести новый удар. Для такой подготовки нужно было прикрытие, скрывающее от масс перегруппировку сил реакции в Чехословакии и вместе с тем ничем не мешающее собранию сил для нового натиска фашизма. В создавшейся обстановке Бенеш и был наиболее желательной финансовому капиталу фигурой на посту президента республики.

Забывать историческую ограниченность и условность буржуазного парламентаризма — значит перейти с революционной позиции классовой борьбы против капитализма на правооппортунистическую позицию примирения и классового сотрудничества с буржуазией.

«Буржуазная демократия, ценность которой для воспитания пролетариата и обучения его к борьбе бесспорна, всегда узка, лицемерна, лжива, фальшива, всегда остается демократией для богатых, обманом для бедных»².

Но недопустимым и вредным ультралевым сектантством, наносящим ущерб освободительной борьбе пролетариата, является отказ от борьбы против фашизма, за демократические требования. «Было бы коренной ошибкой думать, — учил великий Ленин, — что борьба за демократию способна отвлечь пролетариат от социалистической революции, или заслонить, затенить ее и т. п. Напротив, как невозможен победоносный социализм, не осуществляющий полной демократии, так не может подготовиться к победе над буржуазией пролетариат, не ведущий всесторонней, последовательной и революционной борьбы за демократию»³.

Революционный пролетариат должен вести борьбу за демократию, против современной империалистической буржуазии, стремящейся к фашизму, для того чтобы собрать вокруг себя большинство народа и подготовить предпосылки для победы пролетарской революции.

Единый фронт против фашизма и войны — вот единственная гарантия, что буржуазно-помещичья реакция будет остановлена. Эта историческая задача была поставлена перед пролетариатом капиталистических стран, в том числе и перед пролетариатом Чехословакии, VII конгрессом Коминтерна.

ВИИ КОНГРЕСС КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

РАЗГРОМ ПРАВООПОРТУНИСТИЧЕСКИХ ИЗВРАЩЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНИИ ВИИ КОНГРЕССА КОМИНТЕРНА, НАСАЖДАВШИХСЯ Р. СЛАНСКИМ.

ВИИ СЪЕЗД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЧЕХОСЛОВАКИИ

ВИИ конгресс Коммунистического Интернационала, работавший в июле — августе 1935 г. в Москве, в напряженной международной обстановке, когда фактически начался новый передел мира между империалистами, указал международному рабочему движению новую политическую

¹ «Rudé právo», 20/XII 1935.

² В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 88.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 133.

линию борьбы против угрозы фашизма и империалистической войны. Выработывая новую политику борьбы, Коминтерн исходил из факта коренного изменения международного положения, явившегося результатом решительной и бесповоротной победы социализма в СССР, с одной стороны, и дальнейшего загнивания капиталистической системы, дальнейшего углубления общего кризиса капитализма — с другой.

Мировой экономический кризис и депрессия особого рода, сопровождавшиеся невиданным ограблением пролетариата и крестьянства, довели до отчаяния трудящиеся массы. Недовольство перерастало в революционное возмущение рабочего класса.

В этих условиях буржуазия уже была не в силах удерживать свое политическое господство старыми методами парламентаризма и буржуазной демократии. Еще в январе 1934 г. И. В. Сталин в отчетном докладе XVII съезду ВКП(б) подчеркивал, что «господствующие классы капиталистических стран старательно уничтожают или сводят на нет последние остатки парламентаризма и буржуазной демократии, которые могут быть использованы рабочим классом в его борьбе против угнетателей, загоняют в подполье коммунистические партии и переходят к открыто террористическим методам сохранения своей диктатуры»¹.

Создалась обстановка, при которой, как говорил в 1935 г. на VII конгрессе Коминтерна Г. Димитров, «трудящимся в ряде капиталистических стран приходится выбирать конкретно на сегодняшний день не между пролетарской диктатурой и буржуазной демократией, а между буржуазной демократией и фашизмом»². Борьба против фашистской диктатуры, за демократические свободы, которая не имела еще столь первостепенного значения прежде, стала главной, ближайшей задачей международного коммунистического движения.

Возникла опасность фашистского порабощения рабочего класса крупным монополистическим капиталом, опасность установления фашистской диктатуры во всем мире.

В соответствии с конкретными историческими условиями данного этапа борьбы пролетариата Коммунистический Интернационал на VII конгрессе пересмотрел коренные тактические установки, указав в своих решениях:

«Перед лицом величайшей угрозы фашизма для рабочего класса и всех его завоеваний, для всех трудящихся и их элементарных прав, для мира и свободы народов VII конгресс Коммунистического Интернационала заявляет, что осуществление единого фронта борьбы рабочего класса представляет на нынешнем историческом этапе главную, ближайшую задачу международного рабочего движения. Успешная борьба против наступления капитала, против реакционных мероприятий буржуазии, против фашизма — злейшего врага всех трудящихся, лишаемых всех прав и свобод без различия их политических убеждений, повелительно требует установления единства действий всех частей рабочего движения, независимо от их принадлежности к той или иной организации, еще до того, как большинство рабочего класса объединится на общей платформе борьбы за свержение капитализма и победу пролетарской революции. Но именно поэтому эта задача обязывает коммунистические партии учесть изменившуюся обстановку и применять тактику единого фронта по-новому, добиваясь соглашения о совместных действиях с организациями трудящихся разных политических направлений

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 13, стр. 293.

² Г. Димитров. В борьбе за единый фронт против фашизма и войны, стр. 77.

в заводском, местном, областном, общенациональном и международном масштабе»¹.

VII конгресс Коминтерна разработал четкую и ясную программу единого фронта, которая не была программой пролетарской революции, но являлась антифашистской, антивоенной программой, рассчитанной на объединение вокруг пролетариата широчайших демократических масс в Народном фронте. Конгресс Коминтерна указал, что основой Народного фронта послужит единый пролетарский фронт, и подчеркнул при этом, что Народный фронт будет складываться наряду и по мере того, как будет складываться и укрепляться антифашистское и антивоенное единство пролетариата.

В ходе антифашистской борьбы, при подъеме массового движения, указывалось в решениях Конгресса, окажется возможным и необходимым в интересах пролетариата создание правительства пролетарского единого фронта или антифашистского народного фронта, «не являющегося еще правительством пролетарской диктатуры, но берущего на себя проведение решительных мероприятий против фашизма и реакции»².

Перед компартиями была поставлена задача добиваться создания такого правительства, с тем чтобы сделать его «органом сотрудничества революционного авангарда пролетариата с другими антифашистскими партиями в интересах всего трудового народа, правительством борьбы против фашизма и реакции»³.

VII конгресс Коминтерна подчеркнул, что при определенных условиях компартии не только всемерно поддержат правительство единого фронта, но и обязаны принять участие в этом правительстве, чтобы довести революционную борьбу масс против крупного монополистического капитала и его фашистских агентов до решительной победы, обеспечивающей разгром фашизма и торжество демократических свобод.

VII конгресс был «конгрессом новой тактической ориентировки Коммунистического Интернационала»⁴.

Новая политическая линия Коммунистического Интернационала, его решения, нацелившие международное рабочее движение на создание единого фронта против фашизма и империалистической войны, были горячо и единодушно одобрены всеми компартиями мира, компартией Чехословакии в том числе.

В своей речи на VII конгрессе Коминтерна генеральный секретарь КПЧ К. Готвальд, конкретизируя новые установки применительно к условиям Чехословакии, выдвинул ясную программу революционных действий, способную объединить в борьбе за труд, свободу и мир всех антифашистов, все передовые демократические и патриотические силы Чехословацкой республики, независимо от национальности и партийной принадлежности. Чехословакия — один из ближайших объектов агрессии германского империализма, указал К. Готвальд, раскрывая всю серьезность опасности, нависшей над ее народами: «Чешскому народу угрожает потеря его национальной независимости. Немецкому, венгерскому, украинскому и польскому народам Чехословакии грозит опасность попасть под пяту германского, венгерского и польского фашизма. Трудящееся население всех национальностей Чехословакии жизненно заинтересовано в поддержании мира и в

¹ «Резолюция VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала», Партиздат ЦК ВКП(б), 1935, стр. 15.

² Там же, стр. 21.

³ Г. Димитров. В борьбе за единый фронт против фашизма и войны, стр. 50.

⁴ Там же, стр. 96.

самом тесном союзе с СССР. А между тем силы реакции плетут интриги, стремясь отклонить Чехословакию от союза с СССР и толкнуть ее на поддержку военной политики фашистской Германии»¹.

Какая задача может быть неотложнее и настоятельнее задачи сплочения всех антифашистских сил в едином лагере для того, чтобы германский опыт не повторился в Чехословакии? Какая задача может быть важнее задачи сплочения всех друзей мира, всех противников империалистической войны в едином фронте для совместной борьбы против этой опасности? — заявил К. Готвальд с трибуны VII конгресса Коммунистического Интернационала, подчеркнув в своей речи: «Больше нельзя терять ни минуты драгоценного времени»².

Выдающийся деятель международного рабочего движения К. Готвальд на VII конгрессе был избран членом Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. Первый пленум ИККИ, состоявшийся 21 августа 1935 г., избрал К. Готвальда членом Президиума и секретарем Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. Занятый на ответственной работе в руководящем штабе международного коммунистического движения, К. Готвальд не смог после Конгресса вернуться в Чехословакию.

Отсутствие в стране великого вождя чехословацкого народа империалистическая буржуазия попыталась использовать для активизации своей скрытой агентуры, засланной в ряды компартии и возглавляемой не разоблаченным еще в ту пору членом секретариата ЦК КПЧ Р. Сланским.

По вине Р. Сланского и его приспешников в осуществлении антифашистской и антиимпериалистической линии, данной VII конгрессом Коминтерна, были допущены грубые правооппортунистические искривления по ряду важнейших вопросов. Р. Сланский, явившийся носителем и инициатором оппортунистических извращений генеральной линии партии, игнорировал указания Исполкома Коминтерна и лично К. Готвальда, которые выступали против этих оппортунистических ошибок и требовали их исправления.

13 февраля 1936 г. в газете «Руде право» была опубликована статья генерального секретаря КПЧ К. Готвальда «За правильное проведение линии VII конгресса Коминтерна». Коммунистическая партия, указывалось в статье, правильно поступала, когда активно вмешивалась в решение острых политических вопросов, как приход Годжи на пост премьера, президентские выборы, направление внешней политики Чехословакии и т. д. «Но руководство партии, — подчеркивал К. Готвальд, — как бы забыло одну старую вещь: что именно пролетариат, чтобы влиять на решение тех или иных политических вопросов в свою пользу, должен, прежде всего и главным образом, выступить со своими самостоятельными действиями снизу, — на заводах, в организациях, на улицах. Руководство партии клялось, закланало, просило, предостерегало всевозможных деятелей — депутатов, министров, правительство, исполнительные комитеты различных партий. Руководство партии уговаривало Гампла, Чеха и Бенеша. Делало все возможное и невозможное, чтобы им доказать добрую волю партии к совместной борьбе против реакции и фашизма. Только об одном как-то забыло: о массах. О том, что нужно массы призвать, организовать и вести к самостоятельным действиям снизу; что это на господ наверху оказывает

¹ Клемент Готвальд. Компартия Чехословакии в борьбе за единый фронт. Партиздат ЦК ВКП(б), 1935, стр. 15.

² Там же, стр. 21.

большее влияние, чем самые прекрасные речи, чем любые уговоры и соглашения. Короче говоря, руководство партии подчас подменяло мобилизацию и действие масс парламентскими комбинациями. Это не имеет ничего общего с «активной большевистской массовой политикой», о которой говорил товарищ Димитров. Таким путем партия не станет «политическим фактором в жизни своей страны», как того требуют VII конгресс Коммунистического Интернационала и интересы трудового народа,—напротив, этим партия может, хотя бы она этого субъективно не желала, облегчить врагу проводить свою политику»¹.

Вместо организации массовой борьбы в защиту демократических свобод и национальной независимости от внутреннего и внешнего фашизма оппортунистами была взята оппортунистическая установка на ослабление борьбы против антинародных и антидемократических мероприятий капиталистического режима, на примиренчество с буржуазным государством; оппортунистические тенденции проявились также в ослаблении борьбы за национальные права угнетенных народов, в стремлении смазать принципиальные грани между коммунистической политикой классовой борьбы и социал-демократической политикой классового мира. Оппортунизм, насаждаемый Р. Сланским, способствовал притуплению революционной бдительности, что облегчило проникновение агентов классового врага на руководящие посты в партии, в ее печати, в революционных организациях пролетариата.

24—26 февраля, под руководством вернувшегося в начале 1936 г. в Чехословакию К. Готвальда, состоялся пленум Центрального комитета коммунистической партии. Пленум обсудил вопросы борьбы за единство действий рабочего класса. Пленум подтвердил решение Политбюро ЦК КПЧ о выводе Р. Сланского из состава секретариата Центрального комитета за оппортунистическое искривление линии партии.

На заседании Центрального комитета, как и позже, в коммунистической печати и на съезде партии, Р. Сланский признал свою вину и заявил о полном согласии с принятыми решениями, о своей готовности бороться за проведение политической линии партии. Не имея оснований сомневаться в искренности этих заявлений, Центральный комитет оставил его в партии, предоставил ему возможность своей честной работой искупить вину перед революционным пролетариатом Чехословакии, перед ее трудовым народом.

Центральный комитет в ту пору не располагал фактами, свидетельствующими о наличии злого умысла в действиях Р. Сланского, видел и в нем ошибающегося человека, а не врага рабочего класса. Но оказалось, что «ошибки» Р. Сланского, это — не ошибки, а преступления предателя, завершившего свою полицейскую карьеру в качестве наймита империалистических разведок, ставшего впоследствии главарем преступного заговора, преследовавшего совершение контрреволюционного переворота в партии и народно-демократической Чехословакии.

На судебном процессе в Праге по делу руководящего ядра антигосударственного центра в ноябре 1952 г. установлено, что Р. Сланский с 1924 г. являлся провокатором чехословацкой полиции, а с 1930 г.—агентом американской разведки. В 1936 г. Р. Сланский скрыл от Центрального комитета свои связи с полицией и империалистической разведкой, свои троцкистские взгляды, свою преступную связь с А. Нейратом, И. Гутманом и многими другими агентами классового врага, разоблаченными и изгнанными из рядов коммунистической партии².

¹ «Rudé právo», 13/II 1936.

² «Rudé právo», 22/XI 1952.

Февральский пленум Центрального комитета КПЧ постановил созвать очередной, VII съезд партии в апреле 1936 г.

Приступив к подготовке съезда, партия перед лицом всего рабочего класса, развернула критику ошибок, допущенных в осуществлении решений VII конгресса Коминтерна. В центральном партийном органе, газете «Руде право», был открыт «Дискуссионный листок», на страницах которого было развернуто обсуждение деятельности коммунистической партии. Эта самокритика обеспечила рост активности партийных организаций, сплотила партию вокруг Центрального комитета, повысила авторитет партии в широких пролетарских массах.

VII съезд коммунистической партии Чехословакии открылся 11 апреля 1936 г. Его работа протекала в сложной международной и внутривластной обстановке.

Поощряемые правящими кругами Англии, США и Франции, фашистские агрессоры вели усиленную подготовку ко второй империалистической войне и фактически ее уже развязали нападением в 1935 г. Италии на Абиссинию.

Указывая на растущую опасность войны, И. В. Сталин говорил 1 марта 1936 г.: «Имеются, по-моему, два очага военной опасности. Первый очаг находится на Дальнем Востоке, в зоне Японии. Я имею в виду неоднократные заявления японских военных с угрозами по адресу других государств. Второй очаг находится в зоне Германии. Трудно сказать, какой очаг является наиболее угрожающим, но оба они существуют и действуют. По сравнению с этими двумя основными очагами военной опасности итало-абиссинская война является эпизодом. Пока наибольшую активность проявляет дальневосточный очаг опасности. Возможно, однако, что центр этой опасности переместится в Европу»¹.

Такой грозный очаг войны, как гитлеровская Германия, находящийся в непосредственном соседстве с Чехословакией, проявлял все большую активность. Правители Германии в марте 1936 г. односторонним актом разорвали Локарнский пакт, оккупировали Рейнскую зону и произвели, в нарушение Версальского договора, ее ремилитаризацию. Ремилитаризация Рейнской зоны, введение воинской повинности и увеличение вдвое срока службы в армии, быстрое развертывание германской армии, насыщение ее самолетами и танками — все это явилось серьезной угрозой безопасности и независимости Чехословацкой республики.

Чехословацкая буржуазия одобрительно встречала каждый новый шаг гитлеровской Германии по пути подготовки агрессии; правящие круги Чехословацкой республики во главе с ее президентом Э. Бенешем безоговорочно и активно поддерживали англо-французскую дипломатию в ее усилиях, направленных к поощрению фашистских агрессоров в их подготовке к нападению на Советский Союз. Оголтелая ненависть к Советскому Союзу и к революционному движению в собственной стране толкала к национальному предательству и поддержке англо-франко-американской мюнхенской политики всю чехословацкую буржуазию — Берана и Прейсса, Глинку, Генлейна, чешских фашистов и лидеров чешских национальных социалистов, чешских и немецких социал-демократов.

Усиление агрессивной активности гитлеровской Германии и политика национальной измены господствующих классов в самой Чехословакии

¹ Беседа товарища Сталина с председателем американского газетного объединения «Скриппс — Говард Ньюслейперс» г-ном Рой Говардом 1 марта 1936 г. Партиздат, 1936, стр. 7.

создавали величайшую угрозу независимости и свободе Чехословацкой республики. В этих условиях VII съезд коммунистической партии должен был заняться в первую очередь вопросами, имеющими решающее значение для судеб народов Чехословакии.

С докладом «Народным фронтом в защиту мира, против Гитлера, за хлеб и свободу!» на съезде выступил генеральный секретарь КПЧ К. Готвальд.

Основываясь на сталинском анализе международной обстановки, К. Готвальд показал рост военной опасности во всем мире и подчеркнул, что в этих условиях «укрощение фашистского агрессора и сохранение до крайней степени угрожаемого мира есть... центральная задача рабочего движения всего света, рабочих партий каждой страны и также задача нашей партии»¹.

Касаясь позиции КПЧ по вопросу защиты народа и республики от Гитлера, К. Готвальд подчеркнул: «Необходимо очень ясно и недвусмысленно заявить: позиция коммунистической партии в отношении угрозы Чехословакии со стороны гитлеровского фашизма есть позиция обороны Чехословакии против Гитлера, обороны Чехословакии против фашизма»². Установка на оборону республики отнюдь не означала перехода партии на реформистские позиции классового мира с буржуазией. Подлинные предпосылки для действительной обороны республики — исполнение социальных и экономических требований трудового народа, демократизация всего режима, национальное равноправие всех народов Чехословакии, демократизация армии, очищение армии от фашистских генералов, предоставление полных гражданских и демократических прав солдатам — все это могло быть завоевано лишь в острейшей классовой борьбе пролетариата против собственной буржуазии.

Устоять против Гитлера Чехословакия может, указал К. Готвальд, «лишь в тесном союзничестве с СССР, с его Красной Армией, с его мирной политикой, лишь в союзе со Страной Советов. Что делает реакция у нас и всюду? Клеветает против СССР, требует разрыва договора с Советским Союзом. Что делают различные элементы из рядов так называемой «левой» буржуазии? Колеблются. Они также готовы уничтожить договор с СССР»³.

Из этого партия должна сделать вывод, подчеркнул К. Готвальд, что «только классовой борьбой против буржуазии, непримиримой борьбой против реакции, разоблачением колебаний так называемой левой буржуазии можно содействовать обороне республики против фашизма. Таким образом, никакой идиллии классового мира, никаких объятий с так называемыми патриотами, а, напротив, самая острая борьба за требования, связанные с подлинной обороной республики против фашизма»⁴. Острие борьбы КПЧ должна направить против попыток реакции порвать союзнические отношения с СССР — главным оплотом национального существования народов Чехословакии — и приковать Чехословакию к гитлеровской Германии.

Выполнить задачу защиты Чехословацкой республики, ее трудового народа от фашистской опасности компартия сможет лишь путем ликвидации раскола пролетариата, являющегося результатом проводимой реформистами политики сотрудничества с буржуазией. Сломить саботаж буржуазной

¹ Klement Gottwald. Deset let, str. 20.

² Там же, стр. 21.

³ Там же, стр. 24.

⁴ Там же.

агентуры в рабочем движении, создать единый и народный фронт — такова главная и неотложная задача компартии.

«Одно, товарищи, ясно, — заявил в заключение К. Готвальд, — если чешской реакции будет предоставлена свобода действий, то она нас с кожей и шерстью запродает Гитлеру. В этом нет сомнений... И если тому может что-либо воспрепятствовать, так именно единый фронт пролетариата и народный фронт всех трудящихся, и выросшее из великого движения и великой борьбы единого и народного фронта правительство Народного фронта, которое в силах организовать подлинную оборону республики против фашизма»¹.

Могучее и широкое народное движение борьбы против фашизма и войны могло возникнуть лишь под руководством революционного пролетариата. Поэтому размах и мощь антифашистской борьбы масс зависели прежде всего от того, сумеет ли сам пролетариат освободиться от пут соглашательства с буржуазией, которыми его сковали реформистские лидеры, сумеет ли рабочий класс ликвидировать раскол в собственных рядах.

VII съезд КПЧ рассмотрел вопрос о единстве профсоюзного движения, являющегося важным этапом в создании единого пролетарского фронта. Съезд заслушал доклад А. Запотоцкого «Борьба за объединение профсоюзных организаций», основанный на указаниях И. В. Сталина.

Еще в 1925 г. И. В. Сталин, говоря об очередных задачах коммунистических партий капиталистических стран, указывал:

«В чём сила социал-демократии на Западе?

В том, что она опирается на профсоюзы.

В чём слабость наших коммунистических партий на Западе?

В том, что они еще не сомкнулись, а некоторые элементы этих коммунистических партий не хотят сомкнуться с профсоюзами.

Поэтому основная задача коммунистических партий Запада в данный момент состоит в том, чтобы развить и довести до конца кампанию об единстве профдвижения, войти всем коммунистам поголовно в профсоюзы, повести там систематическую терпеливую работу по делу сплочения рабочего класса против капитала и добиться, таким образом, того, чтобы коммунистические партии могли опереться на профсоюзы»².

Коммунистическая партия Чехословакии, подчеркнул А. Запотоцкий, должна признать, что эта задача, которую уже более 10 лет назад выдвинул перед нами И. В. Сталин, не выполнена до сих пор³.

Указав, что обстановка диктует безотлагательное выполнение этой задачи, VII съезд потребовал от партийных организаций повседневной, настойчивой и кропотливой работой добиться решительного перелома в борьбе за единство профсоюзного движения.

Решения съезда обязали партию активно проводить конкретную марксистско-ленинскую политику по всем внутренним и внешнеполитическим вопросам; не отстраняться от вопросов демократии, национальной независимости и свободы республики, активно вмешиваться в их решение в интересах рабочего класса, отстаивать каждую пядь демократических свобод от посягательств со стороны реакции и фашизма, возглавить классовую революционную борьбу пролетариата по защите республики, сплотить широчайшие массы трудового народа под знаменем единого фронта против фашизма и гитлеровской агрессии.

¹ Klement Gottwald, Deset let, str. 34.

² И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 106.

³ См. А. Zápotocký. Указ. соч., стр. 268.

VII съезд КПЧ выдвинул требование о подлинном равноправии всех наций Чехословакии. «...Уже сейчас, — говорилось в его решениях, — можно достичь того, чтобы путем демократической национальной политики, осуществлением национального равноправия во всех отношениях были созданы минимальные предпосылки для нормального сожития всех наций Чехословакии, и было преодолено то крайне опасное положение, когда целые пограничные области становятся жертвой агентов иностранного фашизма и ирреденты». «Коммунисты против присоединения хотя бы одной деревушки к гитлеровской Германии, хорватской Венгрии или к пилсудчиковской Польше», — заявил VII съезд, но вместе с тем он потребовал осуществления равноправия нечешского населения во всех областях: социальной и экономической, в области политических прав, в области школ, языка, культуры и т. д.

«VII съезд КПЧ подчеркивает, что в условиях полного равноправия всех народов Чехословакии признание права наций на самоопределение, от которого КПЧ не отказывается, привело бы лишь к усилению братского союза народов Чехословакии и к повышению ее способности к сопротивлению иностранному фашизму»¹.

VII съезд КПЧ разбил правооппортунистические извращения политической линии, намеченной VII Конгрессом Коминтерна, и вместе с тем потребовал полного искоренения остатков сектанства в массово-политической работе партии, представлявших наибольшую помеху для развертывания единого фронта.

VII съезд КПЧ, завершивший поворот партии к «новой тактической ориентировке», был съездом мобилизации всех сил демократии на борьбу против фашистского порабощения.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО ПРАВЯЩИМИ КЛАССАМИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ НАРОДОВ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Угроза агрессии в отношении Чехословакии росла, а дело национальной обороны Чехословакии находилось в руках финансовой олигархии и ее политических приказчиков. В самом правительстве, среди членов которого было немало лиц, прямо или косвенно связанных с иностранным монополистическим капиталом, пост министра национальной обороны неизменно занимал представитель аграрной партии. Производство вооружения полностью контролировалось крупнейшими чехословацкими банками, прежде всего Живностенским и Англо-пражским, в свою очередь зависящими от иностранных банкиров.

Между важнейшими акционерными обществами машиностроительной и военной промышленности Чехословакии — Шкодовкой и Чешско-моравским комбинатом «Кольбен-Данек» — было заключено картельное соглашение, регулирующее производство и торговлю на внутреннем рынке всеми видами продукции, кроме автомобилей. Это соглашение, вступившее в силу с 1 января 1935 г. и рассчитанное на 15 лет, вскоре было расширено. В конце 1935 г. во время своего пребывания в Чехословакии французский банкир Шнейдер настоял на принятии в картель «Шкодовка — ЧКД» еще двух акционерных компаний: «Кржижик-Шодуа» и «Виснес-Хрудим»².

Оружейный картель взвинтил цены на продукцию военной промышленности, основным покупателем которой было государство. Искусственно

¹ «Protokol VII sjezdu KSČ», Praha, 1936, str. 313.

² «Rudé právo», 17/XII 1935.

вздутые продажные цены на вооружение превышали производственные расходы в пять и более раз. Иными словами, чехословацкое государство получало один танк вместо двух-трех, одну пушку вместо пяти. За деньги, на которые можно было купить боеприпасы для пяти дивизий, приобретались боеприпасы лишь для одной дивизии и т. д. «Ненормальный подъем акций оружейных предприятий, — писал чехословацкий еженедельник «Програм», — означает, что ...значительная часть денег, которые граждане пожертвовали на укрепление государственной безопасности, превращается не в винтовки и пушки, а в жирные дивиденды»¹. «Не составляет секрета, — добавлял далее еженедельник, — что многие официальные лица являются собственниками значительного числа акций оружейных заводов»². Высокопоставленные держатели прибыльных акций радели о доходах военной промышленности больше, чем об интересах государства. Подчинение государственного аппарата капиталистическим монополиям приводило к тому, что средства казны были предоставлены в распоряжение акционерных компаний.

«Оборона» государства превратилась в этих условиях в необычайно доходное дело. Примером может служить соглашение между военным ведомством и Шкодовкой о постройке нового пушечного завода, заключенное в 1928 г. Военное ведомство отпустило на строительство завода 40 млн. крон и обязалось, кроме того, в течение шести лет государственные заказы на пушки давать исключительно одной Шкодовке, а покупаемую продукцию оплачивать по ценам, установленным самой компанией. За девять лет Шкодовка забрала у казны 400 млн. крон, но завод так и не построила. Это отнюдь не единичное явление. Огромные субсидии от государства получили многие предприятия (ЧКД, Полдина Гуть, Витковицкие заводы и др.), которые, так же как и Шкодовка, саботировали организацию действительной обороны государства³.

Создание оружейного картеля, контролировавшего преобладающую часть военной промышленности, открыло перед монополистическим капиталом новые возможности для расхищения государственных средств и саботажа обороны республики. Однако только этим дело не ограничилось. Сговор империалистических хищников — Живностенского и Англо-пражского банков — не мог пройти бесследно для политической жизни страны. За экономическим соглашением последовало соглашение политическое. Оно было оформлено в апреле 1936 г., во время встречи на французском курорте Ривьере председателя аграрной партии Берана, генерального управляющего Живнобанка и президента Союза промышленников Прейсса и генерального управляющего Шкодовки Левенштейна. В этом совещании принимали участие также аграрий Стоупал и председатель Живностенской партии Найман⁴.

На ближайшем пленарном заседании Центрального союза чехословацких промышленников Я. Прейсс рассыпался в бесконечных благодарностях Годже, особо отметив его понимание интересов промышленников. При этом Прейсс подчеркнул необходимость «действенного и лояльного сотрудничества» между ними. Коммунистическая печать еще тогда расценила это заявление Прейсса как подтверждение проникших в чехословацкую прессу слухов о состоявшемся сговоре между Прейссом и Бераном. В своей речи

¹ K. Kongrad. Na prahu války. Praha, 1951, str. 212.

² Там же, стр. 213.

³ V. Král, Beneš a obrana štátu. Bratislava, 1952, str. 15.

⁴ «Rudé právo». 17/V 1936.

президент Союза промышленников изложил программу, выработанную на совещании в Ривьере. Это была программа пресловутого «декабрьского блока»: подавление рабочего движения и фашистский поход против демократических свобод (вплоть до создания концентрационных и трудовых лагерей, — по разъяснению более откровенного немецкого фабриканта Мюлига) — в области внутренней политики; разрыв союзнического договора с СССР и установление, как выразился Прейсс, «дружеских отношений» прежде всего с Германией — в области внешнеполитической¹.

Приняв установившийся фашистский переворот, аграрно-финансовая олигархия рассчитывала при проведении своих планов опереться на армию и вооруженным насилием сломить неизбежное сопротивление трудящихся масс Чехословакии, ведомых революционным пролетариатом и его коммунистическим авангардом. Господствовавшие в Чехословацкой республике эксплуататорские классы всеми силами стремились превратить солдат в послушное орудие, слепо выполняющее приказы начальства. В целях изоляции армии от народа правящие круги лишили военнослужащих избирательного права, ввели жесточайший контроль за поведением каждого солдата, установили суровый режим и гнусную систему дисциплинарных взысканий, изощренных надругательств над человеческим достоинством «нижних чинов».

Особые меры принимались для недопущения коммунистической агитации среди военнослужащих. Армия Чехословацкой буржуазно-демократической республики имела несоразмерно большой офицерский корпус, что сближало ее в этом отношении с армиями наиболее реакционных в Европе государств. В 1934 г., например, в чехословацкой армии на 77 с небольшим тысяча солдат приходилось свыше 21 000 офицеров², среди которых преобладали офицеры австро-венгерской монархической армии и участники антисоветского мятежа чехословацких легионов в Сибири и Поволжье.

Офицерский корпус чехословацкой армии, состоявший преимущественно из сынков помещиков, фабрикантов, высших чиновников, представлял собой тщательно отобранную и вышколенную касту, из которой изгонялись выходцы из рабочей и крестьянской среды. В своей массе офицерство было проникнуто реакционным духом, ослеплено враждебностью к демократии и зоологической ненавистью к Советскому Союзу. Разведывательные органы канцелярии президента в секретном донесении сообщали в 1936 г. Э. Бенешу: «Было бы ошибкой и заведомым самообманом отрицать факт, что многие офицеры и генералы симпатизируют фашистскому движению, и в том случае, если формально в этом движении лично не участвуют. В общем можно сказать, что большинство офицерского корпуса настроено черносотенно, и что определенную часть этого большинства составляют последователи крайне националистического направления и фашизма»³.

Но и без донесений разведки подлинные настроения чехословацкого офицерства были достаточно хорошо известны Э. Бенешу. Издавна связанный с министерством национальной обороны, с которым он, как министр иностранных дел, совместно проводил, по заданию генерального штаба Франции, подготовку антисоветской интервенции, Бенеш не упускал случая щегольнуть своим влиянием (которое действительно было велико) на военные дела Чехословацкой буржуазной республики.

¹ Цит. по «Rudé právo», 25/VI 1936.

² «Rudé právo», 30/XI 1934.

³ V. Král. Указ. соч., стр. 18.

На собрании представителей армии, состоявшемся 19 марта 1936 г. в Граде, Э. Бенеш, например, говорил: «Уже как министр иностранных дел я находился в живом контакте с делами обороны государства и уже тогда сотрудничал в военных делах. Ныне мои конституционные функции меня прямо обязывают к этому в значительно большей мере и вполне определено»¹.

Весьма своеобразное понимание «конституционных функций» главы государства, имеющего договор о взаимной помощи с Советским Союзом (под этим договором, кстати, стояла его, Бенеша, собственноручная подпись), Э. Бенеш выразительно продемонстрировал при первом же посещении воинских частей в качестве главнокомандующего чехословацкой армии. 25 марта 1936 г. Бенеш посетил 5-й пехотный полк имени Масарика. После смотра он выступил с речью, в которой заявил, что «основу воинского морального воспитания» чехословацкой армии должны составлять «примеры и образцы» проведенных этим полком «боев во Владивостоке, на Уссурийском фронте и на Урале»².

Все реакционные и открыто фашистские элементы также считали, что «основу воинского морального воспитания» должно составлять «вдалбливание в солдатские головы мысли о том, что «прошлое, настоящее и будущее» чехословацкой армии — антисоветская война, ударной силой которой на этот раз, по замыслу Англии и США, предстояло выступить германскому империализму. Эти антисоветские устремления разделялись полностью правящими кругами Чехословакии, открыто высказывались официальными лицами неоднократно и после установления дипломатических отношений с СССР и подписания чехословацко-советского договора о взаимной помощи. За несколько месяцев до выступления Бенеша в 5-м пехотном полку, с такими же антисоветскими призывами выступил министр национальной обороны, аграрий Махник, на торжественной церемонии в связи с награждением чехословацким военным крестом 101-го артиллерийского полка за его участие в сражениях против советских войск на Урале и Волге³. В идентичных выступлениях Махника и Бенеша еще и еще раз проявилась антисоветская враждебность всей чехословацкой буржуазии, оставшаяся неизменной и после заключения договора о взаимной помощи между ЧСР и СССР. И аграрии и Бенеш, как и вся буржуазия — реакционная и так называемая демократическая, не желали развития и углубления союзнических отношений с Советским государством, подрывая тем самым единственную прочную и надежную основу территориальной целостности и национальной независимости Чехословацкой республики.

Рабочие и крестьяне Чехословакии питали чувства глубокой и пламенной любви к великой стране победившего социализма, видя в ней оплот своей свободы, прообраз своего грядущего. Этими чувствами были проникнуты и широкие армейские массы — одетые в солдатские шинели рабочие и крестьяне, патриотическая и демократическая часть офицерского корпуса. Правящие круги, ставшие на путь национальной измены, отлично видели все это и усматривали в этом серьезное препятствие для осуществления своих планов. Э. Бенеш, боясь вызвать негодование народных масс, не осмеливался высказываться против демократических свобод в политической жизни республики, но зато во всеуслышание выступал против демократической идеологии в армии. Итак, «демократическая армия» без демо-

¹ E. Beneš. Armáda, brannost národa a obrana státu. Praha, 1937, str. 22—23.

² Там же, стр. 36.

³ «Rudé právo», 5/VII 1935.

кратической идеологии — таков идеал Э. Бенеша, главнокомандующего вооруженными силами Чехословацкой буржуазной республики. Изгнание демократической идеологии означало создание условий для беспрепятственного расцвета идеологии фашистской. В этом отношении позиция Бенеша также совпадала с позицией Берана и Прейсса.

Весной 1936 г. политическими приказчиками монополистических объединений был разработан и внесен в парламент проект закона об обороне государства.

Закон определял круг промышленных предприятий, имеющих оборонное значение. Владельцам этих предприятий предоставлялись государственные субсидии и льготы, преимущественное право на государственные заказы. На заводах, отнесенных к числу работающих на оборону, вводилось особое положение. Предприниматель мог в любое время рассчитать любого рабочего — для этого достаточно было сослаться на «политическую неблагонадежность» увольняемого. Стачки на этих заводах категорически запрещались государством. Режим принудительного труда мог быть введен не только в условиях войны, но и в мирное время. В законе об охране государства содержались антидемократические положения, предусматривавшие возможность передачи отдельных районов и целых краев республики под управление военного ведомства еще до объявления войны¹.

Внесенный правительственным большинством законопроект открывал широчайшие возможности для фашиствующей реакции. Не удивительно, что за принятие такого закона об обороне республики ратовали все реакционные и открыто фашистские депутаты и сенаторы, не только Крамарж и Стршибрны, но и Генлейн.

С резкой критикой реакционного законопроекта выступили коммунисты. В своей парламентской речи К. Готвальд разоблачил подлинное существо подготовленного закона об обороне республики: «Предложенный законопроект прежде всего рассчитан на то, чтобы связать по рукам и ногам трудовой народ, его организации и его инициативу. Немногое еще осталось от политических и демократических прав, за которые народ боролся десятилетиями, но и это немногое, согласно предложенному законопроекту, должно быть уничтожено и как раз в такое время, когда больше всего будет нужно, чтобы у народа были свободные руки для организации действительной обороны против фашистских агрессоров.

Предложенный законопроект, во-вторых, рассчитан на неограниченную диктатуру высшей бюрократии и генералитета», которые «у нас сплошь состоят из реакционеров и фашистов»². Закон, подчеркнул К. Готвальд, передает дело обороны республики в руки явных сторонников Гитлера и «заклятых врагов Советского Союза — единственного надежного союзника Чехословакии в борьбе против Гитлера»³.

«Уже из этих двух наиболее веских фактов, — заявил К. Готвальд, — вытекает, что предложенный законопроект имеет в виду не столько защиту республики, защиту страны, сколько защиту капиталистического господства. Вместо защиты страны и народа от Гитлера нам предлагают здесь мероприятия для защиты капиталистического режима от народа... Отсюда явствует, что предложенный законопроект — это удар ножом по действительной обороне республики»⁴.

¹ «Sbírka zákonů a nařízení», ročn. 1936, částka 35, č. 131.

² Klement Gottwald. Deset let, str. 35.

³ Там же, стр. 35—36.

⁴ Там же, стр. 36.

Коммунистическая партия потребовала отвергнуть внесенный законопроект и внесла свой проект закона, который выражал интересы пролетариата и обеспечивал подлинную оборону республики от фашистского агрессора. Важнейшие положения внесенного коммунистами проекта закона предлагали:

1. Возложить расходы, связанные с обороной государства, на плечи богатых; национализировать без возмещения все предприятия военной промышленности; установить демократический контроль над производством, ввозом и вывозом вооружения; обложить богатых специальными налогами для нужд обороны; латифундии помещиков, расположенные в пограничных областях, разделить между трудовым крестьянством и сельскохозяйственными рабочими и т. п.

2. Расширить и обеспечить социальные и демократические права трудящихся, осуществить конкретные мероприятия (указанные в проекте закона, внесенного КПЧ) в целях улучшения материального положения трудящихся в городе и деревне, создать органы народного контроля над деятельностью картелей.

3. Принять решительные меры против фашистских врагов народа и агентуры иностранного фашизма, очистить от них государственные органы.

4. Строго карать, вплоть до ареста и конфискации имущества, саботажников обороны от фашистских агрессоров.

5. Улучшить положение солдат, осуществить демократизацию армии.

6. Демократизировать и поставить под контроль народа противоздушную и противохимическую подготовку населения.

7. Всемерно, во всех областях, и прежде всего в области военной, расширять и углублять сотрудничество с Советским Союзом.

В своей речи, произнесенной 28 апреля 1936 г. в Национальном собрании, К. Готвальд подчеркнул, что позиция коммунистической партии по вопросу о защите республики — «это позиция позитивная, но самостоятельная, классовая, пролетарская... Коммунистическая партия исходит при этом из того взгляда, что условия подлинной и действительной обороны народа и страны от Гитлера трудовой народ должен завоевать в борьбе против собственной буржуазии, против собственных капиталистов, а для этого необходим единый фронт пролетариата, рабочих организаций и партий и Народный фронт всех трудящихся»¹.

Правительство Народного фронта, борющееся за осуществление социальных требований трудящихся и обеспечение подлинной демократии для народа, пользовалось бы могучей поддержкой миллионов масс населения страны. «Народ, — заявил К. Готвальд, — может драться, как лев, но только в том случае, если руки у него свободны и если он знает, за что сражается»².

Как и следовало ожидать, предложения коммунистической партии были решительно отклонены голосами буржуазных «чешских патриотов», агентов Гитлера и выступавших совместно с ними правых социалистов и социал-демократов. Возглавляемые аграриями, политические представители финансового капитала и их реформистские пособники провалили коммунистический законопроект, ибо он был рассчитан на то, чтобы развязать инициативу и активность трудящихся, без чего нельзя было отстоять национальную независимость страны. Инициативы же и активности народа правящие круги империалистической республики боялись, как огня. В вооруженных массах они видели грозную силу, которая, поднявшись на

¹ Klement Gottwald. Deset let, str. 40, 42.

² Там же, стр. 43.

защиту родины от фашистского агрессора, может смести и ненавистный режим капиталистического рабства, угнетения и нищеты.

Реакционный закон об охране государства, принятый в 1936 г. чехословацким парламентом, служил корыстным интересам узкой эксплуататорской клики и проводимой ею политики национального предательства и капитуляции перед Гитлером.

БОРЬБА КОМПАРИИ ЧЕХОСЛОВАКИИ ЗА ЕДИННЫЙ ФРОНТ. РАБОЧЕЕ И КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В 1936—1937 гг. БОРЬБА РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЛЕТАРИАТА ЗА РАВНОПРАВИЕ И ДРУЖБУ НАРОДОВ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Вооруженная решениями VII съезда, коммунистическая партия повела энергичную борьбу за единый антифашистский фронт. Неоднократные предложения о единстве действий, с которыми обращалась КПЧ, неизменно отвергались реакционным руководством социал-демократических и национально-социалистической партий. Но, вопреки реформистскому руководству, идея единства проникала в массы рядовых членов этих партий и беспартийных рабочих и овладевала их сознанием.

Уже первомайская демонстрация 1936 г. показала рост влияния коммунистов, которые провели в этот день почти 500 митингов, охвативших свыше полумиллиона человек — в полтора раза больше, чем год назад. В десятках мест страны состоялись совместные выступления рабочих — коммунистов и социалистов.

На различных предприятиях Чехословакии прошли пере выборы заводских комитетов, отложенные в 1934 г. антирабочим распоряжением правительства на два года. Повсюду, где реформистские организации приняли предложение коммунистов, победу одерживал список единого фронта. На заводах, где социал-демократические и национально-социалистические вожаки отвергали предложения коммунистов о едином фронте, многие рабочие, голосовавшие прежде за реформистских кандидатов, отказывались голосовать за них и отдавали свои голоса представителям красных профсоюзов. Красные профсоюзы добились большего успеха среди рабочих металлостроителей, где было весьма сильным влияние социал-демократической и национально-социалистической партий. Показательные результаты выборов на крупнейшем предприятии г. Кладно, принадлежащем Пражскому металлопромышленному обществу (табл. 9). Поражение реформистов в Кладно было обусловлено отказом реакционных лидеров от единого фронта и их оголтелой антикоммунистической агитацией. На другом заводе той же фирмы (в Либчицах) все профсоюзные организации на выборах завкома выступили единым фронтом и нанесли сокрушительное поражение фашистам, которые не получили ни одного мандата¹. Красные профсоюзы одержали победу на чешско-моравском комбинате «Кольбен-Данек» в Праге, на заводе компании «Польдина Гуть» в Кладно, в Краловом Дворце и других крупнейших предприятиях металлопромышленности.

Чехословацкие трудящиеся продемонстрировали свою волю к единому фронту и на муниципальных выборах, состоявшихся в ряде округов в мае — июне 1936 г. На этих выборах коммунистическая партия завоевала десятки тысяч новых голосов.

Выступая на пленуме ЦК КПЧ, происходившем в конце июня 1936 г., К. Готвальд подчеркнул, что, выправляя оппортунистические ошибки,

¹ «Rudé právo», 13/V 1936.

Т а б л и ц а 9*

Результаты профсоюзных выборов в г. Кладно

Годы	Красные профсоюзы		Социал-демократические и национально-социалистические профорганизации	
	число голосов	% к общему числу голосов	число голосов	% к общему числу голосов
1930	1072	34,6	1689	54,3
1933	1103	49,7	650	29,3
1936	1913	58,3	823	25,1

* «Rudé právo», 13/V 1936.

допущенные в проведении политической линии VII конгресса Коминтерна, партия сумела избежать сектантских извращений и начала проводить широкую массово-политическую работу.

Указывая на концентрацию сил реакции, Центральный комитет призвал трудящихся к бдительности и единству. «Реакционное крыло аграрной партии, — говорилось в политической резолюции, — умножило свои усилия, направленные на создание реакционно-фашистского блока и создание правого правительства. Его сотрудничество с реакционными группами, находящимися вне правительства, стало еще более открытым и провокационным. Стоупаловское крыло аграрной партии договаривается с Стршибрным и Прейссом, Сидором и Глинкой, а равным образом с Генлейном. Генлейновская партия прилагает усилия к объединению с чешской и словацкой реакцией, чтобы оказывать свое влияние на внутреннюю и внешнюю политику Чехословакии. Правое крыло аграрной партии подготавливает вступление осенью в правительство прейссовского Национального объединения и сидоровской народной партии. Оно хочет открыть дорогу к новому реакционному заговору по образцу декабря 1935 г.». Центральный комитет призвал трудовой народ к бдительности: «Оборона республики от Гитлера подвергается опасности. Реакционно-фашистские клики буржуазии всех национальностей упорно отвергают дружественные отношения Чехословакии к Советскому Союзу и Франции, подкапываясь тем самым под устой, на которых основывается безопасность Чехословакии».

Отметив все более широкое распространение в массах идеи единого фронта, Центральный комитет указал, что главной задачей партии остается борьба за единый фронт. Пленум поручил Политбюро начать переговоры с социалистическими партиями о левом правительстве, из которого будут исключены реакционные элементы, «о левом правительстве, которое бы опиралось на Народный фронт, на широкое народное движение, и которое выполнило бы требования самых широких народных слоев относительно обеспечения хлебом и работой, гарантирования демократических прав и свободы, а равным образом и обороны республики»¹.

Компартия усилила борьбу за единый фронт, основу которой составляла защита непосредственных экономических и политических интересов рабочего класса. Призывы коммунистов выражали жизненные интересы трудящихся, указывали, что нужно сделать сегодня же, чтобы отразить наступление капитала и фашизма. Рабочие, безработные и крестьяне сплывались в совместной борьбе и в сотнях и тысячах местных выступлений

¹ «Rudé právo», 1/VII 1936.

осознавали силу своего единства. В ходе бесчисленных сражений, пусть зачастую кратковременных и ограниченных одним населенным пунктом или небольшим районом, но захватывавших новые, все более широкие слои населения, трудовой народ, благодаря терпеливой товарищеской помощи коммунистов, научался распознавать своих классовых врагов — врагов мира, демократии и национальной независимости. Одновременно с этим шел процесс разоблачения противников антифашистского единого фронта, процесс их изоляции от масс.

1936 год стал годом перелома в борьбе трудящихся.

Решающей силой этого народного движения был революционный пролетариат, который под руководством компартии решительно поднялся на борьбу за повышение заработной платы и улучшение условий труда. После спада стачечных боев в 1933—1935 гг. по Чехословакии в 1936 г. вновь прокатилась мощная волна забастовок, охвативших все отрасли народного хозяйства, все края республики, о чем свидетельствуют даже данные официальной статистики¹, приведенные в таблице 10.

Таблица 10*

Годы	Число стачек и локаутов	Число предприятий	Число бастовавших и локаутированных
1932	317	1509	98 956
1933	209	507	32 793
1934	213	443	35 535
1935	219	580	36 831
1936	262	2922	51 617

* «Statistická ročenka», Praha, 1938, str. 225.

При сравнительно небольшом увеличении числа стачек значительно возросло количество участников забастовочного движения и особенно его размах. По официальным (следовательно, преуменьшенным) данным, число участников стачек увеличилось на 40—50% по сравнению с 1934—1935 гг. Примечательно при этом непрерывное нарастание среднего числа участников каждой стачки: 1178 рабочих в 1934 г., 1986 — в 1935 г., 2156 — в 1936 г. Эти данные говорят о неисчерпаемой энергии рабочего класса, о стремительном подъеме его борьбы.

Однако приведенные факты не полностью характеризуют размах стачек. «Принимая во внимание различное упорство стачечной борьбы за разные годы, — указывал В. И. Ленин, — мы получаем тот вывод, что данные о числе стачечников недостаточно еще определяют сравнительные размеры

¹ Статистические учреждения буржуазного государства сознательно искажали, как выше уже отмечалось, все данные, касающиеся положения и борьбы рабочего класса. Это надо иметь в виду и в отношении данных о стачках. Официальная статистика преуменьшала число стачек, их участников, забастовочных дней и т. п. Кроме того, в расчет не принимались политические забастовки, стачки-демонстрации, стачки протеста и т. д. Насколько это искажало действительность, говорит такой пример: в официальных данных указывалось 219 стачек в 1935 г. и 262 стачки в 1936 г., в то время как их было по меньшей мере 253 и 291 (см. «Мировое хозяйство и мировая политика», 1937, № 6, стр. 116). Поэтому данные официальной статистики могут дать лишь некоторое, весьма приблизительное представление о направлении развития забастовочной борьбы рабочего класса за свои экономические требования.

движения за разные годы. Точным определителем служит число забастовочных поденщин...»¹. Соответствующие данные о стачках и локаутах в Чехословакии за 1933—1936 гг. показывает таблица 11.

Таблица 11*

Годы	Рабочие дни
1933	265 136
1934	250 895
1935	434 895
1936	585 085

* «Statistická ročenka»,
Praha, 1938, str. 225.

Таким образом точно определенные размеры движения в 1936 г. превысили размеры забастовочного движения за первые два года депрессии особого рода (1933—1934 гг.) вместе взятые и больше чем на треть превзошли размеры движения за 1935 г.

Мощный подъем рабочего движения неоспорим. Чехословацкий пролетариат, руководимый Коммунистической партией, усилил свой напор на капиталистов. 1936 год отличается от предшествующих трех лет резким сокращением процента стачек, оканчивавшихся поражением рабочих (табл. 12).

Таблица 12*

Результаты стачек и локаутов
(% числа рабочих дней в стачках и локаутах)

	1929 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.
В пользу рабочих	1,2	2,6	9,5	10,9	5,8
Взаимные уступки (компромисс) . .	36,6	75,6	61,2	46,8	89,8
В пользу хозяев	62,2	21,8	29,3	42,3	4,4

* «Zprávy statního úřadu statistického, řoěn, XIX, č. 90—95.

Обращает внимание резкое снижение поражений рабочих в 1936 г. по сравнению с 1935 г. Абсолютное большинство стачек и локаутов в 1936 г. закончилось полной или частичной победой рабочих над предпринимателями.

Успешность стачек объяснялась прежде всего тем, что на местах все чаще устанавливался единый фронт между низовыми организациями коммунистической, социал-демократической и национально-социалистической партий и руководимых этими партиями профсоюзов.

Однако боевое единство действий бастующих рабочих еще не стало повсеместным явлением. Именно поэтому борьба очень редко завершалась полной победой. Характерной чертой рабочего движения 1936 г. было необычайно высокое число компромиссов: стачки и локауты, окончившиеся взаимными уступками рабочих и хозяев, составили (по числу рабочих дней) почти 90% всех конфликтов. Решительной победой рабочих закан-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 373.

чивались, как правило, стачки, которые проходили под знаком единого фронта, обеспеченного благодаря руководству и влиянию красных профсоюзов. Лишь красные профсоюзы (Объединение производственных профессиональных союзов) и некоторые самостоятельные профсоюзы, не входившие в какой-либо профцентр, последовательно осуществляли тактику классовой борьбы. Но такие профсоюзы не объединяли и десятой части организованных рабочих и служащих.

Профессиональные союзы Чехословакии насчитывали в конце 1936 г. свыше 2,2 млн. членов¹, т. е. объединяли около половины всех рабочих и служащих страны. При всем этом в рядах чехословацких тружеников существовал глубокий раскол, старательно поддерживаемый эксплуататорскими классами и их право-социалистической агентурой. Помимо того, что свои собственные, обособленные профсоюзы создавались каждой политической партией, профессиональное движение дробилось еще по национальному, религиозному и иным признакам. В 1937 г. существовало 18 профсоюзных центров, объединявших 465 профсоюзов, и 224 так называемых самостоятельных профсоюза, не входивших в профцентры. В конце концов получалось, что на один профсоюз рабочих приходился в среднем 7201 член и на один профсоюз служащих — 1993 члена². «В результате такой раздробленности, — указывал Антонин Запотоцкий, — профсоюзное движение, несмотря на свою численность и силу, было сравнительно мало-значительным экономическим и общественным фактором»³.

Свыше половины членов почти 700 профсоюзов Чехословакии объединяли четыре профцентра: Чехословацкое профсоюзное товарищество (чешская социал-демократическая партия), примыкавшая к нему Либерецкая профсоюзная комиссия (немецкая социал-демократическая партия), Чехословацкая рабочая община (чешская национально-социалистическая партия) и Производственные профессиональные союзы, или красные профсоюзы (коммунистическая партия Чехословакии)⁴.

Коренные интересы рабочего класса, всего трудового народа Чехословакии повелительно требовали объединения этих четырех профцентров, а также всех остальных нефашистских профсоюзов. Раздробленность профессионального движения ослабляла силы пролетариата и делала невозможным разрешение таких неотложных экономических требований трудящихся, как принятие действенных мер помощи безработным, повышение заработной платы, снижение цен, улучшение охраны труда и т. п. Растущая угроза фашизма внутри страны и опасность гитлеровской агрессии

¹ Statistická ročenka, Praha, 1938, str. 242.

² Zprávy státního úřadu statistického, ročn. XIX, č. 9—12.

³ Antonín Zápotocký. Nová odborová politika, Praha, 1949, str. 162.

⁴ Основные данные об этих четырех профцентрах (по состоянию на конец 1936 г.) таковы («Statistická ročenka», Praha, 1938, str. 242):

		Все профсоюзы Чехословакии	Чехословацкое профсоюзное товарищество	Либерецкая профсоюзная комиссия	Чехословацкая рабочая община	Производственные профсоюзы
Число профсоюзов	рабочих	191	34	11	29	0
	служащих	508	19	6	36	2
Число членов (в тыс.)	рабочих	1241,1	329,6	145,0	177,1	146,3
	служащих	978,0	159,8	53,0	159,7	6,0

извне делали необходимым сплочение всех антифашистских сил в единый народный фронт, а это было невозможно без ликвидации раскола в рядах самого рабочего класса. «В свете этой угрозы,— указывал Антонин Запотоцкий,— задача ликвидации раздробленности профсоюзов и объединения антифашистских сил стала не только животрепещущей, но прямо жизненной задачей рабочего класса в Чехословакии»¹.

Единственной партией Чехословакии, борющейся за единые профсоюзы, была коммунистическая партия. В решениях VII съезда КПЧ было подчеркнуто, что коммунисты стоят за объединение всех профсоюзных организаций на основе борьбы против капитала и фашизма и на основе внутрив профсоюзной демократии. Состоявшиеся в мае 1936 г. съезды Производственных союзов металлистов и горнорабочих, а за ними все остальные красные профессиональные союзы обратились к профсоюзам, входившим в реформистские центры, с предложением без отлагательства приступить к созданию единых профсоюзных организаций.

Реформистские лидеры, превратившие руководимые ими профсоюзы в орудие политики соглашательства с буржуазией и предательства интересов пролетариата, отвергли предложения красных профессиональных союзов. Но эти предложения были горячо одобрены и поддержаны сотнями обще-заводских собраний, завкомов, митингов рабочих, конференций представителей различных профессиональных организаций. Состоявшаяся 24 января 1937 г. в Праге конференция 37 заводских комитетов единодушно приняла решение «призвать социалистические профсоюзные центры, чтобы они немедленно начали переговоры о слиянии, созвали на всех предприятиях общие собрания рабочих и собрания членов профгрупп для обсуждения вопроса о единстве профсоюзов»². К началу февраля 1937 г. в стране состоялось 36 конференций, подобных конференции пражских завкомов, на которых рабочие — коммунисты, социал-демократы, национальные социалисты и беспартийные решительно поддержали идею единства профессионального движения.

6 февраля в Праге открылся VI съезд Производственных профсоюзов, созданный по решению Центрального комитета коммунистической партии Чехословакии. Съезд обсудил вопрос о единстве профдвижения. С докладом на съезде выступил генеральный секретарь красных (производственных) профсоюзов Антонин Запотоцкий, испытанный деятель рабочего движения, один из основателей коммунистической партии Чехословакии.

«Вопрос об объединении профсоюзов,— указал в докладе Антонин Запотоцкий,— является главным и единственным пунктом программы нашего общепрофсоюзного съезда»³. Показав огромное значение единых профсоюзов для борьбы за экономические и политические требования пролетариата, для защиты трудового народа и республики от фашизма, докладчик подчеркнул, что великую идею объединения профсоюзного движения поддерживает и горячо отстаивает лишь коммунистическая партия, и от имени съезда выразил профсоюзную благодарность руководству партии, ее прессе и всем ее организациям.

«Рабочий класс требует объединения профсоюзов,— заявил Антонин Запотоцкий.— Для нас, членов красных профсоюзов, интересы рабочего класса всегда были приказом. Мы не были бы членами красных профсоюзов, мы изменили бы своему доброму рабочему долгу, если бы в этот

¹ Antonín Zápotocký. *Boj o jednotu odborů*, str. 302.

² «*Rudé právo*», 26/I 1937.

³ Antonín Zápotocký. *Boj o jednotu odborů*, str. 298.

момент, хотя бы лишь, на мгновение, действуя из каких-либо доводов престижа, мы заколебались. Нужно идти вперед, и мы пойдем вперед!»¹

VI съезд красных профсоюзов потребовал без промедления принять действенные меры к объединению всех нефашистских профцентров и профсоюзов, ликвидировать раскол рабочего движения, создать единые профсоюзы, объединяющие на основе пролетарского интернационализма трудящихся всех национальностей Чехословакии. Съезд решил для ускорения объединения всех профцентров начать дело со вступления красных профсоюзов в Чехословацкое профсоюзное товарищество.

В единодушно принятом решении съезда говорилось:

«а) Общий съезд производственных профессиональных союзов выражает желание Объединения производственных союзов вступить в Чехословацкое профсоюзное товарищество на основе устава этого профсоюзного объединения.

б) Общий съезд производственных профсоюзов поручает вновь избранному руководству Объединения производственных союзов начать с Чехословацким профсоюзным товариществом переговоры об условиях такого вступления и практически осуществить объединение на условиях, о которых будет достигнута договоренность. Чехословацкое профсоюзное товарищество, как самое большое профсоюзное объединение, может и должно стать центром объединения всех нефашистских профсоюзных организаций в Чехословакии.

в) Общий съезд производственных профсоюзов одновременно предлагает Чехословацкой профсоюзной общине и Центральной профсоюзной комиссии немецкого профсоюза, чтобы и они начали переговоры с Чехословацким профсоюзным товариществом об объединении с этим профсоюзным центром»².

Выражая непреклонную волю и решимость съезда осуществить это историческое решение, Антонин Запотоцкий заявил в своей заключительной речи: «Мы — оптимисты, мы верим в будущность рабочего класса, а поэтому верим также в объединение профсоюзов. Расходясь с этого нынешнего съезда, мы единодушно поклянемся, что приложим все силы к тому, чтобы следующий раз мы собрались на общий съезд объединенных профсоюзов»³.

Обуржуазившиеся лидеры реформистских профцентров, выполняя волю крупного капитала, отвергли предложения VI съезда красных профсоюзов. Этим они вызвали гнев и возмущение рабочих масс, которые горячо поддерживали идею пролетарского единства. Ряд профессиональных союзов осуществил объединение с красными профсоюзами. Созданный в апреле 1937 г. единый профсоюз шоферов реально продемонстрировал, какими большими силами обладают объединенные профсоюзы. В течение полугода этот профсоюз добился заключения такого количества коллективных договоров, которого не могли заключить вошедшие в его состав союзы за пять предшествующих лет. За полгода заработная плата членов союза поднялась в среднем на 20%, а число членов увеличилось на треть.

Под руководством компартии красные профсоюзы подняли пролетариат на решительную борьбу против предпринимателей и фашизма. 1937 год отмечен дальнейшим ростом рабочего движения, что ярко проявилось в усилении забастовочной борьбы. По сравнению с предшествующим годом

¹ Antonín Zápotocký. *Boj o jednotu odborů*, str. 308.

² Цит. по книге: Antonín Zápotocký. *Boj o jednotu odborů*, str. 309.

³ Там же, стр. 328.

число стачек возросло, только по официальным данным, с 262 до 438. Забастовки охватили около 8000 предприятий в различных отраслях народного хозяйства¹. Значительно увеличилась масса рабочих, участвовавших в движении. Число стачечников и локаутированных поднялось до 112 644 человек, достигнув наивысшего уровня за последние десять лет. О размахе движения свидетельствует резкое увеличение суммы забастовочных поденщин, составившей в 1937 г. 1 058 767 дней. Борьба рабочих была проникнута высоким наступательным духом: 85% требований, касающихся заработной платы, предусматривали ее повышение. Борьба приобретала все большую ожесточенность и упорство, что привело к сокращению случаев компромиссов с 90% в 1936 г. до 70% в 1937 г. Резко возрос процент полной победы рабочих над предпринимателями (с 5,8 до 24,3%)².

Стачки 1937 г. в Чехословакии полностью подтвердили вывод В. И. Ленина, сделанный на основании изучения статистики стачек в России, — вывод о том, что «максимальная сила движения означает и максимальный успех рабочих»³.

Идея единого фронта, овладевая широкими массами трудящихся, превращалась в могучую материальную силу, оказывавшую все большее воздействие на всю обстановку в стране.

Коммунистическая партия Чехословакии активнее и успешнее стала проводить работу в деревне. В конце 1935 г. компартией была разработана и издана «Программа спасения мелкокрестьянского и сельского народа в ЧСР». В программе рассказывалось о врагах трудового крестьянства — финансовой олигархии и аграрных магнатах, разоблачались методы, при помощи которых промышленные монополии, аграрные кооперативы и бесчисленные картели (сахарный синдикат, хлебная монополия и др.) грабят трудящихся деревни и города и обогащаются на их нищете, голоде и разорении. На фактах, взятых из повседневной жизни, программа показывала, что у пролетариата и трудового крестьянства — общий враг, общий угнетатель — финансовая олигархия и аграрные магнаты, одолеть которых может лишь рабоче-крестьянский союз.

«Программа спасения» указывала крестьянству на то, что нужно принять для улучшения положения в деревне. Компартия требовала, чтобы немедленно было запрещено взыскание недоимок с мелких налогоплательщиков, объявлен мораторий по долгам до конца 1937 г., списана вся задолженность по налогам с мелких налогоплательщиков, а у богатых и миллионеров — безоговорочно взысканы все недоимки. Наряду с этими мероприятиями, которые можно и нужно было провести без промедлений, компартия потребовала подготовки новой налоговой реформы, основанной на освобождении от налогов всех трудящихся, получающих менее 10 000 крон в год, и введении прогрессивного налогообложения с таким расчетом, чтобы все основные налоги были возложены на миллионеров и миллиардеров.

Кроме того, компартия требовала введения двойных цен на зерно, скупаемое хлебной монополией, — сохранения существующих покупных цен для трудящихся крестьян, продававших не более 100 центнеров зерна в год, и снижения цен на зерно, поступавшее от кулацких и помещичьих хозяйств (для категории, продающей от 100 до 200 центнеров, — на 20%, для категорий, продающих свыше 200 центнеров, — на 40%). Двойные

¹ «Zprávy státního úřadu státníckého», řoční XIX, ř. 90—95.

² Там же.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 384.

цены, предусматривавшие уменьшение расходов на помещичье и кулацкое зерно, которое составляло основную массу товарной продукции сельского хозяйства Чехословакии, позволили бы значительно снизить продажные цены на зерно, муку и хлеб, что отвечало насущным потребностям трудовых слоев населения как в городе, так и в деревне.

Осуществление всех требований, заключенных в «Программе спасения» и законопроектах, вносимых компартией, значительно повысило бы материальное благосостояние трудящихся Чехословакии, хотя и не затрагивало основ капиталистического строя, и потому, естественно, не избавляло крестьянство от эксплуатации капиталистов, помещиков и кулаков. В самой «Программе спасения» заявлялось: «Это еще не программа спасения крестьянского люда навсегда и на вечные времена. Это не программа рабоче-крестьянского правительства, за которую борются коммунисты.

Но это программа самых неотложных мероприятий и требований, которые за последние годы деревня написала на своем знамени. Это план минимальных требований, которые можно и нужно в нынешних условиях выполнить и осуществить немедленно. Новая радостная жизнь трудовой деревни, новая жизнь и радостные перспективы крестьянской молодежи откроются лишь в мире без господ, без господства крупного капитала, без существования помещичьей собственности на землю»¹.

Компартия открыто заявляла, что она не обладает сейчас необходимой силой, чтобы осуществить «Программу спасения». Но этой силой обладали сами земледельцы и их организации — аграрные «Домовины», организации «Республиканской молодежи» при аграрной партии, сильные и многочисленные организации крестьян, руководимые народной и социалистическими партиями. «Силу, необходимую для проведения и осуществления этой программы, — заявляли коммунисты, — не имеете ни вы без нас, ни мы без вас. Этой силы и мощи нет у земледельческого люда, расколотого на десятки организаций и партий, взаимно отвергающих друг друга, но ею обладает земледельческий люд и его организации, совместно выступающие и общими усилиями проводящие свои требования»².

Призыв к единому фронту в борьбе за требования, имеющие жизненное значение для широких крестьянских масс, получил живой отклик в чехословацкой деревне, где коммунисты провели сотни митингов и собраний, на которых разъяснялась «Программа спасения». Терпеливая агитационная работа коммунистов, их товарищеская политическая помощь крестьянам давала свои результаты. Преодолевая сомнения и колебания, освобождаясь от насаждавшихся десятилетиями предрассудков и недоверия к городским рабочим, проникаясь убеждением в необходимости тесного союза с промышленным пролетариатом, трудовое крестьянство поднималось на борьбу против аграриев.

Начиная особенно с 1936 г., быстро развиваются оппозиционные настроения в организациях «Домовин» и «Республиканской молодежи» — основной массовой базе аграрной партии. Члены низовых организаций аграрной партии стали открыто выступать против своего партийного руководства, проводящего политику помещиков и картелей. Осудив реакционно-фашистскую политику клики Стоупала — Годжи, члены многих «Домовин» потребовали принятия предложений компартии.

Накануне съезда аграрной партии, состоявшегося в январе — феврале 1936 г., против политики реакционного руководства высказываются окруж-

¹ «Program záchrany malozemědělského a selského lidu v CSR», Praha, str. 20—21.

² Там же, стр. 22.

ные конференции «Домовин» в округах Железнодорожном, Милевском, Моравско-Будейовицком и др. Конференция членов аграрных «Домовин», например, округа Сланы, в своей резолюции резко осудила политику, проводимую помещичье-капиталистическим крылом аграрной партии, и потребовала от своих представителей в парламенте, чтобы они совместно с депутатами от рабочих решительно боролись против этой политики. Резолюция конференции заканчивалась словами: «Мы с воодушевлением приветствуем нашего союзника — Советский Союз, который со своей Красной Армией готов придти нам на помощь в борьбе против фашистского врага. Мы требуем самой тесной дружбы с Советским Союзом!

Мы отвергаем нынешнюю политику, проводимую в интересах крупных помещиков и крупных капиталистов. Покончить с обременением бедноты! Пусть платят богатые!»¹

Оппозиционное движение в низовых организациях аграрной партии было столь велико, что ее напуганные руководители распорядились делегатов на съезд не избирать, а назначать. Вначале это распоряжение касалось только Словакии и Закарпатской Украины, но вскоре, после конференций, подобных в округе Сланы, оно было распространено и на многие чешские области.

На самом съезде, среди делегатов которого на 1500—1600 помещиков, збыткарей, партийных чиновников, депутатов, сенаторов и министров приходилось едва 150 действительных избранников крестьянства, было принято решение, лишившее «Домовины» политических прав. «Домовины» были превращены в бесправные организации, не имеющие собственного политического руководства и отданные под команду помещиков, которые удерживали руководство всеми партийными организациями пресловутой «Республиканской партии мелкокрестьянского люда». Произвол реакционных вожakov в подготовке и проведении съезда, их отказ обсуждать волновавшие крестьянство вопросы (о ликвидации задолженности, новой аграрной реформе и т. п.), призывы к «сотрудничеству между земледелием и промышленностью» (т. е. между Бераном и Прейссом), фашизация внутрипартийного режима, проявившаяся в лишении политических прав «Домовин», — все это вызвало еще более острое недовольство и возмущение в чехословацкой деревне.

Оппозиционное движение внутри аграрной партии приобретало все более широкий размах, захватывая многие округа страны. Со всех краев республики в центральное руководство аграрной партии поступали сотни резолюций протеста от низовых организаций. Партийные лидеры ограждали свои собрания от представителей оппозиции, прибегая к помощи жандармерии и фашистских вооруженных отрядов «Сельской кавалерии».

Несмотря на все меры предосторожности, принимаемые аграриями, им теперь далеко не всегда удавалось проводить свои решения на собраниях низовых организаций.

Так, например, на окружном собрании аграрной партии в Новом Страшени представители оппозиции в «Домовинах» подвергли бывшего премьера Малипетра — докладчика от центрального руководства — такой сокрушительной критике, что он не отважился выступить с заключительным словом. Когда взбешенный окружной секретарь Торн бросил самое «страшное», по его мнению, обвинение в адрес оппозиции, назвав ее «большевистской ячейкой», поднялись все члены «Домовины» и, размахивая партийными удостоверениями, заявили: «Мы большевика еще не ви-

¹ «Rudé právo», 7/1 1936.

дели. Но если коммунисты говорят то же, что и мы, то они — порядочные люди, и мы обратимся к ним за помощью, коль скоро Малипетр и вы идете вместе со збыткаржами против нас, домовинаржей»¹.

После длительных споров о том, «являются ли «Домовины» партией мелкого крестьянства или партией картелей и помещиков, в Мораве собралось совещание представителей «Домовин» и других низовых организаций аграрной партии от нескольких округов. Совещание представителей низовых организаций аграрной партии заявило: «Или выйдут из аграрной партии все монополисты, помещики и збыткаржи, или ее покинут подлинные земледельцы. Двум господам нельзя служить»².

Представление о размерах оппозиционного движения низов против реакционного руководства аграрной партии дает сам факт созыва в Праге конференции оппозиции, в работе которой участвовали представители 19 округов. Конференция обратилась с манифестом ко всем «Домовинам» и другим крестьянским организациям аграриев, в котором резко осудила фашистские планы заправил аграрной партии, их союз с Генлейном, потребовала передела земли, действительного освобождения крестьянства от долгов и т. п. и высказалась за объединение всех крестьянских организаций, за союз с рабочим классом.

Под давлением массового крестьянского движения, возглавленного коммунистами, правительство принуждено было продлить запрет на продажу с торгов имущества тех крестьян, которые задолжали своим кредиторам.

Наибольшую популярность в чехословацкой деревне завоевал лозунг новой аграрной реформы, активно пропагандируемый коммунистической партией. Он охватил с молниеносной быстротой широчайшие массы крестьянства и снискал компартии величайший авторитет. «Нового передела всех поместий размером свыше 50 га» требовали все «Домовины», молодежные и иные организации аграриев, беспартийные бедняки и середняки. Показательна в этом отношении резолюция, принятая в деревне Носислави (на Zidlochovicku). Эту резолюцию, подписанную всеми жителями, кроме кулаков, собрание направило правительству, парламенту и газетам. «Мы требуем, — заявляло население Носислави, — чтобы передел был проведен в размере, удовлетворяющем потребности в земле всех безработных, мелких крестьян, имеющих до 6 гектаров земли, домкаржей и мелких ремесленников согласно числу членов семей». Под резолюцией стояли подписи представителей компартии, социал-демократической и национально-социалистической партий, их крестьянских и профсоюзных организаций, а также ряда других союзов, в том числе и католических³.

В чехословацких деревнях создавались комитеты Народного фронта по проведению передела помещичьей земли, которые возглавили движение и разработали конкретные планы раздела земли. К осени оппозиционное движение вслед за «Домовинами» и «Республиканской молодежью» охватило организации хмелеводов, свекловодов и другие крестьянские союзы, руководимые аграрной партией. Крестьяне изгоняли реакционеров из руководящих органов и выдвигали к руководству своих представителей, которым дали наказ стойко бороться за требования трудового народа.

Жупные секретари⁴ аграрной партии с тревогой писали Берану: ««Домовины», молодежь и организации свекловодов ускользают из наших рук.

¹ «Rudé právo», 29/III 1936.

² Там же, 20/X 1936.

³ Там же, 7/VI 1936.

⁴ Жупный секретарь — руководитель жупной организации, объединявшей несколько окружных организаций аграрной партии.

В них начинают преобладать речи о новой земельной реформе, о новом переделе и наших «остаточных» (збытковых) имений, ими овладевает антипомещичий и антикартельный дух, весьма близкий коммунистической земледельческой программе. Коммунисты не ведут наступления против всей нашей партии, а охотно подают руку всем, кто идет против картелей, против помещиков, против фашизма, и кто выступает против политики Враного и остальных, которые поистине грозят развалить всю нашу партию». Пять жупных секретарей в письмах председателю аграрной партии Берану с отчаянием заявляли: «Или из нашей партии будут исключены Враны, Стоупал, Каганек и К°, или под давлением всех лояльных и демократически настроенных членов, а также высших функционеров «Домовин», молодежных организаций и республиканской партии, мы заявим, что уходим со своих постов»¹.

Падение влияния аграрной партии в крестьянских массах нашло свое отражение и в итогах общинных выборов, происходивших в 1936 г. В июне аграрная партия выставила своих кандидатов в 235 общинах. В 203 из них аграрии потерпели серьезное поражение, причем в ряде мест они потеряли до половины голосов. Декабрьские муниципальные выборы также подтвердили факт падения авторитета аграриев в деревне. Некоторое увеличение числа голосов, поданных за аграрных кандидатов, наблюдалось в городах — за счет фабрикантов и бюрократии. Работа коммунистической партии среди крестьянства, борьба за рабоче-крестьянский союз имели огромное значение для судеб Чехословакии, ибо она подрывала массовую базу аграрной партии, являвшуюся средоточием всех реакционно-фашистских сил страны.

Большое внимание коммунистическая партия уделяла национальному вопросу. Единственная из всех политических партий Чехословакии, она потребовала демократического равноправия всех наций, населяющих республику, и неустанно подчеркивала, что демократическое решение национального вопроса, наряду с исполнением социальных требований трудового народа, имеет жизненное и решающее значение для судеб Чехословакии.

В ноябре 1936 г. коммунистическая партия обратилась к правительству с меморандумом по вопросу о положении в немецких областях. «Немецкая область республики, — говорилось в меморандуме ЦК КПЧ, — уже ныне превратилась в плацдарм германского гитлеровского империализма, наступающего на Чехословакию. Возможно, что уже завтра эта область станет ареной вооруженного путча гитлеровских агентов или даже исходным пунктом военного нападения на Чехословакию. Благодаря такому положению вещей, отношение немецкого населения к республике и к защите республики приобретает исключительно важное значение для судеб Чехословакии»².

ЦК КПЧ потребовал от правительства безотлагательного проведения мер, обеспечивающих полное равноправие немецкого национального меньшинства в вопросах языка, образования, культуры и т. п., а также срочной помощи трудящимся в районах текстильной и стекольной промышленности, наиболее пострадавших от кризиса и депрессии.

3 декабря 1936 г. в парламенте коммунистическая фракция от имени ЦК КПЧ провозгласила программу мероприятий, обеспечивающих демократическое равноправие словацкого народа. Эта программа затем была всесторонне разработана конференцией словацкой организации КПЧ (16—17 мая 1937 г.). Конференция одобрила «план экономического, социального и культурного подъема Словакии». Среди положений этого плана огромное значение имели требования индустриализации Словакии и новой,

¹ «Rudé právo», 2/VIII 1936.

² «Rudé právo», 8/XI 1936.

демократической земельной реформы, которая предусматривала передачу трудящимся крестьянам земли, принадлежащей помещичьим хозяйствам свыше 50 га каждое. 6 декабря в главном городе Словакии — Братиславе — состоялась мощная демонстрация трудящихся, в которой участвовало 10 000 словаков, чехов, венгров и немцев. Участники демонстрации выступили с решительной поддержкой требований коммунистической партии, против происков гитлеровской агентуры, против ревизионизма и национализма. Мощное выступление словацкого народа прошло под лозунгами: «Долой ревизию!», «Вместе с Советским Союзом!», «Едиными рядами за республику и демократию!». Это была манифестация под знаменем пролетарского интернационализма, манифестация единства и братства народов Чехословакии против фашизма и гитлеровской агрессии.

10 декабря 1936 г. компартия провела в «Люцерне» огромный митинг пражских рабочих, посвященный борьбе за демократическое равноправие всех наций Чехословацкой республики. На митинге присутствовали представители трудящихся от всех национальностей республики. Выступивший на митинге К. Готвальд заявил: «Настал час очистить правительство от людей, которые ведут тайные переговоры с Генлейном и Гитлером. Настал час создать правительство, которое выполнило бы социальные требования и проведением национального равноправия создало такое положение, при котором Чехословакия, в случае гитлеровского нападения, станет бастионом и при опоре на Советский Союз и его Красную Армию будет не плацдармом фашизма, а могилой Гитлера»¹.

Борьба чешских коммунистов против великодержавного шовинизма буржуазно-помещичьих правящих кругов господствующей чешской нации сочеталась с выступлением словацких, украинских и других коммунистов против национализма и сепаратизма, носителями которых были капиталисты и помещики угнетенных наций Чехословацкой республики. Это была линия, рассчитанная на развертывание борьбы пролетариата и трудящихся всех наций с собственными эксплуататорами, и имевшая целью сплотить трудовые массы всех народов Чехословакии в единый революционный фронт защиты республики от угрозы фашизма и гитлеровского порабощения.

Росла и крепла мощь пролетариата, который под водительством коммунистической партии возглавил широчайшие массы трудящихся в городе и деревне и поднял их на бой за коренные социальные требования, за гражданские права и политические свободы, за демократическое равноправие всех наций республики. Все честные труженики, все подлинные демократы и патриоты сплывались под поднятым коммунистической партией знаменем Единого фронта борьбы за национальную независимость родины.

**КАПИТУЛЯНТСКАЯ ПОЛИТИКА БУРЖУАЗИИ И ПОМЕЩИКОВ ЧЕХОСЛОВАКИИ.
ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ СГОВОР АНГЛИИ, ФРАНЦИИ И США
С ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ ЗА СЧЕТ ЧЕХОСЛОВАКИИ.
БОРЬБА КПЧ ЗА МИР И НАЦИОНАЛЬНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ,
ЗА ДРУЖБУ И НЕРУШИМЫЙ СОЮЗ С СССР**

Смятение и бессильная ярость охватили правителей капиталистической Чехословакии. Буржуазия видела, что при сохранении буржуазно-демократических свобод ей не удержать в узде трудовой народ. В то же время буржуазно-помещичья реакция, на каждом шагу наталкиваясь на расту-

¹ «Rudé právo», 12/XII 1936.

щий отпор народных масс, убеждалась, что она не в состоянии собственными силами установить фашистские порядки в Чехословакии.

«Реакционные империалистические элементы во всем мире, особенно в Англии, в США и Франции, возлагали особые надежды на Германию и Японию и в первую очередь на гитлеровскую Германию, во-первых, как на силу, наиболее способную нанести удар Советскому Союзу с тем, чтобы если не уничтожить, то во всяком случае ослабить его и подорвать его влияние, и, во-вторых, как на силу, способную разгромить рабочее и демократическое движение в самой Германии и во всех странах, являющихся объектом гитлеровской агрессии, и укрепить тем самым общее положение капитализма. В этом состояла одна из главных причин довоенной, так называемой мюнхенской, политики «умиротворения» и поощрения фашистской агрессии, политики, которая последовательно проводилась правящими империалистическими кругами Англии, Франции и США»¹.

Вся чехословацкая буржуазия — от фашиста Прейсса до буржуазного демократа Бенеша — полностью поддерживала политику англо-американо-французской империалистической реакции, которая, вскормив и взрастив гитлеровскую агрессию, стремилась направить ее на Восток, против Советского Союза.

Когда летом 1936 г. началась интервенция Германии и Италии против Испанской республики, по почину англо-французских правящих кругов при одобрении и активном содействии США, Лигой наций была фактически установлена блокада законного республиканского правительства, свободно избранного испанским народом и защищавшего дело демократии в героической борьбе против фашистских мятежников и немецко-итальянских интервентов. Чехословацкое правительство послушно последовало за Англией и Францией, отказавшимися от коллективной безопасности и перешедшими на позиции невмешательства. Пресловутая политика невмешательства означала попустительство агрессии, развязывание войны, превращение ее в мировую войну. Закономерным и неизбежным венцом политики невмешательства, ее «кульминационным пунктом»² (по определению В. М. Молотова) было Мюнхенское соглашение, и изменническая поддержка этой политики правящими кругами Чехословакии была актом национального предательства.

Официальные представители Чехословацкой республики в печальной памяти лондонском Комитете невмешательства неизменно выступали против всех советских предложений, предусматривающих принятие действительных мер пресечения интервенции Гитлера и Муссолини.

Чехословацкое правительство наложило строжайший запрет на продажу вооружения законному правительству Испанской республики и приняло draconовские меры, чтобы воспрепятствовать выезду чехословацких добровольцев, спешивших на помощь испанскому народу, сражавшемуся за интересы всего прогрессивного человечества. В отношении коммунистов, организовывавших отpravку чехословацких добровольцев, министр юстиции социал-демократ Дерер возбудил судебные дела. Но, несмотря на репрессии и запреты, из Чехословакии в Испанию отправилось в первые же месяцы несколько тысяч добровольцев-антифашистов, людей разной партийной принадлежности³. Чехословацкие власти подавляли всякое проявление симпатии к борющейся Испанской республике, разгоняя митинги

¹ А. Жданов. О международном положении. Госполитиздат, 1948, стр. 5—6.

² В. М. Молотов. О международном положении и внешней политике СССР. Госполитиздат, 1939, стр. 4.

³ K. Koneřad, Na prahu války, Praha, 1951, str. 237.

солидарности с испанским народом, запрещая сборы средств в пользу Испанской республики и преследуя их организаторов.

В то же время всем реакционерам и фашистам, выступавшим против испанского республиканского правительства, с которым Чехословакия поддерживала дипломатические отношения, предоставлялась полная свобода клеветнической агитации и действий, вплоть до того, что генлейновцы могли беспрепятственно вербовать ландскнехтов для Франко.

Более того, министерство иностранных дел и иные официальные власти оказывали прямое содействие и всяческую помощь франкистам, приезжавшим в Чехословакию, потворствовали испанским дипломатам, предавшим законное правительство и расхищавшим средства посольства республиканской Испании в Праге. Под покровительством официальных властей франкистские мятежники свили себе гнездо шпионов и провокаторов в замке Меттерниха, в Кинжварте (близ Марианских Лазней), где обосновался бывший испанский король Альфонс. Сюда регулярно поступала секретная корреспонденция от фашистских мятежников, спешили из Бургоса различные курьеры Франко, в числе которых был и франкистский министр авиации, прибывший на английском самолете.

Происки франкистов и попустительство властей вызвали гневное возмущение чехословацкого народа. Община, на территории которой был расположен меттерниховский замок, потребовала немедленной высылки Альфонса. Чехословацкие рабочие и крестьяне покрыли окрестности замка гневными лозунгами: «Вон Альфонса из Чехословакии!», «Долой убийцу рабочих!». Движение приобрело столь грозный характер, что бывший испанский король, несмотря на покровительство официальных властей, счел за благо тайком покинуть страну и бежать в Вену.

Трудовой народ Чехословакии проявил решительную солидарность с испанским народом. Сборы денег и материалов для республиканской Испании происходили по всей Чехословакии вопреки полицейским запрещениям. Широкое движение солидарности с испанским народом возглавляла компартия. Ее вождь К. Готвальд на рабочих митингах и в парламенте неизменно подчеркивал, что «Чехословакия жизненно заинтересована в поражении Гитлера в Испании, ибо в противном случае весьма скоро придет и наша очередь»¹.

1 декабря 1936 г. К. Готвальд с парламентской трибуны заявил: «Мы выражаем волю преобладающего большинства населения Чехословакии и опираемся на решения сотен и сотен резолюций митингов, заводских комитетов, различных организаций рабочих и крестьян, когда требуем от чехословацкого правительства, чтобы: 1. Чехословакия присоединилась к инициативе Советского Союза в испанском вопросе; 2. правительство заявило формальный протест против интервенции Германии и Италии в Испании и против бомбардировки Мадрида; 3. предоставило испанскому правительству все права, которые ему, как легальному и Чехословакией признанному правительству, принадлежат; 4. поддержало требование Испании о созыве чрезвычайной сессии Лиги наций и объявлении Германии и Италии агрессорами; 5. разрешило сборы для Испании и собрания солидарности с Испанской республикой; 6. наконец, мы предлагаем, чтобы чехословацкий парламент принял заявление о симпатии и солидарности с испанскими кортесами, с испанским республиканским правительством и героическими защитниками Мадрида»².

¹ Klement Gottwald, Deset let, str. 60.

² Там же, стр. 63—64.

На основании этих требований компартии выросло могучее антифашистское движение чехословацкого народа, которое, вопреки отказу руководства социал-демократических и национально-социалистической партий от единого фронта, объединило на фабриках и заводах, в учреждениях, учебных заведениях и в деревне широкие массы рабочих, крестьян и передовой интеллигенции.

Полная безнаказанность за кровавые преступления в Испании, явная помощь в черном деле агрессии со стороны англо-американо-французской империалистической реакции вдохновляли Гитлера к новым военным авантюрам. От осторожных переговоров, которые еще в 1935 г. немецкие послы вели в кругу дипломатов в Вене и Будапеште в порядке зондирования почвы насчет раздела и аннексии Чехословакии, гитлеровская Германия приступила к подготовке агрессии против Чехословакии. В 1936 г. руководитель немецко-фашистской разведывательной службы адмирал Канарис отдал приказ о том, чтобы вся шпионская работа была сосредоточена против Чехословакии. Гитлеровская печать начала оголтелую провокационную кампанию, лейтмотивом которой являлись призывы к расправе с чехословацким народом. Бешеные нападки гитлеровской печати имели целью создать погромную обстановку, запугать чехословацкий народ, принудить чехословацкое правительство к быстрейшему денонсированию договора с СССР.

Одновременно гитлеровцы активизировали свою агентуру и в Чехословакии.

Генлейн выехал в длительную заграничную поездку. Он сделал визит в Лондон, куда часто навещался с 1935 г. и где вел переговоры с реакционными английскими кругами, занимавшими прогитлеровскую позицию. Как сообщала английская печать, во время своего посещения Лондона Генлейн потребовал окончательного признания «разделительной границы между чехами и немцами», грозя «более острыми средствами борьбы», и подчеркивая, что не исключено создание такой обстановки, при которой «Германия почувствует моральную обязанность выступить в интересах судетских немцев». Это был план фашистского мятежа и иностранной интервенции по испанскому образцу, что довольно недвусмысленно объяснил английский журнал «Нью стейтсмен энд нейшн»: «В тот момент, когда вспыхнет война и немецкие дивизии из Баварии и Силезии пересекут чехословацкую и австрийскую границу, сразу же автоматически вспыхнут восстания нацистов в Вене, Штирии и Тироле. В Чехии поднимут мятеж генлейновцы, и Чехословацкая республика подвергнется одновременно нападению со стороны Венгрии. Румынские фашисты с помощью двора и армейских кругов начнут сотрудничать с реакционной Антантой в Дунайском бассейне»¹.

При возвращении из Лондона Генлейн остановился в Германии. Здесь он имел свидание с Гитлером и другими главарями германского фашизма, в частности, с руководителем Союза заграничных немцев.

Наглое выступление Генлейна на съезде судето-немецкой партии в Хебе, состоявшемся после его возвращения из Германии, а также ряд документов, появившихся в чехословацкой печати, дают весьма отчетливое представление о существе инструкций Берлина своей агентуре в Чехословакии. В циркулярном письме гитлеровского министерства пропаганды от 7 июля 1936 г., подписанном заместителем Геббельса, генлейновцам предписывалось требовать присоединения к Германии 3,5 млн. немцев, живущих в Чехословакии. В этом же письме открыто заявлялось о намерениях

¹ Цит. по книге J. Sverma. Za socialistickou vlast, str. 197.

гитлеровской Германии насильственно захватить так называемую Судетскую область¹. В другом циркуляре, подписанном Рудольфом Гессом, генлейновцам вменялось в обязанность готовиться к борьбе с чехами и ждать «приказа об ударе»². В своих инструкциях берлинское министерство пропаганды требовало от Генлейна организации всевозможных провокаций с таким расчетом, чтобы вызвать репрессии чехословацких властей против коммунистов; раздуть клеветническую кампанию об угрозе большевизма в Чехословакии; вызывать в судетских районах волнения и беспорядки. Внешняя политика Германской империи, подчеркивалось в этих инструкциях, может добиться чего-нибудь в пользу судетских немцев лишь в том случае, если Европе будут даны доказательства, что Чехословакия действительно является мостом большевизма³.

На Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников стали известны чудовищные провокации, которые готовились гитлеровцами в Чехословакии. Документально установлено, что преступной деятельностью генлейновцев руководило германское посольство в Праге, причём начиная с 1936 г. Генлейн должен был регулярно являться к германскому послу Эйзенлору для получения директив и отчета в проделанной работе. Эйзенлору предстояло сыграть чрезвычайно важную роль в провокации войны между Чехословакией и гитлеровской Германией. В момент, который сочли бы подходящим фашистские поджигатели войны, генлейновцы должны были организовать убийство германского посла в Праге, что послужило бы сигналом к вторжению гитлеровских орд в Чехословацкую республику. По вполне понятным причинам, сам германский посол в Праге был посвящен далеко не во все детали заговора против Чехословакии, подготовленного в логове фашистского зверя — Берлине.

Гитлеровцы практически готовили фашистский мятеж в Чехословакии. Увеличились транспорты оружия, нелегально поставлявшегося в Судеты через германо-чехословацкую границу. Отборные отряды генлейновцев были переброшены на территорию гитлеровской Германии для участия в боевых маневрах эсэсовцев.

Нажим реакции продолжал нарастать.

Аграрии, еще год назад скрывавшие свое сближение и свои переговоры с судето-немецкой партией, в центральном партийном органе «Венков» теперь нагло заявили, что «ведут и будут вести переговоры с Генлейном независимо от того, нравится это или не нравится социалистам и чешскому народу»⁴. «Венков» открыто восхвалял все агрессивные действия Гитлера, лебезил перед германским фашизмом, подвергал ожесточенным нападкам советско-чехословацкий договор о взаимной помощи. В ответ на возмущенные протесты трудящихся, центральное руководство аграрной партии демонстративно одобрило линию «Венкова» и, не останавливаясь на этом, послало своих представителей (Файерабенда, Клиндеру и других) на созванный гитлеровцами в Германии общеимперский съезд фашиствующих помещиков и кулаков. Совершенно открыто выступали за капитуляцию перед Берлином и за установление фашистской диктатуры в Чехословакии чешские и словацкие фашисты. На съезде глинковской партии, происходившем в сентябре 1936 г., присутствовал представитель гитлеровского центрального органа, газеты «Фолькишер беобахтер», выступление кото-

¹ «Rudé právo», 20/XII 1936.

² «Rudé právo», 18/X 1936.

³ Там же, 11/X 1936.

⁴ Там же, 6/VI 1936.

рого прозвучало как директивное указание германского фашизма своей словацкой агентуре. Речь гитлеровца задала тон всему съезду глинковской партии, на котором царил атмосфера нескрываемой вражды к коммунистическому движению, к Советскому Союзу, к независимой и самостоятельной Чехословацкой республике. Один из лидеров партии — Сидор — открыто потребовал капитуляции перед Гитлером и включения Чехословакии в агрессивный блок фашистских держав, возглавляемый Берлином¹.

Вождения чешских фашистов с предельной ясностью и откровенностью высказал Крамарж, матерый представитель крупного монополистического капитала. «Фашизм — неизбежное средство защиты от насилий большевизированного пролетариата», — заявил он в письме съезду Национального объединения². Таковы были установки чешских фашистов в области внутренней политики. Что же касается внешнеполитической программы Национального объединения, то она была сформулирована 22 ноября 1936 г. газетой «Народни листы» в передовой статье, принадлежащей перу того же Крамаржа. Требуя «сближения» с гитлеровской Германией «любой ценой», Крамарж сознавал, что разрыв договора с Советским Союзом означает конец самостоятельности Чехословакии. «При нынешней политике, — писал Крамарж, — Германия могла одолеть нас лишь при условии поражения России»³. Однако, несмотря на это (вернее — именно поэтому), Крамарж желал военного поражения Советского Союза, нетерпеливо ожидая того момента, когда «большевизирующий пролетариат» и весь чехословацкий народ окажутся под гитлеровским иноземным порабощением. Помимо стремления сохранить капиталистическое господство в Чехословакии, Крамаржем руководила надежда, что гитлеровцы позволят чешскому финансовому капиталу принять участие в ограблении и эксплуатации советского народа. Обуреваемый патологической ненавистью к Советскому Союзу, Крамарж не был одинок; банковские воротилы и промышленные магнаты полностью разделяли эти изменнические устремления и тайне от народа делали то, о чем Крамарж позволял себе болтать открыто. Совещаясь с гитлеровским послом в Праге, Прейсс договаривался с ним об условиях, на которых чешские и немецкие капиталисты будут совместно эксплуатировать чехословацкий народ.

Аграрии и чешские фашисты укрепляли сотрудничество, направленное на ликвидацию целостности и суверенитета Чехословацкой республики. Летом 1936 г. Центральный секретариат аграрной партии в директиве, разосланной жупным и окружным комитетам, потребовал от низовых организаций, чтобы их члены не препятствовали Национальному объединению проводить собрания в деревнях, ибо, как подчеркивалось в этой инструкции, аграрной партии в ближайшее время предстоит объединиться с Национальным объединением для совместных действий, чтобы предотвратить создание Народного фронта⁴. О том, как далеко зашло сотрудничество аграрной партии и Национального объединения в борьбе против чехословацкого народа, свидетельствуют совместные боевые маневры ударных военизированных организаций — фашистских «Серых рубашек» и аграрной «Сельской кавалерии», проведенные в ноябре 1936 г. в окрестностях Праги.

Политика сговора с Гитлером в ущерб коренным национальным интересам страны была политикой не только реакционного крыла аграрной

¹ «Rudé právo», 2/IX 1936.

² Там же, 8/IX 1936.

³ Цит. по «Rudé právo», 24/XI 1936.

⁴ «Rudé právo», 2/VIII 1936.

партии и чешских фашистов; ту же политику одобряла и проводила и так называемая левая, демократическая (на словах) буржуазия, в том числе и такой ее лидер, как тогдашний президент республики Э. Бенеш. Однако, в отличие от фашистов и правых аграриев, которые действовали, как это и заведено у махровых реакционеров, открыто, Бенеш показал непревзойденное мастерство закулисного сговора, иезуитски изображая, при совершении черного дела национальной измены, борца за коллективную безопасность и независимость государства.

13 ноября 1936 г. резиденцию президента Чехословацкой республики посетили уполномоченные Гитлера граф Траутсмандорф и доктор Гаусгофер. Они предложили Бенешу заключить между Германией и Чехословакией двустороннее союзническое соглашение, по своему характеру соответствующее германо-польскому договору 1934 г.¹ В своих «Воспоминаниях» Бенеш изображает дело так, будто он отвергал попытки ослабить связи Чехословацкой республики с другими государствами и непоколебимо оставаясь на позиции неделимости мира и коллективной безопасности. Однако сохранившиеся протоколы переговоров Бенеша с представителями Гитлера говорят о другом. В действительности на предложения гитлеровских эмиссаров Бенеш ответил, как это явствует из его собственноручной записки, что он «не против таких переговоров и что приветствовал бы договор между Германией и Чехословакией»². Не были против этих переговоров и «полностью осведомленные» обо всем английские и французские дипломаты.³

Спустя месяц, 18 декабря 1936 г., состоялась вторая встреча Бенеша с Траутсмандорфом и Гаусгофером. На этот раз она продолжалась около семи часов и происходила, как и в первый раз, в весьма дружественной обстановке. Подробному обсуждению подверглись экономические, политические и национальные вопросы, и опять-таки не было обнаружено никаких принципиальных разногласий. Бенеш предложил Траутсмандорфу и Гаусгоферу, чтобы «министерства внутренних дел Германской империи и нашей (Чехословацкой.—С. П.) республики, в том случае, если чехословацко-германское соглашение будет заключено, договорились о сотрудничестве в деле борьбы с пропагандой и деятельностью Коммунистического Интернационала на чехословацкой и германской территориях. Это соглашение о совместных действиях против коммунизма не должно было бы включаться в союзное соглашение, но составило бы лишь его секретное дополнение»⁴. По мысли Бенеша, это тайное соглашение воспроизводило бы аналогичные соглашения Чехословакии с Югославией и Румынией, с которыми, как известно, Чехословакия находилась в весьма тесных союзнических отношениях.⁵

Предупредительность Бенеша в отношении эмиссаров гитлеровской Германии, подготовлявшей агрессию против Чехословацкой республики, поистине не имела предела. «Я предложил,— указывает Бенеш в собственных записках об этой встрече,— что сам подготовил бы текст такого соглашения и послал бы в Берлин»⁶.

¹ «Великая Октябрьская социалистическая революция и наша национальная свобода», М., 1951, стр. 81.

² «Tvorbа», гошп. XX, str. 936.

³ H. Ripka, Munich: Before and after, London, 1939, p. 98.

⁴ Предложение Бенеша дается в изложении Я. Пахты, архивариуса президента Чехословацкой народно-демократической республики. См. «Великая Октябрьская социалистическая революция и наша национальная свобода», стр. 81.

⁵ Там же, стр. 81—82.

⁶ «Tvorbа», гошп. XX, str. 936.

Намечалась новая встреча, но она не состоялась, так как Траутсмандорф и Гаусгофер попросту уклонились от дальнейших переговоров на эту тему. Визит Траутсмандорфа и Гаусгофера к Бенешу и секретные переговоры с ним представляли собой не что иное, как дипломатический зондаж с целью выяснения, могут ли оказаться в среде правящих кругов Чехословакии сколько-нибудь серьезные противники гитлеровской агрессии. Позиция Берана и Прейсса была хорошо известна Берлину и до этого. Выяснилось, что и Бенеш является сторонником не борьбы с гитлеровской Германией, а капитуляции перед ней. Посланцы Гитлера выполнили свою миссию и немедленно прервали переговоры. Всевозможные попытки Бенеша продлить и конкретизировать дальнейшие переговоры с гитлеровскими правителями не привели ни к каким результатам. Гитлер видел, что может захватить Чехословакию полностью, и решил не связывать себя какими-либо обязательствами в отношении сохранения целостности чехословацкого государства.

Не отвергнув открыто предложения Бенеша, гитлеровские эмиссары, уклонившись от переговоров, оставили у чехословацкого президента надежду на достижение соглашения с Германией. Бенеш начал действовать так, как если бы чехословацко-германский договор уже существовал.

Чехословацкие власти усилили слежку за чехословацкими коммунистами и преследование немецких антифашистов-эмигрантов. Показательно, что Чехословацкая республика упорно отказывалась ратифицировать конвенцию о предоставлении убежища антифашистским эмигрантам, принятую Лигой наций. Известно также покровительственное отношение чехословацких властей к троцкистам — передовому отряду международного фашизма.

Как показали состоявшиеся в Москве в 1936—1937 гг. судебные процессы по делу Пятакова, Радека и др., по делу Тухачевского, Якира и др., наконец, процесс по делу Бухарина, Рыкова, Крестинского, Розенгольца и др., — бухаринцы и троцкисты составляли одну общую банду палачей, подпольных убийц и платных агентов империалистических разведок.

«Судебные процессы выяснили, что троцкистско-бухаринские изверги, выполняя волю своих хозяев — иностранных буржуазных разведок, ставили своей целью разрушение партии и советского государства, подрыв обороны страны, облегчение иностранной военной интервенции, подготовку поражения Красной армии, расчленение СССР, отдачу японцам советского Приморья, отдачу полякам советской Белоруссии, отдачу немцам советской Украины, уничтожение заведений рабочих и колхозников, восстановление капиталистического рабства в СССР»¹.

Судебные процессы вместе с тем показали, что Троцкий требовал от своих подручных содействия империалистической экспансии германского фашизма в придунайские и балканские страны, имея в виду прежде всего Чехословакию². В самой Чехословакии троцкисты создали подпольные троцкистские фракции и, развертывая подрывную работу, действовали в тесном контакте с Генлейном, с которым троцкистско-бухаринские реставраторы капитализма установили связи еще в 1935 г.³ В программу антисоветского троцкистского центра входили разрыв дружеских отношений с Чехословацкой республикой, выдача ее на расправу гитлеровской Германии⁴. Насильственное свержение советской власти и восстановление в СССР

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 331—332.

² См. А. Я. Вышинский. Судебные речи. М., 1948, стр. 438.

³ М. Сайерс и А. Кан. Тайная война против Советской России. М., 1947, стр. 240, 357.

⁴ См. А. Я. Вышинский. Судебные речи, стр. 438.

господства буржуазии, оказание всяческой помощи империалистическим планам фашистских агрессоров в нанесении удара против демократии и мира — неразрывно связанные цели бухаринско-троцкистских извергов.

Враги советского народа есть враги народов Чехословакии — таков урок истории, с огромной силой подтвержденный судебными процессами по делу бухаринско-троцкистской банды.

Разоблачение этой банды выродков человечества, как подчеркнул в обвинительной речи А. Я. Вышинский, «имеет огромное значение не только для нашей социалистической революции, оно имеет громадное значение для всего международного пролетариата. Оно имеет громадное значение для дела мира во всем мире. Оно имеет громадное значение для всей человеческой культуры, для борьбы за подлинную демократию и свободу народов, для борьбы со всеми и всякими поджигателями войны, со всеми международными провокациями и провокаторами»¹.

Разгром бухаринско-троцкистского заговора был великой услугой народам Чехословакии, прямой помощью делу борьбы за свободу и независимость Чехословацкой республики.

Однако чехословацкая буржуазия встретила эту помощь в штыки. Буржуазная печать открыла дикую клеветническую кампанию против Советского Союза. Ей вторили социал-демократические и национально-социалистические газеты. Официальные власти не только не чинили никаких препятствий антисоветским клеветникам, но, напротив, стремились помешать распространению в стране правды о московских процессах. В течение одной недели февраля 1937 г. полиция в Праге запретила два митинга, на которых К. Готвальд и З. Неядлы должны были выступить с докладами «Троцкий в союзе с Гитлером».

Лишенный возможности выступить на открытом митинге рабочих столыцы, К. Готвальд 10 февраля сделал доклад на собрании партийных работников пражской коммунистической организации. Доклад Готвальда «Троцкий в союзе с Гитлером» был издан отдельной брошюрой и широко распространен коммунистами среди трудящихся Чехословакии. Говоря о действиях полиции, запрещающей распространять правду о троцкистской банде, К. Готвальд подчеркнул: «Возникает вопрос: кто заинтересован, чтобы в Чехословакии не могла быть сорвана с троцкизма его маска? Кто заинтересован в том, чтобы в Чехословакии троцкизм находился под охраной официальных властей? Кто заинтересован в том, чтобы в Чехословакии нельзя было говорить открыто о троцкистских кознях против Советского Союза, этой самой сильной опоры Чехословакии против опасности гитлеровского фашизма? Кто особо заинтересован в том, чтобы в Чехословакии открыто не говорили о том, что троцкизм в союзе с Гитлером включается в один фронт с теми, кто строит козни против республики, ее независимости, ее существования?»

Совершенно ясно, что не интересами трудового народа, не интересами общественности, не интересами республики продиктовано подобное, прямо невероятное вмешательство»².

Как впоследствии выяснилось, не одна аграрная и крупномонополистическая реакция Чехословакии, лебезившая перед германским фашизмом, была заинтересована в свободе действий троцкистских сообщников Гитлера. Оказалось, что охранителями троцкизма в Чехословакии были и так называемые демократические деятели буржуазии.

¹ См. А. Я. Вышинский, Судебные речи, стр. 474.

² Klement Gottwald, Deset let, str. 88.

Призывая партию к борьбе с троцкизмом, К. Готвальд указывал, что союз троцкизма с Гитлером был направлен одновременно против независимости Чехословакии. «Задачей,— говорил К. Готвальд,— является добиться того, чтобы все, что есть благородного и честного среди трудового народа, шарахалось от троцкизма, как от чумы. Задачей является полностью и до конца изолировать разные группы троцкистов, которые еще действуют на периферии рабочего движения и пытаются повсюду вносить яд разложения. Задачей является, наконец, идеологически и организационно укрепить ряды партии и убедить всех, кто еще до сих пор не имеет достаточно ясного понимания подлинного существа троцкизма с тем, чтобы в партии нигде не осталось ни тени ошибок и неясности»¹.

Актив пражской организации коммунистической партии Чехословакии принял резолюцию, в которой выражалось одобрение приговору, вынесенному Верховным судом СССР троцкистским бандитам и «благодарность большевистской партии Советского Союза за то, что были разгромлены злодейские планы, столь глубоко затрагивающие трудовой народ Чехословакии». «Особенно приветствуем,— заявляли пражские коммунисты,— великого вождя ВКП(б) и всего международного рабочего класса товарища Сталина, под чьим руководством Советский Союз стал мощною силою прогресса и мира, защитою малых народов, товарища Сталина, который указал всем народам путь к социализму». Актив коммунистической организации обратился с призывом к трудовому народу Чехословакии сомкнуться в Народном фронте и тем «положить конец предательским проискам фашистских агентов и их троцкистских союзников в отношении Чехословакии»².

Курс на сговор с фашистским агрессором, проводимый президентом республики Бенешем после переговоров с Траутсмандорфом и Гаусгофером, оживил и усилил подрывную деятельность реакционных аграриев и прошки генлейновцев.

Такая политика Бенеша находилась в полном соответствии с далеко идущими намерениями предательской внутренней реакции и гитлеровской агентуры в Чехословакии. Разница состояла лишь в том, что аграрии и генлейновцы открыто заявляли о тех «деликатнейших» вещах, о которых Бенеш предпочитал доверительно изъясняться на тайных встречах с гитлеровскими эмиссарами.

В начале 1937 г. чехословацкий премьер Годжа в интервью корреспонденту английской консервативной газеты «Морнинг пост» заявил, что «Чехословакия до сих пор руководствовалась принципами коллективной безопасности, но в нынешней ситуации открываются новые и большие возможности»³. Весь тон интервью Годжи говорил о стремлении чехословацкого правительства свести на нет союзнические отношения не только с Советским Союзом, но и с Францией. Центральный орган аграрной партии, газета «Венков» начала разнузданную кампанию за союз с Гитлером. Через несколько месяцев, 5 августа 1937 г., «Венков» в своей передовой заявила, что между Прагой и Берлином действительно ведутся переговоры о заключении конвенции, «может быть, по образцу соглашения (заключенного.— С. П.) с Польшей»⁴.

Действительно, как это подтвердили опубликованные после второй мировой войны документы, в 1937 г. между Прагой и Берлином велись оживленные переговоры, в которых деятельное участие принимал Бенеш. К осени

¹ Klement Gottwald. Deset let, str. 89.

² «Rudé právo», 12/II 1937.

³ Цит. по «Rudé právo», 3/II 1937.

⁴ Цит. по журн. «Мировое хозяйство и мировая политика», 1938, № 1, стр. 93.

1937 г. позиция чехословацких правящих кругов достаточно прояснилась для гитлеровской дипломатии.

Германский посол в Праге Эйзенлор, сообщая о посещении Бенеша и беседе с ним, доносил 10 октября 1937 г. берлинскому министерству иностранных дел, что чехословацкий президент 9 ноября в беседе, длившейся более четырех часов, настойчиво уверял в своей «доброй воле в отношении Германии». Бенеш просил обратить внимание германского посла на тот факт, что еще весной 1936 г. им отдано распоряжение чехословацкой полиции, чтобы она сотрудничала с гестапо в борьбе против антифашистов-эмигрантов. Бенеш заявил при этом: «...Я надеюсь, что этим я дал доказательство, что вообще не поддерживал никаких связей с коммунизмом, а отвергал их самым решительным образом». «Бенеш,— писал далее Эйзенлор,— дал мне честное слово, что, начиная с 1933 г., он никогда не имел связей с этими людьми, не ведет с ними никаких переговоров и никогда не говорил с ними о Германии или против Германии. Его внешняя политика никогда не поддерживала ни одной кампании против нашего режима». Бенеш сетовал на то, что его прислужничество перед немецкой тайной полицией «не было в Берлине оценено»¹.

Руководители чехословацкой дипломатии позаботились одновременно о том, чтобы аналогичные заверения были переданы и непосредственно германскому министерству иностранных дел. 9 октября 1937 г. чехословацкий посол в Берлине посетил Макензена, статс-секретаря германского министерства иностранных дел и, по поручению Бенеша, изложил ему позицию правящих кругов Чехословакии в отношении Советского Союза. Чехословацкий посол счел своим долгом весьма настойчиво подчеркнуть, что «связи между Прагой и Москвой вовсе не так прочны, как об этом обычно думают»², т. е., как, естественно, следовало бы ожидать, имея в виду наличие договора о взаимной помощи между Советским Союзом и Чехословакией. Чехословацкий посол дал понять, таким образом, о нежелании пражского правительства развивать союзнические отношения с Советским Союзом и на деле использовать советскую помощь. Отмечая позицию Бенеша в этом вопросе, уясненную в беседе 9 октября, Макензен писал: «В стремлении выразить желание сотрудничать с нами, он согласился с нашим предложением..., чтобы деятели чехословацкой полиции вступили в контакт с здешними (берлинскими.— С. П.) полицейскими чиновниками в целях проведения мероприятий против коммунизма»³.

Руководители чехословацкого государства позаботились о том, чтобы слова о стремлении к сотрудничеству с гитлеровской Германией отнюдь не расходились с делами. В ноябре 1937 г. два высших чиновника чехословацкой полиции посетили Берлин, где были «дружески встречены». Во время этой встречи было подписано соглашение о сотрудничестве между чехословацкой полицией и гестапо⁴.

5 ноября 1937 г. состоялось секретное совещание высшего командования гитлеровской армии, на котором Гитлер заявил, что настало время осуществления планов агрессии в Европе. Гитлер исходил прежде всего из факта сплочения фашистских держав — Германии, Японии, Италии — в тройственный агрессивный «антикоминтерновский» блок, прикрываемый завесой борьбы против коммунизма, и благоприятной внешнеполитической обста-

¹ «Documents of German foreign policy» 1918—1945, London, 1949, Series D., v. II, Doc. 18, p. 38—44.

² Там же, стр. 36.

³ Там же.

⁴ Там же.

новки, созданной англо-французской политикой потворства фашистским поджигателям войны. Перейдя к конкретной программе насильственной перекройки карты Европы, Гитлер заявил: «Нашей первой целью должен быть одновременный захват Чехословакии и Австрии»¹. «Коль скоро мы в своих расчетах исходим из решимости, что используем насилие, связанное с риском, то нам остается дать ответ лишь на вопрос «когда» и «как»». Главарь берлинских льдоедов требовал, чтобы нападение на Чехословакию было проведено с «молниеносной быстротой»². Что же касается риска, то он не был велик. Гитлер был уверен в безнаказанности, ибо не без основания считал, что «по всей вероятности, Англия, а возможно и Франция, уже молчаливо списали со счетов Чехословакию»³.

Оснований для такой уверенности имелось больше, чем достаточно: англо-французская дипломатия, отказавшись от коллективной безопасности, всей своей политикой «невмешательства» открыто поощряла захватнические стремления гитлеровской Германии, стремясь развязать фашистскую агрессию и направить ее на Восток, против Советского Союза.

Пагубную политику разжигания второй мировой войны, проводившуюся Соединенными Штатами Америки, Англией и Францией в течение всего предвоенного периода, полностью разоблачают секретные документы из архива германского министерства иностранных дел, захваченные советскими войсками в качестве трофеев в Берлине и опубликованные Министерством иностранных дел СССР⁴. Эти документы и материалы бросают свет на то, как тайне от народов правящие круги Англии и Франции, поддерживаемые империалистическими кругами США, сговаривались с Германией и Италией, подготавливая за счет Чехословакии постыдную мюнхенскую сделку, за которой последовало полное уничтожение Чехословацкого государства.

19 ноября 1937 г. Гитлер принял в Оберзальцберге английского министра Галифакса. В самом начале беседы, на которой присутствовал германский министр иностранных дел фон-Нейрат, Галифакс подчеркнул, что он говорит не только от своего имени, но и от имени премьер-министра и министра иностранных дел Англии, которые «абсолютно согласны в определении его цели»⁵. Выражая мнение английского правительства, Галифакс заявил, что «Германия по праву может считаться бастионом запада против большевизма»⁶. Галифакс предложил на этой основе развивать англо-германское сотрудничество с целью достижения соглашения между четырьмя европейскими державами — Англией, Германией, Францией и Италией. Гитлер высказался за английское предложение при условии, что тайный сговор, или, как он высокопарно выразился, «высший разум», «должен привести примерно к таким же результатам, какие были бы произведены действием свободных сил»⁷ (т. е. грабительской, захватнической войной), с удовлетворением прикинув, что «первый путь дешевле второго»⁸.

В ответ на это Галифакс поспешил «еще раз подчеркнуть от имени английского правительства, что не должна исключаться никакая возможность изменения существующего положения, но что изменения надо производить только на основе разумного урегулирования»⁹. В ходе беседы Галифакс

¹ «Nazi conspiracy and aggression», Washington, 1946, v. III, Doc. 386—PS, p. 301.

² Там же, стр. 300.

³ Там же, стр. 302.

⁴ См. «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I и II, М., 1948.

⁵ Там же, т. I, стр. 15.

⁶ Там же, стр. 16.

⁷ Там же, стр. 20.

⁸ Там же, стр. 21.

⁹ Там же, стр. 23.

вновь вернулся к тому же вопросу, высказавшись еще более определенно: «Все остальные вопросы можно характеризовать в том смысле, что они касаются изменений европейского порядка, которые, вероятно, рано или поздно произойдут. К этим вопросам относятся Данциг, Австрия и Чехословакия. Англия заинтересована лишь в том, чтобы эти изменения были произведены путем мирной эволюции...»¹. Гитлер вовсе уклонился от обсуждения вопроса о Данциге, а в отношении Австрии выразил надежду, что с ней он управится без «всяких трудностей» (открытый расчет на использование германо-австрийского договора от 11 июля 1936 г.), и настойчиво твердил о трудностях, встречающихся в «урегулировании» отношений с Чехословакией, требуя, таким образом, от Англии приложения наибольших усилий именно в этом направлении.

Рассчитывая направить германскую агрессию на Восток, против Советского Союза, Галифакс заверил Германию в готовности английского правительства оказать требуемую Берлином поддержку. Таким образом, английское правительство, стремясь разрешить германо-британские империалистические противоречия путем провокации военного столкновения между Германией и СССР, уже в ноябре 1937 г. решило принести в жертву Чехословакию. «Как видно, эта беседа представляла не простой зондаж, прощупывание собеседника, что иногда вызывается политической необходимостью, а сговор, тайное соглашение английского Правительства с Гитлером об удовлетворении захватнических appetitов последнего за счёт третьих стран»². Об исключительном значении, которое придавали гитлеровцы сделке, заключенной в Оберзальцберге, свидетельствует хотя бы тот факт, что о существовании переговоров Галифакса с Гитлером Нейрат сообщил по телеграфу германским послам в Великобритании, Франции, Италии и Соединенных Штатах с тем, чтобы в своей деятельности они исходили из германо-английского соглашения.

Английское правительство в свою очередь поставило в известность о переговорах Галифакса — Гитлера французское правительство.

28—30 ноября 1937 г. в Лондоне состоялась англо-французская конференция. «Конференция была строго секретной. Важнейшим ее результатом явилось англо-французское соглашение о дальнейшем невмешательстве в международные споры и столкновения в Европе. Этим соглашением предпринята была судьба не только Испании, но и Австрии с Чехословакией»³.

Несколькими днями раньше, 23 ноября 1937 г., в Америке произошла встреча гитлеровских дипломатов с представителями подлинных правителей США.

Местом для встречи был избран один из отелей Бостона. С немецкой стороны присутствовали германский генеральный консул в Бостоне Типпельскирх и недавно назначенный генеральный консул Германии в Сан-Франциско Киллингер; с американской — несколько членов конгресса США, руководителей политических организаций и ряда крупнейших монополистических объединений США, издавна связанных с немецкими монополистами и гитлеровской правящей верхушкой Германии (сенатор Артур Вандерберг — известный уже в ту пору своими связями с гитлеровцами, затем ставший председателем сенатской комиссии по иностранным делам; Ламонт Дюпон — один из владельцев концерна «Дюпон»; Альфред Слоун — председатель «Дженерал моторс» и один из председателей наблюдательного совета концерна «Дюпон»).

¹ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 35—36.

² «Фальсификаторы истории (Историческая справка)», стр. 24—26.

³ «История дипломатии», т. III, стр. 608

Как явствует из бостонского меморандума, опубликованного лишь в июле 1942 г., на совещании шла речь о сговоре между гитлеровской Германией и США, целью которого ставился новый передел мира.

Первым на совещании выступил Типпельскирх, начавший свою речь с выражения благодарности монополистическим объединениям и государственным деятелям США за помощь. Как известно, прямая и широкая финансовая поддержка правящих кругов США и Англии помогла Германии поднять ее военно-экономический потенциал, возродить и обновить тяжелую промышленность и военную индустрию, что было первой и важнейшей предпосылкой гитлеровской агрессии. Американские миллиардеры вплоть до начала второй мировой войны продолжали вкладывать свои капиталы в немецкую тяжелую промышленность, помогали гитлеровцам развертывать свою военную промышленность и вооружали, таким образом, германскую агрессию. В свете этих исторических фактов становится понятным вся многозначительность заявления Типпельскирха, сделанного на этом совещании: «Наша страна привыкла смотреть на Соединенные Штаты, как на источник дружеского влияния»¹. «Германия,— подчеркнул он далее,— поэтому намерена предпринять все, доступное человеческим возможностям, чтобы сблизиться непосредственно с финансовыми и промышленными руководителями Соединенных Штатов»².

Однако американско-германские противоречия были столь непримиримы и давали знать о себе в такой мере, что даже в «дружественные» излияния гитлеровского дипломата ворвались признания совсем иного рода: «Вместо сотрудничества в деле открытия колоссальных рынков, Германия и Америка принуждены присоединиться к двум враждующим дипломатическим лагерям»,— уныло констатировал Типпельскирх³.

Говоря о целях внешней политики Германии, Типпельскирх указал, что среди них главным является установление теснейшего германо-американского сотрудничества в интересах совместной борьбы против Советского Союза и империалистических соперников обеих стран. Намечая в качестве объектов агрессии Советский Союз и Китай, гитлеровский дипломат выразил пожелание, чтобы Америка занялась Азией. Отражая противоречия между партнерами по антикоминтерновскому пакту, Типпельскирх добавил, что «создание японской монополии на Дальнем Востоке нежелательно»⁴.

Второй гитлеровский дипломат Киллингер, предварительно расписав успехи германских фашистов в борьбе против коммунизма и пожелав своим собеседникам достигнуть таких же успехов в Америке, в заключение выразил заинтересованность гитлеровской Германии в сотрудничестве «со всеми американскими националистами» и «деловыми лидерами страны»: «Мы будем поддерживать идею таких информационных конференций между соответствующими деловыми и политическими лидерами для разрешения вопросов, имеющих национальное и международное значение и касающихся экономических и, конечно, политических проблем»⁵.

Предложения гитлеровцев энергично поддержал представитель американской монополии «Дженерал моторс», заявивший, что «дальновидные бизнесмены будут приветствовать конференции подобного рода»⁶.

¹ G. Seldes, Facts and fascism. New York, 1943, p. 70.

² Там же, стр. 72.

³ Там же, стр. 71.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 72—73.

⁶ Там же, стр. 73.

Выступления американских участников совещания подытожил представитель концерна «Дюпон» в следующих словах: «Внешняя политика Америки должна быть прежде всего направлена против опасности советизации Дальнего Востока... Пусть сближение с Германией непопулярно, но оно неизбежно... Крайне важно проинформировать об этой первой конференции руководящих и влиятельных хозяйственных и политических деятелей обеих политических партий и убедить их в необходимости обсудить вопрос о сотрудничестве на этой основе»¹. Американские конгрессмены и монополисты, таким образом, выразили одобрение гитлеровским планам, предусматривавшим предоставление свободы действий Германии в Европе и США — в Азии, и обещали оказать германскому фашизму содействие в его агрессивных действиях. Тем самым германо-английский сговор, достигнутый во время беседы Гитлера с Галифаксом и одобренный правящими кругами Франции на англо-французской конференции в Лондоне, получил поддержку и со стороны империалистических кругов США. Эта позиция крупного монополистического капитала предопределила благожелательное отношение государственного департамента США к гитлеровской агрессии в Европе.

Не имея англо-франко-американской поддержки, гитлеровская Германия, бесспорно, не решилась бы на насильственный захват Австрии, Чехословакии и других европейских государств. Заместитель министра иностранных дел Германии Вейзекер совершенно недвусмысленно заявил в меморандуме от 20 декабря 1937 г.: «Мы сами не настолько сильны, чтобы ввязываться в европейский конфликт»².

Анализ документов и материалов, относящихся к дипломатическому сговору Гитлера с Англией, Францией и империалистическими кругами США, с несомненностью свидетельствует о том, что еще за год до Мюнхена, в ноябре 1937 г., Чехословакия была выдана капиталистическими державами на растерзание фашистскому агрессору. Документы и неопровержимые факты раскрывают «действительный смысл дипломатии западных держав в предвоенный период, показывая, какая шла игра судьбами народов, как беззащитно торговали чужими территориями, как втайне перекраивалась карта мира, как подбадривалась гитлеровская агрессия и какие делались усилия, чтобы направить эту агрессию на Восток, против Советского Союза»³.

Сговор Галифакса с Гитлером, одобренный вслед за тем на англо-французской конференции, и бостонское совещание заправил США с гитлеровскими дипломатами были проявлениями этой «пагубной политики, проводившейся Соединенными Штатами Америки, Англией и Францией в течение всего предвоенного периода»⁴.

Прямое попустительство и подталкивание агрессоров со стороны Великобритании и Франции, за спиной которых стояли Соединенные Штаты Америки, усилили происки гитлеровской Германии, направленные на развязывание второй мировой войны.

Гитлеровская Германия форсировала подрывную деятельность против независимости Чехословацкой республики, активизировав свою генлейбовскую и иную агентуру, умножив дипломатические усилия по изоляции и окружению Чехословакии. Особое внимание гитлеровская дипломатия

¹ G. Seldes. Facts and fascism, p. 73—74.

² «Documents of German policy», 1918—1945, Series D, v. I, Doc. 86, p. 147.

³ Фальсификаторы истории (Историческая справка), стр. 23.

⁴ Там же, стр. 20.

уделяла разложению Малой Антанты¹. «Так как Малую Антанту нельзя сломить, нужно попытаться ослабить связи внутри ее», — заявил Гитлер 25 ноября 1937 г. в Берлине на приеме венгерского премьер-министра Дараньи и венгерского министра иностранных дел Канья². Прямой директивой гитлеровским сателлитам звучали слова главаря германских фашистов о том, чтобы «Венгрия не распыляла своих политических усилий в разных направлениях, а направляла бы их лишь по одной линии, а именно на Чехословакию»³. В дальнейшем три фашистских государства — Германия, Италия и Венгрия — стремились добиться того, чтобы «Румыния и Югославия в случае вооруженного конфликта между Венгрией (читай — Германией. — С. П.) и Чехословакией остались нейтральными»⁴.

Угроза чужеземного фашистского порабощения, нависшая над народами Чехословакии, повелительно требовала принятия неотложных мер защиты республики от внешних и внутренних врагов. Единственной партией страны, действительно боровшейся за спасение суверенного Чехословацкого государства, была Коммунистическая партия. Испытанный руководитель компартии Клемент Готвальд в своей речи, произнесенной 30 ноября 1937 г. в Национальном собрании, заявил: «Было время, когда в Чехословакии только коммунисты били тревогу и обращали внимание на то, что там далеко, в Абиссинии, в Испании и в Китае, решается дело, касающееся нас, Чехословакии. Тогда многие нам не верили, или не хотели верить, либо делали вид, что не верят»⁵. Положение резко изменилось. «Политика гитлерофильской группы английских консерваторов, — подчеркнул Клемент Готвальд, — есть политика поощрения агрессора. Гибельность этой политики мы чувствуем особенно именно теперь, когда в Лондоне сговариваются о нас и без нас и когда несколько дней назад о нас и без нас сговаривался с Гитлером достопочтенный лорд Галифакс. Вот вам вопиющий пример того, как фашистского агрессора вознаграждают за счет третьего. И нужно понять, что этим третьим на этот раз становимся мы, становимся Чехословакия»⁶.

Клемент Готвальд прозорливо проник в существо происходившей в это время англо-французской конференции в Лондоне, указав, что французские министры последуют за английскими империалистами и вместе с ними предадут Чехословакию. Готвальд потребовал, чтобы чехословацкое правительство покончило с угодничеством перед западными державами. «У нас в последнее время, — говорил он, — в определенных кругах стало модой ползать прямо на животе перед разными английскими реакционерами-консерваторами. Дело изображается таким образом, что якобы от

¹ 25 марта 1937 г. был подписан «Договор о дружбе» между Италией и Югославией, за которым последовал болгаро-югославский пакт о дружбе. В апреле 1937 г. министр иностранных дел фашистской Польши Бек, выполняя поручение Гитлера, принял поездку в Бухарест и добился согласия румынского правительства на сотрудничество между генеральными штабами обеих стран. Не удивительно, что когда на сессии Постоянного Совета Малой Антанты в Белграде (апрель 1937 г.) был выдвинут проект заключения пакта о взаимной помощи между Чехословакией, Румынией и Югославией, то это предложение чехословацкого правительства было отвергнуто югославским и румынским представителями. Несколько месяцев спустя, в июне, румынское правительство заверило Бека, вновь приехавшего в Бухарест по поручению Гитлера, в том, что Румыния не подпишет пакта о взаимопомощи ни с Чехословакией, ни с Францией.

² «Документы Министерства иностранных дел Германии», вып. 1 — «Германская политика в Венгрии (1937—1942 гг.)», Госполитиздат, 1946, стр. 79.

³ Там же, стр. 23.

⁴ Там же, стр. 82.

⁵ Klement Gottwald, Deset let, str. 102.

⁶ Там же, стр. 104.

доброй воли этих господ зависит судьба Чехословакии»¹. Чехословацкое правительство поддакивает всему, что делают господа галифаксы, а они все вопросы решают так, что «Чехословакия однажды может жестоко полатиться»².

Чтобы спасти Чехословакию от национальной катастрофы, правительство должно, подчеркивала КПЧ, крепить сотрудничество с Советским правительством, «на международной арене всеми силами поддерживать инициативу Советского Союза», советскую политику коллективной безопасности³.

Выступая в поддержку миролюбивой политики Правительства и Коммунистической партии Советского Союза, Клемент Готвальд и руководимая им компартия боролись за единственно правильную внешнюю политику, которая только и могла спасти Чехословацкую республику от гитлеровских агрессоров и их англо-франко-американских пособников.

И. В. Сталин указал на замечательную особенность поддержки, которую Советской стране и ее Коммунистической партии оказывают братские народы и компартии за рубежом. «Особенность этой поддержки,— указал И. В. Сталин,— состоит в том, что всякая поддержка миролюбивых стремлений нашей партии со стороны любой братской партии означает вместе с тем поддержку своего собственного народа в его борьбе за сохранение мира»⁴.

Ведя борьбу за тесную дружбу и искреннее сотрудничество с Советским Союзом, чехословацкие коммунисты оказывали величайшую поддержку прежде всего рабочим и крестьянам Чехословакии, борющимся за мир и независимость своей родины, а потом уже поддерживали и миролюбивые стремления Советского Союза.

«Эта особенность взаимной поддержки,— отмечал И. В. Сталин,— объясняется тем, что интересы нашей партии не только не противоречат, а, наоборот, сливаются с интересами миролюбивых народов. Что же касается Советского Союза, то его интересы вообще неотделимы от дела мира во всем мире»⁵.

Выдающийся деятель международного рабочего движения товарищ Готвальд глубоко осознавал, что любая попытка защищать дело мира и независимость Чехословацкой республики помимо и против Советского Союза неизбежно ведет в лагерь империалистической реакции и гитлеровской агрессии, в лагерь заклятых врагов рабочего класса и всего трудового народа собственной страны. Все свои могучие дарования, всю неисчерпаемую энергию Клемент Готвальд отдавал укреплению и развитию дружбы с Советским государством, видя в этом залог свободы и счастья чехословацкого народа.

Неустанно работая над укреплением сотрудничества между Чехословацкой республикой и Советским Союзом, товарищ Готвальд заботливо относился к «Союзу друзей СССР», стремился превратить его в могучую массовую организацию, охватывающую широчайшие слои населения страны. В беседе с представителями Центрального комитета «Союза друзей СССР», состоявшейся 2 июля 1936 г., Клемент Готвальд сказал: «Значение Союза друзей СССР в Чехословакии все еще не оценено в должной мере. Приобрести друзей Советского Союза значит приобрести сторонни-

¹ Klement Gottwald. Deset let, str. 103—104.

² Там же, стр. 105.

³ Там же.

⁴ И. В. Сталин. Речь на XIX съезде партии, стр. 6—7.

⁵ Там же, стр. 7—8.

ков мира и идеи социализма. Все кто за мир и социализм, должны быть друзьями СССР и членами организации, которая эту дружбу поддерживает среди широчайших слоев народа, укрепляет, углубляет и хранит ее. Политика дружбы и союза с СССР является для Чехословакии — малого государства — гарантией безопасности от немецкого фашизма. Поэтому организация Союза друзей СССР имеет действительно историческое значение»¹. Коммунистическая партия считала «Союз друзей СССР» беспартийной организацией, развертывающей свою работу на основе последовательного демократизма. «Коммунистическая партия, — говорил Клемент Готвальд, — полностью признает суверенность организации Союза и заявляет, что не хочет и не будет вмешиваться в ее решения... Внутрисоюзную демократию мы представляем себе таким образом, что каждый член — разумеется, и коммунист — имеет право выражать свои взгляды и проводить их, однако каждый член должен дисциплинированно подчиняться решениям большинства»². Большую и плодотворную работу в «Союзе друзей СССР» провел выдающийся чешский ученый Эденек Неедлы, который был одновременно руководителем «Общества культурных и экономических связей с СССР». Оба общества несли правду о Советском Союзе в широкие массы чехословацкого народа, выступая деятельными поборниками нерушимой чехословацко-советской дружбы.

Деятельность «Союза друзей СССР» и «Общества культурных и экономических связей с СССР» вызывала злобу и ненависть врагов чехословацкого народа, особенно фашистов всех национальностей. Вполне закономерно и то, что империалистическая агентура в рабочем движении всячески стремилась противодействовать укреплению дружбы между народами Чехословакии и Советского Союза. Руководство социал-демократических и чешской национально-социалистической партий в конце концов пало так низко, что в 1936 г. приняло позорное решение о запрещении своим членам вступать в «Союз друзей СССР»³. Явные враги чехословацкого народа с одобрением восприняли это позорное постановление. Но все эти вражеские происки не могли остановить рост авторитета и влияния «Союза друзей СССР». Глубокая любовь чехословацкого народа к могучей социалистической державе неискоренима; она проявилась и в быстром росте рядов «Союза друзей СССР», число членов которого за один 1936 г. увеличилось в два раза⁴.

Глубочайший отклик среди чехословацкого народа получила Конституция СССР, принятая в 1936 г. Чрезвычайным VIII Всесоюзным съездом советов. В новой, социалистической Конституции Советского Союза чехословацкие трудящиеся увидели документ, выражающий мечты и чаяния миллионов честных людей, всего передового и прогрессивного человечества. Коммунистическая партия Чехословакии провела широкую разъяснительную работу среди тружеников города и деревни, всего населения страны. Со дня опубликования проекта новой Конституции Советского Союза коммунисты провели сотни собраний и митингов, в которых самое деятельное участие принимал лично Клемент Готвальд. Коммунистические газеты и журналы в течение многих месяцев непрерывно публиковали резолюции массовых собраний, письма трудящихся, статьи выдающихся деятелей науки и культуры Эденека Неедлы, Станислава Костки Неймана, Карла Чапека и многих других, в которых выражалось горячее одобрение и восхи-

¹ «Rudé právo», 11/VII 1951.

² Там же.

³ См. «Rudé právo», 1/IV 1936.

⁴ «Rudé právo», 1/XII 1936.

шение Конституцией СССР — «самой демократической конституцией мира». Думы чехословацких трудящихся выразил Центральный Комитет КПЧ, заявивший в письме И. В. Сталину: «Мы видим в новой конституции могучее оружие в нашей битве против фашистского варварства, за демократические права и за мир»¹.

Международное значение новой Конституции едва ли может быть переоценено. Конституция СССР явилась программой действий для народов капиталистической Чехословакии, вдохновила их, вселила в них уверенность в торжество правого дела, решимость добиться в Чехословакии того, что уже осуществлено в СССР. И. В. Сталин сказал в докладе о проекте Конституции СССР: «Теперь, когда мутная волна фашизма оплёвывает социалистическое движение рабочего класса и смешивает с грязью демократические устремления лучших людей цивилизованного мира, новая Конституция СССР будет обвинительным актом против фашизма, говорящим о том, что социализм и демократия непобедимы. Новая Конституция СССР будет моральной помощью и реальным подспорьем для всех тех, кто ведут ныне борьбу против фашистского варварства»².

Имя верного друга и защитника чехословацкого народа великого Сталина было окружено горячей любовью рабочих и крестьян, всех патриотов Чехословакии. «Товарищ Сталин, — писали трудящиеся г. Градец Кралово, — мы приветствуем в твоём лице гениального вождя трудящихся и героического борца за мир и социализм»³.

Чувства беспредельной любви к товарищу Сталину, глубокое осознание решающей роли могучей советской державы в исторических судьбах чехословацкого народа ярко выразились во время празднования 20-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. В ноябре 1937 г. по всей Чехословакии мощной волной прокатились митинги и демонстрации трудящихся, прошедшие под лозунгом КПЧ «Верно бок о бок с Советским Союзом». Коммунисты разъясняли массам огромное историческое значение Великого Октября: «Без большевистского Октября 1917 года не было бы чехословацкого октября 1918 года — не было бы создано в октябре 1918 года самостоятельное Чехословацкое государство», — писал Вацлав Копецкий в статье «Чехословакия и Великая Октябрьская революция в СССР»⁴. Подобно тому, как возникновение самостоятельного Чехословацкого государства неотделимо от Великой Октябрьской социалистической революции, так и само существование Чехословацкой республики неразрывно связано с борьбой Советского Союза за мир и дружбу между народами. Неустанно подчеркивая значение Советского Союза как мощной и прочной опоры национальной и государственной независимости Чехословакии, Клемент Готвальд писал в 1937 г.: «Что дает ей (Чехословакии. — С. П.) силу для сопротивления хищным посягательствам гитлеровской Германии? Сознание, что мощный Советский Союз является опорой фронта мира. И это относится не только к Чехословакии...»⁵.

Понимание этого проникло в сознание чехословацкого народа, решительно стоявшего на страже сотрудничества и дружбы с Советским Союзом. «Мы твердо верим, что это рабочее государство со своей великой армией служит прочной преградой для разбоя фашистских государств», —

¹ «Rudé právo», I/VII 1936.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма, 11-е изд., 1952, стр. 572.

³ «Rudé právo», 30/VIII 1936.

⁴ «Коммунистический Интернационал», 1937, № 10—11, стр. 134.

⁵ Там же, стр. 63.

заявили 5100 рабочих предприятия Польдина Гуть в Кладно на митинге, посвященном 20-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции¹. Трудящиеся Чехословакии рассматривали каждого, кто выступал против Советского Союза, как пособника гитлеровских агрессоров. «Дружеское отношение к Советскому Союзу,— отмечал Вацлав Копецкий,— стало в Чехословакии основой всякого прогрессивного и демократического образа мыслей, основой преданности собственной стране и интересам собственного народа»².

Любовь к Советскому Союзу, непреклонная вера в то, что могучая социалистическая держава никогда не оставит в беде, служила для чехословацкого народа неиссякаемым источником вдохновения и силы в борьбе против фашистских агрессоров, их англо-франко-американских пособников и внутренних приспешников из среды чехословацкой буржуазии и помещиков.

¹ «Rudé právo», 3/XI 1937.

² «Коммунистический Интернационал», 1937, № 10—11, стр. 135.

Ю. А. Писарев

НАРАСТАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ В СЕРБИИ, ХОРВАТИИ И СЛОВЕНИИ В 1917—1919 гг. И ИНТЕРВЕНЦИЯ АНТАНТЫ

Общий кризис капитализма, начавшийся в период первой мировой войны и особенно в результате отпадения Советской России от капиталистической системы, проявился и в Австро-Венгрии, представлявшей собой одно из слабых звеньев в империалистической цепи.

Империалистическая война и ее последствия усилили загнивание капитализма в Австро-Венгрии, катастрофически истощили ее ресурсы, дезорганизовали народное хозяйство, привели к невиданному упадку производства и торговли, к разрыву международных и внутренних экономических связей, к обострению всех противоречий капитализма.

Особенно обострились основные антагонистические противоречия между буржуазией и помещиками господствующей австрийской нации, с одной стороны, и рабочим классом и крестьянством поработенных народов — с другой, между трудящимися и эксплуататорскими классами каждой национальности.

Австро-Венгрия находилась на пороге революции.

В 1918 г. В. И. Ленин говорил: «Параллельно с войной одной группы империалистов против другой начинается всюду война, которую, зараженный примером русской революции, объявляет рабочий класс своей собственной буржуазии. Все признаки указывают на то, что Австрия и Италия переживают канун революции, разложение старого строя в этих странах идет быстрыми шагами»¹.

С исторической неизбежностью надвигался развал многонациональной Австро-Венгерской империи.

Империалистическая война, вскрыв до корней непримиримые национальные противоречия, показала всю гнилость и внутреннюю несостоятельность многонационального австро-венгерского государства. Ослабление Австро-Венгрии в результате мировой войны, подрыв ее военной мощи, расшатывание ее государственного строя облегчали угнетенным народам борьбу за национальное освобождение.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 66.

Историческая неизбежность ломки прогнившего монархического государства проистекала также из необходимости устранения препятствий для развития производительных сил — ликвидации остатков феодализма, не разбитых буржуазной революцией 1848—1849 гг.

«В Восточной Европе (Австрия, Балканы, Россия), — писал В. И. Ленин в 1912 г., — до сих пор не устранены еще могучие остатки средневековья, страшно задерживающие общественное развитие и рост пролетариата. Эти остатки — абсолютизм (неограниченная самодержавная власть), феодализм (землевладение и привилегии крепостников-помещиков) и подавление национальностей»¹.

Но эта ликвидация пережитков феодализма в экономике и политической жизни была возможна лишь при условии решительного доведения до конца буржуазно-демократической революции при гегемонии рабочего класса и изоляции буржуазии, в том числе и буржуазии национальных районов, которая в силу своей контрреволюционности цеплялась за монархию и другие феодальные институты и шла на сделку с монархией во избежание революции. Ослабление Австро-Венгрии в ходе войны облегчало пролетариату выполнение этой задачи.

У пролетариата Австро-Венгрии был естественный союзник — многомиллионное крестьянство, боровшееся за ликвидацию феодально-крепостнической эксплуатации, за упразднение помещичьего землевладения. Крупнейшими помещиками империи Габсбургов были немцы, австрийцы и венгры. В силу этого социальная борьба хорватского, словенского и боснийского крестьянства тесно переплеталась с борьбой национальной.

Участие в национально-освободительном движении, наряду с рабочим классом, многомиллионного крестьянства придавало этому движению по-прежнему массовый, всенародный характер.

На революционную борьбу, таким образом, поднялись широкие слои нации — производители материальных благ — рабочий класс и крестьянство, которые пришли в движение под могучим влиянием Великой Октябрьской социалистической революции.

Октябрьская революция толкнула трудящиеся массы на путь действительного освобождения от гнета войны и империализма.

* * *

Известие о победе Великой Октябрьской социалистической революции в России было встречено трудящимися массами Австро-Венгрии и Сербии с огромным воодушевлением и энтузиазмом. В ноябре-декабре 1917 г. в крупных городах и на железнодорожных станциях, в рудниках Боснии и на заводах Словении, в воинских соединениях Австро-Венгрии и Сербии, на военных кораблях Адриатического моря — всюду состоялись многотысячные демонстрации и митинги пролетарской солидарности с русским рабочим классом и крестьянством, взявшими власть в свои руки.

Особенно грандиозными были митинги и демонстрации в Вене (12 ноября 1917 г.), Загребе, Мариборе, Линце, Граце, Брно, Теплице, Карловых Варах и других городах и районах Австро-Венгрии².

Первые декреты Советского государства — о мире, о земле, о создании рабоче-крестьянского правительства — указали трудящимся южнославян-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 340.

² «Правда», 6/XII 1917.

ских земель Австро-Венгрии и Сербии путь к освобождению от буржуазно-помещичьей эксплуатации.

Достоянием широких масс стало написанное В. И. Лениным и И. В. Сталиным обращение Совета Народных Комиссаров «К народам и правительствам всех воюющих стран», в котором содержался призыв прекратить кровопролитную империалистическую войну и провозглашались принципы советской мирной политики.

Всюду, несмотря на жестокие полицейские преследования и репрессии, читались и передавались друг другу слова обращения СНК РСФСР о демократическом и справедливом мире:

«Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран,— миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии,— таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуции»¹.

Через две недели после принятия II Всероссийским съездом Советов декрета о мире Советское правительство по инициативе В. И. Ленина и И. В. Сталина обнародовало тексты тайных договоров, заключенных царской Россией со странами Антанты. Публикация этих документов разоблачила империалистических заговорщиков и показала всему человечеству подлинно мирную, бескорыстную политику рабоче-крестьянского правительства. Трудящиеся всех стран горячо приветствовали предложение Советского правительства о заключении демократического мира. Осуществилось предвидение В. И. Ленина, заявившего в заключительном слове по докладу о мире на II Всероссийском съезде Советов 8 ноября 1917 г.:

«Мы наше обращение разошлем повсюду, все будут знать. Скрыть об условиях, выдвинутых нашим рабоче-крестьянским правительством, будет нельзя»².

Во время мирных переговоров в Бресте в декабре 1917 — марте 1918 г. Советское правительство вновь выступило с предложением немедленно прекратить кровопролитную войну и заключить демократический мир.

Советское правительство выдвигало принцип самоопределения наций, требовало вывода германских и австрийских оккупационных войск с территорий славянских стран, проведения в этих странах подлинно свободного всенародного референдума, предоставления народам права самим решать вопрос о будущем государственном устройстве.

Мирные предложения Советского правительства находили горячий отклик в сердцах людей, измученных войной, всех, кто стремился к своим домашним очагам и мирной жизни — рабочих, крестьян, городского люда. Никакие попытки реакции — ни жестокие репрессии, ни бесчестный обман, ни замалчивания не могли помешать распространению революционизирующего влияния благородной борьбы Советского правительства за демократический мир.

«Повсюду,— писала «Правда»,— рабочие требовали от правительства немедленно присоединиться к мирным предложениям Советского правительства. Массовые митинги принимали резолюции, в которых выражалась горячая симпатия победившим рабочим и крестьянам Советской России и

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 217.

² Там же, стр. 222.

выдвигались требования заключения мира на основе русских мирных предложений»¹.

Огромное влияние на подъем революционного движения в многонациональной габсбургской империи имело разрешение национального вопроса в Советской России — ликвидация национального угнетения и неравенства, предоставление всем народам широких возможностей для свободного и беспрепятственного развития.

Австро-Венгрия была тюрьмой народов. В течение веков поработанные и задавленные славянские народы боролись за свою свободу и независимость. Великая Октябрьская социалистическая революция в России дала новый мощный толчок для подъема национально-освободительного движения.

В ноябре 1918 г. в Австро-Венгрии стала известна написанная В. И. Лениным и И. В. Сталиным «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», в которой провозглашались равенство всех наций, отмена национальных и национально-религиозных ограничений, право народов на самоопределение вплоть до государственного отделения.

Эта декларация, а также обращение Совета Народных Комиссаров РСФСР «К трудящимся, угнетенным и обескровленным народам Европы» и другие мероприятия Советского правительства, направленные на обеспечение государственного суверенитета и независимости народов, вызвали широчайший отклик в народных массах, способствовали усилению национально-освободительного движения славянских народов. Чехи, словаки, хорваты, словенцы, македонцы, сербы увидели в Республике Советов свое отечество, своего верного друга и защитника. Пример Советской России, освободившей трудящиеся массы от национального и социального угнетения, поднимал народы Австро-Венгрии и балканских стран на революционную борьбу.

Великая Октябрьская социалистическая революция в России оказала огромное влияние и на подъем крестьянского движения. Осуществленный в Республике Советов ленинский декрет о передаче помещичьей земли крестьянам был воспринят многонациональным крестьянством Австро-Венгрии как пример для коренного разрешения аграрного вопроса, как лозунг крестьянского движения, развертывающегося вслед за выступлением рабочего класса.

Отмечая международное значение первых декретов Советской власти, В. И. Ленин указывал: «...китайской стеной не отгородишься от России. Нет ни одной рабочей организации в мире, где не встречали бы с энтузиазмом наши декреты о земле, о национализации банков и т. д.»²

Под воздействием Великой Октябрьской социалистической революции произошел коренной переворот в идеологии рабочего класса. Установление диктатуры пролетариата в России означало крах социал-реформизма, отрицавшего самую возможность победы социалистической революции в одной стране.

Рабочий класс Австро-Венгрии и Сербии на великом примере Октябрьской революции убеждался во всепобеждающей силе идей марксизма-ленинизма, в их неизбежном торжестве.

Началось разложение социал-демократических партий и отход от них трудящихся масс. Левые социалисты, порвав с социал-демократическими партиями, стали организовывать марксистские группы, которые впоследствии объединились в коммунистические партии. Усилилось распростране-

¹ «Правда», 6/XII 1917.

² В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 467.

ние марксизма, произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Колоссальное значение для развертывания революционного движения и разоблачения социал-реформизма имело восприятие опыта коммунистической партии, ее борьбы за социалистическую революцию.

Следуя примеру русских рабочих, рабочий класс Австро-Венгрии стал прибегать к чисто пролетарским орудиям борьбы — всеобщей политической стачке и восстанию.

* * *

Первым грозным событием, свидетельствующим об огромном росте революционной активности трудящихся масс, явилась январская всеобщая политическая забастовка, охватившая всю Австро-Венгрию, а также оккупированные австрийскими войсками польские земли. Стачка началась 13—14 января 1918 г. в знак протеста против срыва генералом Гофманом брестских переговоров и предъявления германским и австрийским командованием наглых ультимативных требований Советскому правительству.

В истории рабочего движения Австро-Венгрии еще не было такого мощного выступления: около 700 000 рабочих оставили работу и потребовали немедленного заключения мира на условиях, предложенных Советским правительством, отмены военного режима на заводах¹. В Загребе, Мариборе и Любляне в ходе забастовки возникли Советы², в Которе, Шибенике, Риеке — военно-революционные комитеты³. Во многих воинских частях австрийской и сербской армий были созданы Советы солдатских депутатов⁴.

Создание революционных, подлинно демократических органов власти имело огромное значение для дальнейшего развития революционного движения и свидетельствовало о колоссальном влиянии Великой Октябрьской социалистической революции в России, где Советы взяли власть в свои руки.

31 января 1918 г. вспыхнуло восстание в военной гавани Котор (Далмация). Первыми в Которе выступили рабочие порта и арсенала. К ним примкнули матросы военных кораблей и солдаты гарнизона. Всего в восстании участвовало 40 кораблей. Был создан военно-революционный комитет из моряков, представителей портовых рабочих и солдат во главе с сербами Мате Брньевичем и Иваном Шишгоричем, словенцем Антоном Грабовым и чехом Франтишекком Ражем. В восстании приняли участие матросы различных национальностей — чехи, венгры, хорваты, сербы, словенцы, продемонстрировав интернационалистическое единство в борьбе против реакции. Количество восставших моряков превышало 6000 человек⁵. Разоружив офицеров и взяв в свои руки управление кораблями, военно-революционный комитет послал командованию, находившемуся в гавани Пола, ультиматум с требованием немедленного прекращения войны и предоставления народам Австро-Венгрии национальной свободы⁶.

¹ См. В. М. Турок. Подъем австрийского рабочего движения под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. — «Изв. АН СССР, серия истории и философии», 1952, т. IX, № 3, стр. 281.

² См. «Правда», 5/II 1918.

³ *Revolucionarni Pokret jugoslovenskih mornara u Hrvatiji i Sloveniji* (документы). Split, 1919, р. 20—28.

⁴ См. «Изв. АН СССР, серия истории и философии», 1950, т. VII, № 4, стр. 374—375.

⁵ «Податка», 11/II — 1926.

⁶ Н. Wendel. *Der Kampf der Südslawen um Freiheit und Einheit*. Frankfurt am Main, 1925, S. 742.

Восстание продолжалось три дня и было подавлено только после присылки в Котор крупных воинских соединений регулярной австрийской армии и немецких подводных лодок. Немецкие и австрийские войска жестоко расправились с восставшими: все члены военно-революционного комитета были расстреляны, сотни матросов и рабочих арестованы и брошены в тюрьмы¹.

Восстание в Которе напугало буржуазию, которая начала создавать в противовес Советам органы для борьбы с революционным движением, в чем ей всячески помогали правые социалисты. 2—3 марта 1918 г. в Загребе состоялось экстренное совещание представителей крупнейших буржуазных партий Хорватии и Словении², в котором приняли участие и правые социалисты — Витомир Корац, Вилим Букшег и Кристан. На совещании, происходившем на частной квартире, было решено усилить борьбу против революционного движения. Социал-предатели, в частности, взяли на себя обязательство вести подрывную деятельность в Советах (Загребском, Люблянском, Мариборском и др.)³.

После подавления матросского восстания в Которе правительство резко усилило террор, однако оно не смогло ослабить революционное движение, которое стремительно нарастало, особенно в армии. Одетые в солдатские шинели хорватские, словенские и боснийские рабочие и крестьяне отказывались проливать свою кровь за немецких и австрийских помещиков и капиталистов. Большевицские революционные лозунги овладевали солдатскими массами; уставшие от четырехлетней империалистической бойни они требовали немедленного прекращения кровавой войны и возвращения на родину.

8 ноября 1917 г. на II Всероссийском съезде Советов в заключительном слове по докладу о мире В. И. Ленин говорил: «...народы утомлены, народы жаждут отдыха от этой кровавой бойни, длящейся четвертый год»⁴.

По всем фронтам шло братание солдат. Небывало широкие размеры приняло дезертирство⁵. Развал армии ускорился военными поражениями, которые терпела Австро-Венгрия⁶.

Лоскутная империя Габсбургов доживала последние дни.

Империалисты США, Англии и Франции, пытаясь предотвратить распад реакционной империи, выступили против создания независимых и суверенных национальных государств, оказывая яростное сопротивление национально-освободительному движению славянских народов.

Американские, английские и французские империалисты рассматривали монархическую Австро-Венгрию как один из основных антисоветских плацдармов и были против ее ликвидации⁷. Президент США Вильсон в

¹ См. сербскую газету «Политика», 11/II. 1926. По некоторым данным всего было арестовано свыше 1500 человек.

² «Народна енциклопедија србска, хрватска, словеночка», т. III, Београд, 1926, стр. 14.

³ См. Когаџ, Vitomir. Povjest radničkog pokreta u. Hrvatiji. Zagreb, 1923.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 223.

⁵ Вопрос о революционном движении в армии уже освещен в нашей статье «Из истории экспансии США на Балканах» («Изв. АН СССР, серия истории и философии», 1950, т. VII, № 4, стр. 374 и сл.).

⁶ См. Н. Wendel. Указ. соч., стр. 740.

⁷ Американский империализм и ныне разрабатывает план воссоздания империи Габсбургов, формальным главой которой должен стать находящийся сейчас в США Отто Габсбург — креатура американского империализма. Возрожденная габсбургская держава, согласно американским планам, должна превратиться в аванпост империализма США в Центральной и Юго-Восточной Европе (см. «Американский империализм против венгерского народа». Будапешт, 1952, стр. 52 и сл.).

своем послании Конгрессу 4 декабря 1917 г. прямо заявил: «Мы отнюдь не собираемся ликвидировать Австро-Венгерскую империю»¹.

Такой же была позиция и английского правительства. «В это время,— вспоминает Ллойд Джордж в своих мемуарах,— мы не имели в виду полного распада Австрийской монархии, а стремились скорее к тому, чтобы в ее границах было создано несколько свободных автономных государств по образцу Британской империи»².

В январе 1918 г., выступая в парламенте, английский премьер-министр заявил: «В задачи английской политики не входит разрушение Австро-Венгрии»³.

8 января 1918 г. Вильсон направил Конгрессу США специальное послание («14 пунктов»), представлявшее собой программу закабаления народов американским империализмом. Пункт 10-й этого послания касался Австро-Венгрии и был направлен против стремления народов создать национально-независимые государства. «Народам Австро-Венгрии,— гласил этот пункт,— место которых среди других наций мы можем видеть сохраненным и обеспеченным, должна быть предоставлена свободная и благоприятная возможность автономного развития»⁴.

Как видно из этого пункта, Вильсон, которого продажные американские газеты пытались превратить в «миротворца» и «демократа», совершенно откровенно не признавал прав народов на самостоятельное государственное существование. Вместо этого он предлагал поработенным Австро-Венгрии народам автономию в рамках той же реакционной габсбургской империи.

Обещанная Вильсоном «национальная автономия» была лишь демагогическим маневром для того, чтобы отвлечь трудящиеся массы от революционной борьбы, ослабить национально-освободительное движение.

С предельной ясностью истинная позиция США в этом вопросе была сформулирована в меморандуме американской «Комиссии по изучению условий мира» от 22 декабря 1917 г. «Наша политика,— говорилось в меморандуме,— должна заключаться в разжигании националистического недовольства, а затем в отк а з е принять экстремистские последствия этого недовольства, которыми было бы расчленение Австро-Венгрии»⁵.

Цель заключалась в одном — сохранить габсбургскую империю, чтобы использовать ее в качестве антисоветского бастиона в Восточной Европе⁶.

Антанта рассчитывала при этом, что военное поражение Австро-Венгрии позволит навязать ей угодный Антанте мир и что Австро-Венгрия, порвав с побежденной Германией, будет полностью зависима от англо-франко-американского империализма. Исходя из этих расчетов, Антанта вела тайные переговоры с представителями австро-венгерского правительства⁷ и одновременно усиливала военный нажим. Что касается английских,

¹ President W. Wilson. Message. Discours, Documents diplomatiques relatifs à la guerre mondiale, Paris, p. 223.

² Давид Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. V, М., 1938, стр. 37.

³ Milada Paulova. Jugoslovenski Odbor, Zagreb, 1923, p. 413. См. также И. Трайнин. Национальные противоречия в Австро-Венгрии и ее распад. М.—Л., 1947, стр. 270.

⁴ «Архив полковника Хауза», т. III, стр. 236.

⁵ «Papers. Relating to the Foreign Relation of the United States, 1919. The Paris peace conference», Washington, 1942, v. I, p. 45 (подчеркнуто нами.—Ю. П.).

⁶ См. «Архив полковника Хауза», т. III, стр. 236 (комментарии Чарльза Сеймура).

⁷ Переговоры между Австро-Венгрией и Антантой начались с конца 1917 г. сначала в Швейцарии. Затем Антанта посылала своих агентов даже непосредственно в Вену и Будапешт. Со стороны США в переговорах принимал участие секретарь американской миссии в Берне Аллен Даллес (см. T. Masarik. Die Weltrevolution. Erinnerungen und Betrachtungen 1914—1918, Berlin, 1925; Hygh R. Wilson. Diplomats

американских, французских и итальянских монополистов, то они тем временем, спеша обогнать друг друга, стремились завязать «деловые» связи с промышленниками Австро-Венгрии и уже в 1918 г. обещали им займы, кредиты и пр.¹

Но планам сохранения Австро-Венгрии не суждено было сбыться: развернувшееся в 1918 г. в стране революционное движение привело к развалу империи.

* * *

Во второй половине 1918 г. революционное движение в Австро-Венгрии усилилось. В июне была объявлена вторая всеобщая политическая стачка, возникшая на экономической почве.

Скудные экономические и военные ресурсы страны были истощены до последней степени². В городах и промышленных районах свирепствовал голод.

Характеризуя продовольственное положение в Австро-Венгрии, Германии и других европейских странах, В. И. Ленин отмечал:

«Везде, как в воюющих, так и в нейтральных странах, война, империалистическая война двух групп гигантских хищников, несла с собой полное истощение производительных сил. Разорение и обнищание дошло до того, что в самых передовых, цивилизованных и культурных странах, в течение не только десятилетий, но и столетий не знавших, что такое голод, война довела до голода в самом подлинном, самом буквальном значении слова,— ...от голода, от самого подлинного голода, страдают, например, Германия и Австрия в течение долгого времени...»³

Во многих местностях Австро-Венгрии фактически были закрыты все общественные столовые, мельницы и скотобойни, мясные лавки, в которых и так продавалась лишь конина. Не хватало продовольственных продуктов, в особенности хлеба, не было топлива. В крупных городах была установлена голодная норма выдачи хлеба по карточкам — 100 г в день на человека. Однако и эта норма часто не соблюдалась. В шахтерских поселках, на рудниках и в провинциальных городах нормированного распределения хлеба вообще не производилось.

17 июня 1918 г. правительство распорядилось сократить хлебную норму до 85 г в день.

В ответ на это провокационное решение правительства 18—20 июня повсеместно была объявлена забастовка. Рабочие не ограничились экономическими требованиями и выдвинули политические требования — немедленно прекратить войну и заключить мир на условиях, предложенных Советским правительством. Рабочие Будапешта потребовали введения всеобщего избирательного права и демилитаризации предприятий. 20 июня полиция расстреляла рабочую демонстрацию в Будапеште. Это вызвало новую волну стачек⁴. Забастовка приняла всеобщий характер. Начали создаваться Советы рабочих депутатов⁵; 24—25 июня возник первый в Венгрии Совет рабочих депутатов в Будапеште. Возобновили свою работу Советы в Вене, Загребе, Любляне. «Движение,— писала «Правда» от 4 июля 1918 г.—

Betrocen, Washington, 1941, p. 194. В июне 1918 г. отдельные переговоры Антанты с Австро-Венгрией были возобновлены. На этот раз переговоры с представителем венского двора вел, по поручению Антанты, генерал Смэтс (Южно-Африканский союз). (См. А. Я. Манусевич. Очерки по истории Польши, М., 1952, стр. 269).

¹ См. В. Розенберг. Иностранн капитал у нашеј привреди. Београд, 1936.

² См. «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 220.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 385.

⁴ См. «Правда», 2/VII 1918.

⁵ См. «Правда», 4/VII 1918

вылилось в типичные формы той стадии революции, которая предшествует восстанию... В настоящее время австрийский и венгерский пролетариат говорит и действует действительно по-русски»¹.

Оценивая значение июньских событий в Австро-Венгрии, В. И. Ленин в своем выступлении на IV конференции профессиональных союзов 28 июня 1918 г. говорил: «Когда в Германии и Австрии дело доходит до образования Совета рабочих депутатов и до второй массовой стачки, тогда мы должны сказать, ни капли не преувеличивая, нисколько не обольщаясь, что это означает момент наступления революции»².

Чтобы отвлечь трудящихся от революционной борьбы, правительство решило предпринять военную авантюру: в июне 1918 г. началось наступление австрийских войск на итальянском фронте³.

Но это наступление было плохо организовано и позорно провалилось. Оно стоило Австро-Венгрии 150 000 убитых, искалеченных и попавших в плен солдат⁴. Итальянские войска не только приостановили наступление австрийцев, но и сами перешли в контрнаступление и, прорвав фронт между Брентой и Пиавой, вступили в октябре 1918 г. на австрийскую территорию⁵.

Еще раньше, в сентябре 1918 г., войсками Антанты был прорван Салоникский фронт, и над Австро-Венгрией нависла угроза вторжения антантовских войск с юго-востока⁶. Среди австрийского командования и правящих кругов царил полная растерянность.

«Тамошнее правительство,— указывал в докладе на VI Всероссийском Чрезвычайном съезде советов В. И. Ленин,— отличается той же беспомощностью, той же дикой растерянностью, той же полной потерей головы, которой отличалось в свое время, к концу февраля 1917 года, правительство Николая Романова»⁷.

Имперское правительство бросалось из крайности в крайность. Оно то обрушивалось на население жестокими репрессиями и угрозами, то демагогически обещало осуществить демократические реформы и предоставить населявшим империю народам «автономию».

Всего несколько месяцев перед тем, весной 1918 г., правительство Австро-Венгрии, еще надеявшееся на свою силу, и слышать не хотело ни о каких уступках. Граф Стефан Тисса от имени императора Карла заявил тогда представителям боснийских сербов и хорватов в Сараеве: «Возможно, что мы погибнем, но прежде чем погибнуть, у нас найдется достаточно сил, чтобы вас уничтожить»⁸.

Осенью 1918 г. правительству стало не до угроз. Всюду росло и ширилось революционное движение, поднималась новая волна рабочих стачек и демонстраций, восстаний в армии и флоте, резко усилилось крестьянское движение⁹.

¹ «Правда», 4/VII 1918.

² В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 442.

³ Н. Wendel. Указ. соч., стр. 741.

⁴ Там же.

⁵ И. П. Трайнин. Национальные противоречия в Австро-Венгрии и ее распад. М.—Л., 1947, стр. 268.

⁶ См. М. А. Бирман. Назревание революционной ситуации в Болгарии в 1917—1918 гг. и Владайское восстание.— «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», 1952, т. IV, стр. 49 и сл.

⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 130—131.

⁸ См. И. П. Трайнин. Указ. соч., стр. 270 и сл.

⁹ О крестьянском движении см. «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. IV, 1951, стр. 186 и сл.

14 октября 1918 г. в Чехии вспыхнула всеобщая политическая стачка, одним из лозунгов которой было создание независимой демократической Чехословацкой республики.

«14 октября,— говорит Клемент Готвальд,— было своего рода генеральной репетицией к 28 октября»¹, когда в Чехословакии была провозглашена республика. Стачка из Чехии перебросилась в Моравию, Силезию, Словакию. Одновременно пришли в движение и другие славянские народы.

Чтобы спасти империю, Карл Габсбург 16 октября 1918 г. издал манифест о превращении Австро-Венгрии в «союз национальных государств». Но было уже поздно: национально-освободительное движение зашло слишком далеко, и его невозможно было остановить никакими обещаниями. Трудящиеся массы не верили этим обещаниям; распоряжения правительства перестали выполняться. Наступил кризис власти.

Налицо были и другие признаки революционной ситуации: обострение бедственного положения трудящихся масс, их недовольство, их революционная активность.

И. В. Сталин, оценивая международное значение распространения социалистической революции в России на бывшие русские окраины и указывая на большое влияние русской революции на развитие революционного движения народов Австро-Венгрии, отмечал:

«Нужно ли говорить, что всё это не пройдёт даром для угнетённых народов Запада и прежде всего для народов Австро-Венгрии, переживающих пока еще период буржуазно-освободительного национального движения, но уже вступивших силой вещей в полосу борьбы с империализмом?»²

23—24 октября 1918 г. произошло восстание рабочих и солдат в Фиуме (Риека) и Пола, послужившее сигналом к всеобщему восстанию в армии. 26 октября восстали хорватские полки: 2-й пехотный, 4-й горно-стрелковый и 122-й пехотный, 83-я хорватская ландвер-бригада и 26-й хорватский полк ландвера. Революционные войска двинулись на Загреб и 28—29 октября взяли его, изгнав из хорватской столицы австрийские войска. В те же дни была ликвидирована власть Габсбургов в Чехии и провозглашена Чехословацкая республика³.

Выступление рабочего класса и солдатских масс революционизировало крестьянство, поднявшееся на борьбу против помещиков, за захват и раздел помещичьих земель.

Еще в сентябре-октябре 1918 г. вспыхнули крестьянские восстания в Центральной Хорватии, Междумурье, в окрестностях города Сплит (Далмация), в ряде мест Словении и Воеводины⁴. В Далмации и Хорватском Приморье крестьяне повсеместно явочным порядком отказались платить налоги австро-венгерскому государству и выполнять повинности по отношению к помещикам.

В конце октября — начале ноября 1918 г. австрийское правительство фактически потеряло всякую власть в южнославянских провинциях Австро-Венгерской империи.

¹ Klement Gottwald. Deset let, Praha, 1949, str. 247.

² И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 181.

³ «Правда», 5/XI 1918.

⁴ См. «Правда», 5/X 1918.

Англо-франко-американский империализм предпринял последнюю попытку спасти империю путем прямой военной оккупации Австро-Венгрии. 27 октября 1918 г. австро-венгерское правительство, сознавая безвыходность своего положения, обратилось к Антанте с предложением прекратить боевые действия без всяких гарантий для Австро-Венгрии.

Антанта немедленно согласилась с предложением имперского правительства и поставила в качестве неперемennого условия перемирия передачу ей железных дорог и стратегически важных пунктов Австро-Венгрии, половины всей артиллерии австрийской армии и почти всего военно-морского флота.

Выдвигая последние два требования, Антанта хотела ликвидировать революционные очаги во флоте и армейских частях и использовать железные дороги для переброски оккупационных войск.

Имперское правительство с готовностью подписало соглашение¹, хотя оно и означало полную и безоговорочную капитуляцию Австро-Венгрии: в своем стремлении задушить революционное движение Карл Габсбург и придворная камарилья не останавливались даже перед потерей национальной независимости.

Однако планы Антанты и надежды Габсбурга на спасение были сметены революционным выступлением масс.

30 октября о своем отделении от габсбургской империи заявили Хорватия, Словения, Босния и другие южнославянские земли². 31 октября 1918 г. вспыхнуло восстание в австрийском флоте в Адриатическом море. Первыми поднялись экипажи кораблей «Шварценберг», «Аврора», «Король Карл VI», «Вулкан», «Фюрстенберг», а также солдаты береговой обороны военной гавани Шибеник³.

2 ноября 1918 г. восстали моряки в Ткалчевиче и других адриатических портах Хорватии и Далмации⁴.

30—31 октября 1919 г. вспыхнуло восстание в Будапеште. Рабочие венгерской столицы вышли на улицу с требованием ликвидации ненавистной монархии. Армия отказалась повиноваться командованию и правительству. Солдаты братались с рабочими. Таким образом, первый и самый главный аппарат буржуазного государства вышел из повиновения. В венгерской столице рабочие захватили все важнейшие стратегические пункты — мосты, городскую комендатуру, почту, телеграф, телефон.

Под давлением народных масс назначенное королем буржуазное правительство графа Кароли, вначале присягнувшее монархии, 16 ноября 1918 г. объявило Венгрию республикой. За четыре дня до этого — 12 ноября 1918 г. была провозглашена республика в Австрии. Реакционная империя Габсбургов прекратила свое существование.

Оценивая это крупное историческое событие, В. И. Ленин в ноябре 1918 г. в докладе на VI Всероссийском Чрезвычайном съезде советов говорил: «...мы идем не одни: пролетариат Западной Европы поднялся и не оставил камня на камне в Австро-Венгрии»⁵.

¹ Соглашение было подписано Карлом Габсбургом 3/XI 1918 г.

² *Revolucionarni Pokret jugoslovenskih mornara u Hrvatsji i Sloveniji, god 1917—1918. Split, 1919, str. 20—23.*

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 130.

* * *

В итоге распада габсбургской империи были созданы новые национальные государства — Чехословакия, Венгрия, Австрия, Югославия¹. Самим фактом своего существования эти государства обязаны Великой Октябрьской социалистической революции в России, поднявшей на революционную борьбу народы мира и послужившей мощным толчком для подъема в Австро-Венгрии национально-освободительного движения, которое привело к развалу империи.

Однако плодами побед народа воспользовалась буржуазия, сумевшая при помощи своей агентуры — социал-демократии и при активной поддержке Антанты захватить власть и использовать ее для подавления революции.

Более опытная и лучше организованная, чем рабочий класс, буржуазия южнославянских районов Австро-Венгрии приступила к созданию своих органов власти еще до окончательного распада Австро-Венгрии. Чтобы придать этим органам видимость общенародных представительств, буржуазия организовала блок партий, в который вошла также и социал-демократия.

4—6 октября 1918 г., на основе предварительной договоренности между буржуазными партиями и социал-демократией, в Загребе было создано так называемое Народное вече, провозгласившее себя временной центральной властью в Хорватии, Словении и Далмации².

Социал-предатели, захватившие Загребский, Люблянский, Мариборский и другие Советы рабочих депутатов, немедленно объявили это вече верховным органом и демократической организацией. Между тем уже самый состав этого «народного» вече свидетельствовал о его крайней реакционности. Загребское Народное вече было создано из представителей католической партии Словении, хорватской радикальной партии, хорватской партии права, партий помещиков и кулаков Боснии — «Джемийет» и партии Мехмеда Спахо, и других буржуазных партий.

Католическая (Народная) партия Словении представляла интересы помещиков, духовенства, словенской крупной и средней буржуазии. Она была основана еще в 90-х годах XIX в. и являлась одной из самых крупных партий страны. В своей программе она требовала предоставления Словении национальной автономии в составе будущего югославского государства, а также создания условий для беспрепятственного развития капитализма в Словении. Демагогическими лозунгами проведения аграрной реформы, подъема сельского хозяйства через кооперацию, кредитования деревни и т. д. клерикалам удалось привлечь в партию часть крестьянства, находившегося под влиянием католической церкви. В 1918—1919 гг. Народная партия Словении сыграла реакционнейшую роль.

Другой партией, представленной в загребском Народном вече, была Хорватская радикальная партия — партия крупной хорватской буржуазии (основана в 1885—1887 гг.). До 1918 г. Хорватская радикальная партия требовала создания триединой монархии в составе Австрии, Венгрии и Хорватии, каждая часть которой пользовалась бы равными правами. С конца 1918 г., т. е. после развала габсбургской империи, Хорватская

¹ До 1929 г. Югославия называлась Королевством сербов, хорватов и словенцев.

² «Политика», 4/XII 1924, а также Ferd. Šišić. Documenti o postanku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca 1914—1919. Zagreb, 1920, p. 170.

радикальная партия была согласна на предоставление Хорватии автономии уже в рамках единого югославского государства¹.

Третьей крупной партией, представители которой входили в Народное вече, была партия права Анте Старчевича. В 1918 г., во время революционного кризиса, эта партия крупной и средней буржуазии Хорватии боролась против рабочего и крестьянского движения, поддерживала реакцию. Партия обратилась к населению с призывом отказаться от национально-освободительной борьбы, подчиниться буржуазным органам власти: «Мы призываем тебя, хорватский народ, к спокойствию», — говорилось в опубликованном в октябре 1918 г. манифесте этой партии².

В Народное вече входили также представители двух помещичьих партий Боснии и Герцеговины — партии Мехмеда Спахо³ и партии крупных мусульманских помещиков — «Джемийет». Обе партии отстаивали интересы помещиков и выступали против каких-либо аграрных преобразований.

Воеводина была представлена в загребском Народном вече несколькими общественными деятелями — лидерами небольших в количественном отношении партий воеводинской промышленной и торговой буржуазии⁴.

19 октября 1918 г. Народным вече была принята декларация, выработанная временная конституция и утвержден состав Исполнительного комитета. Согласно временной конституции, будущее Народное вече должно было являться представительным учреждением, избираемым по норме: один представитель от 100 000 населения. Избирательная система была крайне недемократичной: вводились имущественный и образовательный цензы, ценз оседлости, женщины и солдаты фактически лишались избирательных прав. Временная конституция, разработанная лидерами хорватских буржуазных партий, обеспечивала гегемонию хорватской буржуазии: Хорватия дополнительно посылала в Народное вече 28 представителей, в то время как Словения — только 14, Далмация и Истрия, Воеводина и все остальные районы — по 10. Кроме 28 представителей от Хорватии, Хорватский собор получил право выделения в Народное вече пяти членов собора. Такой же принцип кооптации предусматривался и при избрании руководящего органа Народного вече — Исполнительного комитета, из 40 членов которого избиралось 30 членов, а 10 кооптировались⁵.

Председателем загребского вече был избран прожженный политический интриган, лидер словенских клерикалов, агент Ватикана Антон Корощец;

¹ После создания Сербо-хорвато-словенского государства, когда сербская буржуазия потребовала от буржуазии Хорватии и других национальных районов отказа от лозунга национальной независимости в обмен на присылку сербских войск для борьбы с революционным движением, Хорватская радикальная партия отказалась от своей первоначальной программы, приняла программу сербской радикальной партии и даже организационно объединилась с ней.

² В 1918—1919 гг. в Партии права победили националистические элементы. Партия заняла открыто националистическую позицию, выдвинув своим лозунгом создание «Великой Хорватии», которая, по планам националистов, должна была представлять собой сильное балканское государство, включающее в свой состав Хорватию, Словению, Боснию и Герцеговину, Воевину, Далмацию, значительную часть Австрии, Венгрии и Сербии. Руководящую роль в этом государстве должна была играть хорватская буржуазия, а все народы, населяющие «Великую Хорватию», находились бы под ее гнетом.

³ Мехмед Спахо — крупный помещик и владелец рудников в Боснии. В течение ряда лет был министром в различных кабинетах Сербо-хорвато-словенского государства.

⁴ О политических партиях см. «Народна енциклопедија србска, хрватска, словеночка», т. III, стр. 448—457, 627—628; «Internationale Presse-Korrespondenz», 1923, № 11 и 27; «Жизнь национальностей», 1919, № 37—38.

⁵ См. «Народна енциклопедија србска, хрватска, словеночка», Београд, 1927, т. II (раздел «Народное вече»).

заместителем председателя — ярый реакционер, будущий министр внутренних дел, жестоко расправившийся в 1918—1919 гг. с революционным движением, Светозар Прибичевич.

Правые социалисты выступили с поддержкой этого реакционного органа и согласились принять участие в контрреволюционном правительстве. Хорватская и словенская социал-демократические партии к этому времени уже окончательно скатились в болото оппортунизма. Находясь под сильным идейным влиянием Отто Бауэра, Шпрингера и других австрийских социал-предателей, лидеры «социалистических» партий Хорватии и Словении проповедовали культурно-национальную автономию хорватов и словенцев в рамках Австро-Венгерской империи, а когда стал ясен ее крах, согласились на культурно-национальную автономию в рамках создающегося в 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев.

Составленная на основе догм II Интернационала программа хорватской и словенской социал-демократических партий отрицала возможность установления диктатуры пролетариата в Сербо-хорвато-словенском государстве на том основании, что пролетариат не составлял в стране большинства населения и не имел достаточного количества готовых культурных и административных кадров, способных наладить управление государством. Социал-демократические партии отрицали вооруженное восстание, считая единственно возможной формой классовой борьбы пролетариата парламентскую форму.

Руководство партией находилось безраздельно в руках правых типа Кораца, Кристана и Букшега, верой и правдой служивших буржуазии.

На состоявшейся в октябре 1918 г. конференции социалистических партий Хорватии и Словении правым социалистам удалось протащить оппортунистическую резолюцию, в которой задача совершения пролетарской революции откладывалась на неопределенное время, хотя в стране и происходил мощный революционный подъем.

«Занимаясь подготовкой предпосылок для будущей пролетарской классовой борьбы, — говорилось в резолюции, — социал-демократическая конференция тем не менее постановила принять участие вместе с буржуазией в Национальном комитете»¹.

Так, без активной помощи социал-предателей, в Хорватии было создано буржуазно-помещичье Народное вече, которое приступило к разработке срочных мер по борьбе с революционным движением.

Прежде всего было принято решение пригласить антантовские и сербские интервенционистские войска, так как собственными силами буржуазия Хорватии и Словении не могла справиться с нараставшей революцией.

В докладе на объединенном заседании ВЦИК, Московского совета, фабзавкомов и профессиональных союзов 22 октября 1918 г. В. И. Ленин указывал: «...становится очевидно, что буржуазия разных маленьких государств, на которые теперь Австрия распадается, что эта буржуазия ни в коем случае не удержится, что ее господство, ее власть в этих государствах будет весьма кратким, преходящим явлением, потому что везде стучится в двери рабочая революция»².

Чтобы предотвратить революцию, буржуазно-помещичье вече еще 4 ноября 1918 г. обратилось к Антанте и Сербии с просьбой прислать в Хорватию карательные войска. Обращение с призывом оказать помощь в подавлении революционного движения было тщательно замаскировано.

¹ «Жизнь национальностей», 1919, № 37—38 (разрядка наша.— Ю. П.).

² В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 95.

Официально в пересланных верховной ставке союзного командования и правительству Сербии письмах говорилось лишь о необходимости «навести порядок», которому якобы угрожали остатки австрийских, венгерских и немецких войск на территории Хорватии¹.

Чтобы ускорить дело, Корошец лично выехал в Париж, где вел переговоры со специальным представителем президента США в Европе полковником Хаузом.

«Корошец,— телеграфировал в Вашингтон по поводу этого визита Хауз,— настойчиво просил, чтобы правительство США послало американские войска вместе с итальянскими оккупировать стратегические пункты и пункты, в которых есть опасения, что могут возникнуть волнения»².

Корошец нанес также визит и маршалу Фошу.

Начало военной интервенции империалистов Антанты в бассейне Адриатического моря приходится на ноябрь 1918 г., месяц наибольшего размаха революционного движения южнославянских народов Австро-Венгрии³.

Империалисты США, Франции и Италии послали свои войска в Далмацию, Хорватское Приморье, Черногорию, Венгрию, чтобы помешать созданию национально-независимых, суверенных государств и вооруженной рукой задушить нарастающую революцию.

3 ноября 1918 г. в далматинские порты Шибеник и Дубровник вошли итальянские военные корабли и начали высадку десантов⁴. С молчаливого согласия Антанты Италия, основываясь на секретном Лондонском договоре 1915 г., начала оккупацию Далмации и Истрии. Вместе с итальянскими войсками в интервенции участвовали и американские войска⁵. В то же время в Хорватию вторглись сербские войска, в Черногорию — колониальные войска Франции и сербская жандармерия⁶.

Основная цель оккупантов состояла в подавлении революционного движения. Об этом с циничной откровенностью говорили сами интервенты: «Морской атташе информировал меня,— сообщал посол США в Италии Пейдж государственному секретарю Лансингу,— что он получил письмо от адмирала Таонди-Ревель, начальника штаба итальянского флота, в котором содержится просьба произвести соединенную оккупацию войсками американцев, англичан, французов и итальянцев города Спалато (порт Сплит.— Ю. П.) на Далматинском побережье для предотвращения повторения беспорядков»⁷.

Идея совместной «союзной» интервенции на Балканы встретила полную поддержку и в Лондоне и в Париже. По этому поводу американский полковник Хауз в пересланной 22 ноября 1918 г. Лансингу телеграмме для президента США Вильсона сообщал:

«Я телеграфировал Бальфуру (английский министр иностранных дел.— Ю. П.) содержание вашего вчерашнего письма, и он ответил, прося меня поставить вас в известность, что правительство его величества полагает,

¹ См. F. Šišić, Dokumenti..., str. 228—229.

² The Paris peace conference, v. VII, p. 297—298 (разрядка наша.— Ю. П.).

³ Военная интервенция США, Италии и Франции в Далмацию, Истрию, Черногорию и Хорватское Приморье продолжалась до конца 1918 г. На смену войскам Антанты в декабре 1918—январе 1919 г. пришли войска монархической Сербии.

⁴ F. Šišić, Dokumenti..., str. 228—229.

⁵ См. «Papers», v. II, p. 316—317.

⁶ Le rôle de la France dans l'annexion forcée du Monténégro, Rome, 1921, p. 21.

⁷ «Papers», v. II, p. 293 (разрядка наша.— Ю. П.).

что если итальянские войска оккупировали бы часть бывшей Австро-Венгерской империи... и могли бы быть сопровождаемы американскими войсками, то это имело бы очень большую ценность. Как только я получу ответ от французского правительства, я поставлю этот вопрос перед Верховным командованием через генерала Першинга (главнокомандующий американскими экспедиционными силами.— Ю. П.)»¹.

Ответ от французского правительства вскоре был получен. Он был идентичен ответу правительства Великобритании². Антанта благословляла США и Италию на интервенцию, которая осуществлялась ускоренными темпами. 28 ноября 1918 г. американские и итальянские войска захватили военную гавань Котор³. На следующий день интервентами был занят порт Фиуме⁴, а вскоре и самый крупный город Далмации — Сплит, подвергшийся жестокому разграблению.

Возмущенное хозяйничаньем итальянских и американских войск население Сплита попыталось было обратиться с протестом к управляющему портом английскому адмиралу, но получило от него категорический отказ. «Итальянцы,— заявил английский адмирал,— имеют те же права, что и все другие победоносные государства Антанты»⁵.

Эти «права», по мнению Антанты, состояли в насилиях над местными жителями, грабежах, избиениях и разбоях.

Американские и итальянские интервенты установили в захваченных районах кровавый террористический режим, грабили население, беспощадно расправлялись за малейшее неповиновение. Произвол и бесчинства оккупантов дошли до того, что под угрозой строгого наказания они запретили населению пользоваться родным словенским и хорватским языками в качестве официальных языков⁶.

В меморандуме сербского представительства в Вашингтоне государственному департаменту США от 11 декабря 1918 г. говорилось: «Оккупанты приказали, чтобы во всех административных делах употреблялся только итальянский язык, даже в деревнях, где никто не знает по-итальянски»⁷.

В том же документе рассказывается о других бесчинствах оккупантов: об изгнании из захваченного американцами и итальянцами города Горница всех «неблагонадежных» учителей, окончивших высшие учебные заведения после 1914 г.; о повальных обысках, под предлогом поисков оружия; о реквизиции продовольствия и введения «голодного режима», при котором полностью была бы прекращена выдача хлеба по карточкам жителям, относившимся «нелояльно» к интервентам⁸.

В другом документе — меморандуме сербского представительства в Вашингтоне государственному департаменту США от 5 декабря 1918 г. — перечисляются факты намеренной задержки кораблей с продовольствием, отправлявшихся в голодающие районы Далмации. «Итальянцы,— указывается в меморандуме,— препятствуют импорту продовольствия с целью вызвать в Далмации голод и тем вынудить население присоединиться к Италии»⁹.

¹ «Papers», v. II, p. 310—311.

² F. Šišić, Documenti..., стр. 228—229.

³ «Papers», v. II, p. 316—317.

⁴ Там же, стр. 305—306.

⁵ F. Šišić, Documenti..., стр. 229—230.

⁶ См. «Papers», v. II, p. 324.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же, стр. 321.

Антантовские империалисты зверски обращались не только с местным населением. Они осмелились поднять руку и на русских солдат, героически боровшихся во время войны 1914—1918 гг. на Македонском фронте и оказавшихся после войны на положении пленных.

«По сообщению нескольких русских, отправленных из Франции на Македонский фронт и бежавших оттуда,— писали московские «Известия»,— все русские солдаты, находящиеся на Салоникском фронте, объявлены французским командованием военнопленными. Работают они в горах Сербии и Македонии по исправлению дорог и мостов, а также и на рудниках. Обращение самое ужасное: русские солдаты получают настолько плохую пищу, что более половины их умерло от голода и болезней. Пытающихся бежать французы бросают в узкий ров, в котором нельзя ни сесть, ни лечь. Больных также отправляют на работу. При малейшем возражении и неповиновении — безжалостно расстреливают. В таких условиях работают наши 4 полка, в течение двух лет сдерживавшие натиск войск Четвертого союза на Македонском фронте»¹.

На произвол и жестокости оккупантов население захваченных районов отвечало решительным сопротивлением. Рабочие и крестьяне Хорватии, Далмации, Истрии, Черногории, Словении — всех районов, куда вторгались антантовские войска, — организовывали отпор интервентам, создавали партизанские отряды, выступавшие на борьбу против ненавистных захватчиков.

«Прошу передать государственному секретарю следующее сообщение, — телеграфировал поверенный в делах США в Сербии Додж американскому поверенному во Франции Блисссу 31 декабря 1918 г., — начальник штаба сербской армии сообщил мне, что около 4000 итальянских солдат начали наступление вдоль железной дороги... Население оказало им серьезное сопротивление. Войска при атаке употребили артиллерию»².

В секретном донесении специального американского агента на острове Корфу государственному секретарю США от 20 ноября 1918 г. говорилось: «Сербский делегат в Аграме (Загребе.— Ю. П.) доносит, что итальянские и американские войска высадились в Фиуме, оккупировав здания и разоружив югославские войска, и что население весьма возбуждено»³.

В другом донесении по поводу итало-американской оккупации Додж писал: «Американский командующий военными силами сообщает, что ситуация здесь критическая»⁴.

Революционная борьба хорватского, словенского, черногорского народов за свою свободу и независимость не прекращалась: ее не могли сломить американо-итальянские, французские и сербские интервенты, посылавшие в Далмацию, Хорватию и Черногорию все новые и новые отряды войск.

Это очень хорошо понимали империалисты. Недаром Вильсон, прочитав пересланное ему в Париж Лансингом донесение Доджа о борьбе хорватского и словенского народов против иностранных захватчиков, поручил государственному секретарю США немедленно связаться с Италией и другими державами для выработки «общих мер»⁵.

¹ «Известия», 6/XII 1918.

² «Papers», v. II, 344 (разрядка здесь и ниже наша.— Ю. П.).

³ Там же, стр. 303—304.

⁴ Там же, стр. 294.

⁵ Ответ Вильсона на письмо Лансинга (см. «Papers», v. II, p. 345).

Главкомандующий войсками Антанты на балканском театре военных действий генерал Франше д'Эспре назначил французских комендантов в военные порты Фиуме и Рагузу и послал туда французские и сербские войска¹.

Правда, в данном случае Франция преследовала и другую цель: обеспечить быстрым захватом итальянскими войсками таких важных в стратегическом отношении районов, как Далмация и северо-восточный берег Адриатического моря, она хотела несколько умерить итальянские аппетиты. В то же время Франция была сама заинтересована в захвате в Адриатике стратегически важных позиций. На этой почве между Францией и Италией обострились империалистические противоречия; французское правительство предложило Италии разделить Хорватское Приморье на сферы влияния.

По поручению своего правительства французский посол в Риме сделал следующее представление итальянскому премьер-министру Орландо:

1. Италия должна находиться в территориальных границах, установленных условиями перемирия.

2. Италия должна воздерживаться от оккупации территории за этими границами, так как такая оккупация может быть проведена франко-сербскими войсками.

3. Италия и другие союзные войска должны установить тесное сотрудничество на оккупационной территории².

Наметились также противоречия между Францией, Англией и Соединенными Штатами Америки в связи со стремлением каждой из этих стран к гегемонии на Балканах. Американские, английские и французские монополисты, движимые стремлением обеспечить максимальные капиталистические прибыли путем закабаления и ограбления народов других стран, в особенности таких отсталых, как государства Балканского полуострова, уже в то время начали борьбу за захват районов в Юго-Восточной Европе. Франция хотела поставить от себя в зависимость Сербию, Болгарию, южно-славянские земли Австро-Венгрии³. К захвату стратегических позиций на Балканском полуострове стремилась и Англия⁴. Что же касается Соединенных Штатов, то они претендовали на получение мандата на будущее Сербо-хорвато-словенское государство⁵.

Эти противоречия особенно обострились в 1919—1920 гг., после создания Королевства сербов, хорватов и словенцев, когда империалистам удалось временно приостановить назревший в стране революционный

¹ «Papers», v. II, p. 303—304.

² Там же, стр. 305—306.

³ См. М. А. Бирман. Контрреволюционная роль американского империализма в Болгарии.— «Вопросы истории», 1951, № 5.

⁴ См. Давид Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. V, стр. 37.

⁵ «На Парижской мирной конференции Вильсон и полковник Хауз настаивали на превращении Югославии в американского мандатария. Однако рост революционного движения в Сербо-хорвато-словенском государстве и постоянные противоречия между империалистическими державами по вопросу о Югославии сделали в то время невозможным осуществление этих планов. Тогда полковник Хауз выступил с проектом создания «Конфедерации Юго-Восточной Европы» (см. орган югославских революционных эмигрантов в Румынии, газету «Pod zastavom internationalizma», 10/VI 1951). В мемуарах эксперта американской мирной делегации в Париже Д. Х. Милера говорится, что Вильсон на заседании «Совета десяти» 30 января 1919 г. «упорно отстаивал тезис о включении Сербо-хорвато-словенского государства в число подмандатных территорий США» (цит. по газете «Pod zastavom internationalizma», 10/VI 1951).

кризис и когда, следовательно, общая задача борьбы с революцией путем организации совместной интервенции потеряла непосредственную остроту¹.

В конце же 1918 и в 1919 г. (вплоть до подавления Венгерской советской республики) на первый план выдвигалась союзная интервенция.

«...Международный империализм,— указывал В. И. Ленин в речи на VI Всероссийском Чрезвычайном съезде Советов 6 ноября 1918 г.,— своей главной задачей ставит свержение большевизма. Это не значит победить только Россию,— это значит победить своих собственных рабочих в каждой стране»².

Для подавления революционного движения в Хорватии, Словении, Черногории и Далмации империалисты Антанты хотели использовать также войска монархической Сербии, обещая в качестве награды Сербскому королевству южнославянские земли Австро-Венгрии.

Следует отметить, что эти земли постоянно служили в качестве приманки и разменной монеты в руках Антанты. В 1915 г., во время секретных переговоров в Лондоне, они были обещаны Италии за ее измену Четверному союзу и присоединение к Антанте³. В 1917 г., когда велись тайные переговоры с Австро-Венгрией через посредство принца Сикста Пармского, Антанта за выход Австро-Венгрии из войны обещала сохранить южнославянские земли (Хорватию, Словению и т. д.) за империей Габсбургов. В ноябре 1918 г., после того как Италия оккупировала Хорватское Поморье, Антанта пообещала передать те же самые земли Сербскому королевству⁴.

В связи с этим между Италией и Сербией резко обострились противоречия. Назревал военный конфликт. Специальный американский агент на острове Корфу Додж сообщал государственному секретарю США Лансину в телеграмме от 14 ноября 1918 г.:

«Кабинет министров (Сербии.— Ю. П.) выразил сильное возмущение итальянской позицией в вопросе об австро-венгерском флоте (Италия захватила австро-венгерские корабли в Адриатическом море.— Ю. П.), а также вследствие того, что итальянцы практически оккупировали все побережье до Фиуме и ряд далматинских портов. Говорят, что Италия, повидимому, будет пытаться удержать по возможности эту территорию и противодействовать объединению южнославянских народов, к которому стремятся маленькие государства. Хотя 80% населения Черногории за союз с Сербией, Италия поддерживает короля Черногории и имеет намерение оккупировать Цетинье и другие черногорские города, несмотря на то, что они уже оккупированы сербами»⁵.

В телеграмме Пейджа Лансину от 29 ноября 1918 г. сообщается о столкновении сербских и итальянских войск.

«Я узнал от нашего представителя контр-адмирала Балларда следующий факт,— говорится в телеграмме:— итальянцы высадились в Коттаро, включая батальон наших (американских.— Ю. П.) войск и предложили послать войска в Цетинье, но натолкнулись на сопротивление сербов, которые угрожают атаковать любые итальянские войска в случае если они пред-

¹ Об экспансии американского и иного иностранного капитала в Сербско-хорватословенское государство см. «Pod zastavom internationalizma», 10/VI 1951.

² В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 130.

³ См. «История дипломатии», т. III, М., 1940.

⁴ F. Šišić. Dokumenti..., str. 229—230.

⁵ «Papers», v. II, p. 294.

примут попытку двинуться в Цетинье. После этого итальянцы как будто согласились не посылать туда своих войск»¹.

О столкновениях итальянских и сербских войск и острых противоречиях между Италией и Сербией говорится также в ряде других документов — в телеграмме полковника Хауза Лансину от 18 ноября 1918 г.², в заявлении сербского правительства³ и загребского Народного веча Вильсону и союзному командованию⁴ и др.

Американский, французский и английский империализм играл на этих противоречиях и использовал свою роль «арбитра» для проникновения на Балканы, для захвата стратегических и экономических позиций во вновь создающемся югославском государстве. Это государство, по планам Антанты, должно было быть создано на базе присоединения Хорватии, Словении, Боснии, Герцеговины и других районов бывшей Австро-Венгрии к Сербии, которая находилась в полной экономической и политической зависимости от французского, американского и английского империализма и к тому же была экономически отсталой страной — значительно более отсталой, чем Хорватия и Словения. Империалисты считали, что целесообразнее объединить южнославянские области распавшейся Австро-Венгрии вокруг аграрной Сербии, а не Хорватии или Словении, которые могли стать для них известным конкурентом. Кроме того, осуществление другой империалистической задачи — создание на Балканах военно-полицейского государства, используемого Антантой в качестве плацдарма против Республики Советов, — также требовало объединения южнославянских стран вокруг милитаристской Сербии⁵.

Американские, английские и французские правители грубо попирали права хорватского, сербского, словенского и других народов самостоятельно решать вопрос о своем национальном государстве и его устройстве. Силой штыков они поддерживали монархический строй против демократической республики, за которую боролись трудящиеся Сербии, Хорватии и Словении⁶. Они нагло игнорировали требования народов и принимали в расчет только свои империалистические цели⁷.

В ноябре — декабре 1918 г. и в январе — феврале 1919 г. в Хорватии была проведена петиционная кампания по вопросу о создании независимой

¹ «Papers», v. II, p. 316—317.

² Там же, p. 297—298.

³ Там же, p. 335.

⁴ F. Šišić. Dokumenti..., str. 225, 227—228, 229—230, 231—232, 234—235.

⁵ См. М. Paulova. Diplomatička hra o Jugoslaviji. Zagreb, 1923; «Pod zastavom internacionalizma» № 13 (52) от 10 июня 1951 (статья «Экономическая экспансия США и Антанты в Югославию»).

⁶ Даже болгарская газета «Мир», орган буржуазной партии народняков, писала по поводу политики Антанты и США на Балканах (в номере от 13 октября 1918 г.): «Соединенные Штаты и их союзники по оружию решили любой ценой противостоять всякому проявлению революции где бы то ни было» (цит. по газете «Работнически вестник» от 19 октября 1918 г.): См. также «Известия АН СССР, Серия истории и философии», 1950, т. VII, № 4, стр. 273—284.

⁷ Американский экономический журнал «Levant American commercial Review» в 1919 г. с циничной откровенностью писал: «Мы должны рассматривать наши экономические задачи на Балканах не с точки зрения милосердия, а просто и ясно с точки зрения наших интересов» (цит. по газете «Работнически вестник» от 26 сентября 1919 г.): Отдельные документы по вопросу о создании Сербо-хорвато-словенского государства и позиции западных держав имеются в книгах: F. Šišić. Dokumenti o postanku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca 1914—1919. Zagreb, 1920; М. Paulova. Diplomatička hra o Jugoslaviji. Zagreb, 1923; В. Ђорђевић. Наше уједињење. Београд, 1921; E. Holzer. Die Entstehung des jugoslawischen Staates. Berlin, 1929; Temperlehn. A history of the peace conference, B. I.

Хорватии. Под петицией было собрано свыше 200 000 подписей. Когда петиция была вручена в Париже американскому президенту, он наотрез отказался даже прочитать ее¹. Английский министр иностранных дел лорд Бальфур в ответ на требования демократических кругов хорватских эмигрантов создать независимую республику Хорватию заявил в своей речи на юбилее «Югославского комитета» в Лондоне: «Великобритания отнеслась бы весьма благожелательно к созданию южнославянского государства под руководством Сербии»²; т. е. показал сторонникам республики, что Англия даст согласие только на присоединение Хорватии к Сербскому королевству.

Французский министр иностранных дел Пишон, выслушав представителей Народного вече, высказавшихся за создание федерации, заявил, как вспоминает американский посол во Франции Шарп, что «он (Пишон.— Ю. П.) не думает, что югославский народ может быть признан как нация до того, пока не будут подписаны условия перемирия...»³

О том, что будет после перемирия, довольно откровенно сказал лорд Эрве, заявивший ещё в июне 1915 г. в «Югославском комитете» в Лондоне: «В европейской истории не существует ни одного примера, чтобы народ вышел из войны свободным»⁴. С еще большей циничной откровенностью об империалистических планах относительно южнославянских народов высказался эксперт английской делегации на Парижской мирной конференции Хиддам Морли: «Все мы согласны, что сильное и справедливое правительство необходимо в Сербии. Но еще более необходимо, чтобы это правительство было сильным, чем чтобы оно было справедливым»⁵.

Приняв решение о присоединении всех южнославянских земель бывшей Австро-Венгрии к зависимому от Антанты Сербскому королевству, англо-франко-американский империализм стал оказывать давление на хорватских и словенских буржуазных политических деятелей. С этой целью в ноябре 1918 г., по инициативе французского президента Пуанкаре, в Женеве было созвано совещание «представителей» Сербии, Хорватии и Словении⁶. Делегатами на Женевское совещание были выделены лишь представители крупной буржуазии и помещиков. Так, делегацию Сербии на совещании возглавлял ярый националист, лидер буржуазной партии старых радикалов, премьер-министр сербского правительства Никола Пашич⁷, делегацию Хорватии, Словении, Далмации и Истрии — председатель католической партии Словении Антон Корошец, делегацию хорватских и словенских эмигрантов — глава созданного в 1915 г. в Лондоне «Югославского комитета» Анте Труибич.

¹ E. Holzer. Die Entstehung des jugoslavischen Staates. Berlin, 1929, S. 20.

² M. Paulova. Jugoslovencki Odbor, Zagreb, 1923, str. 81.

³ «Papers», v. II, p. 30—51.

⁴ M. Paulova. Указ. соч., стр. 82.

⁵ «Papers», v. VIII, p. 31. Цит. по статье В. М. Турок. Захватнические планы американского империализма в странах Юго-Восточной Европы в 1919 г.— «Вопросы истории», 1950, № 11, стр. 88.

⁶ В. И. Пичета. Образование Королевства сербов, хорватов и словенцев. Рукопись (хранится в Ин-те истории АН СССР), стр. 19. Документы о Женевском совещании см. F. Sišić. Указ. соч.

⁷ Никола Пашич (1845—1926) — основатель, идеолог и председатель (с 1903 г.) партии крупной сербской буржуазии — Сербской радикальной партии; великосербский шовинист, маховый реакционер и монархист; придерживался наиболее крайних националистических взглядов. С 1912 г. — председатель Совета министров сербского правительства. В 1919 г. — представитель Королевства сербов, хорватов и словенцев на Парижской мирной конференции.

Совещание должно было обсудить вопрос о будущем южнославянском государстве. В ходе совещания выявились серьезные разногласия. Представители загребского Народного веча, выражая требования хорватской буржуазии, настаивали на создании федерации в составе Хорватии, Словении и Сербии при гегемонии Хорватии¹. Сербский премьер-министр Пашич стоял на националистических позициях сербской буржуазии и требовал безоговорочного присоединения Хорватии и остальных южнославянских земель к Сербии². Что касается представителей словенской буржуазии, то они не занимали твердой позиции, но скорее высказывались за автономию Словении в рамках единого Сербо-хорвато-словенского государства, чем за федерацию, ведущую роль в которой играла бы хорватская буржуазия, значительно более сильная и потому более опасная для словенской буржуазии, чем сербская буржуазия.

Женевское совещание было последним, на котором еще раздавались робкие голоса в защиту «конституционных прав» южнославянских народов. На совещании под давлением Антанты была подписана совместная декларация, предусматривавшая присоединение Хорватии и Словении к Сербии³. В конце ноября 1918 г., в связи с развитием революционных событий, хорватская и словенская национальная буржуазия полностью капитулировала перед сербской монархией и сняла выставившиеся ею ранее лозунги национальной независимости.

24 ноября 1918 г. загребское Народное вече приняло решение о присоединении Хорватии, Словении и других южнославянских областей бывшей Австро-Венгрии к Сербскому королевству. За это решение голосовали представители всех буржуазных партий Хорватии и Словении в Народном вече.

Несколько иную позицию в то время занимали представители Хорватской крестьянской партии.

Хорватская крестьянская партия, основанная в 1904 г. и насчитывавшая в своих рядах перед войной около 50 000 членов, в результате подъема в стране крестьянского движения превратилась в 1918 г. в крупную массовую партию, число членов которой превысило 200 000 человек.

Одним из самых популярных лозунгов среди населения Хорватии был лозунг национальной независимости страны. Председатель Хорватской крестьянской партии Степан Радич⁴ прекрасно понимал, что отказ от лозунга национальной независимости привел бы к отходу от партии масс, к потере влияния партии среди избирателей (в начале 1919 г. ожидалось парламентские и муниципальные выборы). Этим именно и объясняется позиция Радича, занятая им в вопросе по объединению Хорватии с Сербией.

Выступив на заседании Народного веча против присоединения Хорватии к Сербскому королевству, Радич дальше формального заявления не пошел. Больше того, когда на следующий день после заседания Народного

¹ См. E. Holzer. Указ. соч., стр. 20 и сл.

² О позиции сербской буржуазии см. Бурђе Јеленић, Нова Србија и Југославија, Београд, 1923, стр. 385 и сл.

³ См. E. Holzer. Указ. соч.; Бурђе Јеленић, Указ. соч.; F. Sišić. Указ. соч., стр. 235 и сл.

⁴ Степан Радич (1871—1928) — председатель Хорватской крестьянской партии, руководитель ее правого крыла. Нанес большой ущерб крестьянскому движению своей реакционной «теорией» «общенародной» крестьянской республики (так называемый мелкобуржуазный социализм). В 1925 г. входил в реакционное сербское правительство, занимая пост министра просвещения. В 1928 г. Радич был убит сербским националистом.

веча, принявшего решение о присоединении Хорватии к Сербии, в Загребе стихийно возник многотысячный митинг протеста, Радич призвал собравшихся к спокойствию и отказу от активных выступлений, чем оказал неоценимую услугу реакции, стремившейся побыстрее закончить присоединение Хорватии к Сербии, чтобы с помощью сербских штыков подавить революционное движение¹.

1 декабря 1918 г. в Белград прибыла делегация Народного вече, вручившая верноподданнический адрес сербскому королю². От имени короля регентом Александром была обнародована декларация, в которой ни слова не говорилось о национальной автономии, конституционных свободах, самоуправлении и прочих обещаниях, дававшихся сербским правительством Хорватии, Словении и другим южнославянским землям и районам³. Декларация провозглашала создание единого Сербо-хорвато-словенского государства⁴.

Было сформировано правительство во главе с лидером сербской радикальной партии⁵, ярким реакционером и националистом Стояном Протичем⁶. Заместителем премьера был назначен другой реакционер — лидер католической партии Словении Антон Корошек, министром внутренних дел — один из руководителей созданных в это время первых фашистских организаций Сербии Светозар Прибичевич⁷, министром иностранных дел — английский агент Анте Трумбич⁸. В контрреволюционное правительство, приступившее к введению режима террора и репрессий, вошли и правые социалисты — Корач, Бушек и Кристан, которые должны были обманывать массы социальной демагогией. С этой целью лидеру хорватских социалистов Витомиру Корачу был дан портфель министра социальной политики⁹.

Так произошло «объединение» всех южнославянских областей в одно многонациональное государство — Королевство сербов, хорватов и словенцев¹⁰.

¹ В 1920 г., когда в Хорватии вспыхнуло мощное крестьянское восстание, охватившее всю страну, С. Радич снова выступил с призывом отказаться от активных форм борьбы. Крестьянское восстание 1920 г. было задушено с беспощадной жестокостью. В 1921—1924 гг., в период нового подъема крестьянского движения в Хорватии, Радич неоднократно выступал с аналогичными призывами, способствуя тем самым поражению этого движения.

² См. F. Sišić, Documenti..., str. 236, 238.

³ Турђе Јеленић. Нова Србија и Југославија. Београд, 1923, стр. 380 и сл.

⁴ См. подробнее: Турђе Јеленић. Наше уједињење. Београд, 1921.

⁵ Сербская радикальная партия, или Партия старых радикалов Сербии, выражала интересы крупных биржевиков, промышленников и торговцев.

⁶ Стоян Протич, душитель революционного движения в Сербо-хорвато-словенском государстве. В 1920 г. был одним из инициаторов законопроекта о роспуске компартии.

⁷ В 1919 г. Прибичевичем были созданы фашистские организации «Народна обрана», «Адриатическая стража», «Орјуна» (молодежная фашистская организация).

⁸ О Трумбиче, как агенте Лондона, см. «Papers», v. II, p. 301—302.

⁹ См. «Народная энциклопедија србска, хрватска, словенска», т. II.

¹⁰ В декабре 1918 г., во вновь созданном Королевстве сербов, хорватов и словенцев объединились восемь областей с разным уровнем экономического развития. Присоединившиеся к Сербскому королевству Хорватия и Словения были более развитыми в капиталистическом отношении, чем Сербия, которая свое экономическое развитие стала строить за счет ограбления национальных районов. Вошедшая в состав Сербо-хорвато-словенского государства Черногория была крайне отсталой, полупатриархальной страной с преобладанием экстенсивного земледелия. Отсталыми были и включенные в Королевство сербов, хорватов и словенцев Босния и Герцеговина, Македония и Далмация, где сохранились сильнейшие пережитки феодализма (кметчина, колонат, чифнийские отношения). В Далмации, Истрии, Хорватском Приморье, отчасти Боснии господствовало parcelльное землевладение. В то же время северо-восточная часть страны —

«Империалистическая война,— писал: И. В. Сталин в тезисах к X съезду РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе»,—...привела... к образованию новых буржуазных национальных государств (Польша, Чехословакия, Югославия, Финляндия, Грузия, Армения и др.). Но образование новых самостоятельных национальных государств не установило и не могло установить мирного сожительства национальностей, не устранило и не могло устранить ни национального неравенства, ни национального гнета, ибо новые национальные государства, покоящиеся на частной собственности и классовом неравенстве, не могут существовать:

а) без угнетения своих национальных меньшинств (...Югославия, угнетающая хорватов, босняков и т. д.);

б) без расширения своей территории за счёт соседей, что вызывает конфликты и войны (...Югославия против Болгарии...);

в) без подчинения «великим» империалистическим державам в финансовом, экономическом и военном отношениях»¹.

Создание Королевства сербов, хорватов и словенцев на развалинах Австро-Венгерской империи не привело к какому-либо существенному изменению условий жизни вошедших в состав нового государства народов и не устранило тем самым причин революционного движения.

Рабочий класс не избавился от капиталистической эксплуатации. Место австрийских, немецких и венгерских фабрикантов заняли сербские, хорватские и словенские промышленники, так же жестоко эксплуатирующие рабочих и преследующие трудящихся за малейшее сопротивление режиму эксплуатации и угнетения. Остался и гнет иностранного капитала: возросшая после окончания войны экспансия в страну американских, английских и французских монополий² привела к усилению эксплуатации рабочего класса, резкому ухудшению его положения.

Потерпев временное поражение в 1918 г., югославский пролетариат не отказался от борьбы. Перед ним стояли задачи борьбы за ликвидацию капиталистической эксплуатации, за победу диктатуры пролетариата. Разбуженный Великой Октябрьской социалистической революцией в России, югославский рабочий класс стремился идти по революционному пути, следовать русскому примеру.

Не прекратило своей борьбы и крестьянство. Оно ничего не получило от образования Сербско-хорватско-словенского государства. Сербская буржуазия пошла на блок с помещиками Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины, и аграрный вопрос остался не разрешенным, помещичье землевладение не было затронуто.

Не был разрешен и вопрос национальный. В итоге создания буржуазно-помещичьего югославского государства угнетавшиеся в бывшей Австро-Венгрии народы — хорваты, словенцы, босняки и др.—не только не получили свободы и национальной независимости, но попали под новый гнет

Воеводина, Словения, отчасти Хорватия представляли собой области крупных капитализированных помещичьих латифундий. В Сербии преобладало мелкокрестьянское землевладение. Такое различие в уровне экономического развития, разнохарактерность аграрных отношений, отсутствие прочных экономических связей и исторически сложившегося устойчивого внутреннего рынка способствовали общей экономической отсталости страны, чем широко пользовался иностранный капитал, превративший Сербско-хорватско-словенское государство в свою полуколонию.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 17—18.

² См. «Pod zastavom internacionalizma», 10/VI 1951 (статья «Экономическая экспансия США и Антанты в Югославию»); «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», 1952, т. V, стр. 121—125.

буржуазии Сербии. Так же как во времена реакционной габсбургской империи, преследовались национальная литература, искусство, национальная культура. Жесточайшим образом подавлялось все передовое и прогрессивное¹.

Угнетенные национальности в Сербо-хорвато-словенском государстве были лишены всякой национальной самостоятельности. После создания Королевства сербов, хорватов и словенцев были распущены все местные органы самоуправления — провинциальные парламенты: существовавший с 1867 г. Хорватский собор, Народная скупщина Черногории, Народный собор Боснии, Земальский совет Словении. Албанцам, венграм и македонцам было запрещено употребление родного языка в суде, в школах, в печати.

Ответом на великодержавную политику сербской буржуазии было обострение национальных противоречий, новый подъем национально-освободительного движения.

* * *

Это движение началось с первых же дней создания Сербо-хорвато-словенского государства и совпало с общим революционным подъемом в стране.

Сразу же после обнародования королевской декларации, которая свидетельствовала об отказе правительства предоставить народу политические свободы, а национальностям — национальную независимость и в которой ничего не говорилось об удовлетворении требований рабочего класса и крестьянства, по всей стране прокатилась новая волна революционных выступлений.

Первыми выступили рабочие и солдаты Загреба. Восстание началось 5 декабря 1918 г., т. е. на следующий день после получения в Хорватии текста декларации сербского короля². Солдаты 53-го и 25-го хорватских полков с оружием в руках двинулись на площадь Елачича и стали требовать провозглашения независимой хорватской демократической республики. Солдаты поддержали рабочие ряда предприятий. Однако эта поддержка была очень слабой, да и сами солдаты действовали нерешительно: они не оказали серьезного сопротивления сербским войскам, устроившим на площади Елачича кровавое побоище.

Восставшие солдаты были преданы правыми социалистами. Когда часть восставших явилась в редакцию центрального органа социал-демократической партии, газеты «Свобода», и потребовала возглавить движение, социалисты отказались принять делегацию и в своей газете осудили восстание.

Восстание солдат в хорватской столице напугало сербское правительство. Оно решило предпринять демагогический маневр, объявив о создании представительного органа от всех национальностей Сербо-хорвато-словенского государства. 20 декабря 1918 г. открылись заседания «Временного

¹ Колониальный гнет сербской буржуазии в отношении других национальностей проявлялся и в налоговой политике. Согласно официальным данным министерства финансов, население Хорватии, Боснии, Герцеговины, Далмации и Воеводины, составлявшее 50% населения страны, уплачивало в среднем 72,8% всей суммы прямых налогов, в то время как Сербия — только 12% налогов. В Сербии налог на одного человека составлял в год в среднем 407 динаров, в Хорватии — 762, Словении — 1035, Воеводине — 1118 динаров. Налог, падавший на один квадратный километр, в Сербии составлял 18 тыс. динаров, в Хорватии — 44 тыс., в Словении — 67 тыс., в Воеводине — 72 тыс. динаров (см. Народна енциклопедија, т. III, стр. 500).

² «Политика», 6—7/XII 1918.

народного представительства», в которое вошли 284 представителя буржуазных партий Сербии и южнославянских земель бывшей Австро-Венгрии.

Словения была представлена во «Временном народном представительстве» 32 депутатами, Хорватия с Риекой и Меджумурьем — 60, Далмация и Истрия — 16, Босния и Герцеговина — 42, Сербия — 84, Черногория — 12, Южная Сербия (Македония) и Воеводина — 24 депутатами каждая.

Таким образом, Сербия вместе с Македонией и Воеводиной, где уже давно была установлена сербская администрация и где легальными были лишь сербские буржуазные партии, имела 132 мандата. 12 мандатов сербы имели от Черногории. Все это обеспечивало сербской буржуазии больше половины голосов во «Временном народном представительстве»¹.

Однако последнее просуществовало недолго: в январе 1919 г. оно было распущено и заменено «Народной скупщиной Королевства сербов, хорватов и словенцев», где уже не было делегатов от национальных районов. Укрепив свое положение, сербское правительство решило, что можно окончательно ликвидировать остатки национальных представительств.

10 января 1919 г. правительство провело грабительскую денежную реформу, сильно ударившую по трудящемуся населению и прежде всего рабочему классу и крестьянству национальных районов. Согласно закону о денежной реформе, население Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины должно было отдать за каждый сербский динар 4 кроны, а население Черногории — 2 черногорских перпера².

Денежная реформа не только не привела к укреплению финансов и ликвидации черного рынка, но, наоборот, способствовала росту спекуляции и вздуванию цен, что только усугубило и без того тяжелое экономическое положение страны. Сербо-хорвато-словенское государство в 1918—1919 гг. переживало послевоенную хозяйственную разруху. Война нанесла большой ущерб экономике, в особенности народному хозяйству Сербии. Многие промышленные предприятия были разрушены, рудники и шахты затоплены или заброшены, железнодорожные мосты взорваны.

Однако правящий буржуазно-помещичий блок не спешил с восстановлением подорванной войной экономики страны. В 1918—1919 гг., когда послевоенная Европа переживала кризис и не были восстановлены еще международные торговые связи, буржуазия Сербии, Хорватии и Словении считала невыгодным помещать свои капиталы в восстановление нерентабельных предприятий. В Сербо-хорвато-словенском государстве, как и в других капиталистических странах, действовал основной экономический

¹ Бурђе Јеленић. Указ. соч., стр. 385—387.

² В момент создания Сербо-хорвато-словенского государства в стране было три валюты: сербский динар, австрийская крона и черногорский перпер, выпускавшийся Черногорским эмиссионным банком (основан в 1909 г.). Все эти валюты были очень обесценены, в особенности сербский динар. Резко обесценена была также и австрийская крона. «Привилегированный народный банк Королевства Сербии», выпускавший сербские динары, сумел провести через Народную скупщину выгодный для сербской буржуазии законопроект о денежной реформе. Этот законопроект предусматривал обмен имеющихся хождение старых денежных знаков на новые для всех областей Сербо-хорвато-словенского государства и предоставлял привилегии обесцененному сербскому динару. В результате население тех районов, где имела хождение австрийская крона (Хорватия, Словения, Далмация, Босния и Герцеговина), отдавало в четыре раза больше старых денег за новые, чем население Сербии. Денежная реформа привела к ограблению трудящихся национальных районов. Буржуазия (в особенности лица, связанные с банками) успела обменять кроны на динары до реформы (крупные финансовые операции велись только в динарах) (см. Л. Косијер. Народна банка. Београд, 1928, стр. 179 и сл.).

закон современного капитализма — обеспечение получения максимальных прибылей. Предприятия же не только не могли принести этих прибылей, но еще и требовали дополнительных затрат на свое восстановление и реконструкцию.

Сербская, хорватская и словенская буржуазия, игнорируя национальные интересы, воздерживалась от финансирования промышленных предприятий и предпочитала отдавать свои капиталы в рост, играть на вздорожании жизни и даже помещать свои капиталы в заграничные банки.

Югославская буржуазия не считалась с тем, что утечка золота за границу и хозяйственная разруха усугубляют экономическую отсталость страны и ее зависимость от иностранного капитала.

В итоге реакционной, антинациональной политики правящего буржуазно-помещичьего блока оказалось, что в течение 1918—1919 гг. в стране не было восстановлено ни одного промышленного предприятия, бездействовали шахты, резко сократились перевозки по железным дорогам¹. Десятки тысяч рабочих не могли найти работы и были вынуждены влачить нищенское существование. Катастрофически быстро снижался жизненный уровень. С каждым днем повышались цены на продукты питания и предметы первой необходимости.

В 1919 г., по сравнению с довоенным временем, цены на хлеб выросли на 200—250%, на мясо, жиры, сахар — на 300%, на картофель — на 200%, на одежду и обувь — на 250—300%², на соль в некоторых внутренних районах страны (в Боснии, Герцеговине, Македонии, Косовой Метехии) — даже на 1000%³.

Ростом дороговизны пользовались спекулянты, торговцы, темные дельцы, ростовщики. Спекуляция продуктами питания в это время достигла колоссальных размеров, особенно в потребляющих районах (Босния и Герцеговина и др.)⁴.

На почве экономических трудностей в начале 1919 г. усилилось стачечное движение рабочего класса. Стачки вспыхнули во всех промышленных центрах страны — в Белграде, Загребе, Любляне, Мариборе, Оснеке, в рудничных поселках Боснии и Трбовля⁵.

Вместе с рабочими, под влиянием их революционной борьбы, начало подниматься крестьянство. Снова резко усилилось движение крестьянской бедноты за захват и раздел помещичьих земель. В январе — феврале 1919 г. в ряде районов страны произошли крестьянские волнения. Крестьяне Кутина, Поповача, Дубравы, Великого Джурджеваца, Грубишного Поля (Хорватия), волостей Иваничграда, Синь, Вргорац, Имотски, Поляци (Далмация), некоторых селений Словении и Воеводины прогнали помещиков и захватили их земли⁶.

В Сербо-хорвато-словенском государстве начиналась аграрная революция. Во избежание ее дальнейшего развития правительство поспе-

¹ См. «Коммунистический Интернационал», № 13, 1920, стр. 2567—2572; «Жизнь национальностей», № 27, 1919.

² «Коммунистический Интернационал», № 13, 1920, стр. 2567—2572; «Жизнь национальностей», № 34, 1919.

³ «Архив за правне и друштвене науке». Књига прва (XVIII) другог кола, свеске 1—6. Београд, 1921, стр. 222—223.

⁴ Там же.

⁵ К сожалению, об этих выступлениях рабочего класса у нас почти нет никаких данных, так как сербское правительство установило в 1919 г. жестокую цензуру, не пропускавшую в печать сведений о революционном движении.

⁶ См. сербские и хорватские газеты «Политика», «Време», «Самоуправа» за январь — февраль 1919 г.

шило заявить о проведении аграрной реформы¹. 25 февраля 1919 г. были опубликованы «Предварительные распоряжения о земельной реформе»², а 28 февраля 1919 г. обнародован манифест принца-регента Александра, содержащий многочисленные обещания и призывавший крестьян к спокойствию³.

Однако дальше обещаний дело не пошло. Осуществление аграрной реформы затянулось на несколько лет. Помещичья земля фактически так и не была отчуждена, и беднейшее крестьянство ничего не получило.

Проводя аграрную реформу, сербская буржуазия пошла на сделку с буржуазией и помещиками национальных районов, в результате чего в этих районах была разделена лишь незначительная часть помещичьей земли⁴. Всего, согласно официальным данным, в Словении было распределено только 3,5% помещичьих земель, в Хорватии-Славонии — 5,5%, в Воеводине — 16%⁵.

Отчуждение земли проводилось в основном только у помещиков немецкой, австрийской или венгерской национальности, которые были объявлены врагами Королевства сербов, хорватов и словенцев за сотрудничество с австро-венгерскими войсками во время войны 1914—1918 гг.⁶

Но вместо того чтобы разделить отчужденные помещичьи земли между безземельным крестьянством, правительство превратило большую часть этих земель в так называемые государственные имения, которые сдавались мелкими участками в аренду сербским кулакам. Так были распределены земли во всех имениях Габсбургов, в имении Топаловича (10 000 кв. ютаров), в Белье (90 000 кв. ютаров), Сисаке, Баранье и других местах⁷.

В итоге реформы выиграли лишь сербское кулачество и нажившиеся на взятках и спекуляциях землей чиновничий аппарат и сербская жандармерия⁸.

Трубящееся же крестьянство национальных районов только пострадало от проведения этой реформы, в особенности крестьянство Македонии, Косовой Метохии и Воеводины, так как было вынуждено отдать часть своих общинных земель сербским кулакам-переселенцам⁹. Реформа ухудшила положение и сельскохозяйственных рабочих, оставшихся без работы в результате передачи крупных имений в аренду кулакам. В одной только Воеводине без работы оказалось 150 000 сельскохозяйственных рабочих¹⁰.

Но это со всей очевидностью обнаружилось лишь в 1920—1921 гг., когда крестьянство практически столкнулось с первыми итогами реформы. В 1919 г., во время ее проведения, правительству удалось всяческими обещаниями отвлечь крестьянство от революционной борьбы и тем самым помешать созданию единого фронта рабочего класса и крестьянства.

¹ Подробнее об аграрной реформе см. «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», 1951, т. IV, стр. 167—189.

² См. сборник законов «Agrarna reforma», Zagreb, 1920, ч. I.

³ См. «Аграрные законы», Београд, 1924; Demetrovič. Agrarna reforma, 1920, str. 5.

⁴ См. Demetrovič. Указ. соч., стр. 5—20.

⁵ Superficies productives et rendement des plantes cultivées. Belgrad, 1937; Dembitz. Agrarpolitische Massnahmen und Versuche der jugoslawischen Regierung. Novi Sad, 1933, S. 49.

⁶ См. «Agrarna reforma», ч. I, стр. 226 и сл.

⁷ Газета «Меја». Ljubljana, 31/III, 1924, стр. 7.

⁸ См. Hridar. Agrarna reforma. Zagreb, 1921, str. 185.

⁹ Dembitz. Указ. соч., стр. 55 и сл.

¹⁰ См. «Летопис Матица Српске». Свеске, XII, 1924.

Буржуазия, указывает В. И. Ленин, применяет «уступки», как *орудие обмана и развращения*¹. Такая тактика и была применена буржуазией Сербо-хорватословенского государства в 1919 г., когда в стране снова назрела революционная ситуация и на борьбу вновь поднялся рабочий класс.

* * *

Непосредственным толчком для нового выступления рабочего класса послужила советская революция в Венгрии, восторженно встреченная трудящимися Сербо-хорватословенского государства.

После получения известий о провозглашении в Будапеште 21 марта 1919 г. Советской власти стихийно возникли рабочие демонстрации и собрания в Белграде, Загребе, Крагуеваце, Суботице, Нови Саде и других городах страны. Пролетариат Сербо-хорватословенского государства горячо приветствовал рабочий класс Венгрии и заявил о своей солидарности с венгерскими рабочими². В апреле 1919 г., когда Антанта предприняла первую попытку посылки интервенционистских войск против Советской Венгрии, забастовали рабочие железных дорог, грузчики, металлисты³.

В пограничных сербско-венгерских районах поднимались волнения сербских солдат, которые отказывались выступать против революционных венгерских войск и братались с ними.

«Братание, — писала 5 апреля 1919 г. «Правда», — шло по всей демаркационной линии»⁴.

В Дравацваре, Фюнфкирхене, Сегеде, Мике, Пече и других городах Южной Венгрии, где были расквартированы сербские войска, вспыхнул ряд восстаний⁵. Восставшие солдаты выдвинули антимонархические лозунги, требуя провозглашения в Королевстве сербов, хорватов и словенцев демократической республики и низложения ненавистой династии Карагеоргиевичей.

Для подавления восстания сербских солдат правительство использовало французские военные соединения, посланные главнокомандующим войсками Антанты на Балканах генералом Франше д'Эспере. Однако многие части французских войск пришлось вернуть обратно, так как французские солдаты отказались сражаться против восставших сербских солдат и солдат венгерской Красной армии и братались с ними⁶.

Не успело правительство подавить солдатские восстания, как по всей стране прокатилась волна рабочих демонстраций и стачек. 1 мая 1919 г. демонстрации трудящихся произошли во всех крупных городах Сербо-хорватословенского государства⁷. Особенно внушительными они были в промышленных районах Боснии (в рудниках), где в демонстрациях участвовали десятки тысяч рабочих. Демонстрации прошли под лозунгами пролетарской солидарности с венгерскими рабочими⁸ и были организованы коммунистами, объединившимися в апреле 1919 г. в коммунистическую партию⁹.

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 188.

² См. «Жизнь национальностей», 20/IV 1919.

³ «Правда», 15/IV 1919; «Жизнь национальностей», 29/IV 1919.

⁴ «Правда», 5/IV 1919.

⁵ См. «Жизнь национальностей», 20/IV 1919.

⁶ См. там же, 29/IV 1919.

⁷ См. там же, 25/IV 1919.

⁸ См. «Agrarer Tageblatt», 7/V 1919.

⁹ См. «Коммунистический Интернационал», 1920, № 13, стр. 2567—2572. В апреле 1919 г. на съезде в Белграде была создана коммунистическая партия Сербо-хорватословенского государства.

Летом 1919 г. коммунистами была организована всеобщая забастовка протеста против готовившейся Антантой военной интервенции в Советскую Венгрию¹ и подняты новые восстания в войсках, посланных против венгерской Красной армии². В июне 1919 г. вспыхнули восстания словенских солдат в Мариборе, Дорнау, Прогерско и восстания хорватских частей в Загребе и Вараждине³. Восставших солдат поддержали рабочие и служащие почты и телеграфа: в течение двух дней по всей стране была прервана почтовая и телеграфная связь⁴. В Загребе прекратилась работа железнодорожного транспорта, в результате чего была затруднена доставка в Хорватию и Словению сербских карательных войск. В конце концов правительство Королевства сербов, хорватов и словенцев было вынуждено совсем отозвать свои войска из Южной Венгрии и отправить их вглубь страны.

Под влиянием революционной пропаганды, которая велась в армии коммунистами, и от соприкосновения с Красной армией Советской Венгрии сербские солдаты сами превращались в революционную силу и становились опасными для королевского правительства. Положение же последнего было весьма шатким. Стремительно надвигался революционный кризис⁵.

И снова на помощь правящему буржуазно-помещичьему блоку пришел англо-франко-американский империализм. Империалистов Антанты уже давно беспокоило развитие революционных событий в Венгрии и Сербо-хорвато-словенском государстве.

Известие о победе пролетарской революции в Венгрии вызвало переполох в капиталистическом лагере. Об этом весьма убедительно свидетельствуют записи в дневнике полковника Хауза.

22 марта Хауз записал: «Большевизм повсюду завоевывает новые позиции. Только что поддалась Венгрия. Мы сидим на пороховом погребе, и в один прекрасный день какая-нибудь искра взорвет его»⁶.

24 марта в дневнике Хауза появилась новая тревожная запись: «Вокруг нас рушится мир, и нам необходимо действовать с быстротой, соразмерной той опасности, которая нам угрожает»⁷.

23 апреля 1919 г., по инициативе Вильсона, в Париже было созвано специальное совещание глав правительств Англии, Франции и США по вопросу о борьбе против революционного движения на Балканах⁸. На совещании присутствовали Вильсон, Ллойд Джордж и Клемансо. Вильсон

словенского государства, называвшаяся до 1920 г. «Социалистической рабочей партией (коммунистов)». Коммунистическая партия допустила ряд грубых политических ошибок в вопросах стратегии и тактики, а ее руководство было сильно засорено враждебными элементами. Подробнее о деятельности компартии уже говорилось в нашей статье «Из истории революционного движения рабочего класса и крестьянства в Сербо-хорвато-словенском государстве в 1919—1923 гг.», опубликованной в «Ученых записках Ин-та славяноведения АН СССР», 1952, т. V, стр. 82—83 и др.

¹ См. «Коммунистический Интернационал», 1920, № 9, стр. 2567—2572.

² См. «Korrespondenz-Express», 25/VII 1919.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Показателем политического кризиса является министерская чехарда. В 1919 г. за несколько месяцев сменилось четыре кабинета: два правительства лидера Сербской демократической партии Л. Давидовича, правительство Трифковича (Сербская народная радикальная партия) и кабинет Стояна Протича (старые радикалы).

⁶ «Архив полковника Хауза», т. IV, стр. 306.

⁷ Там же.

⁸ «Papers», v. II, p. 149.

сообщил, что он располагает данными, свидетельствующими о распространении влияния венгерской революции на Сербо-хорвато-словенское государство и другие балканские страны. «Эти данные, — заявил Вильсон, — не могут не вызвать нашу общую тревогу, так как они говорят о росте большевистской опасности»¹. Совещание решило оказать немедленную помощь контрреволюции для подавления Советской власти в Венгрии и революционного движения в Сербо-хорвато-словенском государстве.

17 июля 1919 г. в Париже было созвано заседание делегации США на Парижской мирной конференции, обсудившее конкретные мероприятия по усилению вооруженной интервенции против Советской Венгрии².

Империалисты США, Англии и Франции, стремясь опередить друг друга, пытались захватить Дунай, имеющий огромное стратегическое и экономическое значение. Наиболее активными в этом отношении были американцы. Еще 5 февраля 1919 г., на заседании «Совета десяти» матерый империалист Герберт Гувер требовал установления американского контроля над всем бассейном Дуная, а также железными дорогами Сербо-хорвато-словенского государства, прикрывая эти экспансионистские требования лживым доводом о необходимости организации пресловутой «продовольственной помощи»³.

1 июля 1919 г. Гувер снова выступил уже на заседании делегации США на Парижской мирной конференции. Здесь он говорил значительно откровеннее: «Нормальное функционирование торговли по Дунаю является одним из главных средств к разрешению всей центральноевропейской проблемы»⁴. Для обеспечения же этого «нормального функционирования» империалисты Антанты стремились прежде всего прибрать к своим рукам Дунай и создать в придунайских странах реакционные режимы.

Сформированная на основе Сен-Жерменского договора Международная Дунайская комиссия⁵, в которую вошли такие «дунайские» государства, как Англия, Франция и Италия, и из которой была исключена Советская Россия, превратилась в орудие империалистической экспансии в Восточной и Юго-Восточной Европе⁶.

Англо-франко-американские империалисты установили экономическую блокаду Венгрии, пытаясь рукой голода задушить советскую республику. По указке своих хозяев, австрийское, румынское, чехословацкое и югославское правительства прекратили всякую торговлю с Венгрией, запретили продажу хлеба и продовольствия. Одновременно Гувер, рассчитывая на свою тайную агентуру — правых социалистов и иных предателей в Венгрии, обратился к венгерскому правительству с гнусным предложением ликви-

¹ Там же. Английский «Progress» писал в мае 1919 г.: «В Лондоне весьма встревожны беспорядками, происходящими в Сербии» («Жизнь национальностей», 19/V 1919).

² На совещании был принят меморандум, в котором предлагалось: «Поддерживать порядок на Дунае и на жизненных железнодорожных линиях, пересекающих венгерскую территорию и необходимых для нормальной экономической жизни окружающих стран. Это должно осуществляться под видом полицейских мероприятий, которые призвана поддерживать и поощрять Лига наций...» («Papers», v. XI, p. 312). Для осуществления этих «полицейских мероприятий» использовалась также речная флотилия Международной дунайской комиссии под командованием английского адмирала (см. В. М. Турок. Захватнические планы американского империализма в Юго-Восточной Европе.— «Вопросы истории», 1950, № 11, стр. 86).

³ «Pod zastavom internacionalizma», 10/VI 1951.

⁴ «Papers», v. XI, p. 259.

⁵ «Сен-Жерменский мирный договор», М., 1952, стр. 127.

⁶ См. В. М. Турок. Указ. статья.— «Вопросы истории», 1950, № 11, стр. 87.

ровать в стране Советскую власть, обещая за это оказать продовольственную помощь.

Буржуазия, говорил В. И. Ленин 30 июня 1919 г., «дошла до такой наглости, что предлагает венгерскому правительству такие вещи: «Мы вам дадим хлеб, а вы откажитесь от Советской власти»!»¹.

Наглое предложение империалистической буржуазии с негодованием было отвергнуто венгерским народом.

Тогда Антанта усилила подготовку к военной интервенции против Советской Венгрии и развернула подрывную деятельность внутри Венгрии.

В Будапешт были засланы сотни американско-английских империалистических агентов-шпионов, провокаторов и убийц². Из Швейцарии в Венгрию был направлен намечавшийся в качестве главы будущего контрреволюционного правительства Венгрии социал-предатель Гарамби³. В Сербо-хорватословенском государстве империалистами Антанты подкармливался и другой претендент на организацию марионеточного венгерского правительства, адмирал Миклош Хорти, стоявший во главе сформированных в Сербии фашистских банд (так называемой «Национальной армии»).

Летом 1919 г. Антанта организовала открытую военную интервенцию против Советской Венгрии, и 1 августа 1919 г. Венгерская советская республика пала.

После кровавого подавления революции в Венгрии Антанта сосредоточила свои силы на удушении революционного движения в Сербо-хорватословенском государстве. Английские, американские и французские империалисты установили полный контроль над телеграфом и почтой королевства. Ни одна телеграмма не пропусклась без визы союзного командования. Одновременно был установлен контроль над железными дорогами, судоходством, воздушным флотом⁴.

В 1920 г. Народной скупщиной был принят закон о запрещении коммунистической партии и роспуске прогрессивных профсоюзов. В стране начались повальные обыски и аресты⁵. Компартия была загнана в подполье. Революционное движение потерпело временное поражение.

Первая и главная причина поражения революционного движения заключалась в том, что в Сербо-хорватословенском государстве в 1918—1919 гг. не было союза пролетариата и крестьянства. Рабочий класс не возглавил общего революционного подъема в стране, революционные выступления рабочих и крестьян, даже совпадая по времени, проходили изолированно друг от друга. Этим воспользовалась буржуазия и задушила революционное движение.

Другой причиной поражения революционного движения явилась стихийность и неорганизованность пролетариата Сербо-хорватословенского государства. В 1918—1919 гг., в период создания югославского государства, рабочий класс Сербии и южнославянских областей распадавшейся Австро-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 488.

² В начале 1919 г. в Вену прибыла миссия матерого шпиона Арчибальда Кулиджа со специальным заданием создать американскую шпионскую сеть во всех странах, которые входили в Австро-Венгерскую империю (см. «Papers», v. II, p. 219). Вена должна была стать центром этой разветвленной шпионской сети (см. В. М. Турок. Указ. статья.—«Вопросы истории», 1950, № 11, стр. 87).

³ Там же.

⁴ См. «Жизнь национальностей», 25/V 1919.

⁵ Только за два месяца: декабрь 1920—январь 1921 г. было арестовано около 10 000 человек («Правда», 26/I 1921).

Венгрии не имел еще своей боевой политической партии, которая могла бы организовать и возглавить нараставшее в стране революционное движение.

«Победа революции, — писал И. В. Сталин, — никогда не приходит сама. Её надо подготовить и завоевать. А подготовить и завоевать её может только сильная пролетарская революционная партия. Бывают моменты, когда положение — революционное, власть буржуазии шатается до самого основания, а победа революции всё же не приходит, так как нет налично революционной партии пролетариата, достаточно сильной и авторитетной для того, чтобы повести за собой массы и взять власть в свои руки»¹.

Фактически рабочий класс Сербо-хорвато-словенского государства не имел боевой политической партии и в 1919 г., несмотря на состоявшееся в апреле 1919 г. формальное объединение левых групп социал-демократических организаций в единую «Социалистическую рабочую партию (коммунистов)».

Компартия Сербо-хорвато-словенского государства допустила грубейшие политические ошибки, выразившиеся в недооценке национального и крестьянского вопросов, имевших особенно большое значение в такой многонациональной и крестьянской стране, как Королевство сербов, хорватов и словенцев. Коммунистическая партия Сербо-хорвато-словенского государства не вела последовательной борьбы за установление прочного союза рабочего класса и крестьянства, чем поспешила воспользоваться буржуазия.

В 1918—1919 гг. в Сербо-хорвато-словенском государстве дважды назревала революционная ситуация; в ноябре-декабре 1918 г. и весной и летом 1919 г. Однако оба раза революционная ситуация не переросла в революцию, так как в то время в стране оказалось недостаточно сил у основного революционного класса — пролетариата, который был малочислен и слабо организован.

Говоря о перерастании революционной ситуации в революцию, В. И. Ленин указывал:

«Ошибочно было бы думать, что революционные классы всегда обладают достаточной силой для совершения переворота, когда этот переворот вполне назрел в силу условий общественно-экономического развития. Нет, общество человеческое устроено не так разумно и не так «удобно» для передовых элементов. Переворот может назреть, а силы у революционных творцов этого переворота может оказаться недостаточно для его совершения...»²

В 1912 г. в статье «Социальное значение сербско-болгарских побед» В. И. Ленин, анализируя причины разрешения македонского вопроса не путем революции, а путем войны, подчеркивал, что главной причиной этого является слабость пролетариата, его малочисленность, а также неразвитость, темнота крестьянских масс.

С 1912 по 1918 г. — за время балканских войн и мировой войны — количество рабочих существенно не увеличилось. В 1919—1923 гг., согласно статистическим данным, в Сербо-хорвато-словенском государстве не насчитывалось и 700 000 рабочих³; подавляющее большинство их было занято на мелких предприятиях⁴ или было сезонниками (около 500 000)⁵.

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 298.

² В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 338.

³ Поповић и Мишић, Наша домаћа привреда и национални приход. Београд, 1929, стр. 357.

⁴ В. 1927 г. в стране было всего 20 крупных промышленных предприятий обрабатывающей промышленности с количеством рабочих свыше 500 («Revue économique de Belgrade», Mai 1928, str. 146).

⁵ Поповић и Мишић, Указ.-соч., стр. 357.

По степени концентрации рабочего класса Королевство сербов, хорватов и словенцев стояло на одном из последних мест в Европе. Очень небольшим был основной слой пролетариата — промышленные потомственные рабочие. В то же время значительную часть пролетариата составляли крестьяне-отходники, вчерашние мелкие земельные собственники, принесшие в ряды рабочего класса мелкобуржуазную идеологию¹.

Рабочий класс не только не имел своей революционной партии, но и был разобщен по различным профсоюзным объединениям, значительная часть которых находилась под влиянием социал-реформистов².

Социал-демократия, предав дело революции, оказала активную поддержку буржуазии, проводя в рабочем классе подрывную, раскольническую деятельность, разлагая и дезориентируя рабочее движение. Социал-демократия является основной опорой капитализма в рабочем классе, главным противником коммунизма.

Непосредственную помощь буржуазно-помещичьему блоку в подавлении революционного движения оказал американский, английский и французский империализм, организовавший военную интервенцию против народов Сербохорватословенского государства, силой штыков поддержавший реакционную династию Карагеоргиевичей, грубо вмешавшийся во внутреннюю жизнь страны и нарушивший суверенные права народов бороться за свою свободу и национальную независимость.

Антантовский империализм, «который фантазия мелкобуржуазных демократов рисовала в виде друга демократии, защитника угнетенных, оказался на деле зверем, навязавшим германской республике и народам Австрии условия хуже брестских,— зверем, использующим войска «свободных» республиканцев, французов и американцев, для роли жандармов и палачей, душителей независимости и свободы малых и слабых наций»³.

Англо-франко-американскому империализму и сербской реакции удалось нанести временное поражение революционному движению в Сербохорватословенском государстве в 1918—1919 гг., но ему не удалось и не удастся поставить народы Югославии на колени, сломить их волю к борьбе за свою свободу, независимость, за ликвидацию империалистического гнета.

Не прошло и полугодя после кровавого подавления революционного движения рабочего класса и трудящегося крестьянства в декабре 1919 г., как это движение развернулось с новой силой и сорвало агрессивные планы империалистов США, Англии и Франции, пытавшихся вовлечь Королевство сербов, хорватов и словенцев в третий поход Антанты против Советского социалистического государства.

В июне 1920 г. в ответ на приказ о мобилизации для помощи панской Польше по всей стране прокатилась такая мощная волна стачек, демонстраций, антивоенных митингов и солдатских волнений, что королевское правительство было вынуждено отменить мобилизацию. Трудящиеся массы Сербохорватословенского государства отказались воевать против своего старшего брата — советского народа, с которым южнославянские народы связаны крепкими узами вечной дружбы.

¹ Из 700 000 рабочих только 250 000 работали постоянно на промышленных предприятиях и около 40 000 — на шахтах и в рудниках. Все остальные были сезонниками или строительными рабочими.

² В Сербохорватословенском государстве насчитывалось несколько десятков профсоюзов, многие из которых находились под влиянием желтого Амстердамского интернационала.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 167—168.

Все историческое развитие южнославянских народов находилось в прямой зависимости от взаимоотношений и связей с русским народом, от его дружеской помощи.

На заре своей истории сербский народ получил национальную независимость и освободился от турецкого ига благодаря русскому народу, нанесшему сокрушительное военное поражение Османской империи.

Благодаря Великой Октябрьской социалистической революции в России, оказавшей могучее влияние на революционный подъем в Австро-Венгрии, в результате которого произошел взрыв реакционной империи, южнославянские народы освободились от многовекового гнета габсбургской монархии и получили возможность создать свое национальное государство.

Во время Отечественной войны Советского Союза героическая Советская Армия разгромила гитлеровскую Германию и освободила народы Югославии от немецко-фашистских оккупантов.

Нерушимы и крепки узы братских славянских народов. Их не смогли подорвать реакционные режимы королевской Югославии, толкавшие страну в фарзатер империалистической политики. Не смогут и ныне разрушить любовь народов Югославии к Советскому Союзу все черные силы реакции и международного империализма.

Академик
В. И. Пичета

К ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ КОСТЮШКО 1794 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вторая половина XVIII в. — время серьезных изменений в социально-экономическом строе феодально-крепостнической Польши. Это время зарождения в рамках феодальной формации нового, капиталистического уклада. Новые явления, связанные с развитием капиталистических отношений, заметны как в городе, так и в деревне. Наряду с крепостной мануфактурой, использующей труд крепостного крестьянства и обслуживающей зачастую прежде всего самого феодала-владельца, возникает купеческая мануфактура, основанная на вольнонаемном труде и производящая исключительно на рынок. С цеховым ремеслом конкурирует расseyнная мануфактура, использующая труд деревенских ремесленников. Складывается общенациональный рынок. Процесс развития капиталистических отношений затрагивает и шляхетское поместье. Значительная часть среднепоместной шляхты и магнатства стремится приспособить свое фольварочное хозяйство к создающимся новым экономическим условиям. Появляется тенденция к применению в поместье наемного труда, к интенсификации хозяйства и заведению собственного помещичьего инвентаря. Помещичье хозяйство теснее связывается с рынком, приобретает товарный характер.

Рост емкости внутреннего рынка при сложившейся в целом благоприятной для польского сельскохозяйственного производства конъюнктуре на внешнем рынке, в свою очередь, способствует дальнейшему развитию капиталистических отношений.

Культурный подъем, сопровождавшийся развитием процесса формирования польской буржуазной нации, быстрым ростом национального самосознания, политическое оживление, которое характеризует собой 70—90-е годы XVIII в. в Польше, являлись прямым отражением глубоких изменений, происходивших в базисе феодально-крепостнической Польши.

Важнейшим явлением политической жизни страны 80—90-х годов XVIII в. было самостоятельное выступление на исторической арене польской городской буржуазии, принявшей активное участие в той борьбе за реформы общественного и государственного строя страны, которая диктовалась интересами развития капиталистических отношений. Однако крупная и средняя городская буржуазия была еще слишком слаба для того, чтобы

самой возглавить движение за реформы. Вместе с тем она боялась революционных выступлений городских низов. Поэтому она шла на компромисс с господствующим классом феодалов, с той частью обуржуазивавшейся польской шляхты, которая готова была пойти на некоторые реформы государственного и общественного строя. Реформы эти, не нарушая основ существующего феодального способа производства, должны были создать более благоприятные условия для развития капиталистических отношений. Прямым результатом компромисса между крупной и средней городской буржуазией и обуржуазивавшейся шляхтой было создание шляхетско-буржуазного блока, руководившего деятельностью Четырехлетнего сейма (1788—1792). Этот блок выдвинул весьма умеренную программу реформ, которая нашла свое отражение в конституции 3 мая 1791 г. Руководящая роль в блоке принадлежала шляхте.

Но борьба за реформу общественного и государственного строя наталкивалась на сопротивление держав — участниц первого раздела Речи Посполитой. Поэтому борьба за реформу принимала характер национально-освободительного движения. Особенно очевидной эта связь между борьбой за реформу и борьбой за политическую независимость страны стала после второго раздела Речи Посполитой, когда от Польши были насильственным образом отрезаны важные части коренных польских земель, когда страна не только полностью потеряла политическую независимость, но и была лишена возможности нормального и самостоятельного экономического развития. События Четырехлетнего сейма и польское восстание 1794 г. под руководством Т. Костюшко открывают начало важного этапа в истории национально-освободительной борьбы польского народа, закончившегося только в 1830—1831 гг. Все это время во главе движения удерживалась польская шляхта, опиравшаяся на союз с городской буржуазией. Такое положение не исключало глубокой прогрессивности этого движения. Здесь мы можем сослаться на прямое указание В. И. Ленина: «Пока народные массы России и большинства славянских стран спали еще непробудным сном, пока в этих странах не было самостоятельных массовых демократических движений, шляхетское освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской»¹.

На глубоко прогрессивный характер польского национально-освободительного движения той поры указывал и Энгельс: «На чем зиждется прежде всего сила реакции в Европе с 1815 г., отчасти даже со времени первой французской революции? На русско-пруско-австрийском Священном союзе. А что объединяет его? Раздел Польши, из которого все три союзника извлекают пользу.

Третья часть, которую все три державы провели через Польшу, является цепью, приковывающей их друг к другу; совместный грабеж связал их узами солидарности»².

Именно от шляхетского демократа Костюшко, от польских «якобинцев» 1794 г. — Г. Коллонтая, Я. Ясинского, И. Мейера и К. Конопки ведет свои традиции героической борьбы за свободу польский народ.

80—90-е годы XVIII в. были временем обострения классовых противоречий, временем массовых революционных выступлений городских низов и крепостного крестьянства Польши. Под влиянием этих выступлений происходила вся работа Четырехлетнего сейма. Складывавшаяся после второго

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 403.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 382.

раздела революционная ситуация в стране побуждала шляхетско-буржуазный блок торопиться с подготовкой восстания, чтобы не упустить руководства движением.

Польские «якобинцы» не поднимались до требования ликвидации революционным путем крепостного права, что лучше всего свидетельствует об их политической незрелости. Но то обстоятельство, что шляхетско-буржуазное национально-освободительное восстание 1794 г. не переросло в аграрную революцию, главной движущей силой которого было бы крестьянство, наиболее заинтересованное в ликвидации национального гнета, определило его неудачу.

Публикуемая ниже работа академика В. И. Пичета, посвященная ходу восстания 1794 г., как нам кажется, правильно указывает на эту основную причину поражения восстания Костюшко. Анализ событий, данный автором, может служить иллюстрацией к известному указанию Маркса: «...только демократическая Польша могла быть независимой... польская демократия невозможна без упразднения феодальных прав, без аграрного движения, которое превратило бы крепостных крестьян в свободных собственников, собственников современных»¹. В целом правильно решает автор и вопрос о международном значении восстания 1794 г. О значении его Энгельс писал, что «Польша пала, но ее сопротивление спасло французскую революцию...»²

Публикуемая работа не принадлежит к числу последних работ покойного автора. Она была написана им еще в 30-х годах (к сожалению, более точно установить дату не удастся). Может быть, правильнее всего рассматривать эту статью как сводку по истории восстания 1794 г., в которой В. И. Пичета хотел главным образом дать общую оценку движения, сформулировать свои взгляды на него. Очевидно, при написании работы автор не поднимал вновь большого материала источников и литературы и писал по памяти (поэтому, в частности, при подготовке рукописи к печати приходилось вносить поправки и уточнения в некоторые приводимые в статье цитаты из источников и цифровой материал).

Трудно сказать, в какой связи возникла публикуемая статья, к которой примыкает ряд этюдов, посвященных отдельным вопросам из истории восстания 1794 г., тоже оставшихся неопубликованными. Возможно, что она была первоначальным вариантом подготавливаемого большого исследования.

Именно тем, что статья представляет собой набросок для большой неосуществленной работы, объясняется, повидимому, отсутствие в ней разделов, содержащих характеристику социально-экономических сдвигов, которые происходили в базисе польского феодального общества в 50—90-х годах XVIII в. Почти не останавливается автор и на вопросе о подготовке восстания. Последняя недостаточно увязывается с нараставшей в стране революционной ситуацией. В работе нашла отражение деятельность преимущественно правых и умеренных элементов шляхетско-буржуазного блока, в руках которых сосредоточилось руководство движением. В то же время деятельность радикальных элементов, деятельность польских якобинцев — Коллонтая, Конопки, Ясинского, Мейера и других осталась фактически не изученной. Между тем изучение их деятельности может пролить новый свет на весь ход событий 80—90-х годов. Очень показательно, например, что в то время как нарастание революционного движения народных масс

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 263.

² Там же, т. XVI, ч. II, стр. 16.

отталкивало направо основную массу вождей шляхетско-буржуазного блока, в позиции радикала Коллонтая намечается сдвиг влево. Этот сдвиг характерен для него уже в период работ Четырехлетнего сейма, но особенно ярко он сказывается в период подготовки и в ходе восстания 1794 г. Самого серьезного внимания заслуживает и деятельность других польских якобинцев — И. Мейера и К. Конопки, руководивших революционными выступлениями варшавских масс, Я. Ясинского, возглавлявшего польское восстание в Литве. Очень характерно, например, что в воззвании Виленской рады от 25 апреля, возможно, под влиянием Ясинского содержалось обещание скорой помощи со стороны революционной Франции, которая «требует нашего восстания». Такое отношение к французской революции резко контрастирует с общим отношением к событиям во Франции со стороны основной массы участников шляхетско-буржуазного блока. Любопытен и сам факт обращения Виленской рады к литовскому крестьянству на литовском языке. Здесь не место подробно останавливаться на программе и деятельности польских радикалов. В нашу задачу входит только подчеркнуть насущную необходимость серьезного изучения их роли в событиях 1794 г.

Из сказанного ясно, что статья не может рассматриваться как всестороннее освещение восстания 1794 г. Такого значения не придавал ей и сам автор.

Значение публикуемой работы определяется тем, что она является первой по времени написания попыткой дать с марксистских позиций анализ движущих сил восстания, его программы и руководства, причин его поражения. Тот факт, что она вышла из-под пера видного советского историка-слависта, придает ей значительный историографический интерес.

При подготовке рукописи к печати были произведены некоторые сокращения текста, чтобы ликвидировать излишние повторения и противоречия.

Подготовка рукописи к печати осуществлена А. П. Пичета, О. П. Морозовой и В. Д. Королюком.

В. Королюк.

Гродненский сейм 1793 г. покорно согласился на второй раздел Речи Посполитой, обнаружив полное политическое ничтожество феодальной знати. Под давлением русской и прусской дипломатии, поддержанной силой штыков, сейм должен был принять решение о сокращении общей численности польско-литовской армии до 15 000 (8000 в Польше и 7000 в Литве), что, естественно, вызвало глубокое недовольство в шляхетских офицерских кругах.

Экономическое положение урезанной по двум разделам Речи Посполитой было отчаянным. Перед страной не было никаких перспектив для самостоятельного развития. Особенно вредной для Речи Посполитой была экономическая политика Пруссии. Таможенная политика прусского правительства сводилась к тому, чтобы затруднить вывоз из Польши сельскохозяйственного сырья. При общем резком сокращении емкости внутреннего рынка это ставило польское сельскохозяйственное производство в совершенно невыносимые условия. Сокращение емкости внутреннего рынка губительно отразилось на развитии промышленности. Внешняя торговля Речи Посполитой фактически прекратилась.

Экономический кризис и общее разорение страны в результате войны 1792 г., вызвавшие громадный рост дороговизны, привели прежде всего к ухудшению положения городских низов, искавших выхода на путях революции. Сокращение производства и упадок торговли тяжело отражались и на экономическом положении городской буржуазии. Резкое недовольство политической и экономической обстановкой выражала безземельная шляхта, служившая в армии, занимавшая должности официалистов в шляхетских имениях, искавшая занятий в городах.

Лозунги борьбы за восстановление независимости Речи Посполитой находили живой отклик среди безземельной и малоземельной шляхты, а также той части среднепоместной шляхты, которая еще накануне падения Речи Посполитой, в условиях развития капиталистических отношений, встала на путь ведения товарного хозяйства.

Реакционная феодальная знать, главная виновница вмешательства России и Пруссии во внутренние дела Речи Посполитой, выступала прямой противницей идеи вооруженной борьбы за национальное освобождение. Она больше всего боялась революционного выступления крепостного крестьянства и городских низов. Многие крупные магнаты, получившие подачки от правительств России и Пруссии, после окончания войны, в предчувствии возможных революционных бурь, эмигрировали. Часть их осталась в Варшаве и занимала важнейшие правительственные должности. Проводя реакционную политику и организовав всеобщий полицейский надзор, феодальная знать надеялась, что с помощью иностранной военной силы ей удастся предупредить революционное выступление масс.

Политика представителя дворянской России при польском дворе генерала Игельстрома, проявлявшего большую заносчивость и грубость по отношению к полякам, оскорбляла национальное чувство и укрепляла недовольство широких шляхетских и буржуазных кругов. Реакционная знать в Великом княжестве литовском была полностью солидарна с польской феодальной знатью. Их связывала общая ненависть к конституции 3 мая. Литовская знать была особенно раздражена тем пунктом конституции, который провозглашал создание унитарного государства и ликвидировал внутреннюю автономию Литовского княжества. Литовские магнаты боялись потерять свое решающее влияние на политику страны и с оружием в руках защищали старый государственный строй. Генерал русской службы, гетман литовский Ш. Коссаковский был организатором направленной против конституции конфедерации в Литве. Являясь начальником всех войск в Литве, он был верным исполнителем решений Гродненского сейма. Феодальная знать Литвы и Польши ориентировалась на царизм, рассчитывая использовать его военные силы для подавления поднимающегося революционного движения. Коссаковский, как глава литовской реакции, пользовался всеобщей ненавистью. Упорно проводя политику сокращения литовской армии, он стремился спровоцировать преждевременный взрыв восстания.

Крепостное крестьянство — основная масса польского народа — было кровно заинтересовано в ликвидации национального гнета. В представлении польских крестьян борьба за национальное освобождение была неразрывно связана с борьбой за освобождение социальное. Военные действия, которые происходили на территории Польши и Литвы во время войны 1792 г., сопровождаемые реквизициями провианта, фуража, телег, лошадей и скота, тяжело отразились на крестьянском хозяйстве. После окончания войны в Польше и Литве была расположена значительная окку-

национная армия, которую населению приходилось содержать. Крепостное крестьянство с ненавистью относилось к установленному в стране оккупационному режиму.

Так накануне восстания 1794 г. создавался в Польше революционный фронт борьбы против национального угнетения. В достижении национальной независимости были заинтересованы прогрессивная среднепоместная шляхта, безземельные шляхтичи и крупная буржуазия города, с одной стороны, крепостное крестьянство и городская плебейская масса — с другой. Всех их объединяла общая ненависть к иностранным захватчикам. Но принимая участие в восстании, они преследовали разные классовые цели. Классовые интересы крестьянства и городских низов находились в непримиримом противоречии с интересами шляхты и крупной буржуазии.

2

Второй раздел Речи Посполитой застал Австрию и Пруссию — самодержавные феодальные государства — в состоянии войны с революционно-буржуазной Францией. Австрийским и прусским войскам удалось оккупировать Бельгию. Согласно заключенному ранее договору, Бельгия должна была быть подвластной Австрии. Австрия стремилась променять Бельгию на Баварию. Однако этот план обмена, не без влияния со стороны прусского короля, встречал сильное противодействие со стороны наследника баварского престола. Правительство Австрии было крайне раздражено тем, что Пруссия и Россия отстранили ее от участия во втором разделе Речи Посполитой, считая, что Бельгия является для Австрии достаточным вознаграждением за участие в борьбе против французской буржуазной революции. Впрочем, Австрия не могла открыто выступить против Пруссии — своего союзника в борьбе против Франции. Австрия старалась вести закулисную борьбу и интриговала в Польше во вред политике России и Пруссии. Австрийское правительство крайне боялось экономического и политического усиления Пруссии за счет Польши. Екатерина II стремилась успокоить австрийское правительство, указывая, что в дальнейшем влияние Пруссии на польские дела будет минимальным, поскольку Польша заключила вечный союз с Россией и польскому правительству будет предложено укрепить свои границы и крепости. Заверения Екатерины II не удовлетворили австрийские дипломатические круги. Таким образом, к началу польского восстания 1794 г. налицо было обострение австро-прусских отношений, которое организаторы восстания стремились использовать в выгодную для себя сторону. Они надеялись, что Австрия не только сохранит нейтралитет, но даже окажет то или другое содействие восставшей Польше. Кроме того, положение австро-прусских военных сил на французском фронте было далеко не блестящим, что также учитывалось при подготовке восстания. Австрия уже не довольствовалась субсидией в 400 000 руб., которую уплачивала ей Россия на расходы по покрытию военных издержек, и требовала от России активной военной помощи. Екатерина II собиралась предоставить эту помощь Австрии, и только вспыхнувшее польское восстание не дало возможности царизму направить русские войска на помощь Австрии против французской буржуазной революции.

Прусское правительство внешне было готово продолжать войну против революционной Франции. Оно требовало дальнейших денежных субсидий. Английский министр-президент Питт шел навстречу требованиям Пруссии. Несмотря на протесты Фокса, который указывал, что Пруссия использует

субсидию для борьбы с Польшей, парламент громадным большинством вотировал требуемую сумму в размере 300 000 ф. ст. единовременно и 50 000 ф. ст. ежемесячно. Предостережения Фокса вскоре оправдались. Пруссия не двинула дополнительных войск против Франции, сосредоточив все свое внимание на революционной борьбе, которая вспыхнула в Польше и грозила распространиться на захваченные Пруссией польские земли.

Организаторы восстания 1794 г. действительно учитывали в своих планах возможность восстания в Великой Польше, полагая, что Пруссия в таком случае не сможет оказать русскому правительству помощь. Они были уверены, что при этом условии, а также при нейтралитете Австрии революционная Польша выйдет победительницей.

Вожди польского восстания делали ставку на то, что и Австрия и Пруссия заняты борьбой с французской буржуазной революцией, и рассчитывали использовать антагонизм в русско-турецких отношениях.

Французское правительство вело в Константинополе активную политику, подготавливая возобновление русско-турецкой войны. Оно ожидало, что Швеция воспользуется русско-турецкой войной и со своей стороны начнет борьбу за возвращение господства шведских феодалов в Прибалтике. Однако эти расчеты французской дипломатии оказались неверными. Положение Турции в экономическом и финансовом отношении было очень тяжелым. Турецкое правительство даже при условии французской денежной субсидии отказывалось от возобновления военных действий против России. Между тем Костюшко прямо рассчитывал на войну России с Турцией, подчеркнув это в своих показаниях следственной комиссии в Петербурге. Костюшко добавил, что «если бы война началась, то Польша заключила бы договор с Турцией, в силу которого Турция без согласия Франции не заключила бы мирного договора с Россией». Без выступления Турции не могло быть и речи о выступлении Швеции.

Надежды организаторов восстания на материальную помощь со стороны якобинского правительства по существу были совершенно необоснованными, так как последнее вообще с большим подозрением относилось к польскому восстанию. Только революционное разрешение крестьянского вопроса в Польше могло привлечь симпатии якобинской Франции на сторону восстания. Между тем шляхетско-буржуазный блок, руководивший подготовкой восстания, больше всего боялся «якобинского духа» и в разрешении крестьянского вопроса вовсе не хотел прибегать к революционным методам. Шляхетско-буржуазный блок надеялся на победу в условиях сохранения неприкосновенности существовавших социальных отношений. Сам вождь восстания Костюшко, демократ по убеждениям, сражавшийся на стороне буржуазной демократии в Америке, был бессилён порвать связи с феодальной аристократией и призвать к революционному разрешению крестьянского вопроса.

В 1794 г., писал Маркс, Комитет спасения вызвал к себе уполномоченного польских повстанцев и предложил ему следующие вопросы: «Как объяснить, что ваш Костюшко — народный диктатор и в то же время терпит около себя короля, о котором он не мог не знать, что он был посажен на престол Россией? Как объяснить, что ваш диктатор не смеет провести массовой мобилизации крестьян из страха перед аристократией, которая не хочет лишиться «рабочих рук»? Как объяснить, что его прокламации теряют революционную окраску по мере отдаления его от Кракова? Как объяснить, что народное восстание в Варшаве он тотчас же покарал виселицами, между тем как аристократические «*traîtres de la patrie*» гуляют на свободе или укрываются за длинными процессуальными формальностями?»

Отвечайте!» В ответ польский «citoyen» был вынужден хранить молчание, — как иронически замечает Маркс¹.

Таково было отношение якобинской Франции к возглавлявшемуся Костюшко польскому восстанию. Впрочем, следует отметить, что якобинский Комитет спасения оказался недостаточно проникательным и не понял того, что судьба революционной Франции решается отчасти на Висле, что та или другая помощь восставшим не только укрепила бы положение и авторитет Костюшко, ослабив тем самым враждебные Польше феодально-самодержавные государства, но и имела бы громадное значение для укрепления самой якобинской диктатуры. При всей своей классово-ограниченной программе восстание 1794 г. было глубоко прогрессивным движением. Отвлекая внимание Австрии и Пруссии от якобинской Франции, оно содействовало победе последней. Не следует забывать, что Екатерина II готовилась к активной интервенции против французской буржуазной революции и только польское восстание сорвало контрреволюционное выступление царизма.

Якобинский Комитет ограничился провозглашением декларации, что он «окажет братскую помощь всем народам, которые захотят вернуть себе свободу, и поручает исполнительной власти дать соответствующие приказания генералам, с целью оказать помощь». В отношении Польши эта декларация оказалась пустой фразой.

Правда, Костюшко уже из беседы с Лебреном во время своего пребывания в Париже должен был вынести впечатление, что революционная Франция не окажет помощи восстанию. Однако польское повстанческое правительство впоследствии назначило Бараса своим представителем при якобинском правительстве, хотя никакой реальной пользы от этого представительства польское восстание не получило.

Прокурор, ведший в Петербурге следствие по делу о польских повстанцах, весьма интересовался отношениями последних к Франции, ставя этот вопрос почти каждому из допрашиваемых.

Немцевич, начальник канцелярии Костюшко, заявил в своих показаниях, что он мало знаком с дипломатическими отношениями, так как это составляло компетенцию Игнатия Потоцкого и Коллонтая. Потоцкий обыкновенно лично делал доклады самому Костюшко о международном положении. Немцевич категорически отводил от себя обвинения в сношениях с революционной Францией. У нас нет основания не доверять его показаниям.

Костюшко также отрекался от всяких сношений с Францией. «Будучи в Париже, я разговаривал только с министром Лебреном, но не имел никаких сношений с Комитетом Общественного Спасения, — показывал он. — Нигде я не говорил насчет дворянства и духовенства с намерением сделать в Польше то же самое, что было во Франции, никогда не обещал эмигрантов принять на службу. Доказательством тому может служить то, что ни одного эмигранта не было в нашем войске».

Итак, совершенно очевидно, что организаторы восстания не сумели подготовить его дипломатически. В решающий момент Польша оказалась изолированной в своей борьбе. Ваврецкий, преемник Костюшко по командованию армией, ссылаясь на слова Игнатия Потоцкого, показывал на следствии, что у революционного польского правительства не было своего представителя ни у одного двора, что польское правительство не было признано за границей, не имело нигде министров и никаких людей, пред-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 165.

ставлявших их; что из-за границы письма, благодаря замешательству на почте, не доходили, что восставшие не имели никаких сношений с правительством Франции. Такая дипломатическая изоляция встречала ожесточенную критику со стороны более радикальных элементов. Коллонтай резко критиковал политику Игнатия Потоцкого, подчеркивал, что якобинское правительство не хвалит «польскую революцию», что разные ее учреждения не нравятся ему.

Для понимания характера не только внешней, но и внутренней политики повстанческого правительства важны показания Килинского, участника варшавских апрельских событий, стоявшего на более радикальных позициях, чем основная часть руководства восстанием. Килинский подчеркивал, что польские революционеры хотели отгородить себя от всякой связи с французской революцией, потому что в противном случае они никак не могли бы рассчитывать, что Австрия останется нейтральной. Килинский думал, что сношения с революционной Францией принесли бы только вред восстанию, так как по существу не нужно было производить революцию наподобие французской, поскольку мещан и крестьян можно было привлечь на свою сторону другими мероприятиями. «Вообще не хотели, не могли и не имели мы нужды предпринять что-либо французское,— говорил Килинский,— ибо и без того могли мы весьма легко склонить на нашу сторону мещанина и крестьянина, которые в просвещении весьма еще отстали, буде бы мы хоть несколько облегчили им жребий, не имея нужды доставлять полное равенство и вольность, которых они же не понимают, а еще того менее в состоянии пользоваться оными благоразумным образом», и т. п.

Положение польского повстанческого правительства было необыкновенно трудным, так как ни одно из соседних государств не желало прийти ему на помощь. Даже соседние нейтральные государства, как Швеция и Дания, запретили продажу оружия, в котором так сильно нуждалась повстанческая армия.

О каких бы то ни было переговорах с Пруссией и Россией не могло быть и речи. Польское повстанческое правительство рассчитывало на Австрию, что побуждало его по отношению к Австрии держаться особой политики. Польское правительство запретило нарушать в той или другой степени австрийский нейтралитет. Повстанческое правительство надеялось закупить в Галиции необходимые ему провиант, аммуницию, военные припасы и оружие. Однако австрийское правительство не имело ни малейшего желания поддерживать повстанцев и тем самым содействовать возрождению польского государства. Австрия, договорившись с Екатериной II, была готова в любой момент двинуть свои войска в Польшу, чтобы захватить часть ее территории. Когда впоследствии австрийские войска заняли Люблин, то это оказалось для польского шляхетско-буржуазного правительства полной неожиданностью.

Говоря об Австрии, Костюшко показывал на следствии: «Я вполне верил, что она всегда будет нашей союзницей». Он признавался, что во внешней политике «ничего не понимает» и что все дипломатические дела находились в ведении Потоцкого. Костюшко не учитывал, что стремление поддерживать с Австрией мирные отношения и всякое воздержание от агитации против нее только усиливали австрийские силы и укрепляли позиции Австрии в борьбе против французской революции. Что Потоцкому, крупному землевладельцу, была больше по душе Австрия, чем французская якобинская республика,— это вполне понятно, но как мог Костюшко надеяться на помощь со стороны феодально-самодержавной

Австрии, аннексировавшей после первого раздела Речи Посполитой Галицию, остается совершенно непонятным. Австрийское правительство соглашало все свои действия с русским самодержавием, бравшим на себя защиту австрийских интересов. Это позволяло австрийскому правительству продолжать борьбу против революционной Франции и до известного момента сохранять нейтралитет по отношению к Польше.

Баврежский совершенно правильно показывал, что ориентация «революционного» правительства на Австрию была ошибочна. Правда, австрийское правительство сохраняло дипломатические сношения с варшавским правительством, но в то же самое время оно приняло все меры к тому, чтобы не дать возможности польским революционерам закупать хлеб в Галиции. Мало того, австрийское правительство опубликовало распоряжение, согласно которому австрийские власти должны были поступать с польскими революционерами как с неприятелями, и в дальнейшем открыто нарушило свой нейтралитет.

3

Подготовкой восстания 1794 г. руководил шляхетско-буржуазный блок, сложившийся еще в период работ Четырехлетнего сейма. Подготовка проходила почти совершенно открыто. Шпионы генерала Игельстрома без особого труда узнавали все подробности о деятельности организаторов восстания. Мастер сапожного цеха Килинский избежал ареста только благодаря своей находчивости, выдав себя за провокатора. Когда Игельстром в беседе с ним указал, что ему известна вся его деятельность по подготовке восстания, Килинский открыто признал сведения Игельстрома правильными, но объявил, что работал не в пользу восстания, а в интересах русского правительства.

Организаторы заговора рассчитывали приступить к активным действиям значительно позже, после соответствующей дипломатической подготовки и предполагаемого разрыва дипломатических сношений между Турцией и Россией. В случае войны Турции с Россией можно было ожидать, что последняя должна будет вывести по крайней мере часть своих войск с территории Польши и Литвы. Русские силы, разбросанные по территории Польши и Литвы отдельными отрядами, были недостаточны для того, чтобы вести борьбу с восстанием, в которое его руководители надеялись вовлечь городскую плебейскую массу и крепостное крестьянство. Однако вопреки плану шляхетско-буржуазного блока восстание началось значительно раньше, чем предполагалось, и при неблагоприятных условиях.

Игельстром и послушное ему польское правительство стремились своими мероприятиями ускорить начало «революции». Они были уверены, что им удастся одним ударом раздавить восстание в зародыше. Польское правительство в лице гетмана Ожаровского распорядилось выполнить постановление Гродненского сейма о сокращении армии. Последнее, естественно, было встречено среди офицерства с величайшим негодованием. Никто из офицеров не хотел подчиниться приказу гетмана и уйти из армии. Для многих роспуск армии означал стать людьми без определенных занятий.

Провокационное распоряжение гетмана Ожаровского привело к выступлению бригады Мадалинского. Восстание началось.

В бригаде Мадалинского ни солдаты, ни офицеры не желали выполнять мартовский приказ польского правительства и русского генерала Игельстрома. В бригаде не нашлось ни одного добровольца, который согласился

бы поступить на русскую службу под условием вознаграждения в размере 90 золотых при поступлении на службу и двенадцатилетнего срока самой службы. Мадалинский, его офицеры и солдаты, подняв восстание под Остроленкой (в месте своего расположения), посрывали со своих мундиров знаки королевского достоинства и объявили себя солидарными с лозунгами французской буржуазной революции: свобода и равенство. В ответ Игельстром объявил их изменниками.

Мадалинский, всячески избегая столкновения с русскими войсками, направился к Кракову. Попытки генерала Игельстрома остановить движение Мадалинского потерпели неудачу. Расположенные в Сандомирском воеводстве войска присоединились к восставшей бригаде. По словам Игельстрома, Мадалинский предполагал поднять также и Литву. Игельстром очень опасался развития восстания и поэтому отдал распоряжение стягивать разбросанные по территории Польши русские войска к Варшаве. В таком случае Литва оставалась почти без войска, а Жмудская земля «и совсем никакой не будет иметь». Игельстром представлял себе движение Мадалинского как революционное движение наподобие французской революции, ставившее целью защитить вольность, расправиться с участниками Гродненского сейма, подписавшими трактат о разделе Речи Посполитой.

В сущности, однако, у Мадалинского не было никакой определенной политической программы, хотя на высказывания самого Мадалинского и его окружения повлияли, повидимому, лозунги французской буржуазной революции.

Выступление бригады Мадалинского было неожиданным для руководителей шляхетско-буржуазного блока и разбивало все планы последнего. Теперь нельзя было остановить начавшееся восстание. Необходимо было овладеть движением, принять руководство им. Костюшко в своих показаниях признает, что Мадалинский начал войну преждевременно, и это заставило его принять участие в восстании, чтобы спасти его. По словам Костюшко, он никогда не начал бы восстания, не располагая достаточными сведениями. «Если бы я их не получил,— писал Костюшко,— то отложил бы начало восстания до другого времени: может быть, я дождался бы войны с Турцией, о коей много тогда говорили».

Шляхетско-буржуазный блок, напуганный радикальными заявлениями Мадалинского, спешил придать движению характер, который отвечал бы программе блока. Последний, подготавливая восстание, менее всего стремился к «революции наподобие французской», ставя целью борьбу за политическую независимость Речи Посполитой, без изменения существовавших социальных отношений, в частности, оставляя в неприкосновенности положение крестьян.

Руководство шляхетско-буржуазного блока, очутившись в критическом положении и не имея в своей среде никого, кто мог бы временно возглавить движение, уведомило о происшедших событиях Костюшко, который поспешил приехать в Краков. Костюшко был сторонником умеренной программы, вполне приемлемой для широких кругов шляхетства и крупной буржуазии.

24 марта 1794 г. был опубликован акт восстания, согласно которому Костюшко провозглашался «наивысшим и единым начальником и правителем всего вооруженного восстания». Акт объявлял о причинах и целях восстания, об организации повстанческого правительства в лице «наивысшей народной рады», на которую возлагалось все управление страной, руководство дипломатическими сношениями, заботы о снабжении армии оружием, провиантом и аммуницией, а также финансирование восстания.

Акт восстания отмечал, что основная причина начавшегося восстания — это разделы Польши и то положение, в котором Польша очутилась после Гродненского сейма, когда страна фактически управлялась правительством Екатерины II. В акте говорилось, что попираются священные права собственности и личности. Мысли и чувства честного поляка не могут найти убежища от подозрительных преследований. Слово в оковах. Только одни изменники пользуются покровительством и совершают безнаказанно всякие преступления. Они разграбили имущество и общественные доходы, отняли у граждан собственность, разделили между собой должности, как добычу после покорения отечества, и святотатственно, присваивая себе имя народных правителей, служат чуждому тиранству. Постоянный Совет, уничтоженный народной волей и вновь восстановленный изменниками по воле русского посла, преступает даже те границы, какие он с раболепством принял от того же посла.

В акте восстания Костюшко весьма образно охарактеризовал положение Польши. Своим острием акт был направлен против правительства Екатерины II и связанного с царизмом польского правительства. Общая характеристика создавшегося положения в Польше по существу была верной. Основной недостаток манифеста Костюшко заключался в отсутствии четкой, соответствующей интересам борьбы за национальную независимость социальной программы. Было ясно, что Костюшко поднимает знамя борьбы за национально-политическое освобождение Польши, что политические идеалы Костюшко и его окружения не выходили за пределы конституции 3 мая, которая вполне отвечала политическим взглядам шляхетско-буржуазного блока. Правда, известная часть шляхетства и мелкая буржуазия под влиянием французской революции выдвигали идеи «социального равенства». Но и наиболее радикальные участники движения не поднимались до провозглашения программы революционного разрешения крестьянского вопроса. Акт восстания по тактическим соображениям обходил вопрос о Пруссии и Австрии.

Конечно, реакционная часть польско-литовского шляхетства должна была враждебно отнестись к Краковскому восстанию. Первое время, однако, она заняла выжидательную позицию и не проявляла к нему враждебности. Исключением являлась только та феодальная группировка, которая принимала непосредственное участие в правительстве последнего польского короля.

Несмотря на полное умолчание о крестьянском вопросе, акт восстания и последующие манифесты нашли широкий отклик среди крестьянства, которое было уверено в том, что восстание принесет ему свободу.

Было бы неправильно думать, что повстанческое движение, начавшееся в апреле и в Литве, полностью солидаризировалось со всеми действиями и программой Костюшко. По экономической структуре Литва и Польша в последней четверти XVIII в. были далеко не однородны. Польша накануне разделов Речи Посполитой и в промышленном и в сельскохозяйственном отношениях была более развитой, чем Литва. Разница в экономическом развитии должна была в той или иной мере отразиться на отношении шляхты Великого княжества к программе Костюшко. Она полностью разделяла выдвинутый Костюшко лозунг борьбы за независимость. Но лозунг защиты конституции 3 мая не встречал никакого сочувствия в среде литовских помещиков, поскольку конституция 3 мая, ликвидируя федеративный характер Речи Посполитой, создавала унитарное государство. Феодалы Великого княжества, за небольшим исключением, относились отрицательно к мероприятиям, которые в процессе развития восстания предпринимались

Костюшко в целях привлечения крестьянства к движению. Литовские «повстанцы» шляхетско-буржуазного происхождения заняли особую позицию в отношении польского восстания, что имело громадное значение как для хода восстания, так и для его судьбы.

Акт восстания торжественно доводил до сведения всех, что повстанческая власть не будет изменять государственных учреждений польского королевства, не будет издавать новых законов и вводить в Польшу никакой конституции, кроме конституции 3 мая. В этих торжественных заявлениях шляхетские круги увидели гарантию неприкосновенности крепостного права.

Игельстром довольно скоро получил сведения о краковской «революции» и составил о ней совершенно неверное представление. Для Игельстрома манифест Костюшко и провозглашенная им вольность являлись не чем иным, как подобием французской революции. Он сообщил русскому правительству, что «мятеж» можно подавить только силой оружия, и считал, что для этого у него мало войска.

В распоряжении Костюшко сначала были очень незначительные силы. В его отрядах находилось известное количество крепостного крестьянства, плохо вооруженного, но охваченного страстным желанием бороться «за свою свободу». Игельстром направил войска к Кракову.

Первые две стычки с повстанцами, по его мнению, были удачны. Но затем в битве под Рацлавицами (4 апреля) отряд под командой генерал-майоров Денисова и Торماسова потерпел серьезное поражение. Победа Костюшко была достигнута только благодаря крестьянам, которые проявили много храбрости и сообразительности, в то время как шляхетская кавалерия бежала с поля сражения.

Битва под Рацлавицами имела громадное значение. Она подняла моральное состояние польских повстанцев и показала, что при известных условиях русские войска могут быть разбиты. Но сам Костюшко понес большие потери и поэтому не мог воспользоваться результатами победы. В своем сообщении Н. В. Репнину Игельстром отмечал, что Костюшко принужден был отступить для подкрепления себя новыми силами. Пока что район восстания был сравнительно ограничен. Литва осталась еще спокойной, но это спокойствие было чисто внешним. Кенигсбергский губернатор Бруннек сообщил прусскому министру Бухгольцу о брожении в Литве и подготовке восстания, неизбежность которого для него была очевидна.

Вскоре восстание распространилось на Сандомирское и Люблинское воеводства, на Мазовию и другие земли.

Победа под Рацлавицами изменила положение Костюшко в благоприятную для него сторону. После неудачи Игельстром должен был воздержаться от наступательных операций тем более, что положение в Варшаве было очень напряженным. Воспользовавшись передышкой, Костюшко приступил к организации своего войска путем рекрутского набора, а также принял меры к снабжению его оружием.

Между тем в лагере польского восстания происходили важные события. Шляхта очень враждебно относилась к крестьянам, которые остались на поле сражения в тот момент, когда шляхта бежала, и благодаря которым была одержана победа под Рацлавицами (крестьянам удалось захватить даже пушки, недостаток в которых особенно ощущался в войсках Костюшко). В радикальных повстанческих кругах существовало недовольство умеренной политической программой Костюшко. Это левое радикальное крыло повстанцев возглавлялось Коллонтаем. Коллонтай выдвигал лозунг уравнивания в правах мещанства и шляхты. Этот лозунг находил широкий отклик среди городской плебейской массы. Вместе с тем Коллонтай

требовал перехода к революционным методам в борьбе с изменой и настаивал на организации революционного суда¹. Если такой суд был организован в Кракове, то это было сделано вопреки желанию Костюшко и его окружения, под несомненным давлением городской массы. Но и Коллонтай не поднимал вопроса об изменении положения крепостного крестьянства.

Большинство руководителей польского восстания из числа представителей шляхетско-буржуазного блока выступало против программы Коллонтая, было против социальных реформ. Такая политика безусловно ослабляла силу восстания и заставляла отходить от него горожан. Повстанческая власть почувствовала этот отход в критический момент, когда прусские войска подошли к Кракову и этот центр восстания был сдан прусским войскам почти без всякого сопротивления.

Для дальнейшего развития восстания громадное значение имели варшавские события 17—18 апреля. Главным образом под влиянием польских военных, часть которых была связана с тайными организациями, у Игельстрома составилось совершенно неверное представление о возможности восстания в Варшаве. Поляки не отрицали, что вся Варшава находится в возбужденном состоянии, но они советовали Игельстрому не придавать этому большого значения, так как полагали, что брожение городских масс не выльется в революционное выступление. В том же духе говорил и полицмейстер Тихотский, находившийся в связи с лагерем восстания. Тем не менее Игельстром отдал приказ собрать в Варшаву из разных мест Польши войска численностью приблизительно в 15 000. Русские войска были разбросаны по всему городу попеременно с польскими и должны были вместе с последними нести караульную службу. Из показаний банкира Капостаса видно, что участники подготовки восстания были хорошо осведомлены о расположении русских войск благодаря польским квартирмейстерам, в свою очередь получавшим сведения от русских. Начальник штаба Игельстрома генерал Пистор предлагал ему открыть военные действия, захватить арсенал и обезоружить граждан. Игельстром в принципе признавал это предложение обоснованным, но не решался принять его: аккредитованному при польском правительстве послу было не совсем удобно быть зачинщиком польско-русской войны.

Краковское восстание и победа под Рацлавицами ускорили выступление варшавского городского населения. Восстание вспыхнуло в ночь с 17 на 18 апреля. Плебейская масса захватила арсенал и вооружилась. Начались длительные бои с русскими войсками. Мастер Килинский принимал активное участие в борьбе и разоружении русских частей. Крупная буржуазия, руководившая подготовкой восстания в Варшаве, пока не придавала большого политического значения выступлению городских масс, надеясь использовать их в своих целях. Но революционные события в Варшаве спутали ее расчеты. Ночное нападение было полной неожиданностью для Игельстрома и русских войск и поставило их в очень тяжелое положение. Игельстром вынужден был отступить из Варшавы. Он двигался в сторону расположения прусских войск в надежде, что последние окажут ему помощь. На самом деле прусские власти заняли выжидательную позицию и не оказали никакой поддержки русскому генералу.

После ухода Игельстрома из Варшавы его армия (немногим более 7000 пехоты и кавалерии) расположилась в Закрочиме, поблизости

¹ Шляхетско-буржуазный блок был настроен враждебно к Коллонтаю. Ваврецкий рисует Коллонтая как типичного политического интригана. Из среды блока был пущен слух о том, что Коллонтай после неудачи восстания присвоил себе казну повстанцев.

к прусской границе. Естественно, что таких сил, да еще без артиллерии, было совершенно недостаточно для активных наступательных действий. Игельstromу приходилось пока ограничиться довольно скромной ролью наблюдателя событий.

Развитие событий в Варшаве, как показывал на следствии банкир Капостас, очень беспокоило крупную городскую буржуазию и шляхту. Представители шляхетско-буржуазного блока старались подчинить себе восставших ремесленников, чернорабочих, прислугу, дворников — всех тех, кто принимал активное участие в ночном восстании 17 апреля. Городская плебейская масса открыто выражала намерение революционным методом расправиться с ненавистными членами правительства, известными своей угодливостью перед русской властью. Буржуазно-шляхетский блок всячески противился революционной расправе с изменниками. Используя неорганизованность городских низов, он сумел захватить власть и тем самым сделать невозможным дальнейшее развитие польской революции.

Во главе магистрата стоял старый президент магистрата Закржевский. Вся военная власть в городе была сосредоточена в руках генерала Мокроновского. Была организована полиция, контролируемая шляхтой и буржуазией. Силами польской армии при поддержке буржуазии и шляхты варшавское революционное движение было подавлено.

Повстанческое движение постепенно охватывало все польские воеводства. Восставшие присоединялись к Краковскому акту восстания и организовывали временные органы управления на местах. Было образовано временное правительство и в Варшаве. Но членом этой «Временной рады» никто не избирал. Заранее был составлен список членов рады и утвержден Закржевским как президентом магистрата. В состав правительственного совета вошли восемь лиц шляхетского происхождения и шесть мещан — представителей богатой буржуазии. Входивший в раду Килинский не пользовался доверием остальных ее членов, видевших в нем представителя городских низов.

Однако по своей не вполне отчетливой идеологии Килинский скорее был близок к шляхетству и буржуазии. Отношение шляхетских и буржуазных кругов к Килинскому очень ярко и образно обрисовал Капостас в своих показаниях во время следствия в Петербурге. Капостас свидетельствовал, что Килинского считали взбалмошным и вредным человеком и стремились воспользоваться каким-либо предлогом для удаления его из Варшавы. В дальнейшем мы увидим, что этот замысел был осуществлен, и городская плебейская масса оказалась совсем без руководителя, даже такого мало подходившего для этой роли, как Килинский.

На сторону варшавского временного правительства перешел и польский король, бесполезный, по мнению Юлиана Немцевича, как для России, так и для Польши и не пользовавшийся доверием обеих сторон. Правительство оставило в Варшаве представителя Пруссии, несмотря на то, что последний в ответ на Краковский манифест Костюшко опубликовал вызывающую декларацию. Правительство все время поддерживало с ним связи в надежде добиться сохранения Пруссией нейтралитета.

Варшавское правительство стремилось отмежеваться от всякой солидарности с французской революцией. Хотя городская масса определенно требовала наказания участников Тарговицкой конфедерации как явных врагов польского народа, варшавское временное правительство покрывало тарговицан. При таких условиях городские низы имели все основания не доверять раде и заподозрить ее в предательском образе действий. Под

давлением масс и угрозы восстания Варшавская рада арестовала епископов Массальского и Скаржевского, а также подканцлера Адама Мошиньского. Но правительство не торопилось назначить над ними суд. Было ясно, что рада откладывает дело в надежде совсем освободить тарговичан от суда и наказания. Такая политика вызывала общее раздражение и недовольство горожан. В Варшаве широко распространялась агитация против правительства и короля. 8 мая дело дошло до открытого выступления плебейских масс. По словам Килинского, если бы он сам случайно не находился недалеко от короля, последний пал бы жертвой негодования и возмущения со стороны городских низов. Были повешены: маршалок Анквич, гетманы Ожаровский и Забелло, епископ Коссаковский.

Однако майское выступление городских низов в Варшаве не привело к ликвидации власти шляхетско-буржуазного блока. Управление Варшавой попрежнему сосредоточивалось в руках Варшавской правительственной рады. Костюшко, узнав о варшавских событиях, к которым он отнесся отрицательно, поспешил к столице. В Варшаву были посланы Игнатий Потоцкий и Коллонтай. Они приехали 24 мая и, по поручению Костюшко, приступили к организации центрального правительства, известного под именем Верховной национальной рады (*Rada najwyzsza narodowa*), в состав которого вошло восемь человек при 22 помощниках. Члены Верховной рады распределили между собой министерские портфели: Потоцкий стал заведывать иностранными делами, Коллонтай — финансами, Вавржецкий — безопасностью, Сулистровский — полицией, Веловейский — военными делами, Яскевич — народным образованием, Закржевский — продовольствием, Мышковский — правосудием.

Социальный состав нового правительства еще резче подчеркивал его шляхетско-буржуазную природу. Правда, в состав правительства входил Коллонтай, которого шляхта и крупная буржуазия ненавидели, видя в нем сторонника якобинской идеологии и якобинских методов борьбы. Коллонтай, безусловно, стоял на более левых позициях, чем другие члены правительства, и требовал от последнего более активных революционных действий. Килинский не был допущен в состав Верховной рады. Ему предоставили место помощника. Он не мог играть сколько-нибудь серьезной политической роли в правительстве. Отдаление Килинского свидетельствовало о том, что вновь организованное правительство было не больше занято планами борьбы с оккупационными войсками, чем задачей борьбы с движением городских плебейских масс. Верховная рада уделила много внимания организации полицейского надзора за городскими массами, для чего было введено перлюстрирование частной переписки.

4

Восстание в Литве, так же как и в Польше, началось преждевременно. Гетман литовский и генерал русской службы Коссаковский, отдавая распоряжение о роспуске войск в связи с постановлением Гродненского сейма, провоцировал восстание.

Настроения шляхетских масс и буржуазии в Литве были благоприятны для организации восстания. Сокращение емкости внутреннего рынка и падение внешней торговли тяжело отразилось на экономическом положении городской буржуазии, еще более слабой в Великом княжестве, чем в Польше. Русская экономическая политика ставила литовский экспорт в очень невыгодные условия. Экономическая политика царизма особенно тяжело отражалась на положении крестьянского населения в Жмуди.

большей частью очиншванного и связанного с рынком. Резко ухудшилось экономическое положение тех слоев шляхты, которые налаживали в своем имении товарное хозяйство.

Расквартирование на территории Великого княжества русских войск, для которых городское население, в особенности жители Вильны, должно было предоставлять квартиры, естественно, вызывало большое недовольство, главным образом среди мелкой буржуазии, поскольку богатая буржуазия откупалась от всяких повинностей, связанных с обязанностью содержать войска. Упадок торговли и промышленности в городах тяжело отразился на положении мелкой буржуазии и городских низов.

Лозунги борьбы за национальную независимость находили широкий отклик среди безземельной шляхты.

Крестьянское население в Литве, помимо крепостной эксплуатации, очень сильно страдало от тяжести поборов, различных реквизиций, поставки фуража и подвод для армии, постройки мостов и дорог. Все это в значительной степени ухудшало и без того тяжелое положение крепостного крестьянства. Поэтому крестьянство было враждебно настроено к оккупационным властям и готово было принять участие в восстании. При этом крестьянство надеялось освободиться от крепостной зависимости. Но литовская шляхта, как и польская, боялась революции и не хотела даже ставить крестьянский вопрос на обсуждение, дабы не вызвать крестьянских волнений.

Подготавливавшееся в Литве восстание началось в разное время в отдельных местностях. Повстанческие очаги не были связаны единством действий и программы, не образовали единого повстанческого фронта, тогда как русские войска представляли собой довольно значительную силу, а прусское правительство, поставив свои войска на границе Литвы, тем самым лишило возможности литовских повстанцев использовать прусскую территорию для сношений с Польшей и захода в тыл русским войскам. Пруссия сначала внешне сохраняла нейтралитет по отношению к развивавшимся событиям в Литве. Этот нейтралитет, конечно, мог быть в любой момент нарушен.

В Литве к моменту начала восстания общая численность литовского войска определялась в 8000 человек — количество, ничтожное по сравнению с людскими военными ресурсами России и Пруссии. Численность русской армии в Литве Игельстром определял в 5920 людей при 33 полевых орудиях. Большая часть русского войска находилась в Вильно под командой генерала Арсеньева. Генерал Цицианов со своим отрядом расположился в Гродно. Другие небольшие русские отряды были расквартированы в Ковно, Новогрудке и Жижмогах. Литовские повстанцы рассчитывали на присоединение к восстанию крестьянства.

Мартовский универсал Костюшко был хорошо известен в Литве и послужил толчком к началу повстанческого движения в Шавлях и Жмуди. Восстание в Шавлях началось 11 апреля в связи с прибытием генерал-майора Хлевинского, привезшего распоряжение Коссаковского о сокращении армии. Приказание Коссаковского не было приведено в исполнение. Вся армия оказала сопротивление, да и сам Хлевинский был вынужден не только примириться с фактом нежелания армии подчиниться предписанию литовского гетмана, но и подписать акт восстания. Только два офицера — Ласутович и Трусовский не пожелали присоединиться к акту восстания. Так началось повстанческое движение в Литве.

Русское военное командование было хорошо осведомлено о движении в Шавлях. Оно также знало о стремлении участников движения увеличить

свои военные силы путем вербовки в армию шляхты и крестьян. Бригадир Обрезков 20 апреля писал генерал-губернатору Н. В. Репнину в Ригу о том, что «возмущение час от часу умножается и приказано в один час всем мужикам по первому известию быть в готовности с их оружием, состоящим в навязанных на длинных палках секирах и косах».

Из Шавлей движение распространилось на Россиены. Затем повстанческое движение охватило военные части в Волковыске, где только один офицер отказался присоединиться к акту восстания. Так вся Жмудь была вовлечена в сферу восстания. Для развития движения в Литве большое значение имело выступление городского населения Вильно. Восставшие, понимая военное и политическое значение столицы, стремились превратить Вильно в центр повстанческого движения и создать в столице Литвы временное правительство, которое руководило бы ходом восстания и представляло собой политически самостоятельную Литву.

Русское военное командование в Вильно, по словам Тучкова, знало о готовящемся восстании в столице. Вначале, однако, начальник русского гарнизона Арсеньев оставался глухим ко всем предостережениям, считая, что восстание в Вильно немислимо. Тучков в своих воспоминаниях особенно ставит себе в заслугу то, что, вопреки всякому официальному оптимизму, он принял меры к сосредоточению своей команды в одном месте в целях предохранения ее от уничтожения. Если верить показаниям Тучкова, то едва ли не он был единственным из всех русских военных, кто ожидал переворота в Вильно.

Развернувшиеся в Вильно события отличались от революционных событий в Варшаве. В ночном захвате Вильно 23 апреля, который был организован полковником-инженером Ясинским и закончился избиением и пленением части русского войска и уходом оставшейся части из Вильно под командой Тучкова, городские массы не принимали участия. Ясинский отдал распоряжение закрыть городские ворота и тем прекратить всякое общение Вильно с внешним миром. В планы Ясинского входило сконструировать в Литве временное правительство и поставить его во главе восстания. Распоряжения виленского правительства должны были иметь силу на всей территории Великого княжества литовского.

Тучков со своим отрядом отступил от Вильно. Окрестности города подверглись опустошению, а сам Тучков пошел на соединение с генералом Цициановым — начальником русского отряда в Гродно.

Часть отступившего из Вильно русского отряда была достаточно боеспособна. С этим приходилось считаться временному правительству. Последнее, приступив к исполнению своих обязанностей, прежде всего составило акт о присоединении к восстанию и разослало соответствующий манифест по всей Литве. Одновременно оно начало принимать меры к организации восстания и укреплению повстанческого движения.

Руководитель ночного восстания 23 апреля Ясинский по своим политическим взглядам принадлежал к левому крылу шляхетско-буржуазного блока и считал нужным прежде всего предать суду наиболее опасных торговичан. Временное правительство (*Najwyższa rada narodowa*) организовало уголовный суд и привлекло к ответственности гетмана и генерала Коссаковского, этого активного деятеля феодальной реакции и врага конституции 3 мая. Суд над генералом был коротким. Коссаковский был приговорен к смертной казни. 25 апреля приговор был приведен в исполнение. Одновременно временное правительство издало распоряжение, согласно которому смертная казнь угрожала всем, кто будет действовать против воли народа. Кроме Коссаковского, были арестованы и другие

тарговичане, заподозренные в шпионаже в пользу русского правительства, а также несколько мещан, обвиненных в грабеже во время восстания в ночь с 23 на 24 апреля. В тюрьму были посажены Игнатий Швыковский, маршалок виленской конфедерации, его секретарь Кононович и др. Несколько позже суд приговорил Швыковского к повешению, и 14 мая приговор был приведен в исполнение. Этот революционный акт был совершен правительством под несомненным влиянием майских событий в Варшаве.

Манифесты виленского правительства сначала не вызвали особенного энтузиазма и не обнаружили среди шляхты всеобщей тяги к участию в начавшемся движении. Только после майских событий и казни Швыковского литовские шляхтичи стали присоединяться к акту восстания. Среди них было немало тарговичан. Для участников движения было очень важно присоединение к восстанию крупного помещика Михаила Огинского, подсудка литовского, получившего свою должность от тарговичан. Огинский отказался от должности подсудка и пожертвовал на нужды восстания 118 000 злотых и за свой счет выставил полк в 480 человек. Вслед за Огинским стали жертвовать и другие лица. Так, капитан Нагурский дал обязательство снарядить и вооружить 500 человек, что им было выполнено. Многочисленные пожертвования создали фонд в размере 461 750 злотых, не говоря о значительном количестве различных драгоценностей, золота и серебра в слитках и изделиях. Так виленское правительство получило значительную финансовую подмогу, которая дала ему возможность приступить к организации повстанческой армии.

Для этого был объявлен рекрутский набор, причем каждые 25 крестьянских дымов должны были выставить одного рекрута. Кроме того, каждые пять крестьянских дымов должны были дать одного добровольца. Один доброволец выставлялся с 25 шляхетских дымов. Эта пропорция отчетливо свидетельствует о том, что правительство хотело создать боеспособную армию главным образом из крестьян, но в то же время оно не собиралось трогать крепостное право или изменять экономическое положение крестьянства.

В связи с восстанием положение крепостных крестьян значительно ухудшилось. Они отбывали повинности не только свои собственные, но и за тех крестьян, которые были призваны в армию. Рекрутская повинность, доставка фуража и провианта, подводная повинность — все это легло на плечи крестьянства.

Местные землевладельцы были против привлечения крестьян в ряды повстанцев. Помещики, не желая терять рабочие руки, всячески препятствовали поставке рекрутов. Многие из них так и не выполнили предложения виленским правительством мероприятия.

Руководители виленского восстания — Ясинский и его окружение превосходно понимали чрезвычайную слабость своего положения, поскольку Литва была оторвана от Варшавы и Кракова.

Ясинский с самого начала восстания в целях усиления его, а также для отвлечения русских сил считал нужным вызвать восстание на той территории, которая отошла к России по двум разделам Речи Посполитой.

Русское военное командование, разумеется, считалось с возможностью агитации и пропаганды восстания в Белоруссии, тем более, что оно было достаточно хорошо осведомлено о планах виленского правительства и, естественно, было очень встревожено, так как расположенные на территории Минщины войска приходилось переводить в Литву для усиления тамошних разрозненных русских сил. Попытки виленского правительства поднять восстание в Белоруссии не дали результатов. Вторгшиеся войска потерпели

несколько поражений. Отдельные шляхтичи присоединялись к восстанию и пополняли ряды его участников. Но массового движения поднять не удалось.

Неудача посполитого рушения, сбор которого срывался самой шляхтой, предопределила поражение восстания.

Восстание в Вильно возникло вне всякой связи с апрельскими событиями в Варшаве. Известие о событиях в Шавлях и Забудове было получено в Варшаве 25 апреля. Варшавское временное правительство немедленно послало в Забудово своих представителей Яна Непомуцена Горайна и генерала Гоженского для согласования действий с забудовскими повстанцами. В виде военной помощи им было послано и четыре пушки (в Забудове повстанцы не имели артиллерии). Литовские войска уже несколько месяцев не получали от гетмана Коссаковского жалования и находились в крайне бедственном положении. Варшавское правительство из своих средств послало деньги для уплаты жалованья, одновременно предложив, после оформления актов восстания, обратиться к гражданам с просьбой о денежных пожертвованиях, а также принять меры к увеличению военных сил.

Восстание в Вильно и действия виленского правительства были проникнуты духом сепаратизма. Виленское правительство объявило себя общелитовским и проводило политику независимо от Кракова и Варшавы. Это объяснялось тем, что акты восстания, провозглашенные в Кракове, ставили целью восстановление независимости Речи Посполитой на базе конституции 3 мая, унитарной по своим принципам. Эта конституция ликвидировала автономию Литовского княжества. Литовские повстанцы были готовы вместе с польскими вести борьбу за освобождение Речи Посполитой от власти оккупантов, но в то же время считали, что в случае удачи восстания Литва должна занять прежнее политическое положение.

Действия литовского правительства были встречены в варшавских правительственных повстанческих кругах весьма неблагоприятно. Варшавское правительство решило принять меры для полного подчинения себе литовского правительства. 20 мая Костюшко назначил Ясинского генерал-лейтенантом и начальником всего литовского войска. В своем письме к Виленской раде он критиковал ее действия как вредные и опасные. Костюшко считал, что Литва обязана была безоговорочно присоединиться к акту восстания. Впрочем, Костюшко, как думает Мосьцицкий, не совсем правильно отнесся к действиям виленского правительства. По мнению этого исследователя, в правительственном воззвании по существу не было ничего сепаратистского. Образование местного правительства отнюдь еще не означало проявления сепаратизма. Глава виленского правительства Ясинский был тесно связан с польскими повстанческими кругами и по происхождению не был литовским шляхтичем.

Литовская рада была вынуждена признать руководство со стороны Костюшко. Рада признавала своим верховным вождем и начальником Костюшко, в то же время сохранив за собой свободу действий внутри страны. Перед литовским правительством стояло много задач, которые приходилось ему разрешать совершенно самостоятельно. В дальнейшем, когда царизм начал упорную борьбу с повстанцами на двух фронтах — польском и литовском, литовскому правительству пришлось на свой страх и риск принимать те или другие меры.

Литовское правительство в целях согласования своих действий с варшавским назначило своим представителем при нем Иосифа Коцелло, которому была дана инструкция, выработанная в секретной депутации 17 мая. Инструкция поручала Коцелло положить конец всем недоразумениям между

Варшавой и Вильно и точно определить занятую виленским правительством позицию. Виленская рада солидаризировалась с центральным правительством и уверяла высшего начальника военных сил, что она не имеет никакой другой цели, как только выполнять его распоряжения и приказания. Виленское правительство признавало, правда, единство военного руководства, но лишь на известных условиях. Литовское правительство сохраняло за собой право отдельного командования своими войсками и обязывалось выполнять только личные распоряжения Костюшко. По существу рада подчинялась не центральному правительству, а Костюшко.

Варшавские политические круги были очень недовольны создавшимся положением. Председатель варшавского магистрата Закржевский 8 мая отправил письмо М. А. Тызенгаузу, председателю виленского магистрата. В этом письме, почтительном и весьма любезном по тону, чувствуется глубокое раздражение, которое охватило варшавские правительственные круги. Закржевский отмечает, что в Бельске под временной командой Сапег и на Жмуди единодушно приняли Краковский акт и поступили под начальство своего земляка. Только один Виленский акт, хотя и целиком проникнут патриотическим духом, проявляет тенденцию к самостоятельному управлению, хотя это и не отвечает политическим отношениям, известным одному Костюшко, и интересам народа. «Поэтому тебе, почтенный коллега, следует представить, что акт Виленский, опубликованный в первый момент восстания, должен быть лишен своего основного дефекта». Очевидно, Закржевский хотел этим письмом воздействовать на Тызенгауза, поскольку акт восстания был подписан им как председателем виленского магистрата.

Тызенгауз поспешил ответить своему коллеге. Он заверял Закржевского, что между ними не существует разногласия в целях восстания и что Литва, как и прочие провинции, всем сердцем привязана к Костюшко. Если Виленский акт в чем-либо отличается от Краковского, то разница заключается не в целях и планах, а только в том, что Краковский акт был первым, по образцу которого составлялись подобные же акты в других воеводствах Короны, тогда как акт Литовский был актом для всей Литвы. Необходимость составления такого общего акта Тызенгауз объяснял тем, что если бы акт восстания коснулся только одного Виленского воеводства, то другие воеводства имели бы возможность составлять отдельные акты и открывать уголовные суды, что затянуло бы дело. При составлении единого акта стремились избегать внутренних разногласий.

Виленское правительство формально признало Костюшко своим руководителем. На практике, однако, оно продолжало поступать совершенно самостоятельно. Литва была самостоятельным театром военных действий. Все внимание Костюшко было сосредоточено на военных действиях в Польше. Отсутствие четкой согласованности в действиях повстанцев в Литве и Короне сыграло отрицательную роль в ходе восстания.

Показания следственной комиссии Вавржецкого, которого послал в Литву Костюшко, ярко характеризуют тяжелое положение виленских повстанцев. Власть центрального литовского правительства распространялась далеко не на всю Литву. Военные силы повстанцев были недостаточны, не хватало оружия. Костюшко и литовское правительство наметили экспедицию в Либаву, а также принимали меры к тому, чтобы поднять восстание во всей Курляндии. Экспедиция в Либаву закончилась удачно, но ее военное значение было невелико. Вавржецкий не имел возможности раздобыть в Либаве оружие. Иностранцы отказывались вступать с ним в сделки по продаже оружия и военных припасов, ссылаясь на запрещение

своих правительств. При таких условиях Вавржецкий, командовавший экспедицией, не получая ниоткуда помощи, просил Костюшко об отозвании его из Литвы и переводе на театр военных действий в Короне. Агитация за восстание в Минщине продолжалась, но безуспешно. Русские военные власти легко парализовали здесь все усилия повстанцев.

22 мая виленское правительство под влиянием переписки с Костюшко было вынуждено опубликовать новый манифест, в котором торжественно заявляло о полной солидарности с Краковским актом восстания, а также о безоговорочном подчинении приказаниям начальника. После этого литовское временное правительство юридически превратилось в орган власти, находившийся под общим контролем варшавского правительства и Костюшко. Но фактически положение мало изменилось. Стремясь крепче связать Литву с Короной, Костюшко и его шляхетско-буржуазное окружение ввели в состав варшавского правительства — Раду наивысшую народовую, представителей Литвы. От Литвы в новое центральное правительство вошли Игнатий Потоцкий, Сулистровский, Вавржецкий и др. 21 мая Костюшко опубликовал манифест, в котором еще раз подтверждалось, что никто, кроме него, не может носить титул начальника всех военных сил и что назначенные им генерал-лейтенант Ясинский, Павел Грабовский и Хлевинский являются только начальниками отдельных корпусов и обязаны действовать в единомыслии.

Это категорическое заявление изменяло юридическое положение Ясинского, который после удачного восстания в Вильно считал себя начальником всех военных сил в Литве и не был склонен полностью подчиниться Костюшко.

По своим политическим взглядам Ясинский был значительно более радикальным, чем Костюшко. Возможно, что именно последнее обстоятельство побудило Костюшко предупреждать литовских повстанцев 21 мая о возможных интригах.

Варшавские и виленские события послужили толчком к присоединению к восстанию других городов Польши, Литвы и Белоруссии. Генерал Цицианов в Гродно, видя враждебное отношение шляхты и горожан, вывел все войска из города и расположился в поле. Он предполагал установить связь с другими русскими частями и, окружив город тесным кольцом, изолировать его от остальных местностей Литвы, где уже началось повстанческое движение. При этом, однако, Цицианов не решался на обстрел Гродно, прекрасно понимая громадные политические последствия такого действия. Поэтому он ограничился предъявлением ультиматума городу и потребовал уплаты громадного выкупа. Городской магистрат был вынужден подчиниться всем требованиям Цицианова и уплатил в серебряной валюте 101 552 р. 55 к. Кроме того, Цицианов забрал из города 277 поставов сукна и 550 ружей. После этого Цицианов отступил к Несвежу, благодаря чему между Варшавой и Вильно на некоторое время установилась прямая связь.

Своими мероприятиями Цицианов надеялся заставить жителей Гродно и шляхту Гродненского повета воздержаться от присоединения к акту восстания. Однако его действия не дали никаких практических результатов. Население Гродно, собравшись в Сокулке, не занятой русскими войсками, 9 мая присоединилось к восстанию и избрало повстанческие органы управления. С 14 мая повстанческая власть уже функционировала в Гродно.

Расположенный в Бресте небольшой русский отряд под командованием полковника Чесминского 4 мая оставил город и отступил по направлению

к Пинску. Брест вместе с Кобринским поветом присоединился к восстанию. В Кобрине были выбраны местные повстанческие власти. Еще в конце апреля, после получения воззвания литовского временного правительства, присоединился к восстанию г. Ковно, а в начале мая — Жижморы, затем Олита, несколько раньше Ошмяны и другие населенные пункты. Вся Жмудь была охвачена восстанием. Янишки, Упита, Меречь, Слоним, Новогрудок, Шавли, Волковыск, Тельши и другие местности организовали у себя повстанческую власть. Нужно сказать, однако, что это не означало еще активного участия их в восстании или полного признания полномочий центральной повстанческой власти Вильно.

Хотя формально после вмешательства Костюшко в политику временного литовского правительства и образования Верховной рады было создано единое верховное повстанческое правительство и теоретически было осуществлено единство командования и управления, на самом деле действия литовских и польских повстанцев не были согласованными. Польша и литовско-белорусские земли территориально были отделены друг от друга отрядами русской армии. Стоявшая на польско-прусской границе прусская армия хотя по внешности и соблюдала нейтралитет, но на деле всячески препятствовала сообщению между Польшей и Литвой. Прусское командование с самого начала восстания сообщало русскому ценные сведения о движениях литовских войск в пограничных местностях, о восстании в отдельных районах, а также об отношении к нему различных общественных слоев.

В таких условиях единство военного командования фактически вообще не могло быть осуществлено. Временное литовское правительство продолжало действовать на свой страх и риск. Оказавшиеся в русско-прусском окружении литовские войска нуждались в подкреплении, а между тем сама Польша находилась в весьма критическом положении и не могла оказать Литве значительной помощи. Литовскому командованию приходилось обходиться собственными силами, которые все более сокращались по мере отхода крестьянства от движения. Этот отход определялся политикой повстанческого правительства, не желавшего разрешения крестьянского вопроса революционным методом. Опубликование Костюшко известного Полапецкого манифеста не внесло существенных перемен в юридическое и экономическое положение крестьян. Но и те небольшие уступки крестьянству, которые провозглашались манифестом, не были осуществлены из-за сопротивления шляхты. Надежда Костюшко на создание стотысячной армии за счет крестьянства осталась несбыточной мечтой.

Литовское командование не добилося единства действий в Литве и не создало общего плана военных операций. Все его усилия сводились к попыткам расширить базу восстания за счет Курляндии и Минщины, что должно было отвлечь русские силы с театра военных действий и тем самым облегчить положение Литвы. В Курляндии, правда, на короткий срок вспыхнуло восстание, но на Минщине литовское правительство потерпело полную неудачу.

Генерал Ясинский был, безусловно, талантливым организатором. Однако он встречал сопротивление со стороны шляхты, подозревавшей, что он намерен организовать революцию наподобие французской. Под влиянием шляхетских кругов Костюшко даже отозвал его с поста командира одного из корпусов и назначил своим представителем и начальником литовской армии большого и малоспособного графа Вельгорского, одного из противников конституции 3 мая, перешедшего на сторону восстания. Назначение Вельгорского было крупной ошибкой Костюшко. Оно совпало

с критическим моментом в ходе восстания, когда кольцо русских войск начало все туже сжиматься вокруг литовских повстанцев, вынуждая последних к отступлению.

5

Положение дел на польском фронте тоже было далеко не блестящим. Военные силы повстанцев были совершенно недостаточными для борьбы против России и Пруссии. Между тем русское и прусское командования подготовили совместное наступление. Генерал Зайончек потерпел поражение под Холмом. Битва под Щекотинами кончилась для поляков неудачно. Дорога на Краков была открыта, и 14 июня он был взят прусскими войсками. Потеря Кракова, который не оказал почти никакого сопротивления, была большим ударом для восстания. Но самая главная опасность заключалась в отходе крестьянства от восстания. К тому же и шляхта стала охладевать к нему. После захвата пруссаками Кракова Костюшко опубликовал манифест, призывая к продолжению борьбы.

Австрийское правительство давно готовилось к оккупации части польской территории. После выступления Пруссии против повстанцев и австрийцы перестали сохранять видимость нейтралитета и вступили на территорию Польши (30 июня).

В условиях военного поражения классовые противоречия в лагере восстания резко обострились. Краковские события вызвали в Варшаве взрыв негодования среди горожан, видевших в падении Кракова акт предательства со стороны начальника краковского гарнизона Вишнявского.

27 июня городские плебейские массы потребовали от Закржевского казни всех изменников. Закржевский старался успокоить революционно настроенные мелкобуржуазные и ремесленные массы, доказывая, что суд разберется во всем. Тактика Закржевского сводилась к тому, чтобы помешать негодованию городских масс вылиться в подлинное революционное движение. Секретарь Коллонтая Конопка широко развил в Варшаве агитацию и призывал к расправе со всеми изменниками, сидевшими в тюрьме. Городское население распевало революционные песни вроде: «Мы, краковяне, носим у пояса шарф, мы на нем повесим короля и примаса». Увещания Закржевского не дали результатов. Из тюрьмы были выведены епископ виленский Массальский, князь Антоний Четвертинский, русские шпионы Грабовский и Пентка, Рогуский, которому Игельстром поручил следствие по делу о восстании, Фульферс, которого обвиняли в сношениях с русскими властями, и др. Все они туг же на площади были повешены.

Шляхта и крупная буржуазия во главе с Закржевским были крайне напуганы. Правительственные круги опасались развития революционного движения. 28 июня Верховная рада опубликовала воззвание, в котором требовала подвергать преступников казни не иначе, как на основании письменных доказательств и собственных признаний преступников. Право выносить смертные приговоры должно принадлежать уголовному суду, который обязан все начатые дела кончать в три дня. Чтобы успокоить городские низы, в уголовный суд были вызваны Щенский Потоцкий, Браницкий, Ржевусский и другие деятели Тарговицкой конфедерации и злейшие враги конституции 3 мая. Все они находились за пределами Варшавы и постановление суда не имело для них никакого практического значения. С другой стороны, уголовный суд привлек к ответственности руководителей народного движения 27 июня. Последние были арестованы и посажены

в тюрьму. Так при помощи террора правительство пыталось подавить революционное движение низов.

Вместе с тем Верховная рада привлекла к ответственности Винявского Военный суд признал Винявского виновным в сдаче Кракова без выстрела, в нарушении присяги и приговорил его к лишению чести и публичной казни через повешение. Но этот приговор имел только символическое значение: Винявский находился за пределами досягаемости. Зато уголовный суд быстро разобрал дело арестованных участников движения 27 июня. 28 июня были приговорены к смертной казни: Пиотровский, Долгерт, Дзекунский, Буржинский, Кленовский, Ясинский, Ставицкий. Приговор был приведен в исполнение лишь спустя две недели (15 июля), когда можно было не опасаться нового выступления городских низов и мелкой буржуазии. Был отдан приказ вернуть все оружие в арсенал.

Несмотря на все эти меры, шляхетско-буржуазное правительство не чувствовало себя спокойным и стремилось ослабить городские массы путем удаления наиболее революционных элементов. Килинский предложил составить полк из наиболее опасных и активных участников движения и отправить его на фронт. Это предательское предложение должно было парализовать революционное движение городских масс. Банкир Капостас в следственной комиссии с злорадством показывал, что правительство всячески старалось освободиться от Килинского, в котором оно видело радикала. По этим сообщениям Килинский был назначен полковником организованного из городских плебейских масс полка.

О событиях в Варшаве Костюшко получил известие 29 июня и немедленно обратился с воззванием к жителям города, призывая их к спокойствию и обещая скоро прибыть в Варшаву. Костюшко хвалил патриотическое усердие городских масс, но неодобрительно отнесся к их выступлению, видя нарушение закона в том, что преступники были казнены без суда. Костюшко был согласен со всеми мероприятиями правительства и решениями уголовного суда.

Ввиду затруднительного положения на фронте Костюшко еще раз пытался вызвать поспешное рушение. Но и на этот раз попытка его кончилась неудачей. Современники сообщают о нежелании помещиков освобождать крестьян от выполнения повинностей в поместьях. Местные органы власти не принимали никаких мер, чтобы заставить помещиков выполнять распоряжения правительства. Брестская порядковая комиссия, например, прямо саботировала постановление о наборе рекрутов и отказалась разослать соответствующее распоряжение. Офицеры жаловались, что их встречают на местах крайне враждебно, что население не хочет давать ни фуража, ни провианта.

Крестьянство, не получившее земли и свободы, стало проявлять полное равнодушие к восстанию. Шляхта не хотела поступаться своими привилегиями, экономическим положением в пользу восстания.

Шляхетско-буржуазное восстание не переросло в национально-демократическое освободительное движение. В то же время повстанческому правительству пришлось иметь дело с значительными военными силами Пруссии и России именно в тот момент, когда его военные силы и денежные средства были почти исчерпаны. Сам Костюшко был убежден в неизбежном поражении. На следствии он показывал о своих планах вступить в непосредственные переговоры с Россией. Осуществить эти планы должен был Игнатий Потоцкий как руководитель внешней политики варшавского правительства. Но события на театре военных действий развивались с необыкновенной быстротой и не в пользу повстанцев. Все пере-

говоры о примирении с царизмом в конце концов все равно кончились бы неудачей.

Прусское и русское командования сосредоточили все внимание на Варшаве. Прусские войска поспешили подойти к Варшаве, чтобы в случае, если она будет взята русскими, Пруссия могла принять участие в дележе добычи. Австрийские войска, оккупировав Малую Польшу, тем самым ликвидировали возможность военных действий на ее территории. Варшава была осаждена пруссаками. Городские массы явно выражали недовольство политикой центрального правительства, находя его неспособным для ведения войны. Варшавское правительство опасалось повторения июньских событий. Поэтому к столице были двинуты значительные силы повстанцев. Несколько позже подошел к Варшаве сам Костюшко. В его распоряжении была 22-тысячная армия, причем 13 000 солдат не имели достаточной военной подготовки. Движение к Варшаве происходило очень медленно, так как против Костюшко выступали русские войска Денисова и Хрущева. Обе стороны не решались вступить в генеральное сражение, и дело ограничилось отдельными стычками.

Между тем прусский король был вынужден отказаться от осады. Это было вызвано тем, что в Великой Польше началось восстание, и тыл прусских войск был не защищен. После отступления прусских войск польские войска вошли в город, что имело громадное политическое значение. Одновременно укрепилось пошатнувшееся положение центрального правительства. Новое выступление городских масс было предотвращено.

Однако успех в Варшаве уже не мог изменить судьбу восстания. Польское войско находилось в отчаянном положении, не имея ни денежных средств, ни оружия. В августе правительству пришлось выпустить билетов казначейства на 10 млн. гульденов, ценность которых была гарантирована королевскими имениями. Войско ощущало недостаток самого необходимого. При таких условиях повстанческая армия не могла быть вполне боеспособной. Положение на литовском фронте складывалось для повстанцев также неблагоприятно. Литовские войска имели дело с объединенными прусско-русскими войсками, находившимися под общим командованием Репнина. Прусские войска тщательно охраняли прусско-литовскую границу и мешали прямым сношениям между литовским и варшавским правительствами.

Заняв Варшаву, Костюшко фактически возглавил центральное правительство. 24 июля он опубликовал манифест, который ярко обрисовывал печальное положение повстанческой армии, лишенной лошадей, одежды, палаток и т. д. В пламенном воззвании к населению Костюшко просил о помощи, но шляхетская масса оставалась глухой к призывам Костюшко.

Руководитель восстания, стремясь ввести городское плебейское движение в желательные для шляхты и крупной буржуазии рамки, провел ряд мероприятий, которые должны были показать намерение правительства вести борьбу с врагами восстания и агентами враждебных держав.

Вместо уголовного суда был организован военный суд, во главе которого были поставлены генерал Зайончек и бригадир Мадалинский, представлявший левое крыло шляхетских повстанцев. Прежде всего новый суд приговорил к смертной казни холмского епископа за его враждебное отношение к конституции 3 мая, за переход к тарговичанам, за связи с Пруссией и Россией. Но приговор не был приведен в исполнение. Костюшко и его окружение не желали ссориться с римским престолом и влиятельными кругами католического духовенства. Казнь была заменена вечным тюремным заключением.

Военный суд разобрал дело группы тарговичан, вызванных в конце июня в суд и не явившихся, и приговорил к смертной казни главных деятелей Тарговицкой конфедерации: Щенского Потоцкого, Ржевусского, Браницкого, Вельгорского, Злотницкого, Мощенского, Сухоржевского, Швейковского и Гулевича. 29 сентября суд распорядился повесить на площади портреты приговоренных или надписи с их именами, если портреты не будут найдены. Впрочем, даже эта символическая казнь отнюдь не свидетельствовала о действительном намерении варшавского правительства вести решительную борьбу с противником восстания, предателями и агентами соседних держав.

Начавшиеся восстания в Великой Польше (в Серадзе, Калише, Равском воеводстве) облегчали положение Костюшко: они несколько задержали наступление на Варшаву русских и прусских войск.

На литовском театре военных действий положение становилось все более тяжелым. Военные силы литовского центрального правительства были более чем ограничены. Между тем они были окружены тесным кольцом прусских и русских войск. Полная неудача восстания в Минске позволяла двинуть отсюда войска для подавления восстания в Литве. Восстание в Курляндии не оказало никакого влияния на общий ход восстания. Наконец, отрицательно сказалось назначение начальником литовской армии бывшего тарговичанина и бездарного генерала Вельгорского. На территории Литвы происходили постоянные стычки с русскими войсками, причем многие из них кончались разгромом повстанцев. Так, был разгромлен Михаил Огинский, пытавшийся еще раз прорваться в Минщину, чтобы поднять восстание. На Жмуди действия отдельных отрядов не возглавлялись единым командованием, и результаты их борьбы были невелики. Литовская средняя и мелкая шляхта, видя неудачи повстанцев, стала проявлять еще более осторожное отношение к восстанию. Главнокомандующий армией Вельгорский не пользовался никаким авторитетом, не мог, да и не желал, объединить вокруг себя армию и повести решительную борьбу с русскими войсками.

Первый главнокомандующий литовскими войсками генерал Ясинский, как и русское командование, прекрасно понимал стратегическое и политическое значение Вильно. Борьба за Вильно должна была стать центром военных действий. Русский генерал Кнорринг приближался к столице Литвы, очищая себе дорогу от отдельных встречных повстанческих отрядов. Вельгорский, узнав о подходе Кнорринга к Вильно, отступил от столицы, видимо, не желая защищать ее, и оставил около Вильно только небольшой отряд под начальством Павла Грабовского. 22 августа город, почти лишенный войска, был взят.

После потери Вильно судьба восстания в Литве была решена. Прусско-русские военные силы все время увеличивались, в то время как войска повстанцев постепенно убывали. Костюшко тоже не мог оказать никакой практической помощи восстанию в Литве.

Чтобы ослабить натиск русских войск на Литву, необходимо было отвлечь их от Вильно и лишить возможности маневрировать. Стефан Грабовский выступил с проектом захода в тыл русским войскам и организации восстания в Белоруссии. Этот проект был одобрен Вельгорским. Однако поднять восстание в Минске не удалось и Грабовскому. Белорусское крестьянство не поддержало его, что было главной причиной неудачи. Грабовскому, правда, удалось отрезать Минск от Вильно и вступить на территорию Минщины. В то же время Михаил Огинский с небольшим отрядом и двумя пушками пытался захватить Динабург, но неудачно.

Русское военное командование быстро разобралось в планах литовских повстанцев. Для защиты Минска был послан 10-тысячный отряд, бороться с которым Грабовскому было не под силу. Грабовский избегал столкновения с русскими войсками, двигался вперед очень медленно и в конце сентября дошел до Бобруйска, всюду распространяя прокламации. Сам Костюшко отнесся к движению Грабовского отрицательно, считая, что оно ведет только к распылению сил повстанцев. 4 сентября небольшой отряд Грабовского столкнулся около Любани с генералом Цициановым. Мужественно выдержав несколько сильных атак, Грабовский в конце концов должен был капитулировать. Победителям достались пять пушек и 250 человек пленными. Неудача движения Грабовского ослабила силы восстания и укрепила положение нападавшей стороны. Сам главнокомандующий литовской армией в этот критический момент находился в Гродно в полном бездействии. Такая тактика вызывала всеобщее недоумение и деморализовала армию. Сознал ли Вельгорский бесполезность продолжения борьбы или, как бывший тарговицанин, вел предательскую политику и ускорял поражение восстания, с точностью сказать нельзя. Но есть основание предполагать, что между Вельгорским и русским военным командованием состоялось какое-то соглашение. Дольше всего восстание держалось на Жмуди, где движущей силой его являлось литовское крестьянство. Но и здесь уже замечался новый поворот в настроениях крестьянской массы.

Считая невозможным удержать Курляндию и Жмудь, Костюшко решил отозвать оттуда повстанцев, надеясь, что, пройдя через Восточную Пруссию, им удастся соединиться с остальными войсками. С отступающими повстанцами двигались их семьи. В целом план этот выполнить не удалось. Прусские власти были осведомлены о движении и приняли соответствующие меры. Все же части повстанцев удалось пробиться. Вавржецкий и Гедройц прибыли в Гродно около 20 августа. Генерал Мокроновский, квартировавший в Бресте, принял на себя общее командование армией. Недалеко от Бреста был расположен отряд Сераковского — свыше 5000 пехоты и 2500 кавалерии. В его задачи входило задержать движение Суворова к Варшаве. В пяти милях от Бреста Сераковский, подкрепленный небольшим отрядом Князевича, столкнулся с Суворовым. Силы обеих сторон и количественно и качественно были неравны. Молодая, плохо вооруженная армия оказалась недостаточно стойкой. Сераковский был разбит и должен был отступить. Поражение под Брестом означало поражение восстания в Литве.

Приближались последние дни восстания. Обстановка для повстанцев сложилась крайне неблагоприятно. Тыл был настроен пораженчески. Крестьяне, не получив ничего от повстанческого правительства, сохраняли полное равнодушие, тем более, что во время восстания их повинности увеличились как вследствие требований помещиков, так и правительства. Сами помещики тяготились поборами, поставками, реквизициями и, самое главное, боялись потерять даровой крепостной труд. Варшава в лице городской плебейской массы была настроена революционно. Но ее революционный порыв подавлялся правящими кругами, боявшимися развития движения.

24 сентября Костюшко опубликовал новый манифест. Он указывал, что временное правительство не желает нарушать ничьей собственности. За все, что будет доставлено гражданами, немедленно будет им заплачено. Наконец, он обещал, что по окончании войны и освобождении отечества собрание представителей народа установит правление, какое будет необходимо для безопасности и благоденствия. Манифест Костюшко в известном

смысле означал отказ от конституции 3 мая, которая не пользовалась популярностью у городских низов. Впрочем, манифест этот не имел никакого практического значения.

Русские войска приближались к Варшаве. Повстанцы очутились в безнадёжном положении. Только демократическая революция могла влить новые силы в повстанческую армию и сдержать наступление армии царизма. Костюшко прекрасно понимал всю серьёзность положения и, не желая допустить осады столицы, пытался прорвать кольцо прусско-русских военных сил. Произошла знаменитая битва под Мациевицами. Она была проиграна. Костюшко, тяжело раненный, попал в плен. Дорога на Варшаву была открыта.

После пленения Костюшко во главе остатков повстанческой армии оказался генерал Вавржецкий. По его словам, он отказывался от поста начальника армии, считая себя недостаточно подготовленным для этого, и указывал, что не был намечен в качестве преемника самим Костюшко. Близкое военное поражение резко обострило классовые противоречия. Шляхетско-буржуазный блок боялся демократической революции. Городские низы и мелкая буржуазия Варшавы находились в сильном волнении. Среди масс росла враждебность к правительству. Поведение Ясинского и Коллонтая пугало правительство. Шляхетско-буржуазный блок, оставшийся без руководства, умолял Вавржецкого стать во главе правительства и войск, чтобы защитить шляхту и буржуазию от возможного выступления городских низов. Даже в последний момент, когда шляхетская Польша находилась в состоянии агонии, шляхетско-буржуазный блок предпочитал политическую смерть своего государства демократической революции.

4 ноября Суворов штурмовал Прагу. Затем капитулировала Варшава (9 ноября). Положение отступавшей армии было безнадёжным. Среди части польского офицерства возник план перейти на службу к прусскому королю, который стремился перетянуть поляков на свою сторону, но Вавржецкий категорически отказался вступать в переговоры с прусским королем. Поскольку Суворов от имени императрицы обещал всем участникам восстания полную амнистию, Вавржецкий, а вместе с ним Домбровский, Гельгуд, Гедройц, Закржевский сдались Суворову. Восстание было подавлено. Суворов не мог выполнить своего обещания. Участники восстания были арестованы и отвезены в Петербург, где были посажены в крепость. Над ними было назначено следствие. Королю было приказано оставить Варшаву и поселиться в Гродно.

6

Руководители восстания 1794 г. своей шляхетской политикой обрекли его на неудачу. Крестьянство, понявшее лозунги «вольность, свобода и братство» как освобождение от крепостного права и принявшее сначала весьма деятельное участие в восстании, не получив земли и свободы, довольно скоро к нему охладело. План Костюшко создать стотысячную армию из крестьянства потерпел неудачу, так как Поланецкий универсал встретил полный саботаж со стороны землевладельцев. Необходимо, впрочем, указать на весьма ограниченный характер универсала, не удовлетворявшего главным требованиям крестьянских масс. Сам Костюшко не считал возможным разрешение крестьянского вопроса революционным путем.

Оставляя феодальную зависимость крестьян от помещиков, Костюшко своей социальной политикой шел навстречу интересам не только части зем-

левладельческой шляхты, которая в той или иной степени поддерживала его восстание; его политика отвечала интересам и торговцкой знати, которая была злейшим врагом конституции 3 мая. Неприкосновенность помещичьей собственности была для Костюшко социальной аксиомой. Важно, что такой же точки зрения придерживались и более радикальные шляхетско-буржуазные и мелкобуржуазные элементы. Характерно, например, что даже после апрельской расправы с врагами народа — торговичанами имущество их не было конфисковано.

Руководители восстания боялись революционного подъема крестьянских и городских масс. Шляхетско-буржуазный блок принимал все меры к тому, чтобы ограничить движение городских низов, а подавляющее большинство шляхты сопротивлялось привлечению крепостных масс в повстанческую армию.

Шляхетско-буржуазное восстание не переросло в буржуазно-демократическую революцию. Вожди восстания, конечно, признавали значение участия народных масс в повстанческом движении, однако стремились использовать их патриотический подъем исключительно в интересах шляхетско-буржуазного блока. Последний готов был скорее капитулировать перед царизмом и вступить с ним в соглашение, чем привлечь крестьянство к участию в восстании путем радикального решения крестьянского вопроса.

Только с негодованием можно читать показание крупного банкира Капотаса о том, как шляхетско-буржуазный блок старался удалить из Варшавы сапожного мастера и члена магистрата Килинского, правда, весьма неустойчивого по своей идеологии, но пользовавшегося исключительным доверием со стороны городских низов. Шляхетско-буржуазный блок правильно рассчитал, что удаление из Варшавы Килинского и значительного количества наиболее революционно настроенных элементов внесет разложение в городскую плебейскую среду и сделает невозможной революцию наполеона французской.

Революционное решение крестьянского вопроса могло иметь громадное политическое значение. Можно было рассчитывать, что, по примеру крестьянства Польши и Литвы, крестьяне Галиции и польские крестьяне в Пруссии поднимутся против помещиков и крепостной зависимости. Этого не желали допустить вожди восстания. А без свободного крестьянства как основной движущей силы восстания оно было обречено на неудачу.

В критическую минуту, после поражения повстанческой армии под Мадзевевицами и пленения Костюшко, неуверенность и пораженческое настроение стали постепенно охватывать буржуазно-шляхетских руководителей восстания. Они боялись не столько неизбежного поражения, сколько буржуазно-демократической революции. Преемник Костюшко генерал Вавржецкий не столько готовился к борьбе с русской армией, сколько был занят мероприятиями, направленными против польских якобинцев из мелкой буржуазии. Опасаясь буржуазно-демократической революции, вожди восстания поспешили капитулировать.

Отрицательную роль в восстании сыграло также отсутствие единого военного руководства. Литва только формально признавала руководство Костюшко. Литовские повстанцы фактически действовали самостоятельно, не согласовывая свои военные распоряжения с начальником войска.

Русское военное командование очень боялось участия крестьян и городских низов в восстании. Сначала оно даже несколько преувеличило степень участия масс в движении. Но когда стал заметен отход крестьян от восстания, когда стало ясно, что сотысячная армия Костюшко не будет создана, русское командование перешло от обороны к наступлению и со своей

стороны постаралось использовать крестьян для работ по возведению военных укреплений и рытью рвов.

Наконец, важным обстоятельством, определившим неудачу восстания, был национальный вопрос. Для судьбы восстания важно было отношение к нему белорусского крестьянства. Когда повстанцы вторглись из Литвы на территорию Минской губернии в целях организации восстания, они встретили сочувствие и поддержку только со стороны части деклассированного шляхетства. Белорусские крестьянские массы остались равнодушными к судьбе повстанцев. Это объясняется тем, что восставшая шляхта не несла им освобождения от крепостного права и ликвидации национального гнета.

Поражение польского шляхетско-буржуазного восстания 1794 г. повлекло за собой третий раздел Речи Посполитой. Шляхетская Речь Посполитая перестала существовать.

В. Д. Королюк

РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ПОДГОТОВКА ВСТУПЛЕНИЯ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В СЕВЕРНУЮ ВОЙНУ¹

(Восстановление русско-саксонского союза 1702—1703 гг.)

Переход шведских феодалов в конце 1701 — начале 1702 г. к политике прямой агрессии против Речи Посполитой, оккупация шведской армией Варшавы, политика репрессий и контрибуций, политика грабежа и разорения страны, систематически проводившаяся шведским командованием, повлекли за собой серьезные изменения в расстановке политических сил в Литве и Короне.

Однако между началом шведской агрессии и официальным вступлением Речи Посполитой в войну летом 1704 г. оказался довольно длительный промежуток времени. Речь Посполитая лишь постепенно вступала в войну. Причиной такого развития событий были органические пороки общественно-политического строя Речи Посполитой, интриги довольно сильной прошведской партии среди польско-литовского магнатства и шляхты, а также те неразрешенные противоречия, которые существовали между магнатско-шляхетской Речью Посполитой и дворянской Россией. Шведские феодалы и антисаксонская оппозиция в Речи Посполитой, возглавляемая примасом, Ст. Яблоновским и Лещинским, принимали все меры к тому, чтобы использовать реваншистские, агрессивные настроения части польско-литовской шляхты по отношению к России в целях привлечения Речи Посполитой к союзу со Швецией. Совершенно очевидно, что в этом союзе слабой Речи Посполитой могла принадлежать только подчиненная роль, роль пассивного сателлита Шведской империи. Пропагандируемый Карлом XII и его польско-литовскими сторонниками лозунг польско-шведского союза против России был реакционным орудием, при помощи которого шведские феодалы и кучка их польско-литовских сообщников пыталась ослабить начавшуюся борьбу русского, украинского, белорусского, литовского и польского народов против шведской феодальной агрессии.

Россия, которая с 1701 г. после фактического прекращения ее союзником — саксонским курфюрстом Августом II военных действий против шведов оказалась в состоянии военной и политической изоляции, была, разу-

¹ Настоящая работа является продолжением работ, опубликованных в III, IV, V, VI томах «Ученых записок Института славяноведения».

меется, крайне заинтересована в том, чтобы ускорить момент вступления в Северную войну всей Речи Посполитой. Русской дипломатии приходилось решать эту задачу в весьма сложных международных условиях. Фактически ни одна из западноевропейских держав не поддерживала ее усилий. Точнее, русской дипломатии постоянно приходилось преодолевать в Речи Посполитой противодействие французской, австрийской и английской дипломатий.

Важным этапом на пути вступления Речи Посполитой в Северную войну должны были явиться восстановление союзного трактата с Августом II и заключение союзных трактатов с Великим княжеством литовским. Обе эти задачи решались русской дипломатией параллельно. В настоящей работе рассматриваются только события в Короне¹ и прослеживается деятельность русской дипломатии, направленная на восстановление русско-саксонского союза.

* * *

События конца 1701 и начала 1702 г. свидетельствуют об ожесточенной борьбе за Речь Посполитую между Саксонией и Швецией. Вначале Карл XII, казалось, располагал весьма внушительными средствами для того, чтобы добиться успеха. Он выдвигал идею защиты шляхетских прав и вольностей, обвинял Августа II в стремлении нарушить польскую конституцию и произвести абсолютистский переворот. Говоря о русской опасности и призывая к польско-шведскому союзу для возвращения Речи Посполитой Киева и Смоленска, Карл XII надеялся привлечь на свою сторону ту часть польского магнатства и шляхты, которая стремилась к возобновлению борьбы с Россией за Украину. Шведам сочувствовала и их помощи искала сильная антисаксонская оппозиция в стране, объединившая такие крупные фигуры в польской политической жизни, как примас Радзеевский и великий гетман коронный Яблоновский.

Что мог противопоставить Карлу XII Август Саксонский? В середине 1701 г. положение Августа в Речи Посполитой несколько укрепилось в связи с выводом из страны по требованию сейма саксонской армии и согласием его на посредничество Речи Посполитой между ним и Карлом. Между тем в конце указанного периода соотношение сил противников начало коренным образом изменяться. Становилось ясным, что в шведско-саксонской борьбе за Речь Посполитую верх берет саксонская сторона. Причина этого крылась прежде всего в факте открытой агрессии шведов против Речи Посполитой. Вторжение шведов на территорию Речи Посполитой облегчило положение России, позволив ей предпринять более

¹ События в Великом княжестве литовском в течение 1702—1703 гг. представляли собой по существу развитие литовского шляхетского движения, направленного против Сапег. Последнее теперь осложнялось фактом шведской агрессии. Это не значит, что ход событий в Литве не был связан и не отражался на ходе событий в Короне. Русская и саксонская ориентация литовских конфедератов оказывала весьма серьезное влияние на внешнеполитическую ориентацию Короны. Резко враждебная шведам позиция литовских конфедератов, которую они заняли в 1701—1702 гг. вследствие измены Сапег и помощи Сапегам со стороны Карла XII, не только повела к русско-литовским военным союзам, но и поставила вопрос о самом существовании польско-литовской унии; с этим вынуждены были очень серьезно считаться в Короне. Угроза разрыва польско-литовской унии в известной мере связывала руки даже противникам Августа II. Эта угроза выяснилась не в течение 1703 г., как думают Конопчинский и Фельдман (Wł. Kończuński, *Polska a Szwecja, Warszawa, 1924, str. 44*; J. Feldman, *Polska w dobie Wielkiej wojny Północnej, Kraków, 1925, str. 15*), а, наоборот, уже в первой половине 1702 г., когда во время майской рады Сената польный гетман литовский М. Вишневецкий открыто заявил, что «жели от его королевского величества и Корону польской им никакой помощи против неприятеля не будет, то они, литовские, будут искать протекции его царского величества» (Дела польские, 1702, № 7, л. 106).

энергичное наступление в Прибалтике и отдалить момент решительного столкновения ее со Швецией. Петр I очень скоро оценил все значение похода шведов в Речь Посполитую¹.

Шведская агрессия против Речи Посполитой обусловила известное совпадение интересов Августа II и Петра I, несмотря на наличие серьезной коллизии в их политике. Русские усилия направить Речь Посполитую против Швеции объективно отвечали и саксонским политическим интересам. В нашем распоряжении нет документальных данных, которые могли бы полностью раскрыть мотивы шведской политики именно в этот период (начало 1702 г.), когда становилось совершенно очевидным укрепление международных и польских позиций Августа II. Однако сопоставление ряда фактов позволяет нам высказать некоторые предположения.

В самом деле, едва ли простым совпадением событий можно объяснить тот факт, что решение о походе на Варшаву было принято Карлом XII в момент резкого усиления антишведских настроений в стране. Окончательное решение о детронизации Августа II и о походе в Речь Посполитую было принято при шведском дворе только в феврале — марте 1702 г., хотя появление этих планов следует датировать гораздо более ранним сроком. При этом, как это показывает мемориал Уксеншерны, Карл XII свои детронизационные планы строил в расчете на сочувствие и помощь со стороны оппозиции в Речи Посполитой (на неверность этих расчетов указывал ему престарелый канцлер).

Чем же объяснить тогда, что решения были приняты только в марте, а в мае 1702 г. шведские войска уже находились на пути к Варшаве, несмотря на возражения и опасения шведских сторонников, не исключая даже Сапег? Здесь необходимо принимать во внимание как международный, так и собственно польский план шведской военной кампании. В международном плане поход в Речь Посполитую обусловливался прежде всего тем обстоятельством, что вслед за австро-саксонским сближением нападение на Саксонию представлялось невозможным для Карла. Зато решение в кратчайший срок, с хода овладеть столицей Речи Посполитой, не ожидая открытого перехода на свою сторону антисаксонской оппозиции, вызывалось, повидимому, прежде всего ходом событий в Литве и Короне. Именно неудачный исход шведско-саксонской борьбы за Речь Посполитую и должен был толкнуть Карла XII на попытку найти решительный выход из создавшегося положения в захвате Варшавы. Захват ее должен был окрылить его польских сообщников и не дать Августу возможности окончательно увлечь на свою сторону колеблющиеся шляхетские массы.

Другой путь — продолжение оккупации Курляндии и поддержка Сапег на Литве с расчетом на постепенный переход в шведский лагерь польских противников Августа II — был не только гораздо более длительным вариантом, но и не мог привести к выгодным для шведов результатам, предоставляя Августу II передышку и давая ему возможность спокойно вооружаться. Таким образом, стремление опередить угрожающе развивающиеся для него события в Речи Посполитой, не дать своему противнику времени вооружиться и использовать факт шведской агрессии для привлечения на свою сторону подавляющего большинства польского господствующего класса, побудило Карла двинуться на Варшаву, чтобы немедленно организовать элекцию нового короля.

22 мая шведы овладели Варшавой. Карл обратился к примасу, приглашая прибыть его в столицу и заявляя, что считает лучшей мерой для

¹ «Письма и бумаги Петра Вел.», т. II, СПб., 1889, стр. 63—64.

успокоения Речи Посполитой созыв избирательного сейма для новой элекции¹. Трижды пришлось повторять Карлу XII свое приглашение, прежде чем прибыл, наконец, колеблющийся примас, выступавший даже с обвинениями в измене Сапег. На решение его прибыть в шведский лагерь повлиял, между прочим, и сам Август II, надевшийся с его помощью достичь мирного соглашения со шведами или хотя бы завязать переговоры с ними, чтобы выиграть время².

Причины осторожности примаса к призывам Карла XII очень хорошо понимал русский посланник Гр. Долгорукий, указывавший в своих депешах, «что нарекают поляки, что его (примаса.— В. К.) факциями приведен король шведской»³.

Упорный отказ Карла от переговоров с сеймовым посольством, которое было направлено к нему Сенатской радой после вторжения шведов на территорию Речи Посполитой, вызывал естественное раздражение громадного большинства польской шляхты. По приезде примаса в Варшаву еще яснее стало глубокое недовольство местной шляхты шведами⁴. Долгорукий предвидел даже конечную неудачу всего шведского предприятия, «понеже зашел (Карл XII.— В. К.) гораздо глубоко. И шол в великой надежде — чаял при себе быть всем поляком. А ныне, которые были, из Варшавы выехали»⁵. Это наблюдение русского посланника полностью подтверждается и более поздними фактами.

Кроме того, Долгорукий обращал внимание русского правительства на деятельность французской дипломатии и предупреждал (23 мая (3/VI) 1702 г.) свое правительство, указывая, что «зело надлежит нам помогать, как возможно, ныне поляком, не мешкав, дабы неприятель не принудил их на нас с собою, понеже посол французской имеет при себе многие денги, в Варшаве королю швецкому велми помогает и наклоняет к нему поляков, от чего боже упаси»⁶.

Приезд в Варшаву Радзеевского немногим поправил положение дел в шведском лагере. Основным пунктом разногласий, по поводу которого происходили споры между ним и Лещинским, с одной стороны, Карлом и Пипером — с другой, был вопрос о детронизации Августа II. Правда, в руках шведов были теперь весьма веские обвинительные материалы против Августа II, с помощью которых они надеялись повлиять на польских избирателей. Р. Паткуль в депеше от 8 (19) июня 1702 г. по этому вопросу сообщал следующее: «Король шведской держит комнатного господина Фитцтума в полону, у которого грамота его, короля, писанная его царскому величеству обретается. И в той король полской предложение изображает, как они Польшу разделить хотят. И сколь скоро сие меж поляками уведано, то и малой остаток людей, которые к королю склонны были, совершенно от него отпали. Король швейской желает конного сейму и тогда хочет Фитцтума и все грамоты Речи Посполитой отдать. Он стоит крепко на том, чтоб короля с престола свергнуть»⁷.

Результат этих разоблачений оказался, однако, не настолько серьезным, как это предполагал Р. Паткуль. Варшавские совещания примаса и Лещинского с шведами показали, что шведские детронизационные планы

¹ К. Jagochowski. Dzieje panowania Augusta II. Poznań, 1874, str. 55.

² Там же, стр. 56.

³ Дела польские, 1702, № 7, л. 153.

⁴ Jagochowski. Dzieje..., str. 57.

⁵ Дела польские, 1702, № 7, л. 153.

⁶ Там же, л. 149.

⁷ Там же, № 17, л. 35.

не встречают никакого сочувствия. Об этом свидетельствует и сообщение Долгорукого. Последний писал в своей депеше от 19 (30) июня 1702 г.: «Кардинал-примас приватно был на конференции с первым шведским министром графом Пипером, который объявил ему, кардиналу, между иными пунктами, чтоб королевского величества в Польше не было: выслать бы в Саксонию, и чтоб учинить союз с Речью Посполитою и иттить бы войною к границам его царского величества. А по которое время общею войною не отвращены будут поляком завоеванные города, Киев и Смоленск, по которое время в свою сторону король шведской не возмет Новгорода и Пскова, по то время войны своей не скончает, за что поляки не так что каких трактатов и конференций его, кардиналовой, со шведы не хотят слышать, понеже все гораздо озлоблены и конечно собираются на посполитое рушение»¹. Озлобление это должно было привести к неудаче варшавских совещаний. Примас высказывался против детронизационных планов Карла XII, считая, что шведам лучше избрать иной путь — путь окончательного ослабления королевской власти.

Детронизация Августа II во всяком случае представлялась Радзеевскому преждевременной². Мнение его разделял в этот момент и коронный подскарбий Рафаил Лещинский. Переговоры были вскоре прерваны, и руководители антисаксонской оппозиции выехали из Варшавы.

Между тем Август II, пользуясь предоставленной ему передышкой, энергично готовился к возобновлению военных действий, подтягивал свою армию, ожидал прибытия коронного войска. При таких обстоятельствах промедление становилось опасным и для самого Карла, оказавшегося в глубине страны, среди враждебно настроенного к нему населения, с плохо обеспеченным тылом. Перед шведским королем возникла альтернатива: или отказаться от задуманного им обширного плана действий в Польше, или продолжать работать над ним. Для осуществления этого плана (детронизация Августа II в Речи Посполитой) необходимо было прежде всего нанести немедленный удар саксонцам, чтобы в самом начале сорвать их военные приготовления. Одно время казалось, что будет избран первый вариант. В конце мая 1702 г. сам Август говорил об этом Долгорукому: «Король шведской намерение свое ныне отлагает, чтобы королевское величество ис Польши выгнать и быть королем иному. Больше мыслит о себе, как ис Польши выйтить, понеже все поляки хотят быть ему противны, и будто спрашивает король шведской ближнего пути к границе царского величества»³.

Если подобные колебания со стороны Карла XII действительно имели место, то они не оказали заметного влияния на шведскую политику в отношении Речи Посполитой. Во время переговоров с примасом Карл XII твердо стоял на своем, а вслед за срывом их, 26 июня 1702 г., войска его двинулись из Варшавы на Краков, где расположился польско-саксонский двор. Шведско-саксонская война возобновилась.

* * *

В распоряжении Августа II было 15 000 саксонского войска⁴, остальные 10 000 должны были подойти вскоре. Август II ожидал также прибы-

¹ Дела польские, 1702, № 7, лл. 170—171.

² Jagochowski. Dzieje..., str. 159.

³ Дела польские, 1702, № 7, л. 160, деп. от 30/V (10/VI).

⁴ Там же, л. 193; Jagochowski. Dzieje..., str. 75.

тия великого коронного гетмана И. Любомирского с коронным войском. Наконец, было разослано третье воззвание к шляхте, предлагающее ей собраться 13 июля 1702 г. в Корчине. Однако Августу II не удалось осуществить полностью эти мероприятия. Прежде всего следует указать на возросшую оппозицию великополян, не пожелавших присоединиться к общему посполитому рушению шляхты и согласившихся на созыв его только для своей собственной обороны¹. Другим серьезным препятствием была умышленная медлительность И. Любомирского и коронного войска². При таких обстоятельствах трудно было ожидать какой-либо определенности в действиях Августа II, понимавшего, что польско-литовские феодалы всеми силами стремятся избежать решительного столкновения со Швецией. В этом отношении чрезвычайно показательны следующие слова Августа II, сохранившиеся для нас в депеше Гр. Долгорукого от 19 (30) июня 1702 г. Король откровенно заявлял тогда, что «ежели б неприятель склонность имел к миру и добрые мирные статьи им (полякам.— В. К.) предложил, и того ради поляки все свое доброе намерение переменить могут»³.

Но если окончательно вопрос об участии Августа II в Северной войне не был еще решен, то военные приготовления к столкновению с Карлом, на территории Короны продолжались. При этом Август II отнюдь не исключал возможности опереться на русскую помощь. Еще 12 (23) мая 1702 г. Август II обратился с личным посланием к царю, прося его усилить русские удары в Прибалтике и оказать немедленную помощь Литве. Последняя снова привлекала теперь внимание Августа II в связи с походом шведов на столицу Речи Посполитой. «Особливо бедной Литве,— говорилось в его послании,— которая истинно по се время против неприятеля правдиво билась, потребными людьми и денгами по моему прежнему молению вскоре вспоможение учинить»⁴. В ответном письме Петра I от 18 (29) июня 1702 г. содержались вполне успокоительные заверения относительно военных планов России. Петр сообщал в нем не только о своем намерении оказать помощь литовским конфедератам, но и о уже предпринятом им генеральном наступлении в Лифляндии⁵.

Август II, повидимому, серьезно рассчитывал на русскую помощь. В течение июня 1702 г. в беседах с Долгоруким он продолжал настаивать на ней, указывая, что без помощи царя ему нечего и думать о продолжительном сопротивлении шведам⁶. С другой стороны, он стремился заручиться помощью крымского хана⁷ и серьезно надеялся на поддержку папского нунция. В переговоры с последним вступила и русская дипломатия в лице Гр. Долгорукого, стремившегося с помощью нунция ликвидировать угрозу польско-шведского союза против России⁸. Таким образом, силой вещей восстанавливалось русско-саксонское военное сотрудничество, появлялись перспективы выхода России из того положения фактической международной изоляции, в котором она находилась. Шведская политика облегчала России привлечение к войне против Швеции саксонского курфюрста, а в результате шведского вторжения в Речь Посполитую русская армия получила

¹ J a g o s c h o w s k i. Dzieje..., str. 72.

² Там же, стр. 73.

³ Дела польские, 1702, № 7, л. 175.

⁴ «Письма и бумаги...», т. II, стр. 69—70.

⁵ «К чему и нынешнего месеца генеральной походъ начать в Лифляиды, о чем услышано будет вскоре...» («Письма и бумаги...», т. II, стр. 69).

⁶ Дела польские, 1702, № 7, л. 192.

⁷ Там же, л. 190.

⁸ Там же, л. 177.

возможность начать систематическое завоевание Прибалтики. Русские успехи вызывали большую тревогу в шведском лагере.

Чтобы полностью выяснить значение, которое придавали при царском дворе делу возобновления шведско-саксонской войны, необходимо кратко остановиться на деятельности русской дипломатии при прусском и датском дворах.

В начале 1702 г. в Берлине были возобновлены русско-прусские переговоры о союзе, не давшие, однако, никаких серьезных результатов. Как доносил 27 января (7 февраля) 1702 г. русский посланник в Берлине Измайлов Головину, «ближние люди» прусского короля заявляли ему, что «вспоможением де войск в нынешнее время подавать ни по которому образу невозможно, потому что опасны наступления от француза. При том еще надобно смотреть, что учинитца у поляков, и ожидают вскоре от поляков посла»¹. Правда, это не означало, что прусская сторона хотела окончательно прервать переговоры и дать понять русским представителям, что им нечего рассчитывать на помощь Пруссии. В заявлении «ближних людей» содержался один пункт, который был рассчитан на то, чтобы поддержать в русском правительстве надежду на прусскую помощь по крайней мере на некоторый промежуток времени. «А когда де будет посол полской от Речи Посполитой,— говорили Измайлову «ближние люди»,— и станет просить вспоможения, то, увидя их крепость, будет король делать новую алианцию з датским королем»².

В феврале (депеша Измайлова от 25 февраля (8 марта)) с прусской стороны было подтверждено, что в настоящее время правительство не видит для себя никакой возможности оказать России помощь. Однако в заявлении прусского правительства попрежнему фигурировал и польский вопрос: «О начинании войны и вспоможении на шведа,— писал русский посланник,— за французскою войною отказывают и будто ожидают чего добрава от поляков и войска свои посылают многие в Прусы»³. В марте русскому посланнику стала уже совершенно ясными полная неудача его миссии и срыв русско-прусских переговоров. Но и на этот раз отказ Пруссии не был окончательным. «Однако,— говорилось в депеше Измайлова от 6 (17) марта,— королевское величество для споможения и всякого опасения послал свои войска в Прусы к границам литовским, которых там уже 16 000, а всех будет 20 000. А велено им смотреть — неприятельские войска будут приближатца к саксонским местам, то немедленно войну королевское величество будет иметь против шведа. Сию статью объявили за великой секрет, будто ожидает королевское величество вскоре от агликсцова короля и от Голанских Стат присланнова с таким же прошением о войне на шведа за его многие неправды, как он швед, оставил великую алианцию, а имеет дружбу с французским королем и обещал ему все свой войска по совершении войны. А ныне ему вспомогает французский король денгами»⁴. Русское правительство ясно представляло себе противоречия между Пруссией и Швецией, взаимную враждебность их интересов (Пруссия зарилась на шведские владения на побережье Балтийского моря и была недовольна как шведской оккупацией Курляндии⁵, так и отказом Швеции признать прусский королевский титул).

¹ Дела прусские, 1702, № 3, л. 13.

² Там же.

³ Там же, л. 117.

⁴ Там же, лл. 52—53.

⁵ Там же, лл. 62—64.

Однако тяжелое положение, в котором находилась Россия, не позволяло русскому правительству принять более энергичные меры воздействия на прусское правительство. Переговоры продолжались далее, несмотря на постоянные отказы прусского короля выступить на стороне России путем ли объявления войны шведам или путем передачи на русскую службу части своей армии. Вместе с тем прусское правительство попрежнему неоднократно подчеркивало зависимость своего выступления против Швеции от той или иной позиции Речи Посполитой. Измайлов несколько позже отмечал, что «королевское величество пруской не по одно время сам ему, послу, говорил, что обещаетца царскому величеству не токмо доброхотство за толикую ево, государскую любов и милость казать, но и душу свою во всем полагать, толко де без явные с шведом причины войны всчинать с ним за то, что он не признал ево королем, никоторыми дела невозможно. А естли, хотя малая какая будет причина и коль скоро поляки войну с шведом зачнут, тогда и он оружие свое на него подымет. А на границе у него пруской для защищения от шведов ныне войска з генералом ево фелтмаршалком 20 000»¹.

Разумеется, такая постановка вопроса, ставящая участие Пруссии в войне на стороне России в зависимость от позиции Речи Посполитой, фактически означала полный крах переговоров о союзе. Зато, с другой стороны, условия прусского правительства, естественно, поднимали в глазах руководителей русской внешней политики значение польского выступления против шведов, а следовательно, и значение возобновления шведско-саксонской борьбы.

Помимо вопроса о союзе, в русско-прусских отношениях второй половины 1701 г. фигурировал и вопрос о прусском посредничестве в Северной войне. В марте 1702 г. выяснилось, однако, что и в этом пункте русское правительство ожидало разочарование. Прусское посредничество не имело успеха при шведском дворе, поскольку Карл XII, уверенный в своих силах, не имел никакого желания вступать в мирные переговоры с царем². Прусское правительство часто ссылалось на концентрацию своих войск на литовской границе в Восточной Пруссии и подчеркивало, что «хотя то войско никакого неприятелства против шведов причины еще не имеет, однакож короне Свейской оно не малую тревогу к подозрению сочиняет, еже токмо единая причина есть, что, хотя король Свейской по всему видимому с Речью Посполитою в совершенном согласии стоит, однакож он не весьма верит гораздо далеко в Польшу вступать, чаю я (Кейзерлинг.—В. К.), что токмо единого ради спасения от нашего войска, в Прусех стоящаго»³.

Между тем, как это удалось вскоре выяснить Измайлову, концентрация прусских войск в Восточной Пруссии преследовала иные и скорее даже противные русским государственным интересам цели. Вот что сообщал он по этому поводу 25 февраля (8 марта) 1702 г.: «Толко я получил ведомость от одного человека, от тайного советника, как вскоре пошлют указ иттить тем войскам под Элбинг»⁴. 6 (17) марта 1702 г. от него последовало новое подтверждение этих известий: «По здешним ведомостям,— писал он,— будто посланы войски не ради других причин, толко для самого Элбинга»⁵. Несмотря на официальное опровержение прусского

¹ Дела прусские, 1702, № 3, л. 181; ср. л. 189.

² Там же, лл. 72—73.

³ Там же, № 6, л. 79. Письмо Кейзерлинга Головину от 12 (23) мая.

⁴ Там же, № 3, л. 117.

⁵ Там же, л. 53.

правительства¹, Измайлов и далее продолжал неоднократно настаивать на подлинности добытых им данных: «А чрез некоторых людей посол слышал, что те помянутые войска у него, прусского короля, приготовлены итти под полской город Эльбин, которой ему заложен от поляков»². Последующие события полностью подтвердили справедливость показаний русского посланника. Таким образом, в целом прусское правительство, не порывая окончательно переговоров о союзе с Россией, втайне готовило выступление против Речи Посполитой, покушалось на принадлежащий ей Эльбинг. Прусское выступление могло лишь отдалить момент решительного выступления Речи Посполитой против Швеции. Планы России и Пруссии совершенно исключали друг друга. А с середины мая 1702 г. Измайлов стал информировать свое правительство о еще более крутых переменах в прусской политике, клонящихся к установлению прямого прусско-шведского военного союза³. Несмотря на официальные опровержения прусского правительства, слухи эти не могли не тревожить русских дипломатов, поскольку еще до того, в январе 1702 г., о шведско-прусском сближении доносил в Москву из Стокгольма князь Хилков⁴, сообщивший впоследствии (26 апреля — 7 мая 1702 г.) еще более важные новости — о согласии прусского правительства пропустить через свои земли шведские войска из Померании в Польшу⁵. Поход этот на самом деле состоялся спустя немного времени. Трусливая и коварная политика Гогенцоллернов приносила огромный вред государственным интересам России и Речи Посполитой, крайне осложняла ход Северной войны.

Неудачными были и усилия русской дипломатии возвратить Данию в рамки Северного союза. Согласно письму П. Гейнса, бывшего датского посланника в Москве, к боярину Головину от 1 июня 1702 г. из Копенгагена, король датский, несмотря на свое принципиальное согласие возобновить войну со шведами, ставил этот вопрос в зависимость от позиции соседей. «А особливо, — говорилось в нем, — возможно ль на приятство и вспоможение короля прусского надеяться, бес которого королю датцкому вскоре трудно что знатное начинати»⁶. В письме этом прямо говорилось, что война была бы возможна только в том случае, «если б швед явился с французской стороны, и то б токмо явно стало». «Тогда б все совершилось. Но поне Галандия с шведом в крепком союзе пребывает и арцух голштейнской своих войск до 8000 человек, которые он в Голштейнской земле и на границе имеет, из своей земли не выводит, то не можем мы здесь поворошиться. Но если б мы на Бранденбург токмо надежны были, что оной Ганавер да целого арцуха голштейнского везде держати будет, то б могли мы вскоре к делу приступить»⁷. Русская дипломатия оказывалась, таким образом, прямо в заколдованном кругу. Пруссия ссылалась на Речь Посполитую, Дания ссылалась на Пруссию, а фактически ни та, ни другая не намерены были придти на помощь напрягавшей все свои силы России.

При таком ходе переговоров в Берлине и Копенгагене возобновление саксонцами войны против вторгшегося на территорию Речи Посполитой неприятеля должно было приобрести в глазах русского правительства особое значение. Поэтому таким естественным кажется то воодушевление,

¹ Дела прусские, 1702, № 3, л. 53.

² Там же, л. 181.

³ Там же, л. 198.

⁴ Дела шведские, 1702, № 1, л. 4.

⁵ Там же, л. 13.

⁶ Дела датские, 1702, № 3, л. 13.

⁷ Там же, лл. 14—15.

с которым принял Петр I известие о военных приготовлениях Августа к борьбе с приближавшимися к Кракову шведами. «Любезнейший государь, брат, друг и сосед,— писал Петр I Августу II 12 (23) июля 1702 г.— Понеже мы zelo радуемся о приближении ваших войск, также и о склонности речи посполитой к вашему величеству, и не сомневаемся, что ваше величество за Божиею помощью не только сего гордого неприятеля из государств своих выгоните, но и прибыток пространства можете получить вьяше начатого времени, ибо неприятель, аше единою збит будет с поля, но потом что может делать, нигде имеючи больше войска, к тому ж землю разореную, и тогда сам будет мира искать какова нибуть»¹. Далее в послании Петра I говорилось о том, «каким енералным походом пошльи в Лифлянды» русские войска.

* * *

Возможно, что именно эти расчеты лежали и в основе саксонского плана военных действий. В самом деле, положение шведов, глубоко проникших на территорию Речи Посполитой и нигде не сумевших приобрести себе прочной поддержки, было весьма опасным. В случае военной удачи Августа II можно было рассчитывать не только на временное ослабление шведского наступления, но даже на полный провал всей шведской военной акции, следовательно, на полный провал шведской политики в отношении Польши. Как бы то ни было, но, получив сведения о приближении шведов к Кракову, Август, предпочитавший обычно избегать серьезных столкновений со своим противником, решил выступить против Карла XII и двинулся навстречу шведской армии².

Расположившись близ Клишова (город в Сандомирском воеводстве), он стал поджидать прибытия коронных войск с гетманом И. Любомирским. Они вскоре прибыли и заняли лагерь у Пинчова. Появление коронной армии должно было еще более укрепить воинственное настроение короля; участие коронного войска в предстоящей битве со шведами фактически означало бы начало польско-шведской войны, что значительно облегчило бы положение Августа II. Кроме того, увеличивались шансы Августа и на чисто военный, притом скорый успех в войне со Шведией.

Но если такое серьезное значение придавали возможной саксонской победе над шведами при царском дворе, если громадное значение придавали ей в лагере Августа II, то еще в большей мере вынуждены были считаться с такой перспективой в кругах польских магнатов, оппозиционно настроенных к Августу II. Победа Августа грозила не только полным разгромом шведской армии. Перед польскими противниками Августа, к числу которых принадлежал и великий коронный гетман И. Любомирский, снова возникала угроза установления королем *absolutum dominium* в результате решительной победы над Карлом XII³.

Именно поэтому ловкому интригану Бенедикту Сапеге так легко удалось уговорить великого коронного гетмана отказаться от участия в предстоящей битве на стороне Августа⁴.

Когда 19 июля войска противников сошлись для битвы, коронное войско не приняло в ней никакого участия, а затем и просто покинуло поле боя.

¹ «Письма и бумаги...», т. II, стр. 72—73.

² Дела польские, 1701, № 7, л. 182.

³ Jagóchowski. Dzieje..., str. 86

⁴ Там же, стр. 84.

Обстоятельство это в значительной степени повлияло на конечный исход дела¹. Правда, силы противников численно были приблизительно равными². Однако все усилия саксонских войск, во главе которых стоял Август II, добиться победы окончились неудачей. В сражении под Клишовом саксонские войска потерпели поражение³. В руках шведов оказались весь саксонский обоз, артиллерия и военная касса⁴. Что касается людских потерь, то они были сравнительно невелики с обеих сторон.

Август II отступил к Кракову, куда собирались остатки разбитой саксонской армии и подходил свежий десяти тысячный отряд саксонцев. Коронное войско расположилось отдельно от него под Корчином. Позиция великого коронного гетмана оставалась попрежнему неблагоприятной для Августа. Известную роль при этом, безусловно, сыграло влияние примаса, советовавшего Любомирскому выжидать, не ввязываться в борьбу со шведами на случай нового столкновения и, наоборот, попытаться возобновить мирные переговоры с Карлом XII⁵.

Между тем дипломатия враждовавших Франции и Австрии прилагала все усилия к тому, чтобы воспользоваться происходившими в Речи Посполитой событиями. Наиболее активно действовала французская дипломатия; чьи позиции при дворе Карла XII были, безусловно, более прочными, чем австрийские. Боняк, французский посланник при шведском дворе, 20 июля 1702 г. (на следующий же день после битвы под Клишовом), обратился к Пиперу с предложением немедленно вступить в переговоры и заключить сепаратный мир с поляками с тем, чтобы в дальнейшем продолжать борьбу против Августа II и поддерживавшей его империи⁶. Таким образом, французское правительство пыталось использовать успех шведов под Клишовом, чтобы втянуть их в конфликт, охвативший всю Западную Европу, на стороне Франции. Но параллельно французской развивала свою деятельность и австрийская дипломатия. Используя рост мирных настроений в саксонском лагере в результате поражения, австрийский посланник в Польше граф Цинцендорф попытался еще раз выступить перед шведским двором с проектом австрийского посредничества между Швецией и Саксонией⁷. Действуя так, австрийская дипломатия стремилась оградить себя от возможного в случае продолжения войны в Польше вторжения шведов на территорию империи, что представлялось в этот момент особенно опасным в свете все более и более очевидного франко-шведского дипломатического сближения. Но если австрийский проект бил по самой основе шведской политики в Польше, снимая с повестки дня вопрос детронизации Августа II и уже только поэтому являлся неприемлемым для Карла XII, то и французский нес в себе весьма серьезную опасность, поскольку предполагал неизбежный конфликт Швеции не только с империей, но и с морскими державами.

Как французский, так и австрийский проекты не отвечали в это время интересам Карла и не получили никакого хода⁸. Обстоятельство это было, безусловно, серьезной неудачей французского правительства.

¹ Jarochowski. Dzieje..., str. 86.

² Там же, стр. 88.

³ На стороне шведов погиб, правда, личный друг Карла герцог Голштейн-Готторпский.

⁴ Г. Шмитт. История польского народа, т. III, СПб., 1866, стр. 153.

⁵ Jarochowski. Dzieje..., str. 89—90.

⁶ A. Chr. Załuski. Epistolarum historico-familiarium, t. III. Письмо Боняка к Пиперу от 20/VII 1702.

⁷ Jarochowski. Dzieje..., str. 96.

⁸ Там же, стр. 90—91.

Отклонив предложения западных держав, Карл XII пошел по пути расширения и закрепления своего военного успеха под Клишовом. Поэтому в то время, как сам он двинулся в направлении Кракова, Гилленштерн повел свежие шведские полки (численностью в 12 000 чел.) через Великую Польшу. Возникла реальная опасность двухстороннего обхвата и окружения гораздо более малочисленного саксонского лагеря в Кракове. Последнее обстоятельство заставило Августа спешно покинуть древнюю столицу Польши и двинуться к Сандомиру, где он занял укрепленный лагерь между Саном и Вислой. Вслед за тем шведы овладели Краковом (10 августа 1702 г.), наложили на его жителей тяжелую контрибуцию и оставили большой гарнизон¹. Ограбление Кракова явилось ярким свидетельством неуклонно проводившейся шведским королем политики грабежа, вымогательства и насилий, катастрофически отразившейся на экономическом состоянии страны.

Таким образом, характеризуя положение в целом, следует признать, что если шведам в результате успеха под Клишовом и дальнейших военных мероприятий удалось добиться серьезного военного превосходства над противником, то все же Августу удалось избежать решительного и окончательного разгрома. Зато политические последствия шведских успехов, особенно в течение ближайшего времени, могли показаться катастрофическими для положения Августа как короля Речи Посполитой. В самом деле, перед лицом продолжающейся открытой агрессии шведов польская оппозиция не только не пошла на сближение со своим королем, но и продолжала исподволь действовать во вред его интересам, что отчасти обусловило и сам факт его военного поражения. Это находит подтверждение не только в поведении коронной армии и великого коронного гетмана И. Любомирского, но и в поведении великопольского посполитого рушения, руководимого Лещинскими и добровольно пропустившего Гилленштерну, шедшего из Пруссии через Великую Польшу на помощь Карлу XII². Кроме того, прусское правительство продолжало вести политику, которую никак нельзя было рассматривать как благожелательную для Саксонии и России.

В мае 1702 г. Измайлов сообщал своему правительству о настойчивых слухах о заключении прусско-шведского союза. Правда, в течение ближайших двух месяцев слухи эти не подтверждались. Однако факт прусско-шведского сближения оставался все же очевидным для русского посланника. Именно с этим фактом связывал он то обстоятельство, что шведский корпус Гилленштерны, на своем пути из Померании в Польшу пересекший прусскую государственную территорию, нарушив ее нейтралитет, не встретил со стороны прусских военных властей абсолютно никакого сопротивления³.

Единственным оправданием, которое могли дать руководители прусской политики, были ссылки на шведское самовольство и на отсутствие войск на шведской границе⁴. Ссылки эти были неубедительны, так как о концентрации шведов в Померании было известно прусскому правительству довольно давно, еще в апреле 1702 г.⁵ Дальнейшие события в полной мере показали враждебность прусского правительства в этот момент к русско-саксонскому делу. На это указывает прежде всего факт оккупации Эльбинга прусскими войсками (прусское правительство при этом ссылалось на просьбу города защитить его от шведов)⁶.

¹ Jagochowski, Dzieje..., str. 95.

² Там же, стр. 114.

³ Дела прусские, 1702, № 3, л. 241.

⁴ Там же, л. 242.

⁵ Там же, л. 194.

⁶ Там же, л. 251.

Депеши Измандова вносят полную ясность в мотивы, руководившие прусским правительством. «И та причина,— писал в связи с этими объяснениями прусского правительства Измаилов,— не ради иной причины, токмо своей ради прибыли, для самого Элбина, безо всякого труда получили, чего от многих лет желали»¹. Враждебность такого шага Пруссии саксонским, а следовательно, в данной конкретной обстановке и русским интересам станет совершенно очевидной, если учесть возможные политические последствия, которые он мог вызвать в Польше, снова отвлекая внимание шляхетского общества от борьбы со шведским вторжением.

В обстановке военных успехов Карла XII и перемен в политике прусского правительства становилась ясной бесполезность всяких новых усилий вовлечь Данию в борьбу против шведов. Словно подтверждением этого уже заранее очевидного вывода служит письмо Павла Гейнса, бывшего датского посланника в Москве, к боярину Головину от 2 сентября 1702 г. В письме содержатся категорические заявления о невозможности для Дании при настоящей позиции ее соседей принять какое-либо участие в войне и выражается надежда, что это твердое решение Дании, может быть, изменится в будущем году². Все это, безусловно, осложняло внешнеполитическое и военное положение как саксонского, так и русского правительств.

Что касается последнего, то на политику его не могло не повлиять и другое обстоятельство. Дело в том, что еще до Клишова, в июне 1702 г., в Москве были получены известия, будто шведы намерены перенести военные действия на территорию России. Шведский удар ожидали в направлении Быхов — Могилев, в связи с чем были приняты некоторые срочные военные мероприятия³.

Но и после Клишова угроза шведского вторжения на русскую территорию не переставала, очевидно, казаться реальной русским политикам. К тому же существовали серьезные опасения за южные рубежи, которым могли угрожать татары и турки. Русское правительство не доверяло и запорожцам⁴. При таких условиях необходимо было укрепить и безопасность Украины. 5 (16) августа 1702 г. гегману Мазепе была направлена царская грамота следующего содержания: «Указали мы, великий государь, наше царское величество, тебе, подданному нашему, для охранения Малой России ото всяких незапных случаев быть при отчизне особою своею, на нашу, великого государя, службу не ходить»⁵.

Более подробно о причинах, вызвавших эти распоряжения русского правительства, говорится в другой царской грамоте к Мазепе от 20 сентября (1/X) 1702 г., в которой ему поручалось между прочим собрать возможно более подробные сведения относительно положения дел в Польше. Последнее было необходимо, так как в результате военных действий на некоторое время прервалась переписка с русским посланником при дворе Августа II⁶.

Разумеется, все эти подозрения о намерении Карла XII двинуться в пределы России не имели под собой твердой почвы. Да иначе и не могло быть, поскольку шведский король избегал делиться с кем бы то ни было своими военными планами. Однако, сопоставляя такие обстоятельства, как упорное стремление Карла покончить с Августом в Польше, и опасения

¹ Дела прусские, 1702, № 3, л. 251.

² Дела датские, 1702, № 3, л. 21.

³ Дела малороссийские, 1702, № 3, л. 54.

⁴ Там же, л. 92.

⁵ Там же, л. 55; ср. л. 93.

⁶ Там же, л. 66.

его за судьбу Прибалтики, поставленной под удар русских, можно предположить, что подобные слухи распускались с целью отвлечь русское командование от прибалтийских владений шведов¹.

Однако русское правительство не могло пройти мимо таких известий. Принимая под влиянием их меры к обороне границ, русское правительство должно было реагировать на них в своей дипломатической деятельности².

Главной целью русской дипломатии попрежнему было не допустить окончательного выхода Августа II из Северной войны. С этой целью 19 (30) и 28 августа (8 сентября) 1702 г. Петр I направил два письма к Августу II, в которых содержались ободряющие известия о русских военных успехах в Прибалтике³ (имелась в виду победа, одержанная Шереметевым над шведским генералом Шлиппенбахом при Гумоловой мызе). Вместе с тем подчеркивалась верность царя союзным обязательствам⁴.

Успехи русских в Прибалтике были тем маленьким облачком, которое впоследствии должно было грозой обрушиться на головы шведских завоевателей. Предчувствие неизбежной катастрофы не было чуждо и военному окружению Карла XII, находившемуся в этот момент в единодушной оппозиции к нему. К этому прибавлялся еще тяжелый финансовый кризис, в котором оказалась в результате войны шведская империя⁵. Серьезная оппозиция, разделявшая взгляды покойного Уксеншерны, существовала и в самой стране⁶. Причиной, вызвавшей открытые разногласия между королем и его окружением, явились первые военные успехи Шереметева в Ингрии. Это означало, что война затягивалась. В этой обстановке генералитет и Пипер открыто высказались за заключение мира с Августом, указывая на необходимость сосредоточения сил против русских войск в Прибалтике. Однако против этого выступили Сапеги и Боняк. Русско-

¹ Возможно, правда, другое объяснение, при котором следовало бы предполагать, что в основе их лежат серьезные разногласия в шведском лагере относительно целесообразности продолжения кампании в Польше. Однако наиболее ярко эти разногласия выявлялись в более раннем периоде (февраль — март) и в более позднем (август 1702 г.). Между тем слухи о предстоящем вторжении шведов в Россию впервые распространялись в июне 1702 г.

² С этим был связан следующий маневр русской дипломатии, осуществленный Р. Паткулем в Польше в конце августа 1702 г. Сведения о нем почерпнуты нами из известной записки Ледрана, рассказывающей, что после своего возвращения из России в конце августа 1702 г. Паткуль «через доверенное лицо» связался еще раз с французским посланником дю Геро с тем, чтобы выяснить отношение его правительства к русским предложениям, сделанным ему в январе и феврале 1702 г. Вместе с тем доверенный заявил, что «царь с своей стороны мог быть не бесполезен», что в его силах организовать диверсию в Трансильванию для оказания помощи венграм и «что современное положение дел в Польше предвещало революцию, и если бы его величеству (королю Франции.—В. К.) угодно было этим воспользоваться, возведя на престол принца своего дома (речь шла, очевидно, о Л. де Конти.—В. К.), то он в состоянии оказать ему большую услугу и устроить это дело» (сб. РИО, т. XXXIV, стр. IX—X). В результате этих предложений Паткуля и явилось так неудачно окончившееся посольство Балюза в Россию (там же, стр. XI). Нет никакой необходимости вдаваться во все подробности происходивших в связи с этим франко-русских переговоров прежде всего потому, что предложения Р. Паткуля были лишь кратковременным эпизодом в развитии русской политики в Польше. Причины, толкнувшие его на этот шаг, нам более или менее ясны теперь. Не располагавшему точными данными о том, как много успел в своих детронизационных планах Карл XII, Паткулю представлялось вполне естественным на всякий случай застраховаться от них с помощью Франции, влияние которой при шведском дворе было при этом, безусловно, переоценено.

³ «Письма и бумаги...», т. II, стр. 80—81.

⁴ Там же, стр. 79—80.

⁵ Дела датские, 1702, № 3, л. 18.

⁶ Дела шведские, 1702, № 1, л. 56.

шведская война сама по себе не могла обеспечить их интересы¹. Представления генералитета, как некогда советы канцлера Уксеншерны, не сумели повлиять на решение Карла XII. В свое оправдание он сказал только: «Если я заключу мир с Августом и двинусь в Эстонию, король польский раздобудет денег и ударит на меня с тыла. Второе зло хуже первого»².

* * *

Положение Августа II после сражения под Клишовом чрезвычайно осложнилось. Особенно важным и неприятным был факт все нарастающего ухудшения прусско-саксонских отношений, которое стало очевидным уже на следующий день после Клишова. Правда, полного разрыва между Пруссией и Саксонией тогда не произошло. Но все переговоры с прусским правительством упирались в его неперемное требование уступить Пруссии «маленький клочок земли за Вислой» и добиться признания Речью Посполитой прусского королевского титула. Только в обмен на это Пруссия соглашалась принять «соответствующие меры»³.

Однако выдвижение подобных территориальных претензий в конкретных условиях второй половины 1702 г. означало по существу полный срыв переговоров. Но помимо этого в прусско-саксонских отношениях существовал еще один неприятный для Августа элемент — враждебная ему деятельность в Берлине польского примаса, который тоже в известной мере влиял на ход переговоров между Пруссией и Саксонией⁴. Признание важности этих внешнеполитических осложнений не исключает, конечно, того обстоятельства, что и в этот момент основным фактором, определявшим прочность позиций Августа II, было положение в Речи Посполитой.

В Польше политический резонанс шведских военных успехов оказался далеко не таким значительным, как это можно было ожидать с первого взгляда. Августу, стремившемуся еще до Клишова к соединению своих войск с коронной армией и посполитым рушением шляхты для организации конфедерации в защиту своей королевской короны⁵, удалось достичь этого именно теперь, в момент очевидного военного преобладания шведов. Это был, без сомнения, факт крупнейшего политического значения. Правда, на съезде в Сандомире отсутствовало большинство великопольских воеводств, посполитое рушение которых разошлось по домам⁶. Не было примаса и многих из сенаторов. С другой стороны, казацко-крестьянское восстание на Украине отвлекло от съезда внимание таких политических фигур, как коронные гетманы Любомирский и Сенявский, польный литовский гетман Вишневецкий⁷. И тем не менее, несмотря на то, что Сандомирская конфедерация, составленная 28 августа 1702 г., была по существу делом одних малопольских воеводств, значение ее для укрепления польских позиций Августа II было, безусловно, очень крупным.

Но оценивая так значение Сандомирского съезда, нельзя согласиться с мнением К. Яроховского, видевшего в нем лишь весьма слабую опору для короля⁸. Достаточно сослаться на общеизвестные факты, свидетельствующие о большом резонансе, который получили события в Сандомире в

¹ Jarochowski. Dzieje..., str. 118.

² Там же, стр. 119.

³ Там же, стр. 124—125.

⁴ Там же, стр. 124.

⁵ Там же, стр. 98.

⁶ Там же, стр. 101.

⁷ Там же, стр. 102.

⁸ Там же, стр. 112.

остальной Речи Посполитой, и прежде всего в кругах, враждебно настроенных к Августу II. Сандомирский съезд вылился в весьма внушительную демонстрацию польской шляхты против детронизационных планов Карла XII, против шведской агрессии. Калишский воевода Феликс Липский был изрублен в куски шляхетскими саблями только за одни подозрения в тайных сношениях со шведами и содействии им при переходе из Литвы в Корону. Факт этот никак нельзя обойти при окончательной оценке значения Сандомирского съезда. Яроховский признает, что смерть Липского закрыла рот королевским врагам на съезде¹. Но она также повлияла на настроение таких старых противников короля, как Лещинские, которые поспешили на некоторое время покинуть Речь Посполитую и укрыться в Силезии². Сильно был напуган и примас³.

Но оттеняя таким образом эту сторону событий, нельзя, разумеется, игнорировать и другой, несомненно, вредной стороны как для саксонских, так и для русских государственных интересов. Мы имеем в виду заметное недоверие к королю со стороны собравшейся на съезд шляхты и преобладание среди нее мирных настроений⁴. На съезде в Сандомире шляхта прежде всего потребовала от короля присяги в том, что он будет соблюдать старые союзы и договоры с соседями. Он обещал не заключать без разрешения Речи Посполитой новых союзов, удалить от двора иностранных советников, отказаться от всяких денежных претензий к Речи Посполитой, наказать виновников войны и созвать после заключения мира с Карлом XII конный сейм без предварительного созыва сенатской рады⁵. Уже этот перечень решений Сандомирского съезда показывает, что одним из серьезнейших моментов его работы было стремление шляхты заранее оградить себя от каких бы то ни было абсолютистских посягательств короля. В отношении глубокой враждебности ко всяким попыткам усиления королевской власти между сконфедерированными сторонниками короля и его польскими противниками существовала полная внутренняя гармония. И тем не менее король вынужден был подчиниться этим условиям.

Вместе с тем в решениях съезда содержались условия, не только ограничивающие деятельность короля и ставящие его в зависимость от Речи Посполитой, но и косвенно направленные против русских политических интересов. Пункты, требовавшие сохранения старых союзов и договоров и запрещавшие королю заключать новые, означали по существу запрещение возобновлять нарушенный русско-саксонский союз, реставрации которого добивалась петровская дипломатия.

Мирные настроения шляхты, неспособность децентрализованной Речи Посполитой немедленно оказать решительное сопротивление шведской агрессии сказались и на решении возобновить мирные переговоры с Карлом XII, для чего была избрана депутация, в составе которой было резервировано место и для отсутствовавших великополян. Полномочия ее были необычайно широкими, исключая, правда, права уступки польской территории⁶.

Отправляя эту депутацию к Карлу, Сандомирский съезд становился как бы в положение арбитра между двумя воюющими сторонами.

¹ Jagochowski. Dzieje..., str. 106.

² Там же, стр. 114.

³ Там же, стр. 121.

⁴ Именно на эту сторону событий и обратил главным образом свое внимание К. Яроховский (там же, стр. 103).

⁵ Там же, стр. 106, 107; Дела польские, 1702, № 7, л. 210.

⁶ Jagochowski. Dzieje..., str. 109—111.

Зато безусловно выгодными для Августа и русского правительства были другие решения съезда. Прежде всего на случай вторичного отказа шведов от мира конфедерация громкогласно объявляла, что она твердо станет при «короле, против детронизации». Отказ от мира значил бы, таким образом, начало польско-шведской войны и даже союз с Россией, или, как записал это решение съезда Гр. Долгорукий: «ежели (Карл XII.— В. К.) в трактаты вступать не похочет, то объявить ему войну и послать послов для союзу к его царскому величеству и к другим окрестным potentатам»¹. В этом случае все сотрудничавшие с шведами автоматически становились бы «врагами отечества» со всеми вытекающими отсюда последствиями².

Другими важными решениями были: «войско конпутового прибавить и учинить всего 30 тысяч», а также «писать к Сапегам, чтоб ис протекции короля шведского в месяц поворотились. И буде еще будут под протекциею короля шведского, то их причтут со изменники Речи Посполитой»³. Таким образом, в сандомирских решениях предусматривался и тот случай, когда в результате отказа шведов от мирных переговоров Речь Посполитая будет вынуждена выступить против них. Тогда встанет вопрос о польско-русском союзе и появится возможность восстановить русско-саксонский союз. Однако мирные настроения в данный момент преобладали среди шляхты, и инициатива Августа II была серьезно ограничена. Дело русско-польского и русско-саксонского союзов само собой отодвигалось на неопределенное время.

Явная неспособность шляхты энергично приняться за оборону своей страны была непосредственной причиной крайнего разорения Речи Посполитой неприятельскими армиями, вызвавшего страшный хозяйственный и политический кризис. Состояние страны в конце 1702 г. лучше всего характеризуют слова князя Долгорукого: «Поляки, как bestия, без разуму ходят. Не знают, что над ними будет. Против неприятеля контры чинить не смогут и короля отступить не хотят. Толко с обе сторон имеют от войск великое разорение, как шведы, не плоше того и саксонцы»⁴.

Таков трагический результат бессилия королевской власти и децентрализации государственного управления, имеющих корни в особенностях социального и экономического развития Польши.

* * *

Но помимо примирительно настроенной Сандомирской конфедерации и ее недоверия к королю, существовало еще два серьезных обстоятельства, не только тормозивших заключение русско-польского, а следовательно, и русско-саксонского союза, но и весьма серьезно осложнявших ход русско-польских отношений. Обстоятельствами этими были в данный момент политика Австрии, Англии и Голландии, с одной стороны, восстание Палея на Правобережной Украине — с другой⁵. К их изучению мы сейчас и перейдем.

Для политической линии Англии уже в этот момент была характерна

¹ Дела польские, 1702, № 7, л. 211; Jarochowski. Dzieje..., str. 109.

² Jarochowski. Dzieje..., str. 109.

³ Дела польские, 1702, № 7, л. 211; Jarochowski. Dzieje..., str. 109.

⁴ Дела польские, 1702, № 7, л. 237, деп. от 10 (21) октября.

⁵ Feldman. Указ. соч., стр. 16—18; Дела польские, 1702, № 7, л. 212.

враждебность к русским планам укрепления в Прибалтике¹. Что касается политики Австрии, то враждебность ее делу русско-польского и русско-саксонского союзов определялась отнюдь не одними только опасениями, что подобные трактаты приведут к оказанию помощи Ракочи со стороны России и Речи Посполитой, как думает Ю. Фельдман². Возражения Австрии против русско-польского и русско-саксонского союзов были естественным продолжением прежней ее политики, рассчитанной на сепаратный мир Саксонии со Швецией в целях привлечения на свою сторону в европейской войне по крайней мере первой и ликвидации угрозы появления в империи победоносных шведских войск. Поэтому и новые посреднические шаги австрийского правительства в Польше по существу повторяли предыдущие. Согласие Августа на новое посредничество австрийского правительства было обусловлено очевидным военным превосходством шведов и результатами Сандомирского съезда.

Об антирусском характере австрийского посредничества (речь шла о сепаратном мире между Саксонией и Швецией) знал и русский посланник в Польше князь Долгорукий. Стремление австрийского правительства не допустить до русско-саксонского сотрудничества и его посредническая миссия побудили Долгорукого даже обратиться непосредственно к русскому посланнику в Вене, князю Голицыну, информируя его об австрийской политике в Речи Посполитой и указывая ему на необходимость убедить Австрию отказаться от сепаратного примирения Швеции с Саксонией и работать над общим (с участием России) миром на севере Европы³. В дальнейшем Долгорукий еще раз обратился к этому вопросу в своих депешах к русскому правительству, отмечая вместе с тем, что благодаря непримиримой политике шведского правительства шведско-саксонские мирные переговоры постигла полная неудача⁴.

Долгорукий подчеркивает и антирусский характер деятельности австрийской дипломатии. «Посол цесарского величества, — писал он, — которой пребывает здесь при дворе королевского величества, труждается всеми мерами, как бы учинить мир с королем швецким, не так болши, что общий, как бы для цесарской ползы оторвать от союзу его царского величества королевское величество и помирить с королем швецким»⁵. Вместе с Австрией действовала и дипломатия морских держав. «И еще, как возможно, — писал Долгорукий Головину, — стану королевского величества от мира удерживать и поляком по писму милости вашей обещаю, токмо гораздо трудно сему состоятся, понеже все потентаты всеми меры труждаются о миру. И за великую скудость и непорядков своих войск королевское величество не так что в нынешнем времени — всегда к миру немерно склонен. А поляки ничего так не желают на свете, что покою»⁶.

Впоследствии к этому вопросу он вернулся еще раз 2 (13) ноября 1702 г. в письме к Головину. «Нунциуж римской и посол цесарской гораздо труждаются о мире, — говорилось в нем, — которые еще и ныне в Торунь ко двору королевского величества не бывали, живут в Варшаве»⁷.

¹ В 1703 г. об этом прямо заявил Долгорукому австрийский посланник в Польше Ширендорф. Вот его собственные слова: «Англичаня и галанцы не желают быть порту при его царском величестве на Балтийском море» (Дела польские, 1703, № 8, л. 84).

² Feldman. Указ. соч., стр. 16.

³ Дела польские, 1702, № 7, л. 213, деп. от 27/IX (8/X).

⁴ Там же, л. 237, деп. от 10 (21) октября.

⁵ Там же, л. 241.

⁶ Там же, лл. 240, 241. О мирных настроениях короля см. л. 235.

⁷ «Письма и бумаги...», т. II, стр. 404.

Впрочем, римская дипломатия отнюдь не рисковала портить свои отношения с царским двором, действуя по видимости в его пользу¹.

Не менее важные сведения поступали в Москву и от русского посланника в Вене князя Голицына, который был даже уверен в том, что Август II, обещавший передать Австрии восьмидесятысячный корпус, был окончательно потерян для России, тем более, что «галанцам и агличанам и достальное свое войско ис Полши дать обещал, толко б ему мир с королем шведским учинить»². Англия, Голландия и Австрия оказывались, таким образом, материально заинтересованными в успехе предпринятой ими посреднической миссии.

Итак, осенью 1702 г. австрийское посредничество в Польше сводилось к заключению сепаратного шведско-саксонского мира. Вместе с тем росли и мирные настроения саксонского правительства. Однако в конечном итоге все зависело от того, какой отклик найдут мирные представления у шведского правительства. Мирные условия, выставленные, повидимому, самим Карлом в качестве контрпредложений, оказались совершенно неприемлемыми для Августа II. Карл настаивал на передаче Августом II Саксонии своему сыну, что фактически должно было привести к разрыву личной польско-саксонской унии. Разрыв этот был бы тем более неизбежным, что в самой Саксонии ширилось оппозиционное движение, направленное против широкой и неудачной внешней политики польского короля, разорявшей страну³.

С другой стороны, Карл XII требовал уступки себе Курляндии, уплаты огромной суммы денег (6 млн. талеров), а также объявления войны России, возвращения Сапег и пр. Правда, в литературе существует мнение, что изложенные выше условия были предложены не Карлом, а Августом, против чего как будто свидетельствует прежде всего первое условие — о передаче саксонского курфюршества королевскому сыну⁴. К сожалению, современное состояние источников не позволяет окончательно разрешить возникающие в связи с этим сомнения. Для нас, однако, наиболее важным является факт полного провала австрийского посредничества и неудачи сепаратных шведско-саксонских переговоров по вине шведского короля⁵. Помимо этого, и примас, настроение которого изменилось, видимо, под влиянием шведских военных успехов, тайно содействовал тому, чтобы окончательно утвердить Карла в его детронизационных замыслах⁶. Одновременно выяснилась и полная неудача посредничества, предпринятого Сандомирской конфедерацией. Ни Карл, ни Пипер не приняли посольства⁷.

¹ «Присланной бискуп от папых кардиналу и ко всем духовным полским особам приехал,—сообщает в той же депеше русский посланник,—которой между иных пунктов объявил под запрещением, чтоб они к стороне царского величества ползы искали, за что кардинал принял его к себе за великий гонор и, будто, сказал ему, что он всякого доброго случаю к стороне его царского величества искать будет» («Письма и бумаги...», т. II, стр. 404).

² Дела австрийские, 1702, № 3, л. 409, деп. от 24/X (4/XI).

³ Об этом движении см. «Письма и бумаги...», т. II, стр. 406, 409.

⁴ Яроховский, излагая эти условия (указ соч., стр. 123), держится того мнения, что они принадлежали Августу (там же, прим. 4), примыкая, таким образом, к мнению, высказанному еще до него шведским историком Фрикселлем (Fuxell. Lebensgeschichte Karls XII. Braunschweig, 1861, В. I, S. 167). Но с другой стороны, по его же собственному замечанию, согласно данным копенгагенского архива, условия эти принадлежали Карлу XII (Dzieje..., str. 123, прим. 4), что подтверждается и данными русского архива (см. Дела польские, 1702, № 8, л. 124; здесь излагаются эти условия мира с указанием на то, что они были выставлены шведским королем).

⁵ Jagoschowski. Dzieje..., str. 123.

⁶ Там же, стр. 121—122.

⁷ Там же, стр. 148.

Шведские войска на оккупированной территории Речи Посполитой чувствовали себя полными хозяевами. Они грабили и разоряли польские земли. Часть шведской армии под командой генерала Стенбока хозяйничала в Галицкой Руси. Карл XII направился в Варшаву, намереваясь подготовить детронизацию Августа II.

Отказ шведов от мирных переговоров с Августом вызвал известное недовольство и среди шляхты части великопольских воеводств, 30 октября 1702 г. составившей конфедерацию в Коле для защиты веры, вольностей и короля¹.

Положение Августа было, однако, чрезвычайно затруднительным. Большую опасность для него представляла деятельность влиятельного французского посланника дю Геро, затем примаса и Лещинских, сумевших не допустить присоединения к Сандомирской конфедерации шляхты основных воеводств Великой Польши. Представители последних не приняли участия и в съезде в Коле².

Весьма опасной для Августа была также и деятельность королевича Якуба Собеского, поддерживавшего тайные сношения со шведами. В Великой Польше все еще существовала внушительная партия сторонников его кандидатуры. Возможность избрания Якуба Собеского польским королем серьезно обсуждалась в оппозиционных магнатских кругах, начиная с 1701 г.

Была, наконец, еще одна политическая сила в Польше, от позиции которой многое зависело в судьбе короля. Такой силой было коронное войско и коронные гетманы. Однако и здесь король никак не мог рассчитывать на безусловную поддержку с их стороны. Дело не только в тесных связях, которые существовали между Любомирским, примасом и Сапегами, и даже далеко не только в одних оппозиционных настроениях самого великого гетмана.

Были и чисто внешние факторы, влиявшие на политический курс И. Любомирского. Шведский генерал Стенбок, с одной стороны, оказывал на него непосредственное давление, держа его обширные поместья под угрозой разорения своими отрядами, с другой — соблазнял его перспективами возобновления с шведской помощью польско-русской борьбы и подчеркивал, что «никогда не будет лучшей возможности вернуть Украину, чем теперь»³.

Шведское правительство стремилось использовать и денежные затруднения гетмана. Как сообщали в Стокгольме шведские недельные авизы, «король швейской ищет наиболее учинить поляком доволность, яко его величество обещает корунному войску прямую плату, аще хотят соединиться с свейны»⁴.

Чтобы выйти из столь затруднительных обстоятельств, Август с помощью назначенного вскоре коронным канцлером А. Залуского вновь сделал попытку сблизиться с Лещинскими, Сапегами и примасом. Одновременно он пытался договориться с королевичем Якубом, надеясь купить себе его окончательный отказ от польской короны крупным денежным вознаграждением. Параллельно велись тайные переговоры с прусским правительством, в которых, возможно, был подвергнут обсуждению и вопрос

¹ Jarochowski. Dzieje ..., str. 171. Ср. «Письма и бумаги...», т. II, стр. 403;

² Jarochowski. Dzieje..., str. 171.

³ Там же, стр. 159—160.

⁴ Дела шведские, 1702, № 1, л. 47, деп. Хиакова от 23/XII 1702 (3/I 1703).

о частичном разделе Речи Посполитой¹. Все это, однако, в конечном итоге не принесло никаких реальных результатов².

Впрочем, обнаружив французскую интригу в Польше, прямо направленную против него, и получив доказательство причастности дю Геро и Боняка³ к шведским детронизационным планам, Август пошел на решительный шаг. Дю Геро и Боняк были по приказу короля арестованы⁴.

Франция, со своей стороны, угрожая репрессиями по отношению к полякам, находившимся на ее территории, обратилась с официальным протестом к примасу⁵. Ответ короля был составлен в довольно резких выражениях с указанием на подрывную деятельность французских дипломатов в стране по отношению как к нему, так и к Речи Посполитой⁶.

Вслед за тем в конце ноября 1702 г. Любомирский созвал сенаторскую раду, на которой было решено: 1) освободить пленных шведов; 2) потребовать освобождения дю Геро; 3) начать переговоры с Крымом о помощи против восставшего Палея⁷. Крымские планы Любомирского были особенно угрожающими. Возникла реальная опасность воскрешения старого замысла Яблоновского превратить поход против Палея в войну против России.

Об опасности происков польской оппозиции в Крыму предупреждал русских дипломатов и венский кабинет. Согласно заявлению австрийского вице-канцлера Кауница, сделанного им осенью 1702 г. в беседе с Паткулем, в планы шведской дипломатии и ее тайных польских сотрудников входило вызвать вооруженный конфликт не только между Крымом и Россией, но и между Россией и Турцией⁸.

Но в условиях, когда крупнейшие польские магнаты фактически действовали во вред королю и саботировали войну против шведов, трудно было и думать о немедленном вступлении в нее Речи Посполитой. Это, безусловно, облегчало положение шведов.

Однако шведская политика конфискаций, контрибуций и военных постоев, направленная против широких слоев польской шляхты и особенно жестоко разорявшая крестьян и горожан, все больше заставляла шляхту группироваться вокруг короля, создавала такое положение вещей, при котором даже самые блестящие победы шведов не могли окончательно выбить почву из-под ног Августа II. В то же время шведская агрессия все сильнее толкала большинство господствующего сословия Речи Посполитой на путь войны со Швецией.

Кроме того, крупным политическим козырем в руках короля попрежнему оставалась позиция Литвы, уже давно воевавшей со шведами.

Характерные черты этих двух сторон одного и того же мучительно развивавшегося для Польши процесса вступления в Северную войну нашли свое отражение в деятельности съезда, созванного сначала в Варшаве, а затем перенесенного в ноябре 1702 г. в Торунь. Слабой стороной деятельности этого съезда было попрежнему отсутствие представителей от Великой Польши. На съезде были представлены только Куявы, Добжинская

¹ Jagochowski, Dzieje..., str. 173.

² Там же, стр. 169—170.

³ Боняк был арестован войсками Гр. Огинского.

⁴ Jagochowski, Dzieje..., str. 120.

⁵ Flissan. Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française. P., 1811, t. IV, p. 240.

⁶ Там же, стр. 241.

⁷ Jagochowski, Dzieje..., стр. 161—172.

⁸ Дела австрийские, 1702, № 13, л. 46.

Однако переговоры о русско-польском союзе не привели к положительным результатам, так как поляки потребовали от России большой военной помощи и денежной субсидии в размере 200 000 ефимков. Польские предложения не соответствовали, повидимому, условиям союза, выдвигаемым русским правительством. Оно соглашалось только на предоставление Речи Посполитой денежного займа¹. Но такое условие не удовлетворяло поляков, боявшихся, по словам русского посланника, что Речь Посполитая не сможет возратить деньги, «за что б не потерять какой за ту монету своей провинции»².

Активное участие в деле возобновления русско-польских переговоров принимали литовские представители Поцей и Волович. Встреча между ними и русским посланником, во время которой были обсуждены польские условия союза, произошла еще до официальной конференции князя Долгорукого с сенаторами. В депеше от 13 (24) ноября 1702 г. Долгорукий сообщал, что условия, предложенные литовцами, в сущности говоря, полностью совпадали с теми условиями, которые были объявлены ему сенатом. «И говорил он, Потей и Валович, — писал Долгорукий, — будто чают с нынешнего в Торуне съезду со общаго совету послать полномочных послов к его царскому величеству для установления алианцу, также просить в помощь себе его царского величества пехоты»³. Долгорукий, однако, уже тогда счел для себя необходимым предупредить литовцев о том, что их последнее условие неприемлемо для его правительства. Зато он «обещал им, Речи Посполитой, взаймы по указу его царского величества 400 000 ефимков, считая мелкою серебряною монетою. А ежели Речь Посполитая станет просить, и его царское величество и над то помогать изволит»⁴. Предложение посланника не удовлетворило литовцев, и они заявили ему, что «они милость его царского величества благодарно принимают, однакож послаам своим домогатца о пехотных полках прикажут»⁵.

Переговоры Долгорукого не привели к желательным результатам, что, однако, ни в коей мере не означало срыва русско-польского соглашения. Наоборот, в депеше от 7 (18) декабря, сообщая о неудаче переговоров, Долгорукий выражал уверенность в том, что в конечном счете ему удастся довести дело до успешного конца. Он понимал, что, несмотря на сравнительно небольшие результаты Торунского съезда, несмотря на неудачу русско-польских переговоров, дело союза с Речью Посполитой и момент вступления ее в войну приближались⁶. Об этом говорило общее настроение собравшейся шляхты⁷.

Но если дело русско-польского и русско-саксонского союзов выходило постепенно из тупика, то Долгорукому были ясны и те препятствия, которые все еще стояли на его пути. Одним из таких осложнявших деятельность русской дипломатии в Польше обстоятельств было восстание Палея на Украине. Еще во время переговоров Долгорукого с сенаторами в Торуне последние настойчиво требовали от него убедить русское правительство не оказывать вооруженной помощи Палею⁸.

¹ Дела польские, 1702, № 7, лл. 286—287.

² Там же, л. 343.

³ Там же, л. 279.

⁴ Там же, лл. 279—280.

⁵ Там же, стр. 280.

⁶ Там же, л. 308. Показание Долгорукого позволяет внести довольно существенный корректив в весьма скептическую оценку деятельности съезда, данную К. Яроховским.

⁷ Jarochowski, Dzieje..., str. 172.

⁸ Дела польские, 1702, № 7, л. 287.

В данной связи нет необходимости вдаваться в подробности всех событий, происходивших в это время на правом берегу Днепра и связанных с восстанием на Украине. Достаточно сказать, что поводом для него послужило предписание Августа II Палено вывести казаков из воеводств Киевского и Брацлавского и распустить казацкую милицию. Король вынужден был настаивать на этой мере под влиянием постоянных требований польской шляхты. Попытка польских властей летом 1702 г. привести в исполнение это предписание вызвала поголовное восстание всего казачества¹. Наиболее важным при этом были три следующих обстоятельства: 1) восстание началось в августе, в момент наибольших военных успехов шведской армии и полного ослабления Речи Посполитой; 2) оно быстро распространилось и охватило значительный район, причем в ряды восставших вошло не только казачество, но и большая масса крепостного крестьянства, поднявшегося на справедливую борьбу против национального и социального гнета; 3) восстание началось под лозунгом присоединения Правобережной Украины к России².

Восстание возглавил Семен Палей. В конце ноября восставшие овладели сильной крепостью Белая Церковь³. Только в середине 1703 г. полному гетману Сенявскому удалось частично подавить восстание. Но главная твердыня его — Белая Церковь — попрежнему оставалась в руках Палея⁴. Гетман вынужден был пока отказаться от борьбы за нее⁵.

Украинские события наложили известный отпечаток на ход официальных польско-русских отношений.

Царское правительство не оказывало помощи восставшим. Правда, гетман Мазепа, по его собственному признанию, послал им сначала немного пороха и свинца, чтоб «не отогнать вовсе Самуся от моего регименту»⁶. Помощь эта была, однако, крайне незначительна. Сам Мазепа стал вскоре убеждать Палея отказаться от участия в восстании, поднятом Самусем, а последнему категорически отказывался помочь без соответствующего указания русского правительства⁷.

Между тем восстание на Украине крайне напугало польскую шляхту. К нему было приковано внимание не только коронных гетманов, но и польного литовского гетмана Вишневецкого, что не могло не отразиться на ходе войны со шведами в Великом княжестве Литовском, ослабляя военные усилия литовских конфедератов. С другой стороны, планы И. Любомирского подавить восстание с помощью крымского хана создавали новую опасность. Совместный польско-крымский поход против Палея мог привести в конце концов к развязке широкого русско-польского конфликта, тем более, что распространившиеся слухи о поддержке царем восстания на Украине были немедленно использованы польской оппозицией для ликвидации намечавшегося сближения между сторонниками короля и Россией в интересах защиты от шведской агрессии. Не замедлили воспользоваться украинскими событиями и шведы. Мы уже видели выше, как генерал Стен-

¹ Н. Костомаров. Мазепа и мазепинцы. Собр. соч., кн. VI, СПб., 1905, стр. 550.

² В. В. Волк-Карачевский. Борьба Польши с казачеством во второй половине XVII и начале XVIII в. Киев, 1899, стр. 323.

³ Н. Костомаров. Указ. соч., стр. 509; Волк-Карачевский. Указ. соч., стр. 334.

⁴ Н. Костомаров. Указ. соч., стр. 514—515; Волк-Карачевский. Указ. соч., стр. 340—343.

⁵ Волк-Карачевский. Указ. соч., стр. 343.

⁶ Там же, стр. 325.

⁷ Н. Костомаров. Указ. соч., стр. 506.

бок соблазнял великого гетмана коронного перспективами совместного польско-шведского выступления против России в целях возвращения соединившихся с ней частей Украины. А в конце 1702 г. князь Долгорукий даже передавал своему правительству сенсационный слух о намерении шведов немедленно двинуться на Палея, чтобы привлечь на свою сторону таким образом польскую шляхту и с ее помощью продолжать поход на Украину¹.

Но такая напряженная, обостряемая к тому же многочисленными противоречивыми слухами обстановка не могла, разумеется, в какой-то степени не ослабить положение Августа II, поскольку казацко-крестьянское восстание на Украине было в глазах сочувствующих королю крепостников самой грозной для них опасностью. В новой обстановке была затруднена и дипломатическая деятельность в Польше русского правительства, энергично добивавшегося союза с Речью Посполитой.

Князю Долгорукому уже в последние месяцы 1702 г. пришлось вплотную столкнуться с этим фактом. Прежде всего Август II был крайне озабочен ходом событий на Украине. Он обратился с просьбой к русскому правительству не оказывать никакой военной поддержки восставшим². Долгорукий поспешил успокоить его, сославшись на приказ малороссийского гетмана не пропускать на Правобережье украинских добровольцев, спешивших примкнуть к восстанию³. Опасения Августа II не прекратились, однако, и после этого. 13 (24) декабря 1702 г. он обратился с личным посланием к Петру, в котором, ссылаясь на известия о русской помощи Самусю, убеждал царя не помогать восставшим⁴.

Восстание Палея в значительной мере осложняло и ход русско-польских переговоров о союзе во время Турунского съезда, когда рассеивать подозрения о русской заинтересованности в нем пришлось не только князю Долгорукому, но и сотрудничавшим с ним представителям литовских конфедератов, Поцею и Воловичу⁵. Вместе с тем тот факт, что восстание на Украине явилось в руках оппозиционной королю и враждебной России магнатско-шляхетской группы сильным орудием агитации против России, что вызвало в конце концов подозрение Долгорукого, не замешаны ли во всем этом деле агенты французского короля. Подозрениями этими он считал даже нужным поделиться и со своим правительством. «И болши я выразумел... что и в нынешних казацких в Полше бунтах,— пишет он в связи с этим,— и во всех злых причинах его (дю Геро.— В. К.) фракции происходили»⁶.

Он начал подозревать и самих вождей восстания в том, что они находятся в связи со шведами и их польскими сообщниками. Так отнесся он, например, к заявлениям Самуся о переходе под царскую руку, «которые, чаю,— пишет он,— болши, что фракции и пашквили неприятельские»⁷.

Провокационный характер политики враждебных России польских кругов и шведов был выяснен Долгоруким с необычайной проницательностью. Целью их было повернуть внимание сочувствовавшей Августу шляхты на восток, создать России дополнительные затруднения в Запорожской Сечи. «Неприятель неуспынно по вся время,— писал он 18 (29) декабря 1702 г.,—

¹ Дела польские, 1702, № 7, л. 370.

² Там же, л. 277.

³ Там же.

⁴ Там же, № 2, л. 10.

⁵ Там же, № 7, л. 309.

⁶ Там же, л. 289.

⁷ «Письма и бумаги...», т. II, стр. 426.

ищет, чем бы их (поляков.— В. К.) озлобить (против России.— В. К.) и заднепрских казаков его монаршеских возмутить для отвращения из своих краев войны»¹. При такой оценке деятельности польской оппозиции и шведов взгляды Долгорукого в известной мере совпадали со взглядами, существовавшими при дворе Августа II. В связи с этим в той же его депеше стоит и следующее любопытное сообщение: «Умершаго короля Сабеского королевичи мешкают ныне в своих местах на Вольни, от которых при дворе королевского величества признают, что они, будучи там, умножают в казаках бунты для противления королевского величества»².

Сведения Долгорукого подтверждались литовскими конфедератами, открытыми противниками Карла XII. В одном из писем Гр. Огинского, направленном им в Россию, содержатся, например, следующие данные, относящиеся к движению на Украине. «В нынешней войне свейской,— писал жмудский староста,— французская, свейская и иных наших самих же некоторых панов полских, неприятелствующих королю полскому, факция великое отвращение войску коронному и господам поистинне болшим, которые на Подолие и на Вольне имение свое имеют, учинила, сбунтовав и дав денги двум казакам, Самусю и Палею, на которых и часть войска коронного, и где не токмо коронные, но и литовские, Радивилы, Вишневецкие повинны суть силы домовные туда обращать, опасаясь, чтоб имения их не забрали и не пожгли казаки». Огинский настаивал на русском вмешательстве для прекращения восстания украинского казачества³.

Однако, если анализ событий показывал Долгорукому, что восстание на Украине используется шведами и их сторонниками в интересах агитации против России и Августа, а полученные им при польско-саксонском дворе сведения подтверждали, казалось, его подозрения относительно существования каких-то прямых связей между противниками Августа и известной частью восставших, то отсюда должны были последовать для него и необходимые выводы. Это он и не замедлил сделать. В конце ноября 1702 г. он направил специальное письмо гетману Мазепе и, кроме того, потребовал принятия соответствующих мероприятий со стороны русского правительства.

В письме гетману говорилось, что Карл XII по совету польских изменников, желая поссорить Августа II с Речью Посполитой и разорвать вечный мир и союз ее с Россией, распространяет слухи, будто бы восстание на Украине было подготовлено Россией и по приказу царя Мазепа должен перейти через Днепр с 20-тысячным войском на помощь Самусю. В целях опровержения этих слухов посланник считал необходимым, «чтобы открыто и на самом деле было показано, что это восстание без вашей воли, без всякого подущения и совета его царского величества произошло и не служит интересам его царского величества». Он был уверен, что без этого заявления Речь Посполитая не выступит против Швеции⁴.

Еще более определенно мысль о необходимости самому русскому правительству принять меры к тому, чтобы не только очистить себя от подозрений, но и прекратить восстание, была подчеркнута в депеше Долгорукого от 24 декабря 1702 г. (4 января 1703 г.) к Ф. А. Головину. В ней говорилось: «Извольте приложить свои труды к полским непотребным бунтам, сколько возможно, чтоб чрез гетмана Мазепу показать поляком, что их полское зло его царскому величеству непотребно»⁵.

¹ «Письма и бумаги...», т. II, стр. 426.

² Там же, стр. 430.

³ Дела польские, 1702, № 10, лл. 84—85.

⁴ «Архив юго-западной России», ч. III, т. II, Киев, 1868, стр. 494—496.

⁵ Дела польские, 1702, № 7, л. 357.

В дальнейшем в своих депешах в Москву Долгорукому еще не раз пришлось касаться этого вопроса, подчеркивая осложнения, которые создавали России в Польше события на Украине. Так, 17 (28) февраля 1703 г. он пишет: «Бунты казацкие не устают, о чем, я чаю, довольно вам известно от гетмана Мазепы. У поляков едва сумнение выбил, что ныне болши сумневаюцца, будто те бунты зачеты происканием королевского величества»¹.

Но такой оборот дела, разумеется, был невыгоден русскому правительству. По мнению Долгорукого, интересы польско-русского союза требовали ликвидации движения. «Для бога, мой государь,— писал посланник Головину в другом месте,— изволте приложить труды ко успокоению тех непопулярных бунтов, которые поляков против неприятеля гораздо удерживают. Паче всего можете тем усмирением склонить к союзу Речь Посполитую»². Но если так оценивал обстановку русский посланник в Польше, то не менее серьезно к украинскому движению отнеслись и при царском дворе, очевидно разделяя мнение Долгорукого. Прежде всего русское правительство решило подтвердить приказание Мазепе не оказывать никакой помощи восставшим и соблюдать по отношению к Речи Посполитой строгий нейтралитет³. Затем последовал новый указ гетману, предлагавший ему не только ограничиваться строгим нейтралитетом, но и добиваться от восставших прекращения борьбы с поляками и участия в общей борьбе против шведов. О нем мы узнаем из повторной царской грамоты от 11 (22) февраля 1703 г. В ней говорилось: «...Естли будет пристойно, и к ним, полковником, писать, увещевая их всякими мерами, чтоб они от противного своего на сторону королевского величества намерения престаи, а имели между собою согласие и промыслы воинские чинили над общим нашего царского величества и его королевского величества неприятели, шведы и над их единомышленниками»⁴.

Русское правительство не остановилось, однако, на этом. Как выясняется из переписки Головина с гетманом Мазепой, Головин считал необходимым исполнение плана Долгорукого, т. е. энергичное вмешательство в украинские события в пользу польской стороны. В связи с этим Головин писал Мазепе, «дабы он имел старание о отдании Белой Церкви, дабы Речь Посполитую до совершенного к великому государю желательства, а иначе шведу к неприязни привлеци»⁵.

План этот не встретил поддержки со стороны Мазепы. 24 марта (4 апреля) 1703 г., отвечая Головину, он указывал на то обстоятельство, что такое вмешательство неминуемо повело бы к гибели Палея и Самуся, причем ссылался также и на то, что и Любомирский не хотел бы получать крепость Белую Церковь из рук русских: «Да и то предает к премудрому разсуждению, что и сам господин Любомирской, гетман великой коронной, не хочет того, дабы он (Мазепа.— В. К.), Белую Церковь от Палея отобрав, из своих рук Речи Посполитой отдавал. Но желает от него, дабы самого принудил Палея к тому, чтоб сам он отдал тому коменданту, которого он, гетман, прошает оную фортецию отбирать»⁶.

Что касается Мазепы, то в качестве причин, побудивших его выступить против плана Долгорукого, можно предполагать два соображения: с одной стороны, гетман должен был опасаться открытого выступления против

¹ Дела польские, 1703, № 8, л. 30.

² Там же, л. 49.

³ Дела малороссийские, 1702, № 3, л. 99.

⁴ Там же, 1703, № 6, л. 20.

⁵ Там же, л. 36.

⁶ Там же.

Палея, которого он в глубине души смертельно ненавидел и боялся, так как оно могло вызвать против него всеобщее брожение на Украине, с другой — могло существовать и известное нежелание с его стороны облегчить положение правительства Петра, Августа и Речи Посполитой. Последнее соображение в свете сношений его с польской оппозицией отнюдь не может считаться совершенно исключенным. Возможно, однако, и наличие других соображений.

Впрочем, позиция русского правительства впоследствии претерпела некоторые изменения. Дело в том, что переход восставшей части Украины под власть России облегчил бы ей сношения с возможными русскими союзниками в борьбе против Турции на случай войны с последней, укрепил бы русские стратегические позиции. На обстоятельство это еще в конце 1702 г. обращали внимание русского правительства валахский господарь и бояре Кантакузины, советовавшие ему примириться со шведами и возобновить борьбу против Порты¹. А для целей этой войны «Самусев подъем и иных заднепрских казаков зело нам всем, христианом, было полезное дело, когда обе оны страны совокупились. И для того надобно их не покинуть, но тайно всякое вспоможение учинить. А буде они под поляками будут, тогда пересылке меж нами нельзя быть для многих причин. А буде совокупитца казачество, тогда мочно почту установить до Царяграда для скорости и безопасно, потому что чрез православных народов будет проезд и пересылки царские, и всякие дела преуспевати будут»².

Впоследствии, когда в ходе Северной войны эта часть Украины на самом деле оказалась занятой по царскому приказу Мазепой, удобство такого положения было полностью оценено самим Петром. В доказательство укажем на письмо Петра к Мазепе от 20 сентября (1 октября) 1707 г.³ Объясняя свое решение не возвращать этой части Украины обратно Речи Посполитой, он ссылается в нем на три обстоятельства: 1) уступка ее чрезвычайно затруднит сношения с турецкими христианами, друзьями России; 2) после войны со шведами предстоит война с турками; в таком случае обладание этой частью Украины облегчит свободное движение русских войск и, таким образом, 3) в случае русско-турецкой войны полякам будет труднее сноситься с Крымом и Портой во вред интересам России⁴.

Рассмотренные события позволяют сделать некоторые выводы.

Сопоставление событий 1701 и 1702 гг. свидетельствует о необычайно длительном и болезненном процессе постепенного стягивания Речи Посполитой в войну со шведами, постепенного возвращения к войне Августа Саксонского. К концу 1702 г. результат борьбы за Речь Посполитую оказался далеко не благоприятным для Карла XII и его польских сообщников. Военные успехи шведов не смогли перетянуть на их сторону хотя бы относительное большинство польского господствующего класса. Наоборот, в своей массе шляхта оставалась верной польскому королю. А это означало, что кампания в Польше затягивалась к большому ущербу для шведов. Последнее уже само по себе облегчало военно-политическое положение России. Вступление в войну Августа и Речи Посполитой, к чему неизбежно

¹ Дела молдавские, 1702, № 1, л. 37.

² Там же. Грамота подана 6/XII (17/XII) 1702 г. Давидом Чаушем Корбе в Польский приказ.

³ Оно не вошло в «Письма и бумаги Петра Вел.»

⁴ В. Кордт. Материалы э стокгольмского державного архиву до історії України другої Половини XVII — поч. XVIII вв.— «Укр. археогр. зб.», т. III, Київ, 1930, стр. 28—29; Лазаревский, Очерки, заметки, документы по истории Малороссии, вып. 5. Киев, 1899, стр. 33.

должна была привести не прекращающаяся шведская агрессия, еще более укрепило бы его. 1702 год закончился возобновлением польско-русских союзных переговоров.

Однако во время этих переговоров никакой общей линии поведения между Россией и Августом не было выработано. Политика саксонского курфюрста попрежнему обнаруживала серьезные колебания. И если в конце концов усилия в деле привлечения Речи Посполитой к войне той и другой стороны сходились, то это обуславливалось чисто внешним обстоятельством — шведской политикой в Речи Посполитой.

* * *

Главные цели русской политики в Речи Посполитой были сформулированы еще в первой половине ноября 1702 г. в письме Петра I к Гр. Долгорукому. «Естли (от чево, Боже, сохрани!) станет делатца особливой мир,— говорилось в нем,— то как возможно препятствуй, а ежели невозможно то учинить, то чтоб войск в перепуск и офицеров; также смотреть, чтоб и Поляки не были противной стороны»¹.

Нужно сказать, что эта программа действий не являлась уже в изучаемый момент новой. Стремление сорвать сепаратное примирение Швеции и Саксонии, не допустить заключения польско-шведского союза против России и добиться в крайнем случае передачи на русскую службу части саксонской армии составляло основное содержание деятельности русской дипломатии в Польше еще со второй половины 1701 г.

Между тем положение в Речи Посполитой существенно изменилось. Ходом событий Август, помимо своей воли, оказался втянутым в борьбу со шведами. Это должно было сказаться, и на деятельности русской дипломатии. Теперь основной задачей русской политики являлась координация русских и саксонских военных усилий против шведов. Эта задача была поставлена еще до ноября 1702 г., о чем свидетельствуют ее слова инструкции Петра Долгорукому: «О сем паки поттвержая пишу»². «Паче всего потшиться,— говорилось в ноябрьской инструкции,— чтоб король изволил верную особу ныне немедленно прислать (которой бы мог поворотитца в генваре паки к вам), с которым бы положить подлинное состояние дел будущего году, и чтоб то нынешним свободным временем учинить; а естли и пришлют, да позно, так делать будет нечево»³.

Однако, как это следует из ответного письма Долгорукого от 18 (29) декабря 1702 г., русское предложение не было фактически принято Августом II, хотя отрицательный ответ его был дан в довольно неопределенной форме. В ответ на представление посланника о необходимости посылки в Москву «верной и знатной персоны» Август II ссылался на то, «что таких людей верных ныне обретаетца при нем мало, а которые и есть, и те нужными делами обвязаны...»⁴ В конце концов генерал Флеминг, по указанию Августа, передал Долгорукому предложение перенести союзные переговоры в Польшу, для чего русскому посланнику необходимо было получить от своего правительства соответствующие инструкции⁵. Все это говорило о том, что для реального возобновления русско-саксонского трактата не было еще почвы даже при дворе Августа.

¹ «Письма и бумаги...», т. II, стр. 110.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 425.

⁵ Там же, стр. 428.

Мирные настроения Августа и его колебания во внешней политике определялись не только непрочностью его положения в Польше, но и известным недовольством политикой Австрии, союз с которой гарантировал, правда, неприкосновенность Саксонии, но политика которой совершенно исключала какую бы то ни было возможность абсолютистского переворота в Польше. Обещанные Августом 8000 саксонцев были переданы в конце 1702 г. на австрийскую службу. Это должно было укрепить австро-саксонский союз. Однако, как говорил об этом Долгорукому Флеминг, передача эта была совершена «болши для окрестных потентатов, которые сумневались, что будто королевское величество держит в Полше все свое войско, желает быть в Полше абсолютом, которым сие быть не потребно»¹. Среди этих «потентатов» Австрия, естественно, являлась одним из главных противников возможного переворота.

Тем не менее в начале 1703 г. австро-саксонские отношения не были, казалось, ничем нарушены. Пробным камнем этих отношений было восстание Ракочи и судьба австрийского посредничества при дворе Карла XII. Хотя Август и не имел возможности в этот момент (конец 1702 — начало 1703 г.) как-либо влиять на ход восстания Ракочи, однако занятая им по отношению к этому восстанию позиция была открыто враждебной. Правда, дю Геро и Боняку, работавшим над организацией венгерского восстания, после их высылки из Речи Посполитой, удалось заручиться поддержкой части могущественных польских магнатов, согласившихся помогать Берчичи и Ракочи. Основными сотрудниками французского посланника оказались противники Августа II — примас, Ю. Потоцкий, жена польского гетмана коронного Сенявского, открывшие посланнику денежный кредит. Действия их не были самостоятельными, а направлялись французскими агентами. Но сорвать помощь Ракочи со стороны польской оппозиции было уже не во власти польского короля. Зато французские попытки привлечь к идее вооруженной диверсии в Венгрии в помощь Ракочи Карла XII окончились полной неудачей². В целом позицию, занятую Карлом XII по отношению к венгерскому восстанию, следует расценивать как позицию нейтралитета³.

Но если венгерское восстание было пробным камнем прочности австро-саксонского союза для Австрии, то для Августа, не отказавшегося еще от своих надежд на мир, таким пробным камнем, наряду с гарантией нейтралитета Саксонии, был успех австрийского посредничества при шведском дворе. Австрийское правительство в течение всего 1703 г. предпринимало довольно энергичные посреднические шаги. Позицию его в этом вопросе разделяла английская и голландская дипломатия, стремившаяся воздействовать в этом направлении на Карла. Однако дипломаты «Великого союза» терпели полную неудачу в своем посредничестве в Польше⁴. Это в свою очередь должно было самым серьезным образом сказаться на политике саксонской дипломатии. Согласно сообщению Долгорукого, недовольство Августа действиями австрийского правительства и притом в довольно резкой форме обнаружилось уже в феврале 1703 г. Долгорукий 17 (28) февраля 1703 г. сообщал в депеше: «Королевское величество изволил говорить цесарскому послу, что цесарское величество в союзе с его королевским величеством обходитца болши на куплементях. И чтоб в нынешнем случае

¹ «Письма и бумаги...», т. II, стр. 426.

² Jagochowski. Dzieje..., str. 183; Дела австрийские, 1703, № 4, л. 78.

³ Jagochowski. Dzieje..., str. 269.

⁴ Там же, стр. 250, 265.

показал явную помощь против неприятеля, хотя чрез своих союзников, или принудил его к миру з добрым удовольствием и честью. А естли цесарское величество ныне никакова действия не покажет, чтоб войски его саксонские возвратить назад, которые даны в помощь»¹. Причиной неудачи посредничества австрийского правительства было нежелание Карла идти на соглашение с Августом. Это было известно Долгорукому, но самый факт австрийского посредничества представлялся Долгорукому чрезвычайно опасным, поскольку последнее отвлекало внимание короля и поляков от активного сопротивления шведам. Поэтому накануне новых польско-русских переговоров у него вырывается весьма характерное восклицание: «Токмо б не помешали с стороны цесарской, за что непрестанно неприятельскою склонностию к миру посол цесарской королевского величества и поляков обнадеживает», хотя перспектив сепаратного мира со шведами, по мнению Долгорукого, не было никаких («чего неприятель никогда не мыслит, только ищет королевского величества короны»)².

Вполне естественно, что неудача посредничества раздражала короля против Австрии³.

Необходимо отметить, что существовал еще один фактор — сильная оппозиция Августу в Саксонии, который определял преобладание в его политике мирных настроений. В депеше Долгорукого от 5 (16) мая 1703 г., в которой, между прочим, указывается и на противодействие держав делу русско-польского союза, говорилось следующее: «Все посторонние министры весьма труждаютца о покое и, сколько возможно, на прошедшей раде Речь Посполитую к союзу с нами не допускали, а наипаче посланник прусской, как возможно, мешал. Так же и двор саксонской не гораздо войны желает, и со всех сторон доброе намерение его королевскому величеству пресекают»⁴.

Не остались тайной для Долгорукого и те причины, которые принуждали в этот момент державы «Великого союза» столь активно действовать при шведском и польском дворах наперекор усилиям русской дипломатии. Ближайшей целью их было добиться выступления против Франции как Швеции, так и Саксонии⁵.

Посреднические усилия держав продолжались и в июне 1703 г. во время Люблинского сейма, затрудняя тем самым деятельность русского посланника. Однако все усилия держав «Великого союза» наталкивались на упорное нежелание шведов отказаться от своих детронизационных планов и попрежнему не приводили ни к каким результатам. Прямым следствием этой неудачи их посредничества явился новый поворот в саксонской политике.

Поворот этот определился окончательно уже в середине 1703 г., в момент заседаний Люблинского сейма, когда Август, с одной стороны, вновь попытался достичь соглашения с Якубом Собеским⁶, а с другой — нащупывал возможность возврата к французской ориентации. В этих целях он

¹ Дела польские, 1703, № 8, л. 27.

² Там же, л. 47.

³ Там же, лл. 47, 73.

⁴ Там же, л. 86.

⁵ «В Варшаве, — подчеркивается в депеше посланника от 23 апреля (4/V) 1703 г., — министры чужеземские, цесарской, английской, галанской, труждаютца не для Речи Посполитой Полской, болши для своих интересов — как бы учинить покой хотя с убытком нам и поляком, только б к стороне своей привесть войски швецкие и саксонские против французам» (там же, л. 125).

⁶ Jarochowski. Dzieje..., str. 301.

вошел в сношение с Фр. Ракочи, возбуждая в нем надежды на саксонскую помощь¹. Не ограничиваясь этим, Август начал зондировать почву и при версальском кабинете, обещая ему свой нейтралитет в венгерском восстании и даже поддержке его². Стремясь уверить французское правительство в искренности своих новых намерений, он даже идет на то, чтобы облегчить Сенявской дело снабжения венгерских повстанцев оружием³.

Однако и Боняк, и Людовик XIV скептически отнеслись к маневрам Августа II⁴. Французское правительство в качестве гарантий серьезности саксонских намерений требовало отзыва саксонских войск с европейского театра военных действий. Франко-саксонские переговоры зашли в тупик Августу не удалось не только достичь соглашения с французским правительством, но даже затормозить, хотя бы на время, франко-шведское сотрудничество в Польше, клонившееся к его детронизации. Напротив, в связи с переговорами королевича Якуба со шведами Людовик, по совету Боняка, согласился снять кандидатуру Конти, что немного упрощало и облегчало шведам проведение детронизационных планов. Вместе с тем значительно возрастали шансы королевича Якуба на достижение им королевской короны⁵.

Таким образом срывалось соглашение Саксонии с Францией. Ничего определенного не обещали Августу и продолжающиеся посреднические усилия морских держав и Австрии. Конечная неудача их была ему теперь уже настолько очевидной, что в начале осени он решился прямо объявить Долгорукому о срыве посредничества держав из-за непримиримости шведов. Согласно депеше Долгорукого от 26 августа (6 сентября) 1703 г., Август ему «изволил говорить, что всех посредников министры гораздо труждающа учинить мир, токмо короля шведского к тому привести не могут»⁶.

В этих условиях Августу оставалось только одно — снова идти на сближение с Россией. Но прежде чем сделать подобный шаг, Август попытался использовать еще одно средство для примирения с Карлом. В сентябре 1703 г. им был выдвинут проект частичного раздела Речи Посполитой, в котором должны были принять участие Саксония, Швеция и Пруссия⁷. Этот проект появился еще раньше, в самом начале 1703 г., и оживленные прусско-саксонские переговоры первой половины 1703 г. были связаны с ним самым тесным образом⁸. В тайных прусско-саксонских переговорах начала 1703 г., в которых саксонскую сторону в Берлине представлял генерал Флеминг, прусское правительство стремилось добиться признания Речью Посполитой прусского королевского титула, уступки Пруссии Эльбинга и небольшой полосы земли в нижнем течении Вислы, которая соединила бы обе части владений Гогенцоллернов⁹. Со своей стороны Август добивался дипломатической интервенции прусского двора, получения вспомогательных войск и денежной субсидии¹⁰. Переговоры эти, однако, не могли удовлетворить Августа II главным образом вследствие

¹ Томашевский. Угорщина і Польща.— «Наук. зап. т-ва им. Шевченка», 1908, кн. 6, стр. 50—52.

² Там же.

³ Jagochowski. Dzieje..., str. 342.

⁴ Там же, стр. 340—341.

⁵ Там же, стр. 366.

⁶ Дела польские, 1703, № 8, л. 286.

⁷ Jagochowski. Dzieje..., str. 208.

⁸ Там же.

⁹ Там же, стр. 226—227.

¹⁰ Там же, стр. 227.

крайне осторожной и неопределенной линии поведения, которой держалось в ходе их прусское правительство. В связи с этим Бейхлинг, великий канцлер саксонский, высказался в беседе с датским посланником в том смысле, что «на его королевское величество прусского положиться нельзя совершенно, не следует надеяться на получение от него ни помощи, ни субсидии» (депеша Мешена от 3 марта 1703 г.)¹. А в мае 1703 г. выяснилось еще более серьезное обстоятельство: Пруссия отказывалась даже дать гарантию в том, что не пропустит через свою территорию в Речь Посполитую шведские войска в случае движения их в этом направлении².

Безрезультатность прусско-саксонских переговоров была связана, помимо всего прочего, с ходом прусско-шведских переговоров, которые начались еще в 1702 г.³ 29 июля 1703 г. переговоры прусского и шведского правительств закончились подписанием союзного трактата, по которому Пруссия добилась «обеспечения и охраны своих прав и предпринятых действий в отношении Эльбинга»⁴ со стороны Швеции. Согласно данным французской дипломатии, прусский король обязывался выслать против французской польской армии в случае присоединения ее к Августу II⁵. Это подтверждается и данными русских архивов. В одном из пунктов союзного договора говорилось о том, что «король прусской королю полскому никакого вспоможения да не учинит, но наипаче же в противном случае, естли Речь Посполитая в благоприятство своего короля против короля швейского неприятелски поступати будет, тогда корол пруской сие силою оливского миру такожде противу Речи Посполитой да учинит»⁶.

Таким образом, Карл XII, заявляя о сохранении польской конституции, отнюдь не связывал себя в деле сохранения территориальной целостности Речи Посполитой. Исследование Вл. Конопчинского показывает, что такое решение польского вопроса являлось обычно (и в дальнейшем) лишь временным отходом Карла XII от его постоянной политики сохранения территориальной целостности Речи Посполитой⁷. Конопчинский, однако, не попытался проанализировать мотивы, побуждавшие шведского короля действовать именно в таком направлении. Мотивы эти неразрывно были связаны с его стремлением не допустить усиления за счет Речи Посполитой ни одного из соседних государств, стремлением его полностью подчинить себе Речь Посполитую в целях успешного продолжения Северной войны. Стремясь сорвать саксонские усилия в Пруссии, Карл XII оказался вынужденным пойти на сговор с ней. Вместе с тем прусско-шведский союз 1703 г. явился поражением Августа, создавал для него (так же как и для России) дополнительные затруднения. Именно известиями о происходившем серьезном повороте в политике Пруссии, наряду с фактом неудачи австрийского посредничества, и объясняется, может быть, новый маневр Августа II, пытавшегося найти пути соглашения с Францией.

¹ Jagochowski, Dzieje... str. 229.

² Там же, стр. 289.

³ Ср. Конопczyński, Polska a Szwecja, Warszawa, 1924, str. 54.

⁴ Там же, стр. 54; A. Geffroy, Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministre de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à Révolution Française, Suède, Paris, 1885, p. 251, Дела датские, 1703, № 2, лл. 181—182.

⁵ Geffroy, Recueil..., p. 251.

⁶ Дела прусские, 1703, № 3, л. 41. Согласно сведениям, полученным русской дипломатией, договор был заключен 11 августа 1703 г. В нем содержался также и пункт, обеспечивающий Пруссию шведскую помощь в вопросе о наследстве Вильгельма Оранского: «Король швейской в благоприятство короля прусского ради наследия умершаго короля английского радение учинит». О заключении прусско-шведского союза доносил из Вены и Голландии (Дела австрийские, 1703, 64, лл. 76, 80).

⁷ Конопczyński, Polska a Szwecja, str. 55.

Прусско-шведский союз имел, однако, еще и то значение, что окончательно ликвидировал всякие надежды на возможность вовлечь в Северную войну Данию, одним из условий которой было параллельное выступление Пруссии против Швеции¹.

Что же касается прусских заверений в том, что союз этот несколько не изменяет обстановки, то им никто не верил. Прежде всего Пруссия попыталась оправдать себя в глазах России. Как сообщает русский посланник в Копенгагене Измайлов, прусский посланник там пытался убедить его в том, что «хочет учинить ево государь союз с шведом не ради воинского вспоможения или разделения Полских Прусов, Данчика и Элбина з другими городами, токмо ради одного признания за короля, и будто по ныне те трактаты не росписаны»². Измайлов, однако, остался в полном убеждении, что заявление прусского дипломата — сплошная ложь³. Позже прусский посланник продолжал убеждать его в искренности чувств берлинского правительства к царю и в желании его выступить посредником между Россией и Швецией⁴.

Однако прусское правительство не ограничивалось обработкой в соответствующем духе русского посланника в Копенгагене. Окончательный разрыв с Россией не входил в его расчеты. Поэтому 30 августа 1703 г. Кайзерлинг обратился к Головину с мемориалом, в котором уверял, что Пруссия не намерена вступать в какое-либо соглашение со Швецией, враждебное России и Августу II. Сближению со Швецией давалось такое наивное объяснение: «Наипаче желает его королевское величество всеусердно, что, егда таким образом пересылка и кареспанденция с шведом будет ему отверста, то его царское величество ползу толь же зело, как и свою, споспешествовати и своему любезно-драгому другу и брату исходатайствованием мира более в деле, нежели на словах; своим благим намерением засвидетельствовати и оному добрые услуги показывать мощи»⁵.

Тем не менее враждебность этого шага прусского правительства, несомнимость его с коренными интересами России и Августа были слишком очевидны. Поэтому оно решило прибегнуть к своему обычному аргументу — выставить на первый план враждебность поляков к Пруссии и начать хлопоты о русском посредничестве. Именно на этот пункт особенно напирал следующий мемориал Кайзерлинга от 10 сентября 1703 г., попрежнему содержащий уверения в преданности Пруссии России и обещание исполнить последнюю мир со Швецией⁶.

Ответом на этот мемориал было письмо Головина от 21 сентября (2 октября) 1703 г. В нем содержалось обещание принять меры к устранению польско-прусского недоразумения, для чего, по словам Головина, царь «указал к своим министрам, при полском дворе обретающимся, принадлежащей указ послать, дабы Речь Посполитую всяким образом чрез ревностное наговаривание к тому привести, чтоб с его королевским величеством прусским к ближайшему согласию приступили»⁷. Однако следующий абзац из письма Головина к Кайзерлингу свидетельствует, что провокационный характер прусской политики был до конца разгадан русской дипло-

¹ Дела датские, 1703, № 2, лл. 133, 163, 233—234.

² Там же, лл. 186—187, деп. от 20 (31) августа.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 204, деп. от 21/IX (2/X). В том же старались уверить прусские дипломаты и русского посланника в Вене (Дела австрийские, 1703, № 4, л. 80).

⁵ Дела прусские, 1703, № 3, л. 34.

⁶ Там же, л. 70.

⁷ Там же, л. 77.

матией и что она хорошо понимала, что ссылки прусского правительства на поляков были всего лишь средством оправдать свои враждебные Петру и Августу действия. «И не сомневаемся,— говорилось там в связи с обещанием русского посредничества,— что сие доброе действие покажет, ибо надежны есмы, что Речь Посполитая и бес того в настоящей нужде с королем и государем вашим содерживати и некоторое вспоможение против неприятеля получитьи ищет. Токмо б на сие некоторую склонность (пруссакки.— В. К.) имели и неприятелю над ними толь весма властвовать не позволяли, якоже то из облежения Гданска и осады Торуня довольно видится. О чем здесь не без причины странное размышление имеют, ибо многие причины суть, которые надежду ваших, только многократно учиненных и утверждаемых обещаний и засвидетельствований истинныя дружбы и поспешествованию во общем его царского величества деле, ныне опровергнути хотят. И желаю я усердно, дабы туне о сем сомнение иметь, еже нам время покажет...»¹

Август II также мало имел оснований рассчитывать на Пруссию. Поэтому параллельно с тайными переговорами, которые он вел в сентябре 1703 г. с Пруссией о частичном разделе Речи Посполитой между ним, Пруссией и Швецией, начались и русско-саксонские переговоры, приведшие в октябре того же года к подписанию третьего союзного трактата.

Возобновляя союз с царем, Август преследовал, повидимому, не только цель укрепления своих военных и политических позиций. Трактат этот мог явиться и средством воздействия на Карла XII, способом склонить его к отказу от детроизационных планов.

Таковы внешнеполитические условия, определившие возобновление в октябре 1703 г. русско-саксонского трактата. Для Августа решающим обстоятельством являлась неудача посредничества держав «Великого союза», провал попыток сблизиться с Францией и расчетов на посредничество Пруссии при шведском правительстве, а в конечном итоге — решительный отказ Карла от мирных переговоров с ним.

* * *

Уже с начала 1703 г. обнаружались серьезные неудачи шведской политики в Речи Посполитой. Прежде всего следует указать на разногласия между главной квартирой шведов и вождями антисаксонской оппозиции. Карл XII призывал шляхту Речи Посполитой к сотрудничеству с ним в войне против России якобы в целях усиления ее и вместе с тем стремился к детроизации Августа во имя якобы сохранения польских шляхетских прав и вольностей. В действительности же шведское командование проводило политику грабежа, конфискаций, непосильных контрибуций и солдатского постоя, которая совершенно разоряла крестьян, городское население и польскую шляхту. Естественным результатом этого являлось озлобление шляхты, открытое возмущение ее против шведов и переход на сторону Августа II, что в условиях крайней непопулярности шведских детроизационных планов представлялось особенно опасным.

Все это не могло не вызывать тревоги даже у таких открытых приверженцев Карла, как Сапеги. Этим и следует, повидимому, объяснять упорные хлопоты Радзеевского и Б. Сапеги при шведском дворе о прекращении шведских насилиий.

¹ Дела прусские, 1703, № 3, лл. 77—78.

Стремясь смягчить условия шведской оккупации, вожди оппозиции готовились в то же время нанести сокрушительный удар делу Августа II в Короне.

Еще в январе 1703 г. примас, игнорируя Августа и нарушая его права, обратился к сенаторам и послам с призывом прибыть в Варшаву на совещание, назначенное им на 15 февраля 1703 г. Сапеги обратились к предстоящему съезду с просьбой окончательно урегулировать их спор с Речью Посполитой¹. Август II резко протестовал против нарушения его прав² и назначил съезд на 16 марта 1703 г. в Мальборге, куда был затем приглашен и примас, который, однако, не прибыл³.

Таким образом, почти одновременно должны были работать два съезда; взаимная враждебность которых была совершенно очевидна.

Созванный примасом съезд в Варшаве оказался настолько малочисленным, что пришлось его отложить до 27 марта. Помимо всего прочего, примасом руководило стремление сорвать Мальборгский съезд, а отложенный на месяц Варшавский съезд прямо объявлялся сеймом, как будто польский престол был вакантным⁴.

Но сбрасывая с себя личину и выступая открыто противником Августа, осторожный примас действовал, повидимому, под сильным давлением шведов, как свидетельствует об этом сообщение русского посланника в Речи Посполитой Долгорукого. В депеше от 22 января (2 февраля) 1703 г. говорилось: «При обедах и банкетах никогда не говорят товарищи свейские о миру и о покое, только говорят о извержении со престола. И кардинал хочет отказать в послушании (Августу.— В. К.). А естли того не учинит, то войску своему (Карл.— В. К.) прикажет всякое разорение полякам чинить и деревни и села пустить в последнюю волю. И грозят все разорением, хотя того, чтоб Речь Посполита или неприятелем или приятелем отозвалася против саксонцов, или бы его (шведа.— В. К.) или саксонцов была»⁵.

«Ведомости варшавские несут,— писал Долгорукий 25 января (5 февраля) 1703 г.,— что король свейской никаких договоров не хочет, толко чрез своих министров подает Речи Посполитой, чтоб выбрала одно: или с ним биться, или против саксонцов случатца»⁶.

Целью Карла XII было заставить оппозицию порвать с колебаниями и открыто выступить против законного короля. Таким образом, он надеялся разорвать Речь Посполитую на два враждебных друг другу лагеря с тем, чтобы угрозой военных постоев и конфискаций заставить перейти на свою сторону значительное большинство польской шляхты. Добившись этого и опираясь на своих сторонников в Речи Посполитой, он мог рассчитывать на быстрый и благополучный исход вооруженной борьбы с саксонцами и их сторонниками в Речи Посполитой.

Перед оппозицией, правда, был еще один путь — путь решительного разрыва со шведами и перехода на сторону Августа II. Но это означало бы капитуляцию, угрожало разорением их имений шведской армией, а в случае разгрома шведов — усилением королевской власти. Поэтому, оказавшись перед альтернативой или соединиться с Августом, или открыто выступить против него, примас выбрал последнее.

¹ Jarochoowski. Dzieje..., str. 235—237.

² Там же, стр. 238.

³ Там же, стр. 238—242.

⁴ Там же, стр. 239.

⁵ Дела польские, 1703, № 8, л. 4.

⁶ Там же, л. 7.

Вторично созванный Варшавский съезд оказался также крайне немногочисленным. Было совершенно ясно, что огромное большинство шляхты находится на стороне Августа, и что ни примасу, ни шведам не удастся привлечь ее на свою сторону. В таких условиях примас не решился пойти на окончательный разрыв с королем, и съезд, возглавляемый им, проявлял даже примирительные настроения¹. Помимо того, на позицию примаса влияли, повидимому, и представления папского нунция в Речи Посполитой Пигнателли, оказывавшего поддержку Августу II².

Впрочем, политика римского папы была двуличной, так что в то время как нунций поддерживал короля, тайный агент Ватикана доминиканец Levesi искал сближения с Карлом XII³.

Варшавское совещание буквально ни на один шаг не подвинуло основной вопрос шведской политики в Речи Посполитой — детронизацию Августа.

Князь Долгорукий еще в феврале 1703 г. предсказывал полную неудачу затей примаса⁴. Зато гораздо более успешным оказался созванный Августом 16 марта 1703 г. съезд в Мальборге.

Он был не особенно многочисленным и в течение первой половины его работы, окончившейся после небольшого перерыва только 4 мая, были все еще слишком сильны мирные настроения. Этим, а также интригами примаса следовало бы объяснить тот факт, что съездом была предпринята еще одна попытка договориться о мире с Карлом XII, для чего была составлена новая депутация к нему. Впрочем, отмечая мирные настроения собравшейся шляхты и сенаторов, следует оговориться относительно позиции литовских послов, энергично выступавших за войну против шведов и за союз с Россией⁵.

Сочувствие шляхты Августу II и ее нежелание сотрудничать со шведами поставили примаса и его съезд в весьма затруднительное положение. Примас пытался нейтрализовать мальборгские совещания, войдя в переговоры с Мальборгским съездом и предлагая ему выступить против России вместе с Карлом XII.

Касаясь деятельности съезда и примаса, Долгорукий сообщал: «Рада польская началась марта дня 16-го (по новому штилю), окончилась апреля 3-го, на которой сначала многие сенаторы и послы поветовые изрядно говорили нам на пользу. И то уведав, кардинал с Сапелами прислали объявить чрез бискупа и воеводу Хелминских с товарищи, что король шведской желает с Речью Посполитою покою, токмо б они, сообщась с ними, воевали против Московского государства, за что оной обещает им за убытки их государству учинить награду и завоеванные города, Киев и Смоленск и другие их прежние места, отобрав, отдать им. И многим сенатором и послам обещали, а иным роздали сумму немалую, чтоб были с неприятельскую сторону. И теми факциями не токмо, которые были нейтрално, но и тех многих противными (нам.—В. К.) учинили, которые были противны неприятелю»⁶.

Маневр примаса имел, таким образом, по свидетельству русского посланника в Польше, известный успех, хотя главная цель — двинуть Мальборгский съезд против России — не была осуществлена. По сообщению

¹ Jarochowski. Dzieje..., str. 252—253.

² A. Theiner. Vetera monumenta Poloniae et Lituaniae, t. IV, Romae, 1864, p. 20.

³ Jarochowski. Dzieje..., str. 235.

⁴ Дела польские, 1703, № 8, л. 47.

⁵ Jarochowski. Dzieje..., str. 258, 261.

⁶ Дела польские, 1703 № 8, л. 85.

Долгорукого, Мальборгская рада «объявила, что некоторыми мерами войны по желанию неприятельскому иметь с нами не хотят»¹.

Мирные настроения собравшихся на съезд поддерживали посланники держав «Великого союза», стремившиеся к мирному урегулированию шведско-саксонского конфликта, что очень серьезно осложняло положение русского посланника, добивавшегося возобновления русско-польских союзных переговоров².

По мере того как выяснялась неудача посольства, отправленного к Карлу XII Мальборгским съездом, менялось настроение собравшихся на съезд послов и сенаторов, возобновивших после перерыва свою работу. Одновременно были возобновлены и русско-польские переговоры о союзе³. Отрицательный ответ Карла, продолжавшего настаивать на детронизации Августа и объявлявшего незаконными все постановления Сандомирского и Мальборгского съездов⁴, не только принудил к враждебному против него выступлению сенаторов и послов, заседавших в Мальборге, но и побудил примаса временно отойти от шведов и в конце апреля заявить Карлу о невозможности детронизации, что до крайности возмутило шведского короля⁵.

Мальборгский съезд, потеряв надежду на мир, решил разослать шляхте трети воззвание к посполитому рушенью. Коронным и литовским войскам было приказано соединиться с саксонскими. Королю снова было разрешено заключать трактаты с соседями, а приверженцы шведов объявлялись изменниками. Попрежнему наиболее энергично за объявление войны шведам агитировали представители литовских конфедератов⁶.

В целом русский посланник мог с полным удовлетворением констатировать, что момент решительного поворота Речи Посполитой в сторону войны со шведами значительно приблизился в результате деятельности Мальборгского съезда. «За божию помощью и его царского величества счастьем,— писал он в связи с окончанием съезда 25 апреля (6 мая) 1703 г.— все единогласно ту раду (съезд.— В. К.) апреля 23 дня благоскончили. В войне против неприятеля быть хотят»⁷.

На 19 июня в Люблине был назначен двухнедельный конный сейм, которому и суждено было явиться таким переломным моментом в этом отношении.

Между тем 2 мая 1703 г. Карлу XII удалось нанести новое серьезное поражение саксонской армии, к которой присоединилось несколько литовских хоругвей. Общее начальство над нею принадлежало саксонскому фельдмаршалу Стейнау. Армия его стояла под Пултуском и была стремительно атакована неприятелем, имевшим на своей стороне безусловное превосходство в силах⁸. Вслед за тем Карл перешел р. Дрвенцу и осадил Торунь. В его планы входило овладеть всем польским балтийским побережьем и решительно прервать торговые связи Короны с заграницей по морю. Поход в Королевскую Пруссию преследовал, помимо того, цель разорения этой богатейшей провинции Речи Посполитой и установления более удобных коммуникаций со Швецией.

¹ Дела польские, 1703, № 8, л. 86.

² Там же, л. 125.

³ Там же, лл. 126—138.

⁴ Jarochowski. Dzieje..., str. 267.

⁵ Там же, стр. 268—269; J. A. Nordberg. Histoire militaire de Charles XII, roi de Suède T. I. A la Haye, 1748, p. 329.

⁶ Jarochowski. Dzieje..., str. 262.

⁷ Дела польские, 1703, № 8, л. 139.

⁸ Jarochowski. Dzieje..., str. 280—283.

Вместе с тем осада Торуня должна была оказать воздействие и на политику Пруссии. Однако и этот новый военный успех шведов не привел к существенному улучшению их положения в стране. Политические последствия победы оказались до крайности незначительными. Она не повлекла даже за собой изменений в позиции примаса, выступавшего теперь, после неудачи Варшавского съезда, противником детронизации. Пытаясь оказать давление на него, Карл в переговорах с ним прибегал даже к открытому шантажу, угрожая Радзеевскому перспективой шведско-саксонского союза¹. Примас тем не менее поддержал старания короля созвать конный сейм².

Заседания сейма открылись при огромном стечении сенаторов и земских послов. Присутствовали даже наиболее активные враги короля. Огромное большинство собравшихся поддерживало короля и было враждебно настроено по отношению к шведам и к их детронизационным планам. Это сразу обнаружилось при выступлении оппозиционно настроенных послов Калишского и Познанского воеводств, находившихся под влиянием Ст. Лещинского, сторонника королевича Якуба, и появлении примаса. Послы Калишского и Познанского воеводств явились на сейм с инструкциями, обязывавшими их добиваться мира со шведами, требовать запрещения каких бы то ни было союзов с иностранными державами, сохранения права объявления войны только за сеймом, могущим собраться впоследствии, и т. д. В целом они добивались превращения Речи Посполитой в гарант предостоящего шведско-саксонского мира и аннулирования всех решений, принятых на предыдущих съездах³. Но такая позиция, избранная, хотя и не без протестов, посланными их воеводствами, неминуемо должна была привести великополян к столкновению с большинством сейма. Великопольские послы не только не сумели, хотя бы отчасти, осуществить свои подрывные замыслы, но были даже с позором изгнаны с сейма, что положило начало формальному разделению Короны на лагерь сандомирян, поддерживавших Августа, и на лагерь открытых сторонников шведов⁴.

Тяжелые минуты унижения и страха предстояло пережить примасу, прибывшему в Люблин с большим опозданием. Встреченный бурей негодования, он вынужден был принести присягу по тексту, выработанному Сандомирским съездом, поклясться в том, что никогда не сотрудничал со шведами и что в будущем никогда не предпримет ничего, что было бы противно интересам Августа и Речи Посполитой⁵.

Настроения в пользу короля поднялись еще более, когда он представил так называемый «диплом ассекурации», в котором обещал свято соблюдать все права и привилегии Речи Посполитой, вывести после окончания войны с ее территории всю свою саксонскую армию, удалить от себя саксонских советников и без разрешения Речи Посполитой не заключать союзов с иностранными государствами⁶.

Оппозиция пыталась, однако, осложнить работу сейма, занявшегося делом Сапег. Для этой цели был снова использован вопрос о восстании Палея. Киевский воевода Ю. Потоцкий произнес по этому поводу речь, в которой стремился обвинить царя и Мазепу в организации украинского

¹ Jago chowski. Dzieje..., str. 286.

² Там же, стр. 290.

³ Там же, стр. 304.

⁴ Там же, стр. 312.

⁵ Там же, стр. 317—324.

⁶ Там же, стр. 328.

восстания и вызвать подозрение у собравшихся относительно русских замыслов на Белую Церковь¹.

Выступление воеводы должно было получить тем более широкий отклик, что ему предшествовали некоторые события, в известной мере снова обострившие русско-польские отношения на почве украинского движения. Речь идет о предпринятом Р. Паткулем по собственной инициативе, без указаний со стороны русского правительства², посредничестве между Палем и поляками. По сведениям, полученным в связи с этим русским посланником в Польше Долгоруким, Паткуль пытался использовать во время своих переговоров с Сенявским восстание Палей в качестве средства давления на Речь Посполитую для привлечения ее к союзу с Россией. «...Паткуль к ним, гетманом (коронным.— В. К.), писал,— сообщал 10 (21) июня 1703 г. Долгорукий Головину,— что Палей до того времени Речи Посполитой Белой Церкви не отдаст, по которое время они с его царским величеством не учинят союзу»³.

Неблагоприятный для русских государственных интересов отклик, который должен был последовать за распространением этих известий среди польской шляхты, был с самого начала очевиден для русского посланника. По этому поводу он писал в той же депеше: «Зело дивно, естли, не знав здешняго состояния, то делал Паткуль, отчего здесь к союзу великой труд учинил, а тем, которые ищут с стороны неприятельской зла, к великой ползе»⁴.

Вполне понятны поэтому и те опасения, которыми делился русский посланник с канцлером по поводу судьбы его переговоров с поляками о союзе. Вопрос о Белой Церкви представлялся ему с самого начала тем обстоятельством, которое больше всего затрудняло его миссию⁵. Упомянутое выше письмо Паткуля осложняло отношения России и Речи Посполитой⁶. После речи Ю. Потоцкого сейм решил направить к русскому посланнику специальную депутацию, чтобы получить от него объяснения по поводу восстания Палей. Долгорукий уверял поляков в том, что все требования Речи Посполитой по этому поводу будут удовлетворены и что в лице царя она имеет истинного союзника⁷.

Примас также не оставлял свбих интриг. Правда, он не решался открыто агитировать против объявления войны шведам, но активно выступал против союза с Россией, к чему постепенно склонялись присутствующие под тем предлогом, «чтоб не было от союзу принуждения к войне и к миру — всегда б были волны»⁸.

В целом настроение съезда с самого начала было враждебным и воинственным по отношению к шведам. «Поляки на нынешнем съезде в первых сессиях в раде соглашуютца... и войну иметь против неприятеля и о союзе з другими потентаты, а наипаче с его царским величеством,— писал в связи с этим Долгорукий.— Токмо опасаясь, чтоб король шведской с того противного сейму и для сикурсу своих краев не пошел ис Полши, дабы, на то смотря, поляки от великого разорения и скудости в нынешнее время

¹ Jaroschowski. Dzieje..., str. 327.

² Это подтверждает грамота Петра I к Августу II от 12 (23) июня 1703 («Письма и бумаги...», т. II, стр. 178—182).

³ Там же, стр. 567; Дела польские, 1703, № 8, л. 158.

⁴ Там же.

⁵ Дела польские, 1703, № 8, л. 182, деп. от 11 (22) июля.

⁶ Там же, лл. 210—211; деп. от 27/VI (8/VII).

⁷ Там же.

⁸ Там же, лл. 207—208.

не опустили руки»¹. Показателем того, насколько сильным было это настроение среди сеймующей шляхты и как влияло оно на поведение даже наиболее могущественных противников короля, явилась речь великого гетмана коронного И. Любомирского, произнесенная им 7 июля 1703 г. Гетман доказывал необходимость увеличить войско, ввести новые налоги, возратить Пруссии сумму, взятую под залог Эльбинга, а также, что наиболее характерно, заключить союз с Данией, Россией и Пруссией². Так вынужден был говорить человек, недавно еще являвшийся одним из наиболее опасных вождей оппозиции.

Что касается Августа, то для него в этот момент важнее всего было добиться поддержки сейма и получить от него разрешение заключать союзы с иностранными государствами, с помощью которых он мог бы упрочить свое положение как в случае войны, так и в случае мирных переговоров со Швецией. В этих целях он постарался заручиться поддержкой русского посланника в Речи Посполитой, обещая ему возобновить союз с Россией. «Токмо б получить его королевскому величеству письмо от Речи Посполитой вручительное всех дел войны управления. Тогда будет алианц з другими потентатами, война и покой в воле его королевского величества. И изволил мне,—сообщал Долгорукий,—говорить, чтоб и мне с свою сторону в сенаторех и министрах полских в том его королевскому величеству помогать»³. Посланник, усиленно добивавшийся возобновления русско-саксонского трактата⁴, не только обещал, но и оказал королю необходимую ему помощь, как он сообщал об этом в своей депеше от 27 июня (8 июля) 1703 г.⁵ Усилия короля и поддерживавшего его Долгорукого увенчались успехом, как показывают решения Люблинского сейма, окончившего свою работу 11 июля 1703 г. В известной мере на ускорение работ сейма повлияли распространившиеся в Речи Посполитой известия о соглашении Пруссии со Швецией⁶.

Каковы же были основные решения этого, приковавшего к себе всеобщее внимание сейма? Прежде всего следует указать на решение его остаться на стороне Августа II и твердо выступить против детронизационных планов шведского короля. Затем решено было созвать посполитое рушение шляхты Литвы и Короны, ввести новые налоги для увеличения войска до 48 000 человек, а также для уплаты Пруссии залоговой суммы под Эльбинг⁷. Все лица, продолжавшие сотрудничать со шведами, если они в течение шестинедельного срока не пожелают порвать с ними (срок этот был установлен и для Сапер)⁸, объявлялись «врагами отчизны». Нападение шведов на саксонскую армию под Полтуском и осада Торуня рассматривались

¹ Дела польские, 1703, № 8, л. 191.

² Jagochowski. Dzieje..., str. 330.

³ Дела польские, 1703, № 8, л. 185.

⁴ Там же, л. 184.

⁵ Там же, л. 208.

⁶ Jagochowski. Dzieje..., str. 334. «В поляках обноситца,—писал в связи с этим 27 июня (8 июля) 1703 г. Долгорукий,—будто король шведской ищет союзу с королем прусским, о чем уже есть трактаты. И если Речь Посполитая с ползою короля шведского к миру не приступит, то будто король пруской объявить хочет — помогать королю шведскому против Речи Посполитой» (Дела польские, 1703, № 8, л. 214). Долгорукий, однако, ссылаясь также и на сведения саксонского двора, выражал уверенность в необоснованности этих слухов (там же). Пруско-шведский союз на самом деле не был заключен еще тогда. Важно, однако, уже то, что слухи о нем опередили почти на месяц формальный акт заключения союза от 29 июля.

⁷ Jagochowski. Dzieje..., str. 338, 356.

⁸ Там же, стр. 333, 336.

как враждебные акты со стороны Швеции по отношению к Речи Посполитой¹. Последний пункт фактически являлся признанием наличия состояния войны между Речью Посполитой и Швецией. Отказ Карла от примирения с Августом неминуемо должен был вызвать теперь войну с Речью Посполитой. В свою очередь объявление войны шведам неминуемо должно было привести поляков к союзу с Россией. Это прекрасно понимал русский посланник, доносивший своему правительству, что «когда начнут (поляки.—В. К.) войну, то и сами союзу искать принуждены будут»².

И, наконец, последнее — сейм дал согласие на заключение королем союзных договоров с иностранными державами на случай неудачи мирных переговоров с Карлом³, что открывало путь для возобновления русско-саксонского союзного трактата.

Не менее важными были решения, принятые на созванной вслед за сеймом Сенатской раде, возобновившей, между прочим, и переговоры с Долгоруким о заключении польско-русского союза против Швеции⁴. В этой связи необходимо отметить два постановления, принятые Сенатской радой. Первое из них устанавливало шестинедельный срок для возобновления мирных переговоров. В случае, если Швеция в течение этого времени не изъявит готовности войти в переговоры о мирном урегулировании конфликта, рада постановляла объявить войну Швеции⁵. В связи с этим постановлением стояло и другое постановление ее. «Королевскому величеству и министрам,—передает его смысл депеша русского посланника,—дали тайно позволение делать альянц с его царским величеством и с другими потентаты»⁶.

Таким образом, Люблинский сейм и созванная затем в Люблине Сенатская рада не только укрепили положение короля Августа II в Речи Посполитой, не только явились грозной демонстрацией громадного большинства польской шляхты против выдвигавшихся Швецией детронизационных планов, но и значительно приблизили момент решительного поворота в польско-шведских отношениях, момент вступления Речи Посполитой в войну на стороне России. Правда, после изгнания великополян из Люблина Корона разделилась на два враждебных друг другу лагеря. Этому факту, а также унижению, перенесенному во время сейма примасом, придавал особенно большое значение К. Яроховский, расценивая его как чрезвычайно серьезную неудачу короля и его приверженцев⁷. Разумеется, не придавать значения этим обстоятельствам было бы слишком поспешным решением вопроса. В последнем убеждает уже простое перечисление событий, последовавших в Великой Польше вслед за Люблинским сеймом. Калишское и Познанское воеводства, оскорбленные изгнанием своих послов, составили в Сьроде отдельную конфедерацию, маршалком которой был избран Петр Брониш. По видимости конфедерация эта не была направлена против Августа, защищать права которого обязались и великополяне⁸. Однако уже в самом ближайшем времени выяснилась враждебность ее к королю, поскольку во главе новой конфедерации оказались наиболее активные противники Августа, поддерживавшие тайные сношения со Шве-

¹ Jarochowski, Dzieje..., str. 333, 336.

² Дела польские, 1703, № 8, л. 215.

³ Jarochowski, Dzieje..., str. 337.

⁴ Дела польские, 1703, № 8, л. 252.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 215.

⁷ Jarochowski, Dzieje..., str. 312, 324, 338.

⁸ J. Szujski, Dzieje Polski podług ostatnich badań, t. IV, cz. II, Lwów, 1866, str. 191.

цией¹. Конфедерация эта находилась в тесной связи с примасом. Охрана ее была поручена Карлом XII генералу Реншильду, а конфедераты вошли в сношения с Якубом Собеским, искавшим польской короны².

Все это, безусловно, облегчало Швеции создание в Речи Посполитой зависимой от нее партии. Все антисаксонские силы в стране получили возможность сплотиться вокруг возникшего в Сьроде очага сопротивления сандомирцам. Однако, изучая последствия происшедшего в результате Люблинского сейма раздела Короны на два враждующих лагеря, необходимо учитывать и то обстоятельство, что консолидация сторонников шведов, естественно, ускоряла и процесс консолидации вокруг Августа II сочувствовавших ему широких кругов польской шляхты, особенно низшей, энергично поддерживавшей короля в Люблине. С другой стороны, разделение это должно было облегчить вступление верной Августу части Речи Посполитой в союз с Россией.

Люблинский сейм и Сенатская рада явились также внушительным свидетельством полной неудачи шведской политики в Речи Посполитой, показали Карлу XII всю эфемерность его расчетов на привлечение к своему делу путем дискредитации Августа II значительного большинства польской шляхты. Другими словами, первый этап вспыхнувшей между Карлом и Августом борьбы за Речь Посполитую окончился, причем отнюдь не в пользу Карла XII.

Карл XII вынужден был считаться с этим фактом. Именно сознанием полного провала политики Швеции в Речи Посполитой и следует, повидимому, объяснить тот крен шведской политики в сторону сближения с Пруссией, который привел в конце июля 1703 г. к подписанию прусско-шведского союзного договора. В условиях враждебности Речи Посполитой, неудачи осады Торуня, овладеть которой ему удалось только 13 октября 1703 г., Карл XII не считал возможным оставаться в одиночестве в своей борьбе с Россией и Саксонией. Но сотрудничество с Пруссией приходилось Карлу XII покупать ценой отказа от основных принципов проводившейся им в отношении Речи Посполитой политики, соглашением на частичный раздел с Пруссией польской территории, от чего он упорно отказывался до сих пор, стремясь осуществить детронизацию Августа II собственными силами. Таков непосредственный результат одержанной Августом в Люблине победы над Карлом и его польскими сторонниками.

* * *

Но победа Августа II являлась одновременно и победой России, поскольку открывала перед ней возможность привлечь к союзу против шведов сначала Саксонию, а затем и колебавшуюся Речь Посполитую³.

Главные усилия русской дипломатии в Речи Посполитой в 1702 г. носили скорее оборонительный, чем наступательный характер, поскольку основная цель — ликвидация угрозы польско-шведского антирусского блока — удовлетворяла в первую очередь интересам самозащиты. Однако наряду с оборонительными мероприятиями русская дипломатия работала и над задачами организации успешного наступления на неприятеля. Лишь на некоторое время задачи эти оказались отодвинутыми на второй план.

¹ Stujski, Dzieje..., str. 191.

² E. Otwinowski, Dzieje Polski pod panowaniem Augusta II, od roku 1696—1728. Kraków, 1849, str. 53—56.

³ Ср. Feldman, Polska w dobie..., str. 24.

Уже самый факт постоянных усилий русского правительства, направленных на срыв сепаратного мира между Швецией и Саксонией, должен был в известной мере служить интересам наступления на шведов, поскольку шведско-саксонская война в серьезной мере облегчала русское продвижение в Прибалтике. Тем же целям служило и установившееся в течение 1702 г. военное сотрудничество между русским правительством и литовскими конфедератами. Наконец, интересам наступления на шведов отвечали возобновившиеся в 1702 г. русско-польские переговоры о союзе. Последние, в случае удачного исхода, означали бы не только окончательную ликвидацию угрозы польско-шведского блока, не только значительно затруднили бы шведские военные операции в Речи Посполитой, но прежде всего окончательно развязали бы руки Августу II для продолжения активной борьбы против Карла XII. Между тем Карл XII, добиваясь детронизации Августа II и грубо вмешиваясь во внутривосточную борьбу в Речи Посполитой, облегчал русской дипломатии достижение ее основных целей. Политика Швеции, проводимая в отношении Речи Посполитой, исключала всякую возможность польско-шведского союза против России. Не прекращающаяся шведская агрессия против нее приводила, даже к еще более серьезным последствиям. В 1702 г. она толкнула на союз с Россией литовских конфедератов и привела в Короне к консолидации вокруг Августа II подавляющего большинства польской шляхты, определила враждебные настроения Речи Посполитой к Швеции, усилила тяготение ее к союзу с Россией.

При таких условиях должны были произойти и серьезные перемены в русской политике. На первый план выдвигались действия наступательного характера. В связи с этим главными вопросами русской политики в Речи Посполитой становились вопросы союза с Речью Посполитой и восстановление союза с Саксонией.

Во время Торунского съезда были начаты русско-польские переговоры. В первой половине ноября 1702 г. Петр I лично обратился к Долгорукову, формулируя вторую основную задачу русской политики. Речь шла о координации русских и саксонских военных усилий против Швеции, иными словами, о возобновлении Биржинского трактата. В тех же целях 16 (27) ноября 1702 г. Петр обратился с личным посланием к Августу II, в котором просил «добронамеренную особу с совершенным наказом вскоре к нам прислать, который бы о том, согласясь с Кенигсесом¹ с нами расположить, и о всем постановити и впредь крепкое постановление наших намерений учредить мог», «дабы сие ранее учинити, нежели время удобное наступит»². Одновременно было отправлено письмо царя к генералу Флемингу, приглашавшее его прибыть в Россию для переговоров о координации военных действий³. В ответном письме Флеминга Петру I (от 28 декабря) содержалось предложение перенести переговоры в Речь Посполитую и поручить их русскому посланнику при дворе Августа II⁴.

Вопрос этот, однако, и дальше не исчезал из переписки Петра с Августом, как свидетельствует об этом письмо царя к Августу от 24 января (4 февраля) 1703 г.⁵ В свою очередь Август сообщал Петру о своих стараниях возобновить польско-русские переговоры о союзе. В связи

¹ Саксонский посланник в России.

² «Письма и бумаги...», т. II, стр. 113.

³ Там же, стр. 437—438.

⁴ Там же, стр. 438.

⁵ Там же, стр. 121.

с этим Долгорукому были направлены из России дополнительные инструкции¹.

Тем временем принимались энергичные меры к тому, чтобы преодолеть внешние препятствия, которые стояли на пути русско-польского и русско-саксонского сотрудничества. По отношению к восстанию Палея на Правобережной Украине Россия избрала путь строгого нейтралитета, были приняты меры к тому, чтобы движение это не было поддержано с левого берега Днепра. О всех этих распоряжениях русского правительства было сообщено в особой грамоте, направленной от имени Петра I Августу II 25 января (5 февраля) 1703 г.² 28 декабря 1702 г. (8 января 1703 г.) и 25 февраля (8 марта) 1703 г. были направлены увещательные грамоты полковникам Палею и Самусю, в которых им предлагалось, между прочим, действовать против шведов³.

С другой стороны, угрожающие действия польской оппозиции, глава которой — примас — деятельно работал над организацией Варшавского съезда, безусловно, враждебного интересам Августа II, побудили русское правительство выступить 15 (26) марта 1703 г. с грамотой к Речи Посполитой, призывавшей ее к единству с королем и угрожавшей оппозиции разрывом «Вечного мира», поскольку «мы, великий государь, ... никогда его королевского величества оставити не можем и всяко мстительны тому злоначаемому делу (детронизации.— В. К.), от кого оно произойти будет, даже до искоренения оных, всеми нашими царского величества силами поднимся»⁴. Угроза эта была повторена и в сопроводительной к ней грамоте, направленной лично примасу Радзеевскому⁵. 19 (30) апреля 1703 г. примасу и Речи Посполитой была направлена новая царская грамота с протестом против детронизационных замыслов оппозиции, с угрозами принять против нее военные меры и призвать в союз в целях сохранения престола за Августом II соседние державы⁶. Однако грамота эта, полученная Долгоруким в мае, не была тогда представлена Речи Посполитой по просьбе самого Августа II, не видевшего в ней пока необходимости⁷.

Другим, не менее серьезным препятствием, оказавшимся на пути русской дипломатии, явилось иностранное посредничество в Польше, поддерживавшее в короле и его сторонниках мирные настроения. Долгорукий энергично, хотя далеко и не всегда успешно, боролся против иностранного посредничества. Он убеждал посланников морских держав в бесполезности этой затеи для них, а в беседе с австрийским дипломатическим агентом в феврале 1703 г. угрожал заключением франко-русского союза в случае продолжения Австрией посредничества⁸. К такой резкой постановке вопроса принуждала Долгорукого позиция, занятая державами «Великого союза», которые добивались сепаратного шведско-саксонского мира⁹.

Вместе с тем были предприняты усилия к тому, чтобы довести до конца начатые в Торуне польско-русские переговоры о союзе. Русское правительство считало, что переговоры эти выгоднее будет продолжить в Москве, где назначенные для этой цели послы будут находиться под русским влия-

¹ «Письма и бумаги...», т. II, стр. 123.

² Там же, стр. 122—124.

³ Там же, стр. 461.

⁴ Там же, стр. 134.

⁵ Там же, стр. 131—132.

⁶ Там же, стр. 141—149.

⁷ Там же, стр. 516.

⁸ Там же, стр. 542—543; Дела польские, 1703, № 8, лл. 70—71.

⁹ Дела польские, 1703, № 8, л. 69.

нием, а не под влиянием тех сложных и противоречивых событий, борьбы взаимно исключающих интересов и столкновений различных мнений, которые наполняли политическую жизнь польского шляхетского общества. Стремление русских дипломатов закончить дело польско-русского союза у себя в России становится совершенно очевидным из февральской депеши Долгорукого, написанной в ответ на соответствующую инструкцию от боярина Ф. А. Головина. «По писму вашему, — говорилось в ней, — о послах полских в Москве, как возможно, домогатца стану, толко того без сейму или без сенату консилиум учинить невозможно. Также и денги, смотря по здешнему делу, в помочь обещать Речи Посполитой буду»¹. Ближайшие события вполне оправдали предвидение русского посланника. Русско-польские переговоры не были перенесены в Россию, а возобновились в Речи Посполитой в период заседания Мальборгского съезда. Подробные сведения о них мы находим в депешах Долгорукого от 23, 25 и 30 апреля (4, 6, 11 мая) 1703 г. В первой из них была описана конференция, состоявшаяся 16 (27) апреля 1703 г. между ним, сенаторами и земскими послами, «на которой объявил (он. — В. К.) склонность его монаршескую, и в помочь Речи Посполитой на войско денги: сто пятьдесят тысяч рублей, сто тысяч займы, а третью долю — пятьдесят тысяч займу. Отдавать оную могут на три части, на которые сроки написано будет в союзных договорах»².

Русские условия, согласно сообщению Долгорукого, были благожелательно приняты поляками. «За что сенатори и послы милость его царского величества благодарно принимают, — говорится в его депеше по поводу полученного им в конце конференции ответа, — и желают в войне быть с его царским величеством против общего неприятеля»³. Последние, однако, выставили со своей стороны два серьезных контрпредложения. Они просили оказать Речи Посполитой помощь путем посылки отряда пехоты и содействия в деле возвращения Палеем Белой Церкви⁴. Долгорукий ограничился уклончивым, хотя и обнадеживающим, ответом. «О чем им говорено, — писал он, — что его царское величество за склонность Речи Посполитой, как возможно, с свою сторону труждатца и помогать в том будет, токмо б они, Речь Посполитая, в олианц вступили и во всем на его царское величество надежны были»⁵. Посланник надеялся на успешный исход переговоров⁶.

Между тем оппозиция со своей стороны принимала все меры к тому, чтобы сорвать переговоры. В этих целях ее агенты всячески усиливали слухи о намерении Турции возобновить войну против России⁷, на которую ее, как кажется, и на самом деле подталкивал крымский хан⁸. Русскому посланнику лишь с большим трудом удалось разубедить поляков, поверивших было в неизбежность скорого возобновления русско-турецкого конфликта⁹.

¹ Дела польские, 1703, № 8, л. 46.

² Там же, 126.

³ Там же.

⁴ «Также просительно упоминались, — говорилось далее в депеше, — о пехотных войсках себе в помочь и еще его царское величества просили, дабы изволил помочь в казацких бунтах и отдать Белую Церковь Речи Посполитой, чтоб они могли купно воевать неприятеля» (там же, лл. 126—127).

⁵ Там же, л. 128.

⁶ «И чаю, — писал он, — ...с нынешней рады для союзных договоров назначат послов с полной мочью или, не опустя времени, начнут со мною трактаты делать» (там же).

⁷ Там же.

⁸ Дела молдавские, 1702, № 1, л. 48. Письмо Кастрюта к Головину от 18 (29) октября; л. 55. Письмо Кантакузина к Корбе от 9 (20) декабря.

⁹ Дела польские, 1703, № 8, л. 127.

Положение Долгорукого было облегчено вмешательством австрийского посланника, выступившего перед радой с общими призывами к миру, совершенно не удовлетворившими собравшихся¹. Долгорукий был приглашен на заседание съезда, где он снова выступил с предложением русской денежной субсидии, из которой 100 000 руб. давалось в займы Речи Посполитой на три-четыре года после окончания войны. Поляки выставили новые условия союза, потребовав, чтобы все 150 000 руб. были переданы Речи Посполитой в качестве помощи, а не на условиях займа. «Весь сенат,— говорится в депеше русского посланника от 25 апреля (6 мая) 1703 г.,— с великим желанием просили той обещанной монеты всех без займа»². Кроме того, поляки продолжали настаивать на присылке царем в помощь им отряда пехоты. «Однако, той пехоты по прошению их (Долгорукий.— В. К.) не обещал, только говорил разговором: если возможно, то его царское величество разве укажет дать»³. Поляки добивались также вмешательства России, направленного против восстания на Украине.

Таким образом, в результате переговоров не было достигнуто согласованного решения. Дважды в течение Мальборгского съезда обе стороны сходились для переговоров на конференции и оба раза оставались при своем мнении. Несмотря на наличие разногласий, Долгорукий продолжал надеяться на благоприятный исход порученной ему миссии. В этом настроении укрепляли его прежде всего решения Мальборгского съезда, выразившего желание и поручившего королю ведение союзных переговоров с Россией⁴.

Пользуясь этим, русский посланник сразу же после окончания совещаний в Мальборге начал настаивать перед Августом II на скорейшей отправке в Россию польского посольства⁵.

Но тогда выяснились те главные препятствия, которые все еще продолжали стоять на пути установления русско-польского военного союза. Во-первых, мирные настроения не были еще полностью изжиты среди польских сторонников короля Августа II; во-вторых, сам Август все еще продолжал надеяться на мирный исход столкновения со Швецией, в чем убеждали его иностранные посредники. Все это осложняло деятельность русской дипломатии в Речи Посполитой. «Однако ж,— писал Долгорукий Головину,— поляки от миру не отрицаютца, ежели б неприятель показал склонность к миру безо всякого убытку Речи Посполитой с удовлетволением...»⁶. Долгорукий понимал, имея в виду политику Швеции, что такой исход дела был заранее исключен. «...Чего я болши не чаю,— продолжает он в связи с этим свою мысль.— Токмо ныне все то дело в руках и в воле королевского величества, и, как возможно, о скорой посылке послов труждацца у него, королевского величества, буду»⁷.

Однако все попытки его в этом направлении были обречены на неудачу, поскольку Август II все еще рассчитывал на примирение со Швецией. «О послах,— писал Долгорукий в депеше от 30 апреля (11 мая) 1703 г.,— я непрестанно домогаюсь, чтоб послали не мешкав, без великих церемоней. Однако королевское величество еще чрез многие факции неприятельские ожидает миру»⁸.

¹ Дела польские, 1703, № 8, л. 136, деп. от 25/IV (6/V).

² Там же, л. 137.

³ Там же, л. 138.

⁴ Там же, л. 140.

⁵ Там же, л. 141.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же, л. 149.

Упорное нежелание шведского короля отказаться от своих детронизационных планов, в связи с чем стояла новая неудача посредничества Речи Посполитой, привело к консолидации громадного большинства польской и литовской шляхты вокруг Августа II. На Люблинском сейме большинство шляхты решительно поддержало его и выступило против Швеции. Это значительно облегчило русской дипломатии дело привлечения к войне Речи Посполитой. Пользуясь создавшимся положением, Долгорукий еще во время совещаний Люблинского сейма пытался заручиться в этом вопросе поддержкой польского короля, обещая ему военную помощь против Швеции (пехотный корпус в 10 000 человек) ¹.

Польско-русские переговоры о союзе были продолжены после сейма, в период Люблинской рады Сената. Согласно сообщению русского посланника (депеша его от 22 июля (2 августа) 1703 г.), на конференции, состоявшейся между ним и польскими сенаторами, последние «объявили склонность Речи Посполитой к союзу с его царским величеством на два года и желают в скором времени безотменно совершить, за что такую данную мочь королевское величество и они, министры, от Речи Посполитой на письме за кардиналскою рукою имеют» ². Посланника смущал слишком короткий срок союза, предлагаемый польской стороной. Поэтому, ссылаясь на то, что война со стороны Речи Посполитой будет вестись во имя возвращения Инфлянт ³, он предложил заключить вечный союз. «И я им по многим разговорам,— сообщает он в той же депеше,— говорил, чтоб учинили союз против общего неприятеля с его царским величеством вечной» ⁴. Аргументы посланника все же не смогли переубедить сенаторов, хотя последние и соглашались с его мнением относительно конечных целей вступления в войну Речи Посполитой. «Министры говорили,— сообщал Долгорукий,— что им всегда его царского величества союз потребен и прибылен, и желают окончать тое войну не в скором времени с прибылью своему государству: не токмо от неприятеля за помощию его царского величества свободитца, но и дедичныя Лифлянды желают отобрать и с его царским величеством союз продолжить. Токмо же его королевскому величеству и Речи Посполитой в нынешнем времени болше тех двух лет с его царским величеством учинить алианц невозможно» ⁵. Одновременно с заключением союза с Россией, по мнению польских сенаторов, следовало добиваться присоединения к союзу Дании и Пруссии ⁶, причем Речь Посполитая готова была связать себя с ними военным соглашением на более продолжительный срок. Причиной такого странного, на первый взгляд, решения польского Сената явилось, по мнению посланника, то соображение, «что его царское величество с неприятелем вступил в тлубокую войну, ис которой изволит иметь ныне немалую прибыль, что неприятелю невозможно скоро учинить с его царским величеством миру и чтоб им, поляком, без пользы в той войне не продолжитца. За что с королевским величеством датцким и королем пруским желают неопасно продолжительной алианц учинить, разве за помощию его царского величества увидят в тех двух летех какую себе ползу» ⁷.

Таким образом, сторонников Августа II удерживало от заключения на продолжительный срок союза с Россией стремление избежать затяжного

¹ Дела польские. 1703, № 8, л. 184.

² Там же, л. 252.

³ Там же, л. 253.

⁴ Там же, л. 252.

⁵ Там же, л. 253.

⁶ Там же, л. 254.

⁷ Там же, л. 255.

и решительного конфликта со Швецией. Между тем русские успехи в Прибалтике и упорное стремление России пробиться к берегам Балтийского моря создавали серьезные опасения, что русско-шведский конфликт приобретет именно такой характер. Сенаторов, разумеется, привлекала перспектива возвращения Речи Посполитой Инфлянт. Однако опасения за исход решительного столкновения со шведами действовали охлаждающе. Брава верха та точка зрения, что ближайшей и основной целью Речи Посполитой должно быть изгнание шведов со своей собственной территории, иными словами, русско-польский союз должен был служить целям преимущественно оборонительным. Конечно, в случае успешного исхода военных действий в ближайшие годы должны были появиться стремления наступательные. В таком случае на очереди оказалась бы пролонгация союзного договора с Россией. «А когда де Речь Посполитая в тех двух летех ото общей войны увидит ползу,— заверяли в связи с этим русского посланника сенаторы,— то и сами далее союзу с его царским величеством пожелают»¹.

Такая позиция польского Сената представляет серьезный интерес потому, что показывает оценку им характера русско-шведского столкновения в Прибалтике. По мнению польских сторонников Августа II, именно это столкновение являлось в данный момент основным международным противоречием на севере Европы. Россия и Швеция, а не Речь Посполитая и не Саксония являлись главными борющимися силами. Что же касается Речи Посполитой, то относительно ее выводы напрашиваются сами собой. По мнению Сената, Речь Посполитая являлась промежуточным этапом на пути решительного наступления Швеции против России. Признание чрезвычайно знаменательное.

Прекрасно ориентируясь в польских условиях, Долгорукий не мог не понимать и того, что такой короткий срок польско-русского союза, как два года, не мог полностью обеспечить военно-политических интересов России. Поэтому вполне понятны те энергичные шаги, которые он предпринимал, чтобы убедить поляков отказаться от выставленного ими двухгодичного срока. Прежде всего следовало убедить высказаться против него Августа II, пользуясь при этом тем обстоятельством, что в решениях сейма, разрешавших союз с Россией, не было указано такого срока. В переговорах посланника с королем Долгорукий требовал от Августа поддержки своей позиции, ссылаясь на то, что «его королевскому величеству и министром Речь Посполитая дала мочь делать алианц, как потребно, а не на такое краткое время»².

Но Август II упорно не желал согласиться с русским посланником. В переговорах с Долгоруким он высказался в том смысле, что при всех обстоятельствах России необходимо стремиться к скорейшему завершению переговоров, хотя бы союз и был заключен всего на два года. Впоследствии он обещал всячески содействовать продолжению этого союза, требуя, однако, чтобы русская сторона предоставила Речи Посполитой возможность в течение двух лет извлечь реальную выгоду из договора с Россией³. Позиция польских сенаторов полностью разделялась Августом, разумеется, отнюдь не в силу бескорыстной любви его к Речи Посполитой. Участие в войне Речи Посполитой означало вместе с тем и участие в ней Августа в качестве саксонского курфюрста, он стремился прежде всего обеспечить свои собственные интересы.

¹ Дела польские, 1703, № 8, л. 254.

² Там же, л. 255.

³ Там же, л. 256.

Участие в тяжелой и продолжительной борьбе между Россией и Швецией за Прибалтику требовало больших усилий от Августа. Более того, он опасался, что Петр I не захочет ограничиться Ижорой и Карелией и в конце концов предъявит претензии на всю остальную Прибалтику. Поэтому для Августа наиболее выгодным был двухгодичный срок польско-русского союзного договора, поскольку в таком случае Россия оказалась бы в положении заинтересованной стороны, которая постоянно искала бы укрепления этого союза и вынуждена была бы при этом идти на известные уступки Августу. Стремление решительно заинтересовать Россию в польском и саксонском союзе и таким образом заставить ее служить его собственным политическим интересам — таков смысл позиции, занятой Августом II во время его переговоров с русским посланником.

Долгорукому не оставалось ничего иного, как согласиться с условиями короля и сенаторов. В конечном итоге и такое половинчатое решение вопроса о польско-русском союзе представлялось достаточно выгодным, так как по крайней мере на два года должно было приковать шведскую армию к Речи Посполитой. «Однако, — писал в связи с этим Долгорукий боярину Головину, — в том не изволте сумневатца, чтоб я то пропустил. Естли станут меня принуждать гораздо, то я с ними в трактаты вступать буду, не дождавсья для продолжения времени указу. Мне мнитца, что и сие нам опустить не надобно»¹.

Что же касается условий, на которых сенаторы, ведшие переговоры с Долгоруким во время Люблинской рады Сената, соглашались пойти на заключение двухгодичного трактата с Россией, то они сводились к условиям, сформулированным во время Мальборгского съезда: Россия должна была оказать помощь деньгами и пехотой и помочь в деле возвращения Речи Посполитой занятой Палеем Белой Церкви². Несмотря на то, что Долгорукий соглашался на подписание двухгодичного союзного договора, польско-русские переговоры и на этот раз не привели ни к каким серьезным последствиям по вине польской стороны. Продолжали играть свою роль мирные настроения среди польских сторонников Августа II и его самого.

В конце августа 1703 г. Август II сообщил Долгорукому о полном провале иностранного посредничества при шведском дворе. Русский посланник снова поставил вопрос о возобновлении польско-русских переговоров. Король обещал поручить это дело одному из польских министров³.

Между тем положение русского посланника значительно упростилось вследствие того, что «о Белой Церкви, слава богу, ныне от поляков утихло»⁴. Поэтому Долгорукий считал, что «зело надобно до времени с Палеем ни в какие дела не мешатца. А когда поляки в союзе будут, тогда и Палей бес труда, чаю, похочет отдать оную Речи Посполитой. А естли будет случай, буду о том писать к гетману Мазепе. И не худо то, что оная до времени будет при Палее»⁵. По мнению Долгорукого, при новых условиях украинское движение из фактора, тормозившего деятельность русской дипломатии в Речи Посполитой, превращалось в фактор, благоприятствующий ей.

Зато в другом отношении положение русского посланника оказалось гораздо более сложным, чем в середине 1703 г. Если прежде в результате энергичного выступления Люблинского сейма в защиту Августа II деятель-

¹ Дела польские, 1703, № 8, л. 256.

² Там же, л. 255.

³ Там же, л. 293, деп. от 26/VIII (6/IX).

⁴ Там же.

⁵ Там же, лл. 292—293.

ность оппозиционных элементов была существенно ограничена и даже сам прима́с вынужден был временно отойти от своей ориентации на Швецию; то теперь возобновлению польско-русских переговоров и успеху их препятствовала усилившаяся деятельность польской оппозиции прежде всего в Великой Польше. Упорная осада Торуня Карлом XII активизировала оппозицию. В случае падения этого города вся балтийская торговля Речи Посполитой, шедшая через Гданьск, оказалась бы в шведских руках. Шляхта, заинтересованная в вывозе хлеба, не могла не считаться с этой возможностью, что оказывало влияние на настроение довольно широких шляхетских кругов.

Перспектива падения Торуня серьезно беспокоила и Долгорукого, считавшего, что после захвата ее шведами, когда враг «у поляков проход ко Гданьску удержит и хлеба не пропустит, отчего их все полское государство состоит», то «они (поляки.— В. К.) и богу солгут, не токмо нам»!

Деятельность русского посланника осложнялась также оппозиционными настроениями, которые существовали при саксонском дворе и оказывали влияние на Августа II, определяя мирный характер его политики. При саксонском дворе прямо говорили о беспечности войны, поскольку Ливонии получить не удастся все равно, «а о Лифляндях и не думают,— писал в связи с этим Долгорукий,— знают, хотя б в их были руках, то поляки и поглядеть не дадут»². При таких обстоятельствах Долгорукому казалось гораздо более целесообразным начинать с русско-саксонского союза, чтобы затем с помощью самого Августа II закрепить его русско-польским³.

* * *

Переговоры о возобновлении русско-саксонского союза начались в январе 1703 г. Август II, оказавшись в чрезвычайно затруднительном военном и финансовом положении (с этим связаны и хлопоты о займе при берлинском дворе), был вынужден принять предложения Петра I, желавшего вести переговоры в Москве, и направил туда в качестве чрезвычайного посланника своего генерал-адъютанта полковника Арнштедта с просьбой о военной и финансовой помощи. 14 февраля 1703 г. Август обратился к Петру с собственноручным посланием по этому поводу⁴. Возобновлению переговоров способствовало и серьезное укрепление его польских позиций, ставшее очевидным уже с конца 1702 г.

Переговоры, в которых с саксонской стороны участвовали Арнштедт и Кенигсек, а с русской — Головин и Паткуль, закончились 10 (21) апреля 1703 г. Саксонским уполномоченным было объявлено о решении царя оказать королю военную помощь, направив в Речь Посполитую 10-тысячный корпус пехоты, и предоставить денежную субсидию в размере 200 000 руб. под залог г. Могилева и могилевской экономии. Соглашение это должно было быть подтверждено путем подписания нового русско-саксонского союзного договора⁵. Первые 100 000 руб. должен был передать смоленский воевода назначенному к тому времени Августом комиссару, как только им будут предъявлены его полномочия, а «также и от столника князь Григория Долгорукова письмо и королевская закладная и указ об отдаче могилевской

¹ «Письма и бумаги...», т. II, стр. 599.

² Там же, стр. 599—600.

³ Дела польские, 1703, № 8, л. 310.

⁴ «Письма и бумаги...», т. II, стр. 150.

⁵ Негтап. Geschichte des Russischen Staates. Hamburg, 1849, В. IV, S. 157—158; «Письма и бумаги...», т. II, стр. 522.

экономии за его королевскую рукою печатью»¹. Комиссар с переданной ему суммой мог быть отпущен к польско-саксонскому двору лишь после того, как назначенный для оккупации могилевской экономии полк Петра Головина войдет в Могилев². Что же касается остальных 100 000 руб., то смоленскому воеводе поручалось объявить комиссару, что они будут переданы Августу в июне 1703 г.³ 10 (21) апреля 1703 г. Петр обратился с личным посланием к Августу⁴. Повидимому, одновременно с этим об исходе русско-саксонских переговоров было сообщено Долгорукому. Последний в свою очередь известил о нем Августа, который, однако, отказался ратифицировать московское соглашение, ссылаясь на невозможность для него при создавшихся в Речи Посполитой условиях согласиться с пунктом о залоге могилевской экономии⁵.

Но это еще не означало полного срыва русско-саксонских переговоров. Для продолжения их направлялся в Россию с новыми инструкциями камергер Вицлебен. Одно замечание в упомянутой выше депеше Долгорукого от 19. (30) мая свидетельствует даже как будто в пользу того, что и самый вопрос о закладе городов Речи Посполитой не исключался совершенно, но, по мнению саксонского кабинета, последний должен был произойти в несколько иных условиях («зело сие надобно делать секретно»).

Военные и финансовые затруднения, которые испытывал Август II, заставляли его в течение всего этого времени не только поддерживать тесные связи с русским правительством, но и искать его помощи особенно в связи с тем, что с каждым месяцем успех посредничества держав «Великого союза» при шведском дворе становился все более и более сомнительным. В начале февраля 1703 г. Август II вынужден был обратиться к Долгорукому с просьбой побудить Мазепу оказать помощь коронному войску в случае движения неприятеля под Львов, подчеркивая, что «тем случением войск царского величества болши всего мочно привести в союз Речь Посполитую»⁶. Долгорукий согласился с мнением Августа II и направил Мазепе соответствующие инструкции⁷. 28 февраля (11 марта) 1703 г. в депеше к боярину Головину Долгорукий вторично подчеркивал необходимость оказать военную помощь коронному войску на случай столкновения его со шведами. «Зело потребно ему, гетману Мазепе, — писал он в ней, — во всех надлежащих делах сносить с ними, с коронными гетманами, и как возможно, им помочь войском, понеже тем к союзу Речи Посполитой есть приступ не малой»⁸.

Однако если для Долгорукого появление русских войск в пределах Речи Посполитой представлялось удобным случаем ускорить заключение польско-русского договора, то для Августа II перспектива совместного выступления коронного и русского войск против шведов имела еще другое значение.

Благоприятный для Августа исход борьбы за Речь Посполитую в известной мере зависел от позиции, которую займут коронное войско и коронные гетманы. Карл XII пытался привлечь коронных гетманов на свою сторону. Репрессии и вооруженные насилия были в его руках одним из

¹ «Письма и бумаги...», т. II, стр. 517.

² Там же, стр. 519.

³ Там же, стр. 523.

⁴ Там же, стр. 150—151. 5 (16) мая Петр направил Августу второе письмо с сообщением о взятии Ниеншанца и о результатах русско-саксонских переговоров в Москве (там же, стр. 160—161).

⁵ Там же, стр. 523.

⁶ Дела польские, 1703, № 8, л. 59, деп. от 3 (14) февраля.

⁷ Там же.

⁸ Там же, л. 67.

средств давления на них. Август, стремясь опереться на русскую военную помощь в борьбе со Швецией, пытался тем самым привлечь на свою сторону коронное войско. Вместе с тем он надеялся вовлечь русское правительство непосредственно в ожесточенную шведско-саксонскую борьбу за Речь Посполитую.

Итак, стремление, с одной стороны, укрепить собственные военные силы и поправить трудное финансовое положение, с другой — использовать Россию для успешного завершения своей борьбы за Речь Посполитую — таковы две основные линии, характеризующие политику Августа по отношению к России в этот период. Желая заручиться поддержкой России и учитывая ее крайнюю заинтересованность в возобновлении русско-саксонского союза, Август II пытался достичь и гораздо большего, а именно заставить Петра I подчинить русские государственные интересы саксонским.

Этим стремлением была проникнута вся инструкция, данная Августом Вицлебену, прибывшему в Государственную походную канцелярию 29 июня (10 июля) 1703 г.¹ (об отпуске Арнштедта Петр сообщил Августу особым посланием от 24 июня (5 июля))².

Основные требования, предъявленные Вицлебеном от имени Августа II, сводились к следующему:

1. Царь обещает оказать Августу помощь всеми имеющимися в его распоряжении силами. Поэтому весной 1704 г. он сам со всеми своими войсками появится на территории Речи Посполитой и будет действовать там совместно с польско-саксонской армией. В случае отхода неприятеля к Лифляндии или движения его к русским границам Август обязуется оказывать ему сопротивление.

2. Помимо этого, царь обязуется передать под саксонское командование 12 000 человек хорошо обученной и вооруженной пехоты, из которых восемь полков должны быть переданы немедленно, остальные — в середине октября 1703 г. При этом царь должен был ежегодно пополнять переданный им корпус до установленной численности в 12 000 человек и в течение шести летних месяцев снабжать его полевой артиллерией, амуницией и провиантом.

3. Царь оказывает Августу финансовую помощь в размере 200 000 руб., из которых 100 000 передаются немедленно, остальные — в первых числах октября 1703 г.

4. Денежные субсидии будут предоставляться Россией Августу и впредь. Размер их будет установлен зимой во время личного свидания монархов или, если свидание это не состоится, через специально назначенных лиц.

5. Если царь не окажет Августу денежной помощи или не будет достигнуто соглашение об ее размере, союз или договор считается потерявшим свою силу³.

Таким образом, Август II стремился полностью подчинить своим интересам русские военные усилия в противовес сложившемуся уже русскому стратегическому плану, согласно которому Россия должна была нанести основной удар в Прибалтике, освобождая себе выход к морю, требовал переноса основного стратегического удара русской армии на территорию Речи Посполитой. С помощью русской армии он рассчитывал успешно закончить свою борьбу с Карлом XII за Речь Посполитую и даже изгнать его из ее пределов. Русские интересы требовали иного решения этого вопроса. Для петровской дипломатии главным было обеспечить успех русских

¹ «Письма и бумаги...», т. II, стр. 570.

² Там же, стр. 183.

³ Там же, стр. 587—588.

военных действий в Прибалтике. Для этого нужно было только добиться участия в войне Речи Посполитой и Августа II, оказать им необходимую военную и финансовую помощь, что представлялось вполне достаточным для того, чтобы задержать Карла XII в Речи Посполитой и там измотать его силы. Такое решение означало вместе с тем и наиболее легкий для России ход войны со Швецией.

Помимо всего прочего, предложенный Августом II план военных действий был сопряжен с большим военным риском, поскольку в случае нового решительного успеха шведской армии Россия легко могла бы снова оказаться в положении, сложившемся для нее после сражения под Нарвой. Предложение Вицлебена было неприемлемо для Петра.

Настаивая на этом плане, Август стремился также к тому, чтобы и на будущее обеспечить себя постоянной финансовой поддержкой России. Поэтому сохранение союзных обязательств в инструкции Вицлебену ставилось в самую тесную связь с вопросом о согласии России предоставлять денежные субсидии Саксонии.

Таким образом, русские государственные интересы приходили в неизбежные противоречия с интересами Августа II¹.

Какие же условия были противопоставлены с русской стороны предложениям, выдвинутым Вицлебеном? Известное представление о них можно составить на основании инструкции, отправленной Долгорукому 16 (27) июля 1703 г. после неудачного исхода русско-саксонских переговоров. Во-первых, русское правительство соглашалось оказать Августу военную помощь пехотным корпусом численностью от 10 до 12 тыс. человек, часть которого должна была выступить немедленно, остальная — осенью, «сколь скоро исправяся возможно»². Пехота эта должна была находиться под саксонской командой, снабжаться Россией полевой артиллерией и амуницией, а в течение шести летних месяцев Россия соглашалась оплачивать ее пропитание³. После соединения русской пехоты с саксонским войском Август обязывался «против неприятеля наступательно действовать», а в случае отхода неприятеля с территории Речи Посполитой преследовать его, «дабы всех его неприятельских сил на одного нас, великого государя... не допустить, или ко общему благоизобретению трудится оба свои войска соединить и общими силами на неприятеля наступить»⁴.

Во-вторых, русское правительство обязывалось немедленно предоставить королю денежную субсидию в размере 100 000 руб. «без всякой заплаты». Другие 100 000 соглашалось «отдать сего ж году по скончании сего трактату трех месяцев, в октябре по старому стиллю, его королевского величества комисаром»⁵. Россия уступала только в одном пункте, соглашаясь отказать от гарантии договора путем залога какого-либо из городов Речи Посполитой, считаясь, очевидно, с нереальностью этого⁶.

Россия соглашалась оказать Августу II необходимую ему для борьбы против Швеции военную и финансовую помощь, стремясь этим укрепить силы Саксонии и не допустить до разгрома саксонской армии в Речи Посполитой. Предложенные с русской стороны условия союза предусматривали

¹ Головин писал, например, Гр. Долгорукому по поводу предложения Вицлебена, сообщая вместе с тем и об их содержании: «Извольшь гораздо их высмотреть и какие несносные тяготы написаны» («Письма и бумаги...», т. II, стр. 588).

² Там же, стр. 589.

³ Там же, стр. 589—591.

⁴ Там же, стр. 591.

⁵ Там же, стр. 592.

⁶ Там же, стр. 593.

также возможность отказа Карла XII продолжать борьбу в Речи Посполитой и отхода его армии в Лифляндию. В этом случае Август II обязан был продолжать наступление и оказать помощь России.

Вицлебен точно придерживался своей инструкции и отказывался согласиться с русскими предложениями, что и привело в конце концов к неудаче переговоров. Первое время Петр I готов был приписать неудачу их личному упрямству саксонского уполномоченного. 12 (23) июля 1703 г. он писал Августу II: «Лист вашего величества мы получили от вашего камергера Вицлебена, в котором вы изволили вверить учинить достойное обязательство с нами, каким образом впредь и ныне поступать обще возможно. На что мы всем намерением нашим с любовию к вашему величеству пространно с оным разговаривали и доволное удовольствие предлагали; но оной тако в том чрезвычайно явился, что мы больше с ним ничего делать не могли, и чаем, что то его необыкновенное упрямство кроме воли вашего величества суть»¹. Подобным образом объяснял срыв переговоров Петр I и в письме к Долгорукому от 12 (23) июля. «...Не могли,—говорилось в нем,—с сим посланным учинить, яко с чрезвычайным упрямым»². На самом деле это было не так.

Письмо самого Вицлебена, отправленное им 9 августа 1703 г. из Пскова А. Д. Меншикову³, и заявление Долгорукого⁴ свидетельствуют о том, что саксонский уполномоченный строго придерживался данной ему инструкции. Письмо Вицлебена выясняет и те основные разногласия, которые не удалось преодолеть в ходе переговоров. Разногласия эти касались двух пунктов:

1. Вицлебен настаивал на уплате субсидии векселями, в то время как с русской стороны предлагали выплачивать их мелкой московской монетой, что представляло крайние неудобства для Августа II.

2. Вицлебен настаивал на включении в договор «остерегательной статьи», согласно которой сохранение союзных обязательств на будущее ставилось в самую тесную зависимость от согласия России продолжать и впредь оказывать денежную помощь Августу, о чем должно было быть достигнуто впоследствии особое соглашение. С русской стороны энергично возражали против включения в договор такого пункта⁵.

Примиришь эти противоположные точки зрения оказалось совершенно невозможным. Следствием этого было глубокое недовольство между договорившимися сторонами, которое сказалось в личных неприязненных отношениях, сложившихся между Головиным, руководившим переговорами с русской стороны, и Вицлебенем. Последний даже дошел до того, что обвинил Головина в шведских и стрелецких симпатиях. Именно так были поняты начальником Посольского приказа слова в письме Вицлебена к Меншикову⁶: «Разве могут те, которые естли не Свейския, то однакож, по последней мере стрелецкие сердца имеют, и его царского величества умножения и потому и войны против шведа и дружбы с королем Полским не желают видеть, его царскому величеству сей, яко им способной, вымысл

¹ «Письма и бумаги...», т. II, стр. 215. Также см. письмо Петра к Августу II от 18 (29) июля и от 29 июля (10 августа) 1703 г. (там же, стр. 221, 223).

² Там же, стр. 219.

³ Там же, стр. 667—672.

⁴ Долгорукий писал по этому поводу 26 августа (6 сентября) 1703 г. Головину следующее: «Не изволте сумневатца, чтобы Вицлебен делал от своего упрямства, что и здесь со мною в трактатах и в разговорах такое ж от них есть пристрастие и неспосные запросы...» (там же, стр. 598; Дела польские, 1703, № 8, л. 293).

⁵ «Письма и бумаги...», т. II, стр. 669.

⁶ Там же, стр. 672.

внушати, что королю Полскому не верить, но так в нужде его держать надлежит, дабы он всегда у его царского величества что искати имел»¹.

Недоверие к Августу, несомненно, имело место, ибо его политика часто оказывалась в конфликте с государственными интересами России. Цитированное выше письмо Вицлебена раскрывает также причины, вследствие которых польско-саксонский двор решился занять такую непримиримую по отношению к своему союзнику позицию. Нуждаясь в русских войсках и субсидиях, Август II рассчитывал, однако, что ему удастся принудить Россию согласиться с его условиями. Попытка оказать давление на Россию осталась безрезультатной. Россия внимательно следила за всем, что делалось в Речи Посполитой, за общим ходом шведской политики в Речи Посполитой и не желала подчинять свои интересы интересам саксонским.

* * *

Неудача летних русско-саксонских переговоров не снимала, однако, вопроса о возобновлении русско-саксонского союзного договора. Обстоятельства складывались так, что обе договаривавшиеся стороны оказывались в равной мере заинтересованными в нем: Россия — для того, чтобы окончательно развязать себе руки в Прибалтике, Август — чтобы укрепить свое военное и финансовое положение в случае продолжения войны со Швецией, тем более, что надежды на мир были мало реальными.

Возобновление переговоров русским правительством было поручено Долгорукому², которому 16 (27) июля была направлена изложенная выше инструкция³. О принятом решении возобновить переговоры в Речи Посполитой 12 (23) июля 1703 г. Петр I лично сообщил Долгорукому, настаивая вместе с тем на необходимости договориться с Августом о личном свидании его с царем или «буде же того невозможно учинить, чтоб кто иной знатной прислан был для оного»⁴. Петр I при встрече с Августом или полномочным представителем его рассчитывал добиться координации русских и саксонских военных усилий. В помощь Долгорукому для проведения переговоров в Речь Посполитую направлялся Паткуль, о чем было сообщено русскому посланнику и Августу II⁵. С другой стороны, русской военной помощи продолжал добиваться и сам Август II⁶.

Одновременно с русско-саксонскими переговорами русское правительство поставило вопрос и о русско-польских переговорах. Как видно из помет Головина на депеше Долгорукого от 22 июля (2 августа) 1703 г., рассказывающей о ходе польско-русских переговоров после окончания Люблинского сейма, русское правительство полностью одобряло деятельность русского посланника в Речи Посполитой. Против того места, где Долгорукий сообщал о своем решении пойти на заключение даже только двухгодичного союза, Головиным была сделана следующая заметка: «Зело изрядно, и надобно, чтоб делал»⁷. По мнению Головина, в трактате следовало, кроме того, оговорить желательность продолжения союза по истечении двухгодичного срока, указать, что в продолжение этих двух лет оба государства будут

¹ «Письма и бумаги...», т. II, стр. 670.

² Там же, стр. 215.

³ Там же, стр. 589—593.

⁴ Там же, стр. 216.

⁵ Там же, стр. 220.

⁶ Там же, стр. 229, 656.

⁷ Там же, стр. 637, прим.

вести наступательную войну и что новый союзный трактат не должен нарушать условия «Вечного мира» 1686 г.¹

В результате включения этих пунктов в союзный договор с Речью Посполитой для русской дипломатии была бы облегчена борьба за польский союз в будущем. Кроме того, пункт о наступательной войне против Швеции ликвидировал бы фактически оборонительный характер союза, который по существу стремилась придать ему польская сторона, а Речь Посполитая взяла бы на себя обязательство продолжать войну и в том случае, если бы шведские войска очистили польскую территорию, в течение двух лет или во всяком случае от момента выхода или изгнания шведских войск с территории Речи Посполитой до истечения срока действия польско-русского союзного трактата. Наконец, гарантия «Вечного мира» являлась бы гарантией против опасности польско-шведского антирусского блока. Важно отметить совпадение, которое обнаруживается во взглядах русского правительства как на трактат с Саксонией, так и на трактат с Речью Посполитой. И в том и в другом документе стремились заранее обеспечить себя от перспективы бороться со Швецией один на один, что могло бы случиться в результате изгнания шведских войск с территории Речи Посполитой или добровольного отступления их оттуда.

В соответствии с этим и согласно указаниям самого царя² 31 августа (11 сентября) 1703 г. Головин направил Долгорукому дополнительную инструкцию. В ней еще раз напоминалось о необходимости ускорить переговоры и «о персональном свидании королевском з государем»³. В крайнем случае, если окажется, что Август II «станет упорно стоять при тех статьях, которые Вицлебен здесь предлагал, и по твоим многим предложениям он не отступит», посланнику поручалось добиться только отсрочки переговоров, чтобы еще раз связаться со своим правительством⁴. Разрыв переговоров, таким образом, считался совершенно недопустимым.

Вместе с тем посланнику поручалось довести до конца и начатые еще в 1702 г. русско-польские переговоры. Ему разрешалось даже «все денги даром отдать, которые ты что займы им объявил, а к миру ж их не допустить»⁵. Необходимо было только вести переговоры так, чтобы новый трактат не нарушал старых союзов России с Августом II и «Вечного мира» 1686 г. «И zelo изрядно, что с поляками вступить в союз нынешней, — говорилось в инструкции Долгорукому, — только zelo остерегатца надобно, дабы не повредить прежняго учиненного вечного миру с поляки, что как были великие послы, также и королевских договоров»⁶. Более того, русское правительство настаивало даже на том, чтобы пункт, гарантирующий сохранение «Вечного мира», был прямо включен в союзный трактат с Речью Посполитой, чтобы таким образом уберечься от возможных польских претензий в будущем на часть Украины, находившуюся в составе России. «Сие для того надобно, — говорилось далее в инструкции, — что в тех договорех имянно уступлена вечными времяны Малая Россия и прочая завоеванное от них; дабы тем договором весьма подтвержен был тот вечной договор»⁷.

Что же касается выдвинутых поляками требований, относительно Белой Церкви, то посланнику для его сведения сообщалось, что «для Белой

¹ «Письма и бумаги...», т. II, стр. 637, прим.

² Там же, стр. 238—239, 642.

³ Там же, стр. 643.

⁴ Там же, стр. 644.

⁵ Там же, стр. 643.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 645—646.

Церкви и Палея указал великий государь быть гетману Мазепе к Москве; и, чаю, — указывал Головин, — конечно будет в октябре и что положено будет такое намерение, о том ведомость к тебе учино нарочно чрез присланного»¹. Долгорукому поручалось заявить Речи Посполитой, «что царское величество немалое в том попечение имеет, как бы у того бунтовщика оную (Белую Церковь. — В. К.) из рук вон взяти и им, поляком, отдать; что и самому царскому величеству немалым есть от тех своевольников повреждением всей Украины, для чего ныне и гетману Мазепе быти к Москве велено для лутчаго о том совету, как бы оную от Палея возможно бес кровопролития и иного повреждения отобрать»².

Русское правительство соглашалось на предложенный Речью Посполитой двухгодичный срок союзного договора³. Однако оно считало необходимым «в том постановленном двухлетнем договоре написать, что в оные два года искать союзу с великим государем и далее, естли неприятель не вынужден будет принять полезного обоим государствам миру, дабы возможно тем союзом обоим странам во благополучное время честной и прибыточной мир общей получить...»⁴ В трактате предполагалось оговорить и наступательный характер военных операций против Швеции как с русской, так и с польской стороны⁵.

Относительно денежной помощи Речи Посполитой Долгорукий должен был объявить, что в случае заключения союзного договора до окончания войны со Швецией «объявленное число денег 150 000 рублей... царское величество изволит дать им на войско вспоможение без закладу, не спрашивая их впредь себе...»⁶ Но «буде до скончания войны в союз не вступят, то обещанное им число от милости твоей (Долгорукого. — В. К.) денег без заплаты 50 000, да 100 000 взаймы царское величество дати изволяет...»⁷. В счет этих денег должны были войти и те 30 000 руб., которые были переданы русским правительством литовским конфедератам⁸. Наконец, Россия обещала оказать военную помощь Речи Посполитой, о чем должен был сообщить ей Долгорукий⁹. Она стремилась этим не допустить создания общего польско-шведского блока против нее, избежать единоборства со Швецией и не допустить выхода Речи Посполитой из войны через два года. Те же цели преследовали и сформулированные русским правительством условия в период переговоров его с Видлебенем. Россия и в этом случае шла на довольно существенные уступки, соглашаясь отказаться от передачи ей в заклад части польской территории и предоставить Августу II субсидии в размере 100 000 руб. «без всякой заплаты». В конечном итоге русское правительство готово было, повидимому, пойти еще дальше.

Объяснение подобной уступчивости русского правительства мы находим прежде всего в разобранной уже нами инструкции Головина Долгорукому от 31 августа (11 сентября) 1703 г., в которой Головин прямо ссылался

¹ «Письма и бумаги...», т. II, стр. 644. Головин, как это видно из доклада его царю, не возражал даже против передачи Белой Церкви полякам, но считал нужным посоветоваться прежде с Мазепой. «О Белой Церкви, — говорилось в его докладе, — хотя и мочно учинить, чаея бы, для служения нашего гетмана, толко, не выдався с ним, трудно силно обнадежить» (там же, стр. 238).

² Там же, стр. 646.

³ Там же, стр. 645.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 646.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

на крайнюю необходимость предотвратить угрозу польско-шведского мира¹. Последняя рассматривалась, повидимому, как вполне вероятная в обстановке постоянных посреднических усилий держав «Великого союза» и неизжитых мирных настроений в политике Августа II, вынужденного в своих действиях все время оглядываться на растущую оппозицию его широкой внешней политике в Саксонии. Правда, политика Карла XII, проводимая им до сих пор, исключала всякую возможность сепаратного шведско-саксонского примирения. Однако в свете событий Люблинского сейма, решительно выступившего в защиту королевской короны Августа II и предложившего Карлу XII новое посредничество Речи Посполитой, сопроводив его угрозой объявления войны, дальнейшая политика Швеции представлялась недостаточно ясной. Между тем в силу ряда обстоятельств посредничество западных держав и попытки Августа II найти мирный выход из конфликта со Швецией были обречены на неудачу. Люблинский сейм не только не был шагом к миру со Швецией, но, скорее, был решительным поворотом Речи Посполитой в сторону войны с нею. Шведская политика вынуждала польскую шляхту подняться на защиту Речи Посполитой. Рассматривая деятельность русской дипломатии в этих условиях, можно, кажется, говорить об известной переоценке ею опасности шведско-польского соглашения. Вместе с тем, однако, необходимо учитывать то обстоятельство, что летом 1703 г., когда перспективы дальнейших событий не были еще настолько очевидными, русское правительство вынуждено было считаться и с другой возможностью — с угрозой польско-шведского соглашения и стремиться во что бы то ни стало не допустить его, тем более, что этого же мнения держался и русский посланник в Польше, считавший, что в крайнем случае следует принять все поставленные Речью Посполитой условия².

Таковы те основные причины, в силу которых Россия согласна была пойти на новые уступки Речи Посполитой и даже несколько изменить свое отношение к саксонским предложениям, переданным ей Вицлебенем.

* * *

Положение русского посланника в Польше должно было как будто несколько укрепиться благодаря постоянным неудачам посреднических попыток держав «Великого союза». Но последние не прекращали их и в дальнейшем, с чем вынуждено было серьезно считаться русское правительство. Зато в результате успеха прусско-шведских переговоров о союзе исчезла всякая надежда на вступление в течение ближайшего времени в войну не только Пруссии, но и Дании. Саксония и Речь Посполитая оставались, таким образом, единственными державами, на которые могло еще рассчитывать русское правительство. Это в свою очередь вело к тому, что вопрос о польском и саксонском союзах приобретал особо важное значение.

Между тем положение в Речи Посполитой было исключительно трудным. Изгнание с Люблинского сейма великопольских послов явилось толчком к созданию великопольской конфедерации, выступавшей, правда, в защиту Августа II, но решительно требовавшей мира со Швецией³. Антисаксонский характер ее определялся прежде всего тем, что руководителями ее были лица, изгнанные с Люблинского сейма, и что в организации ее принимали участие Б. Сапега и шведы, истратившие на это 20 000 талеров,

¹ «Письма и бумаги...», т. II, стр. 643.

² Там же, стр. 637.

³ Jagóchowski. Dzieje..., стр. 344—345.

что между нею и Якубом Собеским, поддерживаемым Боняком, завязались самые тесные связи¹. Резко повернул в сторону сближения со Швецией и оскорбленный примас², поддерживавший связи с великополянами³. В августе 1703 г. шведы официально предложили заключить с конфедерацией союз, противопоставляя ее Люблинскому сейму, что принудило Августа II высказаться против нее и потребовать ее роспуска⁴.

Разделение Короны на две враждебные друг другу партии было теперь совершенно очевидным. Великопольская конфедерация, скрывая от шляхты свою враждебную Августу деятельность, направленную в согласии со Швецией и Францией на детронизацию Августа II и на передачу польской короны королевичу Якубу⁵, действовала под протекцией Швеции, под охраной шведских войск⁶. В ноябре 1703 г. она решительно высказалась в защиту Сапег и против союза с Россией, действуя вопреки решению Люблинского сейма⁷.

Существовало еще одно обстоятельство, благоприятствовавшее политике Швеции в Речи Посполитой, — это ее военные успехи в устье Вислы (осада Торуня)⁸. Летом 1703 г. положение Швеции, казалось, значительно улучшилось. В сентябре 1703 г. она открыто заявила о своем отказе принять посредничество Люблинского сейма, настаивая на детронизации Августа II⁹. После захвата Торуня (13 октября 1703 г.) шведы чувствовали себя в Речи Посполитой более прочно, чем прежде. В декабре 1703 г. они решились даже на оккупацию Эльбинга, вынудив отступить Пруссию, претендовавшую на него, и тем самым частично нарушили прусско-шведский союзный договор¹⁰.

Кроме того, после падения Торуня в их руках оказалось мощное средство экономического воздействия на широкие слои польской шляхты, так как, овладев ключевыми позициями к Балтийскому морю, они поставили под свой контроль весь хлебный экспорт по Висле, имевший тогда для польской шляхты чрезвычайно крупное значение. При оценке шведских успехов с подобным фактом прежде всего считался русский посланник при дворе Августа II. Польская оппозиция продолжала активно действовать во вред интересам России и Августа. Ей удалось сорвать переговоры о польско-русском союзе, происходившие в конце 1703 г. во время созванной Августом II Яворовской рады¹¹.

Что же могла противопоставить всем этим успехам Швеции дипломатия Августа II и его польских и литовских сторонников? Почти ничего, если не считать неудачных переговоров о союзе с Данией и планируемых, но так и не начатых переговоров с Пруссией о польско-датском и польско-прусском союзах¹². Оставалось только одно — сблизиться с Россией и искать у нее военной и финансовой поддержки для продолжения войны против Швеции. Твердая, неуклонно проводившаяся Швецией линия на детронизацию Августа II не оставляла никакого иного выбора ни Августу, ни его

¹ «Письма и бумаги...», т. II, стр. 346.

² Там же, стр. 349.

³ Там же, стр. 365.

⁴ Там же, стр. 357—359.

⁵ Там же, стр. 360—365.

⁶ Там же, стр. 365.

⁷ Там же, стр. 363.

⁸ Там же, стр. 373.

⁹ Там же, стр. 372.

¹⁰ Там же, стр. 419.

¹¹ Дела польские, 1703, № 8, лл. 355—356.

¹² Jagoschowski. Dzieje..., str. 373—375, 387.

польским и литовским приверженцам. Они составляли подавляющее большинство шляхты Речи Посполитой, и будущее показало, что образование в Короне прошведской партии не только не привело к общему ослаблению позиций Августа II в стране, но, скорее, наоборот, как это случилось уже в Литве, разделение Короны в дальнейшем только еще прочнее сплотило вокруг Августа сочувствовавшее ему большинство.

Однако в настоящих условиях русская дипломатия, добивавшаяся заключения русско-польского союза, встретила большие затруднения. В связи с деятельностью великополян и военными успехами шведов под Торунью шансы на заключение эффективного польско-русского союзного договора значительно уменьшились. «А на здешнюю сторону, на оба народа,— писал в связи с этим 26 августа (6 сентября) 1703 г. в своей депеше Долгорукий,— худая надежда: хотя с нами и в союз вступят, истинно никакова состояния доброго от них не будет»¹.

Попытка Долгорукого в конце августа 1703 г. возобновить затянувшиеся польско-русские переговоры не встретила фактически никакого благоприятного отклика. Польская сторона ссылалась на то, что судьба посредничества Речи Посполитой при шведском дворе не была еще окончательно выяснена. Русскому посланнику создавали дополнительные трудности английские, голландские и австрийские дипломаты². Правда, перспектива польско-шведского союза не беспокоила больше Долгорукого, зато ему было совершенно ясно, что рассчитывать на скорое и энергичное выступление поляков нет никаких оснований, а это означало, что вся тяжесть войны ложилась на плечи России. «Хотя б,— писал он,— по своему злему неприятельскому намерению (Карл XII.— В. К.) с собою и принудил (поляков.— В. К.), чего я болши не чаю,— истинно, как нам, так и ему того часу солгать готовы. Не изволте того и мыслить, чтоб здешние оба народа для чести или прибыли государственной что стали с трудом делать, разве для какова ни есть покою...»³

При таких условиях единственной силой, которая могла бы способствовать успеху русского дела в Прибалтике, оставалась Саксония. Между тем падение Торунни, по мнению Долгорукого, означало полную катастрофу саксонской армии, особенно если учитывать при этом возраставшую оппозицию Августу II среди саксонских правящих кругов⁴. Отсюда понятно, что главной целью русской дипломатии должно было стать срочное возобновление русско-саксонского союза, хотя и на это не было больших надежд. Следующая фраза в депеше Долгорукого от 26 августа (6 сентября): «Если увижу, что наш союз станет отдаляться, то нам надобно ходить, чтоб королевское величество перепустил нам своего войска»⁵,— свидетельствует об этом с полной очевидностью. В то же время военная слабость Саксонии и упорное посредничество в Речи Посполитой держав «Великого союза» заставляли русское правительство опасаться сепаратного шведско-саксонского соглашения. «Зело, государь, меня сумневает нынешнее бытие королевское в Варшаве,— писал в связи с этим Головин царю 31 августа (11 сентября) 1703 г.,— где и послы чужеземские: чтоб не учинили чего тайно»⁶. Опасения Головина полностью разделялись Паткулем, прибывшим в Речь Посполитую для переговоров о союзах. Вот что писал он Головину 29 авгу-

¹ «Письма и бумаги...», т. II, стр. 599.

² Jagoschowski, Dzieje..., str. 378.

³ «Письма и бумаги...», т. II, стр. 599.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 600.

⁶ Там же, стр. 648.

ста (9 сентября) 1703 г.: «Объявляют мне верные люди, что король швейцарской ныне вящее намерение на его царское величество управляет и все токмо на том стоит, дабы ему к своему намерению доступить. И хотя король польской еще по се время тому намерению мужественно супротивляетца, однакож, чают, что его состояние, егда он от денег и людей толь весьма обогажен и последи ничего не будет иметь ко иждивению, его принудит на такие договоры мира с нужды позволить, которых бы он инако никогда не принял...»¹

Об опасности шведско-саксонского мира сообщал русскому правительству и Долгорукий, писавший между прочим 7 (18) сентября 1703 г., что «чужеземские послы при дворе королевского величества непрестанно труждаютца о миру, чтоб было войско саксонское с их стороны в войне французской, за что посланник галанской обещает за перепуск войск саксонских его королевскому величеству великие денги, дабы его величество, учиня мир, отдал им свои войска...»²

В происходивших русско-саксонских переговорах о союзе, которые велись с русской стороны Долгоруким и Паткулем, встречались также известные затруднения по вопросу о денежных субсидиях Августу II. Август настаивал на увеличении русских субсидий с 200 000 и 300 000 руб., указывая вместе с тем на опасность интриг польской оппозиции, которая может заставить его в конце концов пойти на невыгодный мир со Швецией, и обещал помочь русской дипломатии в деле заключения русско-польского союзного договора³. Долгорукий, потребовав новых инструкций от своего правительства, высказывался в депеше от 7 (18) сентября в пользу удовлетворения этого требования Августа. «И естли воля его царского величества будет, — писал он, — то, чаю, возможно на тех 300 тысячах рублей союз учинить; а в предьбудущее время при договорах о помощи умолчать возможно, а те помянутые 300 тысяч рублей дать на два срока бес которых состоянию доброму быть, чаю, никоими меры невозможно»⁴.

Стремясь повлиять на решения своего правительства, он счел нужным даже подчеркнуть в конце депеши опасность срыва союзных переговоров. «Токмо опасно, — говорилось в ней, — чтоб за малым его королевского величества не отлучить, а неприятеля не обрадовать. Естли королевское величество не будет с нами в союзе, также и Речь Посполитая будет с стороны неприятельской, дабы к тому не возбудить — от чего, боже, сохрани — Крыму и Порты Турецкой»⁵. Долгорукий считал возможным при таких условиях пойти на дополнительные уступки Августу и заключить новый трактат с ним, если к тому будет необходимость, даже без получения новых инструкций из России. «Однако не изволте сумневатца, — писал он в связи с этим, — чтоб мы, видя потребное время к союзу, опустили, хотя и не дождавшись респонсу»⁶.

Итак, русский посланник считал необходимым пойти на новые уступки Августу II. Точку зрения его в известной степени разделяло и русское правительство. 30 сентября (11 октября) 1703 г. Головин направил ему дополнительные инструкции, согласно которым Долгорукий был уполномочен подписать союзный договор на условиях предоставления Августу на

¹ «Письма и бумаги...», т. II, стр. 658.

² Там же, стр. 662—663.

³ Там же, стр. 662.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 663.

⁶ Там же.

1704 г. денежной субсидии в размере 300 000 руб.¹ В качестве самой крайней уступки русское правительство соглашалось на предоставление королю 300-тысячной субсидии на 1704 г. и 200-тысячной — на все остальные годы до окончания войны². Кроме того, Августу должен был быть передан 12-тысячный русский пехотный корпус с вооружением, артиллерией и амуницией³, «к тому же годовое их жалованье и доплата людей и всякая воинская потребность давана будет царского величества, толко провиант королевское величество изволит им давать, како и своим саксонским войскам»⁴.

Инструкция 30 сентября (11 октября) не сыграла, однако, никакой роли в ходе русско-саксонских переговоров. Долгорукий получил ее только 27 октября (7 ноября) 1703 г., спустя несколько дней после того, как русские уполномоченные подписали новый союзный договор с Августом II, согласившись пойти на ряд дополнительных уступок. Уступки эти были вызваны тем положением, которое сложилось к этому времени в Речи Посполитой в результате образования великопольской конфедерации и шведских военных успехов в устье Вислы, естественным следствием чего явилась активизация деятельности оппозиционных Августу II элементов.

Чрезвычайно осложнившееся для Августа положение дел в Речи Посполитой — рост оппозиции и образование прошведской партии, катастрофическое положение саксонской армии, рост оппозиционных настроений в правящих кругах Саксонии, наконец, упорное посредничество держав «Великого союза», добивавшихся сепаратного шведско-саксонского мира, — заставляло тревожиться за позиции Августа II. Все это, казалось, делало возможность заключения шведско-саксонского сепаратного мира вполне реальной.

Итак, крайняя необходимость возобновления союзных обязательств с Саксонией в целях отвлечения главных сил Швеции с русского театра военных действий для успешного продолжения борьбы за Прибалтику — такова основная причина русской уступчивости.

Таким образом, в исходе 1703 г. вопрос о польско-русском союзе оказывался подчиненным вопросу о русско-саксонском союзе, поскольку без энергичной поддержки со стороны Августа II, без укрепления его военного положения в стране нечего было и думать о немедленном вступлении в войну Речи Посполитой. Впрочем, даже в случае удачного исхода русско-польских переговоров вступление в войну Речи Посполитой могло иметь серьезное значение только при условии энергичного ведения войны Августом II.

Таковы обстоятельства, побудившие русскую дипломатию несколько изменить свою политику и добиваться прежде всего разрешения вопроса о русско-саксонском союзном договоре. Следует отдать справедливость и русскому правительству и его дипломатическим представителям в Польше, сумевшим правильно избрать главное звено в общей цепи военно-политических мероприятий. События Яворовской рады, приведшие к срыву польско-русских союзных переговоров, полностью подтвердили ту точку зрения, что союз с Саксонией являлся делом первой необходимости и что рассчитывать на быстрый успех русско-польских переговоров пока не было оснований. Вместе с тем Долгорукий правильно оценивал значение, которое должно было иметь возобновление союза с Саксонией для привлечения к войне Речи Посполитой. Последнее, разумеется, было необходимо прежде всего Августу II, не имевшему никакой возможности воевать в случае сохранения нейтралитета Речью Посполитой.

¹ «Письма и бумаги...», т. II, стр. 663.

² Там же, стр. 664.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 665.

Союз с Саксонией являлся трамплином на пути достижения союза между Россией и Речью Посполитой.

Между тем упорное стремление Карла XII добиться ликвидации личной польско-саксонской унии, детронизации Августа II, превращения Речи Посполитой в послушного сателлита Шведской империи заранее обрекало на неудачу все посреднические усилия держав, вынуждало самого Августа II искать разрешения шведско-саксонского конфликта путем вооруженной борьбы и, наконец, вовлекало в войну Речь Посполитую.

При таких условиях, особенно если учесть тяжелое положение саксонской армии и истощение саксонских финансов, и Август II в свою очередь вынужден был искать русской помощи, стремиться к возобновлению своих союзных обязательств с Россией, стараясь, разумеется, при этом добиться наиболее выгодных для себя условий. «А потом, — сообщал Долгорукий в своей депеше от 2 (13) сентября 1703 г. о переговорах с Августом, — изволил говорить (Август. — В. К.), что опасно, не имея в Полше силы, без войска от поляков, дабы они, совокупясь с неприятелем, его королевского величества не принудили к противному миру, понеже кардинал и многие сенаторы в том немало труждаются, видя его королевского величества войск в худом состоянии, отчего злого их Полского намерения удержать без сильного войска не может»¹.

Этот дипломатический маневр в известной мере удался Августу. Он смог добиться от России дополнительных уступок. Причиной подобного поведения русской дипломатии была, как говорилось, некоторая переоценка с ее стороны опасности шведско-саксонского сепаратного мира.

Переоценка эта была, впрочем, вполне понятной, если учесть, что все зависело в конечном итоге от того, насколько правильно будут поняты окончательные цели политики Карла XII в Речи Посполитой, как далеко пойдет в достижении их шведский король.

В конкретных условиях конца 1703 г. полностью выяснить подлинные цели шведской политики было фактически невозможно. Чтобы согласиться с этим, достаточно взглянуть на весь предыдущий ход политики Саксонии, тщетно в течение ряда лет рассчитывавшей на соглашение со Швецией и предлагавшей ей даже планы частичного раздела Речи Посполитой. О конечных целях шведской политики в Речи Посполитой, как показывают факты, не лучшее представление имели и англо-голландские и австрийские дипломаты.

И если теперь, в октябре 1703 г., Август II сам шел на заключение союзного договора с Россией, то к этому принуждала его прежде всего непримиримость Швеции. С другой стороны, не исключена возможность, что в руках Августа II возобновление союза с Россией было средством давления на Швецию с целью добиться от нее согласия на прекращение войны. В пользу такого предположения свидетельствует хотя бы тот факт, что в начале 1704 г. Август еще раз выступил перед шведским двором с планом раздела Речи Посполитой².

29 ноября (10 декабря) 1703 г. русско-саксонский договор, заключенный 1 (12) октября, был ратифицирован Петром I³. В первой статье его говорилось о решении обеих договаривавшихся сторон «по силе утвержен-

¹ «Письма и бумаги...», т. II, стр. 662.

² Jagochowski, Dzieje..., str. 375.

³ «Письма и бумаги...», т. II, стр. 673.

ных прежних договоров» сохранять нерушимыми свои союзные обязательства до окончания войны со Швецией, не вступая ни в какие мирные переговоры с неприятелем без согласия другой стороны¹. Согласно 2-й и 3-й статьям его, Россия передавала на саксонскую службу под команду Августа II и его генералов 12-тысячный корпус «доброй и вооруженной московской пехоты» с амуницией и полевой артиллерией. В течение шести летних месяцев снабжение его провiantом должно было оплачиваться русским правительством².

Зато (ст. 4) Август обещал, соединив свои войска с этим вспомогательным корпусом, предпринять наступательные операции против неприятеля и преследовать его даже в том случае, если он принужден будет удалиться из Речи Посполитой в Лифляндию, «дабы всех его неприятельских сил на одного нас, великого государя, нашего царского величества, не допустить»³. В таком случае возможно было полное соединение союзных войск. Статья эта полностью отвечала русским государственным интересам и была включена в трактат, как это видно из приведенной выше дипломатической переписки, по инициативе русских уполномоченных.

Последним пришлось пойти на серьезную уступку только по вопросу о субсидиях Августу II. Вопросу этому была посвящена 5-я статья трактата. Прежде всего русские представители вынуждены были согласиться на увеличение русской субсидии до 300 000 руб. на 1704 г., а также на единовременную выдачу всей этой суммы назначенным Августом II комиссарам⁴. Что же касается субсидии на остальные годы войны, то русским уполномоченным удалось добиться отсрочки решения по этому вопросу до «персонального свидания», хотя в договоре и было оговорено обязательство русского правительства оказывать Саксонии постоянную денежную помощь. «А ныне мы (царь — В. К.) обнадежить хотели, — говорилось в нем, — что его королевскому величеству удовольствие можем и хоцем учинить»⁵. В последней (6-й) статье трактата говорилось о необходимости соблюдения его в тайне, для чего с обеих сторон был составлен другой договор, не имевший никакой силы, но преследовавший цель отвратить от Августа излишние подозрения в Речи Посполитой. Далее, союзники соглашались в том, «что ежели от которой стороны обещание не содержитца, тогда другой стороне правдою домогатися можно за учиненное изображение достойного удоволствия и награды искати»⁶. В новый договор был вставлен специальный пункт, гарантировавший России, что она не останется один на один со Швецией в своей борьбе за Прибалтику даже в случае изгнания шведских войск из Речи Посполитой. Сохранение союзных обязательств ставилось в прямую зависимость от соблюдения сторонами заключенного ими нового союзного трактата. Больше того, невыполнение их могло рассматриваться как враждебный по отношению к другой стороне акт. Это обеспечивало не только наступательные операции саксонцев и их обязательство преследовать неприятеля на случай изгнания его из Речи Посполитой, но и обязательство России оказывать Августу военную и денежную помощь до окончания войны со Швецией.

Договор носил, несомненно, компромиссный характер. Это видно не только из того, что русская сторона была вынуждена пойти на некоторые уступки,

¹ «Письма и бумаги...», т. II, стр. 293—294.

² Там же, стр. 295.

³ Там же, стр. 296.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 297.

⁶ Там же, стр. 297—298.

главным образом по финансовым вопросам, но и из того, что Августу II пришлось отказаться от условий, на которых настаивал летом Вицлебен. Причину такого компромиссного характера русско-саксонского трактата следует искать в конкретной военной и политической обстановке, которая сложилась к тому времени на севере Европы и при которой Саксония оказывалась единственной силой, способной облегчить России ее борьбу со Швецией, а Россия — единственной силой, способной облегчить тяжелое военное и финансовое положение Августа и помочь ему устоять против Карла XII. Обе стороны были в равной степени заинтересованы в возобновлении союзного трактата, причем Август, может быть, даже в большей, чем Петр. Последнее и определяет конечную оценку трактата как частичный успех саксонской дипломатии.

Этот успех был только частичным и не ущемлял коренных интересов России. Продолжение Августом войны со Швецией, а затем вступление в войну Речи Посполитой облегчало России успешное наступление в Прибалтике.

15 октября 1703 г. был подписан и так называемый «вымышленный», т. е. не имеющий силы, союзный договор с Августом II, 16 (27) ноября 1703 г. подтвержденный Петром¹. Согласно ему, Россия предоставляла Августу II заем в размере 300 000 руб. с 6% годового роста (ст. 1)² при условии ежегодной оплаты его Августом во время саксонской ярмарки векселями на сумму в 50 000 руб. (ст. 2)³. Заем этот предоставлялся Августу под залог его доходов со всех саксонских рек и «комнатных добр»⁴. Что же касается передачи на саксонскую службу русского вспомогательного корпуса, то Россия соглашалась принять на себя это обязательство только в том случае, «ежели к ближнему обязанию между его царским величеством и речью посполитою Полскою придет»⁵.

Необходимость параллельного заключения такого не имеющего никакой силы договора диктовалась двумя обстоятельствами: с одной стороны, имелось в виду предотвратить распространение опасных подозрений в Речи Посполитой, с другой — избежать вредного вмешательства в ход русско-саксонских отношений европейских государств⁶.

* * *

Изучение событий 1702—1703 гг. в Речи Посполитой позволяет сделать следующие выводы. С конца 1702 по ноябрь 1703 г. главное направление шведской политики не подвергалось никаким существенным изменениям. Швеция попрежнему стремилась к разрыву польско-саксонской личной унии и детронизации Августа II, продолжала свою политику агрессии против Речи Посполитой, грабила и разоряла страну.

Однако такой курс шведского двора вызывал все усиливавшееся сопротивление широких слоев польского народа шведской феодальной агрессии, что лишало шведские военные успехи серьезного политического значения.

Можно констатировать серьезное укрепление польских позиций Августа II к середине 1703 г., особенно в результате заседаний Люблинского сейма, решительно высказавшегося против шведских детронизационных пла-

¹ «Письма и бумаги...», т. II, стр. 288—291.

² Там же, стр. 258.

³ Там же, стр. 258—259.

⁴ Там же, стр. 259.

⁵ Там же, стр. 260.

⁶ Там же, стр. 679.

нов, против шведской агрессии и разрешившего королю вести переговоры о заключении союза с иностранными государствами.

Создались реальные предпосылки для того, чтобы довести до конца тянувшиеся с 1702 г. русско-польские союзные переговоры и возобновить русско-саксонский союзный трактат. Именно этого и добивалась русская дипломатия, стремившаяся таким образом, связывая руки Швеции в Речи Посполитой, обеспечить русские военные успехи в Прибалтике. Русские дипломаты желали обеспечить себя польско-саксонской поддержкой и в случае изгнания шведов из Речи Посполитой.

Переговоры по этим вопросам не привели летом 1703 г. к желательным для России результатам, что объясняется, с одной стороны, наличием мирных настроений в политике Августа II и Речи Посполитой, с другой — непомерными притязаниями Августа, пытавшегося заставить Россию служить только его интересам. Вследствие этого Августом II был упущен наиболее благоприятный момент для заключения как русско-польского, так и русско-саксонского союзных договоров.

Между тем осенью 1703 г. положение в Речи Посполитой изменилось к худшему: успехи под Торунью позволили Швеции добиться решающего перевеса в силах над саксонской армией и поставить под контроль весь экспорт польского хлеба по Висле, а изгнанным с Люблинского сейма великопольским послам удалось организовать враждебную Августу великопольскую конфедерацию, сотрудничавшую со Швецией. При таких условиях шансов на немедленное заключение эффективного польско-русского союза становилось слишком мало, в силу чего, естественно, значение главной задачи в русской политике приобретал вопрос о возобновлении союза с Саксонией.

В то же время усилилось стремление к возобновлению союза с Россией и со стороны Августа II. Финансы и армия его находились в критическом состоянии. К союзу с Россией толкала его непримиримость Швеции и неудача иностранного посредничества.

Новый русско-саксонский трактат носил в целом компромиссный характер. Августу II пришлось отказаться от ряда своих чрезвычайно невыгодных для России условий.

Однако в ходе переговоров Августу удалось все же добиться того, что русские уполномоченные пошли на дополнительные уступки в вопросе о субсидиях. Последнее объясняется переоценкой русской дипломатией опасности шведско-саксонского сепаратного мира.

Восстановление союзного трактата развязывало России руки для наступления в Прибалтике. Заключение русско-саксонского союза, без сомнения, означало крупный успех русской дипломатии.

Этот успех русской дипломатии станет особенно ясным, если учесть, что русско-саксонский союз являлся трамплином к более широкому союзу России с Речью Посполитой, которого теперь вынужден был добиваться прежде всего сам Август II, поскольку вне такого союза был невозможен и союз его с Россией и война его со Швецией. Но русско-польский союз должен был еще более облегчить положение России.

Высоко оценивая деятельность русской дипломатии, нельзя не указать и на трудности, которые приходилось ей преодолевать в Польше. Фактически она должна была выдерживать борьбу с усилиями всех дипломатических агентов западных держав, действовавших в Речи Посполитой.

События 1702—1703 гг. еще раз красноречиво подтвердили тот факт, что именно Россия являлась главной силой в Северной войне, преследовавшей цель окончательной ликвидации шведской феодальной агрессии в Восточную Европу.

В. И. Злыднев

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗГЛЯДЫ ИВАНА ВАЗОВА 70—80-х годов

Многолетняя борьба вокруг литературного наследия Ивана Вазова была в первую очередь борьбой прогрессивного болгарского литературоведения и критики против извращений и фальсификации творчества писателя официальным литературоведением буржуазной Болгарии. В нынешних условиях борьба завершилась торжеством взглядов передовых литераторов. В ряде исследовательских статей, в новых книгах о классике болгарской литературы критики и литературоведы народно-демократической Болгарии на конкретном материале показали, что Вазов является славой и гордостью национальной болгарской культуры и литературы, вершиной ее критического реализма в прошлом веке.

В среде прогрессивной, пролетарской критики в течение длительного времени споры велись главным образом по вопросу о мировоззрении писателя, о его месте как поэта, прозаика и драматурга в истории болгарской литературы. В связи с различным толкованием мировоззрения писателя по-разному определялись роль и значение отдельных произведений Вазова и всего его литературного наследия.

Так, например, почти все современные критики и литературоведы, занимавшиеся творчеством Вазова, единодушно пришли к выводу, что его роман «Под игом» — одно из лучших творений болгарского классика, что в нем в наибольшей степени выражены демократические тенденции и реалистическое мастерство писателя. Однако эти вопросы не нашли конкретного разрешения при изучении романа. Литературоведы неправильно освещали сущность произведения, допускали ошибочные толкования общего и частного порядка.

Не получили также всестороннего и правильного освещения повесть «Отверженные», сборники стихов «Знамя и гусли», «Печали Болгарии», цикл «Эпопея забытых» и другие произведения.

Это явилось следствием того, что общественно-политические и литературные взгляды И. Вазова в 70—80-х годах, когда создавались указанные выше произведения, не были обстоятельно и глубоко изучены.

В советском и болгарском литературоведении нет ни одной работы по этому вопросу. Последние исследования в Болгарии¹ и Советском Союзе²

¹ С. Каролов. Иван Вазов. Художествен метод и литературни позиции, София, 1951.

² С. А. Никитин. Жизненный путь и социально-политические взгляды Ивана Вазова. — «Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР», вып. 3, М., 1951.

посвящены общим вопросам социально-политических, литературных взглядов писателя. В них недостаточно уделялось внимания и важнейшему периоду в творчестве Вазова. В трудах академика Н. С. Державина¹ и в последних работах Т. Павлова² также данный период не выделяется.

Для правильного и полного раскрытия содержания лучших творений Вазова, для уяснения его творческого облика в зрелый период необходимо прежде всего выяснить его общественно-политические и литературные взгляды 70—80-х годов прошлого века, когда создавались эти произведения. В этот период в его творчестве преобладающее место занимают темы и проблемы, непосредственно связанные с национально-освободительным движением болгарского народа. В эти годы Вазов в наибольшей степени был связан с демократическими традициями своих предшественников, и тогда же наметились те колебания писателя, которые впоследствии привели его к отходу от прежних воззрений, к ошибкам и заблуждениям в последние годы творчества.

Решение этих вопросов не только поможет определить мировоззрение писателя, но и будет способствовать выяснению его реалистического метода, нашедшего выражение в конкретных произведениях и отдельных художественных образах.

Выяснение общественно-политических взглядов Вазова 70—80-х годов позволит по-новому осветить идейно-художественные достоинства таких произведений, как повесть «Отверженные», сборники стихов «Знамя и гусли», «Печали Болгарии», цикл «Эпопея забытых», роман «Под игом» и др. Здесь следует учитывать следующие особенности: некоторые из этих произведений создавались непосредственно в период национально-освободительного движения, а большинство — позже. Однако во всех этих произведениях даются портреты современников Вазова периода 70-х годов, раскрываются характеры близких и знакомых ему людей, изображаются исторические события, в которых автор принимал участие.

Основным источником для нашей работы послужили произведения Вазова — автобиографические заметки, письма, публицистические и критические статьи, художественные произведения и отдельные высказывания классика, записанные впоследствии И. Шишмановым³. Дополнительно нами привлекаются высказывания о писателе его современников⁴, а также обширная историческая и критическая литература, посвященная истории Болгарии этого периода и творчеству Вазова.

* * *

В развитии национально-освободительного движения болгарского народа, как известно, было два этапа, различных по времени, характеру движущих сил и степени участия в нем народных масс. Первый этап начался с конца XVIII в. (с выступлений Паисия Хилендарского, Софония Врачанского) и продолжался до конца 60-х годов. Во главе движения этого периода стояла зарождавшаяся национальная буржуазия.

¹ См. Н. С. Державин, Иван Вазов. Жизнь и творчество. М.—Л., 1948; статьи о Вазове, опубликованные в 1950—1951 гг. в журнале «Октябрь», в «Кратких сообщениях Ин-та славяноведения», вып. 3, предисловие к двухтомному изданию И. Вазова «Избранные произведения», М., 1950, и др.

² Т. Павлов, Иван Вазов. София, 1950; его же статьи в болгарских газетах и журналах за 1950 г.

³ И. Шишманов, Иван Вазов. Спомени и документи. София, 1930.

⁴ «Иван Вазов. Сборник от спомени, материали и документи», София, 1949.

Опираясь на народные массы, она выдвинула требование образования независимой болгарской церкви (болгарской экзархии). Идея образования независимой болгарской церкви, получившая яркое выражение в «церковной борьбе» 50—60-х годов, нашла широкий отклик в народных массах, испытывавших всю тяжесть гнета со стороны турецких ассимиляторов. Борьба народных масс Болгарии за национальное освобождение тесно переплеталась с борьбой социальной. В результате этого «церковная борьба» в Болгарии в середине прошлого века приняла огромный размах.

«Сила национального движения, — подчеркивал И. В. Сталин, — определяется степенью участия в нём широких слоёв нации, пролетариата и крестьянства»¹.

Массы крестьян и ремесленников Болгарии выступили под знаменем национального движения.

«Церковная борьба, — писал Д. Благоев, — была национальной политической борьбой не только потому, что она ставила своей целью признание болгарской национальности в Турции, но и потому, что в нее была вовлечена вся нация, вся болгарская народность. Однако во главе борьбы стоял поднимающийся торгово-промышленный класс, который укреплялся и приобретал все большее влияние в массах — главным образом в среде мелких городских собственников — и значение для турецких властей»². Буржуазия использовала это движение в своих интересах.

Под влиянием всенародного характера национального движения турецкие власти вынуждены были пойти на уступки, и в феврале 1870 г. был издан фирман об учреждении болгарской национальной церкви со своим экзархом.

Вожди «церковной борьбы» после создания болгарской экзархии считали задачу национального движения выполненной и перешли на путь пропаганды идеи эволюции, идеи мирного прогресса болгарского народа под эгидой турецкого султана.

В конце 60-х годов начался второй этап национально-освободительного движения, для которого характерны массовые выступления крестьян и ремесленников. Села, города и целые районы Болгарии поднимались на вооруженную борьбу против чужеземных захватчиков и против своих эксплуататоров — чорбаджиев (сельской буржуазии, тесно связанной с турецкими феодалами). Из среды народа вышли такие крупнейшие руководители революционной борьбы, как Георгий Раковский, Василий Левский, Любен Каравелов и Христо Ботев, которые придали освободительному движению организованный и революционный характер.

В ходе национально-освободительного движения в Болгарии ярко определились два направления: буржуазно-либеральное и революционно-демократическое, выражавшие интересы различных социальных сил — развивавшейся национальной буржуазии, с одной стороны, и трудящихся масс (крестьян и ремесленников) — с другой. Между этими группировками развернулась ожесточенная борьба за пути развития болгарского народа. Деятели революционно-демократического лагеря боролись за освобождение Болгарии от ненавистного турецкого ига путем революции, путем всеобщего народного восстания. Что касается деятелей буржуазно-либерального лагеря, то они, будучи врагами национальной революции,

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 306.

² Д. Благоев. Принос към историята на социализма в България. М., 1944, стр. 18.

проповедовали так называемый мирный, эволюционистский путь развития болгарского народа посредством разного рода просветительских мероприятий.

Одним из крупных центров либералов был Константинополь, где издавался их журнал «Читалище». В этом журнале активно сотрудничали видные деятели церковного вопроса — Петко Славейков, Д. Цанков, М. Бабанов и др. Вместо призыва к оружию, как этого ожидал народ, они звали теперь к распространению знаний и книг. В одном из номеров журнала эволюционисты так излагали свои взгляды: ««Оружия, оружия!» — сообщают нам о пламенном призыве каких-то пылких патриотов, отечество которых находится в критическом положении. «Книг, книг!» — взывают и должны взывать со всех сторон нашего отечества любители просвещения. Сладок и утешителен этот голос для народа, тихо и законно совершающего свое общественное возрождение при посредстве науки»¹.

Другой центр болгарских либералов находился в Румынии в г. Браиле, где болгарским литературным обществом издавался журнал «Периодическое списание». В этом журнале либерально-буржуазного толка активно сотрудничали писатель и драматург В. Друмев, историк М. Дринов, литератор В. Стоянов и др. Программа журнала находилась в полном соответствии с программой «Читалище». И здесь мы встречаем подобные же заявления: «Всеобщее стремление европейских народов к науке, особенно в наше столетие, благоприятно отразится и на нашем народе. Благоприятные лучи науки будут иметь свое действие и на нас — болгар; хотя и постепенно, но тем вернее мы вступим на путь истинной цивилизации и прогресса»². В таком же духе выступали газеты либеральной буржуазии «Век», «Македония», «Дунайская заря», «Отечество» и др. Так, В. Друмев в газете «Дунайская заря» в статье «Значение Болгарского литературного общества» (1869) уверял читателей, что для болгарского народа сейчас необходимо лишь просвещение и наука. П. Р. Славейков в газете «Македония» в 1867 г. писал: «Мы говорили и еще раз скажем, что У ч е н и е, П р о с в е щ е н и е и с его помощью развитая Т о р г о в л я — вот те двигатели, с помощью которых можно поднять народ из его униженного состояния, чтобы возвысить его в глазах других народов и создать для него нравственное и материальное благосостояние»³.

Коренным образом отличную программу выдвигали болгарские революционеры. Родоначальником передовой революционной идеологии в Болгарии был Георгий Стойков Раковский. В своей поэме «Лесной путник» (1857), имевшей огромный успех у современников, он воспел борьбу болгарских гайдуков против турок. В 1862 г. он разработал план народного восстания, призывал болгар к вооруженной борьбе против чужеземных поработителей. Эти идеи Раковского нашли яркое выражение и в публицистических статьях в издававшейся им газете «Дунайский лебедь» (1860—1862). Несмотря на некоторые ошибочные взгляды Раковского, выразившиеся прежде всего в переоценке роли повстанческих отрядов гайдуков и недооценке значения единой революционной организации, его деятельность, несомненно, способствовала зарождению революционно-демократической идеологии и практически подготовила основу для выступлений выдающихся деятелей национально-освободительного движения В. Левского и Х. Ботева.

¹ Ж. Натан, Болгарское возрождение. М., 1949, стр. 177.

² См. Д. Благоев, Принос към историята на социализма в България. М., 1944, стр. 22—23.

³ «Македония», 1867, № 19.

Бухарест, Галац, Браила и другие придунайские города Румынии стали центром, где сосредоточивались основные силы революционных эмигрантов, готовились и вооружались легендарные отряды повстанцев, издавались органы революционных демократов. В Галаце и Браиле формировались отряды Панайота Хитова и Филиппа Тотю, которые в 1867 г. вступили в Болгарию, а также отряды Стефана Караджи и Хаджи Димитра, прославленные впоследствии Х. Ботевым. Зимой, 1867/68 г. в Браилу приехал из Болгарии Ботев, чтобы принять участие в революционном движении. В начале 1869 г. в Бухарест прибыл Л. Каравелов. Словом, к концу 60-х годов в Румынии находилась почти вся революционная болгарская эмиграция.

В Бухаресте Л. Каравелов встретился с В. Левским, и по их инициативе был создан Болгарский центральный революционный комитет. Официальными печатными органами комитета стали газеты «Свобода» (1869—1873) и «Независимость» (1873—1874), редактировавшиеся Л. Каравеловым. К этому времени В. Левский выработал новую тактику революционных действий: он отказался от создания разрозненных гайдуцких отрядов и перешел к организации широкой сети тайных революционных комитетов в стране. Он считал, что в новых условиях «гайдуцкие четы уступят свое место организованному общему вооруженному восстанию народных масс»¹. В. Левский, Л. Каравелов и Х. Ботев создали в стране широкую сеть тайных комитетов и занялись подготовкой всенародного вооруженного восстания.

«С этого момента, — пишет Н. С. Державин, — болгарские революционеры от партизанского метода действий силой внешних партизанских отрядов переходят к организованной работе внутри самой Болгарии. Болгарская эмиграция становится руководителем движения, передовым отрядом революционного наступления»². В газетах «Свобода» и «Независимость» Л. Каравелов неоднократно подчеркивал, что для болгарского народа теперь нужна революция. «Без революции, — писал он в 1871 г., — для нас нет спасения. Итак, революция, революция и революция, и как можно скорее»³. В 1872 г. БЦРК выработал свою программу. Основная цель комитета состояла в освобождении Болгарии «при помощи революции, используя оружие и другие средства», в борьбе с врагами болгарского народа — турецкими поработителями и болгарскими угнетателями — чорбаджиями⁴.

Вся общественно-политическая и литературная деятельность Х. Ботева была направлена на подготовку революции, на борьбу против либералов и чорбаджиев. В издававшейся им газете «Слово болгарских эмигрантов» в середине 1871 г. он писал: «Выход из этого тяжелого, скверного положения не в новых оковах и новом разделении труда между тиранами, а в народной революции, радикальном перевороте. Это — триумфальные ворота для каждого народа, особенно же для нашего, который не имеет прошлого и настоящего, а одно только будущее. — и будущее светлое, так как у него вместе с другими славянами есть что сказать миру и дать человечеству»⁵. Четыре года спустя в газете «Знамя» он вновь ставит этот же вопрос и вновь утверждает, что «единственное спасение для нашего народа — в революции. Кто имеет уши, да слышит. Наша революционная партия скоро даст знать о себе и своих целях»⁶.

¹ См. Х. Кабакчиев. Българските революционери Раковски, Каравелов и др. София, 1915, стр. 36—37.

² Н. С. Державин. История Болгарии, т. IV, М.—Л., 1948, стр. 191.

³ Там же, стр. 153.

⁴ См. З. Стоянов. Записки по българските въстания. София, 1949, стр. 106—113.

⁵ Хр. Ботев. Избранное, М., 1948, стр. 153.

⁶ Там же, стр. 175.

Таким образом, вожди болгарского национально-освободительного движения в начале 70-х годов уже создали революционную организацию, выдвинули на первый план революционную борьбу, требуя решительных выступлений не только против турецких феодалов, турецких властей, но и против собственных богачей и либералов. События, развернувшиеся в Болгарии в середине 70-х годов (Старозагорское восстание 1875 г., Апрельское восстание 1876 г.), свидетельствовали о новом подъеме революционной освободительной борьбы болгарского народа. Апрельское восстание, отмечает известный болгарский историк Ж. Натан, «завершило большой период подготовки народа к революции, период, связанный с деятельностью БЦРК, его организаторов и вождей. Семена, брошенные Раковским, Каравеловым, Левским и Ботевым, принесли обильные плоды»¹. Однако вековые мечты болгарского народа осуществились лишь в результате русско-турецкой войны в 1877—1878 гг., когда болгарский народ из рук русских воинов получил национальную независимость. С этого времени в истории Болгарии начался новый период, период ее буржуазного развития:

Мы подробно остановились на предосвободительном периоде истории болгарского народа, так как в эти годы формировались взгляды Вазова и события этих лет впоследствии писатель запечатлел в своих лучших произведениях.

Многочисленные биографы Вазова и литературоведы, занимавшиеся творчеством болгарского классика, обычно слишком большое значение придавали семье, в которой вырос писатель. Буржуазные литературоведы (И. Шишманов, М. Арнаудов, М. Генев и др.) при этом неизменно подчеркивали, что патриархальная и религиозная обстановка детских лет Вазова впоследствии определила его характер и взгляды, а критики-коммунисты (Г. Бакалов) полагали, что среда зажиточного торговца Минчо Вазова, отца поэта, определила реакционные взгляды, проявившиеся позднее в творчестве писателя. Ни с одним, ни с другим утверждением нельзя согласиться.

Трудно предположить, чтобы те немногие годы своего детства, которые Вазов провел в Сопоте, могли оказать такое решающее влияние. В работах последних лет о Вазове советские и болгарские ученые справедливо считают, что не эти годы, не эта обстановка определили взгляды писателя. Н. С. Державин в 1948 г. писал: «Принадлежа по рождению к классу средней торговой буржуазии, с детства воспитанный в либеральных традициях своего класса, мирно уживавшихся с консерватизмом семейного быта и нравственности, Вазов, однако, рано был выбит из мирной традиционной колеи этой жизни революционной волной»².

В 1951 г. С. А. Никитин отмечал: «Выходец из торговой среды, Вазов, однако, не остался в 70-х годах XIX в. на позициях своего отца, сочувствовавшего национальному движению болгар, на его начальной стадии в форме просветительства»³.

Тодор Павлов, видный болгарский общественный и политический деятель, президент Болгарской академии наук, много лет занимавшийся творчеством Вазова, в 1950 г. писал: «Для нас особенно важно, что он (И. Вазов.— В. З.) вырос и оформился как первоклассный поэт-реалист и демократ не только и не столько под влиянием своей семейной среды, но прежде

¹ Ж. Натан, *Болгарское возрождение*, стр. 138.

² Н. С. Державин, *Иван Вазов, Жизнь и творчество*. М.—Л., 1948, стр. 329.

³ С. А. Никитин, *Жизненный путь и социально-политические взгляды Ивана Вазова*.— «Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР», вып. 3, М., 1951, стр. 13.

всего и главным образом под влиянием всей революционной обстановки того времени у нас, революционной стихии бедняков, бедных и средних крестьян, бедных и средних ремесленников и торговцев и народной революционной интеллигенции»¹.

Эти высказывания крупных ученых, к сожалению, не получили еще развития в литературоведении. Совершенно очевидно, что источники, определившие взгляды писателя, следует искать не в семейной среде, а в общественно-политической обстановке того времени, в связях Вазова с революционно-демократическими кругами. Семейная среда, обстановка детских лет Вазова, несомненно, играли некоторую роль в его развитии, но эти условия никогда не были первостепенными и не они определили его общественно-политические и литературные взгляды зрелого периода.

Рассматривая вопрос о формировании взглядов Вазова, мы не ставим целью дать подробное изложение его биографии, а лишь остановимся на основных этапах жизни поэта 60—70-х годов.

Даже в семье Минчо Вазова, который по своим взглядам скорее принадлежал к либеральным кругам «церковных» деятелей 60-х годов, молодой Вазов часто слышал народные патриотические песни и сам их распевал. Его первыми учителями были прогрессивно настроенные воспитанники русских учебных заведений Йордан Ненов, Партений Белчев и деятель демократической болгарской культуры Бэтю Петков (отец Христо Ботева).

Пятнадцати лет, в 1865 г., Вазов покинул дом своего отца. Сначала он работал помощником учителя в Калофере у Бэтю Петкова, а с 1866 по 1868 г. учился в пловдивской гимназии. Пловдив в то время был одним из крупнейших городов Болгарии, где резко обозначились классовые различия противоположных социальных групп. Расположенный по обоим берегам реки Марица город делился на две части: с одной стороны высились кварталы красивых домов болгар-богачей (чорбаджиев) и греков, а с другой ютились маленькие постройки бедноты.

Резкое социальное неравенство населения Пловдива отмечал еще Л. Каравелов, учившийся здесь за десять лет до Вазова. В повести «Дети не похожи на своих отцов» устами одного из своих героев он так передавал впечатления об этом городе: «Да, благословляю среду, которая привела меня в этот Вавилон. Здесь я изучил то, чего не изучишь в школе; я узнал свой народ, ознакомился с его страданиями и собственными глазами видел его покровителей... Кто хочет знать, что такое подлость и что за вредные паразиты существуют под ясным небом, тому надо пожить в Пловдиве, чтобы познакомиться с чорбаджиями»².

Во время пребывания Вазова в Пловдиве эти социальные различия еще более усилились. Вместе с тем усилилась и борьба трудящихся масс против национального и социального гнета. Избавление от угнетателей — чужеземных и своих собственных — казалось уже близким. Рост гайдучества и подъем освободительного движения во второй половине 60-х годов нашли живой отклик в среде передовой молодежи: «Когда я учился в Пловдиве, — рассказывал Вазов, — прошел слух, что чета Тотю и Панайота Хитова перешла Дунай. Это произвело сильное впечатление на учеников и пробудило надежды на скорое освобождение Болгарии»³. Гимназисты с жад-

¹ Т. Павлов, Иван Вазов. По случай 100 г. от рождения му. София, 1950, стр. 15.

² Л. Каравелов. Съчинения. Русе, 1888, т. 8, стр. 70—71.

³ И. Шишманов. Указ. соч., стр. 26.

ностью ловили сообщения о боевых действиях болгарских отрядов, а героические личности воевод Тотю и П. Хитова стали для них легендарными. К этому времени относится увлечение Вазова поэмой Раковского «Лесной путник» и патриотическими стихами Добри Чинтулова. Революционные события оказали значительное влияние на Вазова и послужили для него той жизненной школой, которая подготовила будущего классика болгарской литературы к восприятию демократических идей того времени.

Годы 1868—1870 в биографии Вазова знаменательны тем, что он начал писать стихи, что в этот период расширились его общий кругозор и представление о жизни болгарского народа. Отец поэта — Минчо Вазов — хотел воспитать сына торговцем. С этой целью он поставил его за прилавок, брал с собой в торговые поездки и, наконец, отправил к своему брату Кирко в Румынию, который жил в Олтенице и также занимался торговлей. Но ни совместная работа с отцом, ни пребывание в Олтенице, а затем в Галаце у богатого хлеботорговца не привили юноше любви к этому занятию. Его страстью и призванием оказалась литература и прежде всего поэзия. При этом следует заметить, что как по содержанию, так и по форме ранние стихи Вазова носили следы большого влияния Петко Славейкова.

В советском и болгарском литературоведении (см. работы Н. С. Державина, К. Н. Державина, Т. Павлова, П. Зарева, С. Каролева и др.) сейчас установлено, что ранний период творчества Вазова, а именно период создания им цикла стихотворений «Майский букет» (1868—1870), является подражательным, когда молодой поэт создал ряд произведений сентиментально-любовного характера под влиянием поэзии П. Славейкова.

Критики и литературоведы не придавали серьезного значения и периоду первого пребывания Вазова в Румынии (1870—1872). Обычно на этом периоде останавливались лишь в связи с характеристикой повести «Отверженные», чтобы показать ее связь с личными наблюдениями писателя жизни болгарских эмигрантов или для характеристики ранних стихов Вазова, опубликованных в журнале «Периодическое списание». Известный историк болгарской литературы П. Динев в своем докладе «Вазов в развитии болгарской литературы», прочитанном на юбилейной сессии БАН в 1950 г., говорил, что влияние революционной эмиграции в 1870—1872 гг. на поэта было незначительным, что в этот период «основной тон большей части стихотворений Вазова — эволюционно-просветительский или личный»¹. Н. С. Державин в своей монографической работе о болгарском классике писал, что «в данный момент развития своего творчества Вазов идеологически созвучен Петко Славейкову и тесно смыкается с ним в общую группу... демократических элементов современной ему национальной буржуазии»². Эту точку зрения разделяет и К. Н. Державин, полагая, что решающим событием в жизни поэта явилось лишь Апрельское восстание³. В этом же духе неоднократно высказывались и другие литературоведы. Таким образом, критики и литературоведы считали, что новые темы и новые настроения в творчестве Вазова появились только накануне и в период Апрельского восстания. Это далеко не так.

В Румынии Вазов жил сначала в Олтенице, затем в Браиле, Галаце, Бакэу и других городах. В то время он сближается с болгарской революционной эмиграцией, знакомится с печатными органами либералов и рево-

¹ «Иван Вазов, Сборник по случай 100 г. от рождението му», София, 1950, стр. 75.

² Н. С. Державин, Иван Вазов, Жизнь и творчество, стр. 53.

³ К. Н. Державин, Иван Вазов (1850—1921). Очерк жизни и творчества. М.—Л., 1951, стр. 10—13.

люционеров, входит в круг важнейших общественно-политических вопросов. Его собственные взгляды тех лет не отличаются еще ясностью. В его произведениях встречаются противоречивые высказывания. С одной стороны, он с сочувствием следит за деятельностью революционных эмигрантов, увлекается социалистическими идеями, а с другой — молодой поэт еще тесно связан с настроениями недавнего прошлого и идейно как будто близок эволюционистам. Последнее обстоятельство и дало основание многим литературоведам считать, что Вазов в начале 70-х годов «тесно смыкается» с группой либералов-эволюционистов.

Действительно, ряд фактов из биографии поэта, а также его стихи и отдельные высказывания как будто подтверждают эту мысль. В Румынии Вазов прежде всего установил связи с либерально-буржуазными печатными изданиями. В журнале «Периодическо списание» он напечатал стихи «Борьба» (1870), «Дунай» (1870), «Моя вера» (1872), «Сосна» (1872), «Ода по случаю вступления экарха» (1872), «Царь Борис и идолопоклонники» (1872) и др.; в газете «Отечество» было опубликовано стихотворение «Стансы. Старая Планина» (1871). По характеру большинство этих стихотворений родственно идеям либералов. Так, в стихотворении «Борьба», написанном в форме диалога между Певцом и Невеждами, Певец говорит:

Не чувате ли, че това звучи:
 «Ученье вам, и пак ученье?»
 Във него вашът е покой
 Със него вам е сичко лесно,
 От него ще текат безброй
 Блага за вас
 То вам ще бъде най-полезно¹.

(«Не слышите ли вы, что звучит: «ученье вам и вновь ученье?» В нем ваш покой, с ним вам все легко, от него исходят бесчисленные для вас блага. Оно будет для вас самым полезным»).

В данном случае поэт, несомненно, устами Певца выразил собственные взгляды, которые были созвучны всему духу и направлению журнала «Периодическо списание». Сравнительно недавно было установлено, что молодой поэт в 1871—1872 гг. был лично знаком с одним из редакторов этого журнала — В. Друмевым (известным в то время писателем и фактическим руководителем болгарского литературного общества в Браиле) и вел с ним переписку о стихах, специально предназначенных для «Периодическо списание»².

Несколько позже, в Константинополе, Вазов лично встречался с П. Славейковым и вел с ним переговоры о литературе и общественно-политическом положении в Румынии³. Касаясь заслуг Славейкова в развитии болгарской культуры и литературы, Вазов в 1895 г., во время своего первого юбилея, подчеркнул, что он был учеником Славейкова. «Да, — говорил он, — Славейков мой учитель и ваш. Важнейший период нашей истории — период борьбы за духовное освобождение — был наполнен его деятельностью, его словом, его именем... И я, его ученик и последователь, осыпан-

¹ И. Вазов. Събрани съчинения, т. 19. София, 1949, стр. 4.

² См. М. Арnaudов. Към хронологията и характеристиката на първите печатни Вазови стихотворения. — Сборник «Иван Вазов». София, 1950, стр. 320—323.

³ См. И. Шишманов. Указ. соч., стр. 38—39.

ный здесь почестями, похвалой и приветствиями (награда, далеко превышающая мою скромную деятельность), чувствую себя как-то стесненно перед этим величавым обликом покойного старца»¹.

Таким образом, перед нами ряд ярких и весьма убедительных фактов, свидетельствующих о близости Вазова либералам, в частности П. Славейкову и В. Друмеву. Однако мы считаем необходимым обратить внимание и на другие факты, которые либо совершенно замалчивались критиками и литературоведами, либо получили недостаточно полное освещение в литературе о болгарском классике. Речь идет о связях Вазова с революционным крылом болгарской эмиграции и влиянии революционной идеологии на поэта в период его первого пребывания в Румынии.

Прежде всего следует отметить, что молодой поэт не только читал каравеловскую газету «Свобода», но и написал для нее несколько стихотворений. В 1871 г. в одном из номеров этой газеты было опубликовано стихотворение «Сегодня»², в котором поэт поднялся до обличения буржуазных деятелей Западной Европы и выражения горячих симпатий борцам за свободу. Вслед за Каравеловым Вазов выражает восторг по поводу низвержения Наполеона III, называя французского императора «большим притеснителем», «душителем вольности, жаждущим славы и крови». Обращаясь к угнетенным славянам Австро-Венгрии, поэт приветствовал их национально-освободительную борьбу и считал, что болгарский народ должен последовать их примеру: «И в нас вселяют они дерзость освободиться от турок, совет нам умный подают».

Дипломатов, политических деятелей, которые беспрерывно заседали на международных конференциях и мирились с угнетением славянских народов, Вазов называл «холодными книжниками» и душителями свободы. «В своих мертвых алтарях, — говорил поэт, — они стремятся удушить свободный голос». Стихотворение заканчивалось призывом помочь славянским братьям, восстать против турецкого ига:

А гласът на братията ни що страдат
Нас вика там да ги спасим!
Доколе турци нас ще владат?
Доколе ние ще да стоим!?³

(«А голос наших братьев, которые страдают, нас призывает им помочь! До каких же пор турки будут владеть нами? До каких же пор мы будем стоять (бездействовать)!?»).

Стихотворение «Сегодня» показывает, что Вазов хорошо знал политическую обстановку тех лет не только на Балканах, но и в Западной Европе, что поэт не ограничивался мирными просветительскими идеями либералов, а выдвигал необходимость революционной борьбы против всякой тирании и деспотизма.

До сих пор о взглядах Вазова этого периода обычно судили по его стихам, опубликованным в «Периодическом списание». Между тем внимательное изучение подлинных текстов показывает, что они отличаются от произведений эволюционистов, что его стихи в ряде случаев подвергались редакционной правке, приводившей к существенным изменениям в их содержании. Например, стихотворение Вазова «Дунай» в первоначальной редакции оканчи-

¹ И. Вазов. Събрани съчинения, т. 22, 1950, стр. 290.

² Там же, т. 19, стр. 9—11.

³ Там же, стр. 11.

валось словами: «Скажи, Дунай, наступит ли день, когда в божьем мире прекрасном вместо огня и железа ада (имеется в виду турецкое иго.— В. З.) воцарится всюду согласие братское — свобода, счастье и мир?» Здесь «счастье и мир» органически связываются поэтом с изменением политического положения болгарского народа, на что указывает понятие «свобода». Это находится в полном соответствии с духом и настроениями революционных эмигрантов. Однако редактор журнала В. Друмев вместо «свобода» произвольно вводит слова «наука» («наука, счастье и мир»), мотивируя это тем, что в Турции «слово «свобода» было запрещено». В новой редакции совершенно меняется основная мысль поэта, так как в этом варианте счастье и мир народа связываются не с изменением общественно-политического положения народа, а с развитием просвещения, науки вообще, что уже находится в полном соответствии с духом и настроением болгарских эволюционистов-либералов¹.

Аналогичную редакционную поправку, значительно изменяющую мысль автора, мы встречаем и в стихотворении «Моя вера». У Вазова о радостном, свободном будущем говорилось: «И мы, как народ, перед всем миром заблистаем (буквально: засветим.— В. З.) и именем на род н ы м мы гордимся»². Редакция же «Периодическо списание», верная взглядам эволюционистов-либералов, и в этом случае дает изменения, опубликовав эти строки в таком виде: «И мы, как все, перед всем миром заблистаем, и именем, на у ко й, мы гордимся»³.

Оба примера показывают, что Вазов далеко не всегда стоял на позициях эволюционистов даже в тех стихах, которые он печатал в их органе, что и в этих случаях терминология поэта, а иногда и дух его произведений находятся под сильным влиянием революционной поэзии и публицистики. В отдельных произведениях обнаруживается и прямое влияние Х. Ботева.

Стихотворение Вазова «Тяжелая мысль», хронологически относящееся к этому же периоду⁴, близко ботевскому стихотворению «К брату» по теме, настроению и форме. Молодой поэт высмеивал здесь свою раннюю мечту проникнуть в «лукавый и шумный мир», в мир, ставший ныне ему неприятным, мерзким.

Итак, перед нами несколько фактов из творческой биографии поэта в период его первого пребывания в Румынии, которые свидетельствуют, что Вазов уже в те годы испытывал сильное влияние революционной идеологии. В этом вопросе нам могут помочь автобиографические заметки писателя, а также высказывания его современников.

Впервые историю своего знакомства с Ботевым Вазов изложил в мемуарном очерке «Недавно» (1881). С вождем болгарской революционной эмиграции молодой поэт познакомился в Браиле в 1870 г., а в конце следующего и в начале 1872 г. он часто встречался с ним в Галаце, беседовал по вопросам политики и литературы⁵.

¹ Настоящее стихотворение постоянно публиковалось в редакции Друмева; впервые поправка была введена в 1949 г. (см. И. Вазов. Събрани съчинения, т. 19, стр. 11—13, а также стр. 436—437). Признание Вазова по этому вопросу опубликовано в его заметке «Мое первое печатное стихотворение» (см. там же, т. 22, стр. 255—256).

² И. Вазов. Събрани съчинения, т. 19, стр. 17.

³ «Периодическо списание», 1872, V—VI, стр. 204—205. Первоначальный вариант по рукописи автора установил М. Арнаудов (указ. соч.).

⁴ И. Вазов. Събрани съчинения, т. 19, стр. 36—37. О времени создания стихотворения см. ту же статью М. Арнаудова.

⁵ См. И. Вазов. Събрани съчинения, т. 5. София, 1950, стр. 211 и сл.; И. Шишманов. Указ. соч., стр. 36.

«В Галаце,— рассказывает писатель в своей автобиографии¹,— Вазов сблизился с Ботевым, красноречие и ум которого пленили его. В то время (1872 г.), в связи с прекращением издания газеты «Слово болгарских эмигрантов» в Браиле, Ботев переселился в Галац и проповедовал со свойственным ему пылом коммунизм. Его другом и вдохновителем была мистическая личность, русский нигилист, живший под псевдонимом Флореско². В их среде, под влиянием их пламенных бесед, а также под влиянием скитаний и печального существования на чужбине Вазов наглогался их доктрин и даже написал много стихотворений в социалистическом духе»³.

Четверть века спустя, в 1920 г., в расширенной автобиографии, обработанной в форме художественных очерков⁴, Вазов подтверждает свою мысль в главе «Валахия»: «целыми часами он (Вазов.— В. З.) искал с эмигрантами (по газетам и журналам.— В. З.) Восточный вопрос, голодал, ругал богачей; он почти стал коммунистом»⁵. А несколько раньше автор сообщал о себе, что он «писал тайно сатиры против какого-нибудь отвратительного чорбаджия»⁶.

Эти высказывания писателя подтверждаются и более ранним источником — книгой его современника, известного мемуариста, общественного и политического деятеля Захария Стоянова, который в 1888 г. писал: «Иван Вазов мне рассказывал, что в то время наш герой (Х. Ботев.— В. З.) был таким ярким коммунистом и защитником парижских событий (речь идет об образовании Парижской Коммуны и о ботевском «Символе веры Болгарской Коммуны.— В. З.), что после нескольких встреч с ним он, Вазов, начал верить, что коммуна спасет мир»⁷.

В дополнение к этим данным можно привести и повесть «Отверженные», построенную на автобиографическом материале из жизни Вазова в Браиле. В повести автор правдиво передал картины жизни и быта революционных эмигрантов, создал величественные образы вождей национально-освободительного движения Х. Ботева, В. Левского и с чувством глубокой симпатии поведал своим читателям о безыменных борцах за свободу Болгарии. Такое произведение мог создать только писатель, хорошо знавший жизнь революционных эмигрантов.

¹ В 1894 г. в журнале «Светлина» появилась первая подробная биография Вазова без подписи. В следующем году по случаю его юбилея эта биография с некоторыми сокращениями была опубликована в том же журнале и в юбилейном сборнике, посвященном Вазову, за подписью Р. К., известного в то время режиссера и секретаря юбилейного комитета — Радуле Канели. Так сложилось мнение, что оба варианта статьи принадлежат перу болгарского режиссера. Только недавно болгарскими литературоведами было установлено, что обе статьи написаны самим Вазовым. Эти данные подтверждаются и записями Шишманова в его указанной книге (стр. 362). В первом варианте статьи (1894) больше говорится о связях Вазова с революционной эмиграцией. Полный текст автобиографии впервые приводится в 1950 г. в собрании сочинений классика (И. Вазов. Собрание сочинения, т. 22, стр. 7—19).

² Речь идет о русском революционере Нечаеве; см. Е. Волков. Х. Ботев. М., 1923, стр. 167.

³ И. Вазов. Собрание сочинения, т. 22, стр. 11.

⁴ Очерк вышел отдельной брошюрой под псевдонимом Т. Габровский. Постическая биография на И. Вазов до 20 г. му дъзраст (София, 1920) — с указанием, что биография составлялась при участии поэта. В настоящее время также установлено полное авторство Вазова и поэтому очерк вошел в собрание сочинений писателя (т. 22).

⁵ И. Вазов. Собрание сочинения, т. 22, стр. 57.

⁶ Там же, стр. 50.

⁷ З. Стоянов. Христо Ботев. Опит за биографию. Под ред. на С. Каракостов. София, 1946, стр. 168.

Как же после всех этих фактов отнестись к высказыванию самого Вазова о П. Славейкове в 1895 г.? Очевидно, его следует рассматривать в значительной степени как дань уважения юбиляра к памяти своего предшественника. Ведь юбилей Вазова был первым литературным юбилеем в Болгарии. На торжественном праздновании отмечались заслуги Вазова как выдающегося болгарского писателя, внесшего неоценимый вклад в дело развития отечественной национальной литературы. В этом отношении юбиляр считал своим долгом отметить, что столь высокая честь принадлежит не только ему, но и другим болгарским писателям. Обращение к П. Славейкову было связано также и с тем, что этот первый крупный болгарский поэт скончался незадолго до юбилея Вазова. В памяти всех было еще живо чувство утраты неутраченного литератора и крупного общественного деятеля. Несомненно, что при оценке П. Славейкова Вазовым сказались также последующие колебания во взглядах Вазова, его отход от последовательного демократизма.

Идейные и творческие расхождения между Вазовым и Славейковым, наступившие в середине 70-х годов, не подлежат сомнению. В конце 70-х годов эти расхождения наиболее ярко проявились в отношении Славейкова к новым произведениям Вазова. Молодому поэту Славейков тогда же сказал по поводу поэмы «Грамада»: «Читал вашу «Грамаду» — это последний проблеск угасающего таланта!»¹. Как показала дальнейшая творческая практика Вазова, талант его в те годы расцветал и креп под влиянием поэзии Ботева, а вместе с тем навсегда уходили те черты сентиментально-любовной лирики, которые сближали раннего Вазова со Славейковым. Только так можно понять и объяснить эту необычную встречу поэтов, когда ученик, став на иной путь, превзошел своего учителя и заговорил своим поэтическим языком. Во всяком случае, если Вазов в зрелый период чему-либо и учился у Славейкова, то это ни в коей мере не было связано с эволюционистскими идеями либералов, а скорее шло по линии усвоения принципов использования поэтом народной поэзии.

Воспоминания Вазова о времени его пребывания в Румынии (1870—1872), высказывания о нем современников, а также творчество молодого поэта тех лет показывает, что четких общественно-политических взглядов у писателя в то время не было. Он был близок эволюционистам и одновременно испытывал влияние революционной эмиграции. Важно отметить, что этот период сыграл большую роль в творчестве и во взглядах писателя: он делал первый шаг на пути усвоения и развития демократических взглядов своих предшественников.

Тот факт, что Вазов все-таки в 1872 г. покидает Румынию и уезжает в Константинополь, где встречается со Славейковым, сближается с Константином Величковым (молодым в то время писателем), а также печатается в журнале «Читалище», — показывает, что восприятие им передовой идеологии еще не получило полного завершения, еще не привело к формированию новых, революционных взглядов. Однако старые представления Вазова об эволюционистах-либералах изменялись.

По предложению «Читалищного» попечительства в Константинополе, занимавшегося культурно-просветительной деятельностью, Вазов отправился в Свиленград на должность учителя. В это время молодой поэт был охвачен идеями освободительного движения. Он активно включился в общественную жизнь города. Своим ученикам он с воодушевлением расска-

¹ «Иван Вазов. Сборник от спомени, материали и документи». София, 1949, стр. 49.

зывает о широком восстании, готовящемся в Болгарии, разучивал с ними повстанческие песни Добри Чинтулова и решительно выступал против грекомании¹.

С этого времени Вазов становится не только горячим патриотом, но и народным будителем. «Мы видим несомненный сдвиг в умонастроении молодого поэта,— пишет академик Н. С. Державин,— и притом сдвиг в демократическом направлении, который очень скоро приведет его к активному участию в борьбе за свержение угнетателей страны»². Этот сдвиг произошел, разумеется, не потому, что Вазов был в Константинополе; встречался со Славейковым и писал стихи для «Читалища», но явился результатом пребывания поэта в демократической и революционной среде болгарских эмигрантов в Румынии, результатом развития его общественно-политических взглядов под влиянием Ботева и Каравелова.

Открытые антитурецкие выступления Вазова в Свиленграде вызвали недовольство в чорбаджийских кругах, и молодой учитель вынужден был покинуть новую должность и возвратиться в родной город. Его пребывание в Сопоте (в конце 1872 г., а затем в 1875—1876 гг.)³ было знаменательным в связи с новыми встречами с крупными деятелями национально-освободительного движения болгарского народа. Так, в 1872 г. поэт лично познакомился с Василием Левским, а в 1875 г. близко сошелся с Теодором Каблешковым — одним из руководителей Апрельского восстания⁴.

Если встречи Вазова с Левским носили скорее эпизодический характер, то его встречи и беседы с Каблешковым были более продолжительными и касались общих вопросов освободительного движения в стране. Однажды, как рассказывал поэт Шишманову, речь шла о тяжелом экономическом положении Болгарии. Тогда Каблешков сказал: «Господа! Вы ищете причину этого всеобщего упадка. Я вам скажу: причина только одна — правительство». Это Каблешков произнес с подъемом. Эффект был очень большой⁵. Беседы на политические темы велись довольно часто.

Весной 1875 г. по решению Центрального революционного комитета, находившегося в Румынии, Каблешков организовал в Сопоте местный революционный комитет, куда вошли учителя небольшого городка и большая часть болгарской молодежи. Членом местного комитета был и Вазов.

В это время в Болгарии в связи с восстанием в Боснии и Герцеговине усилилось освободительное движение, а вместе с тем оживилась деятельность революционного комитета в Румынии и местных революционных комитетов внутри Болгарии.

Вазов был охвачен освободительными идеями, восторгался деятельностью вождей движения и сам писал повстанческие стихи⁶.

¹ Ст. Димитров. Вазов — учитель в Свиленград. Сборник «Иван Вазов», под ред. на Ст. Романски. София, 1921, стр. 225—232.

² Н. С. Державин. Иван Вазов. Жизнь и творчество, стр. 39.

³ В период 1873—1874 гг. Вазов работал в Пернике (ныне Димитрово) в качестве переводчика французского языка (см. И. Шишманов. Указ. соч., стр. 42—44).

⁴ О встрече с Левским Вазов рассказывает в очерке «На повороте», который впервые был опубликован в журнале «Денница» (1890), а позднее вошел в собрание сочинений писателя. Очерк пользовался большим успехом у читателей, переведен на ряд иностранных языков, имеется несколько переводов на русский язык. Кроме того, о Левском Вазов писал в повести «Отверженные» и «Эпопее забытых». Каблешкова поэт прославил в нескольких произведениях: «Печали Болгарии», «Эпопея забытых», в романе «Под игмом» и др.

⁵ И. Шишманов. Указ. соч., стр. 192.

⁶ «Под влиянием новых революционных идей и книги стихотворений Ботева и Стамбулова,— рассказывал он Шишманову,— в то время я начал писать повстанческие

В стихотворении «Бой наступает» поэт призывал народ подняться против тирании и сбросить оковы рабства:

Кураж, дружина, вярна, сговорна,
Ний не сме веке рая покорна!

(«Смелей, дружина верная, сплоченная, мы больше не покорные рабы!»). И далее поэт восклицал: лучше умереть, чем жить покорным в рабстве, пусть падет один, но на смену ему подымутся новые юнаки и вновь разгорится бой за свободу.

К этому же периоду относится и стихотворение «Гусли, настроенные на новый лад» (сентябрь 1875 г.), где поэт открыто отказывается от любовно-сентиментальной лирики 60-х гг. («струны порвал я своими ж руками») и дает слово, что отныне он будет петь лишь «песни свободы».

Созданием таких стихотворений открывается новый этап во взглядах и творчестве Вазова; они знаменуют дальнейший отход поэта от либералов, фактически — полное размежевание с ними, и сближение с революционной идеологией. Теперь сознательно молодой поэт связывает свою судьбу с судьбой трудового болгарского народа. Он хочет до конца быть верным и преданным делу народа, служить ему своим творчеством. Так Вазов становится певцом национально-освободительного движения болгарского народа.

20 апреля 1876 г. в Болгарии началось Апрельское восстание. Первыми выступили ремесленники и крестьяне в Панагюриште, а на следующий день восстали жители Копривштицы и Клисурь. Вслед за ними должны были подняться знамя народного восстания Сопот, Калофер, Карлово и другие близлежащие города. «Слова», — писал Вазов в воспоминаниях, — стали делом, мечта — действительностью. Поднялся пожар, который подготовил Левский, поддержал Каблешков, разнес Бенковский»².

Между тем в Сопоте не только среди населения, но и в руководстве местного революционного комитета появились разногласия и колебания. Решено было не выступать открыто против турок, а ограничиться пассивной обороной. Эта тактика выжидания оказалась губительной. Усиленные отряды турецких полицейских повели обыски, облавы и аресты. Вазов вынужден был бежать из родного города в Пловдив, затем в Константинополь, а оттуда в Румынию — на этот раз уже в Бухарест.

По воспоминаниям писателя, в Бухарест в это время прибывали все новые и новые болгарские беженцы, спасавшиеся от преследования турецких властей. Через Дунай, Константинополь, Браилу и даже через Вену они направлялись в Бухарест — кто по железной дороге, кто на повозке, а иные просто пешком, оборванные и больные.

Болгарская эмиграция в Бухаресте группировалась тогда вокруг двух обществ. С одной стороны, продолжала существовать «Добродетельная

песни, большая часть которых вошла впоследствии в сборник «Знамя и гусли». Стихотворение «Бой наступает» («Панагюрские повстанцы») стало очень популярным в дни Апрельского восстания и распевалось по всей Болгарии» (И. Шишманов, Указ, соч., стр. 46). Следует заметить, что писатель был здесь не точен: во-первых, влияние Ботева, как это видно из предыдущего материала, проявилось несколько раньше, а во-вторых, влияние Стамбулова было незначительным. Правильнее будет сказать, что в это время влияние Ботева усилилось и послужило основой для нового этапа в творчестве Вазова.

¹ И. Вазов. Собрание сочинения, т. 1, София, 1947, стр. 117.

² Там же, т. 5, 1950, стр. 173.

дружина», возглавляемая болгарским купцом Евлаугием Георгиевым и объединявшая богатых и влиятельных болгар Бухареста, а с другой стороны, летом 1876 г. был создан новый Болгарский центральный революционный комитет, который объединял демократическую молодежь; им руководил либерально настроенный деятель освобождения Кириаки Цанков. В Белграде, Браиле, Галаце, Плоешти были созданы отделения этого комитета. Ввиду того, что румынское правительство, по настоянию Турции, запретило создание каких бы то ни было революционных организаций в стране, члены комитета провозгласили создание «Болгарского центрального благотворительного общества».

Хотя БЦРК по характеру деятельности далеко уступал революционно-демократическому комитету Левского — Ботева, все же эта организация в 1876 г. была самой демократической организацией болгарских эмигрантов в Румынии. Главная цель комитета, как сообщает Вазов, состояла в отправке добровольцев в Сербию для отрядов Тотю и Панайота Хитова, участвовавших в сербо-турецкой войне, и в снабжении их обмундированием¹.

Прибыв в столицу Румынии, Вазов вскоре вошел в комитет и в должности секретаря стал его активным членом. В письме к другу С. Вацову он сообщал: «Здесь я член Болгарского Центрального Благотворительного общества или, сказать попросту, революционного общества, которое существует под маской благотворительности... Здесь, в Бухаресте, собралась большая часть болгарской интеллигенции и каждый день со всех концов Болгарии приходят молодежь и повстанцы — остатки злополучного Апрельского бунта»².

С письмами от имени комитета Вазов обращался к Гарибальди, Виктору Гюго и другим общественным и политическим деятелям. Широкою известностью и большим значением имело воззвание к болгарскому народу, составленное Вазовым в день объявления русско-турецкой войны 12 апреля 1877 г. «Братья! — говорилось в воззвании. — Народ, который борется и проливает свою кровь за свободу и независимость, рано или поздно будет торжествовать. Без жертв нет свободы!.. Болгары! Мы все, как один человек, должны подняться, чтобы братски встретить наших освободителей, и чтобы всеми силами содействовать русской армии... Наши интересы, наше будущее, само наше спасение требует от всех нас восстать. Отечество нас призывает к оружию!»³

Во время второго пребывания в Румынии (1876—1878) Вазов вновь встречался с Христо Ботевым и лично познакомился с Л. Каравеловым⁴. В памяти поэта Ботев сохранился как постоянно действующая и активная

¹ И. Вазов, Собрания съчинения, т. 5, в очерке «Неотдавна» (см. главу «Последний комитет», стр. 215—226).

² «Иван Вазов. Сборник от спомени, материали и документи», стр. 278—279. Письмо датировано 10 октября 1876 г. Участие писателя в комитете в качестве секретаря в сентябре и октябре 1876 г. подтверждается также расписками Вазова, данными им в связи с получением денег от комитета (см. «Иван Вазов. Сборник по случай 100 г. от рождението му», стр. 384—385). Поэтому указание С. Каролева (в книге «И. Вазов. Художествен метод и литературни позиции», стр. 17) о том, что Вазов вступил в комитет в начале 1877 г., следует признать ошибочным.

³ Воззвание БЦРК было подписано девятью членами комитета, но, как сообщает болгарский историк Д. Уста-Генчев, оно было составлено Вазовым (см. статью в сб. «Иван Вазов. Живот и творчество. За 70 г. от рождението му», под ред. на С. Романски. София, 1921, стр. 222).

⁴ О встречах Вазова с Ботевым и Каравеловым см. И. Вазов, Собрания съчинения, т. 5, очерк «Неотдавна»; т. 9, стр. 227—233; «Среци ми с Л. Каравелов», а также т. 20, очерк «Около гроба на Ботева» (стр. 188).

личность, как «живой протест против неравенства, против несправедливого возвышения некоторых в обществе. Он видел свою миссию в борьбе с сильными, независимо от того хороши они или плохи»¹. Здесь же Вазов высказал свои суждения о социально-политических взглядах революционного демократа, назвав их «мутными, неясными». Это свидетельствует лишь о том, что, несмотря на их возросшую близость, Вазов все же не мог подняться до уровня своего учителя и не понял его социалистических воззрений.

Как по духу, так и по взглядам Вазову больше импонировала личность Любена Каравелова. Едва Вазов приехал в Бухарест, он тотчас направился к знаменитому писателю и страстному критику, который в то время уже отошел от революционного движения и занимался изданием либерально-просветительного журнала «Знание». «Я шел к Каравелову,— вспоминал Вазов позднее,— исполненный чувства удивления и уважения; меня вдохновлял этот светлый и разносторонний ум, этот нервный талант, этот поэт, желчный и сильный критик, чьи сочинения я жадно проглатывал, когда был в Болгарии»². Весной 1876 г. состоялась первая встреча Вазова с Каравеловым³.

Вазов осуждал отход выдающегося писателя от революционной деятельности, начавшийся с 1874 г., и считал, что его новый журнал «Знание» с пропагандой идей просвещения вносил неприятный диссонанс в революционную обстановку того времени, что «теперь уже не знание, а оружие имеет слово на Балканском полуострове»⁴.

В начале русско-турецкой войны, в 1877 г., произошло дальнейшее сближение Вазова с Каравеловым. Об этом периоде Вазов рассказывает в своих воспоминаниях: «Мы часто встречались за столом в одном из крупных кафе на улице Поду Могушной, куда приходили С. Стамбулов, О. Панов и другие члены распущенного Бухарестского центрального благотворительного комитета (молодых). В этих встречах Каравелов, как обычно, был разговорчивым, приятным собеседником, задавал тон разговору»⁵. В следующем году в Русе Каравелов собирался издавать газету «Основа» и пригласил Вазова сотрудничать в этой газете. В то время, как сообщает писатель, он часто посещал Каравелова.

Таким образом, перед нами ряд фактов из личной жизни писателя 70-х годов, из его творческой практики, которые свидетельствуют о большой близости Вазова к национально-освободительному движению, о его связи с выдающимися болгарскими революционерами и их благотворном влиянии на общественно-политические взгляды молодого поэта. Эти обстоятельства позволяют внести поправки в последние работы о Вазове, созданные литературоведами, а также дают основание со всей решительностью отвергнуть вздорные домыслы буржуазной критики, которая в течение многих лет упорно воздвигала китайскую стену между Ботевым, Каравеловым, с одной стороны, и Вазовым — с другой.

Только сознательным извращением исторических фактов, открытой фальсификацией литературной истории мы можем теперь назвать

¹ И. Вазов. Събрани съчинения, т. 5, стр. 213.

² Там же, т. 9, стр. 213.

³ В книге К. Н. Державина. Иван Вазов (1850—1921). Очерк жизни и творчества. М.—Л., 1951, стр. 9, эта встреча ошибочно относится к периоду первого пребывания Вазова в Румынии.

⁴ И. Вазов. Събрани съчинения, т. 5, стр. 216.

⁵ Там же, т. 9, стр. 232.

утверждения П. Христофорова в его большой работе «Творческое развитие Вазова», которая до последнего времени считалась «академическим» исследованием и которая нанесла серьезный ущерб болгарскому литературоведению. «Дружба с верхами нашей эмиграции, — вещал буржуазный литератор, — открыла бы ему (Вазову. — В. З.) широкие горизонты. Но с Ботевым пугливый поэт встретился случайно только однажды, а с Каравеловым ему удалось запротоколировать два посещения. Какое воздействие могли оказать эти встречи?»¹ Несостоятельность натяжек буржуазного литератора слишком очевидна.

Болгарские революционные демократы В. Левский, Х. Ботев отстаивали планомерную подготовку вооруженного восстания, которое должно было привести к свержению турецкого ига, к установлению народной республики. Революционный переворот, таким образом, должен был ознаменовать не только образование самостоятельного национального государства, но и создание нового социального строя на демократической народной основе. Поэтому Х. Ботев обращался к французским коммунарам и приветствовал их, так как в зародыше Парижской коммуны он видел основу нового и справедливого государства.

В революционном движении В. Левский и Х. Ботев опирались на трудящиеся массы страны, на беднейшие слои крестьян и ремесленников и одновременно вели борьбу против чорбаджийства, против либералов-эволюционистов и разных мастей анархистов. Теорию революционного переворота они разрабатывали на основе учения русских революционеров-демократов и в первую очередь на основе работ Н. Г. Чернышевского и А. И. Герцена. В результате Левский и Ботев оказались крупнейшими и самыми последовательными революционными демократами, вождями национально-освободительного движения болгарского народа.

Общественно-политические взгляды Вазова 70-х годов формировались в условиях подъема освободительного движения. Важную роль в жизни и творчестве молодого поэта сыграло его первое пребывание в Румынии (1870—1872), когда он познакомился с деятельностью революционных эмигрантов, встречался с Ботевым и писал стихи в социалистическом духе. Под влиянием передовых людей того времени Вазов постепенно отходил от эволюционистов и сближался с революционными кругами. Отдельные стихи, письма и высказывания писателя середины 70-х годов показывают, что он выступал за вооруженную борьбу, за всенародное восстание, но у него, в отличие от Левского и Ботева, в центре внимания стояли вопросы не социальные, а национальные. В своих художественных произведениях он явился выразителем интересов широких кругов крестьян и ремесленников, но ему были свойственны колебания и даже противоречия. Вазов не понял воззрений французских коммунаров, и он не мог последовательно, как это делали Ботев и Каравелов (до 1874 г.), разделять взгляды Чернышевского и Герцена.

Сила и величие Вазова состояли в том, что он сумел стать певцом той революционной борьбы, во главе которой стояли Левский и Ботев. Слабость же его в том, что он, будучи демократом, все еще не понял социальной природы этой борьбы. Это ограничивало его мировоззрение, а позднее привело к колебаниям и противоречиям в его художественной практике.

¹ П. Христофоров. Творческого развитие на И. Вазова. Ранни влияния. София, 1944, стр. 80.

* * *

В результате русско-турецкой войны 1877—1878 гг. болгарский народ навсегда освободился от турецкого ига и получил национальную независимость. Вопреки стремлениям русского царизма, война объективно сыграла прогрессивную роль в истории Болгарии и народов Балканского полуострова, так как война нанесла сокрушительный удар турецкому феодализму в Европе. После освобождения страны значительная часть земель турецких феодалов перешла в руки болгарских крестьян и государства. В стране усиленно стали развиваться промышленность и торговля.

В первые годы самостоятельного существования Болгария оформилась как буржуазно-демократическая страна, где ведущую роль играла либеральная партия — партия мелкой и средней буржуазии. Принятая в 1879 г. Тырновская конституция отражала демократические завоевания народа и была самой демократической буржуазной конституцией того времени. «Освобожденная русскими войсками, — говорил по этому поводу В. Коларов, — Болгария возродилась для новой жизни не только как свободное от чужого национального гнета государство, но и как передовое в духе того времени, получившее одну из самых прогрессивных и демократических для того времени конституций»¹.

Характеризуя общественно-политическую и экономическую жизнь Болгарии в 80-е годы, Ж. Натан констатировал, что «с освобождением Болгарии были разрешены основные задачи буржуазно-демократической революции — национальное освобождение и аграрный вопрос. Разрешение этих задач открыло простор капиталистическому развитию Болгарии... Но то обстоятельство, что освобождение наступило в результате войны, а не в результате победоносной народной революции, наложило свой отпечаток на все развитие Болгарии после освобождения. Ряд задач буржуазно-демократической революции оставался неразрешенным»².

К числу этих нерешенных задач Ж. Натан относит установление института монархии в Северной Болгарии и сохранение пережитков старых феодальных отношений в сельском хозяйстве, что выразилось в наличии испольщины, кабальной аренды земли и т. д. К числу нерешенных задач следует отнести и искусственное разделение Болгарии на две части — Северное княжество и Восточную Румелию, что разрывало национальное и экономическое единство болгарского народа.

В результате этого вся история Болгарии первой половины 80-х годов представляет собой историю борьбы народа за дальнейшие демократические преобразования, за воссоединение болгарских земель, за осуществление неразрешенных задач буржуазно-демократической революции.

Основным общественным классом того времени была мелкая буржуазия в городе и огромная масса мелких хозяев в деревне. В городе и деревне неуклонно развивались капиталистические отношения, которые вели, с одной стороны, к разорению и обнищанию мелких собственников, а с другой — к накоплению богатства в руках крупных землевладельцев, торговцев и ростовщиков.

Спекуляция землей, продуктами, должностями стала обычным явлением в буржуазной Болгарии. Рост капиталистических отношений в деревне вел к ускоренному расслоению крестьянства на кулаков и бедняков, к обнищанию и пролетаризации беднейшей части крестьянства. Разорение

¹ Речь министра В. Коларова по случаю 70-летия освобождения Болгарии. София, 1948, стр. 5—6.

² Ж. Натан. Болгарское возрождение, стр. 291—292.

крестьянства приняло такие угрожающие размеры, что в 1880 г. Народное собрание вынуждено было принять специальный «Закон об улучшении состояния земледельческого населения на господских и чифликских землях». Однако это были паллиативные меры, которые ничего не меняли в существе буржуазного строя. В городе в это время усиленными темпами шла пролетаризация ремесленников.

В среде чиновничества процветали интриги, подкуп, шантаж. За места в Народном собрании, за должности в государственных учреждениях шла борьба между либералами и консерваторами, которая в своей основе сводилась к борьбе за свободу торговли, за землю, за власть разных буржуазных группировок. Болгарская буржуазия получила свободу и выступила на арену, сведя все к чисто денежным отношениям.

В этих условиях болгарский князь Александр Баттенберг, выражая интересы крупной торговой буржуазии, стремился упразднить демократические свободы, установить неограниченную монархию. Во внешней политике он проводил реакционный, антинародный курс, ориентируясь на Австро-Венгрию и Германию. А. Баттенберг стремился порвать все общественно-политические и культурные связи с Россией.

Какую же позицию в новых исторических условиях занял Вазов?

В болгарском и даже советском литературоведении еще встречаются утверждения о том, что он в 80-е годы отошел вправо, что в творчестве и во всей своей деятельности он не был демократом, а выступил с позиций либеральной буржуазии¹.

С подобными утверждениями никоим образом нельзя согласиться. Для доказательства обратимся к актам биографии писателя той поры и к его литературной деятельности.

Когда произошло национальное освобождение Болгарии, всеобщее ликование народа, характерное для того времени, охватило и Вазова. Чувство радости нашло яркое отражение в его сборнике стихотворений «Избавление». Вместе с русскими войсками он возвратился на родину и жадно искал практического применения своим силам и способностям. Сначала Вазов работал писарем в канцелярии Свиштовского губернатора, а затем — председателем Окружного суда в Берковице. В маленьком прибалканском городке он ближе познакомился с жизнью и правами провинциальной интеллигенции, окрестными крестьянами-шопами, их бытом и обычаями. Здесь еще нельзя было проявить себя на общественном поприще, и поэт целиком отдается литературной работе. Судебная карьера явно не нравилась Вазову: на него поступали жалобы, его обвиняли в увлечении «сочинительством», в пренебрежении к правовым вопросам, и он вынужден был оставить эту должность.

Летом 1880 г. писатель по приглашению литературных друзей — Константина Величкова и др. — приехал в Пловдив — столицу Восточной Румелии. Перемена места и занятия благотворно подействовали на Вазова. «Здесь, — писал он своему приятелю С. Вацову, — меня назначили депутатом Областного собрания и избрали членом Постоянного комитета. Это обстоятельство меня радует особенно потому, что теперь у меня больше свободного времени, чтобы заниматься стихами и, следовательно, набрасывать то, что я утерял или недоделал во время моего полудикого, полу-

¹ См. предисловие к сборнику И. Вазов. Неотдавна. Немили-недраги. Митрофан и Дормидолски. М., 1949, стр. 3. Критика этих ошибочных положений изложена нами в рецензии «Произведения Вазова на русском языке» (см. «Советская книга», 1950, № 7).

сбаритского житя в Берковице, с которой я был связан такими сильными и магическими узами»¹.

В Пловдиве развернулась широкая и многосторонняя общественно-политическая и литературная деятельность Вазова. 20 октября 1880 г. он был избран секретарем Постоянного комитета Областного собрания второго созыва, а впоследствии был запасным членом комитета. Как показывают архивные документы, Вазов не только вел протоколы 147 заседаний Постоянного комитета второго созыва, но и принимал активное участие в обсуждении многих вопросов.

Изучая протоколы заседаний Постоянного комитета и Областного собрания, С. Радев установил, что все выступления Вазова на заседаниях комитета и в Областном собрании были направлены на улучшение положения народа в Восточной Румелии, на расширение демократических прав населения². Публикация этих материалов наносит серьезный удар по легенде, созданной буржуазным литературоведением, о безразличии писателя к общественным вопросам и его политической пассивности.

Приведем здесь один из примеров. 27 октября 1881 г. Областным собранием принимался новый законопроект о печати, в котором пункт 18 гласил: «Использование этих средств (т. е. печати.— В. З.) в целях критики владетеля Оттоманской или какой-либо другой державы, или управителя области наказывается тюремным заключением сроком от 2 недель до 6 месяцев и штрафом от 100 до 3000 грошей, или одним из этих наказаний». Настоящий законопроект, как видим, был направлен на ограничение свободы печати и носил ярко выраженный антидемократический характер.

Вазов выступил против подобных ограничений свободы. «Если иностранный деятель,— говорил он,— позволит себе посягнуть на нашу целостность, на нашу самостоятельность и народное благополучие, если деятель, как, например, князь Баттенберг, пожелает набросить цепи на свободу, тогда никто не может запретить честному, либеральному органу осуждать этот поступок и выносить свой приговор». Предлагаемый законопроект, по выражению Вазова, был «законом не о свободе печати, а законом о нажиме на печать»³.

О напряженной и кропотливой работе писателя в Постоянном комитете рассказывает в своих воспоминаниях и председатель этого комитета И. Гешов. «После заседаний комитета,— писал он,— мы приступили с Вазовым к исполнению решений, к просмотру протоколов... И закон за законом, распоряжение за распоряжением подписывались нами, рассылались к исполнению и очень содействовали упорядочению, культурному и хозяйственному преуспеянию разоренной восстанием и войною южной Болгарии. Запряженный Пегас (Вазов.— В. З.) был славным товарищем, ценным общественным работником»⁴.

Одновременно с исполнением многочисленных обязанностей по Постоянному комитету Вазов участвовал в редактировании газеты «Народный глас», а во время отсутствия К. Величкова (1880—1881) был ее главным

¹ «Иван Вазов. Сборник от спомени, материали и документи», стр. 294.

² С. Радев. И. Вазов в Постоянный комитет и Областного собрание на Источна Румелия (см. «Иван Вазов. Сборник по случай 100 г. от рождението му», стр. 258—269).

³ Выступление Вазова цит. по статье С. Радева. См. «И. Вазов. Сборник по случай 100 г. от рождението му», стр. 265.

⁴ И. Е. Гешов. Впрегнатият Пегас. Юб. сб. «Иван Вазов» под ред. на Х. Цанков, стр. 11.

редактором. Газета «Народный глас» выходила два раза в неделю. На ее страницах освещались общественно-политические и литературные вопросы. Здесь же Вазов печатал свои стихотворения, критические статьи, рецензии, а также острые политические статьи — передовицы.

Для выяснения взглядов писателя большой интерес представляют его выступления в связи с майскими событиями 1881 г. в Северной Болгарии. Опираясь на реакционные круги крупной буржуазии, Баттенберг 9 мая 1881 г. упразднил Тырновскую конституцию с ее демократическими принципами и стал править самодержавно. В ответ на это Вазов, как он рассказывал сам, «кипя возмущением, опубликовал без подписи несколько пламенных статей против дерзкого посягательства на народные свободы»¹. В газете «Народный глас» он поместил открытое письмо Баттенбергу, уверяя его, что при создавшемся положении он должен избрать одно из двух: немедленно удалиться из Болгарии или ждать дня своего постыдного изгнания возмущенным народом и оскорбленной свободой².

В некоторых статьях Вазов конкретно развивает свои мысли о государственном устройстве, которые дают основание судить о его демократизме. «Повсюду в мире, — писал он, — среди всех народов наблюдается неуклонное стремление к свободе, братству и равенству. Ветхие теории об организации и поддержании человеческого общества со дня на день уступают перед непобедимой силой современной науки, которая не терпит ничего, что не согласуется со здравым разумом и естественным развитием человека. Прошли уже те времена, когда сила и воля нескольких властолюбцев держали в своих руках свободу миллионов людей и считали их своей собственностью. Время нам показывает, что гнилое начало не может уже удержаться даже со всеми пушками, сколько бы их ни было в мире, и вследствие этого самые деспотические и тиранические государства, как, например, Турция, были вынуждены согнуть шею перед современной необходимостью отказаться от прежнего деспотического режима»³.

И вот в эпоху, «полную прозаической суровости и мелкой борьбы пробужденных страстей», писатель неоднократно в своих публицистических статьях, художественных произведениях обращается к светлому прошлому из истории болгарского народа — к периоду подъема национально-освободительного движения и его участникам. 1870—1877 годы он называет самыми яркими страницами новой истории, так как в этот период выступали Левский, Ботев, Каравелов, Бенковский, Каблешков и другие революционные деятели, а народ неоднократно поднимался, чтобы в бою добыть себе свободу и независимость. «Вот почему, — писал Вазов, — этот период нашей истории больше всего привлекает историка, мыслителя, литератора, и он будет иметь свою литературу, полную животрепещущего интереса и воспитательного значения для нашего подрастающего поколения»⁴.

В одной из своих статей 1883 г. писатель вспоминает имя Георгия Раковского и называет его «одним из самых первых и плодотворных пионеров болгарского возрождения и свободы»⁵. А через два года после этого он вступает в полемику с русским славистом П. А. Сырку по вопросу о

¹ И. Шишманов, Указ. соч., стр. 65.

² Иван Вазов, Сборник от спомени, материали и документи, стр. 29.

³ Настоящая статья не вошла в собрание сочинений классика. Впервые в сокращенном виде она приводится Е. Стефановым (см. его статью «И. Вазов — голям народен писател», — «Ново време», 1950, № 6—7, стр. 134—135).

⁴ И. Вазов, Събрани съчинения, т. 21, стр. 52.

⁵ Там же, стр. 387.

роли и значении Раковского для болгарского народа. В рецензии на статью Сырку он говорит, что великое значение Раковского заключается не столько в его исторических работах, которые русский славист подвергает тщательному анализу, а «в его бурной революционной деятельности, в его высочайшем и неподкупном патриотизме и великом нравственном толчке, который он впервые дал уснувшему болгарскому народу и сделал его способным к новым стремлениям, к высоким идеалам для борьбы и жертв за свое освобождение. Именно эта сторона его деятельности самая важная и крайне неразработанная. Будем надеяться, что эта высокопоэтическая и исключительная личность будет когда-либо освещена и оценена во всей своей правде и поставлена на ту высоту, которую она должна занимать по праву и заслугам»¹.

Писатель здесь выступает во имя раскрытия революционного значения всей общественно-политической деятельности Раковского. Вазов ценит в Раковском прежде всего революционера, борца и патриота, беззаветно преданного своему народу. С этой же точки зрения он подошел и к оценке деятельности Левского, Бенковского, Каблешкова в знаменитом цикле «Эпопеи забытых».

Многие общественные и политические деятели, ранее принимавшие участие в освободительном движении, в середине 80-х годов изменили демократическим принципам и стали верными прислужниками болгарской буржуазии. Наглядным примером такой эволюции явилась политическая деятельность С. Стамбулова (впоследствии жестокого диктатора) и З. Стоянова. С ними Вазов не пошел. Об этом свидетельствуют его социально заостренные реалистические произведения и ряд документов биографического характера. Приведем некоторые из них.

Преследуемый со стороны правящей партии «казенных» за симпатии к русскому народу, а также за принадлежность к партии «соединистов»², Вазов вынужден был осенью 1886 г. бежать из Пловдива в Константинополь, а затем в Одессу.

Из Константинополя Вазов писал своим друзьям в Румынию: «Ваша газета «Девятнадцатое февраля»³, как я вижу, пища и утешение здешней эмиграции — народной, потому что чорбаджийская эмиграция смотрит другими глазами на ваши дела и на вашу газету. Зло не только в Болгарии, но и за ее пределами»⁴.

Это письмо интересно в двух отношениях: во-первых, оно указывает на то, что писатель сознательно проводит резкую грань между эмиграцией народной и чорбаджийской и что его симпатии явно находятся на стороне демократических кругов эмигрантов, а во-вторых, письмо проливает новый свет на отношения Вазова к деятелям «соединистской» партии. По поводу его принадлежности к «соединистской» партии в литературоведении в последние годы сложилось два мнения. Одни объясняют принадлежность

¹ И. Вазов. Собрания съчинения, т. 21, стр. 178—179.

² Партии «казенных» и «соединистов» были буржуазными партиями, куда входили как представители торгово-ростовщических кругов, так и зажиточные слои крестьянства и ремесленников; различия между ними проявлялись в разной внешнеполитической ориентации.

³ Так называлась газета болгарских эмигрантов в Турну-Северин (Румыния). Название ее возникло от даты восстания, поднятого болгарскими офицерами против режима Баттенберга 19 февраля 1877 г. в Силистре и Русе. Восстание было жестоко подавлено, а многие его участники скрывались за границей и с демократических позиций подвергали критике правящие круги.

⁴ «Иван Вазов. Сборник от спомени, материали и документи», стр. 304.

его к «соединистской» партии общей политической пассивностью писателя¹, другие связывают это с личными симпатиями Вазова к лидеру партии — И. Гешову². Нам представляется, что писатель в начале 80-х годов избрал партию «соединистов», так как она отстаивала прогрессивную для того времени идею национального воссоединения болгарского народа Северной и Южной Болгарии, а также выдвинула требование укрепления русско-болгарских связей. Что касается отношения Вазова к деятелям этой партии и ко многим другим вопросам, то в ряде случаев писатель придерживался особого мнения. Примером этого может служить приведенное письмо.

Одновременно с Вазовым эмигрировали в Константинополь из Пловдива видные деятели «соединистской» партии Д. Цанков, М. Маджаров, С. Бобчев и др. В столице Турции они создали свой кружок единомышленников, где часто велись беседы на политические темы. По их инициативе было составлено письмо (мемоар) к турецкому везиру и европейским дипломатам с просьбой оградить их от притеснений князя и вмешаться во внутренние дела Болгарии. Вазов же в Константинополе держался особняком от этой группировки. Он не бывал на их собраниях, отказался поставить свою подпись под письмом и в конце концов порвал с ними, уехав в Одессу. Эти факты позволяют нам говорить, что писатель не был обычным «соединистом», что к хорбаджийской эмиграции он относил и многих деятелей «соединистской» партии (см. предыдущее письмо).

Во время пребывания в Одессе (1887—1889) Вазов вел оживленную переписку с К. Величковым. В письмах литературному соратнику он неоднократно высказывал отрицательное отношение к деспотическому режиму Фердинанда Кобургского³. «Этот человек, — писал он о новом монархе, — задумал укрепить свой трон террором и гнусным произволом. Тиранией начал, позором закончит»⁴. В следующем письме он рассказывал ему, что в Болгарии «аресты, полицейский надзор, запугивания и избивание вновь ожили. Народ пал духом и замер»⁵. Далее писатель выражает удовлетворение по поводу того, что в разных местах Болгарии, а также за рубежом растет оппозиция против антинародного правительства. В этих частных высказываниях совершенно отчетливо выражены симпатии Вазова к народной эмиграции, его забота о судьбах болгарского народа, его отвращение и презрение к монархическому правлению Фердинанда.

Демократические взгляды Вазова неоднократно проявлялись и позднее. Так, например, он высоко оценил деятельность русских дворянских революционеров — декабристов. Он приветствовал русскую буржуазно-демократическую революцию 1905 г. В этой статье Вазов отмечал, что конституция, полученная русским народом в результате революционного движения, дает ему некоторую свободу, во имя которой боролись передовые люди России. Но это еще не полная свобода.

«Солнце надежды и новой осмысленной жизни, — писал он, — засияло над великой землей. Россия имеет конституцию. Мечта поколений борцов, погибших в тюрьмах и сибирской ссылке, осуществляется, но не полностью.

¹ См. Н. С. Державин. И. Вазов. Жизнь и творчество, стр. 331; С. А. Никитин. Жизненный путь и социально-политические взгляды И. Вазова. — «Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР», вып. 3, М., 1951, стр. 12.

² См. С. Радев. Указ. соч. — «И. Вазов. Сборник по случаю 100 г. от рождения», стр. 262; а также см. статью Б. Вазова «Спомени за брата ми», в кн. «Иван Вазов. Сборник от спомени, материали и документи», стр. 28.

³ Фердинанд Кобургский — болгарский князь (1887—1908), а впоследствии царь (1908—1918), ставленник австро-немецкого империализма в Болгарии.

⁴ «Иван Вазов. Сборник от спомени, материали и документи», стр. 361.

⁵ Там же, стр. 363.

Русский человек, поработенный вековым игом бюрократии и автократизма, может подать свой голос. И этот голос будет услышан. Тяжко безумцам, которые пытаются вновь связать дух, выросший до гигантской силы, до стихийной мощи. О, бедные и дивные герои доблестной революции 1825 года! О, благородные русские женщины, воспеты Некрасовым, ушедшие со своими мужьями на каторгу!.. А их желания можно было так легко осуществить!.. Пусть цветет братская Россия во имя счастья мира, обновляя гигантские силы не для разрушения и для бессмысленных завоеваний в мире, а для торжества прогресса...»¹

Как много в этих словах болгарского классика любви к русскому народу и его демократическим движениям! Правда, Вазов несколько недооценивал идеологию революционных демократов, полагая, что они удовлетворились бы буржуазно-демократической революцией, не видел в России пролетарского движения и деятельности социал-демократической рабочей партии, но важно подчеркнуть то обстоятельство — а это главное, — что Вазов приветствовал ослабление самодержавия в России, приветствовал передовых русских деятелей, боровшихся за свободу и, наконец, буржуазно-демократическую революцию как важный шаг по пути к полной свободе.

Можно говорить, что в данном случае мы имеем дело либо с демократизмом, либо с буржуазным либерализмом, так как и последнее присуща выступления против неограниченной монархии. Однако отношение писателя к трудовому народу, к революционному движению определенно свидетельствует о демократизме Вазова, ибо только демократу свойственно всей душой способствовать росту народного движения, только демократу присуща убежденность в необходимости революционной борьбы, что было характерно для общественной и литературной деятельности Вазова.

«Демократ, — писал В. И. Ленин, — верит в народ, верит в движение масс, всячески помогает ему, — хотя и имеет нередко (таковы буржуазные демократы, трудовики) ошибочное представление о значении этого движения в пределах капиталистического строя»². Здесь В. И. Ленин говорит об ошибочных представлениях русских трудовиков начала XX в., представлявших интересы крестьянства. Им были свойственны колебания между либеральной буржуазией, искавшей в крестьянстве опору для своих корыстных целей, и революционной демократией, которая выражала интересы беднейшего крестьянства.

Такие же колебания были свойственны и болгарским деятелям — буржуазным демократам. В меньшей степени они проявлялись в период освободительного движения (но они были и тогда), и в гораздо большей степени они нашли выражение после освобождения Болгарии в 1878 г., когда все общественные, классовые отношения были обнажены до предела и крестьянство, избавившись от ига турецких феодалов, тотчас же попало под иго болгарских крупных землевладельцев, торговцев и ростовщиков. В силу своей классовой природы болгарское крестьянство колебалось между либеральной буржуазией и революционной демократией. Аналогичные колебания были свойственны и Вазову, что наглядно проявилось в ряде его художественных произведений после 90-х годов прошлого века. Эти колебания и дали почву некоторым критикам для ошибочных утверждений о либерально-буржуазной идеологии писателя.

В течение 80-х годов Вазов в своих общественно-политических взглядах оставался демократом. Наиболее ярко эти демократические воззрения

¹ И. Вазов. Собрани съчинения, т. 20, стр. 308.

² В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 34.

проявились в решении национального вопроса, в разработке темы освободительного движения болгарского народа. По мере развития капиталистических отношений в стране и с усложнением социальной борьбы демократизм Вазова утрачивает прежнюю остроту, а его положительные идеалы носят отвлеченный характер. Но и в этих условиях писатель выступает как защитник интересов народных масс, как ярый противник неограниченной монархии, оставаясь, следовательно, на позициях мелкобуржуазной демократии. В своих общественно-политических взглядах в период 80-х годов Вазов продолжал унаследованные им ранее демократические традиции болгарских революционеров. Это определило прогрессивный характер его творчества 80-х годов и выдвинуло его в ряды передовых болгарских писателей второй половины XIX в.

Демократические взгляды Вазова определили также развитие его реалистического мастерства, позволили ему создать бессмертные классические произведения национальной болгарской литературы, какими являются поэма «Грамада», «Эпопея забытых», повесть «Отверженные» и роман «Под игмом».

* * *

Как же развивались литературные взгляды Вазова 70—80-х годов?

Если его общественно-политические взгляды складывались и развивались под влиянием революционной обстановки периода национально-освободительного движения и революционной идеологии В. Левского, Х. Ботева и Л. Каравелова, то литературные взгляды, художественные вкусы воспитывались, с одной стороны, на лучших образцах национальной литературы — Х. Ботева и Л. Каравелова, с другой — на классических произведениях русской и украинской литературы. При этом следует отметить, что Вазов раньше познакомился с классиками русской и украинской литературы. В конце 70-х годов и позже оба эти фактора влияли одновременно, помогая писателю выработать свои литературные взгляды и свой стиль реалистического письма.

Еще в детские годы, во время пребывания в начальной школе, Вазов познакомился не только с официальными песнями Груева в честь турецкого султана или болгарскими песнями Герова, но и со стихами Ломоносова, Державина, Шевченко. Сопотские учителя Вазова — Юрдан Ненов и Партений Белчев прививали своим воспитанникам любовь к русскому народу и русской литературе. По их инициативе в школе было введено преподавание русского языка, собрана небольшая библиотека из русских писателей. Вспоминая позднее торжественные декламации Белчева, Вазов писал: «Мы впервые слушали русские стихи. Их музыка очаровала мой слух и сердце»¹. Наряду с русскими стихами Белчев читал своим ученикам украинские народные песни и стихи Шевченко, которые оказали значительное влияние на молодого поэта.

Из сопотской школы юноша вынес любовь к русской поэзии и некоторые познания в области русского языка. Расширению и углублению этих знаний ему значительно помогла калоферская библиотека Ботю Петкова, составленная в основном из русских и французских книг. Она обогатила будущего писателя новыми представлениями о жизни и искусстве и этим самым раскрыла для него новый мир действительности. «Эта школьная библиотека, — рассказывал Вазов Шишманову, — сыграла большую роль в моем развитии. Без нее я был бы ничто... Слабо зная язык, я не мог воспользоваться богатствами французской литературы. Но с тем большей жад-

¹ И. Вазов. Събрани съчинения, т. 8, стр. 103.

ностью я глотал русские книги — особенно многочисленные тома «Отечественных записок» со статьями и сочинениями Белинского, Лермонтова, Пушкина, Григоровича, Гончарова и др.. И так как я почти никуда не ходил и постоянно рылся в библиотеке, передо мной открылся целый новый мир. С того времени и сейчас еще я помню прекрасное стихотворение Пушкина «Для берегов отчизны дальней...»¹

С этого времени Вазова начинают интересовать, волновать образы и темы русской литературы; с этого времени он начинает постигать основные принципы реалистического мастерства, которые позднее нашли развитие в его произведениях зрелого периода. Благоприятное влияние русской литературы на Вазова, как мы видим, началось с середины 60-х годов и продолжалось до конца его творчества. С особой силой оно проявилось в конце 80-х годов, когда писатель свыше двух лет пробыл в России, где зачитывался произведениями русских классиков и создавал роман «Под иггом».

Академик Н. С. Державин в своей монографии, посвященной Вазову, а затем в статье «И. Вазов, Россия и русская литература» подробно останавливается на многих стихах болгарского поэта, в которых чувствуется влияние Пушкина, Лермонтова или Некрасова, Плещеева. При этом исследователь неоднократно говорит о «реминисценциях из русской литературы»². Они, несомненно, имеют место в творчестве болгарского поэта, но мы бы хотели отметить прежде всего то обстоятельство, что обращение Вазова к русской литературе способствовало формированию его национального таланта реалиста и, что играет не менее важную роль, оно способствовало усвоению и развитию его передовых литературных взглядов.

Русская литература указывала ему на роль и задачи писателя в общественно-политической жизни своего народа, обращала его внимание на народную поэзию как неисчерпаемый источник народной мудрости, художественной выразительности и простоты, наконец, она помогала ему при создании художественных произведений отбирать и типизировать существенные явления реальной действительности. Комплекс этих вопросов позволил Вазову в 80-е годы подняться на небывалую высоту и достичь вершин реалистического мастерства в болгарской литературе, придал ему силу и решимость в беспощадной борьбе против всяких проявлений эстетства и декадентства в литературе и искусстве.

Влияние русской литературы на творчество Вазова и формирование его литературных взглядов шло по двум направлениям: во-первых, непосредственно, благодаря чтению произведений русских классиков в Болгарии и особенно в России (1887—1889), а во-вторых, опосредствованно через восприятие литературно-художественных и литературно-критических произведений Х. Богева и Л. Каравелова. Именно они — Ботев и Каравелов (мы имеем в виду первый период его творчества) были верными учениками русских реалистов, и они же были в Болгарии первыми последовательными и самыми активными пропагандистами и популяризаторами идей русских революционных демократов как в области общественно-политической жизни, так и в области искусства и литературы.

В результате такого счастливого сочетания влияний этапы развития общественно-политических взглядов Вазова в основном совпадают с этапами развития его литературных взглядов. При этом благоприятное влияние

¹ И. Шишманов. И. Вазов. Спомени и документи, стр. 22—23. Аналогичные высказывания мы находим и в автобиографии писателя (т. 22, стр. 9).

² Н. С. Державин, Иван Вазов. Жизнь и творчество, стр. 140; в статье «Вазов, Россия и русская культура» («Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР», вып. 3, М., 1951, стр. 27).

передовой идеологии болгарских революционеров постоянно подкреплялось и усиливалось влиянием русской литературы. В тех же случаях, когда писатель отходил от принципов Ботева и Каравелова, он неизменно отходил и от принципов русских реалистов.

У Ботева и Каравелова нет больших и специальных работ, посвященных истории литературы или эстетике. Но в их публицистических и критических статьях, а также в художественных произведениях неоднократно говорится о роли писателя в общественной жизни, о его связи с народом, о требованиях, которые предъявляются к каждому литературному произведению. Такие разрозненные высказывания в целом создают стройную систему взглядов на литературу и искусство.

Как Ботев, так и Каравелов выступили против идеалистического истолкования литературных вопросов и вели непримиримую борьбу против идеалистической теории «искусства для искусства». Ботев твердо стоял на той позиции, что литератор — будь он поэтом, прозаиком или публицистом — непременно должен связывать всю свою деятельность с историческими условиями своего времени, что он должен выражать прежде всего интересы своего народа. «И наука, и литература, — писал он в статье от 5 января 1875 г., — и поэзия, и журналистика, словом, вся духовная деятельность его вождей, должны принять характер политической пропаганды, т. е. соотносываться с жизнью, со стремлениями и потребностями народа, чтобы не было больше науки для науки, искусства для искусства...»¹

В полном соответствии с таким толкованием роли писателя и литературного произведения выступал и Каравелов, который столь же решительно утверждал, что «целью современных наших писателей должно быть осмеяние всякой грязи, окружающей нас со всех сторон, и воодушевление честного, чистого, бедного и забитого. Одним словом, мы должны быть сынами своего времени и бороться с современным злом»².

В оценках отдельных произведений, как оригинальных, так и переводных, Ботев исходил из того, что они должны соответствовать условиям жизни болгарского народа того времени, когда создаются эти произведения. Он яростно нападал на тех издателей и переводчиков, которые преподносили болгарским читателям второсортную литературу из посредственных произведений западных писателей. В своих заметках на книги он писал: «Романы, повести, рассказы и вообще чисто литературные произведения должны приравниваться или, попросту, отвечать стремлениям и характеру того народа, на языке которого они пишутся или на язык которых переводятся. Поэтому и нам нужны в данный момент такие литературные произведения, которые отвечают нашим потребностям и стремлениям и имеют в то же время современный общечеловеческий интерес»³.

А соответствовать стремлениям или характеру жизни народа могут только те произведения, которые созданы на основе реальной, конкретной действительности, т. е. произведения реалистические, в которых находят отражение исторические судьбы определенного народа. Эту особенность литературы ценил и Л. Каравелов. В каждом из своих произведений он исходил из реальных исторических условий, и это же требование он предъявлял ко всем болгарским писателям. «Драма, роман или повесть, — утверждал он, — только тогда могут называться болгарскими, когда в них описываются сцены из болгарской жизни. Чем естественнее и вернее изобра-

¹ Х. Ботев. Сочинения, т. 2, София, 1949, стр. 25.

² Цит. по кн.: Л. Ерихонов. Русские революционные демократы и общественная мысль южных славян 60—70-х годов. М., 1950, стр. 84.

³ Х. Ботев. Сочинения, т. 3, София, 1950, стр. 349.

жена болгарская жизнь, тем совершеннее и драгоценнее и само литературное произведение. Опишите действительную жизнь, какова она есть,—и вы принесете народу большую пользу, чем если будете писать или переводить нравственные повести или кукольные комедии»¹.

Ратуя за национальное самобытное искусство и литературу, Каравелов решительно отвергал требования некоторых ограниченных критиков, предлагавших болгарским писателям создавать произведения по образу и подобию произведений западной литературы. В повести «Дети не похожи на своих отцов» он с возмущением говорил: «Болгарские ученые пииты и риторы требуют даже от романистов каких-то допотопных обязанностей и заставляют их насильно подражать Шатобриану и Диккенсу»². Называя эти требования допотопными, писатель как бы выражает уверенность в силы отечественных литераторов, в возможность развития оригинальной национальной литературы.

Как Ботев, так и Каравелов в своем творчестве при изображении жизни болгарского народа постоянно использовали народное творчество — песни, народные обычаи, пословицы и поговорки, считая, что в этих вековых сождениях народной мудрости больше чем где бы то ни было нашли выражение национальная специфика и духовное богатство их народа. Каравелов неоднократно подчеркивал, что глубокое изучение народного творчества дает возможность каждому писателю познать развитие и понятия того или иного народа, раскрыть внутренний, духовный облик человека и на своем образном языке говорить о жизни предшествующих поколений.

Эти высказывания выдающихся болгарских писателей, воспринятые ими от русских революционных демократов и развитые на национальной почве, послужили здоровой основой и краеугольным камнем для развития всей реалистической болгарской литературы. В этом отношении Ботеву и Каравелову следовали такие крупные болгарские реалисты, как Иван Вазов, Алеко Константинов, Елин-Пелин и др.

На этой же основе сложились и литературные взгляды Ивана Вазова. Воспринимая передовые общественно-политические идеи своих предшественников, он постепенно освобождался от влияния сентиментализма французского (Парни) и болгарского (П. Славейкова), от влияния романтизма Е. Сю. Первым уроком по реалистической эстетике юноше послужило высказывание его учителя в сопотской школе Партения Белчева. Как поклонник русской литературы, воспитанный на здоровых, реалистических традициях, последний весьма критически отозвался о романе Е. Сю «Агасфер». «Помню,— рассказывал писатель,— что Партений при разговоре об этом романе оскорбил меня, сказав, что русская критика его отрицает, потому что в основе романа лежит фантастическое и невозможное»³.

Несколько позже, в Румынии Вазов с увлечением читал Дюма, Поль де Кока и авторов других приключенческих романов. Как-то Ботев, увидев у него одну из таких книг, высказался неодобрительно об этом жанре⁴.

Эти случайные и вскользь брошенные замечания глубоко взволновали Вазова. Его личная творческая практика и суждения по литературным вопросам показывают, что писатель постепенно освобождался от своих юношеских вкусов, от прежних увлечений. А в зрелые годы творчеству Сю и даже В. Гюго с его манерой усложнять сюжетную линию он неоднократно противопоставлял русских реалистов Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого,

¹ См. Л. Ерихонов. Указ. соч., М., 1950, стр. 84.

² Л. Каравелов. Съчинения, т. 8, Руссе, 1888, стр. 34—35.

³ И. Шишманов. И. Вазов. Спомени и документи, стр. 20.

⁴ Там же, стр. 36.

М. Е. Щедрина. Однажды в беседе с писателем И. Шишманов заметил, что ему, повидимому, нравятся Сю и Гюго, так как в их произведениях много динамики, эффектные сцены, авантюры. В ответ на это Вазов сказал: «Нет. Почему же? У Толстого нет никакого драматизма (здесь имеется в виду драматический эффект.— В. З.). Широкая эпика. А я люблю Толстого...»¹

Правильному восприятию русских классиков, как и усвоению передовых взглядов на литературу, Вазов учился у своих революционных предшественников в период первого пребывания в Румынии. Только этим обстоятельством можно объяснить появление в 1874—1875 гг. ряда прекрасных стихотворений, составивших впоследствии сборник «Знамя и гусли».

В программном стихотворении этого сборника «Гусли, настроенные на новый лад» (1875) поэт осуждает свое предшествующее творчество (периода создания цикла «Майский букет», 1868) за то, что в нем запечатлены лишь «любовные песни, тихие и беззаботные», что в них прославлялись небо и земля, солнце и звезды, птицы, цветы, красоты Балкан, но нет в них людей, его собратьев, страдающих под иноземным игом. Вазов считал, что его творчество этого периода было ослеплением и заблуждением. По его собственному признанию, такие стихи лишены общественной пользы, они чужды народу («те не услаждают клетки рабове»), и он неизменно приходит к выводу о необходимости разрыва с такими настроениями, отказа от этой слащавой лирики.

Новые настроения поэт передает в сильной поэтической форме: «Гусли беру я, струны срываю, чтобы настроить их по-новому и оросить их своими слезами»². Слезы поэта должны были передать подавленность, горе народа, а его мужественный призыв и борьба должны вдохновить народ на борьбу против тирании. Поботевски звучит уверенность поэта в необходимости таких стихотворений.

Този глас, който на плач прилича,
Вредом ще отзив да си намира:
Тоз, който пъшка, ще го разбира,
Тоз, който плаче, ще го обича.
Вече въставам върху тирана!..
Ази ще пея песни свободни³.

(«Голос, подобный плачу, всюду найдет себе отзвук: тот, кто страдает, поймет его, тот, кто плачет, его полюбит. Я восстаю против тирана!.. Я буду петь песни свободы»).

Основной мотив, пронизывающий все стихотворение, состоит в том, что поэт должен своим творчеством служить делу народа, должен отражать в своих стихах народные думы и чаяния, должен быть выразителем передовых идей своего времени. Как по форме, так и по содержанию эти стихи принципиально отличались от поэзии эволюционистов, от идиллических стихов П. Славейкова и от той сентиментальной лирики, которая заполняла страницы «Периодическо списание» и «Читалище».

Восприятие поэтом новых литературных взглядов в середине 70-х годов можно объяснить только благотворным влиянием на молодого поэта литературной деятельности Ботева и Каравелова. В воспоминаниях «Мои встречи с Каравеловым» Вазов рассказывал, что в те годы он зачитывался статьями революционного писателя, что для него, как и для многих его сверстников, «авторитет Каравелова в области критики был недолим и

¹ И. Шишманов. И. Вазов. Спомени и документи, стр. 158.

² И. Вазов. Събрани съчинения, т. 1, стр. 111.

³ Там же.

неоспорим»¹. Вот почему при первой же встрече Вазова с Каравеловым, состоявшейся в мае 1876 г., у них шла речь главным образом о вопросах литературы. «С пылом ученика перед мастером,— писал Вазов,— я выразил ему свой восторг от его критики, а также сказал об услуге, которую он оказывал молодой болгарской литературе»². Чтение литературно-критических статей одного из основоположников болгарского реалистического искусства, а также беседы с ним по литературным вопросам, бесспорно, способствовали утверждению молодого поэта на позициях реализма.

Во время второй эмиграции Вазова в Румынию, в 1876 г., поэт все больше и больше отходил от эволюционистов и сближался с сотрудниками передовых демократических изданий. С июня 1876 г. Вазов активно участвовал в газете «Новая Болгария», созданной Х. Ботевым в мае того же года. На страницах этого демократического органа появились его пламенные стихи, звавшие болгарский народ к революционной борьбе против тирании и деспотизма³.

В августе 1876 г. в Бухаресте вышел первый сборник Вазова «Знамя и гусли», представляющий собой наиболее яркое выражение чувств и мыслей поэта накануне и в период Апрельского восстания болгарского народа 1876 г. По содержанию и по характеру выражения настроений поэта настоящий сборник близок революционной поэзии Х. Ботева. Сборнику предпослано предисловие, которое дает нам возможность судить о литературных взглядах автора.

«В настоящей книге,— говорится в предисловии,— ...читатель найдет выражение моих различных чувств и впечатлений, возникших у меня за истекший год, в результате тяжелых обстоятельств, в которых мы живем. Я пел как о невероятных страданиях нашего народа под жестоким игом, так и о его благородном и великом подвиге во имя избавления от гнета турок до главного события — перехода отряда Ботева через Дунай»⁴. Важно отметить, что Вазов стремится запечатлеть в стихах те чувства и настроения, которые созвучны его времени, которые близки и дороги его народу. А это значит, что поэт видит свою задачу не в поэтическом выражении любых своих настроений, а лишь в тех, которые отражают чаяния, стремления и думы в первую очередь трудового болгарского народа.

Поэзия здесь ставится на службу общественных, народных интересов. В результате этого через весь сборник проходит мысль о необходимости решительной борьбы, о героях, павших во имя освобождения родины. В стихах этого сборника, как и в следующем сборнике («Печали Болгарии»), нередко проходит мотив грусти, печали, но он не является плодом беспредметного пессимизма автора, а органически вытекает из тяжелых условий жизни поработенного народа. В стихотворении «Моей лире», написанном после подавления восстания 1876 г., поэт обращается к своей музе:

Около нази зрелище гробно,
Тежки вериги дрънкат по-злобно.
Робство, пак робство! Няма свобода⁵.

¹ Там же, т. 9, стр. 230.

² Там же, т. 5, стр. 216.

³ Сюда относятся «Свобода или смерть», «Моя вера», «Политика», «Песня юнаков Радецкого» и др. (см. № 9, 16, 18, 19 и др.). В данном случае пользуюсь публикацией документов М. Арнаудова в книге «И. Вазов. Сборник по случай 100 г. от рождението му», стр. 385—387, а также в кн. И. Вазов. Събрани съчинения, т. 1, стр. 454.

⁴ И. Вазов. Събрани съчинения, т. 1, стр. 454.

⁵ Там же, стр. 136—137.

(«Вокруг нас могильное зрелище, тяжкие цепи звенят более злобно. Рабство, опять рабство! Нет свободы!»). И если в первой половине стихотворения вместе с лирой поэта вздыхает Янтра, стонет Марица, оплакивая печальную участь народа, то во второй половине поэт решительно заявляет: «Нет! Не погибла надежда!.. В клятвах, слезах, воплях народа — я верю — родится наша свобода!» Печаль в данном случае ведет не к отчаянию, а к активной мобилизации сил на новую борьбу, и в этом проявляется сила поэта, выражающего уверенность в победоносном завершении освободительного движения народа.

Много лет спустя, когда Шишманов спрашивал поэта о его первых сборниках, Вазов высказал свои взгляды на поэзию, на роль поэта. В дневнике Шишманова по этому поводу записано: «И он заговорил о высокой социальной роли поэта и о том, что поэт должен жить со своей эпохой и со своим народом»¹. Так как вопрос об эстетических взглядах Вазова возник в связи с отношением поэта к своим ранним сборникам 1876 и 1877 г., мы вправе считать, что эти взгляды складывались у Вазова в период создания им сборников «Знамя и гусли» и «Печали Болгарии». Это подтверждается и содержанием стихов настоящих сборников.

Несмотря на лаконичность высказываний Вазова по вопросам литературы в предосвободительный период, все же можно смело говорить о том, что во второй половине 70-х годов писатель в решении основного вопроса эстетики — отношения литературы к жизни — приближался к требованиям, которые выдвигали Ботев и Каравелов. По утверждению писателя, искусство и литература должны отражать характер и дух своего времени, и поэт должен служить делу освобождения народа. Эти передовые взгляды писателя найдут дальнейшее развитие в период 80-х годов.

* * *

Во время пребывания в Пловдиве (1880—1886) Вазов не только принимал участие в деятельности Областного собрания и Постоянного комитета, но и собирал литературные силы всей Болгарии. По его инициативе в столице Восточной Румелии было создано литературное общество и журнал «Наука» (1881—1883). Председателем общества и бессменным редактором журнала был Вазов. Когда Областное собрание перестало выплачивать государственную субсидию для общества, журнал прекратил свое существование. Вместо этого журнала по инициативе Вазова был создан второй журнал «Зоря», продолжавший направление «Науки» и выходивший вплоть до соединения Южной и Северной Болгарии. Одновременно с работой в этих журналах Вазов сотрудничал в газете «Народный глас» (1880—1885) и вел там отдел критики и библиографии.

Характер направления журналов «Наука» и «Зоря», а также статьи и рецензии писателя в газете дают богатый материал для суждений об эстетических взглядах Вазова. Основная отличительная особенность журналов состояла в том, что здесь были представлены главным образом реалистические произведения болгарских писателей. В журналах печатались стихи и проза, критические статьи и рецензии, мемуарная литература и статьи на политические темы. Из произведений Вазова здесь были опубликованы «Недавно», «Митрофан и Дормидольский», «Отверженные», «Хаджи Ахил», «Кандидат для бани», «Дяденьки» и др. На страницах журнала впервые появилась первая часть капитального труда Э. Стоянова «Записки о болгарских восстаниях» (1883, № 10—12), драма в стихах П. Славей-

¹ И. Шишманов, И. Вазов. Спомени и документи, стр. 103—104.

кова «Старозагорка». Активное участие в журналах принимали К. Величков, М. Маджаров, С. Бобчев и др.

Своим журналам Вазов стремился придать «совсем оригинальный характер», имея в виду при этом популяризацию и пропаганду отечественной реалистической литературы и литературы других славянских народов. Так, в письме к К. Иречку он писал о направлении журнала «Зоря»: «Мы стремимся придать ему характер совсем оригинальный, заполняя журнал повестями, поэзией и литературными статьями по возможности своими (буквально: непереводаемыми.— В. З.), которые будут вкладом в нашу болгарскую литературу, переполненную переводами. Думаю, что только при таких условиях «Зоря» может иметь свое лицо. Вместе с тем журнал будет близок литературному движению европейских, особенно славянских, народов»¹.

Та же мысль — о связи журнала с литературами славянских народов была высказана писателем и в письме С. Вацову: «Впрочем, «Зоря» будет следить за литературным движением в европейском, а особенно славянском, мире, помещая о нем сообщения, а при случае и печатая хорошие произведения из славянских литератур»². И одновременно с этой информацией Вазов просит своего друга прислать ему для журнала лучшие произведения Миличевича, краткую биографическую справку о Мажураниче, а также о других хорватских писателях.

В связи с прекращением издания журнала «Зоря» Вазов не смог полностью осуществить свою литературную программу в середине 80-х годов, но важно отметить, что к этой программе он возвратился позже, создав журнал «Денница» (1890—1891). К работе в новом журнале он привлек дополнительно молодых и тогда еще не известных болгарских реалистов, таких, как Михалаки Георгиев, Веселин Влайков, П. Даскалов и др. Из славянских литератур он переводил и широко популяризировал произведения русских, польских, чешских, сербских и хорватских писателей. На страницах этого журнала печатались переводы Лермонтова и Чехова, Мицкевича и Сенкевича, Св. Чеха и Я. Неруды.

Вазову принадлежит большая заслуга в деле пропаганды и популяризации литератур славянских народов среди болгарского народа. Как писатель-переводчик и редактор нескольких журналов, он ввел своих соотечественников в круг тем и проблем, поднимавшихся писателями реалистами славянских народов и особенно русскими писателями. Учась на опыте этих писателей, он сам утверждался на реалистических позициях и неутомимо боролся за развитие своей реалистической национальной литературы.

В первой половине 80-х годов, в Пловдиве, Вазов вел большую литературно-критическую работу. Почти в каждом номере журнала («Наука», «Зоря») и в газете («Народний глас») можно встретить его статьи и рецензии. При этом исключительное внимание писатель уделял произведениям, посвященным национально-освободительному движению болгарского народа 70-х годов. Его рецензии на пьесы Н. Живкова, А. Голчева, К. Величкова, на мемуарные очерки Ст. Занмова и Св. Миларова содержат ценный материал, раскрывающий отношение Вазова к предосвободительной эпохе и к ее вождям. Он считал, что именно тогда «национальный дух болгар проявился с огромной силой и привел к большим событиям»³, что эта героическая эпоха наложила печать демократизма и на современную жизнь. Только под влиянием демократических идей прошлого, утверждал

¹ «Иван Вазов. Сборник от спомени, материали и документи», стр. 301.

² Там же, стр. 298.

³ И. Вазов. Събрани съчинения, т. 21, стр. 49.

писатель, в болгарском обществе после 1878 г. сформировались такие новые моральные и гражданские качества, как «презрение к трону и любовь к свободе»¹.

На основании рецензий, аннотаций и критических статей Вазова, опубликованных в периодической печати, мы можем судить и о его литературных взглядах той поры. Первое и основное эстетическое кредо Вазова сводится к тому, что литература должна правдиво отражать жизнь и активно вторгаться в нее с целью исправления существующих недостатков. Некогда молодой писатель с трепетом посылал свои первые поэтические произведения в «Периодическое списание», благоговел перед его редакторами В. Стояновым и В. Друмевым, а теперь он со всей силой обрушивается на этот журнал за то, что он отстаёт от жизни и выглядит как «архивная вещь». «Его веяние на дождь и ветер,— пишет Вазов,— его опустошенность и бесцветность, его сонное и меланхолическое существование среди шума борьбы и прогресса, которые гальванизуют мыслящую часть болгарского общества, напоминают нам сказку о царевне, которую убаюкали волшебники в дремучем лесу»². И с глубокой иронией писатель замечает, что это не периодический журнал, а «периодическое прозябание» его редакции.

Выступив против беспочвенной мечтательности, против слащавого сентиментализма, Вазов решительно отвергал и романтизм как направление, как метод в литературе. При этом следует иметь в виду, что термин романтизм, которым пользуется писатель, не соответствует термину, принятому в современном литературоведении. Под романтизмом Вазов разумеет пассивный, реакционный романтизм. По поводу одной поэмы, опубликованной в 1884 г. в журнале «Знание», он писал: «Стихотворение «Мерима», названное поэмой,— жалкое и бедное подражание поэтам отжившей романтической школы»³.

В статье об отечественной науке и литературе писатель говорил, что «наука — это светильник народа, а литература — его жизнь»⁴. Это значит, что писатель должен увековечить в своем произведении подлинную жизнь народа и без прикрас. Вот почему он часто повторял, что принцип «искусство для искусства» органически враждебен ему. «Я думаю,— говорил он Шишманову,— что поэт должен поучать. В этом состоит его социальная миссия»⁵.

Примером в создании реалистических произведений для Вазова всегда служила русская литература. Поэтому его восторженные отзывы о методе русских писателей можно найти не только в литературно-критических статьях, но и в художественных произведениях. Так, в повести «Эпоха — кормилица великих людей», написанной в конце 80-х годов, один из ее героев Китеров разбирает роман своего коллеги Гороломова. Мнение Китерова — это мнение автора и оно сводится к следующему: роман не удался, так как в нем нет ни жизненной правды, ни тени художественности. Это основное положение Китеров развивает, детализирует. В силу важности его для выяснения взглядов самого автора приведем его полностью.

«Что касается события,— говорит Китеров,— не знаю, но роман фальшив от начала до конца... В действии, которое развивается, нет никакой

¹ И. Вазов. Събрани съчинения, т. 21, стр. 11.

² Там же, стр. 167.

³ Там же, стр. 47.

⁴ Там же, стр. 79.

⁵ И. Шишманов. Спомени и документи, стр. 174.

логики, в характере — никакой истины, а душевные проявления героев находятся в полном противоречии со всеми законами психологии. Ваш герой Герольдев — не живое существо, а некая путаница, безликое чудовище... Вы напрасно его выводите симпатичным и неким рыцарем. На сто шагов от него пахнет мошенником, и хотя вы уверяете, что событие подлинное, вам никто не поверит, что он бросился со скалы. Такой нравственный скачок, который вы ничем не объясняете, не может произойти в шарлатанской душе. Такие бессмысленные мелодрамы не происходят в жизни. Что касается формальной стороны вашего произведения, то она обличает вашу большую неопытность и стоит ниже всякой критики... Не спешите, господин Гороломов. Познакомьтесь лучше с русскими классическими писателями. У них вы найдете сокровище образцов изящества и художественного совершенства. Это поможет воспитанию вашего литературного вкуса..., а у современных литературных корифеев вы найдете прекрасный урок для строго реального изображения жизненных явлений»¹.

В этом высказывании заключена целая программа реалистического мастерства Вазова, которая сводится к тому, что все произведение в целом, а также его отдельные компоненты, как события и характеры героев, не только должны быть между собой в логической и психологической связи, но и должны соответствовать явлениям действительности. И если писатель следует правде жизни, то он обязан изобразить ее основные и типические стороны, характерные для данной действительности, а не обращать внимание на случайные скачки и мелодрамы. Так у писателя возникает второе условие реалистического метода — *требование типического изображения действительности*, и лучшими образцами в этом отношении он считает произведения русских писателей.

В статьях Вазов неоднократно отмечал, что только в тех случаях, когда писатель улавливает типические явления жизни, он в состоянии правдиво их изобразить и, таким образом, оказывается в состоянии создать полноценное художественное произведение. Если писатель отходит от этого правила, его неизменно постигает неудача. В рецензии на книгу «Десятидневное царствование» А. Шопова, посвященную восстанию 1876 г., Вазов упрекает автора за то, что он описывает все, что приходит ему на ум: «Попадет ли под перо писателя мысль, муха, голубь, какое-либо сравнение, он не выпустит их, пока не исчерпает весь свой запас слов. Отличительная черта его писательского таланта — неисчерпаемое изобилие слов. Муха жужжит, летит через три страницы наряду с рассуждениями, мудрствованиями, сравнениями, которым она послужила причиной, источником, предметом, началом и концом»². Вопреки желаниям автора подлинного произведения не получилось, так как второстепенные мелочи заслонили главное — героические события, о которых следовало рассказать.

Типическое Вазов воспринимает как самое яркое, основное и характерное в жизни данного периода или в поведении человека. Большой интерес в этом отношении могут представить его суждения, высказанные им в рецензии на пьесу К. Величкова «Отечество» (1881). Пьеса посвящена событиям национально-освободительного движения в Болгарии 70-х годов прошлого века. Отметив, что драматург поставил задачей изобразить эпоху, Вазов пишет: «Напрасно бы читатель стремился увидеть в Балканском образ Левского, Раковского или Бенковского. Балканский — это тип, который воплощает в себе могучие черты вождей народного самосознания

¹ И. Вазов. Собрание сочинения, т. 8, стр. 328.

² Там же, т. 21, стр. 134.

и революционного воспламенения. В Ольге воплощен образ тех храбрых и восторженных девушек и женщин, которые принимали участие в деле подготовки бури, в которых патриотизм занял место зеркал, белил, мод и суеты, неразлучных для женской природы...» И далее: «Во всех сценах и монологах автор стремился сохранить и наглядно показать главную идею — нить, которая соединяет все отдельные события и личности драмы, а именно: революционное настроение со многими его благоприятными и неблагоприятными условиями, среди которых оно нарастало»¹.

В таком правдивом изображении жизненных явлений — героев и событий — Вазов видит большую заслугу писателя. Но, по мнению рецензента, К. Величкову чувство типического иногда изменяет. И это происходит в тех случаях, когда драматург произвольно, по собственному желанию и вопреки жизненной правде, наделяет героев нетипическими чертами. «Неестественно выглядит, — пишет Вазов, — и кавалерская деликатность чувства, данная автором Тахсин-паше, которого, по занимаемому положению в драме, следовало бы изобразить настоящим представителем турецкой тирании со всеми ее резкими чертами: грубостью, коварством, фанатизмом и беспардонностью в отношении к бунтующим рабам»².

В данном случае драматург не пошел по линии выделения решающего, определяющего в характере героя, являющегося выразителем антинародной группировки, и это привело его к «отступлению от жизненной правды». Слабостью драматурга Вазов считает и возвышенный, философский стиль языка, на котором изъясняются герои в пьесе. В результате создается противоречие между социальным положением героев и манерой их высказывания, что также ведет к отступлению от реализма. Замечания болгарского классика о языке художественного произведения углубляют его понятие о реальном и типическом изображении действительности, включая в понятие типического и язык писателя.

В художественном произведении язык писателя и его героев, говорил Вазов, должен сообразоваться со средой и с условиями, которые изображаются, т. е. язык должен помогать раскрытию реальной действительности и типических условий. Язык превращается в такой предмет, который требует особого изучения и умелого использования.

Правдивость и типичность в литературе, по мысли Вазова, не являются самоцелью для писателя, а должны быть подчинены выражению передовых идей, воспитанию и читателей лучших черт и вкусов. Такова третья особенность эстетических взглядов болгарского классика.

«Каждая книга, — говорил он, — каждая газета, к какой бы отрасли она ни относилась, должна иметь какую-то цель, какой-то план, в них должна существовать какая-то мысль; иначе они не имеют значения»³. В статье о драме (а ее положения могут быть отнесены к любому художественному произведению) он пишет: «Важно: с талантом ли она написана, хорошо ли построена, правильно ли развиты характеры, волнует ли она зрителей лучшими и высокими чувствами, проводит ли она здоровые идеи в общественное сознание, будоражит ли она, как гальванический ток, умы и западают ли глубоко в душу представленные сценические образы? Если эти качества имеются, то это хорошая драма, прекрасное произведение»⁴.

¹ И. Вазов. Собрани съчинения, т. 21, стр. 101; 102.

² Там же, стр. 102.

³ Там же, стр. 19.

⁴ Там же, т. 22, стр. 266—257.

Как видим, Вазов требует от автора не только таланта, правильного построения произведения, правдивого развития характеров, но и выражения здоровых, передовых идей своего времени. А здоровыми идеями в 80-е годы он считал прежде всего прославление великого подвига борьбы, патриотизма героев национально-освободительного движения и беспощадное разоблачение буржуазной морали, хищных капиталистических отношений в болгарском обществе. Отсюда писатель приходит к мысли о необходимости развития в литературе и широкой популяризации такого жанра, как сатира. «В Европе, — писал он в 1883 г., — с огромным нетерпением ожидают выхода сатирических газет и журналов. Русские, например, читая «Отечественные записки», в которых участвует и талантливый сатирик Щедрин, прежде всего читают его статьи, где он безжалостно разит все позорное, подлое, продажное и вредное... Наступило время предать огню фальшивое и ничтожное, наступило время показать болгарской публике разницу между полезным и вредным, между истиной и ложью»¹.

И в своих художественных произведениях — в поэзии, прозе и драматургии — Вазов беспощадно разит обывательское «существование», карьеризм, продажность и лицемерие властителей города и деревни. Достаточно вспомнить его стихи «К Европе», «Дизраэли», «Сентиментальная прогулка по Европе», «Дипломированные», поэмы «Грамада», «Загорка», пьесы «Господин Мортагон», «Руска», рассказ «Кандидат для бани», повести «Митрофан и Дормидольский», «Дяденьки», роман «Под игом» и многие другие произведения. Эта сатирическая струя, вызванная к жизни реальными условиями, знаменовала собой продолжение лучших традиций Ботева и Каравелова под влиянием таких писателей, как Гоголь, Салтыков-Щедрин, Некрасов и Шевченко.

Одним из важнейших средств развития художественной литературы Вазов считал литературную критику, которая должна быть принципиальной, изгонять из литературной жизни пошлость и бездарность и, с другой стороны, поощрять светлые таланты, служащие делу народа, прогресса. В предисловии к сборнику «Поля и леса» (1883) мы находим такие мысли: «Критика настоящая, просвещенная критика, которая дает венец талантам и предаёт забвению бездарности — наиболее желательна для писателя, который уважает свою миссию, который стремится к истине и просит света, согревающего его совесть и его путь. Критика дела и анализ вещей — самый могучий двигатель человеческого прогресса в новое время. Где их нет, там наступает темнота, там блуждания, там умственный застой»².

Итак, долг писателя, долг критика состоит в том, чтобы бороться с пошлостью в жизни, чтобы облагораживать людей и нести им передовые, светлые идеи, направленные на улучшение жизни трудового народа. Эти же положения Вазова позднее были им развиты в программном предисловии к сборнику «Легенды у Царевца», когда он с позиций демократа и реалиста обрушился на эстетов, декадентов и символистов. Писатель, говорил он, должен быть «сыном своего народа и своего времени, независимо от того, обращается ли он к прошлому, окунается ли в волны современной жизни или избирает общечеловеческие темы, — и своим произведением затрагивать какую-либо струну народной жизни, чтобы она двигала его чувством, радостью и стремлением, а он должен быть его отзвуком. И за симпатию он встретит симпатию. Без этого родства между его душой и душой

¹ И. Вазов. Събрани съчинения, т. 21, стр. 20.

² Там же, т. 1, стр. 460.

народа он останется чуждым последнему, какой бы талант он ни вложил в свое творение»¹.

Писать же о простом народе и для народа можно только простым и ясным языком, доступным для всех читателей. Отсюда у Вазова возникает еще одно требование к художнику слова — *предельная выразительность и ясность* как в построении всего произведения, так и в его изложении. Такой выразительности поэт и прозаик могут достичь только в том случае, когда они будут пользоваться средствами народного творчества, как это в свое время делали Ботев и Каравелов.

Известно, что выдающиеся революционные писатели — предшественники Вазова — постоянно обращались к болгарскому фольклору и использовали его в своих произведениях. Любен Каравелов упорно и много занимался изучением болгарского фольклора. Результатом этих изучений явилась его книга «Памятники народного быта болгар», изданная в 1861 г. в Москве. Сюда вошло свыше трех тысяч болгарских пословиц и поговорок с примечаниями об их употреблении, народный дневник славян, а также болгарские легенды. В течение многих лет в газетах и журналах Каравелов печатал собранные им народные песни. Глубокое и всестороннее изучение писателем болгарского фольклора благотворно отразилось на его литературном творчестве — в поэзии, художественной прозе и публицистике.

Все поэтическое творчество Ботева проникнуто народной поэзией, что отразилось в построении образов, в характеристике героев и в напевном стиле его стиха. Эту сторону творческой деятельности Ботева высоко ценил Вазов. «Из всех болгарских поэтов, — указывал он, — Ботев ближе всего подошел к народной жизни, чтобы воспринять ее дух (буквально: пропитаться ее духом. — В. З.), до неподражаемости усвоить ее форму и с большим успехом облечь в нее свои мечты и идеалы. Он имел возможность еще с детства слушать и понимать мотивы народного творчества, чтобы проникнуться простой и чистой поэзией старопланинских долин: душа его рано сроднилась с народной душой. Без этого невозможно бы было написать ни «Гайдуки», ни «На прощанье», ни первые два куплета «Моей матери», где все веет балканской свежестью и поэтической простотой»².

Следуя примеру своих предшественников, Вазов в творческой практике постоянно обращается к фольклору. Ценные замечания по поводу народных песен, загадок, сказок мы находим и в его статьях, рецензиях, опубликованных в 80-е годы. Он, например, рекомендует читателям сборник болгарских народных загадок Маринова, отмечая, что в них «кроется народная философия»³, приветствует появление сборника македонских сказок Шапкарева⁴ и упрекает И. Богорова, который небрежно записал народные песни, допустив в отдельных стихах разное количество слогов. «Мы знаем, — писал рецензент, — с какой строгостью народ хранит равное число слогов, когда создает свои песни»⁵.

Исключительно высоко Вазов ценил труд македонских фольклористов, братьев Димитра и Константина Миладиновых. Им он посвятил одну из поэм в цикле «Эпопея забытых», таким образом включив их имена в один ряд с именами тех деятелей, которым болгарский народ обязан своим политическим и культурным возрождением. В рецензии на книгу, посвящен-

¹ И. Вазов. Собранны съчинения, т. 4, стр. 250.

² Там же, т. 21, стр. 235.

³ Там же, стр. 123.

⁴ Там же, стр. 165—167.

⁵ Там же, стр. 113.

ную их жизни и деятельности, он назвал составленный ими сборник народных песен «великим трудом в ту мрачную эпоху»¹. А вот что позднее он рассказывал Шишманову: «Их печальная участь мне была известна. Я очень высоко ценил их патриотическую и фольклорную деятельность. Их сборник у меня был настольной книгой»².

Восторженное отношение Вазова к народным песням, к простонародным выражениям в языке мы находим и в его путевых очерках «Утро Старой Планины», «Великая Рильская пустынь», «В недрах Родоп» и др. По мнению писателя, народное творчество дает богатый материал для изучения нравов народа, его быта и языка со всеми его фонетическими и грамматическими особенностями. Интересно отметить, что Вазов неоднократно грамматическую форму литературного языка устанавливал по народным песням. Так, он долго не мог подобрать выразительного названия для своего второго сборника стихотворений 1877 г. Сначала он предполагал его назвать «Въздъшките на България» (вздохи, или стоны, Болгарии)³ и только позже нашел: «Тъгите на България». Один из видных литературных деятелей болгарского возрождения, пурист в языке и автор первой болгарской грамматики, И. Богоров упрекнул поэта в неправильном употреблении слова «тъга» (горе, грусть, тоска, печаль), которое якобы возможно только в единственном числе. И как бы в свое оправдание Вазов замечает: «Он не знал, что в народных песнях есть: «Къде се дянаха пустите наши две тъги?»⁴ Следовательно, употребление подобной формы в народной поэзии дало право писателю узаконить ее в литературном языке. Из разговорного языка Вазов часто берет специфические болгарские выражения для названий своих произведений. Достаточно вспомнить такие краткие и выразительные названия как «За своята си черга», «Немили-недраги», «Драски и шарки» и др.

Болгарская буржуазная критика неоднократно упрекала писателя за то, что его литературный язык слишком близок народному. Это привело к тому, что многие его произведения эстеты презрительно называли «мужицкими». И Вазов с полным достоинством и гордостью отвечал им: «Да, я горжусь этим «мужицким» языком: на нем пишу, на нем думаю. Как болгарин, я не могу писать на другом языке, так как пишу для болгар, которые тоже мыслят на нем... Я уже говорил и повторяю: великие писатели — Гюго, Байрон, Шиллер, Пушкин и другие — просты и ясны. Толстой — прост и ясен, он даже стремится стать совсем понятным для крестьян!»⁵

Как видим, Вазов большое значение придает форме литературного произведения и особенно языку писателя. Если от художника слова он требует, чтобы содержание произведения вело к постановке важных тем и проблем, отражающих народную жизнь, то форма такого произведения должна быть предельно простой, четкой и также должна быть близка и понятна простому народу. Величие крупнейших писателей мировой литературы Вазов усматривает именно в единстве их формы и содержания, в простоте передачи ими великих идей своего времени. Достичь такого единства и выразительности писатель может только в том случае, если он овла-

¹ Там же, стр. 186.

² И. Шишманов. И. Вазов. Спомени и документи, стр. 203.

³ См. письмо Вазова к С. Вацову. — Иван Вазов. Сборник от спомени, материали и документи», стр. 279.

⁴ И. Шишманов. И. Вазов. Спомени и документи, стр. 191.

⁵ И. Вазов. Събрани съчинения, т. 22, стр. 270.

деет всем национальным богатством народного творчества и будет его использовать в своей творческой деятельности. Таково глубокое убеждение Вазова — писателя-демократа и реалиста. Вот почему он неоднократно обращался к своим молодым коллегам с призывом: «Молодые поэты, читайте народные песни. Они научат вас мыслить просто и писать хорошо. Наши лучшие поэты любили народную поэзию и черпали в ней богатства»¹.

Повседневное обращение писателя к народному творчеству, несомненно, обогатило его художественные произведения и способствовало развитию самобытной национальной литературы. Великая сила Вазова как писателя-реалиста состояла в том, что он в содержании и форме своих произведений исходил из основ народной жизни, из их духовной культуры. Творческое использование неисчерпаемого сокровища народной мудрости, а также смелое продолжение и развитие им в этом плане традиций Ботева и Каравелова обеспечили формирование его передовых эстетических воззрений и определили его развитие как глубоко народного поэта, прозаика и драматурга.

Формирование эстетических взглядов Ивана Вазова проходило под благотворным влиянием передовой русской общественной мысли и классической литературы. Прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что Вазов каждый раз при доказательстве того или иного положения о литературе неизменно прибегает к авторитету и опыту русских писателей. В этом виден результат глубокого, творческого изучения и восприятия им опыта той литературы, которая развивалась не в стороне, обособленно и замкнуто, а на магистральном пути важнейших тем и проблем мировой культуры, той литературы, которая дала человечеству Пушкина и Гоголя, Некрасова и Щедрина, Островского и Толстого, которая выдвинула плеяду великих революционных демократов — Белинского, Писарева и Герцена, Чернышевского и Добролюбова.

Русская литература глубоко волновала болгарского писателя в течение всей его жизни по двум причинам: во-первых, в ней он находил постановку и решения с демократических позиций важнейших вопросов общественно-политической и культурной жизни того времени, а во-вторых, в произведениях русских классиков он видел правдивое и всестороннее раскрытие жизни и духа великого русского народа, иными словами, реалистическое изображение действительности. И в какую бы пору своей жизни Вазов ни высказывался о русской литературе, он непременно подчеркивал эти ее черты, считая их основными и характерными в творческой деятельности многих писателей, — Пушкина и Лермонтова, Щедрина и Короленко.

Как мы уже отмечали, Вазов с юношеских лет читал много произведений русских и украинских писателей. Его ранние поэтические опыты в начале 70-х годов отражают благотворное влияние Пушкина и Шевченко. В 1870 г., как рассказывает И. Шишманов со слов поэта, в Калофер на каникулы возвратился один из русских воспитанников и декламировал Вазову пушкинское стихотворение «Чернь». Под непосредственным влиянием этого стихотворения Вазов написал свое — «Борьба»². «Познакомившись еще в Калофере с лучшими произведениями русской поэзии, — пишет литературовед, — он (Вазов. — В. З.) особую любовь сохранил к Пушкину, которого и сейчас ценит выше Лермонтова и который вместе с Беранже и Гюго больше всего влиял на развитие его таланта... Уже с тех пор русская

¹ И. Вазов. Събрани съчинения, т. 21, стр. 296.

² «Периодическо списание», 1870, кн. 2, стр. 103—106.

поэзия не переставала быть богатым источником для вдохновения и образования Вазова»¹.

Известно, что эпиграфы многих стихотворений болгарского поэта взяты из произведений Пушкина, Лермонтова, Некрасова, что в статьях «О моем отношении» («За своята си черга»), «Вне Болгарии», в романе «Новая земля» и в других произведениях Вазов неоднократно с любовью и благоговением писал о русских классиках. «Пушкин и Лермонтов,— говорил он в 80-е годы,— открывали передо мной тайну стихотворства, давали мне уроки по музыке речи, по красоте формы, по выразительной краткости мысли»². Следовательно, на произведениях Пушкина и Лермонтова поэт учился создавать такие произведения, которые должны быть музыкальны, выразительны по форме и мысли, которые должны быть волнующими и реалистическими. И в столетнюю годовщину Пушкина он с уверенностью писал, что «пройдут столетия, а слава его будет громко звенеть», так как в его стихах сохранены «чудные напевы» и «высокие мечты»³.

В конце 70-х годов в Берковиде Вазов познакомился с творчеством Н. В. Гоголя, который поразил его острой наблюдательностью, живым юмором и сатирой. Тогда же болгарский писатель выразил сожаление, что он не обладает талантом русского сатирика, а быт и нравы провинциальной среды прямо просились на страницы литературных произведений. В своем шуточном послании другу С. Вацову он искренне признавался:

Гогол да бях ази, при нашите хора,
Щях да спиша нешто като Ревизора.
Тук ще найдеш люде, типови таквиз,
Що не ще да срещнем от Крим до Париз⁴.

(«Если бы я был таким, как Гоголь, я бы написал нечто вроде «Ревизора». Здесь найдешь таких людей, типы, что не встретишь от Крыма до Парижа»).

Мысль написать нечто подобное сатире Гоголя долгое время и всерьез беспокоила писателя. Через несколько лет после своего признания другу он выступает с повестями «Митрофан и Дормидольский», «Дяденьки», стремясь в сатирической форме представить быт и нравы своих провинциальных соотечественников. Характер стиля этих произведений, изображение героев находятся в прямой зависимости от Гоголя. В первой повести оказались даже сходные ситуации с отдельными произведениями русского классика, что дало повод некоторым болгарским литераторам (З. Стоянову) обвинить Вазова в плагиате из Гоголя. В ответной статье («За своята си черта») Вазов признает, что он испытал влияние русского писателя, но решительно отвергает оскорбительное обвинение в плагиате: «Гоголь слишком типичный, своеобразный гений, волшебный художник, чтобы можно было ему подражать... Критика называет его за его реализм отцом современной литературной школы, но он остается одиноким по своему гениальному юмору и особенностям своего творчества... Гоголь, однако, был для меня всегда недостижим»⁵.

В тот же период, когда Вазов издавал свои сатирические повести, он основательно познакомился с творчеством Н. А. Некрасова, который оказал

¹ И. Шишманов. Наченки от руско влияние в българската книжнина, Бълг. преглед, 1889, кн. 9—10, стр. 172.

² И. Вазов. Събрани съчинения, т. 7, стр. 286.

³ Там же, т. 2, стр. 299.

⁴ Там же, т. 4, стр. 486.

⁵ Там же, т. 7, стр. 286—287.

на него большое влияние. «Мне особенно нравились,— рассказывал он Шишманову,— его острая сатирическая речь и его реализм. Вот почему мои первые стихотворения в «Науке» («Пустота», «Старый сторож») отражают некрасовские настроения»¹.

К этому времени относится упорная и плодотворная работа болгарского поэта над переводами русских классиков. Из Пушкина он перевел несколько стихотворений и отрывки из «Евгения Онегина», «Медного всадника», «Цыган», «Бориса Годунова»; из Лермонтова — отрывки из «Демона», «Пророк», ряд стихотворений Некрасова, Кольцова, Крылова и других поэтов².

Если к этому мы напомним о неоднократных восторженных выступлениях писателя по поводу сатиры Щедрина, то можно безошибочно утверждать, что в середине 80-х годов под влиянием реалистической русской литературы развиваются реалистические взгляды писателя и крепнет его реалистический талант, что проявилось во многих художественных произведениях в поэзии и прозе. Одновременно с этим процессом шел процесс ослабления влияния западных писателей, в частности В. Гюго. Поэтому нам представляется совершенно справедливым тот вывод, к которому пришел современный болгарский критик С. Каролев в своей книге о методе и литературных взглядах Вазова. «Если у авторов, как Гюго,— пишет Каролев,— он учился не только содержательной величавости образов, но и возвышенному тону и стилю, то у поэтов, как Некрасов, он учился глубоко реалистическому творчеству, которое, не будучи чуждым прогрессивной романтике, отличается простотой, ясностью и экономностью выразительных средств. Если в некоторых произведениях Вазова этого периода и позже имеет место известная искусственная риторика и многословие, то это означает, что на практике он не всегда мог осуществить свои эстетические взгляды по этому вопросу»³.

Действительно, многие поэтические и прозаические творения Вазова этого периода еще не ровны. Есть в них и длинноты и некоторая наивность в раскрытии жизненных явлений. Более успешно писатель разрабатывал в своих произведениях тему национально-освободительного движения болгарского народа. У него уже были такие завоевания, как повесть «Отверженные», как цикл «Эпопея забытых», но и они при всех своих достижениях все же уступают, скажем, роману «Под игом» или удивительному рассказу «Болгарка». Это можно объяснить только тем, что в середине 80-х годов у Вазова продолжался процесс овладения реалистическим мастерством русских классиков, который получил свое завершение лишь после его длительного пребывания в России.

Вынужденная эмиграция Вазова в Одессу, его поездки в Москву и Петербург способствовали углубленному изучению им прежде всего русской литературной жизни и творческому восприятию опыта великих мастеров реалистического искусства. Богатые материалы в этом отношении мы можем найти в его статье «Вне Болгарии». Здесь писатель касается многих сторон жизни, быта и нравов русских людей, дает описания многих исторических и культурных памятников, но главное внимание он уделяет вопросам литературы.

¹ И. Шишманов, И. Вазов. Спомени и документи, стр. 66.

² См. «Иван Вазов. Живот и творчество. За 70 г. от рождението му» под ред. на Ст. Романски, стр. 173—194; «И. Вазов. Сборник по случай 100 г. от рождението му», стр. 182—216.

³ С. Каролев. Указ. соч., стр. 109; к этой оценке близок и Г. Константинов в своей статье «Вазов и русская литература» (см. его книгу «Иван Вазов. Велик реалист и патриот», София, 1950, стр. 41).

Несмотря на некоторые ошибочные положения в оценке общественно-политической жизни России, доверие к официальному славянофильству, Вазов все же усмотрел лучшие демократические традиции в литературе и оставил интересные высказывания как обо всем литературном направлении, так и о творчестве отдельных писателей.

Прежде всего он считает, что «ряд могучих талантов после Пушкина создали трезвое воззрение на литературу, и она пошла своим, самобытным путем, что резко отличает ее от западных литератур»¹. К числу этих могучих талантов он относит Гоголя, о котором не раз вспоминает на страницах очерка (стр. 243, 289), Островского (стр. 235), Льва Толстого (стр. 256—258, 289, 312), Щедрина и Глеба Успенского (стр. 290), молодых тогда Чехова и Короленко (стр. 290) и плеяду выдающихся критиков — Белинского, Писарева, Чернышевского и Добролюбова (стр. 235, 275, 287). В Островском он ценит «яркое и живое» изображение типов из жизни русских купцов и помещиков, большую художественность, соединенную с необыкновенно наблюдательным талантом. В произведениях Льва Толстого он видит «могущественного гения», слава которого растет в Европе. Вместе с тем Вазов осуждает толстовское смирение, непотворение злу и удивительно метко замечает, что его «патриархально-философская жизнь (речь идет о пребывании писателя в Ясной Поляне.— В. З.) многими рассматривается как чудачество, а его философские мудрствования — плод мистического настроения, свойственного старости»².

Обозревая русские журналы «Отечественные записки», «Вестник Европы» и др., писатель приходит к убеждению, что «русские периодические издания по своим достоинствам превосходят подобные издания у западных народов и даже с успехом соперничают с английскими «Ревю»³. Главная причина этого, по мнению Вазова, состоит в том, что они под влиянием «самых талантливых умов», начиная с Белинского, настойчиво проводят в литературе реалистические тенденции и служат средством выражения передовых идей. «Политический и социальный строй,— пишет он,— породил вопросы, сильным проводником которых в обществе стала литература. Ряд талантливых писателей, как Писарев, Чернышевский, Герцен, Добролюбов, стали красноречивыми защитниками свободолобивых начал, первенствующих в нынешнем веке. Они рекомендовали положить их в основу русского государственного управления и создали русскую либеральную школу⁴. Ее влияние было плодотворным. Она поставила задачу перед русской мыслью, расширила умственный кругозор общества и внесла в сознание его идеи свободы, правды, прогресса»⁵.

Нужно сказать, что в прошлом веке в Болгарии после Каравелова и Ботева ни один из писателей не подымался на такую высоту и никто из них так не оценил русской литературы, как это сделал в своем очерке Иван Вазов. Если учесть еще, что по возвращении писателя в Болгарию там свирепствовал диктаторский режим Стамбулова, что строжайше запрещалось говорить о влиянии передовой русской общественной мысли, то заслуга Вазова как пропагандиста и популяризатора русских писателей

¹ И. Вазов. Събрани съчинения, т. 11, стр. 236.

² Там же, стр. 258.

³ Там же, стр. 235.

⁴ Термин «либеральная школа» в то время в общественной и литературной жизни Болгарии не имел такого значения, какое он приобрел позже. Здесь Вазов имеет в виду передовое направление — демократическое по содержанию и реалистическое по своему методу.

⁵ И. Вазов. Събрани съчинения, т. 11, стр. 287.

приобретает исключительно важное значение в общественной и литературной жизни страны.

Классик болгарской литературы не только высоко ценил реалистические и демократические традиции русской литературы, но и уверенно прогнозировал ей великое будущее: «Нелепо будет считать,— говорил он,— что творческий дух русских исчерпан в произведениях Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева и графа Толстого! Русской мысли предстоит еще широкое поприще для развития и творческой деятельности... Она имеет еще перед собой благодарные задачи как в области духа, так и в области всемирной истории»¹. Так, скорее чутьем, интуицией, чем сознанием и пониманием исторических законов развития общественной мысли, Вазов предугадал великий расцвет русской культуры и литературы, наступивший в наши дни.

Восприятие Вазовым передовой русской литературы укрепило его передовые эстетические взгляды и придало ему силу и мужество для борьбы против антиреалистической реакции в болгарской литературе, выступившей в начале XX столетия. В течение многих лет Вазов упорно боролся против эстетических литераторов типа Крыстю Миролобова или Пенчо Славейкова, против декадентов и символистов. Каждый раз в полемике с ними он ссылался на опыт и авторитет русских классиков.

Приведем несколько примеров, относящихся к более позднему периоду. В одной из своих статей Вазов утверждал, что Пенчо Славейков ошибочно противопоставляет себя и свои литературные творения народным массам. В ответ на заявление Славейкова, который «пишет глубоко и высоко», а его современники якобы в силу низкого уровня не в состоянии этого понять, Вазов замечает: «А присутствующие спрашивают: «Почему же мы понимаем Толстого, Горького, Гюго, Ибсена?...» Несомненно, общество право, а г. Славейков ошибается»².

Писатель, всю жизнь трудившийся над созданием правдивых произведений о жизни своего народа, трудившийся для народа, глубоко возмущался декадентскими произведениями. «Нас,— говорил он,— возмущает это антихудожественное учение и бессмыслица, которая его характеризует»³. В связи с тем, что болгарские газеты в 1910 г. усиленно популяризировали среди молодежи Арцыбашева и Пшыбышевского, Вазов открыто выступил в печати с протестом. Он назвал Арцыбашева и Пшыбышевского «умственно извращенными и душевно больными писателями»; он требовал, чтобы общественность выступила против «подобной низкой литературы, предназначенной убить всякое чистое и человеческое чувство». Вместо этого Вазов рекомендует молодежи подлинных реалистов — Толстого, Короленко, Сенкевича⁴.

В дополнение к этим высказываниям приведем еще один документ Вазова, относящийся к 1910 г. Мы имеем в виду предисловие поэта к сборнику стихов «Легенды у Царевца». Своему предисловию Вазов придавал большое значение. Как только книга вышла из печати, он обратился с письмом к редактору газеты «День» и просил его опубликовать в приложении «если не целиком, то хотя бы часть предисловия книги» на том основании, что оно будет полезно для всех читателей. В следующем письме к редактору он вновь возвращается к этой мысли: «Посылаю вам

¹ И. Вазов. Събрани съчинения, т. 11, стр. 289.

² Там же, т. 21, стр. 341.

³ Там же, стр. 269.

⁴ Там же, стр. 347—349.

«Легенды у Царевца», а также отдельно предисловие. Если будет возможность, воспроизведите его целиком, чтобы не терялась связь»¹.

Каково же содержание предисловия, если его автор придает ему такое значение? Это было программное выступление писателя, направленное на разоблачение болгарской декадентской поэзии и на утверждение реалистического искусства, служащего народу и выражающего его демократические стремления. Для характеристики программы писателя приведем здесь одно из основных положений Вазова. «Наши молодые поэты,— пишет он,— среди которых есть и богатые дарования, в своем стремлении, впрочем, законном, к оригинальности ищут новые пути и новые формы для своей мысли; они оторвались от народной среды и запели в тон новоявленным веяниям западноевропейской литературы. Они вознеслись в область олимпийской отчужденности и индифферентности, углубились в самозерцание и порвали всякие связи с окружающей жизнью. Они стали символическими, индивидуалистами, декадентами, сверхчеловеками и не знаю еще кем. Поэзия космополитичная, холодная, неболгарская, не согретая живым человеческим чувством, потому что она выросла не на болгарской почве, чужда болгарскому духу. Они забыли правдивые слова великого Белинского: «Поэзия каждого народа есть непосредственное выражение его сознания; от этого поэзия тесно слита с жизнью народа. Вот причина, почему поэзия должна быть народной и почему поэзия одного народа не похожа на поэзию всех других народов»².

Итак, отрыв поэта от реальной действительности приводит его к поэзии холодной и космополитичной, чуждой интересам и стремлениям народа. Таково было убеждение реалиста, воспитанного на лучших традициях национальной литературы и на опыте передовых русских писателей.

Эту сторону совершенно справедливо подчеркнул в своем докладе и президент Болгарской Академии наук Т. Павлов: «Именно Вазов, претерпев благотворное влияние великих русских демократов и реалистов, продолжив основную для нашей литературы демократическую и реалистическую линию, идущую еще от Каравелова и Ботева, оформился как самый крупный наш критический реалист с яркими элементами прогрессивной романтики»³.

Таким образом, литературные взгляды Вазова, сложившиеся в период 70—80-х годов прошлого века, сыграли благотворную роль в творчестве писателя последующих лет и имели большое значение для развития всей реалистической болгарской литературы конца XIX и начала XX в.

Многочисленные примеры из жизни Вазова, а также его высказывания в письмах, статьях и автобиографических заметках, относящихся к этому периоду, позволяют сделать следующие выводы:

1. Общественно-политические взгляды Вазова 70-х годов складывались под влиянием национально-освободительной борьбы болгарского народа и революционных событий в Болгарии и Румынии. На формирование его взглядов большое влияние оказала идеология болгарских революционеров Левского, Каравелова, Ботева. Так же как и Ботев, Вазов выступил за

¹ Иван Вазов. Сборник от спомени, материали и документи», стр. 110.

² И. Вазов: Събрани съчинения, т. 4, стр. 252—253. Это место из предисловия Вазова до сих пор приводилось неточно в советском литературоведении; цитата из Белинского не сверялась с русским изданием. Нам удалось установить, что в данном случае Вазов цитирует русского критика по статье «Древние российские стихотворения», которая впервые была опубликована в «Отечественных записках» за 1841 г., т. XVIII, № 9 (см. В. Белинский, Соч., изд. Венгерова, т. 6, стр. 309).

³ «И. Вазов. Сборник по случай 100 г. от рождението му», стр. 34.

вооруженную борьбу болгар против чужеземных поработителей, за укрепление русско-болгарских связей; оба писателя были кровно связаны со своим народом и служили ему в своей литературной и общественной деятельности.

Связь Вазова с идеологией Ботева и раннего Каравелова определила его демократические позиции в 80-е годы и выдвинула его как крупнейшего писателя-демократа, певца национально-освободительной борьбы болгарского народа.

В своих общественно-политических взглядах 70—80-х годов Вазов был выразителем интересов широких кругов крестьян и ремесленников, что определило его силу, его колебания и его противоречия во взглядах и творчестве.

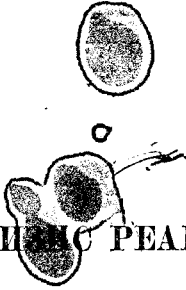
2. Литературные взгляды Вазова в течение двадцатилетия изменялись. Писатель постепенно отходил от сентиментализма к революционному романтизму и реализму. Благотворную роль в восприятии реалистических взглядов писателем сыграли, с одной стороны, его революционные предшественники Ботев и Каравелов, а с другой — классическая русская литература. Вступив на позиции реализма, Вазов стал в Болгарии пламенным пропагандистом русской литературы и вел непримиримую борьбу против антихудожественных и антиреалистических направлений.

3. Восприятие демократических идей Ботева и Каравелова, усвоение опыта русского реализма позволили Вазову освободиться от ранних влияний западноевропейской литературы и выработать свои взгляды на искусство и литературу. Положительная сторона в этих взглядах — это связь литературы с жизнью, с интересами народа, утверждение единства формы и содержания, борьба за демократические идеи. Слабость писателя состояла в том, что он не ставил литературу на службу определенного класса (у него народ вообще), а порой и изолировал ее от политической борьбы.

4. Участие писателя в общественно-политической жизни страны, его глубокий интерес к событиям освободительного движения, к вождям и участникам этого движения определили тематику многих произведений Вазова в поэзии и прозе. Главной, ведущей темой в творчестве Вазова 70—80-х годов была тема национально-освободительной борьбы болгарского народа в период ее высшего подъема.

С О О Б Щ Е Н И Я

В. М. Турок

КРИЗИС РЕАКЦИОННОГО РЕЖИМА ГАБСБУРГОВ

(январь—март 1918 г.)

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в России мир раскололся на два лагеря — лагерь социализма, демократии и мира и лагерь империализма, реакции и войны. Советская Россия, как знаменосец трудящихся всего мира, стала центром, вокруг которого сплотились все подлинно демократические, подлинно прогрессивные элементы всех стран и народов. Советское правительство предложило немедленно прекратить империалистическую бойню и заключить справедливый демократический мир. Однако империалистические державы продолжали войну за передел мира, за порабощение других стран и народов.

К концу империалистической войны 1914—1918 гг. внутри каждой из воевавших группировок происходило крайнее обострение противоречий. Они становились все глубже и сложнее по мере развития общего кризиса капиталистической системы.

Характеризуя противоречия между империалистами, В. И. Ленин отмечал: «...империалистическая война, истерзавшая и измучившая человечество, породила такие сложные, такие острые, такие запутанные конфликты, что сплошь да рядом, на каждом шагу, возникает положение, когда решение вопроса в пользу войны и мира, в пользу той или иной группировки, висит на волоске»¹.

Участники войны делали безнадежные попытки преодолеть непримиримые разногласия и конфликты для того, чтобы как можно быстрее перейти к совместной борьбе против революции в России, нараставшего революционного движения в капиталистических странах.

В первые же месяцы после Великой Октябрьской социалистической революции американские империалисты и их союзники приступили к организации и финансированию интервенции против Советской России, а также к вмешательству во внутренние дела стран капиталистического мира с целью разгрома рабочего движения и национально-освободительной борьбы народных масс.

В письме к американским рабочим, разоблачая реакционную политику хищнического американского империализма, В. И. Ленин указывал:

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 330.

«Именно теперь американские миллиардеры, эти современные рабовладельцы, открыли особенно трагическую страницу в кровавой истории кровавого империализма, дав согласие — все равно, прямое или косвенное, открытое или лицемерно-прикрытое, — на вооруженный поход англо-японских зверей с целью удушения первой социалистической республики»¹.

В неудержимой ненависти к Октябрьской революции империалисты из лагеря Антанты, стремясь одержать победу над центрально-европейской группировкой держав, вместе с тем хотели сохранить боевую силу своих противников и превратить их армии в ударную силу для вторжения в Советскую Россию. Под этим углом зрения «комиссия по изучению условий мира», назначенная правительством США осенью 1917 г., разрабатывала мероприятия, которые имели целью толкнуть германскую буржуазию к экспансии в России. В меморандуме о желательных для США условиях мира с Германией и ее союзниками, представленном комиссией 22 декабря 1917 г., говорилось: «В настоящее время направлением наиболее легкого продвижения Германии должен быть восток. Данный момент является наилучшим временем для Германии, чтобы воспользоваться открывшимися здесь для нее возможностями. Это вполне может побудить ее решиться на жертвы на юго-востоке, на западе, на других континентах и на отдаленных морях с тем, чтобы обеспечить контроль над Россией»².

Особые надежды империалисты США возлагали на монархию Габсбургов. При этом в меморандуме от 22 декабря 1917 г., как и в ряде других официальных американских документов, подчеркивалось, что возникновение самостоятельных государств и распад Австро-Венгрии не соответствует целям внешней политики США. В меморандуме ставилась задача «поощрить теперешнее движение в сторону федерализма в Австрии»³. В другом документе той же правительственной комиссии, относящемся к середине декабря 1917 г., говорилось о желательности «реорганизации Австро-Венгрии» на основе расширения прав чехов и хорватов⁴. Речь шла, таким образом, об осуществлении некоторых реформ в области национальной автономии с тем, чтобы сохранить Австро-Венгрию в целом и укрепить реакционный режим Габсбургов, являвшийся оплотом борьбы против национально-освободительных движений народов Юго-Восточной Европы.

Правящие круги в Вашингтоне, Лондоне и Париже были довольно хорошо осведомлены о тяжелом внутреннем положении Австро-Венгрии, делавшем для нее невозможным затяжку войны. Во время происходившей в Париже в последних числах ноября 1917 г. межсоюзной конференции полковник Хауз, представлявший президента США Вильсона, сформулировал в своем дневнике единодушную оценку положения Австро-Венгрии союзниками: «Двуединая монархия ничего не могла выиграть при продолжении войны, но все могла проиграть»⁵. При существенных разногласиях в определении конкретных требований, предъявляемых к Австро-Венгрии, Ллойд Джордж, Клемансо и Хауз высказывались за отдельные переговоры с габсбургским правительством. Возражали против этого, по свидетельству

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 44.

² «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States 1919. The Paris Peace Conference», Washington 1942, v. I, p. 47.

³ Там же, стр. 52.

⁴ Там же, стр. 33.

⁵ «Архив полковника Хауза», т. 3, М., 1939, стр. 196. Запись от 1/XII 1917 г.

Хауза, только представители Италии: «Итальянцы были, конечно, против каких-либо разговоров с Австрией, так как именно за счет Австрии надеялись они осуществить свои военные цели»¹.

Многими причинами объяснялось то обстоятельство, что среди представителей англо-франко-американского империализма к концу 1917 г. имелось относительное единодушие по вопросу о желательности сепаратного мирного договора с Австро-Венгрией. Большое значение имели при этом соображения, связанные с ролью монархии Габсбургов в Юго-Восточной Европе накануне и во время империалистической войны 1914—1918 гг. Двухединая монархия была тюрьмой для многочисленных национальностей, насильственно удерживавшихся в составе Австро-Венгрии. Одновременно она была оплотом реакции против национально-освободительной борьбы народов Балканского полуострова и trampлином для военных авантюр против России. После победы Октябрьской революции Австро-Венгрия стала занимать важное место в антисоветских планах американского, английского и французского империализма. Ей предназначалась роль плацдарма для развертывания антисоветской интервенции на юге России и поставщика пушечного мяса для антисоветских армий.

Американские империалисты и их союзники проявляли живейший интерес к судьбе монархии, стремясь защитить реакционнейший режим Габсбургов от национально-освободительных движений угнетенных национальностей и выступлений рабочего класса Австро-Венгрии. Национально-освободительное движение, нараставшее к концу войны на всей территории Австро-Венгрии, грозило опрокинуть Габсбургов и уничтожить режим национального угнетения, а вместе с ним ликвидировать реакционные планы империалистов США и Антанты. Особенно сильное беспокойство в Вашингтоне, Лондоне и Париже вызывали в конце 1917 и начале 1918 г. мощные выступления пролетариата всех национальностей Австро-Венгрии, происходившие под непосредственным влиянием Октябрьской революции. «...Внутри Германии и Австрии,— говорится в Кратком курсе истории ВКП(б),— кипело возмущение народа против нескончаемой и губительной войны, против империалистических правительств этих стран, доведших народ до истощения, до голода. Сказалось здесь также громадное революционное влияние Октябрьской революции, братание советских солдат с австро-германскими солдатами на фронте еще до брестского мира и, затем, влияние самого прекращения войны с Советской Россией и заключения мира с ней. Пример России, где народ добился прекращения ненавистой войны путем свержения своего империалистического правительства, не мог не послужить уроком для австро-германских рабочих»².

Великая Октябрьская социалистическая революция сыграла решающую роль в развитии революционной борьбы народов Австро-Венгрии против гнета реакционного режима Габсбургов.

В опубликованной в ноябре 1918 г. работе «Октябрьский переворот и национальный вопрос» И. В. Сталин пишет: «Октябрьская революция является первой в мире революцией, которая послужила для рабочих и солдат Запада живым спасительным примером и толкнула их на путь действительного освобождения от гнета войны и империализма. Восстание рабочих и солдат в Австро-Венгрии и Германии, образование Советов рабочих и солдатских депутатов, революционная борьба неполноправных наро-

¹ Там же, стр. 194.

² История ВКП(б). Краткий курс, стр. 220.

дов Австро-Венгрии против национального гнёта, — достаточно красноречиво говорят об этом»¹.

Конечно, разгром и распад Австро-Венгрии определялся закономерностями развития исторических событий в самой стране. Распад Австро-Венгрии также тесно связан с ходом военных событий. Реакционная буржуазная историография пыталась представить дело так, что разгром держав Тройственного союза произошел не в итоге поражения их армий на фронтах, а в результате «удара ножом в спину». Такое утверждение представляло собой не что иное, как грубую фальсификацию событий².

Решающее значение в военном разгроме Австро-Венгрии имели победы русской армии. Они явились тяжелым ударом для насквозь прогнившего режима Габсбургов и ускорили ход событий, приводивших к распаду Австро-Венгрии. В этом отношении особо знаменательными были наступление русских войск на Львов в сентябре 1914 г., разгром и отступление австро-венгерских армий, взятие русскими войсками Перемышля в феврале 1916 г. и сдача в плен сотен тысяч австро-венгерских солдат и офицеров. Военный разгром Австро-Венгрии в результате военных действий русской армии ослаблял режим Габсбургов и облегчал таким образом дальнейшее развитие национально-освободительного движения угнетенных народов в Австро-Венгрии.

В самом начале 1918 г. произошли события, ярким пламенем осветившие нарастание революционной ситуации в Австро-Венгрии. На протяжении второй половины января 1918 г. происходила забастовка рабочих крупнейших военных заводов Вены, Будапешта, Праги, Моравской Остравы, Брно, Кракова, Загреба и других промышленных и административных центров монархии. Сотни тысяч австрийских, венгерских, чешских, польских рабочих и рабочих других национальностей Австро-Венгрии своим выступлением заставили правящие классы почувствовать силу рабочего класса. Наиболее грозным для буржуазии было то обстоятельство, что в ходе январской стачки 1918 г. во всех крупных промышленных центрах Австро-Венгрии возникли советы рабочих депутатов. «Октябрьская революция была сигналом к январской стачке 1918 г., которая до основания потрясла прогнившую монархию», — писал председатель коммунистической партии Австрии Йоганн Коплениг через 20 лет после январской забастовки³.

Непосредственным поводом для начала стачки явилось выступление рабочих против снижения и без того голодного пайка муки. Борьба против голода имела, конечно, большое значение для развития забастовочного движения в январе 1918 г. Однако рабочие с негодованием отвергли попытки

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 164.

² Один из примеров совершенно безграничной лжи, к которой прибегали реакционеры для создания смехотворной легенды о мнимой силе австро-венгерской армии, представляют собой мемуары лидера австрийского фашизма князя Штаремберга, пользовавшегося неизменным покровительством американских оккупационных властей в Австрии. Штаремберг утверждал, что в конце 1918 г. «трудно было представить себе бешенство и горечь, испытываемые молодыми солдатами старой и всегда победоносной армии, обреченной на постыдную капитуляцию, вопреки триумфам и жертвам» (E. Starhemberg. Between Hitler and Mussolini, L.—N.-Y., 1942, p. 4). Что касается «триумфов» армии Габсбургов, достаточно вспомнить, что из 9 млн. человек, мобилизованных в Австро-Венгрии за время войны 1914—1918 гг. (в действующей армии не было, конечно, и половины этого числа), в одном только русском плену находились к сентябрю 1917 г. почти 2 млн. солдат и офицеров (Л. С. Каминский и С. А. Новосельский. Потери в прошлых войнах. М., 1947, стр. 75).

³ J. Koplenig. Reden und Aufsätze 1924—1950. Wien, 1951, S. 91.

социал-демократического руководства ограничить забастовку продовольственными требованиями. Причиной для бурных выступлений рабочих масс были сообщения о гнусном поведении австро-венгерских и германских империалистических представителей в Бресте и их наглых требованиях в ответ на мирные предложения советского правительства. Основное требование бастующих заключалось в немедленном прекращении империалистической войны и подписании мира без аннексий и контрибуций. Забастовщики требовали также отмены законов военного времени, вводивших каторжный режим на предприятиях, отмены цензуры, амнистии для политических заключенных, улучшения продовольственного снабжения.

Январская всеобщая забастовка носила антивоенный и антиимпериалистический характер. В славянских землях Австро-Венгрии наряду с указанными общеполитическими требованиями выдвигались требования национально-освободительного характера.

Таким образом, всеобщая политическая забастовка в январе 1918 г. переросла в борьбу за социальное и национальное освобождение от режима Габсбургов. Важной политической чертой январской забастовки было то, что в ходе стачки начинал складываться единый фронт революционной борьбы пролетариата всех национальностей Австро-Венгрии¹. Об этом свидетельствовали события, происходившие в первые же часы январской стачки. Утром 14 января 1918 г. забастовка началась выступлением рабочих крупного моторостроительного завода «Даймлер» в Винер Нейштадте (вблизи Вены). В тот же день она охватила всех рабочих Винер Нейштадта. Уполномоченные бастующих были немедленно посланы в Вену, штирийский промышленный район, Витковицы и Моравску Острову, чтобы призвать весь австрийский и чешский пролетариат к забастовке².

Разложение и ослабление военного аппарата монархии в результате длительной войны и прежде всего тяжелых поражений австро-венгерских армий в России заставляли правительство Габсбургов опасаться посылать против бастовавших воинские части. Правда, после начала январской забастовки с итальянского фронта было снято несколько австрийских и венгерских дивизий, которые были сосредоточены в районах забастовки под командованием известного своей реакционностью генерала принца Шенбурга-Гартенштейна. В придворных кругах обсуждалась возможность провозглашения открытой военной диктатуры³. Однако реакции пришлось отказаться от этого намерения. Из рук военного министра ускользал прежний метод подавления забастовщиков одной национальностью путем применения полков, укомплектованных солдатами другой национальностью. По свидетельству одного из революционеров, принимавших активное участие в январских выступлениях рабочих Вены, правительство побоялось, например, послать против бастовавших рабочих столицы солдат-босняков, расквартированных в Вене⁴.

¹ Подробнее о январской забастовке см. В. М. Турок, Подъем австрийского рабочего движения под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции (январская забастовка 1918 г.).— «Известия АН СССР, серия истории и философии», 1952, № 3.

² Воспоминания Анны Штремер-Хорник в центральном органе австрийской компартии («Oesterreichische Volksstimme», 18/I 1948).

³ «Der österreichisch-ungarische Krieg», Wien, 1922, S. 463.

⁴ А. Бараль. Воспоминания австрийского коммуниста. М., 1952 (рукопись).

С другой стороны, во время январской забастовки 1918 г. в резкой форме проявился кризис верхов в Австро-Венгрии. Он выражался, в частности, в том, что государственный аппарат угнетения разъедался грызней клик правящих классов и углублением противоречий между группировками буржуазии различных национальностей Австро-Венгрии.

Все это облегчало совместную борьбу широких народных масс всех национальностей против прогнившего реакционного режима Габсбургов. Как указывал в статье к 20-летию январской забастовки секретарь ЦК коммунистической партии Австрии Фридль Фюрнберг, «десятки национальных меньшинств на территории австро-венгерской монархии были готовы начать борьбу за свое освобождение. Народы Австро-Венгрии во главе с пролетариатом хотели революционным путем покончить с войной и последовать примеру России»¹.

Стачечное движение рабочих дало мощный толчок развитию борьбы угнетенных национальностей. Австрийский историк-коммунист Франц Марек констатировал, что январская стачка создавала возможность совместного выступления трудящихся масс Австро-Венгрии против своих угнетателей, за социальное и национальное освобождение². Возникали предпосылки того, что революционный пролетариат Австро-Венгрии возьмет руководство национально-освободительными движениями и свергнет режим Габсбургов.

Буржуазия всех национальностей Австро-Венгрии широко опиралась на помощь правых и центристских лидеров социал-демократии в борьбе против стихийно возникавших советов рабочих депутатов, в подавлении январской забастовки. Деятельность социал-предателей облегчалась отсутствием в Австро-Венгрии, как и в других странах, кроме России, в начале 1918 г. революционной партии пролетариата, а также политической незрелостью левых группировок, которые в Австро-Венгрии были, в еще большей степени, чем германские спартаковцы, опутаны социал-демократическими представлениями и концепциями.

Стихийный характер январской забастовки позволил социал-демократическим лидерам овладеть движением, чтобы как можно быстрее прекратить стачку, не дать ей перерасти в борьбу за свержение власти Габсбургов. В воспоминаниях о ходе январской забастовки в Чехии один из участников событий писал: «Она возникла стихийно, созданная самими массами, против воли разложившегося социал-демократического руководства и встретила поддержку только небольшой кучки революционеров. Эта кучка была слишком слаба для того, чтобы действительно руководить борьбой». Стихийность движения, писал автор воспоминаний, давала возможность лидерам чешской социал-демократии применить излюбленный ими метод предательства: «Стать во главе движения и таким образом добиться его прекращения»³.

Социал-предатели, захватив руководство советами рабочих депутатов, стремились не допустить слияния выступлений рабочих многочисленных национальностей Австро-Венгрии в единый мощный поток антигабсбургской, антиимпериалистической борьбы. Правые социал-демократы и центристы не смогли помешать распространению январской забастовки на все промышленные центры Австро-Венгрии, но им удалось раздробить движе-

¹ Ф. Фюрнберг. Январская стачка в Австрии в 1918 г. «Коммунистический Интернационал», 1938, № 2, стр. 86.

² F. Marek. Irrwege der österreichischen Geschichte. Wien, 1946, S. 22.

³ «Internationale Presse-Korrespondenz», 1928. N 7, S. 134.

ние. Так, социал-демократы Вены добились решения рабочего совета о прекращении с 21 января 1918 г. забастовки в Вене и Нижней Австрии. На основании этого решения забастовка в крупных промышленных районах Австрии была прекращена между 21 и 25 января, т. е. как раз в те дни, когда стачечное движение приняло широкие размеры в славянских землях монархии. В Чехии забастовка, начавшаяся 22 января, охватила все промышленные города. Исключительно остро протекала забастовка в Праге, вылившаяся в мощную политическую демонстрацию. Демонстранты выдвинули требования немедленного заключения мира и создания самостоятельного государства¹. Для революционных настроений чешских рабочих характерно, что в Вене позже всех вернулись на работу чешские рабочие², которые составляли к концу войны довольно многочисленную прослойку на военных заводах австрийской столицы. В Люблянах словенские рабочие постановили начать забастовку с 22 января, но это решение было отменено социал-демократическими лидерами, ссылавшимися на прекращение стачки в Вене³. В Пола всеобщая стачка хорватских рабочих продолжалась вплоть до 28 января⁴. Забастовка 15 000 рабочих Триеста закончилась лишь 2 февраля⁵. Таким образом, революционные события в славянских землях Австро-Венгрии развернулись с наибольшей силой в те дни, когда стачечное движение в Вене, Нижней Австрии и Будапеште было уже подавлено.

Январская забастовка 1918 г. имела огромное значение для развития революционного кризиса в Австро-Венгрии и для хода национально-освободительной борьбы угнетенных народов за свержение габсбургского господства. «Январская стачка — прямое следствие Октябрьской социалистической революции — несмотря ни на что, подняла революционное сознание масс... Если социал-демократическое руководство сумело в январе 1918 г. спасти господство кайзера, то в ноябре 1918 г. оно уже было не в силах сделать это. Революционная волна захлестнула всю Среднюю Европу»⁶.

После январской забастовки революционная ситуация в Австро-Венгрии нарастала с неослабевающей силой. При этом все более активную роль играли народные массы угнетенных национальностей.

Широкие отклики январская забастовка встретила в австро-венгерской армии. Сообщения об этом проскальзывали в социал-демократической печати, несмотря на военную цензуру. Так, в одном из солдатских писем с македонского фронта открыто говорилось, что солдаты жаждут заключения мира и что весть об антивоенной забастовке рабочих в тылу была с восторгом встречена солдатами⁷. Солдатские массы не желали продолжать империалистическую бойню и самыми различными способами выражали свое недовольство.

Еще не успела прекратиться забастовка, как в последних числах января 1918 г. вспыхнуло восстание матросов адриатической эскадры военного

¹ «Великая Октябрьская социалистическая революция и свобода Чехословакии». Сборник докладов. Под ред. и со вступительной статьей И. И. Удальцова. М., 1951 стр. 48.

² «Neue freie Presse», 22/I 1918.

³ Это сообщалось в газете социал-демократии для Штирии и Каринтии. «Arbeiterwille», 27/I 1918.

⁴ «Arbeiterwille», 31/I 1918.

⁵ «Arbeiterwille», 2/II 1918.

⁶ Ф. Ф ю р н б е р г. Указ. соч., стр. 86—87.

⁷ «Arbeiterwille», 13/II 1918.

флота Австро-Венгрии, на кораблях, находившихся в военном порту Которе (Катарро). Основным требованием восставших было прекращение империалистической войны. 6000 матросов подняли красное знамя на 40 военных кораблях. Половина флота Австро-Венгрии в течение трех дней находилась в руках восставших. «Как и январская забастовка, матросское восстание было зажжено огнем русской, большевистской революции... Восстание матросов в Которе вспыхнуло в связи с январской забастовкой, оно было продолжением забастовки, больше того, оно было частью забастовки»¹.

Восстание в Которе было одной из самых ярких страниц в истории революционной борьбы масс против ненавистного господства Габсбургов. Был создан совет матросских и солдатских депутатов. Руководящую роль в восстании играли портовые рабочие.

Характерной и важной чертой восстания было совместное восстание матросов и солдат всех национальностей Австро-Венгрии. Наибольшую активность среди восставших проявляли матросы-хорваты, составлявшие большинство личного состава флота.

Разоружив офицеров и взяв в свои руки управление кораблями, матросско-солдатский совет послал командованию, находившемуся в гавани Пола, свои требования. Главными из них были требования мира и права наций на самоопределение. Эти требования отражали глубокое воздействие на народные массы Великой Октябрьской социалистической революции в России.

Социал-демократические лидеры играли в Которе такую же предательскую роль, как и в ходе январской забастовки. Так, например, одна из береговых батарей в Которе находилась под командованием лейтенанта Юлиуса Браунталя. Это был один из реакционных деятелей австрийской социал-демократии². Он спокойно наблюдал, как расстреливали восставших, удерживая своих солдат от присоединения к восстанию. В результате этого военные власти смогли использовать береговую артиллерию против кораблей³.

Лидеры социал-демократии в Вене были хорошо осведомлены о нарастании недовольства во флоте и о начале восстания: Юлиус Браунталь аккуратно писал Отто Бауэру, сообщая ему обо всем происходившем. Тем не менее социал-демократическая партия и ее пресса скрывали от рабочих Австрии как восстание матросов, так и расправу над ними. Таким путем социал-демократия помогла правительству изолировать выступление матросов от революционного движения, поднимавшегося на всей территории империи. Только при активном содействии социал-демократии и могли правящие классы Австро-Венгрии держаться у власти.

Разоблачая социал-демократических лидеров, Франц Марек отмечал, что социал-демократия «действовала в соответствии с пожеланиями и интересами австрийской буржуазии»⁴. С величайшим трудом подавив забастовку, правящие классы при активном содействии социал-демократии изолировали затем от рабочих масс восставших матросов южнославянских земель.

Слабость правительства, сказавшаяся во время забастовки, еще раз проявилась в связи с восстанием матросов: военно-морские власти Австро-

¹ Венская «Rote Fahne», 1/II 1928 (передовая статья к десятилетню восстания).

² После второй мировой войны Юлиус Браунталь вместе с другими лидерами австрийских правых социалистов выступал в отвратительной роли агента американского империализма и снова, как и 35 лет назад, помогал реакции в подавлении борьбы народных масс своей страны.

³ Венская «Rote Fahne», 1/II 1928.

⁴ F. Marek. Указ. соч., стр. 20.

Венгрии оказались не в состоянии подавить движение собственными силами. Лишь с помощью германских пехотных частей и германских подводных лодок, прибывших из Пола, восстание было разгромлено.

Начались аресты и расстрелы активных участников движения. Четыре руководителя восстания были казнены по приговору военно-полевого суда, а сотни матросов брошены в тюрьмы, из которых их освободила лишь революция, начавшаяся в Австро-Венгрии осенью 1918 г. Командование флотом принял адмирал Н. Хорти, палач матросов, впоследствии глава венгерского фашизма.

Во имя борьбы против надвигавшейся революции правящие круги Австро-Венгрии фактически отказывались от независимости своей страны, подчиняя Австро-Венгрии интересам германского империализма. Австрийская буржуазия готова была продать страну кому угодно, являя самые подлые образчики национальной измены. Принимая любые требования германского командования и правительства, ставя Австро-Венгрию в положение оккупированной германскими войсками страны, правительство Габсбургов искало помощи не только у германского империализма, но и у его противников. Правящие классы Австро-Венгрии пытались выйти из войны за счет своего германского союзника и сохранить режим национального угнетения путем переориентации в сторону Антанты и США. На протяжении последних месяцев перед окончательным крушением Австро-Венгрии президент Вильсон и его империалистическая программа в форме грабительских 14 пунктов стали в центре непрерывного славословия всей буржуазной печати Австро-Венгрии. Деятельное участие в восхвалении Вильсона принимали социал-демократические лидеры, а также буржуазно-националистические политические деятели угнетенных национальностей. Их усердие возрастало в прямой пропорции к сумме субсидий, поступающих из Вашингтона, Лондона и Парижа.

Предательская клика буржуазных националистов оспаривала у правящей клики господствующих национальностей Австро-Венгрии долю участия в эксплуатации народных масс. Масарик, Бенеш, Падеревский, Корошец и другие лидеры чешской, польской, словенской буржуазии стремились к сговору с правящими классами господствующих национальностей монархии. Ненавидя народные массы своих наций, буржуазные националисты искали поддержки у империалистических противников Габсбургов и превращались в прямую агентуру империализма Антанты и США.

Одним из примеров такой предательской и антинациональной деятельности была деятельность группы польских буржуазных националистов, которой руководил Падеревский. В письме государственному секретарю США Лансингу 19 января 1918 г. Падеревский, представлявший в США так называемый «Польский национальный комитет», просил о выплате комитету ежемесячно 60 000 долл. на содержание польских бюро в Париже, Лондоне, Риме, Лозанне и Петрограде. Кроме того, Падеревский просил о единовременной выдаче ему 1 000 000 долл. для «содержания» польских беженцев в России и, сверх того, еще 500 000 долл. для переброски из России в страны Антанты 500 польских офицеров¹.

Препроводив письмо Падеревского Вильсону, Лансинг внес предложение выплачивать ежемесячно половину просимой Падеревским суммы, поставив расходование этих денег под строгий контроль государственного департамента. В сопроводительной записке Лансинг сообщал, что английское пра-

¹ «The Lansing Papers 1914—1920», v. II, Washington, 1940, p. 72.

вительство согласно нести расходы на содержание «Польского национального комитета» совместно с США. Он предлагал, чтобы в благодарность за получаемое содержание комитет передавал правительствам США и Англии «всю информацию политического и военного характера, поступающую от его агентов»¹. Иначе говоря, «национальный» комитет поступал на содержание к английским и американским империалистам и должен был выполнять шпионские функции.

Такой же характер носили отношения американских, английских и французских империалистов с другими буржуазно-националистическими организациями эмигрантов из Юго-Восточной Европы. В частности, представители чешской буржуазии Масарик и Бенеш целиком поставили свои организации на службу англо-франко-американскому империализму. В своих воспоминаниях о периоде первой мировой войны Масарик пишет о том, как он решился на выступление против Габсбургов: «Анализируя европейскую ситуацию и оценивая вероятный исход войны, я решился на активную борьбу против Австрии в ожидании, что союзники победят»².

Реакционные представители чешской буржуазии стремились подчинить судьбы чешского народа империалистическим планам и политическим комбинациям, создававшимся в Вашингтоне, Париже и Лондоне, и не допустить победы народных масс в борьбе за создание независимой и демократической чехословацкой республики. «Чешская буржуазия, которая хотела освободиться от немецкого экономического господства, в то же время долго не верила в возможности создания самостоятельного государства. Идею самостоятельного государства — чехословацкой республики — выдвинул прежде всего рабочий класс»³. Подавляющее большинство представителей чешской буржуазии в течение многих лет до первой мировой войны добивалось лишь той или иной степени автономии в рамках монархии Габсбургов⁴.

¹ «The Lansing Papers 1914—1920», v. II, p. 92—93.

² T. G. Masaryk. Die Weltrevolution. Erinnerungen und Betrachtungen 1914—1918. Berlin, 1925, S. 33.

³ «Правда», 28/X 1948.

⁴ В частности, многочисленные выступления Масарика, Крамаржа и других в австрийском парламенте были пронизаны верноподданническими идеями и подчеркивали стремление во что бы то ни стало сохранить единство монархии на основе взаимоуступок и главное — взаимного антинационального и антинародного сговора австрийских и чешских эксплуататорских классов для борьбы за империалистические цели Австро-Венгрии. Так, на заседании нижней палаты австрийского парламента 30 октября 1907 г. Крамарж подчеркивал свою полную готовность «сотрудничать для совместного благополучия нас всех и монархии» («Stenographische Protokolle über die Sitzungen des Hauses der Abgeordneten des österreichischen Reichsrates», Wien, 1908, V. II, S. 2378). Масарик на заседании нижней палаты 17 декабря 1908 г. заявил: «Австрия должна осуществить изменения и реформы и, само собой разумеется, что династия занимает при этом ведущее место наряду с другими факторами» (там же, т. IX, стр. 8162). Чешская буржуазия активно поддерживала экспансию Австро-Венгрии на Балканах, требуя равноправного участия в колониальной сверхприбыли. В прениях по поводу аннексии Боснии и Герцеговины председатель фракции чешских национальных социалистов Клофач заявил на заседании нижней палаты 16 декабря 1908 г., что Австрия «должна образовать конфедерацию малых государств и наций в центре Европы, такова наша историческая миссия. А на Балканах мы должны поддержать конфедерацию балканских государств» (там же, т. IX, стр. 8092). Клофач пояснил далее смысл создания этих двух конфедераций: они должны заключить таможенный союз. Для Австро-Венгрии «таможенный союз с балканской федерацией означает жизнь и будущность» (там же, стр. 8096). Выступая за порабощение балканских народов империалистами Австро-Венгрии, чешские буржуазные националисты выдвигали, таким образом, тот пресловутый лозунг Дунайско-Балканской федерации, который в последующем вошел в качестве идеологического оружия в арсенал разбойничьих методов американского империализма в его борьбе за угнетение и порабощение народов Юго-Восточной Европы.

На этих позициях значительная часть буржуазии угнетенных национальностей оставалась также в первый период войны 1914—1918 г. Однако длительная война углубила все присущие Австро-Венгрии экономические и политические противоречия и привела к усилению столкновений между буржуазией и помещиками отдельных частей монархии, а также к обострению конкурентной борьбы между буржуазно-помещичьими кланами внутри земель и областей, входивших в состав монархии. В этом сложном конгломерате многочисленных буржуазных и помещичьих группировок каждая из них вела борьбу против всех остальных.

Еще более осложнилась обстановка в результате империалистических влияний, вносившихся в ходе войны извне. Все империалистические державы Антанты, так же как и США, имели внутри буржуазно-националистических партий свою агентуру, деятельность которой они направляли в зависимости от положения на фронтах и от политических соображений. Но и среди империалистов антантовско-американского лагеря не было полного единства по вопросу о принятии необходимых военных мер в отношении Австро-Венгрии.

И, наконец, самое главное: в ходе войны непрерывно нарастало массовое народное движение за национальное освобождение от гнета австрийской буржуазии и венгерских помещиков. Важнейшим фактором, определившим бурное развертывание мощного движения за полное национальное освобождение от австро-венгерского господства, была Великая Октябрьская социалистическая революция. Под давлением народных масс буржуазные националисты угнетенных национальностей вынуждены были маневрировать и видоизменять свои тактические лозунги, чтобы не потерять влияния на массы.

Масарик в своих воспоминаниях вынужден был признать, что принятие буржуазными лидерами лозунга республики было вызвано влиянием русской революции и непреодолимым давлением со стороны чешского рабочего класса: «Русская революция вызвала у нас, как и повсюду, решительный поворот к республиканским воззрениям»¹. Один из реакционнейших лидеров чешских националистов Крамарж даже в октябре 1918 г., уже готовясь занять пост премьера в правительстве Чехословацкой республики, заявил габсбургским министрам в Вене, что остается монархистом².

По мере того как военное поражение центральноевропейской группировки становилось все более явственным, правительство Габсбургов пыталось найти у империалистов США поддержку для подавления национально-освободительной борьбы угнетенных наций и революционного движения пролетариата Австро-Венгрии. Между австро-венгерскими дипломатами и представителями государственного департамента США с конца 1917 г. происходили тайные переговоры, главным образом на территории Швейцарии³. В них участвовали как американские дипломаты и шпионы типа Аллена Даллеса (в 1918 г. он был секретарем миссии США в Берне), так и неофициальные агенты государственного департамента, как, например, профессор Канзасского университета Геррон, выступивший в роли «личного друга» президента Вильсона⁴. В переговорах с Герроном активное участие принимали не только дипломатические агенты правительства Габсбургов: по свидетельству Масарика, частыми посетителями Геррона были владе-

¹ Т. Масарик. Указ. соч., стр. 415.

² Там же, стр. 415.

³ R. Hugh Wilson. *Diplomat between Wars*. N. Y., 1941, p. 6—7.

⁴ На самом деле Геррон даже не видел президента (там же, стр. 21).

лец крупных австрийских военных заводов Мейнль, реакционный хорватский националист Трумбич, венгерские политические деятели Карольи и Яссы, чешский буржуазный политик Осуски и др.¹ С помощью Геррона американская дипломатия собирала самую разнообразную информацию о внутреннем положении Австро-Венгрии.

Во время этих переговоров представители американского империализма ставили целью добиться от правительства Габсбургов согласия на предварительные проекты такого рода экономических соглашений, которые должны были после окончания войны превратить Австро-Венгрию в сферу влияния финансового капитала США. С другой стороны, обещанная в ходе тайных переговоров послевоенная «помощь» Австро-Венгрии кредитами, поставками продовольствия и промышленных товаров имела целью укрепить господство Габсбургов и поддерживать реакцию в борьбе против народных движений. Это был зародыш той разбойничьей политики, которую американские империалисты осуществляли позднее в Западной Европе во время продовольственной миссии Гувера и т. п.

Сохранить Австро-Венгрию в прежнем ее виде было невозможно. Это начинали понимать даже некоторые политические деятели монархии. Отсюда и возникали правительственные проекты конституционных реформ, а также происходили секретные переговоры с США. В стремлении сохранить австро-венгерскую монархию в качестве плацдарма антисоветской интервенции и опоры для борьбы реакции против народов Юго-Восточной Европы представители США обсуждали с австро-венгерскими политическими деятелями характер преобразований в области внутренней политики, которые должны были явиться предохранительным клапаном. Американский империализм через свою буржуазно-националистическую агентуру среди политических деятелей угнетенных национальностей Австро-Венгрии старался изобразить обещанные реформы как выполнение национально-освободительных требований угнетенных народов, обмануть массы и на время успокоить их. Таким путем он рассчитывал сохранить власть Габсбургов, чтобы позднее приступить к разгрому революционного движения рабочего класса и подавлению национально-освободительной борьбы народов, населявших австро-венгерскую монархию.

Таким образом, империализм США, официально выступая с туманными обещаниями и слащаво-фарисейскими фразами о национальной автономии, на деле являлся злейшим врагом народов Юго-Восточной Европы, как и народов всего мира.

Тайные переговоры, происходившие между США и Австро-Венгрией во время подготовки и опубликования 14 пунктов Вильсона, свидетельствуют о грабительских и реакционных замыслах финансового капитала США в бассейне Дуная. В частности, 10-й пункт вильсоновской программы² пра-

¹ J. G. Masaryk. Указ. соч., стр. 320.

² Пункт 10-й, посвященный Австро-Венгрии, гласил: «Народам Австро-Венгрии, место которых среди других наций мы желаем видеть сохраненным и обеспеченным, должна быть предоставлена наиболее свободная и благоприятная возможность автономного развития». Комментируя этот пункт, Ч. Сеймур, издавший архив Хауза, следующим образом сформулировал политический смысл этой части выступления Вильсона: президент считал, что «габсбургская монархия делается полезной силой. Полковник Хауз был того же мнения» («Архив полковника Хауза», т. 3, стр. 236). В условиях борьбы народов Австро-Венгрии за осуществление провозглашенного Великой Октябрьской социалистической революцией права наций на самоопределение, эта вильсоновская программа была глубоко реакционным выступлением в защиту габсбургского режима национального угнетения.

выщие круги Австро-Венгрии воспринимали как выступление в защиту монархии Габсбургов. Официальный отчет о ходе военных действий австро-венгерской армии, составленный и опубликованный офицерами бывшего австрийского генерального штаба через несколько лет после окончания войны, следующим образом комментировал выступление Вильсона: «О разрушении монархии не было и речи»¹. В таком же духе комментировал в своих воспоминаниях тогдашнюю программу Вильсона граф Буриан, который в апреле 1918 г. сменил графа Чернина на посту министра иностранных дел Австро-Венгрии².

В декабре 1917 г. в Будапешт и Вену был послан изерна неофициальный агент государственного департамента Фрэнк Андерсон. Дипломатический характер его миссии был тщательно замаскирован: он не имел формальных полномочий, а после того как он выехал, государственный департамент (зная, конечно, что Андерсон уже находился в Вене) сообщил в миссию США в Берне, что поездка Андерсона запрещена департаментом.

В Вене и Будапеште Андерсон совещался с крупными банкирами, государственными деятелями, а также с одним из социал-демократических депутатов австрийского парламента. Через Андерсона влиятельный политический представитель венгерских помещиков граф Аппони обратился к правительству США с предложением начать неофициальные и «не обязывающие» переговоры о мире. Аппони добавил, что в Австро-Венгрии об этом предложении знают, кроме него, только император Карл и министр иностранных дел граф Чернин³. На тот случай, если сведения об австро-венгерском намерении начать переговоры все же проникнут в Берлин, Аппони сопроводил свое обращение к Андерсону многочисленными уверениями о нежелании Австро-Венгрии заключать сепаратный договор⁴.

Переговоры Андерсона с Аппони в Будапеште происходили в то самое время, когда в Женеве генерал Сметс в сопровождении секретаря Ллойд Джорджа, Филиппа Керра (впоследствии лорд Лотиан) по поручению английского правительства встретился для секретных переговоров с представителем Австро-Венгрии графом Менсдорфом. Приведя в своих военных мемуарах отчет Сметса о переговорах с Менсдорфом, Ллойд Джордж резюмировал точку зрения английского кабинета: «В то время мы не имели в виду полного распада Австрийской монархии, а стремились скорее к тому, чтобы в ее границах было создано несколько свободных автономных государств по образцу Британской империи»⁵. Хотя при написании мемуаров Ллойд Джордж, как и всякий буржуазный мемуарист, неоднократно опрокидывал в прошлое свои рассуждения гораздо более позднего периода, но в данном случае позиция английского правительства отражена довольно точно. Об этом свидетельствует ряд документов конца 1917 — начала 1918 г. Так, например, в программном выступлении перед представителями

¹ «Der österreichisch-ungarische Krieg», Wien, 1922, S. 472.

² S. Burian, Drei Jahre. Aus der Zeit meiner Amtsführung im Kriege. Berlin, 1923, S. 127.

³ Характерно, что, по этой версии, премьер военного правительства Зейдлер даже не был поставлен в известность о происходивших переговорах. Как отмечал впоследствии один из реакционных австрийских профессоров и государственных деятелей монархии периода ее распада Йозеф Редлих (J. Redlich. Oesterreichs Regierung und Verwaltung im Weltkriege. Wien, 1925, S. 267), министр иностранных дел Чернин был фактическим руководителем кабинета министров.

⁴ «The Lansing Papers 1914—1920», v. 2, p. 73—75.

⁵ Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. V, М., 1938, стр. 37.

английских тред-юнионов в первых числах января 1918 г. (за два дня до опубликования 14 пунктов Вильсона) Ллойд Джордж заявил: английское правительство «согласно с президентом Вильсоном, что развал Австро-Венгрии не является частью наших военных целей». Вслед за этой констатацией английский премьер выдвинул требование «самоуправления» для национальностей, входивших в состав Австро-Венгрии¹.

Подводя впоследствии итоги попытки империалистов США и Антанты в начале 1918 г. спасти господство Габсбургов, австрийский официальный отчет констатировал: «Едва ли можно сомневаться, что в эти месяцы в Париже, Лондоне, а также и в Вашингтоне, в большей степени, чем на какой-либо другой стадии войны, существовало стремление спасти Австро-Венгрию»².

Таким образом, по вопросу о сохранении Австро-Венгрии позиции английских и американских империалистов в основных чертах совпадали. Как те, так и другие выступали против борьбы угнетенных национальностей, добивавшихся полного освобождения от гнета Австро-Венгрии, и стремились сохранить реакционный режим Габсбургов.

Сстрах перед революцией толкал австро-венгерское правительство к попытке соглашения с буржуазно-националистической оппозицией на основе ограниченных уступок в отношении национальной автономии. С своей стороны империалисты США торопились вмешаться, чтобы не дать монархии Габсбургов погибнуть.

В конце января 1918 г. граф Чернин выступил на открытом заседании внешнеполитической комиссии австрийской делегации³. Чернин заявил, что обмен мнениями между Австро-Венгрией и США мог бы явиться исходным пунктом для общих переговоров и что среди участников войны наименьшее столкновение интересов имеется между США и габсбургской монархией⁴. Австрийская реакция приветствовала речь Чернина. Орган крупных банков восхвалял США и Англию, пытаясь вбить клин между ними и «истерично хищными французами»⁵ и доказывая, что войну против США Австро-Венгрия ведет «почти что только на бумаге»⁶. В прениях по выступлению Чернина на заседаниях комиссии чешский депутат Странски высказался за создание югославского «государства» в рамках Австро-Венгрии⁷. Чешский социал-демократ Томашек приветствовал заявление Чернина как «прогресс по пути к всеобщему миру». Польский помещик из Галиции Глембинский одобрил благожелательную оценку, которую Чернин дал 14 пунктам Вильсона⁸. Австрийский социал-демократ Эленбоген также присоединился к восторженной оценке реакционнейшей программы Вильсона и поторопился внести предложение, чтобы «при посредничестве какого-либо нейтрального государства министр иностранных дел довел свое мнение до сведения Америки»⁹.

Все эти выступления буржуазных и социал-демократических политиков свидетельствуют о том, какие большие надежды габсбургский режим и его

¹ «Times», 7/1 1918.

² «Der österreichisch-ungarische Krieg», 1922, S. 475.

³ Делегацией именовалось собрание 40 делегатов австрийского парламента, избранных на пленарном заседании нижней палаты для обсуждения вопросов, затрагивающих обе части монархии, и заседавших одновременно с отдельным заседанием равного числа депутатов венгерского парламента.

⁴ «Neue freie Presse», 24/1 1918 (Abendblatt).

⁵ Там же, 25/1 1918 (передовая статья о речи Чернина).

⁶ Там же, 28/1 1918 (Abendblatt).

⁷ Там же, 25/1 1918.

⁸ Там же, 26/1 1918.

⁹ «Neue freie Presse», 25/1 1918.

социал-демократические лакеи возлагали на вмешательство американских империалистов.

В последних числах января 1918 г. в Швейцарию был послан член палаты господ австрийского парламента католический деятель Ламмаш. Не случайно именно он был избран для переговоров с американскими дипломатами. Ламмаш был еще в довоенный период известен связями с английскими и американскими империалистами. Во второй половине 1917 г. он дважды выступал в палате господ с речами, посвященными национальным проблемам в Австро-Венгрии, и оба раза рекомендовал методы, совпадавшие с намерениями американского империализма¹. С другой стороны, Ламмаш был близок к императору Карлу (он был его воспитателем), и поэтому его прибытие в Швейцарию было воспринято в американской миссии в Берне как приезд личного посланца императора.

В переговорах с Ламмашем принимали участие посланник США в Берне Хью Вильсон, а также Аллен Даллес и другие чиновники миссии, но главным действующим лицом был Геррон. Первая встреча Ламмаша с Герроном состоялась 31 января 1918 г. на вилле директора крупновских заводов вблизи Берна, а вторая — 4 февраля. В промежутке Геррон телеграфировал содержание первой беседы в Вашингтон. Беседы, как обычно в таких случаях, велись без свидетелей и, конечно, без официальной записи.

Основным содержанием первой беседы были высказывания обоих собеседников относительно «опасности большевизма». В данном вопросе никаких разногласий между ними не оказалось. Оба в равной степени были заядлыми реакционерами и исходили из общей цели: наметить в Австро-Венгрии такие реформы, которые дали бы возможность сохранить монархию. Согласно воспоминаниям Геррона в его мемуарной статье о переговорах в Швейцарии, Ламмаш начал с декларации о том, что главной целью венского правительства является создание «золотого моста между Веной и Вашингтоном»². На вопрос Геррона, будет ли в дальнейшем считаться допустимым вмешательство США во внутренние дела империи, Ламмаш ответил с циничной откровенностью, изумившей даже его американского собеседника: «Мы не только позволим вам это, но будем в восторге»³.

Одно из требований в области внутренних реформ, которое было предъявлено американцами, заключалось в создании автономного югославского государства и превращении дуалистической монархии в триалистическую⁴.

По воспоминаниям одного из крупных банковских деятелей монархии Александра Шпизмюллера, аналогичные планы обсуждались в правительственных кругах Вены весной 1916 г.⁵ Тринединная монархия означала бы

¹ Так, выступая в палате господ 27 октября 1917 г., Ламмаш назвал в качестве приемлемой для обсуждения проблемы «переход к федерализации дунайских народов под скипетром династии Габсбургов» (H. Lammasch, Woodrow Wilson's Friedensplan. Wien, 1919, S. 151).

² Herron, Heinrich Lammasch's suggestion for peace in Bern 1918 (статья на англ. языке в изданном в Вене сборнике записок и речей Ламмаша, а также воспоминаний о нем: H. Lammasch, Seine Aufzeichnungen, sein Wirken und seine Politik, Wien, 1922, S. 189).

³ Herron, Heinrich Lammasch's suggestion for peace in Bern 1918 (статья на

⁴ Записки Ламмаша (Friedensversuche mit Präsident Wilson) в том же сборнике, стр. 101.

⁵ A. Spitzmüller-Harmersbach, Der letzte österreichisch-ungarische Ausgleich und der Zusammenbruch der Monarchie. Sachliches und Persönliches, Berlin, 1929, S. 41.

конец надеждам южных славян на национальное освобождение и объединение в действительно независимое государство, свободное от гнета Габсбургов. Таким образом, в начале 1918 г. американский империализм выступил в роли наследника и продолжателя наихудших по своей реакционности традиций угнетения славянских народов Юго-Восточной Европы.

Настаивая на реформах, которые укрепили бы реакционную власть Габсбургов, американский империализм стремился в ходе переговоров в январе — феврале 1918 г. создать предпосылки для своей экспансии в бассейне Дуная после окончания войны. Хью Вильсон, под наблюдением которого происходили переговоры, отметил в своих воспоминаниях: во время переговоров с Ламмашем правительство США «уполномочило меня доверительным путем довести до сведения императора, что в случае, если он заключит сепаратный мир, он может рассчитывать на американскую финансовую помощь»¹. Хью Вильсон констатировал, что предложения Ламмаша «серьезно заинтересовали правительство США»².

После возвращения Ламмаша в Вену начались интенсивные переговоры между австрийским правительством и представителями буржуазных партий славянских земель монархии. Активное участие в этих переговорах принимали социал-демократические лидеры, стремившиеся во что бы то ни стало спасти режим Габсбургов и предотвратить надвигающуюся революцию. В здании парламента состоялось совещание депутатов правительственных партий с представителями чешских, южнославянских, польских парламентских групп, а также социал-демократов. Австрийский премьер Зейдлер сделал предварительное сообщение о проектах реформы конституции³. Через несколько дней премьер выступил на заседании палаты депутатов при обсуждении военного бюджета и уговаривал партии национальной оппозиции голосовать за бюджет, обещая, что сразу после этого правительство приступит к разработке проекта пересмотра конституции «на основе принципа национального самоопределения». О том, как представляло себе габсбургское правительство принцип самоопределения наций, свидетельствует сделанное при этом Зейдлером заявление, что «единственно возможной основой является верность по отношению к династии и государству»⁴.

Таким образом, было совершенно ясно, что речь идет о попытке подавить борьбу за право наций на самоопределение с помощью реакционной карикатуры на национальную автономию. Значительная часть чешской буржуазии была склонна перейти к конкретному обсуждению правительственных проектов. На заседаниях «Чешского клуба» австрийского парламента депутаты чешских аграриев и чешские социал-демократы выступали в начале марта 1918 г. за широкие переговоры с правительством о превращении Австрии в федеративное государство, о вступлении на этой основе в состав кабинета министров, об административных реформах в Чехии. Особенно активно выступали в пользу этих предложений известные своей реакционностью правые лидеры чешской социал-демократии Тусар и Габрман⁵.

¹ H. R. Wilson. Указ. соч., стр. 36.

² Там же, стр. 39.

³ «Neue freie Presse», 1/III 1918 (Abendblatt).

⁴ Там же, 7/III 1918 (Abendblatt).

⁵ Там же, 12/III 1918.

Предложения, обсуждавшиеся в «Чешском клубе» в марте 1918 г., ясно говорят о том, что подавляющая часть чешской буржуазии старалась добиться соглашения с австрийскими правящими кругами на основе сохранения монархии Габсбургов. Нарастание в Чехии борьбы народных масс за полную национальную самостоятельность и усиление борьбы чешских рабочих за социальное освобождение вызвали среди политических деятелей чешской буржуазии и ее право-социалистических лакеев страх, растерянность и желание на основе некоторых уступок Вены заключить с Габсбургами союз, направленный против народных масс. Тем самым чешская буржуазия выполняла также и пожелания своих хозяев и покровителей из лагеря США и Антанты, стремившихся помешать распаду и уничтожению реакционной австро-венгерской тюрьмы народов.

Однако совокупность империалистических противоречий, так же как и острота противоречий между многочисленными группировками среди правящих классов Австро-Венгрии, препятствовала осуществлению стовора о реформах, достигнутого между представителями габсбургского правительства и американского империализма. В частности, план реформ вызывал непримиримое сопротивление со стороны империалистической Германии и ее пангерманской агентуры в Австрии.

Возвратясь из Берна, Ламмаш в соответствии с ходом переговоров представил императору проект указа о реформах. Некоторое время при дворе происходили колебания. По свидетельству Геррона, он получил от Ламмаша шифрованную телеграмму «через нейтральный канал» о том, что издание указа откладывается лишь на несколько дней и договоренность остается в силе¹. Эти «несколько дней» затянулись вплоть до распада Австро-Венгрии.

Попытка осуществления даже курых верхушечных реформ осталась безрезультатной и только усилила разброд и шатания среди господствующих классов Австро-Венгрии.

Через три недели после возвращения в Вену Ламмаш выступил 28 февраля 1918 г. в палате господ с речью, которая для узкого круга лиц, посвященных в ход событий, представляла как бы своеобразный отчет о возможных условиях мира. Ни словом, конечно, не упоминая о поездке в Швейцарию и переговорах с американцами, Ламмаш заявил: «Если в настоящий момент отклонить предложение Америки, то война продлится еще годы»². Ламмаш доказывал, что единственная опасность для Австро-Венгрии «угрожает с востока... С этой опасностью можно бороться только тем, что мы выполним справедливые пожелания нашего населения, что мы дадим пробудившимся национальностям право на самоуправление, что мы ликвидируем питательную почву для недовольства»³.

Таким образом, речь Ламмаша фактически была не обязывающим австрийское правительство комментарием к результатам переговоров в Берне. Однако выступление Ламмаша встретило резко отрицательное отношение пангерманской части палаты господ и прерывалось бурными репликами пангерманцев. Вместо обычного чинно-монотонного хода прений заседание древних старцев верхней палаты являло в этот день картину, которую, по свидетельству современника, «вряд ли когда-либо ранее представляла собой палата господ»⁴.

¹ Геррон. Указ. соч., стр. 195.

² H. Lamm asch. Woodrow Wilson's Friedensplan, S. 170 (текст речи Ламмаша).

³ H. Lamm asch. Woodrow Wilson's Friedensplan, стр. 162.

⁴ J. Redlich. Указ. соч., стр. 262.

Причина отрицательного отношения большинства палаты к переговорам Ламмаша заключалась в том, что за недели, которые прошли после подавления январской стачки рабочих Австро-Венгрии и восстания матросов в Которе, настроения правящих кругов монархии изменились. В области внутренней политики правительство возомнило себя победителем и перешло к жестоким репрессиям против народных масс, а в области военных мероприятий оно готовилось принять участие в весенне-летнем наступлении германской армии на западном фронте. В этот момент австро-германский империализм навязывал Советской России грабительский Брест-Литовский договор и рассчитывал укрепить свое положение путем реализации широких планов завоевания, порабощения и ограбления советского народа. В статье «Украинский узел», опубликованной 14 марта 1918 г., И. В. Сталин отмечает, что «австро-германское нашествие имеет своей целью не только получение хлеба, но и, главным образом, — свержение Советской власти на Украине и восстановление старого буржуазного режима»¹.

На Украине австро-германские армии захватывали земли, в которых они надеялись найти хлеб, мясо, сало. Граф Чернин, вернувшийся из Брест-Литовска, был встречен на венском вокзале бургомистром Вены лидером христианско-социальной партии Вейскирхнером. Захлебываясь от восторга, Вейскирхнер приветствовал Чернина речью: «Вы привезли нам хлебный мир с востока»². На заседании палаты господ, на котором выступал Ламмаш, барон Пленер восхвалял Брестский мир: «Австрия, слава богу, справилась с своими внешними врагами. Если возникнут враги внутренние, то она справится и с ними». Под аплодисменты палаты пан-германец Паттай предавал анафеме всех сомневающихся и колеблющихся: «В армии нет места колебаниям и сомнениям. Мы не дрожим, мы продержимся при любых условиях. Мы победили и требуем лаврового венка»³.

Эти триумфальные речи произносились в австрийской палате господ в условиях, когда военная машина Австро-Венгрии держалась только с помощью германской армии и когда всего лишь несколько месяцев отделяли ее армию от окончательного разгрома. Основной причиной такого поведения руководящей группировки австрийской буржуазии было сопротивление всему тому, что могло привести к уменьшению ее доли в эксплуатации народных масс многонационального австро-венгерского государства.

Ход заседаний австрийского парламента в феврале-марте 1918 г. представлял наглядную иллюстрацию кризиса верхов, метавшихся в тщетных поисках выхода из нараставших затруднений. В палате депутатов каждая из политических группировок буржуазии фактически выступала против всех остальных. У правительства не было сколько-нибудь прочного большинства в палате, и, например, угроза «Чешского клуба» внести в парламент предложение о немедленной демобилизации всех возрастов старше 42 лет вызвала панику в кругах военного командования. При соотношении голосов в парламенте и наличии постоянной обструкции со стороны парламентских группировок предложение «Чешского клуба» могло оказаться принятым⁴. На этот случай правительство Зейдлера грозило распустить парламент и установить режим открытой диктатуры, однако сам Зейдлер боялся, что ему придется осуществить свою угрозу и что в этом случае

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 46.

² «Neue freie Presse», 14/III 1918.

³ Там же, 1/III 1918.

⁴ Там же, 21/II 1918.

позиции правящих классов монархии еще больше ухудшатся. Поэтому, угрожая парламенту роспуском, Зейдлер вместе с тем добивался от императора разрешения на выход кабинета в отставку.

Оценивая в связи с бурными прениями в парламенте политическую обстановку в Австро-Венгрии, орган крупных венских банков заявлял: «В общем и целом внутривполитическое положение является критическим... Во всех отношениях царит неясность для настоящего и неясность для будущего. Поэтому невозможно предвидеть, что же произойдет хотя бы завтра»¹.

Правящие классы уже не были в состоянии эксплуатировать и угнетать по-старому многонациональные народные массы, а вместе с тем опасались, что любые изменения и реформы могли явиться началом коренной ломки всей отжившей системы их господства.

Исходя из этого пангерманцы вели ожесточенную полемику против Ламмаша и его проектов превращения Австро-Венгрии в федеративную монархию². Они сопротивлялись введению каких бы то ни было форм национальной автономии не только для Чехии, но и для южнославянских земель. Заседавший в конце марта 1918 г. в Вене съезд пангерманских организаций Судет, Штирии, Каринтии, Словении и других австрийских земель принял резкую резолюцию против «создания национальной автономии для южных коронных земель..., так как она явилась бы лишь этапом на пути к самостоятельному южнославянскому государству»³.

Не менее яростное сопротивление оказывали планам реформ также и чрезвычайно влиятельные в габсбургской монархии венгерские помещики, категорически отвергавшие какую бы то ни было мысль о возможности создания автономии для славянских земель, входивших в состав венгерской части монархии. Реакционный венгерский политик граф Дьюла Андраши выступил против принципов мира без аннексий и контрибуций и призывал мечом решить войну на западном фронте⁴. Лидер венгерской реакции граф Стефан Тисса выступил на заседании одной из комиссий венгерского парламента с резкой речью против «чешской агитации» в Словакии⁵.

Свирепые до крайности и трусливые сверх всяких пределов правящие классы Австро-Венгрии переходили от уговоров и обещаний к жестоким репрессиям против народных масс, от поисков возможностей сепаратного мира к угрозам по адресу Антанты. Только что пресмыкавшаяся перед Вильсоном австрийская буржуазная пресса принимала повелительный тон: «Антанта должна решиться на мир. Быть может, это последний раз, когда она еще имеет возможность выбора»⁶.

Между тем монархия Габсбургов вступала в полосу своего распада. Почва горела под ногами австро-венгерских капиталистов и помещиков. На Украине поднялась мощная волна народно-освободительной войны против грабительских планов австро-германских империалистов и их контрреволюционных агентов из лагеря украинских буржуазных националистов. «Против иноземного ига,— указывает И. В. Сталин,— идущего с Запада,

¹ Там же, 5/III 1918.

² См., например, полемику между Ламмашем и его противниками в «Neue freie Presse» (12/III, 17/III, 22/III 1918).

³ «Neue freie Presse», 26/III 1918.

⁴ Там же, 31/III 1918.

⁵ Там же, 19/III 1918.

⁶ «Neue freie Presse», 5/III 1918.

Советская Украина подымает освободительную отечественную войну, — таков смысл событий, разыгрывающихся на Украине»¹.

Германские и австро-венгерские империалисты навязали народам Советской России «невероятно тяжелый, насильственный и унижительный мир...»² Однако Брестский мир явился важным этапом в разгроме австро-германского империализма. «Заключение мира дало возможность использовать столкновения в лагере империализма (продолжавшаяся война Австро-Германии с Антантой), разложить силы противника, организовать советское хозяйство, создать Красную армию»³.

Народная война против австро-германских оккупантов привела к тому, что значительный контингент германских и австро-венгерских войск увяз на востоке, в то время как инвалиды и старики пополняли убыль на западном и других фронтах. Разбойничьи условия Брестского мира вызывали возмущение широких народных масс Австро-Венгрии, и борьба рабочего класса против продолжения империалистической войны усиливалась. Учащались забастовки, волнения, голодные бунты. Несмотря на жесточайшую военную цензуру, сведения об этом проникали даже в австрийскую прессу. В нескольких районах Хорватии в первых числах марта 1918 г. было объявлено осадное положение. Официальное сообщение называло в качестве причин «преступления и насилия»⁴. В Граце (Штирия) происходили рабочие демонстрации и столкновения с полицией⁵. В апреле состоялась получасовая всеобщая забастовка в Будапеште с политическими требованиями⁶. В Праге в конце мая фактически было введено осадное положение: по распоряжению властей ворота домов должны были наглухо закрываться с 8 часов вечера, а после 9 часов молодежи запрещалось появляться на улице «без настоятельной необходимости»⁷.

Весной и летом 1918 г. в различных тыловых гарнизонах австро-венгерской армии прокатилась волна восстаний, в которых участвовали солдаты многих национальностей (словенцы в Штирии, чехи в Румбурге, сербы в Фюнфкирхене, босняки в Мостаре, словаки в батальоне резервистов, расположенном в Крагуеваце в Сербии). При подавлении этих восстаний происходили настоящие сражения с применением артиллерии и пулеметов⁸. В некоторых промышленных центрах местная буржуазия уже не рассчитывала на кадровые армейские части и приступала к созданию террористических организаций. Так, в феврале 1918 г. в Кракове была создана буржуазная «милиция», главным образом из студентов⁹. В Граце буржуазная печать призывала к организации белой гвардии¹⁰.

Самые свирепые репрессии могли временно подавить солдатские восстания, но не могли прекратить недовольство. Австро-венгерская армия не могла и не хотела продолжать войну во имя интересов австро-германского империализма. «...Германские солдаты, стоявшие на восточном фронте и переведенные потом, после брестского мира, на западный фронт, не могли

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 47.

² В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 173.

³ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 209.

⁴ «Neue freie Presse», 3/III 1918.

⁵ Там же, 9/III 1918.

⁶ Там же, 20/IV 1918.

⁷ «Der österreichische Volkswirt», 1918, N 35, S. 628.

⁸ Е. И. Рубинштейн. Распад габсбургской монархии в 1918 г.— «Историк-марксист», 1940, № 7; E. v. Glaise-Horstenau. The Collapse of Austro-Hungarian Empire. L., 1930.

⁹ «Neue freie Presse», 19/III 1918.

¹⁰ «Arbeiterwille», 12/III 1918.

не разложить там германскую армию своими рассказами о братании с советскими солдатами и о том, как советские солдаты избавились от войны. Что касается австрийской армии, то она стала разлагаться еще раньше в силу тех же причин»¹.

Солдаты голодали. В условиях высокогорной войны на итальянском фронте солдаты сидели в окопах в одном нижнем белье: гимнастерки военного времени, изготовленные из эрзац-тканей, расплзались при первом к ним прикосновении. «Едва ли можно было найти солдата с полным комплектом обмундирования: у одного был мундир, но не было белья, у другого было белье, но не было мундира. И все были в лохмотьях»².

В австрийском парламенте представители реакционных партий пытались решить вопрос, как изолировать солдат, возвращавшихся из русского плена, и вместе с тем немедленно послать их на фронт. Министр обороны фон Чапп докладывал парламенту: «Армейское командование было извещено о том, что среди возвращающихся находится большое количество людей, охваченных революционными идеями»³.

Правящие круги демонстрировали обычное для буржуазии периода общего кризиса капитализма сочетание крайней растерянности с непомерной жадностью и безграничной реакционностью. Буржуазные партии проявляли вместе с тем полное непонимание исторической обстановки. Австро-венгерские империалисты продолжали мечтать о закабалении и ограблении народов Советской России. В тот период, когда Австро-Венгрия уже приближалась к окончательному крушению, австрийские империалисты попрежнему деляли гнусные по содержанию, беспредельные по грабительским масштабам и нелепые по фантастичности проекты захвата Сибири. Захлебываясь от жадности, австрийская буржуазная пресса требовала поторопиться: «Япония, Америка и Англия стоят перед воротами Сибири. В наших руках — своевременно забаррикадировать ворота этого нашего хинтерланда от весьма энергичных конкурентов»⁴. Но империалисты скоро убедились, что ключи от ворот Сибири находились у народов Советской России и слишком коротки были руки как австро-венгерских империалистов, так и их «весьма энергичных конкурентов».

В конце марта 1918 г. началась активизация военных действий на западном фронте, открывшаяся наступлением германской армии на Париж. В наступлении участвовали австрийские дивизии, специально для этого переброшенные во Францию. Американская дипломатия приходила к выводу о бесцельности дальнейших тайных переговоров с Венной. В первых числах апреля 1918 г. корреспондент английской печати сообщал из Нью-Йорка: «Общественное мнение здесь совершенно единодушно отвергает все намеки о мире»⁵.

Важную роль для прекращения переговоров играли также опасения американских империалистов и их союзников, что дальнейшие попытки сохранения и укрепления господства Габсбургов путем вмешательства извне опасны для англо-франко-американского империализма и могут привести к его саморазоблачению в глазах народных масс Австро-Венгрии. В телеграмме полковнику Хаузу Бальфур писал: «Нет нужды настаивать на

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 220.

² D. Mitranu. The Effect of the War in South-Eastern Europe. New Haven, 1938, p. 161.

³ «Neue freie Presse», 7/III 1918.

⁴ «Der österreichische Volkswirt», 1918, N 37, S. 659.

⁵ «Times», 5/IV 1918 г.

опасностях как с итальянской, так и с австрийской стороны, неизбежно связанных с переговорами, начатыми на основе предложений Ламмаша. Будущее войны в значительной степени зависит от поддержания энтузиазма итальянцев и антигерманского фанатизма славянского населения Австрии... Я боюсь, что австрийские государственные деятели не преминут использовать любое сообщение для того, чтобы заявить, что президент питает нежность к Австрийской империи, и убедить славян, что им нечего надеяться на союзников, готовых заключить мир с центральными державами»¹.

Выступая с этими тактическими советами американским дипломатам, английский империализм вместе с тем поддерживал стремление сохранить империю Габсбургов с помощью реформ. В передовой статье о положении в Австро-Венгрии официоз английского ведомства иностранных дел описывал серьезные беспорядки в Кракове, Люблянах и других славянских центрах и приходил к заключению, что Габсбурги стоят перед выбором: либо продолжать союз с Германией и тогда превратиться в германских князей вроде королей баварских или саксонских, либо «дать национальностям самоуправление и постараться поставить себя во главе новообразованной и мощной восточноевропейской конфедерации»². В не менее ясной форме высказался за сохранение монархии Габсбургов известный политический деятель английской буржуазии Роберт Сесиль в речи, посвященной проблемам Юго-Восточной Европы: «Иногда говорят о расчленении Австрии. Я не питаю слабости к Австрии, но полагаю, что эта точка зрения неправильна. Мы хотим, чтобы все эти народы... могли на основе федерации поддерживать в Центральной Европе принципы, на которых должна быть основана европейская политика. Без этого нам предстоит бедствия, слишком ужасные для того, чтобы о них размышлять»³. Под этими бедствиями английский империалист имел в виду национальное и социальное освобождение народов Юго-Восточной Европы. Таким образом, стремление превратить Австро-Венгрию в федерацию во главе с династией Габсбургов не являлось конъюнктурным зигзагом английской внешней политики, а представляло собой одну из важных составных частей реакционных замыслов британского империализма в Европе.

В еще большей степени это относилось к США. Прекращение переговоров, основанных на предложениях, которые были сформулированы при совещании Ламмаша — Геррона, отнюдь не означало, что американские империалисты отказались от своих реакционных планов закабаления народов Юго-Восточной Европы при содействии Габсбургов. Новая попытка осуществить эти планы была сделана в октябре 1918 г., когда, уже во время австрийской революции и распада монархии, Ламмаш был назначен эфемерным премьером габсбургского кабинета министров. Участник февральских переговоров с Ламмашем, американский дипломат Хью Вильсон признал в своих мемуарах, что правительство США вынуждено было лишь санкционировать создание новых государств Юго-Восточной Европы в тот момент, когда увидело невозможность этому воспрепятствовать. Хью Вильсон писал: «Народы различных частей империи все решительнее настаивали на своей независимости до такой степени, что в течение нескольких дней

¹ Каблограмма Бальфура Хаузу ст 27 февраля 1918 г. («Архив полковника Хауза», т. III, стр. 264—265).

² «Times», 1/V 1918 г.

³ Там же, 23/V 1918 г.

до конца войны в каждой из этих единиц возникли независимые местные правительства, которые приняли управление без кровопролития... Для того чтобы не допустить такого развития событий, понадобилась бы союзная оккупационная армия, а для того, чтобы сохранить империю, потребовалось бы применение силы»¹.

В течение многих лет после разгрома Габсбургской монархии империалисты безуспешно пытались осуществить различные варианты закабаления народов Юго-Восточной Европы, добиваясь реставрации Габсбургов или создания Дунайской федерации под эгидой США. На процессе кардинала Минценти и его соучастников, происходившем в Будапеште в феврале 1949 г., была документально установлена роль американских империалистов как организаторов заговора для реставрации Отто Габсбургского. По признанию Минценти, руководящие государственные деятели американской буржуазии рассматривали «распад монархии политической ошибкой с своей стороны»².

Однако преступные планы реставраторов капитализма обречены на неизбежное поражение. Опираясь на братскую поддержку Советского Союза, народы Юго-Восточной Европы навсегда уничтожили иго империалистов и под руководством рабочего класса вступили на путь социалистического строительства.

¹ H. R. Wilson. Указ. соч., стр. 44—45.

² «Josef Mindszenty devant le Tribunal du Peuple», Budapest, 1949, p. 104.

В. Г. Карасев

СЕРБСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ДЕМОКРАТ СВЕТОЗАР МАРКОВИЧ

(Очерк общественной и публицистической деятельности)

Велик вклад, внесенный в сокровищницу мировой культуры выдающимися представителями русского народа. Деятельность гигантов передовой русской общественной и философской мысли, великих патриотов и революционных демократов А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и Д. И. Писарева имела подлинно международное значение. Благотворное влияние их освободительных идей было особенно велико в славянских странах. Общность исторического развития славянских народов, этническое родство и близость языка способствовали углублению и упрочению их культурных и общественных связей с братским русским народом. На передовой русской культуре, на революционных идеях русских мыслителей воспитывались целые поколения прогрессивных деятелей славянских стран.

«Испокон веков между русским и югославским народами существуют дружеские связи,— говорил в приветственном выступлении на XIX съезде КПСС председатель правления «Союза югославских патриотов» Перо Попивида.— Страницы старой и новой истории Югославии полны примерами, говорящими об огромной помощи и защите, оказывавшейся русским народом своим югославским братьям в самые трудные периоды их истории. С другой стороны, они полны примеров верности и признательности, которыми югославские народы отвечали своим русским братьям по крови и оружию.

Историческое развитие югославских народов столетиями находилось в прямой зависимости от взаимоотношений и связей с великим русским народом, с его моральной и материальной, политической и военной помощью»¹.

Изучение жизни и творчества выдающегося сербского деятеля конца 60 — начала 70-х годов XIX в., демократа, революционера, философа-материалиста и утопического социалиста, верного ученика и последователя великих русских революционных демократов — Светозара Марковича, в общественной деятельности которого ярче всего отразились элементы

¹ «Правда», 14/X 1952.

демократической и социалистической культуры сербского народа, имеет большое научное и политическое значение.

В советской историографии нет работ, специально посвященных изучению общественной и публицистической деятельности Светозара Марковича, в которых были бы с достаточной полнотой изложены основные моменты его биографии. Между тем буржуазные сербские исследователи Слободан Йованович¹, Йован Скерлич² и другие преднамеренно искажали, а порой грубо фальсифицировали деятельность Марковича. Они всячески старались умалить влияние передовой русской общественной и философской мысли на формирование его мировоззрения. Правда, даже буржуазные авторы не могли пройти мимо того факта, что развитие мировоззрения Марковича олицетворяло глубочайшие связи демократических сил России и Сербии. Только продажные писатели современной титовской Югославии, ослепленные звериной ненавистью к Советскому Союзу, возглавляющему могучий лагерь мира, демократии и социализма, осмеливаются утверждать противное.

Однако буржуазные историки и публицисты не могли, в силу своей классовой ограниченности, подняться до понимания глубоких корней этих связей и видели в них лишь простое заимствование и подражание.

Крупнейшая методологическая ошибка всех авторов, писавших о Светозаре Марковиче, состоит в том, что они анализировали его взгляды в отрыве от современной ему конкретной социально-экономической и политической действительности. Это не позволило им объяснить совпадение отдельных исторических положений во взглядах Марковича и русских революционных демократов 60-х годов прошлого столетия.

Марксизм-ленинизм учит, что элементы сходства и различия во взглядах общественных деятелей обусловлены не простым заимствованием или механическим перенесением из одних условий в другие, а общностью и различием исторического развития тех стран, в которых протекала их деятельность, общностью и различием задач революционной борьбы. Только марксистско-ленинская наука дала единственно правильный, подлинно научный критерий повторяемости общественных явлений.

«...Анализ материальных общественных отношений,— говорит В. И. Ленин,— сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие общественной формации. Только такое обобщение и дало возможность перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их, выделяющему, скажем для примера, то, что отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, что обще всем им»³.

Исходя из этого гениального ленинского положения, нетрудно видеть, в чем ошибались сербские и отчасти русские исследователи, пытавшиеся объяснить сходство и различия во взглядах Марковича и русских революционных демократов без учета сходства и различий в характере социально-экономических отношений России и Сербии той поры.

Если мировоззрение русских революционных демократов сформировалось, а их революционная деятельность развернулась в тот период, когда, по словам В. И. Ленина, «все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками»⁴, то мировоззрение сербского

¹ Слободан Јовановић, Светозар Марковић. Београд, 1903.

² Јован Скерлић, Светозар Марковић Његов живот, рад и идеје. Београд, 1910.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 123.

⁴ Там же, т. 2, стр. 473.

революционера-демократа Светозара Марковича оформилось, а его революционная деятельность развернулась в период, когда в порядок дня самым ходом исторического развития Сербии во весь рост была поставлена задача ликвидации остатков феодализма, расчистки почвы для быстрого и беспрепятственного развития капитализма и открытой классовой борьбы.

Без раскрытия социально-экономических процессов¹, происходивших в Сербском княжестве в 60—70-х годах XIX в., нельзя объяснить сложных и противоречивых явлений общественной жизни и идейно-политической борьбы, которыми была насыщена сербская действительность того времени.

Анализ условий, в которых протекали эти явления, позволяет глубже понять, как эти условия воздействовали на Марковича и, наоборот, как сам Маркович воздействовал на окружающую его среду в революционном духе.

60—70-е годы прошлого столетия в истории Сербии были переломным моментом, когда поступательный ход общественно-экономического развития страны властно требовал ликвидации остатков средневековья для обеспечения свободного развития капитализма.

В начале XIX в. в Сербии произошла национально-освободительная революция, в которой сельская торговая буржуазия играла руководящую роль. Национально-освободительное движение сербского народа революционизировало поземельные отношения и выдвинуло крестьянство в число активных общественных сил, творящих революцию.

Революция произвела глубокий социально-экономический переворот в стране, однако в силу общей многовековой отсталости Сербии, слабости и неразвитости сербской буржуазии, она оказалась непоследовательной и незавершенной. В стране утвердилась монархия, осталась вассальная зависимость от Турции.

Сохранившиеся во всех областях хозяйственной и политической жизни феодальные пережитки сильно задерживали развитие сельского хозяйства, промышленности и общественной жизни страны.

Однако, несмотря на все это, хозяйство Сербии, хотя и медленно, но неуклонно развивалось по капиталистическому пути.

Происходил распад большой патриархальной семьи — задруги, быстро росли задолженность и обезземеливание крестьян. Грубые и жестокие формы эксплуатации непосредственных производителей, задавленных нуждой, создавали революционное настроение среди разорявшихся масс крестьянства, ремесленников, мелких торговцев и прогрессивной интеллигенции. Постепенное нарастание революционного кризиса в стране завершилось мощным крестьянским восстанием в 1883 г.

В связи с развитием капиталистических отношений в Сербии и обострением классовых противоречий усилилась политическая борьба в стране. В конце 60-х годов XIX в. на политической арене Сербии боролись три общественно-политические течения: консервативное, либеральное и демократическое.

Консерваторы выражали интересы крупных земельных собственников (великопомещиков), ведших хозяйство полукрепостническими методами и поставлявших кадры чиновничьей бюрократии. Консерваторы были самой реакционной общественной силой и являлись социальной опорой сербской монархии.

¹ Подробнее об основных чертах социально-экономического развития Сербии в конце 60 — начале 70-х годов XIX в. см. «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. V, стр. 206—242, М., 1952.

← Либералы выражали интересы молодой сербской буржуазии города и деревни. Выдвигая в своей программе на первый план национальные вопросы, они хотели отвлечь массы от разрешения социальных проблем. Они боялись радикального разрешения задач буржуазного преобразования Сербии, идя на компромисс с консерваторами под влиянием возраставшего революционного движения масс.

Политической организацией либеральной сербской буржуазии являлось Объединение сербской молодежи — Омладина, возникшая в 1866 г.

Консерваторы и либералы вместе составляли эксплуататорский лагерь, которому противостоял лагерь сербской демократии.

← Демократы были единственной прогрессивной силой в тот период освободительного движения в Сербии. Они выступали как защитники интересов крестьян и ремесленников, разорявшихся в процессе развития капитализма. Демократы выставляли требования революционного преобразования всего общественного и политического строя. Борьбу за глубокие внутренние преобразования своей страны сербские демократы связывали с национально-освободительной борьбой южнославянских народов за национальную и политическую независимость.

Борясь за завершение буржуазной революции в Сербии, сербские революционные демократы нередко обнаруживали стремление выйти за ее рамки, ставя перед собой социалистические задачи. Однако эти стремления, нашедшие наиболее яркое выражение в общественной деятельности и творчестве Светозара Марковича, в условиях сербской действительности того времени принимали утопический характер.

Живя и борясь в отсталой стране, где еще не было рабочего класса, Маркович, естественно, не мог подняться до понимания исторического материализма и роли пролетариата.

В условиях неразвитого капиталистического производства Сербии 70-х годов XIX в. и неразвитых классовых отношений Маркович не мог найти ту общественную силу, которая способна стать творцом нового общества. «Социалистам, — указывал В. И. Ленин, — надо только понять, какая общественная сила, по своему положению в современном обществе, заинтересована в осуществлении социализма, и сообщить этой силе сознание ее интересов и исторической задачи. Такая сила — пролетариат»¹. В Сербии того времени еще не сформировалась эта новая общественная сила.

Основу социально-политических взглядов Марковича составлял революционный демократизм.

Во всей своей деятельности Маркович выступал как выразитель интересов и чаяний трудящихся масс, как идеолог народной революции. Это в конечном счете определило особенности его социально-политических взглядов, как их прогрессивное революционно-демократическое содержание, так и их историческую ограниченность.

* * *

Предки Светозара Марковича², скрываясь от преследования турок, в 1820 г. переселились из Старой Сербии, из района Косова, в Шумадию.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 8.

² Три брата: Марко с сыном Радое (будущим отцом Светозара), Маринко и Рашко поселились в с. Нижняя Сабанта в Левече Моравского округа. Еще в 1871 г. в с. Н. Сабанта насчитывалось 15 домов Марковичей. См. J. Скерлић. Светозар Марковић Његов живот, рад и идеје. Друго издање. Београд, 1922, стр. 11.

Это были свободолюбивые люди¹. Сам Светозар позже писал, что его дед по отцу в течение 20 лет был гайдуком².

Светозар Маркович родился 9 (21) сентября 1846 г. в Ягодине³. Отец его Радое Маркович был мелким чиновником. Семья была большая⁴ и терпела постоянную нужду. В 1852 г. умерла мать Светозара, Стана Здравкович; отец женился на вдове ягодинского торговца Панты Перишича — Марии. Светозар сохранил о мачехе самое теплое воспоминание. В середине декабря 1854 г.⁵ умер отец.

Несмотря на материальные трудности, испытываемые семьей, Светозар получил возможное для того времени образование. В 1853—1854 гг. он окончил два класса основной школы в селе Рековац, а третий и четвертый классы — в Ягодине, куда после смерти отца переселилась вся семья. С 1856 по 1860 г. учился в прогимназии в Крагуеваце. За четыре года пребывания в прогимназии Светозар показал себя одаренным учеником, обнаружив особые успехи в математике. Позже, в известной статье «Как нас воспитали?», он описал нравы, господствовавшие в то время в сербской школе. Наставники были грубые, невежественные люди, немилосердно издевавшиеся над детьми. «Били они просто по привычке, в силу рутины, а часто и потому, что им нечего было делать в школе»⁶ Между учениками и учителями шла беспрекословная война. Ненависть к преподавателю дети не могли отделить от науки, которую они также ненавидели⁷. Не удивительно, что Маркович, возвращаясь с экзамена, порвал учебники и побросал в реку.

Осенью 1860 г. Светозар поступил в единственную в то время полную семилетнюю гимназию в Белграде. Преподаватели гимназии были более культурными, чем их крагуевацкие коллеги. Но и они в большинстве были консерваторами в политике, схоластами и реакционерами в обучении. Исключение составлял только преподаватель истории Стоян Бошкович, в то время республикански настроенный. Пороки, присущие школьному воспитанию тогдашней Сербии, — формализм и мертвая классическая схоластика, господствовали и здесь. «Общий печальный недостаток во всех предметах, которые нам преподавали, — писал Маркович, — был тот, что в них не было ничего, что могло пробудить наш ум, который был совершенно усыплен системой воспитания в низших классах»⁸.

¹ Не исключена возможность, что гуслар «старец Рашко», со слов которого Вук Караджич записал песню Урош и Мрнавчевици, связан с предками С. Марковича. По словам Вука, «старец Рашко» был родом из Колашина. Старый Колашин наряду с Косовым, по свидетельству Скерлича, является возможным местом, откуда переселились предки С. Марковича («Еще в самом начале сербского восстания против дахий, — писал Караджич, — Рашко бежал в Сербию и поселился в Ягодинской нахии в с. Сабанта»). Совпадение этих данных дает возможность предположить, во-первых, что гуслар Рашко являлся братом деда С. Марковича и, во-вторых, что датой переселения предков Марковича следует считать не 1820 г., как думает Скерлич, а приблизительно 1805 г. (см. «Наша књижевност», св. 10. Б., 1946, стр. 303).

² J. Скерлић. Ук. соч., стр. 11.

³ Различные свидетельства указывают на три возможных места рождения С. Марковича: С. Нишевцы, г. Заечар и Ягодину. Сам Светозар считал себя ягодинцем. В сентябре 1946 г. в связи с празднованием 100-летия со дня рождения Марковича г. Ягодина был переименован в г. Светозаров.

⁴ Кроме Светозара, в семье было еще пять детей: старше его Ефрем и Катерина, моложе — Персида, Христиана и Милица (см. J. Скерлић. Указ. соч., стр. 12—13).

⁵ Скерлич (стр. 13) ошибочно считает датой смерти матери Светозара 1856 г., а отца — 1868 г. (см. «Наша књижевност», кн. III, св. 9, стр. 108, Београд, 1846).

⁶ Светозар Маркович. Целокупна дела, вып. VIII, стр. 22. Ниже цитируется как «Ц. Д.».

⁷ Там же, стр. 28.

⁸ Ц. Д., вып. VIII, стр. 40.

В гимназические годы на духовное развитие Марковича большое влияние оказало знакомство с известным поэтом и либерально настроенным офицером Иованом Драгашевичем, школьным другом и побратимом старшего брата Марковича Ефрема. По приезде в Белград Маркович два года жил в доме Драгашевича. Последний рассказывал позже «об этом молодом и даровитом сербе», которого он, как старший, «направлял в том, чего он, будучи молодым, еще не знал», «излагал ему главные элементы и достоинства нашей задруги и показывал ему другие особенности нашего народа»¹. Среди ближайших друзей Светозара этой поры следует назвать Павла Михайловича², болгарина Сукнарова, Любомира Белимарковича, Драгишу Станоевича (переводчика «Неистового Роланда» на сербский язык и идеолога буржуазного республиканизма в Сербии) и др. Маркович очень много читал, пополняя свои знания и расширяя кругозор. Чтение отечественной и иностранной литературы окончательно захватило его, когда он, будучи в шестом классе, получил, наконец, доступ в народную библиотеку.

В июне 1863 г. Маркович окончил гимназию с отличными успехами, а осенью того же года поступил в Великую школу, на только что основанный технический факультет. Студенты Великой школы из обеспеченных семей большую часть времени проводили в кафе и корчмах Белграда. Эту затхлую среду, в которой оказался Маркович, он позже назвал «живым гниением», где «воспитывались из одной части сербской молодежи бюрократы, а из другой — негодяи и бродяги или кандидаты для могилы»³.

Однако это болото не засосало его в силу ли «морального инстинкта, который он вынес из своего почтенного плебейского дома»⁴, как думает Скерлич, или, что вероятнее, вследствие знакомства именно в этот период с произведениями Чернышевского и Герцена, которые открыли ему иной мир и другие задачи. Произведения русских революционеров-демократов пользовались большим успехом среди передовой сербской интеллигенции. В январе 1864 г. Общество сербской словесности избрало своими почетными членами Герцена, Чернышевского, Маццини, Гарибальди и Кобдена⁵. Чтобы ознакомиться с передовой русской литературой в подлиннике, на втором и третьем годах пребывания в Великой школе Маркович усиленно изучал русский язык.

В 1866 г. Маркович, окончив Великую школу и получив диплом⁶, отправился в Петербург. «Мы все, — писал он, — которые уезжали в иностранные земли из последних классов Великой школы, знали столько, сколько знает ученик, окончив тамошние гимназии со средним успехом...»⁷. О своей ранней молодости, о годах учения Маркович вспоминал позднее: «Мое прошлое, мое бедное воспитание приходит ко мне, как дурной сон»⁸.

Прибыв летом 1866 г. в Петербург, Маркович вместе с Алексой Кнежевичем был зачислен студентом Института инженеров путей сообщения.

¹ J. Скерлич. Указ. соч., стр. 18.

² Будущий гос. советник. Оставил интересные воспоминания об ученических годах Светозара, с которым учился вместе.

³ Ц. Д., вып. VIII, стр. 53.

⁴ J. Скерлич, стр. 21.

⁵ J. Скерлич. Омладина и њена књижевност. Београд, 1906, стр. 138.

⁶ «Сведочанство Велике Школе княжества Србског» от 5 июля 1866 г. хранится в архиве Ин-та инженеров путей сообщения в Ленинграде (см. статью К. А. Пушкиревича «Светозар Маркович в Петербурге (материалы к биографии)». — «Труды Ин-та славяноведения АН СССР, т. I, Л., 1932, стр. 345—349.

⁷ Ц. Д., вып. VIII, стр. 50.

⁸ Там же, стр. 14.

С сентября 1866 г. ему была назначена стипендия от русского правительства в размере 300 руб. в год.

В одном письме 1873 г. Маркович писал, что его мировоззрение «окончательно определилось» к 1869 г.¹, т. е. к моменту отъезда из Петербурга. В связи с этим для нас имеет значение каждый факт, проливающий свет на этот почти неисследованный период его жизни, тем более, что вся его деятельность этой поры была связана с подпольными революционными кружками русской учащейся молодежи, следов которых почти не сохранилось.

Обстановка в России к моменту прибытия Марковича в Петербург (после караковского выстрела 4 апреля 1866 г. и разгрома ишутинцев) затрудняла возникновение революционных организаций. Третье отделение было всеисильным. В стране торжествовала реакция. Террор правительства делал почти невозможной какую бы то ни было работу революционного характера. «Только в глубоком подполье продолжали копошиться и собирать силы для новой борьбы люди, у которых хватило силы и совести не примириться с торжествующей реакцией и остаться верными прежним убеждениям. Таких людей было немного, но они существовали и вели работу, тяжелую и неблагодарную, но важную и нужную»².

Исследование Б. П. Козьмина «Революционное подполье в эпоху «белого террора», посвященное русскому революционному движению 1866—1868 гг., дает возможность установить связи, существовавшие между русскими и сербскими революционерами. Связующим звеном был Иван Иванович Бочкарев, человек, по характеристике Козьмина, большого гражданского мужества и незаурядной силы воли. Связи Бочкарева с нелегальным русским революционным кружком в Петербурге, известным под названием «Сморгонская академия», с одной стороны, и с революционными движениями славянских стран, прежде всего в Сербии — с другой, укрепляют нас в мысли о том, что Бочкарев был связан и с сербской учащейся молодежью в Петербурге. Козьмин предполагает, что эти связи были установлены еще до поездки Бочкарева за границу³, т. е. до конца января 1867 г. Утверждать это мы не можем за отсутствием данных. Однако обращают на себя внимание следующие два факта. В архиве института сохранилось прошение Марковича на имя директора Соболевского от 20 мая 1867 г. с просьбой разрешить ему поездку в Сербию на время каникул⁴. Разрешение было дано, но по неизвестным причинам поездка не состоялась.

М. Миличевич, делегат от Сербии на этнографическую выставку, состоявшуюся в 1867 г. в Москве, был проездом в Петербурге и посетил институт, в котором учился Маркович и Кнежевич. «Кнежевича я видел в школе, — писал Миличевич, — а Светозар по совету врачей для поправки своего слабого здоровья уехал на юг»⁵. Некоторые авторы предполагают, что Маркович провел каникулы на юге России, возможно, в Крыму. На наш взгляд более правильным будет считать, что местом «отдыха» Марковича был не Крым, а Одесса, куда сходились многочисленные нити революционных связей России с Балканами⁶.

¹ «Наша књижевност», кн. III, св. 9, стр. 117.

² Б. П. Козьмин. Революционное подполье в эпоху «белого террора». М., 1929, стр. 162.

³ Б. П. Козьмин. Указ. соч., стр. 44.

⁴ К. Я. Пушкаревич. Указ. соч., стр. 349.

⁵ М. Миличевич. Додатак Поменику од 1888 г. Београд, 1901, стр. 86.

⁶ См. Е. Н. Кушева. Из русско-сербских революционных связей 1870-х годов. — «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. I, М.—Л., 1949, стр. 343—358. В Одессе в 1867 г. было основано славяно-сербское общество, входившее в Омладину (см. J. Скерлић. Омладина в Њена књижевност. Београд, 1906, стр. 118).

По всей вероятности, поездка Марковича в Одессу стоит в связи с тем, что в 1867 г. сербскими студентами в Петербурге было организовано общество под названием «Община», вошедшее затем в Омладину. Среди ее основателей было два революционно настроенных в то время сербских офицера, позднее генералы сербской армии Савва Груич и Дмитрий Джурич. Оба они, как и старший брат Светозара — Ефрем Маркович, принимали участие в польском восстании 1863 г.¹ Светозар Маркович принимал деятельное участие в создании «Общины» и был ее секретарем. Сразу же после создания «Общины» возникли планы превращения ее в южнославянскую организацию, какой она и становится с начала 1868 г.² Не исключено, что поездка Марковича на юг стояла в прямой зависимости с реализацией этого плана и имела целью установление связей с южными славянами в Одессе.

Знакомство Бочкарева с «Общиной» произошло, вероятнее всего, в сентябре 1867 г., когда он вернулся в Петербург после первой своей поездки за границу, во время которой он в качестве представителя от русской молодежи выступил с речью на второй скупщине сербской Омладины 8 августа 1867 г. в Белграде в защиту прав женщин³. Подтверждением того, что Бочкарев поддерживал связь с сербской, а затем югославянской «Общиной», служит то обстоятельство, что при обыске в 1868 г. у него в числе других бумаг был найден устав сербской «Общины» и два экземпляра устава «Петроградской славянской беседы»⁴. Известно, что «Община» стремилась «наладить связь для совместной работы сербского и русского студенчества на пользу прогресса», а также укрепить «единство и братское соглашение между большинством наших (сербских.— В. К.) соотечественников в России»⁵.

Письма Марковича из Петербурга свидетельствуют о большом влиянии, которое оказали на него русские революционеры.

Наличие тесных связей Марковича с русскими революционерами в дополнение к тому, что мы узнаем из показаний Бочкарева, подтверждает также рассказ одного из видных деятелей «Сморгонской академии» Варлаама Черкезова. Биограф Бакунина Макс Неттлау после смерти Черкезова писал в некрологе: «...Черкезов в то время (1868.— В. К.) при помощи Бочкарева вступил в сношения с молодыми сербами Саввой Груичем (будущий военный министр), Николичем и Светозаром Марковичем... Груич был в Берлине и знал сочинения Лассаля, но все трое как русских прогрессистов знали только славянофилов типа Аксакова, которых они в глубине души находили достаточно реакционными. Черкезов открыл им глаза, дал прочесть сочинения Чернышевского⁶, особенно знаменитую критику панславизма («Национальная бестактность»). Они были в восторге и сблизились с кружком, где читали Бакунина. Но вскоре они уехали»⁷.

¹ Б. П. Козьмин, Указ. соч., стр. 44; Ж. Скарлиф, Омладина и Вена књижевност, стр. 188.

² См. Ц. Д., вып. VIII, стр. 3.

³ Омладинска заједница за годину 1868, св. 1, стр. 127—128. На омладинской скупщине Бочкарев предложил, «чтобы скупщина торжественно провозгласила право женщины участвовать в общественной деятельности и в Омладинской скупщине».

⁴ Б. П. Козьмин, Указ. соч., стр. 44—45.

⁵ А. Виктор-Топоров, Светозар Маркович (страница из истории общественного движения в Сербии). «Голос минувшего», 1913, № 3, стр. 37; Ж. Скарлиф, Указ. соч., стр. 26.

⁶ Мы уже отмечали выше, что с произведениями Н. Г. Чернышевского С. Маркович был знаком еще в Сербии.

⁷ Цит. по указ. работе Б. П. Козьмина, стр. 117—118.

Рассказ Черкезова особенно ценен потому, что он ясно свидетельствует о наличии связей «Сморгонской академии» с радикальной сербской молодежью, обучавшейся в Петербурге. Кружок русских революционеров под этим названием возник в 1867 г. и просуществовал до марта 1869 г.

«Вокруг него,— пишет Б. П. Козьмин,— группировалась почти вся петербургская молодежь того времени»¹. Программа кружка (организация переворота в России, широкая пропаганда революционных идей, стремление установить связи с Интернационалом²) многое объясняет нам в развитии и формировании взглядов молодого революционера Светозара Марковича. Деятельность этого кружка сыграла немаловажную роль в развитии сербского революционного движения в 70-х годах XIX в. и укреплении его связей с русским революционным движением³. Связи Марковича с «Сморгонской академией», члены которой были страстными поклонниками Чернышевского, помогли ему глубоко и серьезно ознакомиться с учением и деятельностью самого выдающегося представителя русских революционных демократов 60-х годов. Это знакомство укрепило его в мысли о «необходимости в сербском народе быть тем же, кем были Чернышевский, Добролюбов и другие в русском народе»⁴. К этому периоду относятся известные слова Марковича, ставшие программой всей его партии: «Тот, кто не готов к жертве за всякий атом своих убеждений, пусть не называет себя представителем народных мыслей»⁵. Большое влияние на Марковича оказал также русский революционер-демократ Д. И. Писарев. Маркович знал Писарева не только по его статьям в журналах, но лично с ним встречался. В одной из своих первых статей «Литературный вечер»⁶, помещенной в № 29 либеральной газеты «Србија» за 1868 г., он описывал доклад «известного писателя русской молодежи» Д. И. Писарева о творчестве Г. Гейне.

Статья «Литературный вечер» свидетельствует о благотворном влиянии, которое оказывали идеи русских революционных демократов на формирование революционных взглядов Марковича. В ней рассказывается о том, что вечер происходил в «Клубе художника» и был организован в пользу ассоциации петербургских швей. Марковича поразила скромность одежды мужчин и женщин, присутствовавших на вечере. С особой теплотой он отзывался о «русских нигилистках». Эти женщины, писал он, отказались от мужской опеки и решили собственными руками зарабатывать хлеб. «Это те, которые основывают ассоциации, чтобы освободить свои руки от чужого капитала; это те, которые показали миру, как человечество не использует половину своей духовной силы (первая женщина-доктор в России, г-жа Суслова⁷, выдержала несколько месяцев тому назад экзамен по меди-

¹ Б. П. Козьмин. Указ. соч., стр. 142.

² Можно предположить, что не увенчавшаяся полным успехом попытка членом «Сморгонской академии» связаться с русской революционной эмиграцией в Женеве и «Европейским революционным комитетом» (т. е. I Интернационалом) была не последней причиной, побудившей Марковича поехать именно в Швейцарию.

³ О наличии этих связей убедительно говорит упоминавшаяся статья Е. Н. Кушевой (стр. 343—358).

⁴ С. Маркович. Письмо Л. Белимарковичу от 26 июля 1869 г.; J. Скерлић. Указ. соч., стр. 227.

⁵ Ц. Д., вып. VIII, стр. 6.

⁶ Там же, стр. 9—12.

⁷ Надежда Прокофьевна Суслова (1843—1918), известная общественная деятельница, первая русская женщина-врач. С 1864 по 1867 г. училась на медицинском факультете Цюрихского университета. По окончании университета получила диплом доктора медицины, хирургии и акушерства. Суслова оказала большое влияние на развитие высшего женского медицинского образования не только в России, но и в других странах. На это прямо указывал Маркович в своей статье «Способна ли женщина быть равноправной с мужчиной?», к которой он, следуя благородным традициям русских револю-

цине, хирургии и акушерству в Цюрихе), это вестники нового века»¹.

Нам не удалось разыскать более подробные сведения об этом «вечере» с участием Д. И. Писарева. Однако обращает на себя внимание один факт, отмеченный в воспоминаниях русского революционера Л. Б. Гольденберга. Гольденберг рассказывает о своем участии в нелегальном собрании в школе Михайлова (Шеллера), куда он был приглашен, будучи делегатом на I конгрессе натуралистов, происходившем в Петербурге в 1868 г. «...Привлекавшийся по каракозовскому делу Воскресенский², — писал Гольденберг, — стоял у калитки, указывал, куда надо идти. В этот вечер читал доклад Писарев, а затем некий Крылов (возможно, что это был псевдоним) довольно хорошо читал свой собственный слабый рассказ, описывавший несчастное положение России того времени и беспощадно критиковавший учреждения страны и ее властителей»³.

У нас нет достаточных данных, чтобы отождествить это собрание с тем, которое описывал Маркович в статье «Литературный вечер». Однако тот факт, что в первом и во втором случаях участвовал Писарев, причем последнее собрание было организовано «Сморгонской академией», с участниками которого, как мы установили, Маркович был связан, сам по себе говорит многое. Это еще одно свидетельство того, что Маркович общался с широкими кругами русской революционной молодежи второй половины 60-х годов и принимал непосредственное участие в русском революционном движении.

Находясь в Петербурге, Маркович живо интересовался всеми событиями на родине, вел оживленную переписку с белградскими друзьями. Содержание этой переписки, а также его статьи этой поры⁴ говорят о быстрой радикализации взглядов Марковича. Сначала он указывал на ошибки «бывшей» либеральной партии во время правления князя Михаила, пытаясь заставить ее определить свою программу в новых условиях. Но убедившись в предательстве либералов, выразившемся в соглашении с реакционным наместническим режимом, Маркович решительно порвал с ними и начал борьбу против них. Своими советами и указаниями Маркович помогал белградским друзьям разобраться в шарлатанской демагогии белградских либералов.

Маркович уже в этот период ясно сознавал необходимость создания новой партии. «Я больше не надеюсь на либералов, — писал он. — По моему мнению, должна организоваться радикальная партия, и тогда начнется борьба против всего, что устарело, — борьба молодого поколения против старого»⁵. «...Отныне, — продолжал он, — мои пути и пути либералов

ционеров-демократов, выступал пламенным поборником свободы и равноправия женщин. За связи с русскими революционными организациями 60—70-х годов Суслова находилась под надзором полиции.

¹ Ц. Д., вып. VIII, стр. 10.

² Один из основателей кружка «Сморгонская академия».

³ Воспоминания Л. Б. Гольденберга. — «Каторга и ссылка», 1924, № 3, стр. 99—100.

⁴ О бурной публицистической деятельности Марковича, развитой им в петербургский период жизни, свидетельствует следующий перечень его статей, опубликованных в 1868 г.: «Сербской Омладине вместо ответа некоторым друзьям из молодежи от Сербской «Общины» в Петербурге» (газ. «Србија» за 1868 г., № 29; Ц. Д., вып. VIII, стр. 3—8); «Литературный вечер»; «Поэзия и мышление, обзор нашей художественной литературы» («Матица» за 1868 г., № 32, 33, 34); «Как нас воспитали (исповедь одного правительственного воспитанника)» (газ. «Србија», за 1868 г., № 44, 45, 46, 48, 51, 56, 57 и 58; Ц. Д., вып. VIII, стр. 13—54); «Что делать?» (газ. «Србија» за 1868 г., № 61, 62, 64); «Великая Сербия» (газ. «Застава» за 1868 г.).

⁵ Ц. Д., вып. VIII, стр. 80.

окончательно разошлись, и между нами и либералами предстоит борьба, причем более долгая и более трудная, чем та, которую вели они»¹.

Сознавая, что круг «новых людей», могущих начать эту великую борьбу, слишком мал в Сербии, Маркович советовал белградским друзьям договориться с Живвоинном Жуевичем, которого он назвал «первым социалистом среди сербов»², и организовать в Белграде общество (дружину). Затем предполагалось с помощью прогрессивно настроенной молодежи издавать журнал по примеру русских. Сообщение о том, что Жуевич находится на смертном одре³, глубоко огорчило Марковича: «И так нас мало,— писал он,— а если еще и этот работник погибнет, даже и не знаешь, с кем работать»⁴. Однако Марковича не страшит, что вначале он будет возможно «один против всех»⁵.

Желание быть ближе к важнейшим событиям сербской политической жизни, особенно после убийства князя Михаила Обреновича (29 мая 1868 г.), неудержимо влекло Марковича в Сербию. Каникулы 1868 г. он провел на родине, помогая друзьям возглавить борьбу против либеральной партии. Из Ягодины он послал телеграмму 3-й Омладинской скупшине, происходившей в Великом Бечкереке, дышащую пафосом борьбы: «Кого свобода и счастье народа побуждают к деятельности,— говорилось в телеграмме,— того не устрашают застенки. Счастливого успеха в работе, братья!»⁶

Решившись целиком посвятить себя благородной деятельности борца за свободу и счастье своего народа, Маркович, пробыв в России неполных три года (с июля 1866 г. по конец марта 1869 г.)⁷, покинул Петербург. Большинство его биографов считает, что причиной оставления Марковичем Петербурга было его слабое здоровье, на котором болезненно сказывался суровый климат русского севера. Гораздо ближе к истине был Виктор-Топоров. Он так пишет об этом: «Наступил 1869 г. Начались беспорядки в Медицинской академии и Технологическом институте, разразилась нечаянная история. Атмосфера сгустилась до такой степени, что дальнейшее пребывание Марковича в России неминуемо должно было повлечь за собой его арест. Маркович уехал из Петербурга»⁸. Это справедливое в основном, но весьма суммарное замечание нуждается в расшифровке. Известно, что в начале 1869 г. начались не просто «беспорядки», а настоящие студенческие волнения, причем одновременно в трех высших учебных заведениях Петербурга: Медико-хирургической академии, университете и Технологическом институте⁹. Волнения студентов были прекращены только в апреле 1869 г. Многие из членов «Сморгонской академии» и группировавшиеся вокруг нее лица «выступили как активные участники студенческих волнений, охвативших высшие учебные заведения Петербурга зимой

¹ Ц. Д., вып. VII.

² Ц. Д., вып. VII, стр. 16.

³ Ж. Жуевич умер летом 1870 г.

⁴ Ц. Д., вып. VII, стр. 76.

⁵ J. Скерлић, Указ. соч., стр. 28.

⁶ «Омладинска заједница за годину 1868», св. 1, стр. 95.

⁷ В свидетельстве, датированном 23 марта 1869 г., говорилось, что Маркович с успехом окончил два курса института и переведен на третий, отчислен по болезни (см. J. Скерлић, Указ. соч., стр. 23).

⁸ В. Виктор-Топоров, Светозар Маркович (страница из истории общественного движения в Сербии).— «Голос минувшего», 1913, № 3, стр. 40.

⁹ Подробнее об этом см. Сватиков, Студенческое движение в 1865 г.—Сб. «Наша страна», 1907, № 1; «Революционное и студенческое движение в оценке III отделения.— «Каторга и ссылка», 1924, № 3; «Нечаян и нечаявшина»—Сб. материалов под ред. Б. П. Козьмина, М., 1931.

1868/69 г., а некоторые из них в 1869 г. стали членами нечаевской «Народной расправы»¹. Так как Маркович был тесно связан с этим кругом лиц, то опасность его ареста была весьма реальной.

Отсюда можно предположить, что отъезд Марковича из Петербурга был вызван не столько плохим состоянием здоровья, сколько политическими мотивами.

Россия и русский народ оставили в Марковиче, по его собственному признанию, неизгладимый след. За два с половиной года пребывания его в Петербурге под воздействием русского революционного движения и передовых идей русских революционных демократов в мировоззрении Марковича произошел огромный сдвиг. Приехав в Россию, будучи во власти либеральных идей Омладины, он покидал ее уже вполне сложившимся революционером-демократом.

Покидая Россию, Маркович не порывал связей с русским революционным движением и русскими революционерами. Как увидим, эти связи еще больше окрепли за время его пребывания в Швейцарии и не прекращались до конца жизни.

Весной 1869 г. Маркович прибыл в Цюрих и был зачислен студентом третьего курса Политехникума. С августа он вместе с Николаем Пашичем и Перо Велимировичем стал получать сербскую государственную стипендию.

На вопрос, что влекло Марковича именно в Швейцарию, нетрудно ответить. Еще 30 ноября 1866 г. он писал из Петербурга Любомиру Белимарковичу о своем намерении «поехать в Швейцарию, хорошо изучить немецкий и французский языки и поближе познакомиться с братьями революционерами»². Швейцария в то время была единственной демократической республикой в Европе, двери которой были широко открыты для политических эмигрантов всех стран. Все это хорошо было известно Марковичу. В Швейцарии он углубился в изучение политической, экономической и социальной литературы, ознакомился с социалистическими учениями Западной Европы. Здесь он впервые получил возможность прочитать некоторые произведения Маркса. Хотя знакомство Марковича с научным социализмом Маркса и Энгельса было неглубоким, однако оно оказало значительное влияние на развитие его общественно-политических взглядов.

Маркович не стоял в стороне и от политических событий того времени. Находясь с августа по сентябрь 1869 г. в Лозанне для совершенствования во французском языке, он присутствовал на конгрессе буржуазно-пацифистской организации — Лиги мира и свободы. Как Герцен и Огарев, Маркович отрицательно отнесся к Лиге. Ее организаторов и сторонников он назвал «людьми золотой середины». Положительную оценку Марковича получила лишь резолюция по восточному вопросу, которая гласила: «Единственный способ разрешения Восточного вопроса — освобождение восточных народов и создание федеративной республики славянских народов». «Вот самое реальное из всех решений, принятых конгрессом этого года»³, — писал он в корреспонденции для новосадской газеты «Застава» («Знамя»). С восхищением отзывался Маркович о выступлении на заключительном заседании конгресса великого французского писателя Виктора Гюго.

Используя петербургские знакомства, Маркович не прекращал своих связей с русскими революционерами и будучи в Швейцарии. По свиде-

¹ Б. П. Козьмин. Указ. соч., стр. 142.

² J. Скерлић. Указ. соч., стр. 29.

³ «Застава», 1869, № 3; см. J. Скерлић. Указ. соч., стр. 33, его же. Омладина и њена књижевност, стр. 249.

тельству Скерлича, «В Цюрихе Маркович поддерживал связи с русскими и в своих письмах того времени часто упоминает революционера Александра¹, которого хорошо знал»².

Как только в марте 1870 г. в Женеве была основана русская секция I Интернационала, Маркович сразу стал ее агентом-корреспондентом от сербских земель и во втором и третьем номерах журнала этой секции «Народное дело» поместил свою статью «Политическое и экономическое положение рабочего класса в Сербии».

Маркович активно пропагандировал идеи I Интернационала среди сербской учащейся молодежи в Швейцарии. В Цюрихе он организовал группу, в которую входили Никола Пашич, Перо Велимирович и Дмитрий Катич³. Группа составила тайный кружок с особой программой действий и учреждением специальной кассы. Членов кружка объединял общий взгляд на социализм и его применение к Сербии. Вместе с Джурой Льочичем, который дважды приезжал в Цюрих, на тайном собрании летом 1869 г. они пытались создать новую радикальную партию. При обсуждении ее программы происходили жаркие дебаты по вопросу о решительной политической деятельности в Сербии и привлечении единомышленников. Свою программу Маркович так коротко формулировал в письме от 26 июня 1869 г.: «Разрушить все, что есть в Сербии старого, и расчистить почву для новой постройки»⁴.

Маркович далеко не ограничивался только такого рода подготовительной работой. В новосадской газете «Застава» за 1869 г. он выступил с острой обличительной статьей «Наши обманы»⁵, в которой подверг уничтожающей критике только что принятую консервативную сербскую конституцию, предательскую политику либеральной партии и правительства. Статья не была подписана, но правительству вскоре стал известен ее автор. На частное письмо министра просвещения Д. Матича Маркович ответил открытым письмом в «Заставе»⁶. Публично признав, что он был автором статьи, Маркович писал в этом письме министру-либералу: «На каком основании вы полагаете, что учащийся имеет другие обязательства по отношению к законам страны, чем остальные граждане?... Разве политические принципы государственного воспитанника не смеют различаться

¹ Василий Максимович Александров в 1868 г. поступил в Медико-хирургическую академию в Петербурге. Привлекался по делу Нечаева. Вместе с М. А. Натансоном организовал «Вульфскую академию», которая легла в основу кружка «чайковцев». Во второй половине 1871 г. уехал за границу. Жил в Цюрихе, где до весны 1872 г. ведал швейцарской типографией чайковцев. Заведовал типографией Эллидина, отпечатал работу Маркса «Гражданская война во Франции». Этим изданием, возможно, пользовался Маркович в своих статьях о Парижской Коммуне. Александров был одним из основателей славянской секции I Интернационала в Цюрихе, возникшей в 1872 г. (см. «Био-библиографический словарь деятелей революционного движения в России», т. II, вып. 1, 1929, стр. 15). Маркс в письме к Юнгу от 19 октября 1871 г. просил последнего навести справку, знает ли Утин что-нибудь о новой славянской секции в Цюрихе. «Среди фигурирующих там фамилий я нашел: А. Дубов, Каспер Турский, Эммануил Эрвачанин» («Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 1951, стр. 53). Е. Н. Кушева в уже упоминавшейся работе (стр. 353) пишет: «Дневники Бакунина за цюрихский период 1872 г. (Бакунин жил в Цюрихе с 2 июля по 11 октября 1872 г. и приезжал туда в апреле 1873 г.) пестрят упоминаниями о свиданиях с сербами и о сношениях сербов с Александровым, кончившихся разрывом. Есть сведения о поездке Александрова в 1873 г. и 1874 г. в Белград и Нови Сад.

² J. Скерлић. Указ. соч., стр. 34.

³ Последний затем отошел от этой группы.

⁴ J. Скерлић. Указ. соч., стр. 36.

⁵ Эта статья больше известна под названием «Сербские обманы».

⁶ «Застава», 1870, № 8 и 9.

от политических принципов министра и правительства вообще»¹. «Я полностью принадлежу поколению,— продолжал Маркович,— которое только теперь выступает на арену общественной жизни, поэтому я мог говорить беспристрастно, как человек, которому дорога истина. Вот почему я написал статью «Сербские обманы»...»²

Решением министра от 31 января 1870 г. с мотивировкой, что «правительство послало Марковича за границу изучать технические науки, а не заниматься политикой...»³, он был лишен стипендии. Оказавшись без средств к существованию, Маркович некоторое время еще оставался в Швейцарии. Он рассчитывал задержаться здесь до осени 1871 г., побывать в Женеве, закрепить свои знания во французском языке, познакомиться «поближе с европейской радикальной демократией»⁴, затем вернуться в Сербию и вместе с друзьями приступить к изданию журнала. Но этим планам не суждено было осуществиться. Денег, которые присылал брат Ефрем, хватило ненадолго. Других средств не было.

В июне 1870 г. Маркович вернулся в Сербию, пробыв, таким образом, в Швейцарии 14 месяцев.

«Когда я получил письмо от министра Матича...,— писал Маркович,— я окончательно решил, что мое призвание публицистика... мне слишком тесны и узки эти окопы, в которых в настоящее время угнетается сербский народ, и я начал борьбу против них»⁵, «против всех и всяких либеральных сторонников династий и династических либералов»⁶.

В конце июня 1870 г. Маркович поселился в Белграде, в самом центре политической жизни Сербии. Вот какую характеристику положения Сербии в этот период дал Перо Тодорович в некрологе Марковича: «В 1870 г. в Сербии господствовала династическая разнузданность; народ забит во всех отношениях; все партии расстроены; жандарм, доносчик и недоверие овладели Сербией; радикально-демократических партий никогда не было; о социализме никогда не слышали; страна удалена от Запада, окружена мрачным соседством. Тогда возвращается из мира в Сербию ученик 23 лет, со слабым здоровьем, изнемогающий; он носит в своем мозгу современную науку, а в своем сердце — страстное убеждение и непреклонную волю деятельности...»⁷

Мысль о создании социалистической партии не оставляла Марковича. Среди учащихся Великой школы он организовал студенческое общество «Побратимство» и стал его руководителем. 22 января 1871 г. на собрании общества Маркович прочитал доклад «Каким образом в результате насилия возникло современное человеческое общество и как следовало бы преобразовать его на основе различных услуг, оказываемых каждым членом в обществе»⁸.

Почва для развертывания успешной пропаганды демократических идей в среде великошкольской молодежи была уже до некоторой степени подготовлена предшествующей деятельностью болгарского революционера Любена Каравелова, жившего в Сербии с 1867 по 1869 г., и «радикального доктора», республиканца по политическим убеждениям, Драгиши Станоевича.

¹ J. Скерлић. Указ. соч., стр. 37.

² Там же, стр. 38.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 38—39.

⁵ Письмо Антону Хаджичу от 3 февраля 1870 г. (см. «Наша књижевност», св. 9, 1946, стр. 119).

⁶ J. Скерлић. Указ. соч., стр. 41.

⁷ «Рад» за 1875 г., стр. 1888, цит. по Скерличу. Указ. соч., стр. 57.

⁸ Скерлић. Омладина и њена књижевност, стр. 297.

На вечерах молодежи Маркович настоятельно рекомендовал своим друзьям и соратникам изучать передовую русскую литературу — произведения Чернышевского, Добролюбова, Писарева.

«С первой половины XVIII в. и вплоть до настоящего времени, — писал Скерлич в 1906 г., — никогда русское влияние на сербскую литературу не было более значительным, чем в 1870 г.»¹

В сербских газетах и журналах печатались многочисленные произведения великих русских писателей и мыслителей. В первом и втором номерах либеральной газеты «Србија» появилась статья под названием «Сербской Омладине на новый 1870 год», в которой неизвестный автор призывал сербскую молодежь последовать примеру видного деятеля русского общественного движения середины прошлого столетия, поэта, прозаика и публициста М. Л. Михайлова, принадлежавшего к плеяде славных русских революционеров и соратников Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. Статья заканчивалась замечательными словами великого украинского поэта Т. Г. Шевченко, в которых он призывал поработенные народы к восстанию:

Борітеся — поборете!
Вам бог помогає!
За вас правда, за вас слава
І воля святая!²

Деятельность «Побратимства» разворачивалась настолько успешно, что в 1871 г. дело дошло до серьезных студенческих волнений, окончившихся вмешательством правительства, которое распустило студенческие общества и прекратило на некоторое время занятия в Великой школе³. Тогда в Белграде стали возникать тайные студенческие общества по примеру русских «коммун».

У Марковича все больше зрела идея использовать для создания новой партии сербскую Омладину, ту самую Омладину, с которой он не порывал связей со времени пребывания в Великой школе. В мае 1870 г. он писал: «...Интернациональная пропаганда быстро разовьется в Сербии, и интернациональная организация (I Интернационал.— В. К.) охватит собой и Омладину...»⁴

К моменту возвращения Марковича в Белград оmlадинское движение переживало кризис. Не будучи однородным с самого зарождения (1866), оно теперь еще больше раздиралось внутренними противоречиями, которые несли с собой зародыш ее будущего распада и гибели. На пути к своей цели Маркович столкнулся с представителями самого сильного течения в среде оmlадинского движения — либералами и их вождем Владимиром Йовановичем. Принципиальные расхождения между ними и Марковичем обнаружили еще в Цюрихе, где проездом останавливался В. Йованович по пути в Париж со специальным заданием сербского правительства. Затем борьба их перенеслась на страницы газет и не утасала до самой смерти Марковича⁵.

¹ J. Скерлич. Омладина и њена књижевност, стр. 278.

² «Србија», № 2 от 7 января 1870 г. Это четверостишие взято из известной поэмы Т. Г. Шевченко «Кавказ», написанной в 1845 г.

³ По этому поводу Маркович напечатал в № 20 газеты «Панчевац» за 1871 г. статью «Законитост у Великој Школи».

⁴ «Народное дело», № 3 от 31 мая 1870 г. Статья «Политическое и экономическое положение рабочего класса в Сербии».

⁵ Таковы статьи С. Марковича: Критика Младе Србадије (газета «Панчевац», 1870): «Јован рачун с Владимиром Јовановићем» (там же, август 1870 г., № 68—69);

«Одни хотят освободить народ народной инициативой,— писал Маркович,— эти идут в народ и действуют с ним вместе. Другие хотят освободить народ и командовать им,— эти ищут династии и министерские посты. Вам нужна партия, чтобы составить министерский кабинет,— продолжал он, обращаясь к либералам Омладины,— наше место — рабочая мастерская и сельская изба. Что же общего между теми и другими?»¹ Ошибочно думать, что полемика Марковича с В. Йовановичем носила личный характер или что в ней преобладали личные отношения². Напротив, она носила сугубо принципиальный характер. Критикуя направление омладинского органа «Млада Србадија» и разоблачая национализм Йовановича, Маркович вместе с тем разоблачал соглашательскую антинародную политику либеральной партии Сербии.

В полемике с Д. Станоевичем по вопросу о социалистическом государстве и буржуазной республике Маркович решительно высказывался против буржуазной демократии вообще³. Отвечая на возражения Станоевича, Маркович писал: ««Диктаторский коммунизм» является вымыслом бессовестных противников, а истинный аутентичный социализм есть учение Карла Маркса, которое в настоящее время имеет больше всего последователей в Интернационале. Он (Интернационал.— В. К.) первый указал пролетариату путь, которым можно решить социальный вопрос, а именно организацией пролетариата всех стран как единой партии»⁴. Интересы пролетариата и буржуазии противоположны, писал он, и, кроме революции, нет другого способа, чтобы разрешить социальный вопрос.

Победителем в этой полемике оказался Маркович. Станоевич вынужден был признать, что он не занимался изучением социальных вопросов и что этот пробел ему следует восполнить. После этого между Марковичем и Станоевичем установилось взаимопонимание, которое привело к тому, что на омладинской скупщине 1870 г. в Нови Саде они вместе боролись против либералов.

В это время, ведя борьбу на два фронта, Маркович принимал самое живое участие в деятельности сербской Омладины. Его трибуной была омладинская газета «Панчевац»⁵, стоявшая в оппозиции к господствующему режиму в Сербии и обнаружившая некоторые симпатии к социалистическому движению. Так, в 1871 г. здесь впервые был переведен на сербский язык «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса. Получив предложение стать редактором омладинского органа «Млада Србадија», Маркович надеялся, что ему удастся создать «газету тенденциозную, газету радикальной сербской партии, которая хочет осуществить самые прогрессивные принципы в сербском народе»⁶. Но убедившись, что

«Социализм или друштвено питање», журн. «Рад», 1874 г. Последняя как ответ на статью В. Йовановича «Социализм или друштвено питање». — «Гласник српског ученог друштва», кн. XXXIX, Београд, 1873, стр. 1—116.

¹ J. Скерлић. Указ. соч., стр. 42.

² К этому склоняется Скерлић. Так, например, он только «доктринерством» Марковича склонен объяснять полемику последнего с Драгишей Станоевичем.

³ В статье «Друштвена и политична борба у Европи», напечатанной в «Панчеваце» за 1870 г., Маркович нападает на буржуазную, несоциалистическую демократию. Д. Станоевич в этой же газете (№ 55—57) выступил с критикой, на которую в свою очередь Маркович ответил статьей «Критика на друштвену и политичку борбу у Европи».

⁴ J. Скерлић. Указ. соч., стр. 46—47.

⁵ Редактором «Панчеваца» был Иован Павлович — видный деятель левого крыла Омладины.

⁶ С. Маркович. Одговор д-ру Владану Ђорђевићу, стр. 8 (см. J. Скерлић. Указ. соч., стр. 50).

его «политические, научные и литературные принципы слишком значительно отличаются от мнения комитета»¹, с которым он должен был работать, Маркович 22 марта 1870 г. отказался от сделанного ему предложения. Однако это отнюдь не означало, что он оставил мысль о возможности изменить направление деятельности Омладины и ее органа «Млада Србадија». Напротив, он с еще большей энергией стал бороться за превращение Омладины в радикальную политическую партию. На V Омладинской скупщине в Нови Саде в августе 1870 г. Маркович вместе с 14 своими сторонниками предложил Омладине новую программу, представлявшую собой политическую программу сербских демократических кругов. Программа была составлена в духе революционно-демократических идей Марковича. Программа требовала полного суверенитета для сербского народа и самой широкой демократизации общественно-политического строя. Она предусматривала передачу всей полноты законодательной власти народу и создание ответственного перед народом правительства.

Скупщина избрала Марковича членом белградского комитета Омладины. Он принял это избрание (август 1870 г.) с намерением перенести центр омладинской деятельности из Воеводины в Сербию, чтобы начать «борьбу против всего тогдашнего политического и общественного порядка в Сербии»².

Возвратившись в Белград, Маркович с жаром взялся за создание местных омладинских комитетов по всей внутренней Сербии, рассылал книги, организовывал лекции и беседы, но скоро убедился, что либеральное большинство комитета не только не оказывает ему поддержки, а всячески тормозит работу комитета. Стало известно, например, что некоторые члены комитета донесли правительству, что Маркович и Станоевич организуют якобы антидинастический заговор.

18 января 1871 г. Маркович и Льочич заявили о своем выходе из белградского комитета. Этим самым они определили свое отношение к Омладине.

Планы Марковича создать из Омладины политическую партию потерпели неудачу. Но это не смутило его.

В статье «Накануне омладинской скупщины»³, напечатанной в газете «Раденик» («Работник»), первый номер которой вышел 1 июня 1871 г. в Белграде, Маркович сделал последнюю попытку превратить Омладину в партию, способную возглавить борьбу за коренные политические и общественные преобразования на революционно-демократических началах. Эта статья содержит крылатую фразу, ставшую программой деятельности его группы по национальному вопросу: «Освобождение одного народа от тирании другого есть только звено в цепи других свобод»⁴.

Когда венгерское правительство разогнало омладинскую скупщину 1871 г., Маркович встретил разгон с удовлетворением. Он предвидел этот конец, который был обусловлен всем ходом развития Омладины, «осудившей себя прозябать как неорганизованное и ненужное литературное общество»⁵. Пусть нас гонят, заявил Маркович в ответ на сообщение о решении венгерского правительства, «кто убежит с поля брани, тот сорняк среди молодежи»⁶.

¹ «Млада Србадија», 1870, стр. 50.

² Ц. Д., св. VII, стр. 108.

³ «Раденик», 1871, № 27—28.

⁴ Цит. по Скерличу, стр. 55.

⁵ Маркович. Пред омладинскую скупщину (см. Скерлич, Указ. соч., стр. 54).

⁶ «Застава», 1871, № 98.

17 августа 1871 г. состоялось последнее неофициальное собрание делегатов VI оmlадинской скупщины в Вршце, на котором Маркович прочитал доклад «О коммунизме»¹.

«Раденик» был первой газетой социалистического направления у южных славян. Формально ее редактором и издателем значился Джуро Льочич, но фактически главой газеты, ее душой был Маркович². Маркович явился властителем дум передовой сербской молодежи. Газета сразу же снискала себе ее симпатии. За сравнительно короткий срок число платных подписчиков на газету возросло до 1500. Успех был полный, если учесть, что другие газеты, выходившие в Сербии, насчитывали не более 600—800 читателей.

На страницах «Раденика» широко пропагандировались революционные идеи русских общественных деятелей и писателей. На сербский язык переводились произведения Чернышевского, Писарева, Флеровского и др. Много переводил лично сам Маркович. Из опубликованных в «Раденике» статей русских революционных демократов Маркович перевел две статьи Писарева: «Пчелы» и отрывок из его сочинения «Подростающая гуманность (сельские картины)» под названием «Разговор с либералом»³. В этот же период он начал переводить и «Очерки политической экономии (по Миллю)» Н. Г. Чернышевского, вышедшие позже отдельным изданием. Эти произведения русских мыслителей помогали сербским революционерам в борьбе против находившихся у власти либералов и их антинародного правительства. Примеру Марковича следовали и его соратники.

Сербская реакция, увидев в газете опасного врага, открыла поход против «Раденика». Гонение и клевета на газету и ее сотрудников увеличились еще больше, когда на ее страницах прозвучал страстный голос Марковича в защиту «мучеников свободы» — Парижской Коммуны⁴.

Основной огонь реакционной прессы (газет «Единство», «Видовдан») был направлен на Марковича. Его называли карагеоргиевцем, «турецким шпионом», «австрийским агентом», «петролейщиком»; распускали слухи, что Маркович и его друзья готовят «Коммуну» в дунайских странах и пр. На эти гнусные вымыслы Маркович ответил обличительной, полной ненависти к своим врагам статьей «Белый террор».

Наряду с деятельностью в газете Маркович много времени и труда отдавал пропаганде и организации производственных и потребительских товариществ (задруг), пытаясь найти в них опору для развертывания социалистического движения и способ разрешения социального вопроса в Сербии. С его помощью и при его непосредственном участии в 1871 г. были созданы сапожная, швейная и башмачная производственные задруги, первая потребительская дружина, а несколько позже — тележно-слесарная и

¹ Газ. «Народ», Нови Сад, 1871, № 99 (см. Скерлич, Указ. соч., стр. 55). Текст доклада нам, к сожалению, не удалось разыскать.

² Среди сотрудников «Раденика» были Н. Пашич, Павле Михайлович, Мита Ценич, Ефрем Маркович, Йован Алавантич, Стева Попович-Бели, Владимир Льотич, Джока Миятович и др.

³ См. статью «Д. И. Писарев и Светозар Маркович (из истории русско-сербских общественных связей)». — «Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР», 1952, № 9.

⁴ Статьи «Погибија Париске Комуне», «Париска Комуна и Интернационала». Кроме этих статей, Маркович напечатал в «Раденике»: «Година 1871», «Зближавање начелних партија», «Пред оmlадинску скупштину», «Словенска Аустрија» и «Српско единство», «Наш раднички програм», «Необични људи», «Руски револуционари и Нечајев» и др. Необходимо заметить, что ни одна из этих статей не вошла в собрание сочинений (Ц. Д.).

седельная дружины. Так как рабочий класс в Сербии отсутствовал, то работать приходилось среди ремесленников.

Это были первые сербские кооперативы. Маркович разрабатывал статуты задруг, организовывал просветительные лекции для их членов и даже принимал личное участие в их деятельности как продавец. Однако эти начинания, при всей их значимости, с точки зрения Марковича, не могли иметь успех в рамках монархической Сербии. Кроме внутренних причин, приведших в конце концов к их распадению, немало препятствий чинили полиция и правительство.

Между тем в начале 1872 г. для газеты «Раденик» наступили трудные дни. Цензура усилилась еще больше. Полиция ущемляла газету на каждом шагу. Марковичу было запрещено помещать статьи под своим именем. Против сотрудников газеты начались репрессии. Марковичу угрожал неминуемый арест. По настоянию друзей его ночью переправили на лодке через Саву в Австро-Венгрию.

Покинув Сербию, Маркович отправился в Нови Сад. После его эмиграции в Воеводину «Раденик» просуществовал недолго. В мае 1872 г. газета была закрыта.

В Нови Саде Маркович оказался в центре политической жизни сербов Воеводины. При всем различии его взглядов со взглядами либералов Воеводины их объединяло критическое отношение к политике белградского правительства. Кроме того, Светозар Милетиц, издатель газеты «Застава» и признанный вождь сербской либеральной партии Воеводины, был личным другом Марковича.

Здесь, как и в Белграде, Маркович развил активную и разностороннюю деятельность. В Нови Саде он закончил и напечатал одно из крупнейших своих произведений — «Сербия на востоке»¹, начатое еще в Белграде.

В этом произведении он задался целью с революционно-демократических позиций осветить историю сербского народа с начала XIX в. до 70-х годов. Этот труд Марковича положил начало революционно-демократическому направлению в сербской историографии. Кроме того, он пишет большую философскую работу «Реальное направление в науке и жизни»², много работает над экономической книгой «Начала народной экономики, или наука о благосостоянии»³ по Н. Г. Чернышевскому, как гласит подзаголовок книги.

Маркович знакомился с деятельностью новосадских ремесленных задруг. Используя свой белградский опыт, он помогал им советом и делом. 16 января 1872 г. в обществе «Радиност», секретарем которого был друг Марковича Джока Миятович, он выступил с лекцией на тему «Современные рабочие принципы по отношению к нашему народу»⁴, а несколько позже на собрании «Срба занатлија» («Сербов-ремесленников») говорил о «задаче наших дружин»⁵; организовал сербское общество обувщиков; помещал статьи в газете объединенных сербов-ремесленников «Глас занатлија»⁶.

Тесные связи Марковича с движением ремесленников в Воеводине не

¹ С. Марковић. Србија на истоку. Нови Сад, 1872.

² С. Марковић. Реални правац у науци и животу. Напечатана в журн. «Летопис Матице српске», 1871—1872 гг., кн. 112—113.

³ С. Марковић. Начела народне економије или наука о благостању. Београд, 1874.

⁴ С. Марковић. Сувремена радничка начела у односу на наш народ.— «Застава», №№ 10, 16, 1872.

⁵ С. Марковић. О задатку наших дружина.— «Застава», № 18—19, 1872.

⁶ «Пропадање заната и домаћа индустрија у Србији и др.

прекращались вплоть до запрещения венгерским правительством ремесленной организации «Друштво за радиност».

В Нови Саде в полной мере проявились способности Марковича как пропагандиста социалистических идей. Среди гимназистов старших классов его имя сделалось самым популярным. Под его влиянием формировались первые социалистические кружки среди сербской интеллигенции в Венгрии¹.

Вместе с Миятовичем² Маркович задумывает издавать социалистическую газету «Јединакост» («Равенство»), первый номер которой должен был выйти осенью 1872 г. Газету предполагалось сделать объединяющим центром для социалистов всех сербских земель. Был разработан план газеты, произведены все необходимые приготовления. Однако этой идее не суждено было осуществиться. Из-за материальных затруднений вышел только первый программный номер газеты³.

В первой половине 1872 г. Маркович познакомился с дочерьми бывшего директора новосадской гимназии Милицей и Анкой Нинкович. Это знакомство развилось потом в глубокую дружбу, которая не прекращалась до конца жизни Марковича. Сестры Нинкович восприняли социалистические идеи своего учителя и остались верны им до конца. Они были первыми сербскими женщинами, получившими университетское образование.

В июле 1872 г. в Цюрихе состоялся «конгресс» сербских социалистов, на котором присутствовали Маркович как представитель новосадских революционеров и Михаил Бакунин — создатель полуанархической «Славянской секции». Организаторами конгресса были сербы-бакунисты, учившиеся в Швейцарии. Сторонники Марковича (Перо Джорджевич⁴, сестры Нинкович и другие «светозаровцы») были в меньшинстве. На конгрессе была принята программа сербской социалистической партии⁵, составленная в духе анархических идей Бакунина.

Так называемая «практическая часть программы» отличалась крайней абстрактностью, изобличающей полное незнание ее авторов с сербской действительностью. Для развития социалистических идей среди масс сербского народа Бакунин предлагал, например, своим единомышленникам, сербам-бакунистам «захватить в свои руки основное образование, распространение просвещения» и т. д. (пункт 7), «распространять социалистическую пропаганду среди обеспеченной части сербского народа, особенно среди учащейся молодежи» (пункт 8).

Роль Марковича на конгрессе была пассивной. Личное участие Бакунина в конгрессе и его авторитет среди сербов-бакунистов помешали Марковичу выступить с критикой программы. «Я признаю свою ошибку, — писал он в письме от 5 августа 1872 г., — что сразу же решительно не выступил против Бакунина и не сказал, чтобы он не вмешивался в сербские дела, когда в них ничего не понимает⁶. Я думал говорить с ним совсем о других вещах, а не об организации сербской революционной партии⁷».

¹ «Летопис Матице Српске», кн. 358, св. 2—3, 1946, стр. 105—125.

² Как и многие другие, Миятович вместе с Марковичем в начале 1872 г. покинул Белград.

³ Этим номером газеты автор не располагал при работе над статьей.

⁴ Преданнейший друг Марковича. После смерти в 1874 г. оставил Марковичу все свое состояние для пропаганды социалистических идей.

⁵ См. J. Скерлић, Указ. соч., стр. 82—85.

⁶ Дневники Бакунина за июль 1872 г. отмечают несколько посещений Марковича и дискуссий с ним (см. цит. статью Е. Н. Кушевой, стр. 353).

⁷ J. Скерлић, Указ. соч., стр. 86.

Маркович был против создания программы партии в Цюрихе на чисто теоретической основе, в отрыве от сербской действительности и рассматривал ее только как проект. О цюрихских сербах-«социалистах» он писал, что «они не знакомы с элементарными принципами социализма и социальной революции»¹ и что «ни один из них не знает бакунинской теории целиком»². Бакунина как теоретика Маркович называл «недоделанным социалистом», а его программу для сербов считал «праздной».

Бакунину Маркович дал чрезвычайно меткую характеристику, отозвавшись о нем, как «абсолютно неспособном организаторе и неудачливом революционере»³.

Программа сербских социалистов осталась мертвой буквой. Однако она послужила причиной раскола их на две группы: сторонников Марковича⁴ и сторонников Бакунина⁵. Хотя бакунисты исключили Марковича из не существовавшей на деле сербской социалистической партии, но бакунизм так и не нашел почвы для своего развития в Сербии в период деятельности Марковича.

Говоря о новосадском периоде жизни Марковича, нельзя не упомянуть о том, что он прямо или косвенно принимал участие в деятельности тайных обществ членом сербской Омладины по подготовке восстания в турецких областях с целью освобождения и объединения всех сербов. Но, к сожалению, сведения об этом крайне скудны и противоречивы⁶.

Интересная статья Е. Н. Кушевой «Из русско-сербских революционных связей 1870-х годов»⁷ значительно расширяет наши представления об этом периоде деятельности Марковича. Е. Н. Кушева, привлекая не известный до сих пор документ, неопровержимо доказывает наличие русско-сербских революционных связей в 70-х годах XIX в. В свете новых данных, приведенных в статье, становится очевидным, что связи Марковича с русскими революционерами, установленные им в петербургский период его жизни, продолжали существовать и развиваться в Швейцарии и позже.

60—70-е годы в истории Сербии были эпохой интенсивного пробуждения национального самосознания. Революционное движение Сербии в этот период развивалось в условиях сильного национального подъема.

Повсюду возникали тайные комитеты. Один такой комитет был создан в Белграде, главным образом из представителей сербского офицерства. Особо активную деятельность в нем развил бывший артиллерийский офицер Милош Андреевич, который в 1872 г., будучи в Цюрихе, находился в тесном содружестве с русскими революционерами⁸. Центром по руководству тайными комитетами в подготовке восстания в турецких областях являлись омладинские круги в Воеводине. Во главе их стояли С. Милетич, Лаза Костич и другие общественные деятели Воеводины. План создания одной такой организации под названием «Дружина за ујединење и осло-

¹ I. Скерлић. Указ. соч., стр. 85.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Н. Пашич, Перо Велимирович, Вл. Љотич, Срета Анжелкович и др.

⁵ Таса Стоянович, Риста Данич, Джока Миятович и др.

⁶ Мнения различных авторов, упоминавших об этом, расходятся. Так, Скерлич в своей работе считает, что участие Марковича в тайном обществе не подлежит сомнению. Другие авторы придерживаются другого мнения. Трудности в освещении этих вопросов состоят в том, что мы не располагаем ни одной работой, в которой бы освещалось сербское революционное движение этого времени.

⁷ Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 343—358.

⁸ М. Андреевич принимал участие в попытке отбить Нечаева у полиции.

бођење српско» подробно обсуждался на нелегальных собраниях во время работы VI оmlадинской скупщины в Вршце в 1871 г. Этой националистической организацией, в которую входил также брат Светозара Марковича — Ефрем, готовилось восстание против Турции, которое предполагалось начать в Боснии и Герцоговине в феврале 1872 г. Однако, получив решительный отказ в поддержке замышлявшегося восстания со стороны сербского правительства и будучи не в состоянии своими силами организовать его, «Дружина» оставила эти планы¹.

О принципиальном расхождении Марковича с деятелями этой националистической организации в национальном вопросе свидетельствуют его выступления на VI оmlадинской скупщине. «Мы должны вести борьбу за освобождение всего нашего народа,— говорил Маркович, полемизируя с В. Ивановичем,— но в то же время мы должны вести борьбу и в собственном доме против наших собственных тиранов. Кто сам раб, тот никогда не может освободить другого»².

Маркович подчеркивал необходимость одновременного решения социального и национального вопросов.

Почти одновременно с деятельностью «Дружины» сербские бакунисты готовили переворот в Сербском княжестве, приурочивая его к восшествию на престол князя Милана Обреновича (10 августа 1872 г.). Этим переворотом должна была руководить группа «сербских братьев», созданная Бакуниным. Попытки бакунистов поднять восстание в Сербии, конечно, ни к чему не привели и окончились, как всегда, бурей в стакане воды.

Близко к кружку сербов-бакунистов по своей организации, формам и методам борьбы стояла группа сербов, испытывавшая на себе влияние сначала Нечаева, а затем Турского и его якобинского кружка «Cercle Slave», возникшего в 1873 г.

Ни с одним из этих кружков и групп Маркович и его сторонники не были связаны организационно. Вокруг Марковича сплотилась группа революционной сербской молодежи, которая расходилась по основным программным вопросам со всеми тремя вышеупомянутыми организациями. Однако о деятельности этих организаций Маркович знал: более того, каждая из них стремилась привлечь его в число своих членов³. Но эти попытки ни к чему не привели.

Зная о деятельности оmlадинской организации «Дружина» через брата Ефрема, Светозар Маркович, однако, не разделял ее планов. Это привело одно время к серьезным разногласиям между братьями.

Попытки Бакунина и сербских бакунистов привлечь на свою сторону Марковича окончились решительным разрывом.

Судить об отношении Марковича к С. Нечаеву и группе Турского у нас нет достаточных данных. Важная статья Марковича «Русские революционеры и Нечаев»⁴, которая помогла бы разобраться в этих отношениях, к сожалению, нам недоступна, так как она не вошла в собрание его сочинений. Однако, судя по косвенным данным, отношение Марковича к Нечаеву было отрицательным.

¹ См. упомянутую статью Е. Н. Кушевой, стр. 352.

² «Наша књижевност», св. 9, 1946, стр. 126.

³ Этим, возможно, объясняется присутствие имени Марковича в списке Ковальского, особенно если иметь в виду, что Маркович хорошо был знаком с В. М. Александровым (см. статью Е. Н. Кушевой).

⁴ «Раденик», 1871, № 29—31, 37.

После того как мы уяснили себе отношение Марковича и его группы к революционным кружкам различных направлений, естественно возникает вопрос — к кому же принадлежал Маркович?

В известной мере мы уже ответили на этот вопрос, когда говорили, что Маркович был агентом-корреспондентом от Сербии в русской секции I Интернационала и сотрудником газеты этой секции «Народное дело». Он считал себя последователем Интернационала и сторонником Маркса. Именно Марковича и его группу имел в виду Комитет русской секции, когда в письме к Марксу от 12 марта 1870 г. сообщал: «Последние (сербы.— В. К.) имеют уже обширную организацию под названием *Омладина*, в рядах которой сербские сторонники Интернационала¹ надеются распространить эту идею, несущую возрождение»².

Однако справедливость требует заметить, что хотя Маркович и был знаком с основными работами Маркса и внимательно их изучал, но выросши и живя в отсталой стране, где еще не было рабочего класса, он не мог стать марксистом.

Маркович разделял взгляды той части русской молодежи, которая, как и он, считала своим учителем и непререкаемым авторитетом Н. Г. Чернышевского, как и он, сочувствовала марксизму, приветствовала появление I Интернационала, боролась против мелкобуржуазных врагов марксизма, прудонистов и бакунистов, но которая, как и он, не поднялась еще до понимания исторического материализма и всемирно-исторической роли пролетариата.

В конце 1872 — начале 1873 г. Маркович переживал тяжелые дни. Бескорыстная помощь брата не могла длиться бесконечно. Маркович терпел большую материальную нужду³. Нередко у него даже не было хлеба. Все это незамедлительно сказалось на его слабом здоровье. Болезнь, обнаружившаяся еще в Петербурге, обострилась. Враги его не щадили, а у друзей на минуту закралось сомнение в чистоте и благородстве намерений Марковича. Эти сомнения возникли в связи с полемикой Марковича с Владаном Джорджевичем. Последний за недостатком научных доводов не брезговал в полемике никакими вымыслами, называя Марковича агентом черногорского владыки, обвиняя его в сотрудничестве с Карагеоргиевичами с целью свержения правящей династии в Сербии и т. п.

На все эти обвинения Маркович ответил Джорджевичу в брошюре под названием «Ответ г. д-ру Владану Джорджевичу на его «открытое письмо» в «Единстве»», показав все теоретическое убожество бывшего «республиканца»⁴.

Летом 1872 г. Маркович написал наместнику Блазнавацу письмо, в котором отрицал приписываемые ему «грехи» и выяснял возможность своего возвращения в Сербию. Блазнавац злоупотребил письмом, распустив по Белграду слух о том, что будто Маркович, чтобы оправдать себя, обвиняет своих политических друзей и даже родного брата. Враги Марковича от

¹ Подчеркнуто нами.— В. К.

² «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», Госполитиздат, 1951, стр. 36. Ср. заключительные слова Марковича в статье «Политическое и экономическое положение рабочего класса в Сербии»: «Надеемся твердо, что в очень недалеком будущем интернациональная пропаганда быстро разовьется в Сербии и интернациональная организация охватит собой и торговые и сельскохозяйственные союзы народа» («Народное дело», 1870, № 3).

³ Сообщение в «Заставе» этого периода с просьбой прислать деньги за книгу «Србија на истоку» только подтверждает это.

⁴ С. Маркович, Отверг г. д-ру Владану Борбевичу на његово «отворено писмо» у «Единству». Нови Сад, 1872.

либералов до бакунистов всюду распространяли эту гнусную ложь. Заведомая клевета Блазнаваца имела успех. На требование Марковича опубликовать целиком письмо лукавый регент промолчал.

Все это вместе взятое создало тяжелый моральный кризис. «Это были самые тяжелые дни моей жизни»¹, — писал позже Маркович. Единственный выход из положения он видел в работе, которая бы захватила его целиком. Такую работу можно было найти только в Сербии. И Маркович решил вернуться на родину. «Мое дело в Сербии. Я долго и долго об этом размышлял. И действительно, чем больше об этом думаю, тем больше убеждаюсь, что другого пути нет»², — писал он сестрам Нинкович 8 января 1873 г.

Приказ венгерской полиции в марте 1873 г. о высылке Марковича из Нови Сада только ускорил исполнение уже принятого решения. Маркович переехал в Сремские Карловцы, оттуда в Земун и, несмотря на отговоры брата, твердо решил ехать в Сербию, хотя это грозило ему тюрьмой.

Итак, пробыв в изгнании свыше года, в апреле 1873 г. Маркович снова возвратился на родину. В Белграде он был арестован за старые «преступления» в печати, но на следующий день был уже освобожден по приказу бывшего регента (в тот момент — министра) Ристича, который надеялся своим великодушием смирить непримиримый дух больного и уставшего Марковича.

Иван Скерлич бесосновательно считает, что из изгнания Маркович вернулся другим человеком, изменившим свои взгляды и программу, убежденным, что следует идти другим путем, путем, добавляет от себя Скерлич, буржуазного радикализма. «В 1872 г. — пишет Скерлич, — Маркович покинул Белград как социалист доктринер, — верный абсолютным идеям пролетарского социализма Интернационала; в 1873 г. он возвратился в Белград поколебленный в своей социалистической вере, с убеждением, что в смысле рабочего социализма нельзя ничего делать в экономически неразвитой, земледельческой Сербии...»³

Поводом для такого неверного в корне суждения послужили слова из письма Марковича от 25 декабря 1872 г., в котором он, говоря о своем намерении вернуться в Сербию, писал: «Вся моя деятельность с самого начала была ошибочной. Теперь нужно создавать новую основу (сад се мора ударити нов темель), а для этого необходимо много и много работать»⁴. В этом письме Марковича речь шла об изменении тактических приемов борьбы, выразившихся в том, что Маркович перешел к непосредственным политическим задачам, вытекавшим из обстановки. Но это не было отступлением от социализма и социалистических принципов, верность которым Маркович засвидетельствовал своей последующей, к сожалению, уже недолгой жизнью и деятельностью в Сербии.

Впервые за всю свою неустанную деятельность Маркович почувствовал, что прежде чем снова взяться за дело, необходим отдых. Май и июнь 1873 г. он провел в Ягодине среди родных и знакомых. По совету врачей, с 1 июля по 7 августа Маркович находился на излечении в Аранжеловаце, на Буковицких минеральных водах.

¹ «Наша књижевност», 1946, св. 9, стр. 127.

² И. Скерлич. Указ. соч., стр. 89.

³ Там же, стр. 91.

⁴ Там же.

Отдых и лечение постепенно восстановили силы. «Беспечная буржуазная жизнь», по словам Марковича, стала ему надоедать, и он уже думал о новой работе. «С моей слабостью покончено,— писал он осенью 1873 г. сестрам Нинкович,— я всегда вас уверял, что я имею очень жилистый организм и могу быстро поправиться совсем... Чего мне недостает, так это дела¹, которое бы захватило меня всего и которое дало бы возможность исправить старые ошибки, чтобы вернуть моральное спокойствие и свое человеческое достоинство...»² Такое дело, действительно, вскоре нашлось.

На этот раз центром деятельности был избран не бюрократический Белград, а Крагуевац — старая столица, главный город Шумадии. Здесь, в сердце тогдашней Сербии, заседала Народная скупщина, здесь было много единомышленников Марковича и среди интеллигенции и среди рабочих военного литейного завода.

Еще в марте 1873 г. в Крагуеваце разнородной в социальном отношении группой прогрессивно настроенных людей, офицеров и чиновников, было основано акционерное типографское общество для издания газеты. Вскоре была приобретена «Крагуевацкая общественная типография». 2500 дукатов внес Перо Тодорович из полученного им отцовского наследства и около 1000 дукатов внесли остальные участники. Комитет «Крагуевацкой общественной типографии» избрал Марковича платным редактором³. 8 (20) ноября 1873 г. вышел первый номер газеты «За науку и политику» — «Јавност» («Общественность») под его редакцией. По характеру газета значительно отличалась от «Раденика». В центре ее внимания стояли вопросы не теоретического характера, а практические задачи повседневной борьбы. Это был тактический прием, обусловленный рядом причин, за которыми ясно была видна главная цель: заинтересовать как можно больше людей в непосредственном решении политических и общественных вопросов, подготовить сторонников для новой партии. «Это обычная тактика в борьбе,— писал Маркович,— сначала нужно завоевать одну, но решающую позицию, с которой нам в дальнейшем будет открыт путь для окончательной победы»⁴.

«Јавност» обращала большое внимание на нужды широких народных масс. Этим в значительной мере объяснялся ее успех. За два месяца газета уже имела около 1100 платных подписчиков, и число их, а также число читателей и корреспондентов, в дальнейшем неизменно возрастало.

Сразу же по выходе первого номера «Јавности» крагуевацкая полиция взяла газету под особый надзор. По приказу военного министра председатель комитета общественной типографии Савва Груич, управитель оружейной фабрики в Крагуеваце, 24 декабря 1873 г. был уволен со службы. По приказу правительства оставили общество и другие офицеры. В типографии водворился специальный чиновник. 15 (27) января 1874 г. Маркович как писатель, а Дмитрий Стойкович как ответственный редактор были арестованы и отданы под суд за «преступления» в печати. 28 дней, проведенных Марковичем в следственной тюрьме, сильно подорвали его здоровье.

¹ Подчеркнуто Марковичем.— *Ред.*

² Ј. Скерлић. Указ. соч., стр. 92.

³ В комитет входили, кроме Марковича, Савва Груич, Н. Пашич, Перо Тодорович, Перо Джорджевич, Стефан Попович, Светозар Милославевич. Эти лица на одном тайном заседании приняли для газеты «практическую политическую программу», которая в дальнейшем должна была послужить основой для программы новой партии (см. статью «Революционно-демократическая программа Светозара Марковича». — «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. 6, М., 1952, стр. 60—88).

⁴ Письмо от 7 ноября 1873 г. см. Ј. Скерлић. Указ. соч., стр. 94.

Суд состоялся 20 февраля (4 марта) 1874 г. Марковичу были инкриминированы его статьи в 7, 13 и 23-м номерах «Јавности»¹. «Г. Маркович,— говорил в своей речи государственный обвинитель Джордже Стефанович,— вообразив, что он тот ожидаемый мессия, который реформирует эту страну в духе социалистических начал, своим отравленным пером... напал на народную скупщину...»² и важнейшие учреждения страны. В лице Марковича обвинитель видел крайне опасного человека, который критиковал не только скупщину и депутатов скупщины, назначенных правительством, но и сомневался в допустимости установленных конституцией прав князя, оправдывая народные восстания против правителей.

Судебный процесс над Марковичем привлек огромную массу народа, главным образом жителей Крагуеваца, которые не расходились в течение 24 часов в ожидании приговора. Блестяще аргументированная защитительная речь Марковича оказала большое влияние на общественное мнение Сербии.

Маркович был осужден на полтора года тюремного заключения. Решением апелляционного суда от 20 марта 1874 г. этот срок был уменьшен до девяти месяцев, считая со дня вынесения приговора. 24 апреля Маркович прибыл в пожаревацкую тюрьму для отбывания срока. Здоровье его к этому времени резко ухудшилось. Время в промежутке между вынесением приговора и решением апелляционного суда, проведенное на свободе, было занято лихорадочной работой по подготовке статей для «Јавности». Это еще больше подорвало его силы. Современники, знавшие близко Марковича, считали, что осуждение для него равносильно смерти. «Кто знает, что такое пожаревацкая тюрьма и как там поступают с политическими заключенными,— писал 22 февраля белградский корреспондент в «Заставе»,— то нельзя сомневаться, что Светозар Маркович не увидит больше света, что там он и найдет свою могилу»³.

Но Маркович как будто не замечал или не хотел замечать этого. Как только с помощью тюремного лекаря поляка Ясневского ему удалось перейти в камеру к Срете Анджелковичу, он снова начал работать. Много читал на французском языке, изучал английский, подготавливал к печати первую часть «Народной экономии», которую он переслал Перо Тодоровичу для печати, писал статьи в газеты.

Между тем решением министра внутренних дел А. Чумича газета «Јавност» была закрыта. Но уже 15 июля стала издаваться новая газета «Глас Јавности» («Голос общественности») того же направления. В новой газете Маркович поместил свои статьи «Суд», «Срез», «Народная скупщина» и др. Однако газета «Глас Јавности» просуществовала недолго. Она была подорвана изнутри. Возобладаввшие в комитете либералы (председатель — правый либерал Никола Остоич) изменили направление газеты, удалив прежних сотрудников. Потеряв своих старых подписчиков, газета прекратила существование.

¹ «Застава», № 28 от 5 (18) марта 1874 г. (№ 7 — статья Марковича с критикой скупщинского адреса князю; № 13 — передовая «Јавности», особенно слова Марковича, что «народ всегда считал, что он имеет право смещать одного князя, который дурно поступает, и выбрать другого, в которого больше верит, что он будет поступать хорошо»; прокурор усмотрел в этих словах поддержание в Сербии революционного духа против правителя и призыв к бунту; № 23 — передовая «Јавности»: «Слободна штампа и жандармерија», содержащая, по мнению прокурора, оскорбление народных посланников и характеризовавшая скупщину как орудие власти имущих.

² «Застава», 1874, № 28. «Преска парница...»

³ Там же, № 26.

Но дело, начатое Марковичем в «Јавности», не погибло. Оно было продолжено Перо Тодоровичем в издававшемся им социалистическом журнале «Рад» («Труд») ¹, который начал выходить с конца 1874 г. в Белграде. Маркович, находясь в тюрьме, давал указания Тодоровичу, просил его сделать все, чтобы «не погубить дело в самом начале, особенно теперь, когда мы и так ограничили наши начала и уже ощущаем тяжесть от такого ограничения, чтобы только получить кусочек твердой земли для дальнейшей работы...» ²

Маркович — главный сотрудник журнала. В нем он напечатал работы «Општинска и приватна својна», «Кто руши напредак и својину?» и несколько полемических статей. В «Раде» вышла его большая работа «Социализм или друштвено питање», которая не только подводит итог затянувшейся полемике Марковича с В. Йовановичем, но и, что особенно важно, является также последней работой Марковича, в которой он предельно ясно и четко сформулировал свое общественно-политическое кредо, свои программные принципы. Статья заканчивается кратким определением практической программы Марковича и его группы. «Социальное преобразование внутри, на основе народного суверенитета и общинного самоуправления; революция в Турции и федерация на Балканском полуострове. Такова, — заключал Маркович, — ясная программа, которую выдвинули социалисты в Сербии с того момента, когда они появились как общественные деятели» ³.

Из пожаревадской тюрьмы, которую Маркович, используя выражение Достоевского, называл «мертвым домом», он вышел 16 (28) ноября 1874 г. совершенно больным. Но словно предчувствуя, что дни его сочтены, не думая об отдыхе, Маркович снова принялся за дело.

Весной 1874 г. прекратились студенческие волнения в учительской школе в Крагуеваце, в земледельческой школе в Пожареваце, на богословском факультете в Белграде. Общество «Побратимство», основанное Марковичем в 1871 г. в Великой школе и закрытое правительством, возобновило деятельность. В скупщине борьбу с бюрократией и либералами возглавила группа сторонников Марковича во главе с Адамом Богосавлевицем. Реакция также активизировалась: были арестованы и осуждены на каторгу бывшие сотрудники «Раденика» Мита Џенич и Йован Алавантич.

Остро ощущалось отсутствие политической газеты, которая взяла бы руководство движением в свои руки. Оказавшись в Белграде, Маркович отвергает советы брата и друзей прекратить борьбу и вместе с Перо Тодоровичем готовит очередной номер «Рада», в котором помещает свою статью «Вера и наука — и образовање у народном правцу» в защиту протеста 30 студентов Высшей школы, выступавших против реакционного приказа министра просвещения.

Статья вышла 22 ноября 1874 г., когда Маркович уже был в Крагуеваце. Здесь он застал на смертном одре своего лучшего и преданнейшего друга и соратника Перо Джорджевича, который завещал ему все свое состояние в 1200 дукатов для пропаганды новых идей ⁴.

¹ В «Раде» печаталось много переводов сочинений Чернышевского, Писарева, Лаврова.

² Ј. Скерлић. Указ. соч., стр. 100.

³ «Наша књижевност», 1946, св. 9, стр. 131. Этой работой целиком мы, к сожалению, не располагаем.

⁴ Значительную часть этих денег Маркович передал сестрам Нинкович для основания женской школы в Крагуеваце.

К этому времени в комитете общественной типографии в Крагуеваце активизировались сторонники Марковича. 1 января 1875 г. вышел первый номер новой газеты Марковича «Освобождение». Несмотря на совершенно подорванное здоровье, Маркович в газете был всем: от корректора до редактора и администратора включительно. Газета была принята передовым обществом с восторгом. Маркович уже не был одинок. Его поддерживало широкое массовое движение в стране. После первого же номера число подписчиков возросло до тысячи. Открыто говорили, что полиция готовит Марковичу новую тюрьму, но это не устрасило его. Отвечая на клеветнические измышления своих врагов, Маркович писал:

«Я принадлежу к тому поколению людей, которые решились не иметь ничего общего с нашими политическими бунтами, переворотами и заговорами, которые как раз и начинают свою деятельность только после 1868 г. Мы совершенно равнодушны к той партийной борьбе, личной ненависти и личным партийным отношениям, которые отсюда проистекали. Мы перенесли нашу борьбу на поприще общественного государственного преобразования, на изменение законов и учреждений страны.»¹

Только тогда, когда силы иссякли и рука не могла больше держать перо, он согласился на время оставить газету и поехать лечиться.

20 января в «Освобождении» было объявлено, что из-за болезни Маркович временно вынужден покинуть Крагуевац и что редактирование газеты передается Срете Анджелковичу. «Газета, — говорилось в сообщении, — ничего не изменит ни в направлении, ни в содержании — в этом читатели могут быть уверены»².

Простившись с родными в Ягодине, Маркович поехал в Вену. Отсюда он направил большое послание «Перо (Тодоровичу. — В. К.) и остальным друзьям» и свою последнюю статью «Опять освобождение».

В Вене Маркович пробыл свыше месяца, отсюда по совету врачей направился на юг, к морю, в Далмацию, надеясь еще побороть роковую болезнь. 18 февраля он прибыл в Триест и остановился в Hôtel de la ville. Здесь болезнь усилилась; Маркович слег в постель. Из гостиницы в Триесте он был перевезен в городскую больницу (Hospital Civico), где и скончался 26 февраля (10 марта) 1875 г. от общего туберкулеза. Приехавший в Триест брат Ефрем уже не застал Светозара в живых. По его указанию тело Марковича было перевезено в Ягодину и погребено 17 (29) марта 1875 г.

Весть о смерти Марковича глубоко потрясла его друзей и единомышленников и получила широкий отклик не только в Сербии, но и далеко за ее пределами³.

Перо Тодорович, друг и соратник Светозара, в своем журнале «Рад» за 1875 г. писал: «Светозар Маркович более всех содействовал развитию социализма в Сербии. Как достойный ученик своего великого учителя Чернышевского он имел на сербскую молодежь совершенно такое же влияние, какое имел Чернышевский на русскую»⁴.

¹ J. Скерлић. Указ. соч., стр. 104—105.

² J. Скерлић. Светозар Маркович, његов живот, рад и идеје. Београд, 1922, стр. 105.

³ Некрологи были опубликованы в следующих изданиях: «Застава», «Нови Сад», «Radnicki prijatelj» (№ 26 и 31); Загреб, «Arbeiter Wochenblatt» (Пешт, № 11); в органе немецкой социал-демократии «Volksstaat» (Лейпциг); в русском журнале «Вперед» (Лондон, № 5 и 7) и многих других. См. «Новосадские некрологи С. Марковичу». — «Летопис Матице српске», кн. 258, св. 2—3, стр. 254—257.

⁴ Цит. по «Вперед», 1875, № 7, стр. 212.

Сообщая о преждевременной смерти (на 29 году) «нашего друга Марковича», неукротимого и страстного революционера, которого не могли сломить никакие козни и преследования его врагов, орган русских революционеров в Лондоне журнал «Вперед» отмечал, что «народное дело потеряло в нем одного из лучших своих борцов»¹.

«Народ потерял в нем своего друга, свобода — одного из отважнейших борцов, — писала газета «Освобождение», не задолго перед тем основанная Марковичем. — Его труд увековечил его... Его труд, его имя неразрывно связаны с будущим»².

Когда весть о смерти Марковича достигла Нови Сада, несколько дней спустя здесь была опубликована прокламация, обращенная к друзьям покойного. «Наш путь начертан, — говорилось в прокламации, — наш знаменосец пал, но высоко реет его светлое знамя»³. Прокламация призывала друзей и сторонников Марковича собраться под этим знаменем, работать среди народа и для народа.

Оглядываясь на трудный и тернистый путь, проделанный Марковичем за удивительно короткий срок (пять лет) и в самых неблагоприятных условиях, нельзя не признать, что труд этот был настоящим подвигом, который по плечу лишь немногим. Светозар Маркович имел все основания с гордостью сказать о себе и о своих друзьях социалистах: «Мы сделали все, что могли и что должны были сделать»⁴.

В тогдашних условиях общественного развития Сербии Маркович не мог, конечно, указать народу правильный, научный путь его полного и окончательного освобождения, но он сделал очень много для просвещения народных масс и воспитания их в революционном духе. Маркович, так же как его великий русский учитель Н. Г. Чернышевский, «умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»⁵.

На примере Светозара Марковича мы еще и еще раз убеждаемся в том, что «...беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы...»⁶

Пророчески звучат сегодня заключительные слова новосадской прокламации: «Потеря крупной силы не ослабит пробуждающегося движения среди сербского народа. Из праха Светозара, измученного, искалеченного, убитого эксплуататорами, нарождаются новые мстители за вековую неволю сербского народа»⁷.

Эти новые мстители пришли, когда началось движение широчайших народных масс, когда пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян.

Могучий подъем революционного движения югославского пролетариата начался под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России. «После Великой Октябрьской социалисти-

¹ «Вперед», 1875, № 5.

² «Вперед», 1875, № 7.

³ Там же.

⁴ Ц. Д., ч. VII, стр. 57.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 97.

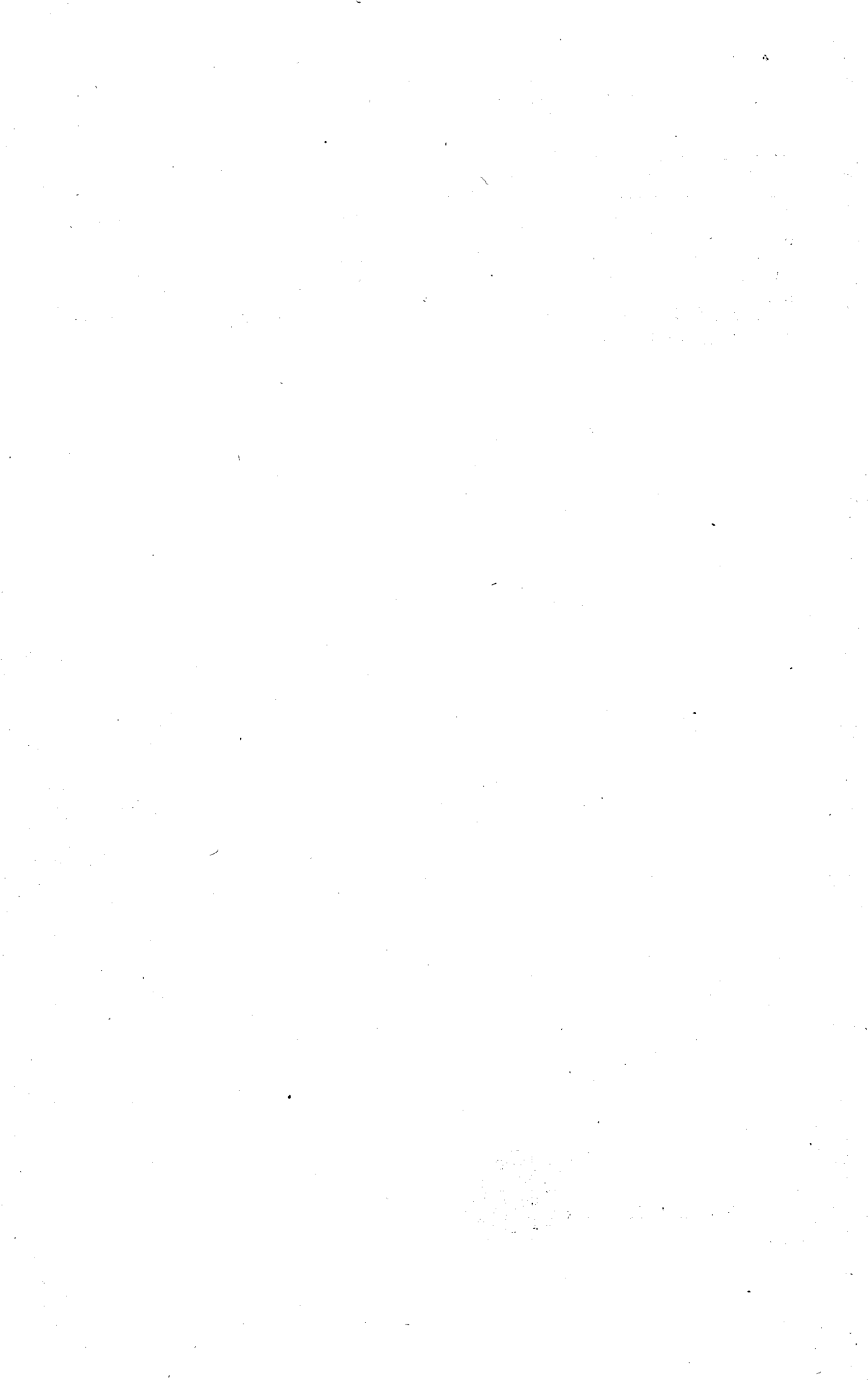
⁶ Там же, т. 18, стр. 15.

⁷ «Вперед», 1875, № 7, стр. 213.

ческой революции,— говорил в приветственном выступлении на XIX съезде партии председатель правления «Союза югославских патриотов» Перо Попивода,— советский народ оказывал Югославии помощь под знаком интернационалистических идей Ленина и Сталина, в результате чего рабочее движение в Югославии приобрело подлинно революционный характер»¹.

Ныне в Югославии снова растет и ширится движение трудящихся масс за возврат страны в лагерь мира, демократии и социализма, за нерушимую дружбу с братским русским народом, за союз со странами народной демократии и СССР, в лице которого народы всего мира видят светлый маяк, освещающий им путь к миру и социализму.

¹ «Правда», 14/X 1952 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>С. И. Прасолов.</i> Чехословакия в годы угрозы фашизма и гитлеровской агрессии (1933—1937 гг.)	5
<i>Ю. А. Писарев.</i> Нарастание революционной ситуации в Сербии, Хорватии и Словении в 1917—1919 гг. и интервенция Антанты	144
<i>В. И. Пичета.</i> К истории восстания Костюшко	179
<i>В. Д. Королюк.</i> Русская дипломатия и подготовка вступления Речи Посполитой в Северную войну	210
<i>В. И. Злыднев.</i> Общественно-политические и литературные взгляды Ивана Вагова 70—80-х годов	277

СООБЩЕНИЯ

<i>В. М. Турок.</i> Кризис реакционного режима Габсбургов	327
<i>В. Г. Карасев.</i> Сербский революционный демократ Светозар Маркович (Очерк общественной и публицистической деятельности)	368

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *И. И. Костюшко*
Технический редактор *Е. В. Зеленкова*

*

РИСО АН СССР № 51-54В, Т-04859. Издат. № 3811.
Тип. заказ № 1121, Подп. к печ. 18/VII 1953 г.
Формат бум. 70×108³/₁₆. Бум. л. 11,87.
Печ. л. 32,53. Уч.-издат. л. 34,80. Тираж 2500.
Цена по прейскуранту 1952 г. 22 р. 40 к.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
16	1 стр.	57	1
59	3 стр.	8/II	8/IX
75	26 стр.	Промышленного	Производственного
134	6 стр.	9 ноября	9 октября
339	6 стр.	² Herron Heinrich Zammasch's [и т. д.]	³ Herron. Указ. соч., стр. 192.

Ученые записки, т. VII

